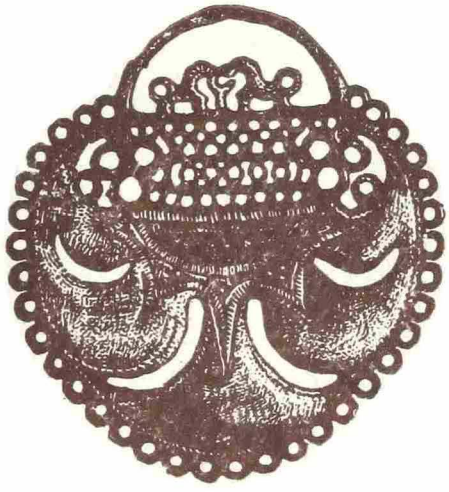
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1979

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, *О. Н. Бадер*, *В. Д. Блаватский*,
Н. Н. Гурина, *Л. В. Кольцов* (отв. секретарь),
В. В. Кропоткин, *Л. Р. Кызласов*, *В. М. Массон*,
Р. М. Мунчаев, *А. П. Окладников*, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Формозов А. А. (Москва). О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства 5
Горбунова Н. Г. (Ленинград). Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы) 16
Воробьев В. М. (Калинин). Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий 35
Хлобыстина М. Д. (Ленинград). Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятники социальной истории 48
Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Гуман М. А. (Москва, Ленинград). Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке 63
Циркин А. В. (Кемерово). К вопросу о происхождении городецкой культуры в Мордовии 82
Равдина Т. В. (Москва). Погребения с древнерусскими сребрениками . . 91
Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. (Ленинград). Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований 103

Публикации

Гей А. Н. (Москва). Самсоновское многослойное поселение на Дону . . . 119
Членова Н. Л. (Москва). Нижняя Коя — новый могильник карасукской эпохи в Минусинской котловине 132
Завьялов В. А. (Ленинград). Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. 141
Сымонович Э. А. (Москва). Ромашковский могильник — первый черняховский памятник Подпепровья 155
Афанасьев Г. Е. (Москва). Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска 171
Магомедов М. Г. (Махачкала). Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта 186
Буров В. А. (Москва). Соседи бояр Мишиничей — Онцифоровичей по Хлопьей и Кузьмодемьянской улицам (XIV—XV вв.) 203
Шилов В. В. (Серпухов). Надгробные плиты с надписями из Серпухова . . 214

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1979 г.

Заметки

Ксензов В. П. (Минск). Позднемезолитическое поселение Береговая Слобода на Днепре (по раскопкам 1977 г.) 227
Колотухин В. А. (Симферополь). Поселение кизил-кобинской культуры в Холодной балке у Симферополя 233
Воронов Ю. Н. (Сухуми). Самая высокогорная находка бронзового изделия на Кавказе 238
Дергачев В. А. (Кишинев). Раннескифское погребение на Среднем Пруте 239
Никитина Г. Ф. (Москва). Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой области 241
Рубан В. В. (Николаев). Литейная форма с поселения Козырка XV . . . 249
Скорый С. А. (Симферополь). Меч из собрания Крымского краеведческого музея 258
Гришин Ю. С. (Москва). О находках расписных сосудов в гуннских могилах Монголии 260
Сарианиди В. И. (Москва). Об одной группе культовых изделий Бактрии 262
Суразаков А. С. (Москва). Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области 265
Гмыря Л. Б. (Махачкала). Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н. э. 269
Белецкий В. Д., Белецкий С. В. (Ленинград, Москва). Сосуд из могилы псковского князя Всеволода — Гавриила Мстиславича († 1138 г.) 275
Кызласов И. Л. (Москва). Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века 280

Критика и библиография

Матюшин Г. Н. (Москва). Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976 291
Громов В. И. Борисковский П. И. Возникновение человеческого общества. Григорьев Г. П. Палеолит Африки. Л., 1977 297
Окладников А. П. (Новосибирск). Палеолит Африки — важный вклад в советскую историческую науку 303
Хазанов А. М., Шкурко А. И. (Москва). Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977 311

Хроника

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. (Москва). Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия? 320
Памяти Станчо Ваклинова (Станчева) 328
Валериан Иннокентьевич Громов 330

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1979

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Formozov A. A. (Moscow). On some problems of the investigation of the Prehistoric art 5
Gorbunova N. G. (Leningrad). Some results of the archaeological survey in Fergana region 16
Vorobyev V. M. (Kalinin). Some contributions to studies of mesolithic cutting tools 35
Hlobystina M. D. (Leningrad). The most ancient cemeteries of the Lower Dnieper region as the monuments of social history 48
Hotinski N. A., Folomeev B. A., Guman M. A. (Moscow, Leningrad). Archaeological and palaeogeographic investigations in the Middle Oka region . . 63
Tzirkin A. V. (Kemerovo). On the genesis of the Gorodetz culture in Mordovia 82
Ravdina T. V. (Moscow). Burials with the ancient Russian coins («srebreniki») 91
Kirpichnikov A. N., Ovsyannikov O. V. (Leningrad). The fortress Koporye in the light of the latest architectural-archaeological investigations 103

Publications

Gey A. N. (Moscow). The Samsonovskoe site at the Don river 119
Chlenova N. L. (Moscow). Nizhnyaya Koya — the new cemetery of the Karasuk epoch in the Minusinsk depression 132
Zavyalov V. A. (Leningrad). The excavations of a late-Kushanian quarter at the fortified settlement Zar-tepe in 1975—1976 141
Symonovich E. A. (Moscow). The cemetery Romashki — the first site of the Chernyahovo culture in the Dnieper region 155
Afanasyev G. E. (Moscow). The new finds in Mokraya Balka near Kislovodsk 171
Magomedov M. G. (Mahachkala). The early medieval churches of the Upper Chiryurt 186
Burov V. A. (Moscow). The neighbours of the boyars Mishinichi — Onciforovichi in the Holopya and Kozmodemyanskaya streets (Novgorod) 203
Shilov V. V. (Serpukhov). The tombstones with inscriptions from Serpukhov 214

Notes

Ksenzov V. P. (Minsk). The late mesolithic site Beregovaya Sloboda at the Dnieper river (excavations of 1977) 227
Kolotuhin V. A. (Simferopol). The site of Kizil-Koba culture in Holodnaya balka near Simferopol 233
Voronov Yu. N. (Suhumi). The most Alpine find of a bronze artifact at the Caucasus 238
Dergachev V. A. (Kishinev). The early Scythian burial in the Middle Prut region 239
Nikitina G. F. (Moscow). A pit-dwelling of the Scythian epoch near village Oselivka in the Chernigov region 241
Ruban V. V. (Nikolaev). A casting form from the site Kozyrka XV 249
Skori S. A. (Simferopol). A sword from the collection of the Krimean Museum 258
Grishin Yu. S. (Moscow). On the finds of painted vessels in the Hun burials in Mongolia 260

Sarianidi V. I. (Moscow). On one group of Bactrian cult artifacts 262
Surazakov A. S. (Moscow). An iron dagger from Achik valley in the Gorno-Altayskaya autonomous region 265
Gmyrya L. B. (Mahachkala). Clay coppers of the Ist millenium A. D. from the Andreyaul fortified settlement 269
Beletzki V. D., Beletzki S. V. (Leningrad, Moscow). A vessel from the grave of the Pskov prince Vsevolod-Gavriil Mstislavich (+1138) 275
Kyzlasov I. L. (Moscow). New data on the Ujguro-Hakassian wars in the IX century 280

Reviews and bibliography

Matyushin G. N. (Moscow). Simchenko Yu. B. The culture of reindeer hunters of the Northern Eurasia. M., 1976 291
Gromov V. I. . Boriskovski P. I. The emergence of human society. Grigoryev G. P. The Palaeolithic of Africa. M., 1977 297
Okladnikov A. P. (Novosibirsk). «The Palaeolithic of Africa» — an important contribution to the Soviet historical science 303
Khazanov A. M., Shkurko A. I. (Moscow). Raevski D. S. The scetches of the ideology of the Scytho-Sakian tribes. An attempt of reconstruction of the Scythian mythology. M., 1977 311

Chronicle

Munchaev R. M., Merpert N. Ya. (Moscow). The origin of farming and technology: Western or Eastern Asia? 320
To the mémory of Stancho Vaklinov (Stanchev) 328
V. I. Gromov 330

А. А. ФОРМОЗОВ

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ И СПОРНЫХ ПРОБЛЕМАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

Известно об интересе к первобытному искусству выдающихся советских кинорежиссеров Сергея Эйзенштейна и Всеволода Пудовкина. Разыскивая книгу Г. Кюна «Искусство первобытных народов», Пудовкин вспоминал, как Эйзенштейн спросил его однажды: «Вы интересуетесь первобытным искусством?» — и, услышав отрицательный ответ, сказал: «Ничего — придет время — начнете интересоваться». «И вот,— говорил Пудовкин,— Эйзенштейн умер, а я в самом деле пришел к этим темам» [1]. Мы знаем, что при поездках во Францию Эйзенштейн постарался побывать в пещерах с палеолитическими росписями. В его библиотеке были книги А. Брейля об основных памятниках палеолитической живописи [2].

Что же влекло к древнейшим этапам искусства представителей наиболее новой его отрасли? В 1935 г. на совещании работников советской кинематографии Эйзенштейн отвечал на это так: художник при создании образа должен опираться как на высшие ступени, достигнутые человеческим сознанием, так и на первичные формы мышления, возникшие на заре истории. В этом докладе цитируются труды Л. Леви-Брюля, Г. Штейнена и др.[3]

В 30—40-х годах при характеристике древнейших этапов искусства нелегко было использовать работы отечественных авторов. Таких работ почти не было. Сейчас положение коренным образом изменилось. За последние годы памятники первобытного искусства привлекают все более пристальное внимание советских ученых. Это закономерно: древние наскальные изображения, скульптуры из камня, кости, дерева и металла, рисунки и орнаментация на керамике и другой утвари и т. д.— важнейший источник для восстановления духовной культуры наших предков, их верований, обрядов, мифов, их взглядов на природу и общество.

Больше всего занимаются этой проблематикой археологи. Библиотека книг о наскальных изображениях, открытых ими на территории СССР, насчитывает уже около 40 названий [4]. Все чаще обращаются к этому кругу тем и этнографы, фольклористы, языковеды, искусствоведы, философы. При осмыслении столь сложных источников неминуемо наметились разные, порой взаимоисключающие принципы анализа материалов, диаметрально противоположные трактовки ряда кардинальных вопросов. Об этом свидетельствуют, в частности, две дискуссии, проведенные в

---

[1] *Вайсефельд И.* Художник исследует законы искусства. Предисловие к кн.: *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения, т. 2. М., 1964, с. 24.

[2] *Муссинак Л.* Личность гения.— В сб.: Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М., 1974, с. 213.

[3] *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения, т. 2, с. 110—116.

[4] Обзоры литературы см.: *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969; *его же.* Новые книги о наскальных изображениях в СССР.— СА, 1973, № 3, с. 257—265; *его же.* Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии.— СА, 1978, № 3, с. 270—275.

1967—1969 и 1975—1978 гг. на страницах журнала «Советская этнография» [5].

Ни в коей мере не претендуя на решение спорных проблем, автор хотел бы в этой статье остановиться на некоторых из них, изложив свое понимание тех или иных вопросов и высказав критические замечания об отдельных положениях, появившихся в нашей литературе.

Естественно, что о древнейшем искусстве больше всего написано археологами, поскольку именно они вводят в научный оборот материалы, обнаруженные в ходе археологического обследования страны, дают их первичную классификацию. Работа эта далека от завершения. Открытие палеолитической живописи в Каповой пещере на Урале, находки наскальных рисунков в районах, где они раньше не были известны (Кольский полуостров, Чукотка), показывают, сколько сюрпризов ожидает нас в будущем даже при изучении монументального искусства первобытной эпохи. Находки же произведений мелкой пластики и орнаментированных изделий будут продолжаться до тех пор, пока будут вестись раскопки древних поселений и могильников.

Все же нельзя недооценивать уже сделанное. Благодаря работам В. И. Равдоникаса и Ю. А. Савватеева мы располагаем образцовым изданием наскальных изображений Карелии, А. П. Окладников опубликовал более 10 книг о петроглифах Сибири и Дальнего Востока, познакомив читателей с тысячами произведений древних художников. В. Н. Чернецову принадлежит ценная двухтомная монография о писаницах Урала. В итоге монументальное искусство лесной и таежной зоны СССР известно нам теперь достаточно полно.

К сожалению, нет столь же исчерпывающих публикаций наскальных изображений Юга СССР. Для Кавказа и Средней Азии имеются только альбомы, где изданы отдельные выборочные фигуры и композиции. Как бы ни были они интересны сами по себе, это все же вырванные из контекста сценки, тогда как для осмысления любой группы петроглифов надо обладать представлением о полном «тексте». Публикация монографий о наскальных изображениях Азербайджана, Армении, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана — одна из важнейших задач археологов этих республик.

О других видах древнего искусства сводок у нас почти нет. Небольшие книги посвящены лишь глиняным статуэткам бронзового века из Туркмении, деревянной, каменной и глиняной скульптуре Зауралья и каменным изваяниям Минусинской котловины. Мало сделано для истолкования первобытной орнаментации.

Наиболее актуальной представляется подготовка сводок: 1) о мелкой пластике и рисунках на керамике из памятников эпохи неолита лесной зоны европейской части СССР; надо рассмотреть не только кремневые статуэтки, охарактеризованные по довоенным находкам С. Н. Замятниным, но и изображения из глины и дерева, фигурные полированные молоты и т. д.; 2) о глиняной пластике трипольской культуры и изображениях на трипольской посуде; 3) о гравировках на бронзовых топорах и других изделиях кобанской культуры Кавказа и близких ей по времени закавказских культур.

Археологам необходимо вести и поиски таких произведений искусства, от которых обычно не остается следов. Следует расширить раскопки торфяниковых стоянок, где нередко сохраняются резные деревянные изделия. Нужно искать геоглифы — земляные рельефы, вроде тех, что известны у австралийцев и, несомненно, существовали наряду с петроглифами у древнего населения других материков. Сообщение К. Н. Пицхелаури об открытии земляных рельефов, инкрустированных костью, на

[5] СЭ, 1967, № 3; 1968, № 3; 1969, № 1, 4; 1975, № 6; 1976, № 2, 4—6; 1977, № 1; 1978, № 1, 3.

святилище бронзового века Мелегели в Кахетии говорит о реальности подобных находок [6].

Но обратимся к вопросам, возникающим при осмыслении выявленных археологами памятников. Первый вопрос: вправе ли мы называть их произведениями искусства? Хорошо известно, что не всякое изображение заслуживает такого названия. Сейчас существует, например, обширная область технического рисунка. Можно ли считать произведениями искусства схематические силуэты горных козлов из трех-четырех линий, тысячами высекавшиеся на скалах Средней и Центральной Азии? Можно ли равнять выполнение такого рисунка, требовавшее, вероятно, нескольких минут и доступное каждому, с созданием «Сикстинской мадонны» или «Троицы» Рублева? Отрицательный ответ кажется очевидным, и именно поэтому в нашей литературе появилась тенденция противопоставлять искусству «изобразительную деятельность» первобытных людей [7].

Особенно рьяно выступает против применения термина «искусство» к древним наскальным изображениям З. И. Ямпольский. Он настаивает на сугубо утилитарном характере этих изображений, поскольку они выполнялись в магических целях, подчеркивает неоднократное использование для рисунков одной и той же плоскости скалы, в результате чего возникала запутанная сеть линий, среди которых теряются отдельные фигуры. Все это, по мнению З. И. Ямпольского, доказывает, что эстетический момент при создании наскальных изображений отсутствовал полностью, и потому об искусстве здесь говорить никак нельзя [8].

Эти рассуждения неубедительны. Утилитарные цели преследовали многие произведения живописи, графики и скульптуры, в принадлежности которых к миру искусства никто никогда не сомневался. Таковы портрет, плакат, исторические картины, мозаики и фрески в церквах, надгробные статуи и барельефы. Многократное использование одной плоскости для изображений характерно для росписей храмов при подновлении фресок, для икон, да не так уж редко и для современных художников (напомню дважды использованные холсты на недавней выставке произведений В. Е. Татлина). Магическое назначение всех наскальных изображений крайне сомнительно. Гораздо вероятнее, что на большинстве из них запечатлены сцены мифов, т. е. нечто аналогичное сюжетам росписей египетских храмов и гробниц, мозаик и фресок христианских церквей.

Попытки отделить подлинные произведения искусства от изобразительной деятельности, кроме того, неизбежно базируются на чисто вкусовом подходе: «это красиво», а «это некрасиво». Но время постоянно вносило коррективы в подобные оценки. В эпоху классицизма и готические соборы, и египетские статуи, и византийские мозаики, и древнерусские иконы считались чем-то безвкусным и безобразным, не идущим ни в какое сравнение с «подлинным искусством» — античной скульптурой или живописью болонской школы. Сейчас нам ясно, что все это не меньшие художественные ценности, чем произведения греческих и римских ваятелей или итальянских живописцев. Уже в XX в. пришло признание к искусству эскимосов, аборигенов тропической Африки, Америки, Океании. Очень рискованно подходить с какой-либо априорно выбранной меркой к первобытным наскальным изображениям, отделяя «подлинное искусство» от «изобразительной деятельности». Это не снимает вопрос о

---

[6] *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. (по археологическим материалам). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.), табл. XLV—XLVI.

[7] *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала, ч. II. М., 1971, с. 86, 87.

[8] *Ямпольский З. И.* Наскальные изображения Кобыстана и происхождение религии и искусства.— Acta archaeologica Carpathica, t. IX, fasc. 2. Krakow, 1967, s. 101—110.

том, что среди изображений есть более и менее яркие, талантливые и беспомощные; но решительные приговоры здесь еще менее уместны, чем при оценке искусства более близкого к нам времени.

Очевидно, что все дошедшие до нас памятники должны изучаться с равным вниманием. В начале XX в. филологическая школа проф. С. А. Венгерова внесла в русскую науку важное положение: предмет филологии не только вершинные достижения в развитии литературы, не только творчество классиков, но и литературный процесс в целом, с его рядовой и массовой продукцией. Мало того, что помимо Пушкина, Лермонтова, Гоголя надо знать их менее видных современников вроде В. Ф. Одоевского, Д. В. Веневитинова и О. И. Сенковского. Нужно иметь представление и о ныне заслуженно забытых писателях, игравших в свое время какую-то роль, отвечавших на запросы определенных кругов читателей. Заслуживают внимания и «житель города Москвы Матвей Комаров», и Ф. Н. Слепушкин, и Е. И. Алипанов, и А. В. Тимофеев. Без исчерпывающего учета имен и произведений не будет полного представления о литературном процессе прошлого. Тот же подход нужен и к произведениям древних художников. Изучать их следует в полном объеме, не выхватывая из контекста какие-то фигуры и сцены и объявляя их образцами подлинного искусства, а все остальные зачисляя в «изобразительную деятельность». Этот термин, на мой взгляд, имеет право на существование лишь в применении к зачаточным формам искусства, вроде выделяемых А. Д. Столяром «натуральных макетов» [9].

После описания произведений древних художников археологи обращаются обычно к решению вопроса о дате этих памятников. Если речь идет о наскальных рисунках, расположенных в стороне от поселений и могильников, вопрос этот оказывается весьма сложным. Нужно искать разные пути подхода к его решению, причем твердый ответ возможен далеко не всегда.

Приходилось слышать, что археологи уделяют проблемам датировки произведений искусства слишком много внимания и чересчур много места в своих публикациях. Этот упрек несостоятелен. Дело не только в том, чтобы снабдить каждый рисунок или каждую статуэтку точной этикеткой (что тоже немаловажно). При верной датировке интересующее нас произведение накладывается на определенный историко-культурный фон, попадает в четкий контекст и читается с учетом всех возможных связей, в свою очередь проливая новый свет на ту или иную археологическую культуру, для полной характеристики которой недостаточно находок только на поселениях и в могилах.

Кроме того, исследование хронологии древних памятников искусства — прямая задача археологов. Ни искусствоведы, ни этнографы, ни философы не могут разработать эту сложную тему с должной полнотой. Археологам следует уступить им разработку близких для них аспектов темы, профессионально разрабатывая свою группу аспектов. Вопросы хронологии среди них едва ли не главные.

В литературе высказывалось сожаление о том, что не существует единого точного метода датировки наскальных изображений. В одном случае как датирующий признак рассматривается техника нанесения рисунков на скалу, в другом — набор сюжетов, в третьем — какие-то стилистические особенности изображений, в четвертом — стратиграфические наблюдения и т. д. Отметив это в рецензии на мою книгу «Очерки по первобытному искусству», Н. Л. Подольский видел в одновременном пользовании всеми этими приемами недостаток работ А. П. Окладникова и моих, так как подлинная наука должна обладать одним строго выве-

---

[9] *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства Евразии в историко-археологическом освещении. Автореф. докт. дис. Л., 1972 (см. перечисленные здесь статьи и другие публикации автора).

ренным методом датирования [10]. В последней книге о писаницах Сибири А. П. Окладников и А. И. Мазин также говорят о разных возможностях датировки древних рисунков как о свидетельстве недостаточной зрелости нашей науки [11].

Думается, что это недоразумение. В точных и естественных науках многие вопросы решаются разными методами, и это скорее плюс, чем минус, ибо открывается возможность взаимной проверки выводов, полученных разной методикой. В тех областях искусствоведения, которые насчитывают несколько веков развития, например в области датировки и атрибуции картин западноевропейских художников, как правило, сосуществуют разные методы определения даты и принадлежности полотен некоему художнику или какой-то школе. Одна картина получит определение по особенностям композиции, свойственным известному художнику, вторая — по особенностям мазка или колорита, третья — по сюжету. В каких-то случаях будет важен характер и размер холста, в других — одежда изображенных на картине лиц или иные реалии и т. д. Обычно эти наблюдения согласуются друг с другом, иногда приходят в противоречия, но все это — наблюдения научного плана и пренебрегать ими при решении сложных вопросов отнюдь не приходится.

Поэтому стремление Н. Л. Подольского поставить во главу угла один лишь стилистический анализ, предельно формализируя и математизируя объекты исследования, вряд ли оправдано. Н. Л. Подольский резонно упрекал меня в том, что в книге «Очерки по первобытному искусству» этот путь датировки петроглифов использован недостаточно (главный упор был сделан на стратиграфические данные), но он напрасно противопоставляет свои разработки всем другим и тщетно пытается разбить живой материал художественного творчества (пусть даже в рамках канона) на очень жестко разграниченные рубрики.

При создании хронологических схем для древних произведений искусства наметилось две тенденции. Представители первой стремятся датировать любое изображение как можно точнее, в крайне узких хронологических рамках. Так, И. М. Джафарзаде датирует отдельные гравировки Кобыстана в пределах двух столетий (XVIII—XVII вв. до н. э.), хотя и не аргументирует эти даты [12]. В большинстве случаев для столь точных определений оснований у нас нет. Нужно помнить об очень большой консервативности древнего искусства. Некоторые типы египетской скульптуры не менялись на протяжении тысячелетий. Многие столетия существовали без перемен и отдельные типы христианских икон. В искусстве наскальных изображений тоже можно указать на очень долго неменявшиеся образы. Так, графическая схема профиля горного козла, известная на петроглифах во всяком случае со II тысячелетия до н. э., а в росписях переднеазиатской керамики и с еще более далекого времени, до сих пор повторяется в росписях жилищ горного Таджикистана и в современных гравировках на скалах Памира. Весьма вероятно, что также долго сохранялась в Сибири традиция изображать на скалах лосей, вовсе не обязательно приуроченная только к эпохе неолита.

Вторая тенденция в исследовании наскальных рисунков учитывает такую устойчивость образов и композиций, но, пожалуй, чрезмерно преувеличивает ее. В. Н. Чернецов в сущности отказался от датировки писаниц Урала, считая, что некоторые композиции, возникшие в неолите, а может быть, даже в мезолите, воспроизводились многократно на протяжении ряда тысячелетий, вплоть до последних веков, когда их повто-

---

[10] *Подольский Н. Л.* О принципах датировки наскальных изображений.— СА, 1973, № 3, с. 205, 206.

[11] *Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы реки Олекмы и верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976, с. 80.

[12] *Джафарзаде И. М.* Гобустан. Баку, 1973.

ряли ханты и манси [13]. Очень растягивает во времени (с 12 000 лет до н. э. до I тысячелетия н. э.) единую в сюжетном отношении группу амурских петроглифов и А. П. Окладников [14].

Думается, что на протяжении таких огромных отрезков времени даже первобытное искусство не могло оставаться неизменным. При разработке хронологических схем нужно найти разумную среднюю линию между двумя крайностями, выделяя определенные хронологические пласты древних изображений, но датируя их достаточно широко.

При находках предметов искусства в могилах или на стоянках мы можем датировать их весьма точно, но это не означает, что аналогичные предметы не изготовлялись раньше или позже.

После определения даты древних изображений можно обратиться к расшифровке их семантики. Это крайне сложная проблема, но сложность ее осознается далеко не всеми. Если мы имеем дело с изображениями людей или животных, кажется, что «прочесть» эти рисунки совсем нетрудно. И желающие дать такие «чтения» находятся в изобилии. Характерно, что в дилетантских сочинениях о петроглифах подобных «чтений» гораздо больше, чем в работах серьезных ученых, иногда вообще воздерживающихся от расшифровки древних гравировок и росписей.

Чтобы показать трудность этой задачи, приведу несколько примеров. На мезолитических и неолитических гравировках Кобыстана, на писаницах Ангары, верхней Лены и бассейна Зеи, на петроглифах Чулакских гор в Казахстане мы увидим цепочки из человеческих фигур, взявшихся за руки. Обычно эти композиции расцениваются как изображения групповых танцев типа хоровода (в балете «Гобустан» на сцене Азербайджанского академического театра оперы и балета танцовщики, воплощающие образы первобытных охотников, все время водят хороводы). Категорически отвергнуть эту интерпретацию нельзя, тем более что в других наскальных рисунках сцены танцев, безусловно, есть (палеолитическая живопись в Абри Меж и пещере Трех братьев во Франции, гравировки Тамгалы в Казахстане). Но по этнографическим данным, собранным и проанализированным К. Шустером [15], цепочки людей вовсе не изображения танцев, а схемы, связанные с генеалогическими представлениями.

Другой пример,— на писаницах железного века нередки композиции, состоящие из фигур животных (лосей, горных козлов) и расположенного позади них изображения всадника, иногда с луком в руках. Казалось бы ясно, что перед нами сцена охоты, но в народном сванском обрядовом искусстве мы знаем совершенно аналогичные композиции, которые, однако, понимаются их создателями по-иному. Это хозяин зверей, святой покровитель животных гонит их к людям, на рисунке не показанным [16].

Один из обычнейших сюжетов древних наскальных изображений — лодки с пловцами. Популярно представление о том, что это солярные ладьи, и в ряде случаев это выглядит убедительно (лодки с солнцем на носу в Кобыстане). Но на Беломорье, в Залавруге II, изображены, несомненно, обычные промысловые лодки: показано, как с них бьют гарпунами белуху. Возможно, где-то силуэты лодок связаны и с погребальной обрядностью (ладья мертвых).

Когда на скалах среди фигур людей и животных выгравированы какие-то линии и знаки, их нередко трактуют как карту окружающей ме-

---

[13] *Чернецов В. Н.* Ук. соч.

[14] *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971, с. 86—89.

[15] *Schuster C.* Genealogical patterns in the Old and New Worlds.— Rivista do Museu Paulista, nova série, vol. X. São Paulo, 1956—1958. p. 7—123; *idem.* Human Figures in South American petroglyphes and pictographs as excerpts from Pepeating Patterns.— Annales del Museo de Historia Naral de Montevideo, 2a série, vol. 6. № 6. Montevideo, 1955.

[16] *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 131—156, рис. 3, *5*, *9*.

стности. Этой интерпретации уже около ста лет (против нее возражал еще Р. Вирхов), и она весьма сомнительна. Этнография свидетельствует, что маршрутные схемы иногда набрасываются на песке, коре и других непрочных материалах, но никогда не высекаются навечно на скалах. К тому же создание таких карт свойственно в основном племенам, обладающим сложным абстрактным мышлением и потому склонным скорее к орнаментальному искусству, а не к изобразительности [17]. Тем не менее о картах на петроглифах все время приходится читать в статьях о памятниках Карелии, Урала и Сибири.

Я не хочу сказать, что приведенные примеры доказывают, что всюду и всегда цепочки людей отражают генеалогические представления, а всадники, преследующие животных, воплощают образы их покровителей, а не охотников. В каких-то случаях возможна и противоположная расшифровка. Но наши примеры показывают, сколь рискованно «чтение» древних рисунков по принципу «очевидности». Сплошь и рядом она оказывается мнимой.

Проникновение в сокровенный смысл изображений, созданных первобытными художниками, возможно лишь в результате длительной, кропотливой работы. Материал должен изучаться полностью, а не выборочно. Надо выделить в нем определенные повторяющиеся образы и композиции, что позволит в какой-то мере восстановить систему древних представлений. Интересные опыты такого анализа проведены для палеолитической живописи во Франции А. Леруа-Гураном и А. Ламенг-Эмперер, а для писаниц Урала В. Н. Чернецовым.

Вообразим на минуту, что до нас не дошло ни одного экземпляра Евангелия. Смогли ли бы мы восстановить христианскую мифологию по фрескам, мозаикам и иконам в церквах? Во всей ее сложности, скорее всего, нет, но в схеме, безусловно, да. Мы выделили бы многократно повторяющиеся образы матери с ребенком на руках и образ молодого бородатого мужчины, подвергшегося мучительной казни на кресте. По сценам оплакивания Христа Богородицей (пиэта) мы смогли бы понять, что эта женщина — мать казненного молодого мужчины и т. д.

Таким же путем можно приблизиться к пониманию древних изображений. Повторяющиеся образы для них не редкость. Сошлюсь для примера на две находки, сделанные в одном полевом сезоне — в 1970 г. При раскопках неолитического могильника Звейниеки в Латвии была найдена плоская костяная скульптура человека, имеющая сложные фигурные очертания (Т-образная голова, трапециевидные выступы рук), две сверлины на груди и точечный орнамент [18]. Точно такая же во всех деталях костяная скульптура найдена в XIX в. при строительстве Ладожского канала [19]. Но еще интереснее изображение человека, выгравированное на скалах в Эвенхусе в Скандинавии [20]. Очертания его повторяют контур двух названных статуэток. Это показывает, что их специфический облик нисколько не связан с техникой изготовления фигурок из костяных пластинок. Перед нами какой-то мифологический образ, свойственный неолиту широкой полосы Северо-Восточной Европы.

В тот же год на Дону, на Шиловском поселении абашевской культуры, был обнаружен фрагмент глиняного сосуда также с изображением человека, но совсем другого рода [21]. Нашедший черепок археолог не мог по-

---

[17] *Адлер Б. Ф.* Карты первобытных народов.— Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. CXIX (труды географического отделения, вып. II). М., 1910.

[18] *Загорскис Ф. А.* Стоянка и могильник в Звейниеки.— АО — 1970. М., 1971, с. 334.

[19] *Иностранцев А. А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, табл. XI, 1.

[20] *Hallström G.* Monumental art of Northern Europe from the stone age. Stockholm, 1938 (рис. на с. 344).

[21] *Пряхин А. Д.* Новые сведения об абашевской культуре.— АО — 1970. М., 1971, с. 63.

нять этой композиции. Я высказал мнение, что здесь показан человек, стоящий на лыжах, исходя при этом из того, что изображения лыжников известны во II тысячелетии до н. э. (к которому относится абашевская культура) в ряде районов Европы и Азии: на петроглифах Белого моря и Каменных островов Ангары, на литом навершии бронзового ножа из могильника Ростовка под Омском. Это тоже какой-то мифологический персонаж, атрибутом которого были лыжи — может быть, космический лыжник, проложивший Млечный Путь на небе, согласно мифологии ряда народов [22]. Нельзя считать, что лыжи были распространены в северной полосе Евразии очень широко и потому там независимо друг от друга создавались изображения лыжников. Таких изображений не было ни в I тысячелетии до н. э., ни в I тысячелетии н. э.

Об атрибутах же, помогающих узнавать на изображениях конкретных персонажей мифологии, хорошо сказал в свое время видный знаток античности Ф. Ф. Зелинский: «Боги были похожи друг на друга и на людей, и мы различаем их только по их атрибутам: трезубец характеризует Посейдона, жезл со змейками — Гермеса, перун — Зевса, львиная шкура — Геракла» [23]. Такие повторяющиеся атрибуты мы нередко видим на статуэтках из раскопок первобытных поселений. Выделяется, например, группа статуэток с перевязью через плечо, покрытой частыми поперечными насечками.

При истолковании древних изображений крайне важны этнографические и особенно фольклорные параллели. В этих материалах мы можем найти те же образы, что запечатлены в изобразительном искусстве первобытной эпохи.

Недавно выдающийся советский лингвист В. Н. Топоров опубликовал статью об одном из образов русской мифологии — Анчутке. Оказалось, что созвучие этого слова с «уткой» не случайно. Этот персонаж связан с водной стихией, с болотом, с утками [24]. Прочитав статью В. Н. Топорова, я сразу же вспомнил фриз с изображениями на глиняном сосуде из неолитической стоянки Перынь под Новгородом. Там среди цепочки уток помещено рогатое человекоподобное существо. Находка сосуда на том же месте, где позднее располагалось святилище Перуна, может быть, не просто совпадение. Культовое место могло возникнуть здесь в более глубокой древности [25].

Композиция из Перыни не единственная. Она повторяется на сосуде из неолитической стоянки Юревичи III в Белорусском Полесье [26] и, как будто, на петроглифах мыса Кладовец на Онежском озере [27]. Все эти точки вписываются в ареал на составленной В. Н. Топоровым карте, очерчивающий места записи рассказов об Анчутке.

Можно подобрать и другие параллели при сравнении первобытного искусства лесной зоны европейской части СССР с русским фольклором. В народных рассказах черти «востроголовые, как сычи» [28]. Известны неолитические остроголовые фигуры людей и в скульптуре из кремня [29] и на петроглифах [30]. «Гуси-лебеди» русских народных сказок, выступаю-

---

[22] *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 23, 273.

[23] *Зелинский Ф. Ф.* Древнегреческая религия. Пг., 1918, с. 48.

[24] *Топоров В. Н.* Из истории балто-славянских языковых связей.— Анчутка.— Baltistica, IX (1), Vilnius, 1973, с. 29—44.

[25] *Peredolski W.* Ein bildliche Darstellung des Menschen auf einem neolithische Tongefäss. Archiv für Anthropologie, Bd III, Ht 4. Braunschweig, 1905, Taf. 15.

[26] *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976, рис. 48.

[27] *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера. М.— Л., 1936, табл. 35.

[28] *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, с. 7. Ср. *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1973, с. 141.

[29] *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, X, 1948, рис. 3, *1*.

[30] *Савватеев Ю. А.* Изображения людей в петроглифах Карелии.— ПАУС, рис. 5—6.

щие чаще всего в роли волшебных помощников, но иногда и в роли вредоносной силы [31], вызывают в памяти многочисленные изображения гусей и лебедей на неолитических петроглифах Онежского озера. Иногда это, безусловно, не реальные промысловые птицы, а космические символы (лебеди острова Гурий, Бесова носа и Пери-носа) [32]. Напомню, что в сказках нередко встречается и превращение героев в лебедей, а скульптуры водоплавающих птиц изготовлялись в неолите и из кремня, и из кости, и из дерева. Обычный для сказок и легенд мотив — рисуется лодка, а потом герой на ней уплывает [33] — заставляет вспомнить о лодках, выгравированных и написанных краской на скалах по всей Евразии. Мне кажется, что не случайно русалки — образ украинской, а не великорусской мифологии [34]. Именно на юге были распространены женские статуэтки трипольской культуры.

Затронув эти вопросы, мы подходим к другой спорной проблеме — насколько правомерны при исследовании первобытного искусства далекие этнографические параллели. Прибегая к ним, археологи порой теряют чувство меры. Мне уже приходилось писать о крайней рискованности привлечения материалов Америки, Африки, Океании для расшифровки карельских петроглифов. Это возможно лишь в том случае, если речь идет о неких единых для всего человечества «архетипах» психологии. Однако я никак не могу согласиться с Ю. А. Саватеевым, который считает использование каких-либо далеких параллелей при такой работе всегда заведомо ошибочным, критикуя за это А. П. Окладникова и меня [35].

Предположим, что мы изучаем памятники культуры древних индоевропейцев где-нибудь в Причерноморье. Разве не имеем мы право на сопоставление произведений их изобразительного искусства с фольклором индоевропейских народов, живущих в Прибалтике или на Балканах, в Индии или в Иране? Точно также при изучении творчества древнейших финно-угров может быть использован и сибирский, и поволжский, и прибалтийский, и дунайский материал. Дело, следовательно, не в территориальной и хронологической отдаленности самой по себе, а в правильном выборе круга аналогий при поисках ключа для расшифровки древних изображений.

Остается сказать о последнем аспекте проблемы — собственно искусствоведческом анализе древних произведений графики и скульптуры. Это наименее разработанный аспект. Археологи или не затрагивают его вовсе, или считают, что достаточно сказать о «чистой наивности» первобытных художников, об их удивительном проникновении в образ зверя, чтобы исчерпать этот круг вопросов. При этом иногда проявляется полное пренебрежение к выработанной в искусствоведении терминологии. Не только одноцветные росписи на скалах неправомерно называются живописью, но этот термин применяется к гравировкам [36].

Пожалуй, в отечественной литературе можно указать лишь один удачный пример искусствоведческого анализа наскальных изображений. Это статья выдающегося историка искусств Д. В. Айналова. В ней сделано важное наблюдение о смене свободно разбросанных по плоскости, как бы висящих в воздухе фигур животных фризами, где фигуры стоят, опи-

---

[31] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 1. М., 1957, №№ 100, 107—113.

[32] *Равдоникас В. И.* Ук. соч., табл. 13, 24, 37.

[33] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 1, № 138; Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.— Л., 1935, с. 111.

[34] *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976, с. 165; *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М., 1957, с. 87, 88.

[35] *Савватеев Ю. А.* Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии.— СЭ, 1969, № 1, с. 82, 98—102.

[36] *Гурина Н. Н.* Новые наскальные изображения советской Арктики.— «Природа», 1978, № 7, с. 90—93.

раясь на четко обозначенную линию земли. Такое изменение в организации пространства отражает существенные сдвиги как в первобытном искусстве, так и в культуре родового общества в целом [37]. Проблема «рамки» в широком смысле этого слова — как способа организации группы изображений — занимает сейчас многих искусствоведов. В 1973 г. я пытался кое в чем развить и уточнить выводы Д. В. Айналова [38].

Последние опыты самих искусствоведов не радуют интересными находками в осмыслении материала. Некоторые же их заключения свидетельствуют об очень слабом знакомстве с первобытной культурой. Так, Л. Б. Переверзев утверждает, что палеолитические охотники плохо представляли себе повадки зверей, что привело к «избыточности их текстов», т. е. к реалистическому характеру изображений животных, ибо художник не умел отобрать главное. Научились этому люди только в эпоху земледелия. Тогда все стало легко предсказуемо и были замечены жизненные циклы, составлявшие тайну для охотников [39]. Абсурдность этих кабинетных построений ясна любому археологу и этнографу.

На что надо обратить внимание, пытаясь анализировать изображения, созданные в первобытную эпоху, как произведения искусства? Поскольку большинство рисунков на скалах представляет собой гравировки или росписи одной краской, об анализе колорита говорить не приходится. Остается проблема композиции, и она то, видимо, и должна рассматриваться как основная [40].

Построение петроглифов не было одинаковым в разные эпохи и в разных районах, но это всегда нечто иное, чем построение фресок, икон, станковых картин. Там мы всюду имеем дело с замкнутой структурой, где все изображения отграничены рамкой, не случайны, композиционно связаны, взаимоуравновешены. Здесь структура открытая. Рамки нет. Изображения могли добавляться, дополняя старые композиции или совершенно независимо от них, наноситься поверх ранее выполненных фигур. Эту запутанную сеть рисунков надо суметь и расчленить на отдельные одновременно созданные пласты и композиции и воспринять как целое, складывавшееся необычным для нас путем, но все же целое. Параллелью могут здесь служить архаические формы фольклора, организация и циклизация которых еще не наступила (былины, песни «Калевалы», слитые, как известно, в единый эпос искусственно в XIX в.). И тут нет четкой «рамки». Певцы могут начать и оборвать сказание произвольно, столь же произвольно объединяя разные тексты [41].

Важным представляется и новый аспект изучения произведений искусства — выделение в них кусков, написанных или нарисованных с определенной точки зрения, и выяснение того, как куски, отражающие разные точки зрения, объединяются в нечто единое [42].

Большинство фигур в первобытных наскальных изображениях и в гравировках на разных изделиях воспринимаются как фигуры, запечатленные сбоку. Животные показаны, как правило, в профиль. Трудно решить, что это: взгляд охотника (зверя легче убить, когда он занимает такое положение) или взгляд художника (так зверя легче нарисовать). Исключения редки (в палеолитическом искусстве — изображенные в фас олени в Ложери и Гурдане) и обычно связаны с изображением в фас

[37] *Айналов Д. В.* Первоначальные шаги искусства в Европе.— СГАИМК, вып. II, 1929, с. 416—444.

[38] *Формозов А. А.* О месте наскальных изображений в истории искусства.— ПАУС, с. 273—279.

[39] *Переверзев Л. Б.* Степень избыточности сообщений как показатель стилевых особенностей изобразительного искусства первобытной эпохи.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, т. 181, 1965, с. 217—220.

[40] Этот вывод родился в итоге обсуждений проблемы первобытного искусства с нашим замечательным историком искусств В. Н. Лазаревым.

[41] *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М., 1977, с. 31—39; *Пропп В. Я.* Ук. соч.

[42] *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. М., 1970.

обособленных голов животных (Плакар, Тейж, пещеры Масса и Трех братьев). Возможно, это рисунки не живых зверей, а охотничьих трофеев. Как мы знаем, головы животных иногда увенчивали кровли палеолитических жилищ.

Уже в палеолитическом искусстве появляются сцены, показанные сверху, например сцена поедания бизона в гравировке на кости из Раймондена. В основном все же эта точка зрения характерна для более позднего времени — для эпохи неолита и бронзы. Сверху запечатлены белухи на петроглифах Залавруги в Карелии. Это взгляд гарпунера, охотившегося на них с лодок. На Бесовом мысу Онежского озера сочетаются изображения, выполненные с разных точек зрения: налим и ящерица показаны сверху, обрамленная ими фигура человека — сбоку в фас, а недалеко расположенные фигуры лебедей и осетра — сбоку в профиль. Сверху показаны загоны для скота с животными, обозначенными точками, на писаницах Забайкалья и Тувы. Это взгляд пастуха, наблюдавшего за своим стадом с горы (в палеолитическом искусстве стада диких животных нарисованы сбоку в профиль — грот Мерии, пластинка из Шаффо). Сверху почти всегда показаны и колесницы на петроглифах бронзового века. Это взгляд едущего на них человека. Такие рисунки мы знаем в Сибири и в Средней Азии, в Монголии и на Кавказе, в Италии и Скандинавии, даже в Африке. Очень своеобразны композиции из четырех фигур, обращенных друг к другу головами и запечатленных сверху (Ляско, Каменная могила). Это совершенно особый подход к организации пространства с элементами декоративности и орнаментализма.

Крайне специфично и построение росписей на потолках пещер, рассматривавшихся снизу, а не сбоку, как рисунки на стенах гротов или на отвесных устесах, и не сверху, как гравировки на плоских скалах Карелии и Скандинавии. Все эти разнообразные возможности построения древних изображений должны быть проанализированы с позиций искусствоведения.

Другой важный аспект той же проблемы — отношение к пространству, элементы ракурса и перспективы в первобытном искусстве. Работы П. А. Флоренского и Л. Ф. Жегина по обратной перспективе не могут не привлечь внимания исследователей наскальных изображений эпохи камня и бронзы [43].

Я далеко не исчерпал всех проблем и вопросов, встающих перед исследователями первобытного искусства. Ясно, что работы здесь предстоит много. Успех ее зависит от того, удастся ли объединить усилия представителей разных специальностей: археологов и этнографов, фольклористов и языковедов, философов и психологов.

A. A. Formozov

ON SOME PROBLEMS OF THE INVESTIGATION OF THE PREHISTORIC ART

Summary

The author gives a survey of the latest publications on prehistoric art and deals with some problems, that caused discussions. From this point of view, the term «art» can be applied to all samples of figurative and decorative expression of the prehistoric man, and the new term «pictorial activity» makes the problem more vague, but not clear. The author rejects the attempts of «reading» rock paintings, based on the principle of «evidency», demonstrating by a series of examples that almost identical designs, were filled by their creators with quite different meaning. The most fruitful way of deciphering of petroglifs is to single out regularly repeating images and compositions and correlation of petroglifs with folkloristic materials. One of the main tasks in prehistoric art investigations is the analysis of the way of construction of ancient pictures, the analysis of compositional ideas, characteristic for prehistory, etc.

[43] *Флоренский П. А.* Обратная перспектива. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, т. 198, 1967, с. 381—416; *Жегин Л. Ф.* Язык живописного произведения. М., 1970.

Н. Г. ГОРБУНОВА

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

(к истории культуры Ферганы)

В 1973—1976 гг. Ферганской экспедицией Государственного Эрмитажа и Ферганского музея проводились работы с целью сбора материалов для составления археологической карты Ферганской области [1]. Значительное число памятников было уже известно в результате неоднократных разведок и археологических наблюдений на новостройках [2]. Особенно много памятников было обнаружено ныне покойным ферганским краеведом П. Т. Коноплей. Сейчас с учетом случайных находок зафиксировано 190 пунктов. Из них примерно 70 — существующие и ныне поселения, 18 — существующие ныне могильники [3]. Картирование памятников и их анализ позволяют прийти к некоторым выводам, имеющим значение для истории культуры всей Ферганы.

Ферганская область расположена в центре южной части Ферганской долины. На юге она ограничена предгорными склонами — отрогами Алтайского и Туркестанского хребтов. На севере еще сохранились частично пески Центральной Ферганы. От кишлака Бурбалык на северо-восток через всю область проходят адыры — увалы, которые прорезаются речными долинами горных рек, берущих начало высоко в горах и являющихся основными источниками орошения земель. На востоке области течет Исфайрамсай. Один из его рукавов, р. Кувасай, прорезает адыры и у сел. Талмазар разливается по конусу выноса, орошая территорию Кувинского оазиса. Второй рукав Исфайрамсая — Бешалышсай — также проходит адыры и разливается в районе г. Маргелана, орошая территорию большой группы примаргеланских памятников. Западнее Исфайрам-

---

[1] Работы проводились по поручению Республиканского общества охраны памятников материальной культуры и истории УзССР. В экспедиции принимали участие: канд. истор. наук Т. Г. Оболдуева, канд. искусств. О. Я. Неверов, археологи Т. И. Кулик, Г. П. Иванов, А. Е. Шигин, Л. В. Скалина, Н. Н. Боковенко, В. Г. Кузнецов, Г. Мирзалиев, Е. Ф. Чежина.

[2] *Жуков В. Д.* Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала (Предварительное сообщение).— Изв. УзФАН СССР, № 10, 1940; *его же.* Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, т. IV. Ташкент, 1951; *Гулямов Я. Г.* Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, т. IV. Ташкент, 1951; *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.— СА. 1957. № 3; *они же.* Могильник Хангиз.— ПООН АН ТаджССР, вып. 14, Сталинабад, 1957; *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа.— АСб. ГЭ, вып. 5, 1962; *ее же.* Раскопки курганов в Ферганской области.— УСА, вып. 3, 1975; *Горбунова Н. Г., Козенкова В. И.* Сым-тепе — поселение в Фергане.— АСб. ГЭ, вып. 16, 1974; *Кадыров Э. К.* К хронологии могильника Обишир в Южной Фергане.— ОНУ, 1974. № 1.

[3] В 1977 г. к западу от Вуадиля земляными работами был открыт новый могильник V—VII вв.

сая р. Шахимардансай выходит из предгорий у сел. Вуадиль, где разветвляется тремя рукавами. Восточный — Маргелансай — и средний — Файзабадсай — используются на орошение также примаргеланской группы селений.

Западный рукав — Алтыарыксай — орошает территорию небольших групп поселений. И, наконец, р. Сох — самая полноводная река области и вообще южной Ферганы — на протяжении 40 *км* (в пределах области) течет несколькими потоками по широкой галечной пойме. После выхода на равнину у сел. Сары-Курган разливается по конусу выноса бесчисленным количеством потоков, образуя хорошо известный Сохский веер. Верхняя часть его течет по безжизненной галечной пустыне, где нет не только древних, но мало и современных селений. Ниже, особенно в восточной части веера, довольно много древних памятников. В западной же его части пески Наукатской равнины спускаются к югу, и полоса между ними и предгорьями Туркестанского хребта составляет всего 10—20 *км*. Эта территория орошается уже водой р. Исфары. Все эти реки некогда доходили до Сырдарьи, но в связи с забором воды на орошение перестали в нее впадать.

Таким образом, на территории области памятники оказываются расположенными в условиях различных ландшафтов: предгорья, адыры, пустыня, культурная зона. Кроме того, в восточной и западной ее частях есть разница и в климатических условиях. Так, в западной части в Прикокандской группе районов выпадает примерно в полтора раза меньше осадков, чем в восточной.

Учитывая первостепенную значимость воды в хозяйстве среднеазиатского населения и сосредоточения жизни вокруг ее источников, мы будем рассматривать археологические памятники по ирригационным районам. Для Ферганской области выделяются четыре таких района: I — Кувасайский, II — Исфайрам-Маргеланский, III — Алтыарыкский, IV — Сохский. В каждом из них есть верхние и нижние участки. Характеристика памятников дается в хронологическом порядке. Для удобства пользования картами памятники обозначаются в тексте номерами.

Палеолит. Представлен сборами на поверхности каменных орудий (рис. 1, *а*). В большинстве случаев это сборы П. Т. Конопли в зоне адыров во II ирригационном районе (№ 190—199), а также вблизи Сыры-Кургана на р. Сох (№ 200). Все они, по определению В. А. Ранова, «...относятся к мустье, но кажутся молодыми» [4].

Мезолит и неолит. В Ферганской области находится бóльшая часть известных сейчас в Ферганской долине стоянок мезолитического и неолитического времени [5]. В пустынной зоне Центральной Ферганы, в районах распространения грядовых песков с озерами (в большинстве ныне высохшими или осушенными) в межгрядовых понижениях было открыто свыше 70 местонахождений, давших значительное количество кремневых изделий мезолитического (№ 184—185) и ранненеолитического возраста (№ 184). За пределами Центральной Ферганы вблизи сел. Сох расположены мезолитические стоянки Обишир I—V и стоянка у источника Чашма, раскопанные У. Исламовым (№ 129[а])[6]. В зоне адыров Южной Ферганы известны отдельные местонахождения галечных орудий, относимых к гиссарской неолитической культуре (№ 51).

Для обозначения последующих периодов истории культуры принимаются названия, предложенные в свое время Б. А. Латыниным как

---

[4] *Касымов М. Р.* Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 г.— ИМКУ, вып. 7, 1966, с. 30—34; *Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973, с. 48.

[5] *Исламов У. И., Тимофеев В. И.* Стоянки каменного века южной части Центральной Ферганы.— ИМКУ, вып. 13, 1977, с. 5—11.

[6] *Исламов У. И.* Первая мезолитическая пещерная стоянка в Фергане.— АО-1970. М., 1971, с. 410.

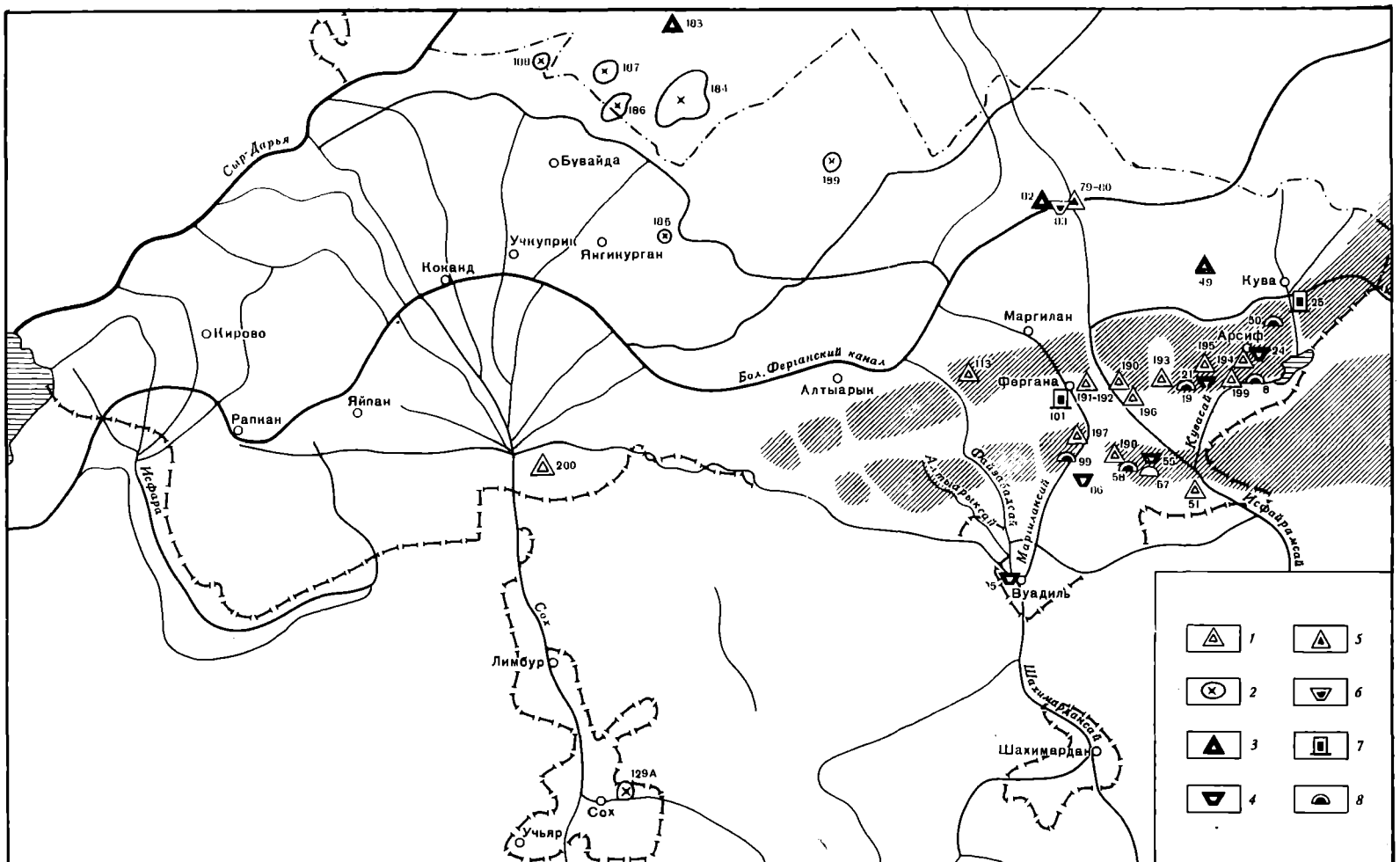

Сыр-Дарья
Бувайда
Учкуприк
Янгикурган
Коканд
Кирово
Яйпан
Рапкан
Исфара
Бол. Ферганский канал
Алтыарык
Маргилан
Фергана
Кува
Арсиф
Кувасай
Исфайрамсай
Файзабадсай
Алтыарыксай
Маргиланскай
Вуадиль
Шахимарданскай
Шахимардан
Сох
Лимбур
Сох
Учьяр
1
2
3
4
5
6
7
8

Рис. 1а

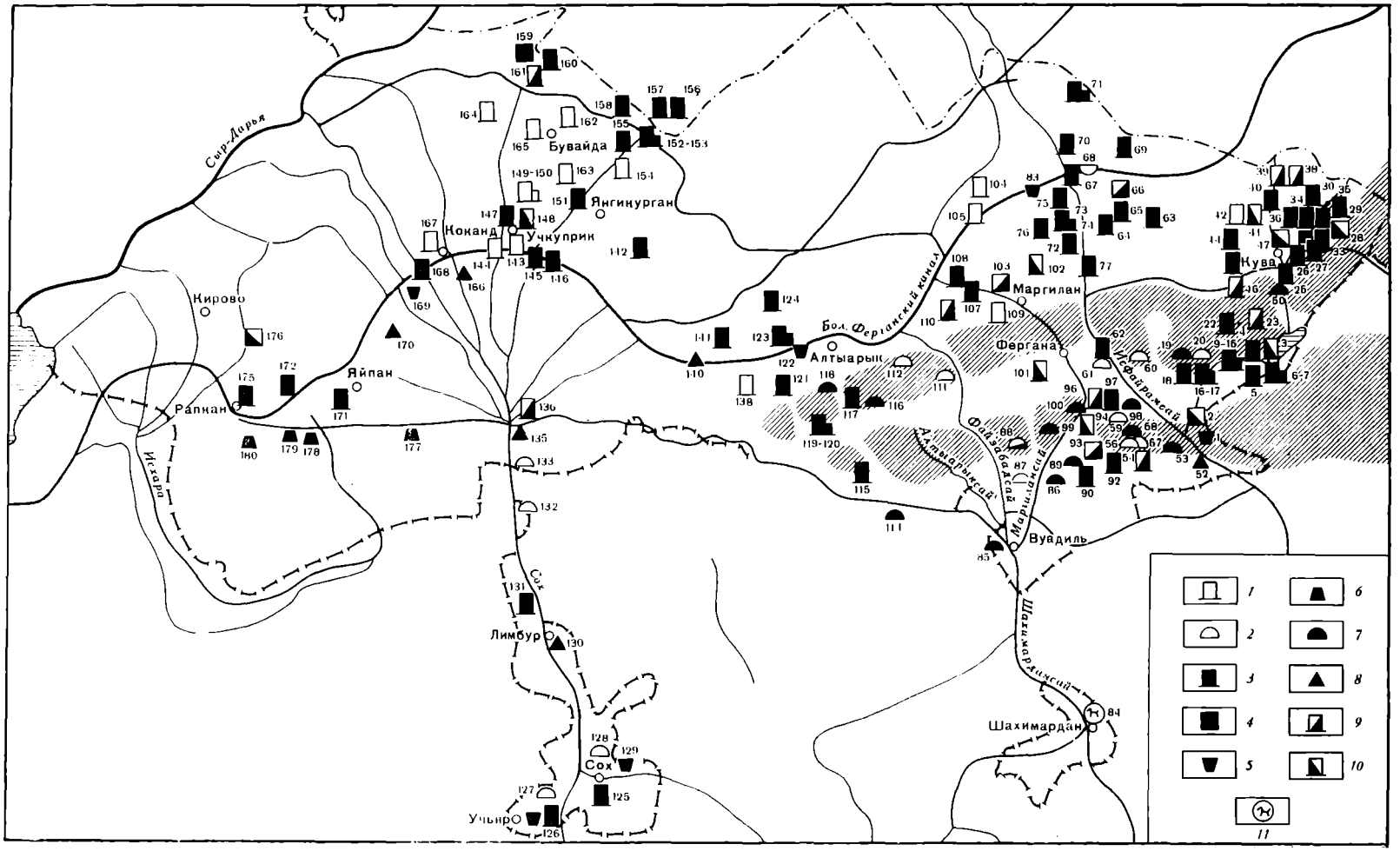

Сыр-Дарья
Бувайда
Янгикурган
Коканд
Учкуприк
Кирово
Яйпан
Рапкан
Исхара
Сох
Лимбур
Сох
Учьяр
Бол. Ферганский канал
Алтыарык
Маргилан
Фергана
Кува
Исфайрамсай
Файзабадсай
Алтыарыксай
Маргилансай
Вуадиль
Шахимардансай
Шахимардан
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Рис. 16

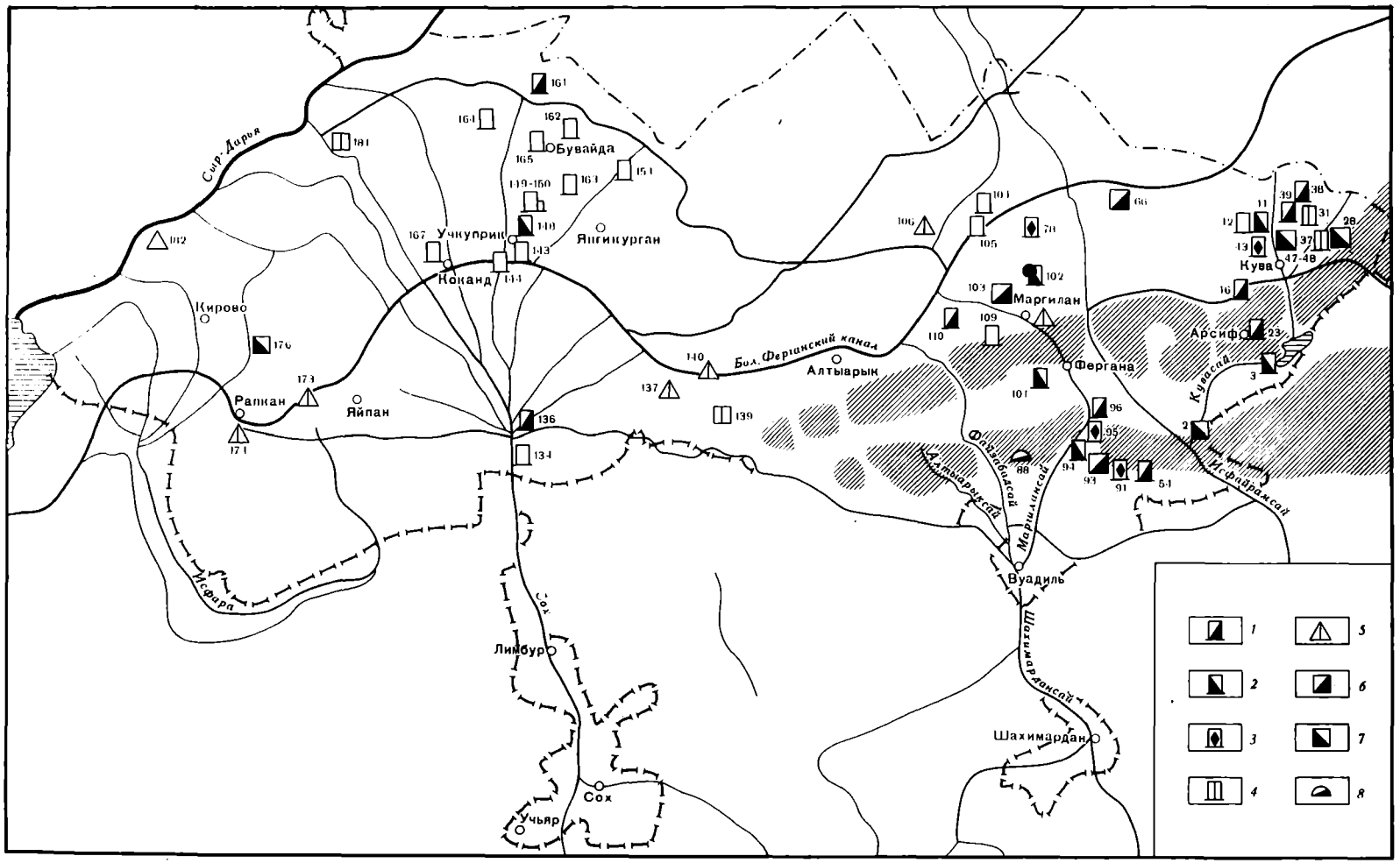

Сыр-Дарья
Бувайда
Учкуприк
Янгикурган
Коканд
Кирово
Рапкан
Яйпан
Бол. Ферганский канал
Алтыарык
Маргилан
Фергана
Кува
Арсиф
Кувасай
Исфайрамсай
Файзабадсай
Алтыарыксай
Маргиланcай
Вуадиль
Шахимардансай
Шахимардан
Исфара
Сох
Лимбур
Сох
Учьяр
1
2
3
4
5
6
7
8

Рис. 1в

Рис. 1. Археологические памятники Ферганской области (схемы расположения):
а — эпоха камня, бронзы и раннего железа: *1* — случайные находки каменных орудий; *2* — стоянки мезолита — неолита; *3* — случайные находки эпохи бронзы; *4* — могильники эпохи бронзы; *5* — случайные находки V—III вв. до н. э.; *6* — погребения V—III вв. до н. э.; *7* — поселения V—III вв. до н. э.; *8* — могильники V—III вв. до н. э.
б — период Фергана II: *1, 2* — поселения и могильники недатированные; *3, 4, 5, 6, 7, 8* — поселения, городища, погребения, склепы, могильники, случайные находки Фергана II; *9* — поселения Ф II и Ф III; *10* — поселения Фергана II и средневековые; *11* — наскальные изображения.
в — период Фергана III и развитое средневековье: *1* — поселения Ф II и Ф III; *2* — поселения Ф I и X—XII вв.; *3* — поселения Ф III; *4* — поселения X—XII вв.; *5* — случайные находки X—XII вв.; *6* — городища Ф II и Ф III; *7* — городища Ф II и X—XII вв.; *8* — могильники Ф II и Ф III.
1. Кувасайская пещера; *2.* Юкары-Муян; *3.* Чун-тепе; *4.* Бектемир-тепе; *5.* Мулладжан-тепе; *6.* Тепе 5; *7.* Поселение 5[а]; *8.* Кунгайский могильник; *9.* Урус-Мазар-тепе; *10—15.* Безымянные тепе; *16.* Катта Суфан-тепе; *17.* Кичик Суфан-тепе; *18.* Дегриз-тепе; *19.* Суфанский могильник I; *20.* Суфанский могильник II; *21.* Карамкульский могильник; *22.* Тепе Арк; *23.* Ак-тепе; *24.* Арсифский могильник; *25.* Караул-тепе; *26.* Курганча-тепе; *27.* Тегирманбаши; *28.* Зиндон-тепе; *29.* Кош-тепе; *30.* Салим-тепе; *31.* Ходжа-Чилик-тепе; *32.* Урабаши-тепе; *33.* Яманджар-тепе; *34.* Чильтон-тепе; *35.* Джар-тепе; *36.* Ляйляк-Уя-тепе; *37.* Кайковат-тепе; *38.* Урус-Мазар-тепе; *39.* Безымянное тепе у ст. Федченко; *40.* Ак-тепе; *41.* Ак-ата-бува-тепе; *42.* Юмалак-тепе; *43.* Янгичек-тепе; *44.* Чилля-Мазар; *45.* Такъян-тепе; *46.* Боистан-ата-тепе; *47.* Кува; *48.* Калап Пустын; *49.* Акбарабад; *50.* Талмазарский могильник; *51.* Каменные орудия у Пальмана; *52.* Случайная находка (сосуд); *53.* Купрюкбашинский могильник; *54.* Мазар-тепе; *55.* Могильник Чек; *56.* Могильник Кок-Илон I; *57.* Могильник Кок-Илон II; *58.* Урюкзорский могильник; *59.* Паканинский могильник; *60.* Кошкарчинский могильник; *61.* Бешболинский могильник; *62.* Аккурган-тепе; *63.* Зангишт-тепе; *64.* Кумарык-тепе; *65.* Абусийян-тепе; *66.* Горбобо-тепе; *67.* Иштырхан-тепе; *68.* Следы древних арыков; *69.* Кара-тепе; *70.* Усман-тепе; *71.* Ак-тепе I—II; *72.* Тепе-таги; *73.* Юмалак-тепе; *74.* Каттар-тепе; *75.* Арабмазар-тепе; *76.* Варзак-тепе; *77.* Гыш-тепе; *78.* Шамирза-тепе; *79.* Случайные находки на БФК; *80.* Бронзовый нож; *81.* Погребение на трассе БФК; *82.* Бронзовый наконечник копья. *83.* Погребение на трассе БФК; *84.* Наскальные изображения; *85.* Вуадильский могильник; *86.* Ташкурганский могильник; *87.* Могильник 18 *км* Фергана-Вуадиль; *88.* Могильник Янгиабадский I; *89.* Могильник Янгиабадский II; *90.* Бегимджан-тепе; *91.* Ошхона-тепе; *92.* Тошбанги-тепе; *93.* Муг-Пошо; *94.* Худжам-Пошо-тепе; *95.* Дамкуль-тепе; *96.* Ак-тепе; *97.* Сарыкамыш-тепе; *98.* Актепинский могильник; *99.* Актамский могильник; *100.* Дамкульский могильник; *101.* Сым-тепе; *102.* Шахар-тепе; *103.* Лянгар-Мазар-тепе; *104.* Кызлар-Мазар-тепе; *105.* Мазар-тепе; *106.* Находки в песках у К. Псяк; *107.* Камыш-тепе; *108.* Кара-тепе; *109.* Саткак; *110.* Ак-тепе; *111.* Янбаракский могильник; *112.* Зилхинский могильник; *113.* Каменные орудия; *114.* Джангаильский могильник; *115.* Дом-тепе; *116.* Хангизский могильник; *117.* Муг-Кала; *118.* Канчигайский могильник; *119.* Курган-тепе I; *120.* Курган-тепе II; *121.* Киткон-тепе; *122.* Коштепинский могильник; *123.* Кош-тепе; *124.* Зурек-Мама; *125.* Кувий; *126.* Уч-Яр (тепе и погребения); *127.* Кзыл-Кияк, могильник; *128.* Муйнак, могильник; *129.* Обишир, могильник; *129-а.* Обишир, пещера; *130.* Случайная находка (сосуд); *131.* Кую-муг-тепе; *132.* Чонгара, могильник; *133.* Секетма, могильник; *134.* Куюк-Там; *135.* Сары-Курган, поселение; *136.* Сары-Курган, крепость; *137.* Ак-Мазар; *138.* Мазар-тепе; *139.* Сахиби-Худоя (Риштан); *140.* Случайные находки на БФК; *141.* Тулки-тепе; *142.* Караул-тепе; *143.* Бюйрак-тепе; *144.* Тепе Курганча; *145.* Катта Кош-тепе; *146.* Кичик Кош-тепе; *147.* Катаган-тепе; *148.* Машат-тепе; *149.* Узун-тепе; *150.* Тепе-Курган; *151.* Кара-тепе; *152.* Кичик Ак-тепе; *153.* Катта Ак-тепе; *154.* Чильтон-тепе; *155.* Алтын-Курган; *156.* Тешик-тепе; *157.* Мунчак-тепе; *158.* Нагора-тепе; *159.* Мунчак-тепе; *160.* Ак-тепе; *161.* Тепе III; *162.* Киляй-тепе; *163.* Банды-Кушот-бува; *164.* Кичик Ак-тепе; *165.* Ак-тепе; *166.* Случайная находка на БФК; *167.* Арзык-тепе; *168.* Джалиль-тепе; *169.* Погребение у к. Джалаир (БФК); *170.* Культурный слой у с. Кудаш; *171.* Ак-тепе; *172.* Сур-тепе; *173.* Ходжа-Писта-бува; *174.* Поселение Ак-мечеть; *175.* Ташмазар-тепе; *176.* Городище Дуркушо; *177.* Джанабадский могильник; *178.* Тагапский могильник; *179.* Янгикурганский могильник; *180.* Рапканмазарский могильник; *181.* Ходжа-Тураб; *182.* Клад монет; *183.* Бронзовый наконечник копья; *184.* Янгикадамская группа мезолитических местонахождений (64); *185.* Зомбарская группа мезолитических местонахождений (6); *186.* Бекабадская группа мезолитических местонахождений; *187.* Ащикульская группа мезолитических местонахождений; *188.* Бувайдинская группа мезолитических местонахождений; *189.* Кзыл-тепинская группа мезолитических местонахождений; *190—200.* Находки каменных орудий (Бешалыш-сай, Саурбулак, Джойдам, Суфан, Арсиф, Карамкуль, Кошкарчи, Актам, Пакана, Калача, р. Сох).

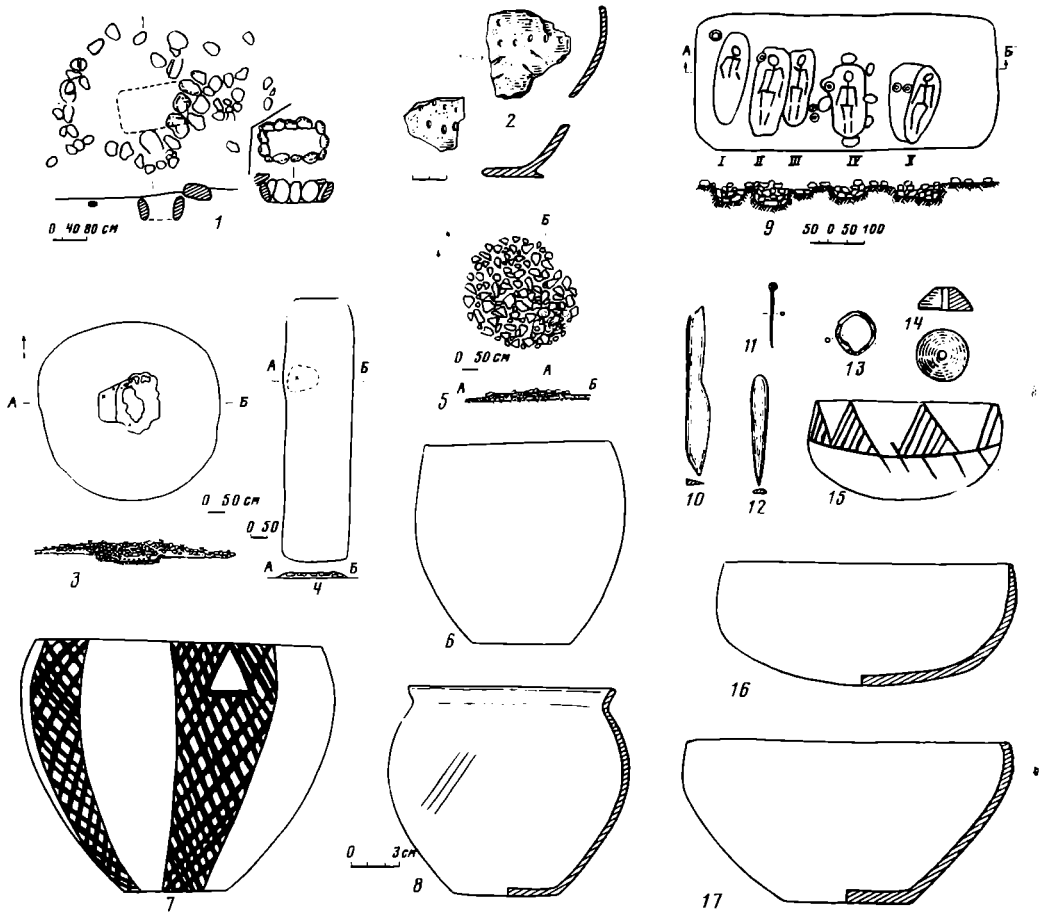


Рис. 2. Типы погребений и находки Фергана I. *1* — Арсифский могильник, оградка 16; *2* — Урюкзорский могильник, кург. 1, п. 13; *3* — Ташкурганский могильник, кург. 5; *4, 8* — Ташкурганский могильник, кург. 22; *5, 6* — Ташкурганский могильник, кург. 10; *7* — Ташкурганский могильник, кург. 2; *9* — Актамский могильник, кург. 82; *10—14* — Суфанский могильник; *15—17* — Южный Ферганский канал (поселение у Талмазара)

наиболее удобные для всей долины в целом [7], хотя и не все из предложенных им тогда этапов находят полное подтверждение.

Фергана I/1, эпоха бронзы. Чустская и Кайраккумская культуры (рис. 2). Единственное поселение — это стоянка чустской культуры на песчаных дюнах вблизи сел. Акбарабад в нижней части Кувасайского ирригационного района (№ 49) [8]. Но почти все из известных сейчас могильников этого периода находятся в восточной части Ферганской области: № 21, 24, 55, 85 и 86. Три из них (№ 21, 24 и 85) относятся к Кайраккумской культуре степной бронзы и частично опубликованы [9].

Необычные материалы были получены при раскопках Ташкурганского могильника (№ 86), где из 44 курганов было раскопано 20. Из них семь относились к первой половине I тысячелетия н. э. и были опубликованы В. И. Козенковой [10]. Семь оказались пустыми, а в нескольких была обнаружена керамика эпохи бронзы (кург. 2, 3, 5, 7, 10, 16, 18,

[7] *Латынин Б. А.* Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.— АСб. ГЭ, вып. 3, 1961, с. 165—170.

[8] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, с. 48.

[9] *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Новые данные...; *Пиотровский Ю. Ю.* Памятник эпохи поздней бронзы в Ферганской долине.— АО-1972. М., 1973.

[10] *Козенкова В. И.* Погребальные памятники Ферганы первых веков н. э.— СА, 1966, № 1, с. 211.

22) (рис. 2, *3—8*). В двух (кург. 3 и 7) она была в засыпи более поздних погребений, в кург. 2 сосуд стоял на краю могилы рядом с сосудом более поздним; в остальных являлась единственной находкой, но погребений в этих курганах вообще не оказалось.

Керамика совершенно очевидно делится на чустскую (рис. 2, *6—8*) и кайраккумскую (типа рис. 2, *2*). Причем, в трех курганах — 2, 3 и 5 — была найдена керамика обеих групп. Несомненный интерес представляет сосуд из кург. 22, имеющий форму и тип орнамента, более характерные для кайраккумской культуры, но выделка его и нанесение орнамента краской характерны для чустской (рис. 2, *8*). Некоторые фрагменты керамики (из кург. 16) относятся к эпохе раннего железа.

Как видим, Ташкурганский могильник (единственный исследованный могильник в равнинной части, а не на адырах) представлял собой очень сложный конгломерат из курганов и погребений разного времени и разных культур от эпохи бронзы до первой половины I тысячелетия н. э. Такое «напластование» погребений, при котором более ранние сильно пострадали при последующих погребениях, привело к отсутствию данных для выяснения четкой картины погребений эпохи бронзы. Очевидно лишь, что эти погребения существовали в пределах датировки чустской культуры (до VIII в. до н. э.), может быть, относятся к концу ее, учитывая наличие «актамского» типа насыпей и керамики. Кроме того, можно говорить здесь о скрещении обеих культур эпохи бронзы и об их, видимо, взаимовлиянии. Керамику кайраккумской культуры обычно находим в каменных ящиках, а здесь нет никаких их следов, форма сосуда из кург. 22 — явное подражание сосудам кайраккумской культуры. Керамика кайраккумской культуры была найдена также в катакомбе 1, 13 Урюкзорского могильника (№ 58) (рис. 2, *2*); в катакомбах, частично раскопанных мною и Б. З. Гамбургом в 1956 г. в могильнике Япаги к югу от Урюкзорского могильника за пределами области.

Таким образом, для эпохи бронзы на территории Южной Ферганы открыты три типа погребений: в каменных ящиках, катакомбах (?) (кайраккумская культура) и, возможно, в грунтовых могилах (чустская?), отмечено взаимовлияние этих культур и, возможно, переход к следующей эпохе — эпохе раннего железа.

Фергана I/2 — эпоха раннего железа — эйлатанский период (VI—III вв. до н. э.) или эйлатано-актамская культура. Так же, как и для предыдущего периода, на территории области почти нет поселений. Имеются лишь находки керамики в нижних слоях Сым-тепе (№ 101) и вскрытые при прокладке Большого и Южного Ферганских каналов культурные слои с керамикой эпохи раннего железа (№ 25, 79 и 80) [11].

Основными же памятниками этого времени опять-таки являются могильники: № 8, 19, 57, 58, 99 [12], 50 [13], погребение, вскрытое трассой Большого Ферганского канала (№ 81) [14], и впускное погребение в могилу эпохи бронзы в Арсифском могильнике (№ 24). Все могильники расположены на адырах в Исфайрам-Маргеланском и Кувасайском районах. Не повторяя известную характеристику культуры этого времени [15] (рис. 2, *9—12*), подчеркнем только, что, хотя она и является продолжением традиций культур эпохи бронзы, это качественно новый этап, новая культура, для которой, в частности, характерно очевидное влияние

---

[11] *Жуков В. Д.* Археологические объекты..., с. 22; *его же.* Ук. отчет, с. 46—48.

[12] *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы...; *ее же.* Раскопки курганов...

[13] Впервые открыт во время строительства Южного Ферганского канала. *Жуков В. Д.* Археологические объекты... (Назван нами Талмазарским по ближайшему к нему поселку).

[14] *Жуков В. Д.* Ук. отчет, с. 46.

[15] *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы...; *Заднепровский Ю. А.* Ук. соч.

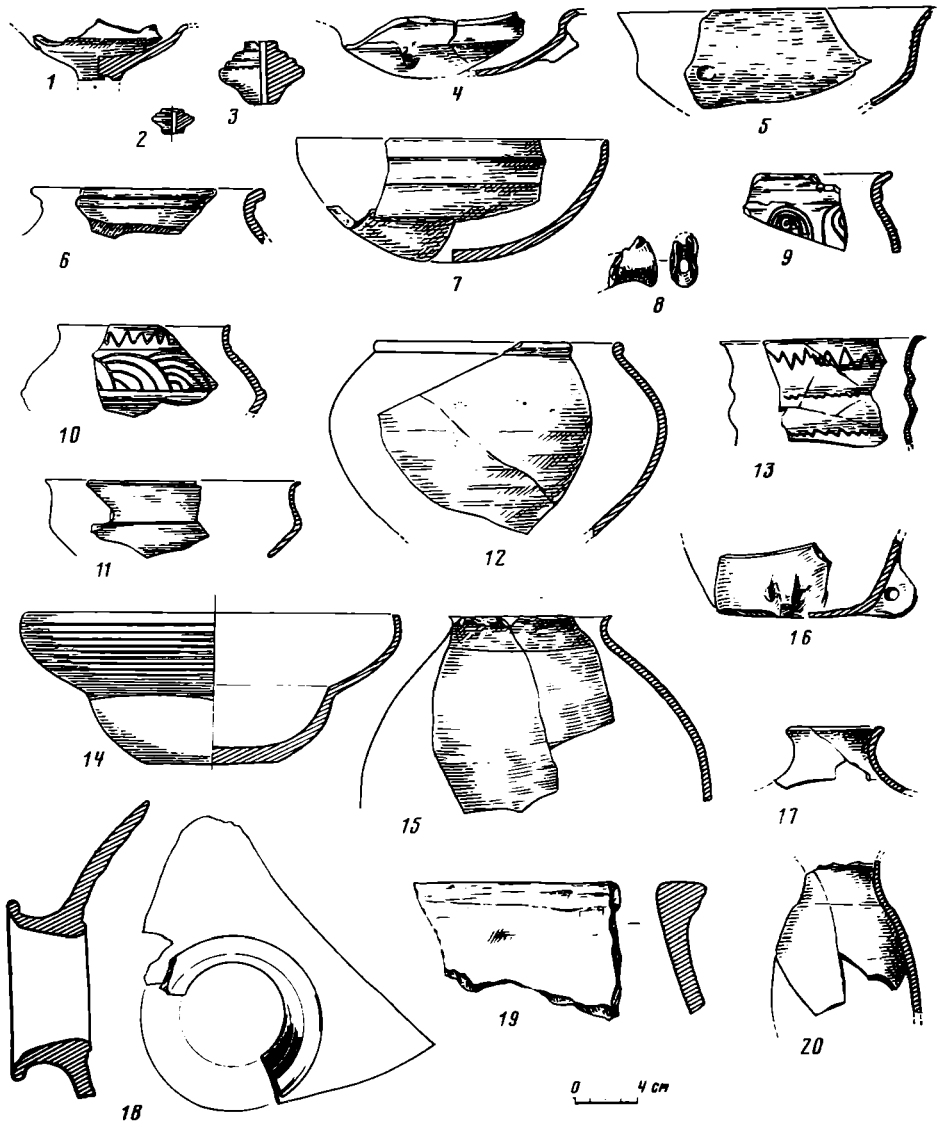


Рис. 3. Керамика периода Фергана II/2 из Кувасайского и Исфайрам-Маргеланского районов. *1—8, 12, 14, 16, 20* — Керкидон, поселение 5[а]; *9, 15, 19* — Арабмазар-тепе; *10, 17, 18* — Мыкты-Курган; *11* — Усман-тепе; *13* — Чун-тепе

кочевых культур сако-усуньского круга. Это, собственно, тоже сакские племена, полуоседлые саки, которые обитали за Яксартом [16].

Фергана II/1 (Даваньский период — II в. до н. э.— I в. н. э. (?)). Этот период в целом по Ферганской долине пока выделяется слабо (рис. 1, *б*). Его, видимо, следует рассматривать прежде всего как переходный этап, начало сложения новой культуры — кугайской. Происходят изменения в целом ряде черт материальной культуры. Появляется станковая посуда, покрытая красным ангобом, формы которой еще близки эйлатано-актамским. Зато все еще сохраняется значительное количество лепной, которая используется не только как кухонная и тарная, но и как столовая. Происходят, возможно, изменения и в форме некоторых бытовых изделий, что проявляется более четко позднее. В строительстве

[16] *Литвинский Б. А.* «Сакп, которые за Согдом».— Тр. АН ТаджССР, т. CXX. Сталинабад, 1960; *Горбунова Н. Г.* Фергана по сведениям античных авторов.— В сб.: «История и культура народов Средней Азии». М., 1976.

отмечено употребление прямоугольного, редко квадратного кирпича, иногда на нем имеются знаки.

На территории I и II ирригационных районов к этому периоду относится Сым-тепе II (№ 101) и часть Талмазарского могильника (№ 50). В числе находок из последнего имеются сосуды, несколько выделяющиеся по форме и выделке. Это, в частности, кувшин, еще В. Д. Жуковым отмеченный как особо изящный по форме [17] (типа рис. 3, *20*). Такие кувшины теперь известны по находкам в Тудаи-Хурд в северо-западной Фергане [18] и в Шурабашате в Узгенском оазисе [19], но в каком сочетании они были найдены в могильнике — неясно. Тип могил, как отмечал В. Д. Жуков, был один — грунтовые могилы, обложенные крупными плоскими гальками (напоминают каменные ящики эпохи бронзы?). Погребенные лежали головой на юго-запад.

В целом можно предполагать все еще слабое заселение области. За пределами области к этому времени могут быть, видимо, отнесены поселения Тудаи-Хурд, часть поселений Узгенского оазиса и, может быть, нижние слои Мархаматского городища [20].

Период Фергана II/2 (Кушанский, Мархаматский — II—IV вв. н. э.). Кугайская или ворухско-карабулакская культура. Основное число памятников в области относится к этому времени. Из 127 учтенных поселений 95 этого периода имеют соответствующие слои, из 35 могильников — 20.

Кувасайский ирригационный район. В верхнем течении расположена Керкидон-Найманская группа поселений (№ 3—7, 9—15, пл. 1, 5—2 *га*) [21]. От Кувасая отходят арык Арсиф, на конце которого находятся Тепе-Арк (№ 22, пл. 1 *га*) и Ак-тепе (№ 23, пл. 0,07 *га*) [22] и арык Суфан, на котором также имеется два тепе (№ 16 и 17, пл. 0,2 и 1 *га*). На выходе Кувасая из адыров расположено Караул-тепе (№ 25, пл. 0,1 *га*), возможно, бывшее сторожевой постройкой, охранявшей начала Кувасайского веера, на котором расположена вся Кувинская группа поселений. Центром ее было, видимо, городище Кува (№ 47), нижние слои которого относятся к первым векам нашей эры [23]. Поселения расположены группами.

Исфайрам-Маргеланский район. На берегу Исфайрамсая на адырах находилась небольшая крепость (№ 62, пл. 0,2 *га*) со стреловидными бойницами в стенах. Может быть, также сторожевая постройка, так как ниже нее Исфайрамсай распадается на множество русел. Расположение сохранившихся поселений позволяет наметить три группы; первая — № 63—66 (пл. 0,1—2 *га*), вторая — № 67, 69—71 (пл. 0,3—0,1 *га*) и третья — № 72, 73—76 (пл. 0,1—1 *га*). Возможно, городище Араб-мазар (№ 75) было центром для последних двух групп, а Горбобо (№ 66) (пл. 2 *га*) — для первой. Западнее группа поселений базировалась уже на веере Маргелансая и частично Файзабадсая. Сюда относятся пять поселений (№ 102—105, 107—108, 110) площадью 0,3—2 *га*. Самое крупное из них Лянгар-мазар-тепе (№ 103), городище площадью 2,2 *га*. Все перечисленные группы были, по-видимому, связаны между собой.

На верхнем течении Маргелансая в долине между предгорьями и адырами расположены поселения Аувальской группы: № 54, 90, 92—94, 96,

---

[17] *Жуков В. Д.* Археологические объекты..., рис. 12.

[18] *Салтовская Е. Д.* Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1971, с. 7.

[19] *Заднепровский Ю. А.* Ук. соч., табл. L.

[20] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, № 26, 1952, с. 299.

[21] *Горбунова Н. Г.* Поселения Ферганы первых веков нашей эры.— СА, 1977, № 3, с. 114, 115.

[22] Там же, с. 110, 113.

[23] *Булатова В. А.* Древняя Кува. Ташкент, 1973, с. 12, 17.

97 (пл. 0,1—4 *га*). Немного севернее поселение Сым-тепе (№ 101), бывшее, видимо, частью городища.

Алтыарыкский ирригационный район. В верхней долине между предгорьями и адырами сейчас есть только два поселения: Дом-тепе (№ 115, городище с вышкой, пл. 0,7 *га*) и крепость Муг-кала (№ 117, пл. 0,8 *га*). На одном из ответвлений сая, Арабарыке, расположена группа поселений (№ 119—121, пл. до 0,3 *га*). На конце Алтыарыксая в зоне современных песков находятся городища Зурек-мама (№ 124, пл. 2 *га*) и зафиксированные при строительстве Большого Ферганского канала Кош-тепе (№ 123) и, видимо, Тулки-тепе (№ 141).

Сохский ирригационный район. В верховьях и по берегам его русла в пределах предгорий отмечены поселения (№ 125, 126, 131). У начала Сохского веера стоит крепость Сары-Курган (№ 136). Недалеко от нее находилось и поселение (№ 135).

В восточной части Сохского веера выявлено 14 поселений, расположенных группами, которые условно можно назвать: Бачкирская (№ 152—158), Бувайдинская (№ 159—161) и Уч-Купрюкская (№ 145—148). Первые две группы расположены на периферии орошаемой Сохом территории, а Уч-Купрюкская в начале плодородных земель, после стока воды с галечной основы конуса выноса.

В западной части веера зафиксировано только четыре поселения: № 168, пл. 0,4 *га*[24], № 171 и 172, № 175, пл. 0,7 *га* и часть ныне не существующего городища Дуркушо (№ 176)[25]. Уч-купрюкская группа и № 168 расположены в зоне выхода воды с галечников, а № 172 и № 175 на концах русел. Картирование позволяет говорить о большей заселенности Кувасайского и Исфайрам-Маргеланского районов в то время.

Могильники расположены во всех ирригационных районах в зоне предгорий и на краях адыров, изредка на равнине. Кроме могильников еще в двух пунктах на трассах каналов обнаружены отдельные погребения (№ 83 и 169)[26]. По конструкции погребальные сооружения можно разделить на четыре группы: 1 — катакомбы (№ 58, 85, 88, 99, 114, 116); *2* — подбои (№ 99, 100, 116, 129); *3* — грунтовые неглубокие могилы и впущенные в более ранние курганы (№ 19, 50, 58, 86, 88, 89, 98, 99, 122 и 129); *4* — погребения на дневной поверхности и в слегка углубленных ямах с обкладкой камнями и каменных склепах, сложенных из крупных булыжников (№ 177—180). Как видим, только погребения четвертой группы являются обособленными могильниками, остальные встречаются вместе на одних и тех же кладбищах.

Различия между группами прослеживаются в положении и количестве погребенных, а также в инвентаре. Так, в погребениях третьей группы кроме керамики встречаются прясла, ножи, пряжки, сурьматаши. Для первой, второй и четвертой групп характерно обилие украшений (бусы, кольца, перстни, браслеты, серьги) при обязательном наличии пряслиц, зеркал, сурьматашей и пр. Оружие (наконечники стрел, кинжалы) встречаются редко, особенно в третьей группе.

Могильники четвертой группы отмечены только в одном Сохском ирригационном районе на краю предгорий и начала культурных земель. Могильники первой и второй групп известны как в предгорьях, так и на адырах, третьей — только на адырах и на равнине, причем на равнине никаких других погребений, кроме третьей группы, нет. Именно третья группа отличается от всех остальных и набором инвентаря. Не вдаваясь здесь в сложную проблему, каким племенам могли принадле-

---

[24] *Латынин Б. А.* Дневник Ферганской экспедиции. 1930. Архив ЛОИА, № $\frac{180}{1930}$

[25] *Гулямов Я. Г.* Ук. отчет, с. 96, 97 и 100.

[26] *Жуков В. Д.* Ук. отчет, с. 51; *Гулямов Я. Г.* Ук. отчет, с. 92.

жать могильники (по этому вопросу есть обширная литература [27]), отметим только то, что наряду с конструкцией погребальных сооружений и погребальный инвентарь позволяет обособить третью группу.

В связи с этим интересно сопоставить расположение могильников с картой земель кочевого киргизского населения, составленной в XIX в.[28] Территория кочевания проходит в районе Исфары и Соха практически вплотную к культурным землям. Восточнее она все дальше отступает на юг. Только между селениями Вуадиль и Уч-Курган территория кочевания как бы языком вклинивается ближе к оазисам в направлении селения Луваль, а затем опять отступает далеко на юг до р. Куршаб.

Пока может быть предложено несколько объяснений существующим в могильниках различиям: хронологические, этнические и социальные. Так, грунтовые погребения можно считать продолжением традиций более ранних, их, видимо, сменяют погребения 1, 2 и 4 типов, оставленные племенами, ведшими скотоводческое хозяйство. Об этом уже неоднократно писали исследователи и это, как кажется, хорошо согласуется с картой распределения кочевых территорий. Кроме того, погребения 4 типа могли отличаться и этнически, о чем свидетельствует обряд погребения, явно тяготеющий к обряду погребений в муг-хона, известному в районах северо-западной Ферганы. Погребения 3 группы в свою очередь скорее оставлены земледельцами Ферганы.

Помимо могильников на территории области находятся не имеющие аналогий погребения в Кувасайской пещере (№ 1), обнаруженные в 1951 г. Ташкентской геолого-разведочной партией и обследованные автором (рис. 4). Протяженность пещеры, которую можно было замерить, примерно 30 *м*. Северо-западный ее конец высокий, около 2 *м*, со следами орудия (кирки?) на стенах и закопченном потолке, юго-восточный — почти весь заполнен обвалившимися глыбами ракушечника и толстым слоем мергелистого завала. Все находки сделаны в юго-восточной — восточной части пещеры на слое завала и располагались группами. Среди находок — пять мужских, два женских и восемь детских черепов [29], кости животных, гончарная (рис. 4, *8*, *9*, *11*) и лепная (рис. 4, *3*, *5*—*7*, *10*, *12*) посуда, деревянные миски (рис. 3, *2*, *4*), часть доски с прямоугольными отверстиями (рис. 4, *1*), много различного размера палок с насечками. Из пещеры, идущей параллельно первой, были тоже извлечены сосуды (рис. 4, *8*).

Если датировка материалов не вызывает особых сомнений и все они явно относятся к рассматриваемому периоду, то назначение пещеры остается совершенно неясным. Во всяком случае вряд ли она была жилая. Копоть на потолке, частично обгоревшие деревянные палки и миски, скопления золы в отдельных местах свидетельствуют о том, что огонь в пещере разводили, причем в дальнем ее конце, где отсутствуют находки. Скорее всего находки в Кувасайской пещере свидетельствуют о существовании у древних ферганцев неясного пока для нас погребального обряда, связанного с местными культами.

Если период Фергана II/1 был началом изменений в кугайской культуре [30], то Фергана II/2 — ее расцвет. Наблюдается резкое увеличение количества поселений, освоение практически почти всех плодородных

---

[27] *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии. М., 1972 (Могильники Западной Ферганы, I), с. 57, там же литература вопроса.

[28] *Неуструев С. С. и др.* Об естественных условиях Южной Ферганы.— В кн.: «Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды)». Ташкент, 1915.

[29] *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины.— ТКА ЭЭ, т. I, 1956, с. 91.

[30] Название культуры «кугайская» предложено автором настоящей статьи, Б. А. Литвинский предлагает «ворухско-карабулакская» (для могильников).

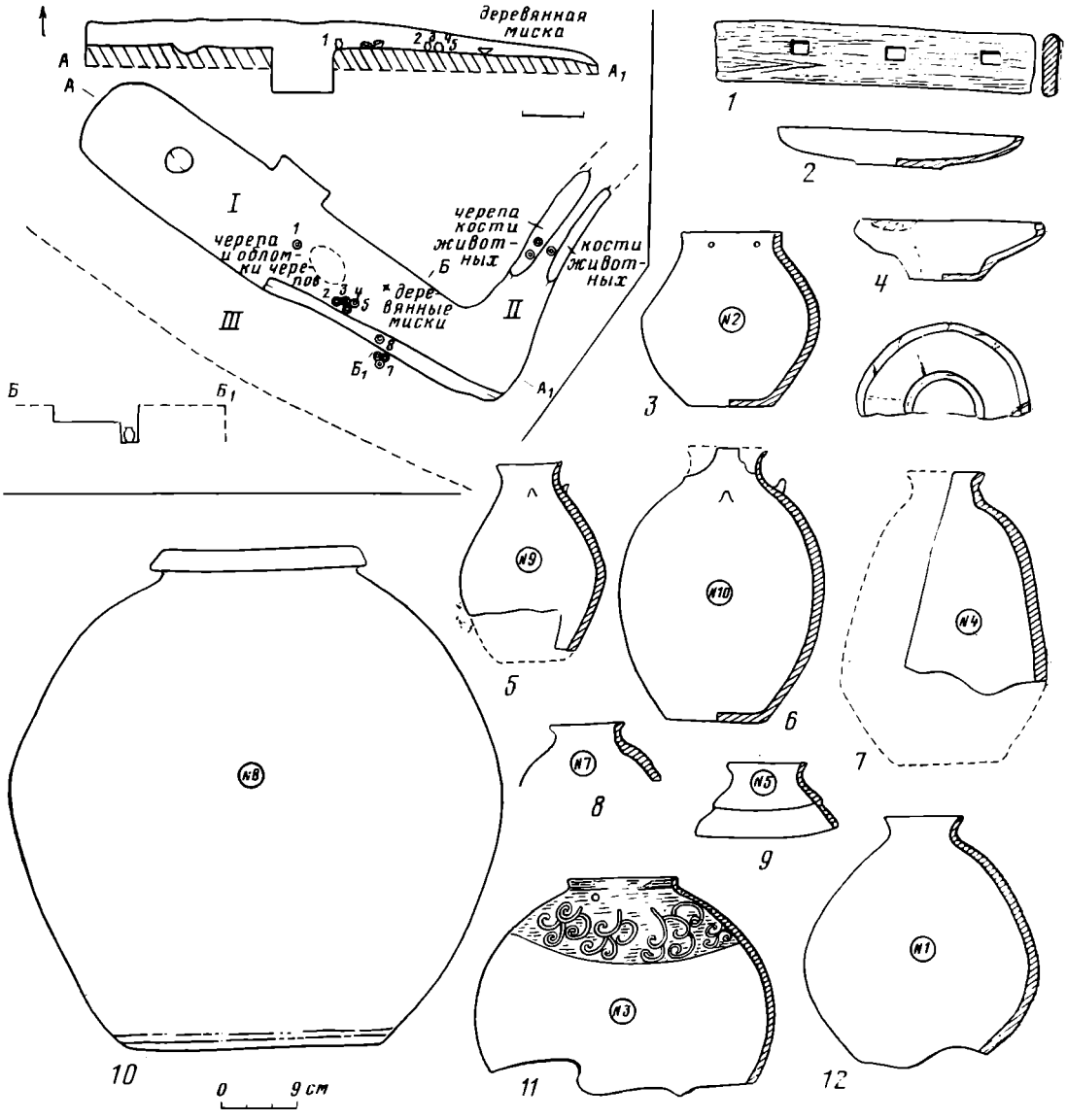


Рис. 4. Кувасайская пещера. План и находки

земель, орошенных горными реками, использование веерных протоков, превращение их в каналы путем расчистки и направлений потоков воды [31]. В строительстве используется прямоугольный кирпич с нечеткими постоянными размерами в пределах 42—48×32×37×3—10 *см*, гуваля и пахса. Постройки с плоскими или сводчатыми перекрытиями возводятся в зависимости от назначения либо на высоких стилобатах, либо без них. В планировке поселений отмечены центральные парадные залы с деревянными колоннами и группирующиеся вокруг них хозяйственные и жилые комнаты. В фортификации известны прямоугольные башни со стреловидными бойницами, иногда башни без внутренних построек. На поселениях поражает огромное количество ладьевидных зернотерок (жерновов еще нет). О развитии зернового хозяйства свидетельствуют и находки на поселениях обгоревшего зерна: проса и ячменя.

[31] Процесс, характерный не только для Ферганы, отмечен, например, и в Бактрии. См. *Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана.— В сб.: «Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана». Л., 1976.

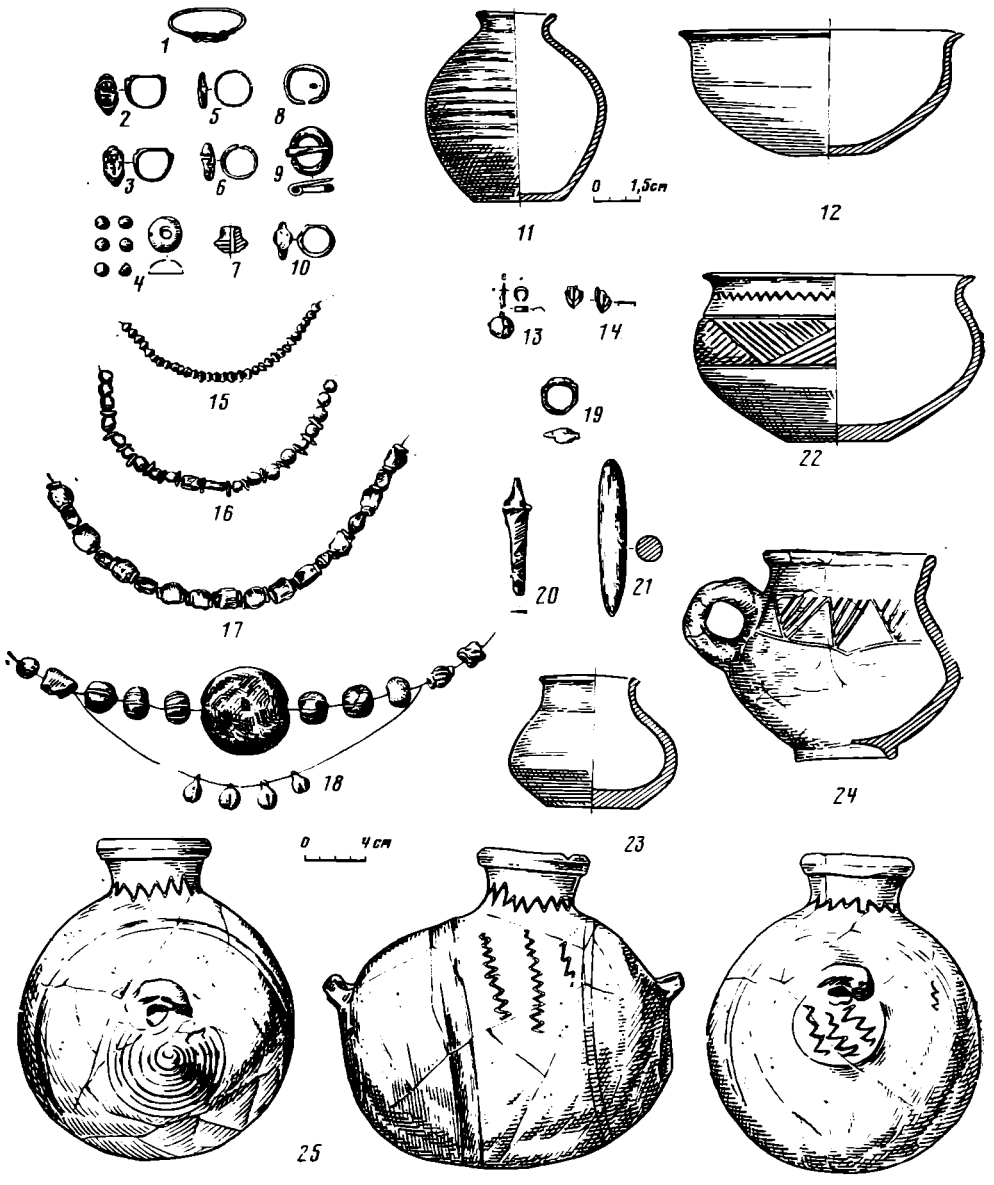


Рис. 5. Инвентарь из могильников периода Фергана II/2: *1—3, 6, 10* — Урюкзор I, 18; *4, 5, 7, 8* — Рапканмазар 1; *9* — Рапканмазар 3; *11, 12, 22, 23* — Талмазарский могильник, случайные находки; *13—18, 21* — Урюкзор I, 16; *19* — Урюкзор II, 13; *20* — Урюкзор II, 7; *24* — Рапканмазар 5; *25* — Джанабад II, 1

Преимущественное распространение получает станковая посуда, покрытая красным ангобом и украшенная процарапанным геометрическим орнаментом и изображениями птиц и животных (рис. 3 и 5). Анализ форм и технологии изготовления посуды позволяет говорить о существовании керамических центров (ср. рис. 3; рис. 5, *11, 12, 22, 23* и, например, рис. 5, *24* и *25*) при наличии общей традиции в гончарном производстве в пределах всей долины. Изменяется форма ряда бытовых предметов (рис. 5): вместо узких железных ножей с невыделенной рукояткой распространяются крупные (и мелкие) ножи с черенком для насадки костяных рукояток либо в виде трубочки, либо двух фигурных пластин, прикреплявшихся гвоздями. Вместо конических пряслиц распространяются биконические красноангобированные (рис. 3, *2* и *3*), вместо небольших сурьматашей с одним заостренным концом — крупные веретенообразные (рис. 5, *21*) и сурьматаши с отверстием для подвешивания.

Рис. 6. Наскальные рисунки у Хамзаабада

Распространяются бронзовые зеркала «сарматского» типа и китайские; многочисленные бронзовые, реже железные украшения[32]. Известны только железные наконечники стрел: трехперые, пулевидные, трехгранные. Имеются однолезвийные кинжалы и длинные мечи.

Существенные изменения происходят в погребальном обряде. Из отмеченных выше типов погребальных сооружений только погребения в грунтовых могилах могут рассматриваться как традиционные.

Вопрос о причинах смены погребальных обрядов достаточно сложный, и здесь мы его касаться не будем. На территории Ферганы распространение новых погребальных обрядов может быть связано с появлением новой волны кочевников, занявших менее освоенные районы западной Ферганы и быстро ассимилировавшихся с местным населением, что нивелирует их материальную культуру, по остаткам которой мы не можем сделать различия между пришлыми и местными жителями. Разница, например, в керамике совпадает с различием керамических центров. Остальной инвентарь несравненно богаче представлен в могильниках, но отдельные находки на поселениях ножей, зеркал, пряжек, бус, наконечников стрел и пр. свидетельствует об их идентичности.

Интересной находкой являются изображения коней, выбитые точечной техникой на скальных выходах в районе Хамзаабада (№ 84, рис. 6), но трудно сказать, к какому они времени относятся. Шесть коней вправо и влево, все в предкоитусном состоянии, на одном — странная фертообразная фигурка всадника. Рисунки покрыты темно-коричневым пустынным загаром. Они немного напоминают известных «даваньских» коней[33], но по стилю изображения явно отличны.

Фергана II/3 (V—VI вв. н. э.). Конец кугайской культуры, переходный период. Памятники этого времени выделяются пока с трудом. Их и в целом немного по Ферганской долине. В керамике можно отметить зарождение нового стиля. На территории области к этому времени отнесем верхний слой Мунчак-тепе (№ 159 и 161). Верхний слой № 159 — напластования рыхлых гумусно-золистых прослоек с большим количеством хозяйственных ям, кострищ, костей животных и керамики, которая отличается от нижних слоев некоторым уменьшением процента станковой посуды, появлением сосудов с носиком, обработкой поверхности мелким рифлением, ухудшением качества ангоба, появлением ангобной рос-

[32] *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Северного Таджикистана. М., 1973 (Могильники Западной Ферганы, III); *его же.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

[33] *Бернштам А. Н.* Ук. соч., с. 223; *Заднепровский Ю. А.* Ук. соч., с. 180.

писи: заштрихованные полосы посредине тулова. Для Ферганы этого периода характерно более активное, чем раньше, влияние каунчинской культуры и начавшиеся связи с Согдом. Говорить о каких-либо изменениях в расположении поселений пока невозможно, так как по подъемному материалу выделять этот период еще нельзя. Следует отметить, однако, что Мунчак-тепе (№ 159) находится еще на хвостовых окончаниях Сохского веера. Часть курганов тоже относится к этому времени.

Фергана III (VII—VIII вв. н. э.) Для этого периода на территории области зафиксировано шестнадцать поселений (т. е. почти в пять раз меньше, чем для предыдущего (рис. 1, *в*). Для Кувасайского верхнего района это два строительных периода на поселении Чун-тепе (№ 3) и поселение Ак-тепе (№ 23), где продолжается традиция круглых в плане построек, но уже с двумя кольцевыми стенами: внутренней и внешней (на картах 1 *а*, *в*, № 3, 28, 49 ошибочно не включены в число памятников VII—VIII вв.).

В Кувасайском нижнем районе — городище Кува (№ 47), надо полагать, бывшего центром и нижнего и верхнего районов с хорошо известным буддийским храмом и жилыми постройками вокруг него [34]. Здесь же поблизости находилось Зиндон-тепе (№ 28), второе по величине городище этого района, а также № 38, 39, 43, 46. Все это небольшие поселения.

В Исфайрам-Маргеланском нижнем районе расположены четыре пункта: № 66, 78, 103, 110. На № 78 в 1952 г. был найден венчик хума с тюркской рунической надписью [35]. На среднем течении Маргелансая сосредоточена группа поселений (№ 54, 91, 93—96), существовавших и ранее, кроме однослойного № 95 (пл. 0,7 *га*). В этом же районе находится могильник Янгиабадский I (№ 88), в одной из могил которого было найдено впускное погребение в хуме, на венчике которого была тюркская руническая надпись [36]. Надо сказать, что 6 из 14 известных в Фергане тюркских надписей найдены в I и II ирригационных районах.

На Сохском веере продолжается жизнь на поселении Сары-Курган, которое расширяется, и на нем возводятся дополнительные укрепления, прежняя крепость оказывается внутри новой. Но, кроме Сары-Кургана, к этому времени с уверенностью нельзя отнести ни одно из поселений Сохского веера.

Керамика на этом этапе совершенно меняет свой облик (рис. 7, *1—5*, *8—9*). Формы посуды аналогичны формам Согда, Чача и Семиречья, что не было характерным для предшествующего периода. Совершенно очевидно сильное согдийское влияние в гончарном производстве.

Таким образом, очевидно, что в VII—VIII вв. резко сокращается количество поселений, что, впрочем, характерно не только для Ферганы [37]. Прекращается жизнь на поселениях окраин Центральной Ферганы, что связано с изменениями водного режима. Это совершенно новый этап в развитии культуры Ферганы, в котором четко отражается участие в жизни Ферганы тюрков и согдийцев. С этого же времени зафиксировано и денежное обращение.

Развитое средневековье (IX—XII вв.). Памятники этого периода по-прежнему связаны с ирригационными районами, но в расположении их очевидно тяготение к основным дорогам Ферганы. В Кувасайском верхнем районе продолжает функционировать Чун-тепе (№ 3). В нижнем Кувасайском районе по-прежнему центром округи остается городище Кува, жизнь на котором прекращается в XII в. Кроме него существовали поселения № 28, 31, 37.

---

[34] *Булатова В. А.* Ук. соч., с. 51 сл.

[35] *Заднепровский Ю. А.* Тюркские памятники в Фергане.— СА, 1967, № 1, с. 272.

[36] *Козенкова В. И.* К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии.— СА, 1961, № 3.

[37] *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХА ЭЭ, т. IX, 1976.

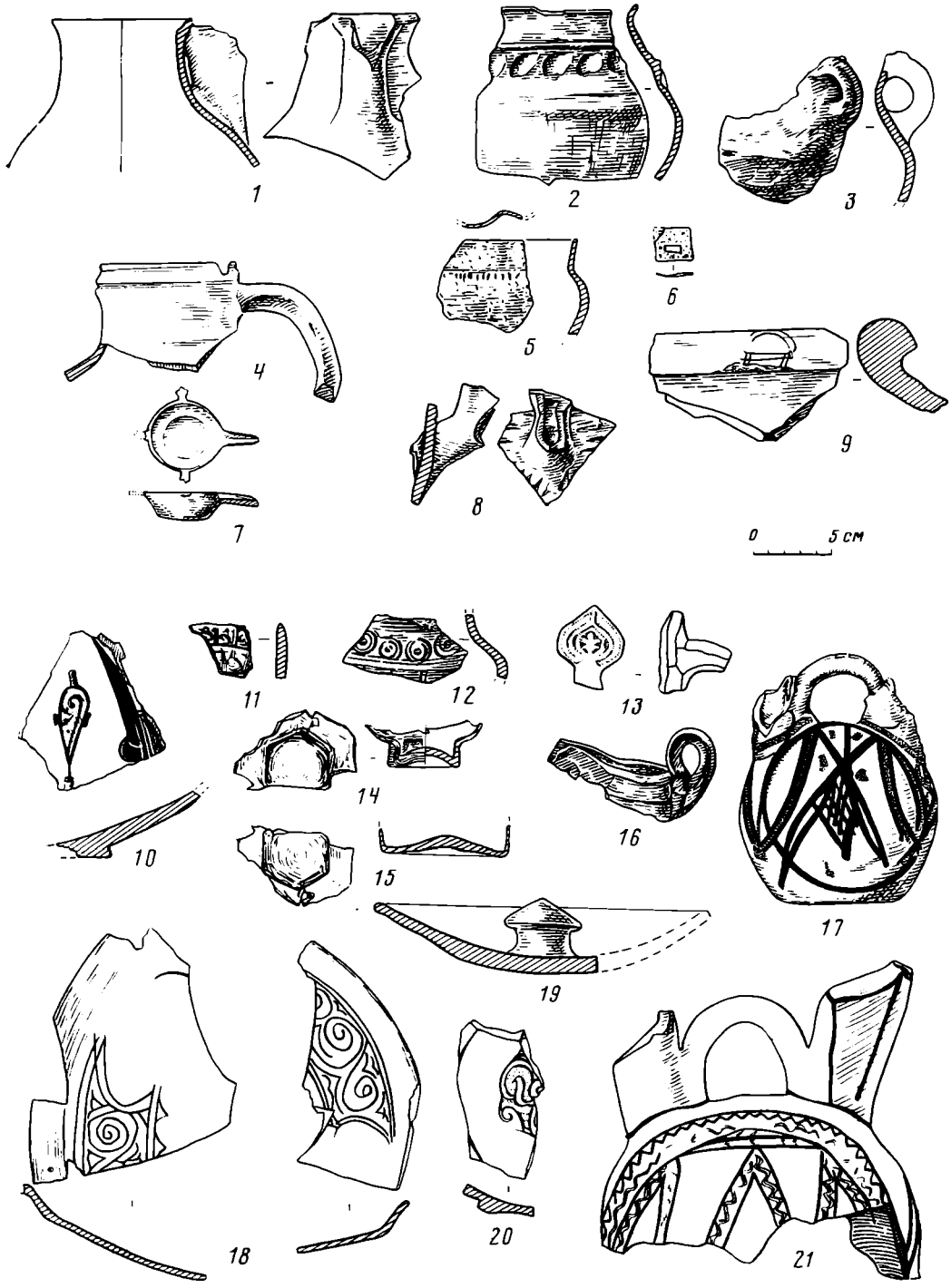


Рис. 7. Керамика и находки периода Фергана III и XI—XII вв.: *1—9* — Чун-тепе слои VII—VIII вв.; *10, 11, 14* — Ходжа-Тураб, подъемный материал; *12, 13, 15—21* — Чун-тепе, верхние слои; *6—7* — бронза; *14—15* — стекло, остальное — керамика

В Исфайрам-Маргеланском районе центром был, видимо, город Маргелан, известный по письменным источникам. К нему тяготеют № 101, 102, 106. На нижнем Маргелансае можно отметить только № 94. В Сохском ирригационном районе находится селение Риштан, его старая часть Сахиби Худоя (№ 139) [38] и поселения № 137, 140, 174, 176, 181.

[38] *Жуков В. Д.* Ук. отчет, с. 70.

Ни одно из поселений сейчас уже не существует. Кроме того, недалеко от селения Наукат в 3 км к югу от Сырдарьи был найден в сосуде клад монет XI в.[39] и некогда было тепе, снесенное во время земляных работ.

Как известно, письменные источники помещают в Южной Фергане область Верхнюю Несью с городами Сох, Коканд, Риштан и Ванкет и Нижнюю Несью с городами Маргинан, Беренг, Уштикан, Зендерамш и Андукан[40]. Расположение известных нам мест поселений действительно дает возможность выделить Верхнюю Несью, где известны города Коканд и Риштан. Что касается города Сох и 60 селений около него, то предполагавшееся местонахождение его в Сары-Кургане вряд ли реально, так как там нет материалов позже VIII в. н. э. Скорее можно предположить его местонахождение где-нибудь в районе поселений № 174 и 176[41], где было выявлено несколько пунктов со средневековой керамикой. На дороге из южной Ферганы в Чач находился и Ходжа-Тураб (№ 181)[42], возможно, бывший городом Ванкет.

Что касается Нижней Несьи, то локализация города Маргинана не вызывает сомнений. А где находились города Беренг и Уштикан неясно. Во всяком случае где-то в районе поселений № 102, 106. Округ Куба выделяется особо, что полностью соответствует данным археологии. И наконец, в источниках фигурирует горный округ Авал, который ориентировочно локализовали в местности вокруг селения Ауваль на среднем течении Маргелансая. Здесь, как отмечалось, издавна существовали поселения, составляющие особую группу.

Керамика Ферганы в пределах IX—XII вв. охарактеризована И. Ахраровым и Г. А. Брыкиной[43]. Собранная нами при частичных раскопках и в подъемном материале ничего нового не добавляет. Поэтому ограничимся краткой характеристикой некоторых фрагментов, представленных на рис. 7: фрагменты блюд с подглазурным гравированным орнаментом под светло-зеленой глазурью (рис. 7, *18*), со светлой с зеленым отливом поливой, с узорами, выполненными зеленым и желтым цветом (рис. 7, *20*), со светлой глазурью и коричневой росписью (рис. 7, *10*), со светлой глазурью и орнаментом, выполненным красным и коричневым (рис. 7, *11*). Характерными находками являются сосуды типа мургоби (рис. 7, *17*, *21*), причем роспись на них нередко бывает двухцветная, например синяя и красная (рис. 7, *21*). Имеются находки штампованных сосудов (рис. 7, *12*), сфероконусов, светильников (рис. 7, *13*, *16*), крышек (рис. 7, *19*), фрагментов стеклянных сосудов (рис. 7, *14—15*), т. е. представлен обычный ассортимент керамики, характерный, пожалуй, более для XI—XII вв.

Подводя итоги результатам археологического обследования области, можно отметить, что анализ всех собранных материалов позволяет проследить хотя и неполную, но достаточно четкую историю развития культуры Ферганы. Причем выделенные здесь ее этапы характерны для всей Ферганы в целом и подтверждают многие высказанные ранее суждения на этот счет Б. А. Латынина, А. Н. Бернштама, Ю. А. Заднепровского и других. Смена этапов, изменения в отдельных чертах материальной культуры, периоды расцвета и, видимо, упадка культуры или переходных ее периодов совпадают в целом с таковыми для других земледельческих районов Средней Азии.

---

[39] *Давидович Е. А.* Новый клад монет Ферганского областного музея.— ИООН АН ТаджССР, № 14. Сталинабад, 1957.

[40] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Собр. соч., т. 1. М., 1963, с. 214—217; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 202, 203.

[41] *Гулямов Я. Г.* Ук. отчет, с. 96, 97.

[42] Там же, с. 113, 114.

[43] *Ахраров М.* Керамика Ферганы X—XII вв. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1965; *Брыкина Г. А.* Карабулак. М., 1974.

N. G. Gorbunova

SOME RESULTS OF THE ARCHAELOGICAL SURVEY IN FERGANA REGION

Summary

During 1973—1976 a complete archaelogical survey of Fergana region was carried out for preparing of its archaelogical map. Sites of different epochs from Palaeolithic to the XIIth century were discovered. Periods, established on the basis of these materials are characteristic for development of culture in Fergana valley and confirm many statements of different investigators. The sequence of flourishing and decline of culture and transitional periods coinsides with similar sequences of the other agricultural regions in Central Asia. It shows the close connections of this north-eastern outpost of Central Asian agricultural culture with its neighbours. But for many centuries Fergana valley retained also its specific features.

В. М. ВОРОБЬЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ

Проблема происхождения и начальных этапов развития рубящих орудий в донеолитическое время является одной из самых значительных в области изучения каменного инвентаря. С. А. Семенов справедливо отмечал, что «в истории первобытной техники вопрос о происхождении топора занимает одно из важнейших мест и заключает в себе глубокий интерес» [1]. Интерес для исследователя представляют такие вопросы, как время и причины появления рубящих орудий, степень распространения конкретных их форм на памятниках той или иной территории; морфологические особенности и сфера применения, а главное — разработка принципов классификации и создание научной типологии донеолитических форм рубящих орудий как основы для относительной датировки отдельных типов и привлечения этих материалов для этнокультурной интерпретации соответствующих памятников.

Первые работы, затрагивающие вопросы происхождения и начальных этапов развития рубящих орудий, появились еще в начале нашего века, однако до сего времени в комплексе эти вопросы не решались. В свое время Ж. де Морган говорил о существовании топора в мезолитическую эпоху, отмечая отсутствие преемственности между ручным рубилом и позднейшим резаком и мотыгой и описывая способы прикрепления клинка к рукояти [2]. В классическом труде Г. Кларка «Мезолитические поселения Северной Европы» [3] довольно подробно описываются рубящие орудия, найденные в памятниках культуры маглемозе [4].

Первой специальной работой по типологии мезолитических рубящих орудий является небольшая статья Й. Трёльс-Смита, написанная на весьма ограниченном материале [5]. Г. Швантес предлагал даже начинать мезолит со времени появления в инвентаре первых топоров [6]. Однако с этим тезисом, поддержанным Г. Кларком, К. Альтином и др., нельзя согласиться, поскольку, во-первых, нам известны топоры из верхнепалеолитических поселений, во-вторых, в отдельных районах Европы топор появился несколько позднее начала мезолита, поэтому он не может играть роль маркирующего орудия при отнесении памятника к той или иной эпохе. В 40-е годы Г. Швабедиссеном была создана упрощенная и, к сожалению, путаная классификация мезолитических рубящих орудий, не отражающая реального богатства форм топоров и тесел северных лесных

---

[1] *Семенов С. А.* Топор в верхнем палеолите.— КСИИМК, XXXI, 1950, с. 168.

[2] *Морган Ж. де.* Доисторическое человечество. М.— Л., 1926, с. 79, 99.

[3] *Clark G.* The Mesolithic settlement of Nothern Europe. Cambridge, 1936.

[4] *Sarauw G.* Maglemose.— Pz, 1911, Bd 3, № 1—2, 1914; Bd 6, № 1—2.

[5] *Troels-Smith J.* Beile aus dem Mesolithikum Dänemarks. Ein Einteilungsversuch.— AA, vol. 8, 1937, p. 278—295.

[6] *Schwantes G.* Die Urgeschichte.— In: Geschichte Schleswig — Holstein, Bd 1, Newmünster, 1958.

культур[7]. Однако до сих пор некоторые ученые[8] придерживаются этой классификации, что не позволяет им подняться до глубокого осмысления материала и привлечения его для решения этнокультурных проблем[9].

Г. Чайлд относил появление рубящих орудий к верхнему палеолиту, а самым выдающимся достижением мезолитической эпохи считал для Северной Европы «применение набора полноценных плотничьих инструментов»[10]. В позднейших публикациях зарубежных археологов тема происхождения и развития рубящих орудий затрагивается только попутно[11].

Материалы лесных мезолитических культур европейской части СССР также еще не рассматривались в совокупности. В 1948 г. вышла монография Р. Индреко, в которой обобщались результаты многолетних раскопок стоянки Кунда в Эстонии[12]. Значительный раздел книги посвящен анализу найденных при раскопках рубящих орудий. Автор делает попытку дать классификацию каменных топоров и тесел, выделяя четыре основных типа[13].

Глубоким, всесторонним подходом к решению частного вопроса отличается статья С. А. Семенова, посвященная функциональному определению топора из раскопанной П. П. Ефименко стоянки Костенки I. Автор реконструирует первоначальный облик орудия, анализирует следы работы на нем, дает собственное определение понятия «топор»[14]. В последующих работах С. А. Семенов неоднократно возвращается к этой теме, подробно исследуя такие вопросы, как назначение отдельных форм топоров и тесел, определение КПД орудий с рукоятью, способы скрепления клинка с рукоятью, зависимость формы орудия от качества сырья и вида заготовки, кинематика крупных рубящих орудий[15].

Мезолитическое совещание 1962 г. в Ленинграде показало устойчивый интерес к изучению региональных особенностей мезолита лесной зоны европейской части СССР. Характеристике мезолитических памятников Карелии, содержащих рубящие орудия, посвящены работы Г. А. Панкрушева[16], В. Ф. Филатовой[17] и др. В работах В. Ф. Филатовой, в частности, в развернутом виде даны принципы классификации сланцевых рубящих орудий и приведена их типология. Работами Л. Ю. и К. Л. Янитсов введены в научный оборот топоры и тесла из вновь раскопанных мезолитических памятников Эстонии[18]. Богатые материалы из

---

[7] *Schwabedissen H.* Die mittlere Steinzeit im westlichen Norddeutchland unter besonderer Berücksichtigung der Feuersteinwerkzeuge. Neumünster, 1944.

[8] *Kobusiewicz M.* Some elements of the North-West European mesolithic cultures in the Odra and Vistula basins.— PA, vol. 21, 1973, p. 93—121.

[9] *Kobusiewicz M.* Op. cit., p. 98, 99.

[10] *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949, с. 61.

[11] *Althin C. A.* The Chronology of the Stone Age settlement of Skania, Sweden. Part 1. The Mesolithic settlement.— AA, vol. 4, 1954; *Rust A.* Die Funde vom Pinnberg. Neumunster, 1958; *Luho V.* Suomusjarvi — kultur. Helsinki, 1968; *Kozlowski S. K.* Pradzieje ziem polskich od IX do końca V tysiąclecia p.n.e. Warszawa, 1972.

[12] *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit im Estland. Upsala, 1948.

[13] Ibid., p. 141—149.

[14] *Семенов С. А.* Топор в верхнем палеолите, с. 168—173.

[15] *Семенов С. А.* Первобытная техника.— МИА, № 54, 1957; *его же.* Изучение первобытной техники методом эксперимента.— В сб.: Новые методы в археологических исследованиях. М., 1963, с. 193—209; *его же.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

[16] *Панкрушев Г. А.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964; *его же.* Памятники эпохи мезолита в Карелии.— КСИА АН СССР, № 149, 1977, с. 83—89; *его же.* Мезолит и неолит Карелии, ч. 1. Мезолит. Л., 1978.

[17] *Филатова В. Ф.* Опыт периодизации неолитических памятников Карелии (по данным типологии каменного инвентаря). Автореф. канд. дис. М., 1971; *ее же.* Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере.— КСИА АН СССР, № 126, 1971, с. 132—139; *ее же.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс и позднемезолитических.— В сб.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 10—33.

[18] *Янитс Л. Ю.* Новые данные по мезолиту Эстонии.— МИА, № 126, 1966, с. 114—123; *Янитс К.* Мезолитическая стоянка в Умбузи.— Изв. АН ЭССР, т. 26. Сер. общест-

литовских стоянок обобщены в монографии Р. К. Римантене [19]. Памятники неманской мезолитической культуры на территории Белоруссии плодотворно исследуются В. Ф. Исаенко [20]. Благодаря многолетним работам Л. В. Кольцова и Д. А. Крайнова мы можем говорить об относительно хорошей изученности мезолита Волго-Окского междуречья [21]. В работах М. Г. Косменко [22] по мезолиту Среднего Поволжья сделана попытка осветить некоторые вопросы, связанные с происхождением рубящих орудий. Есть сведения о наличии топоров и тесел в мезолите Вычегодского края и Печорского Приполярья [23].

Сейчас можно считать вполне доказанным, что между ручными рубилами нижнего палеолита и позднейшими топорами не существует никакой связи. С другой стороны, точка зрения о появлении рубящих орудий лишь в неолите, поддержанная А. А. Формозовым [24], в последние годы теряет своих сторонников.

Первые достоверные каменные рубящие орудия известны на некоторых верхнепалеолитических поселениях [25]: Костенки I, Мезин, Мальта и др. Образцом тщательности и наблюдательности является небольшое по объему исследование С. Н. Астахова, посвященное позднепалеолитическим теслам Енисея [26]. Автор доказывает приоритет тесла перед топором по времени его появления, что находит немало подтверждений этому в новых материалах с других территорий.

Интересен топор из Костенок I. Это изящное по форме орудие, с острым закругленным на углах лезвием, с обухом, стесанным для удобства скрепления с рукоятью. Мы согласны с П. П. Ефименко, считавшим, что клинок вставлялся в роговую муфту. Привязывание, на котором настаивал С. А. Семенов, не могло быть эффективным.

Природные условия перигляциальной зоны не способствовали широкому распространению деревообрабатывающих орудий в позднепалеолитическое время. Началом эры топора и тесла является для лесных культур пребореальный период. В мезолите рубящие орудия известны практически во всех районах Северной Европы и в СССР.

Характерно, что все исследователи, так или иначе затрагивающие вопрос о происхождении рубящих орудий, связывают их зарождение с лесной зоной. Это и понятно, ведь топор в первую очередь и прежде

венные науки, № 1, 1977, с. 42—47; *Jaanits L., Jaanits K.* Ausgrabungen der fruhmesolithischen Siedlung von Pulli.— Изв. АН ЭССР, т. 27. Сер. общественные науки, № 1, 1978, с. 56—63.

[19] *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

[20] *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта Белоруссии, вып. 1. Памятники каменного века. Минск, 1968; *его же.* Мезолит.— В кн.: Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, с. 54—66; *его же.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976; *его же.* Мезолит Припятского Полесья.— КСИА АН СССР, № 149, 1977, с. 53—59; *его же.* Основные типы кремневых орудий Южной Белоруссии.— В сб.: Орудия каменного века. Киев, 1978, с. 70—89.

[21] *Кольцов Л. В.* Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья.— СА, 1965, № 4, с. 17—26; *его же.* Локальные группы Волго-Окского мезолита.— КСИА АН СССР, № 137, 1973, с. 28—35; *его же.* Среда и материальная культура финального палеолита и мезолита на Волго-Окском междуречье.— В сб.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974, с. 275—279; *Крайнов Д. А.* Мезолитическая стоянка Черная Грязь I.— КСИА АН СССР, № 131, 1972, с. 91—98.

[22] *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья. Канд. дис. М., 1971, Архив ИА АН СССР, р-2, № 2098.

[23] *Буров Г. М.* Вычегодский край. М., 1965, с. 55, 56, рис. 11, 12; *его же.* Древний Синдор. М., 1967, с. 63—65; *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М., 1972, с. 26, рис. 2, *33.*

[24] *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977, с. 84—87, 96—97.

[25] *Ефименко П. П.* Костенки I. М., 1958, с. 280—281; *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965, с. 173; *Герасимов М. М.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта.— МИА, № 2, 1941, с. 65—85.

[26] *Астахов С. Н.* Тесла в позднем палеолите Енисея.— КСИА АН СССР, № 111, 1967, с. 19—24.

всего — орудие для обработки дерева. На наш взгляд, ближе других к окончательному решению этого вопроса подошли С. А. Семенов и Л. В. Кольцов. С. А. Семенов выдвигает на первый план фактор оседлости, выводя из него «необходимость в жилых постройках более прочных конструкций, в более сложном хозяйственном инвентаре». Все это, по его мнению, «чрезвычайно повысило роль дерева, как материала, а следовательно, и деревообделочных орудий (топоров, тесел, долот), потребовало усовершенствования их технических качеств» [27].

Изучая материальную культуру волго-окских мезолитических коллективов в ее связи с изменениями природной среды, Л. В. Кольцов пришел к выводу, что «облесение района вызвало появление разнообразных форм каменных топоров и тесел» [28].

На наш взгляд, при выяснении причин, вызвавших появление и распространение топоровидных орудий, следует учитывать целый комплекс факторов, и в первую очередь — улучшение климата в позднe- и послеледниковое время, повлекшее за собой смещение географических зон и огромные изменения в растительном и животном мире. Именно в мезолитическое время на территории, прежде занятой ледником, происходит образование сплошных лесных массивов, которые становятся зоной обитания лесных животных. Все это не могло не вызвать коренных перемен в образе жизни и хозяйственной деятельности людей: на смену загонной охоте на крупных травоядных в условиях приледниковой зоны пришла сначала индивидуальная охота на северного оленя в условиях тундры и лесотундры, обусловившая кочевой образ жизни раннемезолитических общин, а затем неспециализированная охота на лесных животных и примитивное рыболовство, способствовавшие ускорению процесса оседлости и более длительному проживанию на одной территории, в пределах которой имели место лишь сезонные передвижения [29]. Новые условия существования и новые методы ведения хозяйства требовали создания орудий, в наибольшей степени отвечающих данной экологической обстановке. Ими и стали т о п о р (для рубки) и т е с л о (для выдалбливания), обеспечившие в конечном счете человеку возможность наиболее полного использования дерева для хозяйственных нужд. П. М. Долуханов отмечает, что «значительные пространства северо-запада и северо-востока европейской части СССР, занятые в предбореальное и бореальное время преимущественно березовыми и сосновыми лесами, входят в ареал распространения мезолитических индустрий с крупными рубящими орудиями» [30].

Кроме основных моментов, отмеченных выше, на время появления и интенсивность распространения рубящих орудий на той или иной территории могут оказывать воздействие следующие факторы: культурно-технические традиции; миграции, особенно интенсивные в мезолитическую эпоху; наличие или отсутствие подходящего сырья и т. д.

Трудно допустить мысль о первоначальном изобретении топора в каком-то одном месте и распространении его на широких территориях из этого «культурного очага». И там, где рубящие орудия появляются довольно поздно, в конце мезолита, они имеют самый примитивный характер и, за редким исключением, не несут на себе следов влияний технических традиций других культурных групп, уже знакомых к этому времени с приемами изготовления подобных изделий. Другое дело, что

---

[27] *Семенов С. А.* Первобытная техника, с. 88.

[28] *Кольцов Л. В.* Среда и материальная культура..., с. 278.

[29] *Нейштадт М. И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957; *Долуханов П. М.* Палеогеография мезолита и неолита Европы по палинологическим данным.— В сб.: Палинология голоцена и маринопалинология. М., 1973, с. 80—82; *его же.* Палеогеографические рубежи голоцена и мезо-неолитическая история Европы.— В сб.: Первобытный человек и природная среда, с. 211—216; *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977, с. 59.

[30] *Долуханов П. М.* Палеогеография мезолита и неолита..., с. 81.

некоторые районы Севера были заселены лишь в позднем мезолите и, скажем, волго-окские мезолитические общности, продвинувшиеся в бассейн Мологи и Валдайское Поозерье, предстают коллективами, изготовлявшими довольно совершенные топоры и тесла устойчивых типов. Чаще же совпадение отдельных форм в различных районах, имеющее порой место, объясняется примитивностью изначальных форм, ограниченным набором технических средств и приемов, применявшихся при изготовлении. Орудия эти были универсальны в том смысле, что топором одного типа зачастую, судя по всему, производились все виды работ, связанные с обработкой дерева. Параллельно шел и обратный процесс, о чем свидетельствуют обилие типов и вариантов топоров и тесел. Основные же формы этих орудий складываются к концу мезолита и в дальнейшем не претерпевают существенных изменений, совершенствуясь лишь за счет применения к ним более совершенной техники обработки поверхности. Мы, хотя и с известными оговорками, можем говорить о конвергенции при характеристике форм рубящих орудий на широких территориях Северной Европы. С другой стороны, есть свидетельства межплеменных связей, взаимовлияний, например распространение топоров и тесел с перехватом.

Несмотря на обилие литературы по первобытной археологии, нигде, за исключением, пожалуй, уже упоминавшейся нами статьи С. А. Семенова [31], мы не встречаем определения понятий «топор» и «тесло». Самоочевидность такого определения обманчива, что и подтверждает путаница, возникающая всякий раз, когда речь в публикациях мезолитических памятников заходит об этих орудиях. Правильное и точное определение этих понятий помогло бы исследователю избежать ошибок при отнесении орудий к тому или иному классу и облегчило работу по созданию региональных типологий топоров и тесел.

По мнению С. А. Семенова, топоры в тесном смысле этого слова — это «орудия, насаживаемые на рукояти таким способом, при котором рабочее лезвие расположено в одну линию с рукояткой» [32]. Но в этом определении не раскрыто функциональное назначение орудия. Кроме того, если при описании инвентаря какой-либо стоянки найденные там кремневые либо сланцевые клинки называют по традиции топорами, то в определении топора как составного орудия такая неточность недопустима. Топор — это не «орудие, насаживаемое на рукоять...», а орудие, клинок которого насаживается на рукоять...

На наш взгляд, определение топора в самых общих чертах может выглядеть следующим образом. **Топор** — крупное составное орудие для обработки дерева, клинок которого скрепляется с концом рукояти таким способом, что рабочее лезвие располагается в одной плоскости с осевой линией рукояти (прямолезвийное рубящее орудие).

Тесло как составное орудие формально отличается от топора лишь способом скрепления клинка с рукоятью. **Тесло** — крупное составное орудие для обработки дерева, клинок которого скрепляется с концом рукояти таким способом, что рабочее лезвие располагается перпендикулярно осевой линии рукояти и в другой плоскости по отношению к ней (поперечнолезвийное долбящее орудие).

По конструкции с классом тесел сближаются такие орудия, как кирки, кайла, мотыги и пр., но они предназначены не для обработки дерева, а для добычи камня, производства земляных работ и собирательства, обладая специфическими деталями в морфологии — удлиненными пропорциями; мотыги, кроме того,— широким лезвием при тонком профиле, а кирки — ребром жесткости и узким, подтреугольным лезвием.

Важное значение для правильного определения орудий имеют следы работы на лезвиях, которые в большинстве случае отчетливо видны под

---

[31] *Семенов С. А.* Топор в верхнем палеолите, с. 168—173.

[32] Там же, с. 168.

бинокулярной лупой. С. А. Семенов пришел к следующему выводу: «Если на топоре линейные следы располагаются по диагонали, т. е. под углом к его оси, то на тесле они располагаются по вертикали, т. е. параллельно его оси. Более того, если на топоре следы изнашивания лежат равномерно на обеих сторонах (щеках) рабочей части, то на тесле они в основном расположены на передней стороне, в то время как на задней стороне линии следов значительно короче и изнашивание выражено слабее»[33]. Для большинства орудий этот вывод справедлив. Но имеются и исключения. Это топоры с тонкой лезвийной частью, предназначенные не для нанесения сильного углового удара, а для чистовой отески короткими прямыми ударами, от которых на лезвии образуются линейные следы того же типа, что на теслах. Есть и тесла со следами сработанности по типу топора. Ими наносились не прямые, а угловые долбящие удары, которыми достигалась выборка и зачистка боковых краев обрабатываемой вогнутой поверхности.

Повсеместное обнаружение в мезолитических памятниках лесной зоны рубящих орудий ставит вопрос о разработке принципов их классификаций и создании научно обоснованной единой типологии этих крупных составных орудий для обработки дерева. В настоящее время во многих публикациях и работах обобщающего характера типы рубящих орудий выделяются зачастую совершенно произвольно, бездоказательно, лишь по одному какому-то признаку.

Б. Грамш в монографии, посвященной мезолиту междуречья Эльбы и Одера, развивает старую классификационную схему Г. Швабедиссена, выделяя топоры из ядрищ, топоры на отщепах и «пики»[34]. Заготовка при этом является каким-то особым надтипологическим признаком, а типообразующими элементами служат детали обработки и контур поперечного сечения. Таким образом, во-первых, смешиваются морфологические и технологические признаки, во-вторых, наиболее существенные из них ускользнули от внимания исследователя. В результате Б. Грамш бессилен справиться с обилием разнообразного материала, не укладывающегося в его схему, и делает вывод, что «большинство образуют здесь орудия, неправильно обработанные»[35]. Автор постоянно смешивает понятия «топор» и «тесло», затрудняется в интерпретации «пик», некритически адресуется к старым типологиям.

М. Кобушевич также берет за основу типологию Г. Швабедиссена, считая, что «подобное подразделение доказало свою жизнеспособность»[36]. Положительное значение его статьи в том, что в ней сведены воедино все свидетельства о наличии рубящих орудий в мезолите бассейна Одера и Вислы и она опровергает тем самым утверждение А. А. Формозова о том, что «в Польше... нет ни одного памятника макролитического мезолита»[37]. Недостатком типологии является, помимо прочего, ее описательный характер, нечеткость, причем допускается значительная вариативность признаков, составляющих тип, а нижний таксономический уровень — вариант по форме — не выделяется.

Многие археологи неправильно пользуются терминами «топор типа пик» и «топор типа транше», сводя к ним по существу все рубящие орудия[38]. Но в понятии «пик» заложено всего два признака — удлиненные пропорции и узкое лезвие, а в понятии «транше» даже один — способ оформления лезвийной части поперечным сколом. Налицо очень упрощенный подход к типологии.

---

[33] *Семенов С. А.* Первобытная техника, с. 29.

[34] *Gramsch B.* Das Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder. Berlin, 1973. S. 23—25.

[35] *Gramsch B.* Op. cit., p. 23.

[36] *Kobusiewicz M.* Some elements..., p. 95.

[37] *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории..., с. 96.

[38] См.: *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы, ч. 1. Каменный век. М., 1973, с. 184—188, 316.

Вряд ли можно считать удачным наименование типов по местности, где они впервые найдены. Так, Г. А. Панкрушев выделяет в мезолите Карелии топоры соломенского, оленеостровского, онежского и других типов, поясняя, что они названы так «в целях краткости» [39]. Издержки такой типологии неоправданно велики: типам орудий, характерным для широких территорий, приписывается узколокальное карельское происхождение. Нелогично относить подобные изделия, например, с территории Эстонии и Финляндии к кудомскому или шуйскому типам; если же присваивать им новое типологическое наименование, то абсолютно одинаковые изделия будут относиться к совершенно разным типам. Видимо, в основу выделения типов рубящих орудий Г. А. Панкрушеву следовало положить другие, более нейтральные признаки — особенности морфологии самих орудий.

Нередко разные по форме орудия фигурируют в публикациях как относящиеся к одному типу. Р. К. Римантене все рубящие орудия, кроме форм с перехватом, называет овальными топориками, замечая тут же, что они «имели разнообразные формы» [40], причем в разряд овальных топориков попали и все тесла.

В. Ф. Исаенко предпринял попытку выделить основные типы всех кремневых изделий Южной Белоруссии [41], разделив их на 10 классов. Рубящие орудия (класс 4) подразделяются в его схеме на восемь категорий, а те, в свою очередь, на несколько групп каждая. Категории выделяются только по одному признаку, который другими археологами обычно расценивается как один из типообразующих — форма в плане. Принцип этот, однако не выдержан до конца: седьмая категория выделена на основе технологического признака — шлифовки, причем категорий оказывается всего не восемь, а девять. Однако главным является отсутствие единого принципа составления групп рубящих орудий. Анализ этих групп показывает, что они представляют собой нечто среднее между понятиями типа и вариантов по форме и обработке, поскольку в них смешаны разнопорядковые признаки в произвольном количестве и сочетаниях. Обширные описания этих комбинаций еще более снижают ценность классификации.

Объемистые описания подменяют научную типологию и в ряде других работ [42].

Чтобы убедиться в несостоятельности описанных классификаций, представим, к примеру, такую реальную форму рубящего орудия: топор резко удлиненных пропорций (типа «пик»), на отщепе, с траншевидным оформлением рабочего края и боковыми выемками (перехватом) для крепления в рукояти. Какому же из этих признаков придать типологическое значение? Каждый автор дает такому изделию определение в соответствии со своей типологией, и один и тот же топор получит пять-шесть типологических обозначений. Вывод из всего сказанного один, приведенные выше существующие наименования типов у́же реальных предметов, которые они призваны описывать.

Одной из причин столь поверхностного изучения мезолитических рубящих орудий является в большинстве случаев их примитивность, несовершенство обработки и относительная неустойчивость формы — черты, характерные для любой группы орудий на стадии становления. Тем не менее тщательный анализ даже таких грубых макролитоидных

---

[39] *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии, с. 15.

[40] *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы, с. 157.

[41] *Исаенко В. Ф.* Основные типы кремневых орудий..., с. 70—89.

[42] *Филатова В. Ф.* К вопросу о связи каменных орудий.... с. 10—33; *Гурина Н. Н.* Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги.— КСИА АН СССР, № 149, 1977, с. 82; *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР.— МИА, № 172, 1973, с. 189—190; *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья. Канд. дис., с. 34—36.

форм дает возможность исследователю получить обширную и надежную информацию относительно приемов изготовления, деталей формы и назначения мезолитических топоров и тесел.

При разработке принципов классификации рубящих орудий мы придерживались той же системы наименований таксономических единиц и уровней, что и некоторые другие археологи, т. е. (от высшей к низшей): категория, группа, класс, тип, вариант [43].

Понятие категории связывается с дискретными признаками предметов — сырьем, материалом в широком значении этого термина; в данном случае это камень (вне зависимости от его породы). Описываемые нами орудия составляют в категории изделий из камня группу крупных составных центробежных орудий ударно-проникающего действия, или рубящих. Последнее наименование общепринято, хотя и не исчерпывает всех функций (рубка, долбление, отеска, колка и др.).

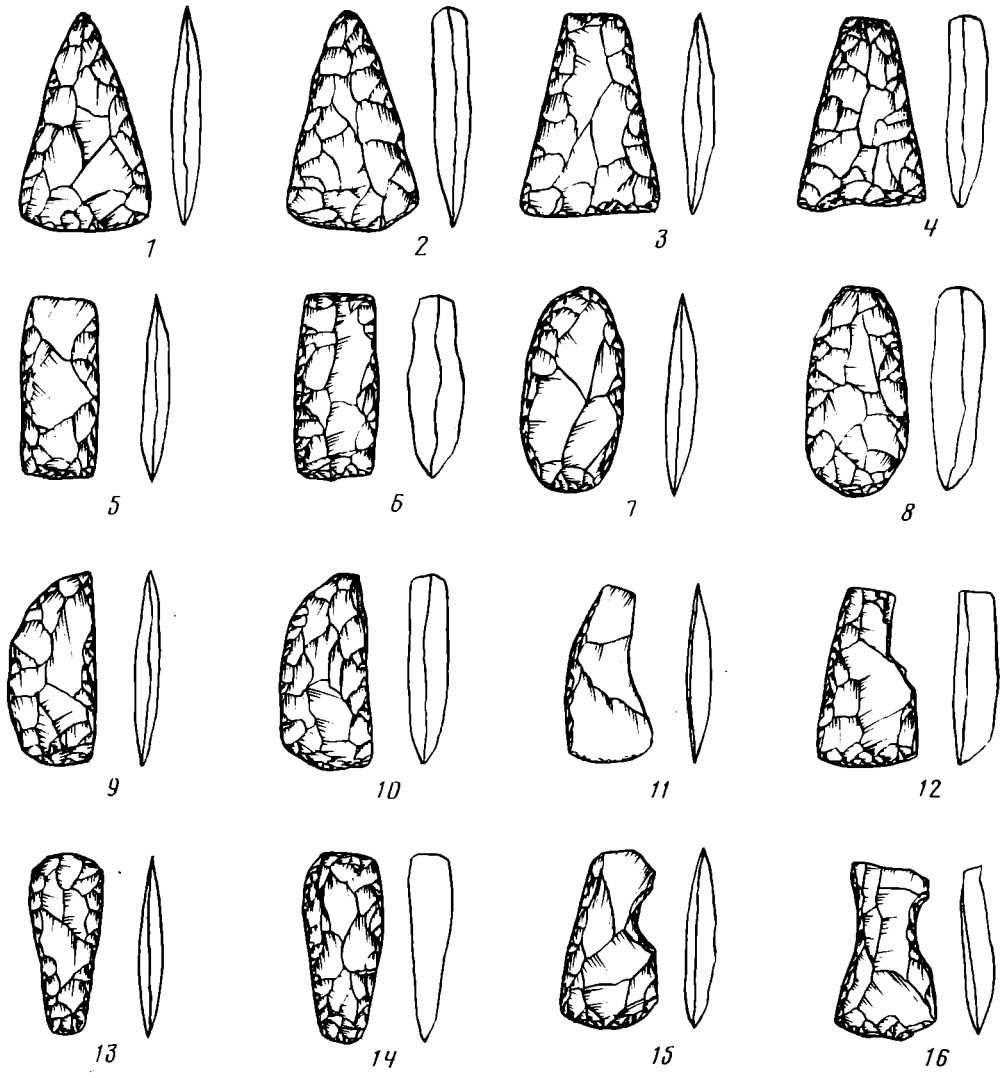
Эта группа делится на классы топоров и тесел. Возможно, сюда следует добавить и близкие по форме, но имеющие другие функции кирки, кайла и мотыги. Они близки рубящим и по кинематике.

Классы составлены типами. Мы предлагаем считать типообразующими как для топоров, так и для тесел (кирок, кайл, мотыг) следующие два признака: очертания орудия в плане и толщину обуха. Это наиболее общие признаки, в которых, и только в которых, воплощается сама идея топора или тесла. Кремневый клинок становится топором, лишь будучи скрепленным тем или иным способом с рукоятью. Способ скрепления находится в прямой зависимости от очертаний клинка в плане и толщины обуха. Тонкообушные орудия крепились в паз или расщеп на конце рукояти, толстообушные — преимущественно в гнездо, выдолбленное в соединительной муфте, причем параметры обуха в этом случае подгонялись под выдолбленное предварительно гнездо (а не наоборот). Диаметр гнезда был ограничен диаметром самой муфты и соображениями прочности конструкций. Не вызывает сомнений, что типологическое многообразие мезолитических топоров и тесел было обусловлено на первых порах не столько их глубокой специализацией, сколько попытками создать эмпирическим путем несколько наиболее оптимальных способов крепления. Больше того, видимо, именно неспособностью решить сложную техническую задачу скрепления камня с деревом и рогом для центробежных орудий типа топоров и тесел можно отчасти объяснить отсутствие последних почти повсеместно в раннемезолитических памятниках. Во всяком случае, дело здесь не в сложности изготовления самого клинка. Наш полевой эксперимент показал, что на производство топоров и тесел мезолитических типов из кусков кремня, отщепов и нуклеусов тратится от 2 до 8—10 *мин*.

На основании описанных выше типообразующих признаков мы выделяем 16 типов мезолитических рубящих орудий: 1 — треугольные тонкообушные (рис. 1, *1*), 2 — треугольные толстообушные (рис. 1, *2*), 3 — трапециевидные тонкообушные (рис. 1, *3*), 4 — трапециевидные толстообушные (рис. 1, *4*), 5 — прямоугольные тонкообушные (рис. 1, *5*), 6 — прямоугольные толстообушные (рис. 1, *6*), 7 — овальные тонкообушные (рис. 1, *7*), 8 — овальные толстообушные (рис. 1, *8*), 9 — уплощенно-овальные тонкообушные (рис. 1, *9*), 10 — уплощенно-овальные толстообушные (рис. 1, *10*), 11 — с выделенным тонким обухом (рис. 1, *11*), 12 — с выделенным толстым обухом (рис. 1, *12*), 13 — с зауженным лезвием тонкообушные (рис. 1, *13*), 14 — с зауженным лезвием толстообушные (рис. 1, *14*), 15 — с полуперехватом (рис. 1, *15*), 16 — с перехватом (рис. 1, *16*).

Нижним таксономическим уровнем являются в нашей схеме варианты по форме. Они представляют собой комбинации существенных признаков, раскрывающих морфологию орудия. Для топоров нами выделены

[43] См. например: *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976, с. 43.



Типы мезолитических рубящих орудий (номера на рисунке соответствуют номерам типов в тексте)

следующие четыре признака: пропорции, форма лезвия, угол заточки лезвия, симметричность профиля. Признаки имеют несколько значений.

1. Пропорции (отношение длины к ширине): а) удлиненные (более 2:1), б) средние (от 1,5:1 до 2:1), в) укороченные (менее 1,5:1).

2. Форма лезвия: а) прямое, б) дугообразное, в) прямое скошенное, г) дугообразное скошенное

3. Угол заточки лезвия: а) острозаточенное (до 60°), б) тупозаточенное (свыше 60°).

4. Профиль: а) симметричный, б) асимметричный.

Для поперечнолезвийных орудий типа тесел и др. также выделены четыре существенных признака, причем первые три совпадают с соответствующими признаками топоров, а последний, прямо указывающий на характер употребления, выглядит следующим образом:

4. Желобчатость лезвийной части: а) с желобком, б) без желобка.

Пропорции орудия помогают определить, какие работы могли им выполняться, а приводимые в описаниях абсолютные размеры дают, кроме того, информацию о силе и эффективности удара. Форма и угол заточки лезвия указывают на конкретное назначение орудия. При этом следует помнить, что многое здесь зависело от характера заготовки, которая

грансформировалась в готовое изделие еще не столь совершенным образом, нежели в неолите. Профиль топора, как и наличие или отсутствие на тесле желобка, уточняют и дополняют наши сведения о специализации орудия. Такие признаки, как длина обуха, ширина лезвия, поперечное сечение орудия, вес его и т. д., менее информативны, нестабильны и являются поэтому не существенными, а второстепенными.

Тесла внешне отличаются от топоров несколькими параметрами: для них всегда характерна ассиметричность профиля (поэтому этот признак, не имеющий альтернативы, и не присутствует в нашем перечне), рабочий край по преимуществу дугообразен, линия лезвия представляет собой дугу и в поперечном сечении (вершина дуги обращена в сторону лицевого фаса), что связано с особенностями выполнения операции долбления; посредством желобка осуществляется выход снятого материала с обрабатываемого предмета, т. е. это своеобразный экран. Иногда желобок заменен или дополняется бугорком на тыльном фасе, который также выполняет функцию экрана. В профиль тесло имеет обычно плоско-выпуклое сечение, причем наиболее массивна прилезвийная часть.

Нетрудно заметить, что указанные в перечне признаки выполняют две основные задачи: ими достаточно подробно описывается морфология орудий и их назначение. Окончательный же вывод о специализации орудия можно сделать лишь после трасологического анализа или при совместном обнаружении его с обрабатываемым материалом в культурном слое.

Все возможные у любого из 16 типов топоров, тесел и т. д. комбинации четырех существенных признаков варианта по форме можно представить в буквенном выражении и закрепить за этими сочетаниями постоянные номера от 1 до 48:

1.аааа	9.аааб	17.баaа	25.бааб	33.ваaа	41.вааб
2.абаа	10.абаб	18.ббаа	26.ббаб	34.вбаа	42.вбаб
3.аваа	11.аваб	19.бваа	27.бваб	35.ввaа	43.ввaб
4.агаа	12.агаб	20.бгаа	28.бгаб	36.вгаа	44.вгаб
5.ааба	13.аабб	21баба	29.бабб	37.ваба	45.вабб
6.абба	14.аббб	22.бббa	30.бббб	38.вббa	46.вббб
7.авба	15.авбб	23.бвба	31.бвбб	39.ввба	47.ввбб
8.агба	16.агбб	24.бгба	32.бгбб	40.вгба	48.вгбб

Некоторая внешняя громоздкость схемы компенсируется тем, что она охватывает не только все известные орудия — материальные аналоги перечисленным комбинациям признаков, но и может включить в себя любое вновь найденное рубящее орудие, в том числе и с такой комбинацией существенных признаков, которая прежде не встречалась. В этом универсальность предлагаемой классификации. Насыщенность вариантов по форме, как показывает анализ мезолитических рубящих орудий лесной зоны Восточной Европы, неодинакова. Это вполне закономерно, так как в конце концов люди остановились на нескольких, наиболее удачных типах и вариантах; остальные же отражают период поисков оптимальной формы и встречаются в небольшом количестве.

Большинство изученных нами орудий имеют средние пропорции, что свидетельствует о закономерной устойчивости этого признака. Амплитуда отклонений от средних величин в абсолютном выражении невелика и объясняется особенностями заготовки и назначением орудия.

Что касается формы лезвия, то преобладают орудия с дугообразными и дугообразными скошенными лезвиями. Все дугообразные лезвия — выпуклые, вогнутыми они иногда становились в процессе работы, т. е. срабатывались. Число орудий с прямыми лезвиями невелико, что и понятно, поскольку у таких форм при работе сопротивление материала приходится одновременно на всю длину лезвия, к тому же довольно грубо оббитого, т. е. сила удара используется не целиком и с отдачей на руку. Топоры с прямым скошенным и дугообразным скошенным лезвием рас-

считаны на угловой удар, «...при котором лезвие орудия погружалось в древесину не все одновременно, а вначале своей угловой частью, так что сопротивление материала распределялось по лезвию во времени, хотя это и происходило мгновенно...»[44]. На наш взгляд, орудия с обычным, т. е. не скошенным, выпуклым дугообразным лезвием имеют ту же кинематику; углом лезвия служит вершина дуги. Ширина лезвия обычно достигает 90% от общей ширины орудия, но иногда совпадает с ней полностью. Рабочий край любого поперечнолезвийного долбящего орудия имеет ту особенность, что его реальная длина включает как длину собственно лезвия, так и участки, иногда довольно значительные, боковых ребер и прилезвийной части. Бывает, что рабочим краем можно считать почти весь периметр орудия, за исключением обушной части. Это связано с особенностями кинематики и назначения таких орудий: проникающий удар с одновременной выборкой масс материала.

Как показывает анализ угла заточки лезвия, доминируют изделия с острозаточенным лезвием. Степень приострения лезвия у них колеблется в среднем от 30 до 53°. У тупозаточенных орудий степень приострения лезвия такова: 64—80°. Различия в угле заострения носят как функциональный, так и технологический характер. Большинство тупозаточенных орудий изготовлено на крупных, толстых кусках кремня и нуклеусах, с минимальной обработкой. Они не могли глубоко проникать в материал, но зато обладали большей силой удара и прочностью, меньше изнашивались в рабочей части по сравнению с прочими.

Большинство топоров имеет ассиметричный профиль, что довольно неожиданно, но только на первый взгляд. На самом же деле большинство орудий на отщепах неминуемо должны иметь ассиметрию профиля. Но есть и функциональное объяснение. Продольное членение древесины происходит не только за счет рубки, но и за счет скалывания по слою, которое достигается как раз через ассиметрию профиля клинка топора. Наличие у некоторых сланцевых тесел желобка, а у кремневых — его имитации сколами снизу вверх свидетельствует о глубоких знаниях мастеров и больших навыках в производстве рубящих орудий и обработке дерева. Вообще оббитые, ретушированные и сколотые лезвия мезолитических топоров и тесел зачастую острее, чем у шлифованных неолитических, а их меньший КПД по сравнению с последними объясняется большим трением о материал.

Средства и методы, с помощью которых достигается конечная форма, т. е. техника первичной и вторичной обработки, не входят в нашу классификационную схему в качестве одного из основных звеньев, поскольку не являются морфологическими или функциональными признаками. В своей классификации Г. Н. Матюшин делит южноуральский мезолитический инвентарь на группы по первичной обработке, на классы — по вторичной, а на типы и варианты — по морфологии, нарушая, таким образом, принцип единого подхода к обоснованию таксономических уровней и единиц[45]. Чтобы избежать этой ошибки, мы предлагаем ввести на нижнем уровне градации параллельно с понятием «вариант по форме» дополнительное технологическое понятие «вариант по обработке».

Варианты по обработке представляют собой комбинации следующих существенных технологических признаков: заготовки, техники обработки орудия, техники обработки лезвия. Эти признаки имеют следующие значения:

1. Заготовка: а) нуклеус, б) кусок камня (галька, желвак, плитка, конкреция и т. д.), в) отщеп.

2. Техника обработки орудия: а) применение только первичных приемов (оббивка, скол, пиление), б) применение вторичных приемов (ретушь, пикетаж), в) шлифование.

[44] *Семенов С. А.* Первобытная техника, с. 159.

[45] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 43.

3. Техника обработки лезвия: а) оббивка, б) ретушь, в) скол-транше, г) шлифование, д) лезвие не обработано.

Термин «заготовка» как технологический признак соотносится с представлением о первичной обработке изделия. Техника обработки орудия в целом и способ оформления лезвия соответствуют вторичной обработке орудия. Сумма этих признаков позволяет восстановить весь процесс изготовления орудия и последовательность операций.

Среди заготовок на ранних этапах мезолита преобладают отщепы, встречаются и нуклеусы. В позднем мезолите нуклеусы в этом качестве почти не употребляются, их место занимают разнообразные куски камня, которые в конце концов в неолите начинают играть ведущую роль, вытесняя отщепы. С. А. Семенов пришел к выводу, что «подбор соответствующей заготовки диктовался не только требованиями величины, оптимальной формы, назначения и прочности изделия, но и экономии труда»[46].

Что касается обработки орудий в целом, то на нуклеусах она в основном ограничивается оббивкой, кремневые изделия на отщепах нередко ретушированы по выпуклому (тыльному) фасу, на сланцевых топорах и теслах видны следы пиления, реже — пикетажа, а также частичной или полной шлифовки.

Лезвия кремневых рубящих орудий чаще всего ретушированы, реже — только оббиты; наибольший КПД имеют изделия с лезвием, оформленным поперечным сколом-транше, и с естественным приострением без специальной обработки. По отношению к рабочим частям сланцевых орудий применялся прием шлифования.

Изложенные здесь наблюдения над технологией носят самый общий характер и в разных культурах эти признаки проявляются по-разному.

Комбинации трех существенных признаков варианта по обработке также можно представить в буквенном вражении:

1.ааа	10.ааг	19.баб	28.бад	37.вбв
2.аба	11.абг	20.ббб	29.ббд	38.вов
3.ава	12.авг	21.бвб	30.бвд	39.ввв
4.ааб	13.аад	22.бав	31.ваа	40.ваг
5.абб	14.абд	23.ббв	32.вба	41.вбг
6.авб	15.авд	24.бвв	33.вва	42.ввг
7.авв	16.баа	25.баг	34.ваб	43.вад
8.абв	17.бба	26.ббг	35.вбб	44.вбд
9.авв	18.бва	27.бвг	36.ввб	45.ввд

Очень высокой степенью насыщенности обладают варианты 20, 27, 35, 38 и некоторые другие; отдельные же комбинации пока не встречены. Видимо, они неэффективны и в реальной действительности не применялись или применялись редко.

Описав конкретное изделие определенного типа сначала по признакам «варианта по форме», а затем «варианта по обработке», мы получим достаточно полную информацию о нем, выраженную кратко в буквенно-цифровой символике. Например, нередки находки таких топоров: с перехватом, средних пропорций, с дугообразным скошенным, острозаточенным лезвием и симметричным профилем, изготовленные на отщепах с применением техники оббивки и ретуширования граней и приострения лезвия сколом-транше. В соответствии с нашей классификацией такое изделие будет относиться к типу 16, вариант по форме 20, вариант по обработке — 38. Краткий типологический шифр: $16\frac{20}{38}$.

Приведенная классификационная схема призвана описывать только мезолитические рубящие орудия из камня, но, наполнив в пятичленной

---

[46] *Семенов С. А.* Географическая среда и орудия каменного века.— В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974, с. 45.

стратиграфической схеме три высших уровня другим необходимым содержанием, мы получим универсальную систему описания инвентаря. На уровне типов и вариантов по форме и обработке количество существенных признаков у других групп и классов орудий может варьировать в зависимости от их назначения, особенностей морфологии и способов обработки. Большую погрешность дают попытки включить в типологию заготовки орудий, сломанные в работе и при изготовлении экземпляры и производственный брак. Их следует принимать во внимание лишь при общестатистических подсчетах.

По нашей классификационной схеме предположения, выводы и заключения культурно-хронологического характера могут быть сделаны на основании анализа орудий на уровне типов, а также по особенностям в технике обработки (предпочтение отщепов кускам кремня в заготовках, оформление лезвия сколом-транше и пр.). Что касается морфологических признаков в вариантах по форме, а также самих вариантов, то они призваны в первую очередь описывать орудие и его назначение, а не служить критерием и поводом для широких обобщений и далеко идущих выводов. Не случайно между ними больше сходств, нежели различий, как и между реальными орудиями, закодированными в вариантах.

Наша схема построена на конкретном материале из мезолитических памятников Северной и Восточной Европы и в свою очередь призвана служить анализу и систематизации этого огромного фактического материала, который накоплен к настоящему времени как советскими, так и зарубежными археологами по проблеме происхождения и начальных этапов развития рубящих орудий в позднем палеолите и мезолите.

V. M. Vorobyev

SOME CONTRIBUTIONS TO STUDIES OF MESOLITHIC CUTTING TOOLS

Summary

The problem of the origin and the initial stages of development of cutting tools during preneolithic times is one of the most considerable in the field of studying stone implements. The author proposes and decides such questions as ascertaining the period and reasons for inventing the cutting tools, their morphological peculiarities and tries to elaborate principles of classification and to create the scientific typology of the mesolithic forms of cutting tools as a basis for relative dating of separate types of them, and using these materials in future for ethnocultural interpretation of the corresponding settlement. He sets forth the history of the problem, gives his own definition for the terms «axe» and «adge», critically analyses the main existing typologies of the mesolithic axes and adges. The proposed classification is based on the functional and morphological principles. It includes 16 types of axes and 16 types of adges, that have similar names. The types consist of «morphological variants» and «technological variants», that describe concrete separate tools. The scheme is universal because not only all the familiar mesolithic cutting tools find their true place in it, but even tools owning such combinations of the substantional morphological and technological signs were not met before. The full information about the concrete tool can be shortly summed up by letter and figure symbols.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ДРЕВНЕЙШИЕ МОГИЛЬНИКИ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ КАК ПАМЯТНИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В связи с развернувшейся дискуссией о содержании базиса первобытной формации, о соотношении производственных и общественно-семейных факторов в процессе развития архаических обществ и принципах выделения критериев для их периодизации [1] весьма актуальной выступает тематика, связанная с изучением древних социальных структур по археологическим данным. Особую значимость в этом плане приобретают сведения по культурам финального мезолита — раннего неолита, представленные комплексом данных археолого-антропологического характера по материалам погребений. Среди последних имеется ряд выдающихся объектов. В северной полосе Европейской территории страны это могильник Звейниеки, Южный и Северный Оленеостровские могильники, а также некоторые древнейшие захоронения Каргополья (Кубенино, Караваиха) и Волго-Окского междуречья (Черная Гора) [2]. В южной зоне — памятники одного из наиболее исследованных районов Нижнего Поднепровья, Надпорожья, представленные Васильевскими могильниками, а также днепро-донецкими Марьевским, Васильевским 2, Вольненским, Никольским, Левобережными Вовнигами, Лысой Горой [3]. Палеосоциологический аспект изучения названных комплексов весьма перспективен для постановки вопросов, касающихся динамики развития общинно-родового уклада архаичных охотничье-рыболовческих коллективов. Среди поднепровских могильников особый интерес представляют Васильевский 1 и 3, отличающиеся архаичными чертами обрядовой структуры. Сосредоточив основное внимание на этих памятниках, мы сможем проследить как черты обрядовой архаики, так и определенную эволюцию семейно-социальной структуры, отраженной в обрядово-ритуальных особенностях более поздних, днепро-донецких могильников.

Могильник Васильевский 1 располагался на левобережье Днепра, на третьей береговой террасе; раскопана значительная часть памятника [4] (рис. 1). Раскопками обнаружено 26 погребенных: 19 мужчин, 3 жен-

---

[1] *Тер-Акопян Н. Б.* К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации.— ПИДО, кн. 1. М., 1968; *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).— Там же; *Лащук Л. П.* О некоторых аспектах трактовки первичной формации.— СЭ, 1970, № 5; *Сапожникова М. К.* К вопросу о периодизации первобытнообщинного строя.— СЭ, 1973, № 5.

[2] *Денисова Р. Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975; *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник.— МИА, № 47, 1956; *ее же.* Древние памятники Кольского полуострова.— МИА, № 172, 1973; *Козырева Р. В.* Неолитические племена бассейнов озер Белого, Воже и Лаче.— МИА, № 172, 1973; *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.— В сб.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы.— Тр. ГИМ, вып. 44, 1970.

[3] *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, с. 63—83.

[4] *Столяр А. Д.* Могильник мезолитического времени у с. Васильевки на Днепре.— САн., 1957, № 2; *его же.* Первый Васильевский мезолитический могильник.— АСб. ГЭ, № 1, 1959; *Кондукторова Т. С.* Палеоантропологические материалы из мезолитиче-

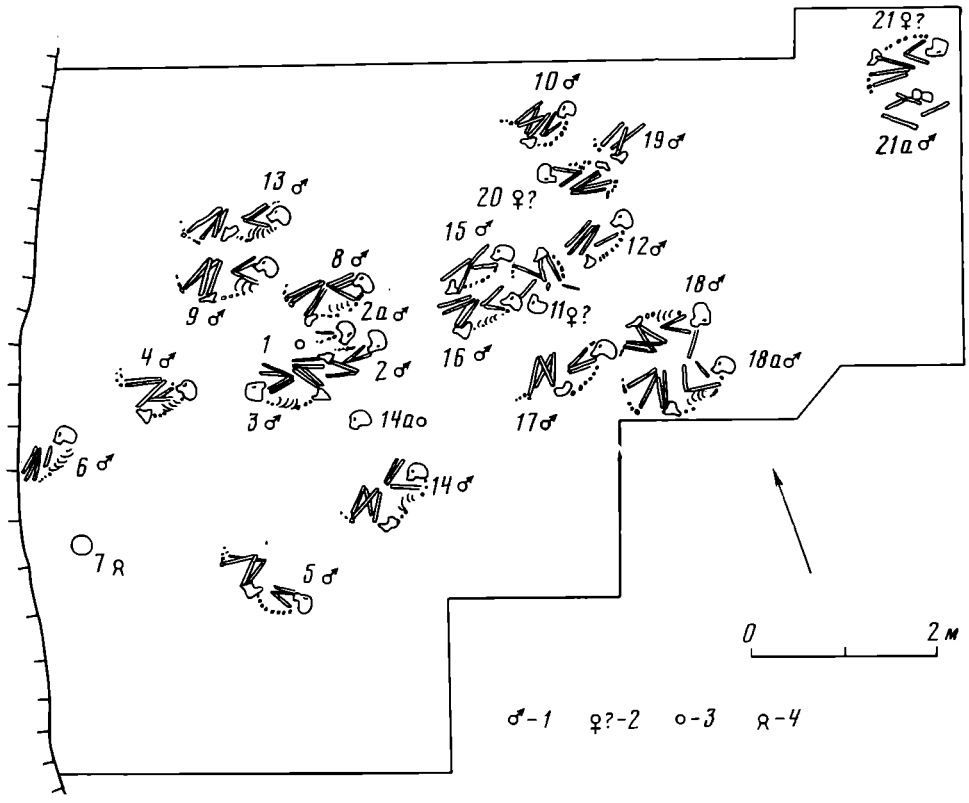


Рис. 1. Погребальные комплексы: 1 Васильевского могильника: *1* — мужчина, *2* — женщина, *3* — взрослый, *4* — ребенок

щины (?), 2 взрослых неизвестного пола, 1 «молодой субъект», 1 ребенок. Прослежены два типа захоронений — индивидуальные и совместные. Индивидуальные погребения содержат шесть (четыре?) захоронений полных костяков и два захоронения черепов (или голов?). Совместные погребения содержат четыре групповых и один (два?) двойных комплекса. Могильные ямы отсутствуют; предполагается, что место для захоронения «выгребали».

Преобладающей формой захоронений является тип совместных погребений: он включает останки 18 (20?) индивидов. Групповые погребения включают в свою очередь 16 индивидов, объединенных в четыре группы; однополые погребения (2) и разнополые (2). **Группа I, № 3,** 2, 2а, 8, 1 — групповое, однополое, последовательное, стратифицированное захоронение: мужчина 30—40 лет, мужчина 45—55 лет, мужчина 40—45 лет, мужчина 50—60 лет, взрослый (мужчина?). Погребения № 2, 2а совершены с незначительным интервалом. Над головой погребенного № 2 створка раковины унио. **Группа II,** № 15, 16, 11, 12а, 12 — групповое, разнополое, последовательное, стратифицированное захоронение: мужчина 35—50 лет и мужчина 35—45 лет, женщина (?) 25—35 лет, «молодой субъект» неизвестного пола, взрослый мужчина. Инвентарь отсутствует. **Группа III,** № 20, 10, 19 — групповое, разнополое, последовательное, стратифицированное захоронение: женщина (?) 45—55 лет, мужчина 25—35 лет, взрослый мужчина (представлен частью костяка «ниже поясного отдела»). При погребенном № 10 две ножевидные пластинки, располагающиеся непосредственно на костях («наконечники стрел»?). **Группа IV,** № 17, 18а — 18 — групповое, однополое, последовательное, стратифицированное захоронение: мужчина 40—50 лет, мужчина

ского могильника Васильевка.— САн., 1957, № 2; *ее же.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М., 1973.

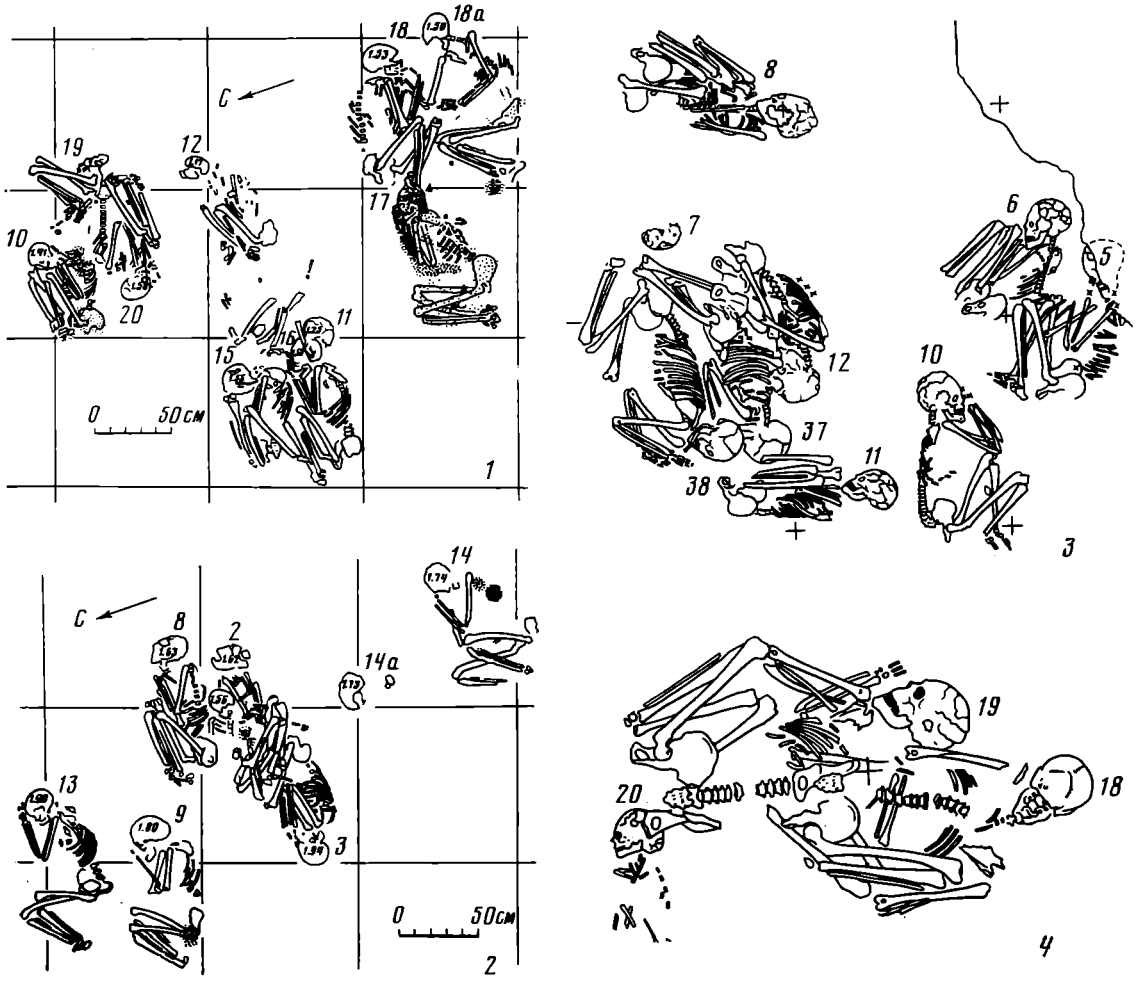


Рис. 2. Совместные и индивидуальные погребения 1 и 3 Васильевских могильников: *1* — погребения II, III, IV групп Васильевского 1 могильника; *2* — погребение черепа № 14а, индивидуальные погребения № 9, 13, 14 и совместные погребения I группы Васильевского 1 могильника; *3* — индивидуальные погребения № 8, 10, двойное погребение № 5, 6 и совместные погребения III группы Васильевского 3 могильника; *4* — совместные погребения V группы Васильевского 3 могильника

50—60 лет и мужчина 45—50 лет (оба последних «практически одновременные»). При погребенном № 17 створка раковины унио; непосредственно на костях пять ножевидных пластинок, игравших, возможно, роль наконечников стрел. Этот костяк обильно покрыт охрой. Среди совместных разнополых погребений есть и одно **двойное захоронение:** № 21а, 21 — последовательное, слабо стратифицированное погребение мужчины, а затем женщины (?) 45—55 лет. Кости мужского костяка сдвинуты в кучу при совершении второго захоронения. Инвентарь при погребенных отсутствует (рис. 2, *1, 2*).

Тип индивидуальных погребений включает лишь 8 (6?) индивидов. Имеются две разновидности индивидуальных погребений: I — захоронение трупа и II — захоронение черепа или головы. I: № 6—мужчина 50—60 лет; № 5—мужчина 25—35 лет; № 4 — мужчина 50—60 лет; № 13 — мужчина 45—55 лет; № 9 — мужчина 30—40 лет; № 14— мужчина 35—45 лет. Погребенный № 5 «поражен стрелами». Костяки располагаются в пределах 2,30—1,74 *м* (соответственно погребенные № 6 и 14) [5]. II: № 7 — череп или голова ребенка в возрасте около года, обиль-

[5] Нельзя исключить вероятность того, что погребенные № 13, 9 составляют совокупно двойное однополое захоронение. Однако известная некомпактность располо-

но покрытая охрой, глубина 2,26—2,33 *м*; № 14а—череп или голова взрослого неизвестного пола, слабо покрытая охрой, глубина 1,73 *м*[6].

Изучение структуры погребального обряда Васильевского 1 могильника предполагает рассмотрение половозрастных комбинаций погребенных. Прежде всего мы сталкиваемся с таким феноменальным явлением, как абсолютное преобладание (либо исключительное присутствие, учитывая условность определения женского пола погребенных № 11, 20 и 21) захоронений субъектов мужского пола. Отсюда следует предположение, что это кладбище, одно из древнейших на территории страны, создавалось по обряду, связанному с нормами полового сепаратизма, что влекло за собою раздельное захоронение полов. Другой, не менее показательной чертой памятника представляется факт захоронения на нем мужчин исключительно зрелого возраста, от 25 до 60 лет. Следовательно, можно предположить, что определенным нормам полового сепаратизма сопутствовала система возрастной стратификации, что и предопределяло возраст погребаемых индивидов. Таким образом, в основе погребального обряда Васильевского 1 могильника лежали, очевидно, обычаи половозрастной дифференциации, соответствующие, в рамках первобытнообщинных структур, производственно-бытовому и культовому обособлению полов[7].

Особо остановимся на весьма показательном обрядовом моменте, касающемся соотношения возраста лиц, захороненных в пределах той или иной группы. Можно заметить, что захороненные в групповых погребениях близки между собою по возрасту. Действительно, как для последовательных так и для одновременно совершенных погребений типичны определенные возрастные соответствия: группа I включает мужчин в возрасте 30—40, 45—55 и 40—45, 50—60 лет (в последовательности захоронения); в группе II одновременно погребены мужчины 35—50 и 35—45 лет; в группе IV первым захоронен мужчина 40—50 лет, вслед за которым погребены одновременно мужчины 50—60 и 45—50 лет. Учитывая стратиграфические и соответствующие им временные интервалы погребений, можно предположить, что, судя по соотношению их возрастов к моменту смерти, мужчины в каждой такой группе были близки друг другу по реальным срокам своего рождения. Отсюда следует, что каждая подобная ограниченная от прочих погребальная ячейка содержала захоронения мужчин, которых объединяла принадлежность либо к одному поколению в рамках малой семьи (кровное родство), либо к одной дробной возрастной категории в рамках возрастного класса (классификационное родство). Иначе говоря, погребенные в групповых захоронениях могли являться как реальными, кровными братьями, так и братьями-ровесниками по возрастному классу, классификационными братьями, а также побратимами.

Сообразуясь с этнографическими параллелями, касающимися социально-семейной структуры примитивных племен, находящихся на общественно-культурном уровне, близко соответствующем эпохе мезолита[8], можно предполагать, что подобный обряд отражает структуру коллектива типа допредковой, кровной (по Н. А. Бутинову) или раннеродовой

жения как будто противоречит этому (см. *Столяр А. Д.* Первый Васильевский..., рис. 3, *12*).

[6] *Столяр А. Д.* Первый Васильевский..., с. 95, 104, 105, рис. 23.

[7] Многочисленные этнографические и фольклорные примеры см.: *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966, гл. XVI; *его же.* Проблема начального этапа родового общества.— ПИДО, с. 197—221; *его же.* Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 177—188. См. также: *Калиновская К. К.* Возрастные группы как элемент социальной организации консо.— СЭ, 1974, № 3; *ее же.* Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. Л., 1976; *Решетов А. М.* Некоторые наблюдения над системами родства.— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 232—234.

[8] *Кабо В. Р.* История первобытного общества и этнография (к проблеме реконструкции общества по данным этнографии).— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 66, 67.

(по Ю. В. Маретину) общины[9]. В подобном коллективе общинное ядро рассматривается как сообщество «братьев» и «сестер», сиблингов, связанных горизонтальной системой родства в рамках одного поколения, что предполагает стратификацию по возрастным категориям. Многочисленные этнографические примеры подтверждают существование тесной, многоплановой взаимосвязи между мужчинами в первобытной архаической общине, а также локальной группе, малой и большой семьях, генеалогическом и тотемном родах, называвших себя «братьями» не только в силу природного родства, но также и по принадлежности к определенным общественным категориям[10].

Далее, учитывая возможность того, что под № 11, 20 и 21 могли располагаться погребения женщин[11], остановимся на некоторых следующих из этого предположениях. Во-первых, исходя из вероятности, что рассматриваемый памятник оставлен мезолитической общиной кровного типа, нельзя исключить предположения, что это сестры мужчин, погребенные с ними в том или ином совместном захоронении. Реалистичность такой интерпретации находит подтверждение в факте существования определенной структурной ячейки «архаической общины... покоящейся на кровном родстве своих членов»[12], называемой «родья» и включающей брата (братьев) и сестру (сестер) с ее детьми[13]. Подобный семейный институт, обнаруживаемый у современных аборигенных племен, обоснованно реконструируется Ю. И. Семеновым и для «раннеродовой» эпохи[14]. Поскольку для последней характерна тенденция формирования малой семьи как устойчивой брачной единицы, то ей в условиях общей кровнородственной консолидации коллектива противостоит сообщество «родья», чья социально-экономическая устойчивость обуславливалась как исконной прочностью традиции кровного родства, так и тем важным обстоятельством, что роль «добывателя пищи» разделяли как брат, так и муж женщины. Предлагаемая трактовка в особенности согласуется с возрастным составом II группы рассматриваемого памятника, в которой вслед за погребением мужчин-ровесников 35—45-летнего возраста захоронена женщина 25—35 лет. В женщине, погребенной первой в группе III, допустимо видеть старшую сестру погребенного вторым мужчины возмужалого

---

[9] *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).— ПИДО, с. 116, 117, 128—133; *Маретин Ю. В.* Кочевые кубу Восточной Суматры и их место на ступенях эволюции общества.— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы, с. 103, 104. Первый термин предпочтительнее в связи с неразработанностью и дискуссионностью вопросов, связанных в современной этнографической науке с понятиями «род» и «родовой строй».

[10] *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей.— ПИДО, с. 231, 235, 236, 240; *Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— Там же, с. 315, 316, 319; *Бахта В. М., Сенюта Т. В.* Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии.— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы, Л., с. 76; *Гиренко Н. М.* Система терминов родства и система социальных категорий.— СЭ, 1974, № 6; Кн.: Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978, с. 240—253 (глава «Системы половозрастных групп и рангов» — автор Кобищанов Ю. М.). К сходной категории явлений в их поздней историко-стадиальной трансформации относится, очевидно, и такой характерный институт, как «братская семья».— В сб.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 172, 195, 196, 235, 253, 254; *Василевич Г. М.* Некоторые вопросы племени и рода у эвенков.— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы..., с. 168; *Алексеенко Е. А.* К вопросу о роли фактора родства в социальной жизни кетов.— Там же, с. 177; *Лукина Н. В.* Терминология родства и свойства васюганско-ваховских хантов.— В сб.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск, 1976, с. 170, 176; Сб.: Социальная история народов Азии. М., 1975, статьи Р. Р. Рахимова, А. Н. Седловской и др.

[11] В работе 1957 г. Т. С. Кондукторова определяет названные костяки как женские предположительно (*Кондукторова Т. С.* Палеоантропологические материалы..., № 21, с. 200—206), но в работе 1973 г. тот же автор снимает с них знак вопроса (*Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита..., № 11, 20, с. 23, табл. II).

[12] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 403.

[13] *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи, с. 204—209.

[14] *Семенов Ю. И.* Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа).— СЭ, 1970, № 5, с. 61—63.

возраста. Близкий возраст имела и женщина из двойного погребения (40—50 лет — по Т. С. Кондукторовой, 45—55 лет — по А. Д. Столяру), однако возраст мужчины, захороненного первым, определяется обобщенно как взрослый, что затрудняет общий вывод.

Во-вторых, учитывая возраст женщин из погребений № 20 (45—55 лет) и № 21 (также 45—55 лет, либо 40—50 лет), нельзя исключить вероятности, что это погребение не старших сестер, а матерей захороненных совместно с ними мужчин. Подобная трактовка, предпочтительная, с нашей точки зрения, для названных комплексов, также не выходит за рамки реконструкции коллектива, оставившего могильник, как объединения типа кровной общины, поскольку оставляет наши поиски и интерпретации в пределах «раннеродовой» структуры с ее тенденциями матригенных связей.

В-третьих, назовем еще одну допустимую причину, по которой определенное число женщин оказалось захоронено на сугубо мужском кладбище. Такой причиной могло быть существование между погребенными брачных отношений, которые в условиях архаичной общины позднемезолитического времени могли скорее всего осуществляться в форме, являющейся производной от форм группового брака, присущих древнейшим дуальным структурам[15]. Близкая брачная структура известна современной этнографии как «товарищество по жене»[16]. Следует особо подчеркнуть, что групповое, в частности тройное, погребение двух однополых субъектов и одного субъекта противоположного пола могло явиться древнейшей структурной основой для одного из направлений в эволюции обряда парного («супружеского») разнополого погребения.

Независимо от приведенной интерпретации трех предполагаемых женских захоронений Васильевского 1 могильника, особое внимание следует обратить на малочисленность этих погребений. Любопытно также, что все они совершены в пределах совместных захоронений, двух групповых и двойного. Последовательный характер погребения этих женщин рядом с мужчинами не позволяет говорить о возможности их насильственной смерти, что типично для некоторых, более поздних парных разнополых комплексов с признаками патриархальной доминантности. Очевидно, перед нами рядовые захоронения, малое количество которых свидетельствует, по-видимому, о начальном этапе, зарождении обряда совместного погребения полов. Основная же масса женщин должна была, следовательно, захораниваться в ином месте, на собственном кладбище.

Обращаясь к демографической характеристике Васильевского 1 могильника, отметим среди погребенных большое число субъектов среднего и преклонного возраста, в том числе близких к 60-летнему рубежу.

Как представляется, подобная демографическая ситуация должна была, при наличии прочих положительных социально-экономических факторов, благоприятствовать сложению собственно родовой структуры, поскольку стимулировала исчисление степеней родства по предковым линиям. Факт последовательности совершения захоронений в групповых комплексах могильника, редкость абсолютной синхронности погребения умерших мужчин свидетельствуют о том, что памятник не являлся местом погребения людей, погибших в массовых военных столкновениях. Собственно, лишь для троих (погребенные № 5, 10, 17) можно предположить гибель от раны кремневым наконечником («стрелой»). Двое из погибших имели возраст 25—35 лет, т. е. младшая возрастная категория мужских погребений кладбища представлена людьми, умершими, как мы предполагаем, насильственной смертью. Противоположный возрастной рубеж, позволяющий составить представление о гранях возрастов боеспо-

[15] *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество...; *его же.* Проблема начального этапа..., с. 200, 201; *его же.* Происхождение брака и семьи, гл. 6, 7.

[16] *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934; *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1965, с. 83, 84; сб.: Общественный строй..., с. 317—320.

собной части коллектива, представлен погребением мужчины сугубо зрелых лет (№ 17). Возможно, возрастные градации играли определенную роль в военной практике коллектива, что можно предполагать по этнографическим параллелям[17]. Наконец, обратим внимание, что глубже всех вскрытых захоронений расположено погребение, резко противоречащее прочим по своим обрядово-ритуальным показателям: это череп ребенка в возрасте до года, помещенный на глубине в 2,33 м. Расположено оно вблизи обрыва, очевидно, срезавшего наиболее ранние комплексы могильника. Не исключено, что это оригинальное погребение имеет прямое касательство к распространенным культам человеческих черепов и голов, причем, заметим, преимущественно женских и детских (например, верхнепалеолитические черепа из Ма д'Азиль, Плакар, Пато, Ложери-Ба, Дерути (Франция), мезолитические из Офнет (ФРГ), череп из Модлоны).

Обобщая данные по особенностям обрядово-ритуальной структуры Васильевского 1 могильника, отметим следующее. Перед нами кладбище, оставленное, очевидно, мужской частью определенной общественной группировки, чьи особенности как коллектива, ведущего счет родства по предковым линиям, не были еще полностью оформлены, поскольку в совместных последовательных захоронениях однополых индивидов можно видеть группы людей, связанных горизонтальной системой родства, т. е. братьев, кровных, либо классификационных. Предположительно, при этом сообществе, представлявшем мужскую часть коллектива, по всей вероятности, кровной общины (что было бы наиболее социально-типичной структурой для общества позднего мезолита, по Н. А. Бутинову) было погребено две-три женщины. Возможно, эти женщины были сестрами по крови или параллельной возрастной категории, причем второе обстоятельство могло обусловливать и брачное партнерство. Не исключается и предположение о кровном предковом родстве с погребенными совместно молодыми мужчинами. Наконец, отсутствие детских и подростковых погребений позволяет предположить существование отдельного детского кладбища. Основная масса женской части коллектива также, по-видимому, хоронилась отдельно. Рассмотренные структурные особенности Васильевки 1 достаточно своеобразны, хотя отдельные типичные черты такого архаичного обрядового комплекса и получают в дальнейшем, как увидим ниже, широкое распространение. Учитывая специфику эпохи сложения этого памятника (поздний мезолит), мы вправе искать аналогии его особенностям в культурно-социальных чертах, присущих аборигенным племенам, находящимся на близкой стадии развития. В этой связи с известной долей вероятия можно предположить, что Васильевка 1 иллюстрирует археологическими материалами некоторые явления, широко известные в этнографии, а именно фиксирует для мезолита (подчеркнем, определенной локализации) существование половозрастного размежевания коллектива, сплочение его мужской части, ранние формы брака и семьи («родья»? или «сусу», по Ю. И. Семенову).

Могильник Васильевский 3 является памятником финального мезолита Днепровского Надпорожья. Культурно-хронологически, с определенным временным интервалом, он следует за Васильевским 1. Некоторые из наиболее южных его погребений оставлены, возможно, ранненеолитическими днепро-донецкими племенами[18]. Могильник располагается невдалеке от Васильевского 1, также на обрывистом прибрежье, исследован он практически полностью, за исключением центральной части, по-

---

[17] *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки, с. 38, 39, 50, 51, 86, 91; Кн.: Община в Африке..., с. 248.

[18] *Телегин Д. Я.* Третий Васильевский могильник.— КСИА УССР, № 7, 1957; *его же.* Василівський Третій некрополь в Надпоріжжі.— Археологія, XIII, 1961; *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966, с. 21—95; *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины..., с. 18—21.

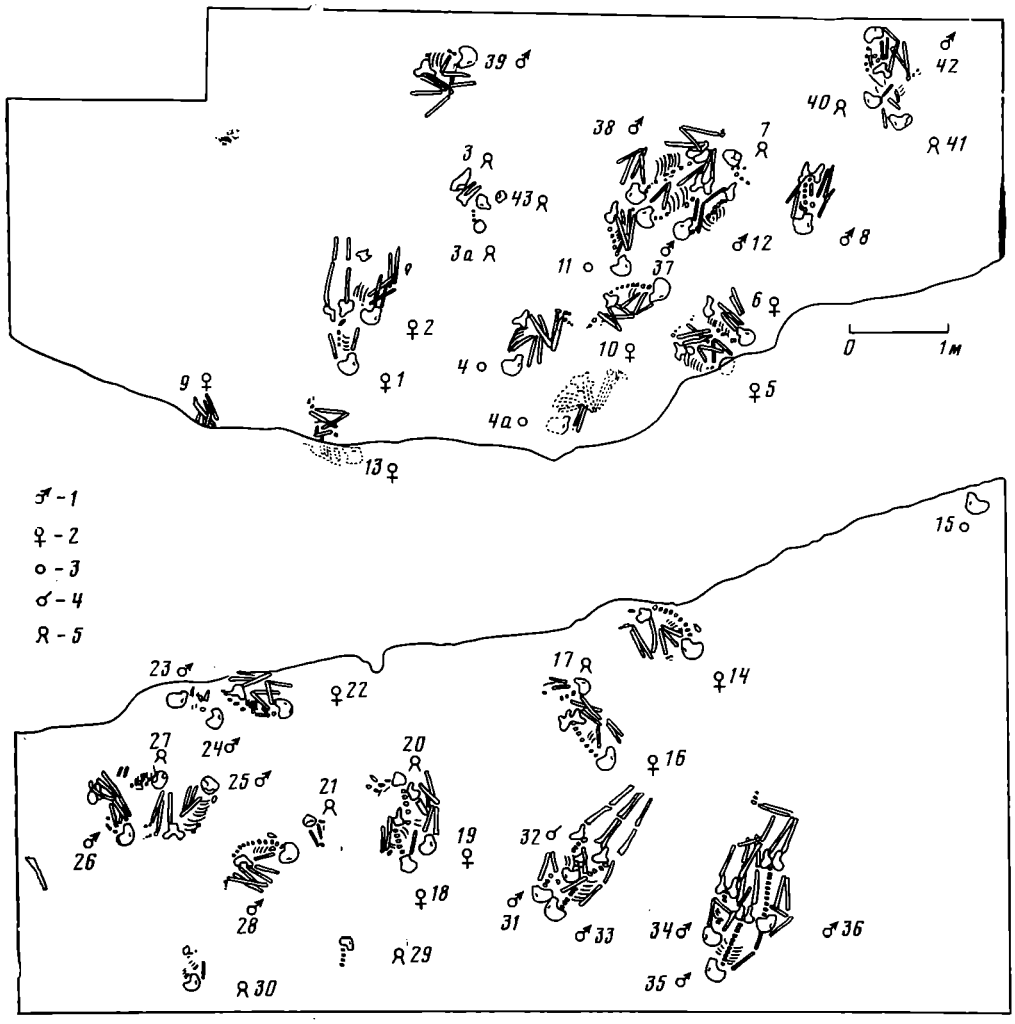


Рис. 3. Погребальные комплексы 3 Васильевского могильника: *1* — мужчина, *2* — женщина, *3* — взрослый, *4* — подросток, *5* — ребенок

врежденной рвом (рис. 3). Могильник включает 45 погребенных: 16 мужчин, 12 женщин, 4 взрослых неизвестного пола, 1 «подросток», 12 детей. Прослежены два типа захоронений: индивидуальные (14 погребений) и совместные (7 групповых и 4 двойных погребения). Могильные ямы отсутствуют, как и на Васильевском 1 могильнике, а расположение костяков в совместных захоронениях также характеризуется стратифицированностью.

В могильнике преобладает тип совместных погребений: он включает останки 30 индивидов из общего числа (45) погребенных. Групповые погребения включают 22 индивида, объединенных в 7 групп, а двойные погребения — восемь.

Группа I, № 43, 3а, 3 — групповое, однопоколенное (детское), последовательное, стратифицированное захоронение: ребенок 1—2 лет, «младенец», ребенок 10—12 лет. Два последних погребения совершены с незначительным интервалом, располагаются непосредственно над основным захоронением, обильно покрытым охрой. **Группа II,** № 42, 41, 40 — групповое, разнопоколенное (взрослый и ребенок), последовательное, стратифицированное захоронение: мужчина зрелого возраста, ребенок 10—12 лет, ребенок 2—3 лет. Дети погребены с незначительным интервалом. При мужчине створки раковин унио и кость со «следами обработки». **Группа III,** № 12—38—37, 7, 11 — групповое, разнопоколенное (взрослый и ребенок), последовательное, стратифицированное захоронение: в основа-

нии группы одновременно положены трое мужчин 25—30 лет (№ 38— 36—50 лет?), далее «в ногах» мужской группы погребен ребенок 10— 12 лет (сохранился лишь череп, поэтому не исключаем наличия «культового» погребения, подобного № 7 Васильевки 1). Последним погребен взрослый неизвестного пола, чьи кости таза и конечностей располагались над черепами основного, совместного мужского, захоронения. Среди костей погребенного № 12 «три кремневых острия»; в костях погребенного № 37 «наконечник стрелы». **Группа IV**, № 23, 24, 22 — групповое, разнополое, последовательное, стратифицированное захоронение: мужчина 36—50 лет, мужчина 25—30 лет, женщина 50—55 лет. Погребения мужчин совершены с незначительным временным интервалом. **Группа V,** № 20, 19, 18 — групповое, разнопоколенное (взрослый и ребенок), последовательное, стратифицированное захоронение: ребенок 3—4 лет, женщина 25—30 лет, женщина 36—50 лет. Последняя из погребенных «кинута в яму вверх спиной», на левой теменной кости след от удара «твердым четырехгранным предметом». У средней погребенной плечевая кость неестественно вывернута. Ребенок, лежащий в основании группы, располагается «в ногах» взрослых, его костяк покрыт охрой. **Группа VI,** № 33, 32, 31 — групповое, однополое, разнопоколенное, одновременное захоронение: молодой мужчина, «подросток», мужчина 50—55 лет. При погребенном № 33 кость «со следами обработки», около черепа обломок кремневой пластинки, а в области груди кремневый «наконечник». **Группа VII,** № 34, 35, 36 — групповое, однополое, одновременное захоронение: трое мужчин 25—30 лет. Среди костей погребенных № 34 и 36 наконечник с кремневыми вкладышами и кремневые пластинки. Таким образом, семь групповых захоронений 3 Васильевского могильника содержат: два совместных однополых погребения (группы VI, VII), одно совместное разнополое погребение (группа IV), три совместных погребения взрослых и детей (группы II, III, V) и одно совместное погребение детей (группа I) (рис. 2, *3, 4*).

Двойные комплексы включают два погребения однополых субъктов и два погребения взрослого и ребенка: № 1, 2 — однополое, последовательное (?) захоронение (женщины); № 5—6 — однополое, одновременное захоронение (женщины), на костях погребенного № 5 четыре кремневых пластинки (три из них «стрелы»).

№ 17, 16 — взрослый и ребенок, последовательное, стратифицированное захоронение: ребенок 6—7 лет, женщина 36—50 лет, ребенок «в ногах» взрослого; № 27, 25 — детско-взрослое, последовательное, стратифицированное захоронение: ребенок 8—9 лет, мужчина 36—50 лет, ребенок «в ногах» взрослого. Таким образом, четыре двойных захоронения 3 Васильевского могильника содержат: два совместных однополых погребения и два взрослого с ребенком (мужское и детское, женское и детское) погребения.

Тип индивидуальных погребений включает останки 14 субъектов, т. е. одну треть от общего числа захороненных в могильнике. Самым глубоким из индивидуальных погребений является захоронение № 9 — взрослая женщина (глубина 2,5 *м*), далее, в порядке стратиграфического расположения, следуют: № 13 — молодая женщина, № 28 — мужчина 36— 50 лет (или «старик», по И. И. Гохману), № 39 — мужчина взрослый, № 26 — мужчина 25—30 лет, № 10 — женщина 36—50 лет (или «возмужалая», по И. И. Гохману), № 30 — ребенок 2—3 лет, № 21 — ребенок 2—4 лет, № 4 — взрослый, № 4а — взрослый (глубина № 4 и 4а — 1,96 *м*, не исключено, что это двойное погребение), № 14 — женщина 36—50 лет, № 29 — ребенок 3—4 лет, № 8 — мужчина 25—30 лет, № 15 — взрослый неизвестного пола. Погребенные № 13, 26, 29, 30 в разной степени покрыты охрой. Погребенные № 9, 13, 14, 15 частично срезаны рвом и как захороненные индивидуально могут рассматриваться условно. Таким образом, индивидуальные погребения могильника содержат

захоронения как взрослых обоего пола, так и детей (пол не определен). Располагаются такие погребения рассредоточенно, по всей территории памятника, и совершены на протяжении всего периода его функционирования.

Особенности микротопографии 3 Васильевского могильника позволяют наметить картину его первоначальной структуры. Очевидно наиболее ранними являются погребения, совершенные в стратиграфическом интервале от 2,5 до 2 *м*[19]. В северной части могильника это мужские погребения № 12—38—37, 42, 39 и детское 43. В южной части наиболее ранними являются мужские погребения № 28, 26, 23, 24, 25 и детские № 27, 30, 20, 17, 21. Очевидно, также в раннюю пору формирования кладбища были индивидуально погребены две женщины, № 9 и 13, позднее их—еще одна женщина, № 10, и наконец, на границе глубинного слоя лёссовидного суглинка, на глубине 2 *м*, совместно захоронили двух женщин — № 1, 2. Как можно заметить, глубинные женские погребения тяготеют к центральной части памятника. Примечательно также, что на юго-западной оконечности могильника в раннюю пору его сложения сосредоточились исключительно мужские и детские захоронения, образуя детско-мужской территориальный комплекс. Таким образом, можно констатировать, что с самого начала 3 Васпльевский могильник формировался как разнополый и разнопоколенный погребальный комплекс, где сосуществовали обряды совместного и индивидуального захоронений.

В этой связи остановимся на одном из наиболее существенных отличий рассматриваемого памятника от его раннего аналога Васильевки 1 — присутствии на одном могильном поле взрослых и детских захоронений. Погребения детей размещены практически по всей площади кладбища и связаны как с женским, так и с мужским захоронением. Действительно, в группе II мужское погребение сопровождается двумя детскими; в группе III ребенок сопровождает погребение мужчин, а в группе V в совместном захоронении женщины и ребенка захоронение ребенка является основным. Все названные детские погребения совершались отнюдь не одновременно со взрослыми. Характерно и размещение таких детских погребений «в ногах» взрослого захоронения. Число детей, погребенных вместе со взрослыми и отдельно, не отражает реального количества детей, умерших в коллективе, оставившем памятник. Действительно, на 32 взрослых (из них 12 женщин) приходится всего 12 детей в возрасте от «младенческого» до 10—12 лет, причем из них шесть, т. е. половина, погребены со взрослыми. Следовательно, можно предположить, что названные детские погребения при взрослых были в известном роде символичны, иллюстрируя нормами погребальной обрядности какое-то новое, нарождающееся социальное явление в жизни коллектива. Как можно предполагать, подобный обрядовый акт мог отражать исчисление родства по вертикальным линиям, по мужскому и по женскому предкам, т. е. в целом факт присутствия отдельных детских погребений при мужских и женских захоронениях 3 Васильевского могильника следует расценивать как показатель существований билинейной системы исчисления родства в оставившем памятник коллективе. Судя по соответствующим этнографическим параллелям, билинейность оказывается присущей ранним этапам развития «родового» общества, являясь промежуточной системой исчисления родства относительно древнейшей — однолинейной материнской — и более поздними — однолинейными материнской, либо отцовской[20]. К сожалению, неизвестен пол детей, погребавшихся соот-

---

[19] *Телегін Д. Я.* Василівський Третій..., рис. 1, 2.

[20] *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя.— В сб.: Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975, с. 79, 80; *Кабо В. Р.* Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам).— ПИДО, с. 231 сл.; *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, с. 185—233.

ветственно при мужчинах или при женщинах, что лишает нас возможности наметить здесь какие-либо закономерности. Далее, с большой долей уверенности можно говорить о существовании у рассматриваемого коллектива отдельного кладбища, по крайней мере для детей «младенческого» и подросткового возрастов (в могильнике имеется лишь по одному субъекту названных возрастных категорий). Однако появление известного числа детских захоронений на взрослом кладбище означает качественно новую ступень взаимодействия социальных факторов, регулировавших взаимоотношения двух крупных возрастных категорий коллектива, взрослой и детской. Заметим, что впервые для данной культурно-хронологической и территориальной общности, представленной памятниками мезолита Надпорожья, материалы свидетельствуют о начале консолидации взрослой и детской частей коллектива, о вероятном появлении предкового исчисления родства поколений, что, очевидно, отражает и известную внутрисемейную стабилизацию. Действительно, при подобном процессе дети постепенно перестают рассматриваться как достояние всего коллектива, но по мере упрочения экономической связи детско-женской и мужской групп и следовавших за этим определенных семейно-брачных трансформаций, связанных со стабилизацией положения отца как основного добытчика пищи, оказываются приобщенными к все более выкристаллизовывающейся в своих формах элементарной (малой) семье.

Принципы «кровничества», горизонтальной связи поколений, в особенности тесной в рамках соответствующей половой дифференциации, продолжают сохранять устойчивые позиции в коллективе, оставившем 3 Васильевский могильник. Действительно, несмотря на совместное размещение обоих полов на территории одного кладбища, среди совместных захоронений, групповых и двойных, можно обнаружить только одно разнополое захоронение (группа IV). В погребениях «взрослый и ребенок» взрослые захоронения также представлены совместными однополыми погребениями, т. е. с детьми погребены или только мужчины, или только женщины.

Далее, если в 1 Васильевском могильнике мы не находим лиц моложе 25-летнего возраста, что, возможно, служит указанием на возрастной рубеж, соответствующий признанию общественной зрелости индивида, то в 3 Васильевском могильнике среди погребенных отсутствует возрастной интервал между 10—12 и 25 годами. Отсюда следует вывод, что, по-видимому, возраст старше 12 лет и вплоть до 25 являлся с общественной точки зрения хотя уже и не детским, но еще и не взрослым в социальном значении этого понятия. Можно предполагать, что именно этот возрастной интервал предназначался для приобщения юноши к навыкам хозяйственной и семейной жизни общины. Практические испытания и приобщения к сакральным тайнам коллектива могли облекаться в форму длительных, часто многолетних инициационных процедур, в результате которых молодой человек становился полноправным членом общества, добытчиком пищи и воином[21], и не исключено, что в материалах рассматриваемых позднемезолитических памятников можно обнаружить подтверждение реальности бытования таких обычаев в названную эпоху.

Обращаясь к демографической характеристике могильника 3 Васильевского, отметим, что в целом по своему возрастному составу он оказывается несравненно «моложе» 1 Васильевского. Лишь один мужчина (№ 31) и одна женщина (№ 22) умерли в возрасте, приближающемся к старческому, тогда как в 1 Васильевском только 50—60-летних насчитывалось четверо. Возможно, это следует объяснять гибелью многих молодых мужчин в военных столкновениях. Общая картина детской смертности не может быть представлена по имеющимся данным, однако заметно

[21] *Гофман А. Б., Левкович В. П.* Обычай как форма социальной регуляции.— СЭ, 1973, № 1; *Калиновская К. П.* Возрастные группы народов Восточной Африки, с. 69, 72, 73, 92, 93, 105, 113, 114 сл.

преобладает число детей в возрасте от 2 до 4 лет. Далее, обратим внимание на, очевидно, насильственную смерть двух женщин, № 5 и 18, захороненных в совместных однополых комплексах. Если первая умершая была поражена кремневыми остриями, то вторая погибла от удара по голове и неестественность ее позы свидетельствует о полном пренебрежении ритуальными нормами (рис. 2, *4*).

Таким образом, рассматривая нормы погребальной обрядности 3 Васильевского могильника, мы остаемся в русле поиска решения все тех же проблем, связанных с трактовкой таких архаичных обрядовых феноменов, как совместное захоронение однополых субъектов, их однопоколенность, а иногда и сопровождение одиночным женским захоронением группового погребения мужчин. Примечательно, что совмещаемость в пределах единого кладбища («погребального пространства») как мужских, так и женских, совместных и индивидуальных, погребений сочетается с таким архаичным моментом, как тенденция к территориальному обособлению комплексов с погребениями лиц того или иного пола, что отмечено и автором раскопок, Д. Я. Телегиным. Другим примером слияния архаичных и новых обрядовых признаков является совмещение детских погребений с групповыми погребениями взрослых, включающих исключительно однополых субъектов. Названные особенности свидетельствуют о глубоко укоренившихся нормах полового сепаратизма в погребальном обряде Васпльевки 3, имевших генетический исток в древнейших обычаях половой дифференцировки первобытных коллективов в производственно-бытовой и сакральной сферах. В то же время развитие обычая совместного погребения взрослого и ребенка, предполагаемая билинейность в исчислении родства способствовали объективно структурной трансформации однополых, однопоколенных группировок коллективов «кровного» типа, которые можно предполагать по этнографическим параллелям для общества позднего мезолита Надпорожья.

Специфика общественно-семейной структуры, нашедшая отражение в погребальном обряде неолитических, днепро-донецких могильников, может быть понята в связи с особенностями, отмеченными нами относительно позднемезолитических надпорожских памятников. Особенно близок к обряду ранних Васпльевских могильников могильник Собачки: в нем отсутствуют следы могильных ям, погребения взрослых располагаются небольшими группами-«гнездами», а «в ногах» одной из групп имеется детское погребение, однако положение костяков уже исключительно вытянутое на спине, подобно некоторым захоронениям Васильевки 3 и в соответствии с ритуалом днепро-донецких племен[22]. Весьма своеобразен один из наиболее архаичных неолитических надпорожских могильников, Марьевский[23] (рис. 4). Обращает внимание групповое размещение умерших, среди которых особенно показательны с обрядовой точки зрения группа № 6—9 (трое мужчин, женщина), группа № 10—12 (двое мужчин, женщина) и № 4, 5 (мужчина и женщина). Не исключено, что в последнем названном погребении допустимо видеть захоронение брачной пары (парное разнополое погребение?), тогда как в первых двух группах явственно выступают черты обрядности, свойственной ранним Васильевским могильникам. Отметим также, что в раннеэолитической Марьевке появляется новый, весьма выразительный инвентарный компонент — зубы вырезуба, в изобилии сопровождающие костяки как мужчин, так и женщин, причем в последних они особенно многочисленны (при

[22] *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура..., с. 71, рис. 23.

[23] *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура..., с. 67, 70, 71; *Бодянський О. В.* Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі.— АП, VI, 1956, с. 179—181; *Зіневич Г. П.* Краніологічний матеріал з ранньоеолітичного могильника.— МАУ, вып. 3, 1964, с. 29—31. Следуя замечаниям Г. П. Зиневич, помимо женских костяков № 1, 2, 8, 15 таковыми можно полагать и № 5, 12, а к мужским костякам № 6, 10 присоединить также № 4, 7, 11. Кроме того, предположительно женскими можно полагать № 13, 14, мужским — № 9; № 3 — погребение взрослого.

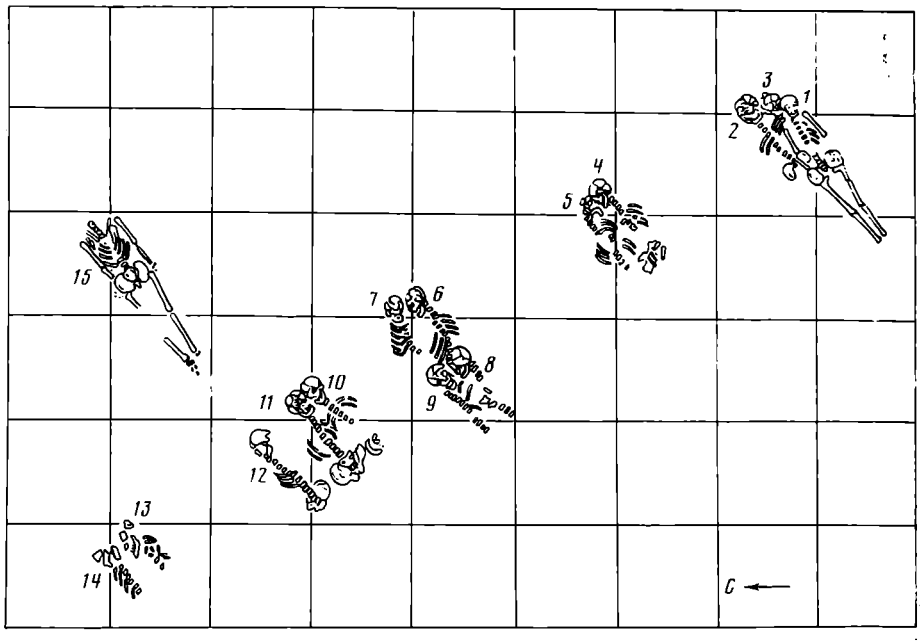


Рис. 4. Расположение погребений в Марьевском могильнике

№ 8—35 экз., № 12—44, при № 15—14). Учитывая то обстоятельство, что зубы вырезуба становятся неизменной составной частью инвентаря неолитических днепро-донецких могильников, следует предполагать, что рыболовство занимает прочные позиции в структуре хозяйства племен Надпорожья (аналогичное явление наблюдается, например, и в ранненеолитической буго-днестровской культуре [24]).

Могильник Васильевский 2, сложившийся подобно Марьевскому в раннюю пору среднего этапа развития днепро-донецкой культуры (этап II А, по Д. Я. Телегину) [25], иллюстрирует весьма своеобразное сочетание архаичных и новых, нарождающихся тенденций в погребальной обрядности. Действительно, наряду с совместными однополыми (мужскими) захоронениями (№ 10, 11, 14, 16, 17 и 20, 21), а также совместными захоронениями детей как с женщинами (№ 8, 9), так и с мужчинами (№ 26, 27, 12, 13), имеется такой выразительный обрядовый нюанс, как два совместных погребения мужчины и женщины (№ 23, 24 — одновременное, № 18, 19 — последовательное), в которых можно предположить собственно парные разнополые захоронения, т. е. погребения людей, связанных брачной взаимозависимостью. Таким образом, в Марьевском могильнике предположительно, а в Васильевском 2 — более определенно мы сталкиваемся с этой показательной формой погребений, получивших столь широкое распространение в культурах энеолита — бронзового века, а ранее практиковавшихся лишь эпизодически [26].

Могильник Вольненский, один из крупных днепро-донецких «некрополей», примечателен своей стратифицированностью: на раннем (IIА) этапе сложения памятника захоронения совершались в овальных могилах, на последующем (IIБ) — в четырехугольных, причем именно ранние, наиболее многочисленные, погребения привлекают внимание комп-

[24] *Маркевич В. И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974, с. 144, 145 сл.

[25] *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура..., с. 70, 71; *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966, с. 96—99, 129, табл. 19.

[26] Например, в обширной и наиболее ранней северной части Южного Оленеостровского могильника имеется лишь одно парное погребение (№ 152—153), в двух мезолитических могильниках Морбигана (Франция) — также одно («А», Тевьек).

лексом своих ритуально-обрядовых черт[27]. В пределах некоторых ям можно выделить несколько этапов последовательных захоронений, фиксируемых стратиграфически. Рассматривая могильные ямы (или скопления костяков) в направлении с северо-северо-запада на восток, нумеруем их соответствующими литерами. А — № 9, 8, 7, групповое, разнополое, последовательное (в три этапа) погребение: женщина 25—30 лет, мужчина 25—30 лет, взрослый; ориентировка на северо-северо-восток. Б — № 19, индивидуальное погребение женщины 20—25 лет с аналогичной ориентировкой. В — № 32, 34, 31, 20, последовательное, в два этапа, стратифицированное погребение четырех мужчин. Этап I — групповое, однополое, однопоколенное (?), двух- или трехактное погребение мужчин 30—40, 20—25 и 25—30 лет; ориентировка южная. Этап II — № 20, индивидуальное погребение мужчины 20—25 лет, совершенное через определенный промежуток времени, стратиграфически фиксируемый накоплением 0,25 *м* грунта над костяком № 31; ориентировка «по антитезе» относительно нижележащих погребенных. Г — № 30, нарушенное погребение в подовальной яме; пол и возраст неизвестен. Д — № 29, 16, 17, 3. двухэтапное погребение троих взрослых обоего пола и ребенка. Этап I — индивидуальное погребение женщины 30—35 лет с южной ориентировкой (№ 29). Этап II — групповое, разнополое, погребение взрослых и ребенка: № 16, женщина 30—35 лет, и № 17, мужчина 40—45 лет, лежащие «по антитезе»; последним, «в ногах» женщин, располагающихся компактно, был погребен ребенок 8—14 лет (№ 3), положенный «по антитезе» относительно женщин, т. е. на северо-северо-восток. Е 1,2— два близлежащих, очевидно индивидуальных, погребения подростков: № 15, пол неизвестен, № 6, 13—14 лет, пол неизвестен. Ж — № 40, 41, 39, 35, 37, 36, 13, 14, последовательное в два этапа, стратифицированное погребение восьми человек: пятерых взрослых обоего пола и ребенка. Этап I № — № 40, 41, 39 (нижний ярус), № 37, 35, 36 — верхний ярус. Нижний комплекс: мужчина 40—45 лет, взрослый, мужчина 25—30 лет. Верхний комплекс: ребенок 6—7 лет, женщина 20—25 лет, ребенок 7—8 лет; женщина погребена как бы в «прирезке», не исключено, что и в индивидуальной, плотно смыкающейся с основной яме (ж). Этап II — № 13, женщина 20—25 лет и № 14, ребенок, располагающиеся выше костяков первого этапа заполнения ямы более чем на 0,5 *м*. В целом захоронения составляют групповой, разнополый, разнопоколенный, детско-взрослый, последовательно формировавшийся, стратифицированный комплекс. Все три ребенка положены «по антитезе» относительно взрослых, т. е. на северо-северо-восток. З — № 26, 26а, 25, 24, групповое погребение четырех человек, в числе которых № 26, женщина 20—25 лет, № 25 — субъект юношеского возраста (17 лет), прочее — неопределимые костные остатки. И — № 38, 33, двухэтапное, стратифицированное погребение: мужчина 20—25 лет, погребенный в основании ямы, и подросток (?), погребенный на II этапе формирования комплекса, примерно на 0,4 *м* выше; ориентировка — на юг-юго-восток.

Таким образом, в древнейших на памятнике погребениях в овальных ямах было 29 умерших: девять мужчин, семь женщин, двое взрослых неизвестного пола, четыре подростка, четверо детей и три человека неизвестного пола и возраста. Как можно заметить, в начале своего формирования Вольненский могильник служил кладбищем исключительно взрослым субъектам, причем в основании наиболее глубоких ям — В и Ж — захоронены мужчины. Архаичностью обряда интересна яма В, содержащая однополое, возможно однопоколенное, захоронение. В то же время отметим существование совместного (парного разнополого?) по-

[27] *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура, с. 63, 64, 67, рис. 21; *Сурнина Т. С.* Палеоантропологические материалы из Вольненского неолитического могильника.— Антропологический сборник, вып. III. М., 1960.

гребения № 16—17 (Д), совершенного «по антитезе». Выразительные аналогии этому есть в Мариуполе и китойском «Циклодроме». Примечательно появление детских и подростковых погребений лишь на заключительных этапах формирования комплексов в овальных ямах (из восьми детей и подростков лишь два, № 36 и 37, погребены ранее), а также положение детей «по антитезе» относительно взрослых (ямы Д, Ж). Явная диспропорция между количеством взрослых и детских (и подростковых) костяков, концентрация детских и подростковых захоронений в верхних стратиграфических горизонтах ям позволяют предполагать существование на начальной стадии формирования могильника отдельного кладбища для младших возрастных категорий. Однако даже на заключительном этапе погребения в овальных ямах захораниваются подростки и дети исключительно в возрасте II детства, тогда как наиболее обширная категория детей в возрасте I детства, а также новорожденных отсутствует. Очевидно, обычаи возрастного размежевания, ярко проявившиеся в древнейших надпорожских могильниках, бытовали и в пору расцвета днепро-донецкой культуры (вспомним в этой связи могильник Лысая Гора, где ряд ям включает исключительно детские костяки). Однако требуют пристального внимания и те новые тенденции, которые проявились в днепро-донецкой обрядности: появление, пока еще единичных, парных разнополых погребений, постепенное формирование детско-взрослых, очевидно «семейных», комплексов, разнополых и разнопоколенных, сменяющих древнейшие комплексы «васильевского» типа, однопоколенные и однополые. Любопытны и некоторые демографические сопоставления: так, весьма низкой оказывается средняя продолжительность жизни взрослых, фиксируемая по Вольненскому могильнику: 30 лет для мужчин и 26 лет для женщин, что составляет определенный контраст с мезолитическими надпорожскими памятниками.

M. D. Hlobystina

THE MOST ANCIENT CEMETERIES OF THE LOWER DNIEPER REGION AS THE MONUMENTS OF SOCIAL HISTORY

Summary

Studies of peculiarities of funeral rites of the archaic late mesolithic cemeteries of the Lower Dnieper (Nadporozhye) make it possible to determine some tendencies in the development of family — social structures of the epoch. Collective, consequently exercised burial is the main burial type in the Ist and the IIId cemeteries near Vasilyevka (fig. 1, 3). The analysis of burials, belonging to identical sex and age groups buried, leads to some conclusions about the family and community. The community, that left the IIId cemetery near Vasilyevka was, possibly, based on bilinear counting of relationship, which is reflected in children' burials both with men and women (fig. 2, 3, 4). The archaic, mesolithic and new forms of burial rites (for example, the possible emergence of double burials of different sex) are reflected in the early neolithic cemetery Maryevka (the Dnieper-Donetz culture of the first half of the IV millenium b. c. according to D. Y. Telegin). The process of establishment of «family» collective, consequent burials, including at first only grown-up persons, and then also children (burials in oval graves, stage II A of the Dnieper-Donetz culture according to D. Ya. Telegin) should be marked in the large cemetery near the Dnieper rapids «Volnyi» (fig. 5). Thus, in early cemeteries of the Lower Dnieper, among which the mesolithic burial sites near Vasilyevka and the neolithic cemetery near «Volnyi» are especially characteristic by their rites, archaic structure of social and family life are reflected. Analogies to these structures can be observed among the tribes, which are on the pre-metallic stage of development.

Н. А. ХОТИНСКИЙ, Б. А. ФОЛОМЕЕВ, М. А. ГУМАН

АРХЕОЛОГО-ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СРЕДНЕЙ ОКЕ

В последнее время археологи все чаще и чаще обращаются к палеогеографии в поисках решения своих проблем, а палеогеографы — к истории человеческого общества, что придает их работам более целенаправленный характер. Этот взаимный интерес определил развитие археолого-палеогеографического направления научного поиска, позволяющего полнее вскрыть сложные взаимосвязи, существовавшие между человеком и природой в прошлом.

Опираясь на опыт, накопленный при археолого-палеогеографических исследованиях торфяниковых стоянок в бассейне Верхней Волги[1], авторы провели в 1974—1975 гг. изучение ряда стоянок на Средней Оке. Исследованные стоянки приурочены к возвышенным песчаным образованиям — останцам, «дюнам»[2], на которых культурные слои разных этапов в значительной степени перемешаны, а пыльцевые спектры вследствие этого сильно искажены. Поэтому особое внимание было уделено изучению разрезов суглинистой и глинистой поймы, примыкающей к песчаным останцам. Было установлено, что стратиграфически единый на останцах культурный слой, «входя» в пойму, по мере удаления от центра стоянки разветвляется на отдельные культурные слои — шлейфы, каждый из которых фиксирует определенный этап заселения стоянки[3].

Аналогию этому явлению мы видим в расположении культурных слоев на периферии многослойных болотных стоянок в более северных районах центра Русской равнины[4]. Здесь также были выявлены шлейфы культурных слоев, которые веерообразно расслаиваются в направлении от центра стоянок на болотных суходолах в глубь торфяных залежей. Именно на таких участках удалось установить стратиграфию и хронологию ряда многослойных стоянок центра Русской равнины. В частности, исследование шлейфов культурных слоев на стоянках Ивановская III,

---

[1] *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Хронология и палеогеографический фон древнейших неолитических поселений центра Русской равнины.— В сб.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974, с. 272—275; *Chotinskij N. A.* Archäologisch-paläogeographisch Forschungen in Zentrum der Russichen Ebene.— ZfA, № 10, 1976, S. 161—172.

[2] А. А. Асеев указывает на ошибочность распространенного среди археологов мнения о существовании в долине Средней Оки «дюн» и считает эти образования останцами. См. *Асеев А. А.* Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М., 1959, с. 186.

[3] На подобные шлейфы и их значение для стратиграфических и хронологических построений впервые обратил внимание при изучении окских стоянок В. А. Городцов. См. *Городцов В. А.* Материалы к археологической карте долины и берегов р. Оки.— Тр. VIII АС. М., 1905, с. 39—42; *его же.* К вопросу об установлении натурального масштаба времени по аллювиальным отложениям в долинах рек окской системы.— ТСА РАНИОН, т. II, 1928, с. 12—25.

[4] *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Ук. соч., с. 272—275; *Chotinskij N. A.* Op. cit., S. 161—172.

Языково I, Сахтыш I и др. позволило выявить неизвестную ранее верхневолжскую культуру — древнейший неолитический пласт центра Русской равнины [5].

В настоящей статье авторами применен во многом аналогичный метод изучения шлейфов культурных слоев в пойменных отложениях Средней Оки, позволивший уточнить стратиграфию и хронологию исследованных памятников.

Так, в результате исследования шлейфов культурных слоев на стоянке Фефёлов Бор VII было установлено залегание гребенчато-накольчатой керамики под ямочно-гребенчатой, на стоянке Большой лес II — волосовской под керамикой с «лапчатыми» отпечатками, на стоянке Фефёлов Бор II — ранней сетчатой керамики под керамикой поздней стадии поздняковской культуры. [6]

Особое внимание было уделено изучению двух многослойных памятников, расположенных на песчаных останцах в пойме р. Оки в 2—4 *км* от коренных берегов — Большой лес II и Фефёлов Бор I.

Б о л ь ш о й л е с II. Стоянка находится в Луховицком р-не Московской обл. в 4 *км* к западу от пос. Белоомут. Стоянка занимает восточный отрог песчаного останца, расположенного в пойме Оки, в перемычке ее излучины, на правом берегу. Памятник открыт в 1894 г. членами Рязанской ученой архивной комиссии, а в 1895 г. обследован и описан В. А. Городцовым [7]. В последние десятилетия размыв памятника водами Оки значительно усилился. По нашим подсчетам, с конца XIX в. берег размыт в глубину более чем на 15 *м*, в результате чего изменилась конфигурация останца «подковообразной дюны», чертеж которого дал в своей публикации В. А. Городцов [8] (рис. 1).

В настоящее время от восточного отрога останца, на котором находится памятник, остался островок шириной около 30 *м*, длиной 60 *м*, ориентированный перпендикулярно современному руслу Оки. Высота его над уровнем воды — 7 *м*, превышение над современной поймой составляет всего 1—1,5 *м*. В половодья он, как правило, заливается водой. К западу от островка имеется значительное понижение в виде ложбины шириной до 60 *м*, дно которой более чем на метр ниже уровня современной поймы. Характер отложений, заполняющих ложбину и чертеж еще не размытой «подковообразной дюны», опубликованный В. А. Городцовым, свидетельствует о том, что с этой стороны раньше был затон. К востоку от останца также имеется небольшое понижение, возможно, остатки занесенной старицы.

На останце в настоящее время растет широколиственный лес (дуб, липа, вяз), который, однако, находится в угнетенном состоянии. Пониженные части останца интенсивно зарастают ольхой. По-видимому, в прошлом широколиственный лес занимал гораздо бóльшую территорию, о чем как будто свидетельствуют местные предания о протяженности его до Белоомута да и само название («Большой лес») сравнительно небольшого в настоящее время участка леса.

Раскопки памятника велись как в центральной его части — на песчаном останце, так и на его периферии — в пойме, прилегающей к останцу. Общая площадь, вскрытая в течение 1973—1976 гг., составляет 340 $м^2$.

В центральной части стоянки основной культурный слой перекрыт пойменными отложениями мощностью до 60 *см*. В средней части послед-

---

[5] *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М.* Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья.— Вестн. АН СССР, № 5, 1973, с. 80—84; *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Указ. соч., с. 272—275.

[6] *Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А.* Исследования в бассейне Средней Оки.— АО — 1974. М., 1975, с. 86. 87.

[7] *Городцов В. А.* Материалы..., с. 39—42, рис. 95.

[8] *Городцов В. А.* Материалы...

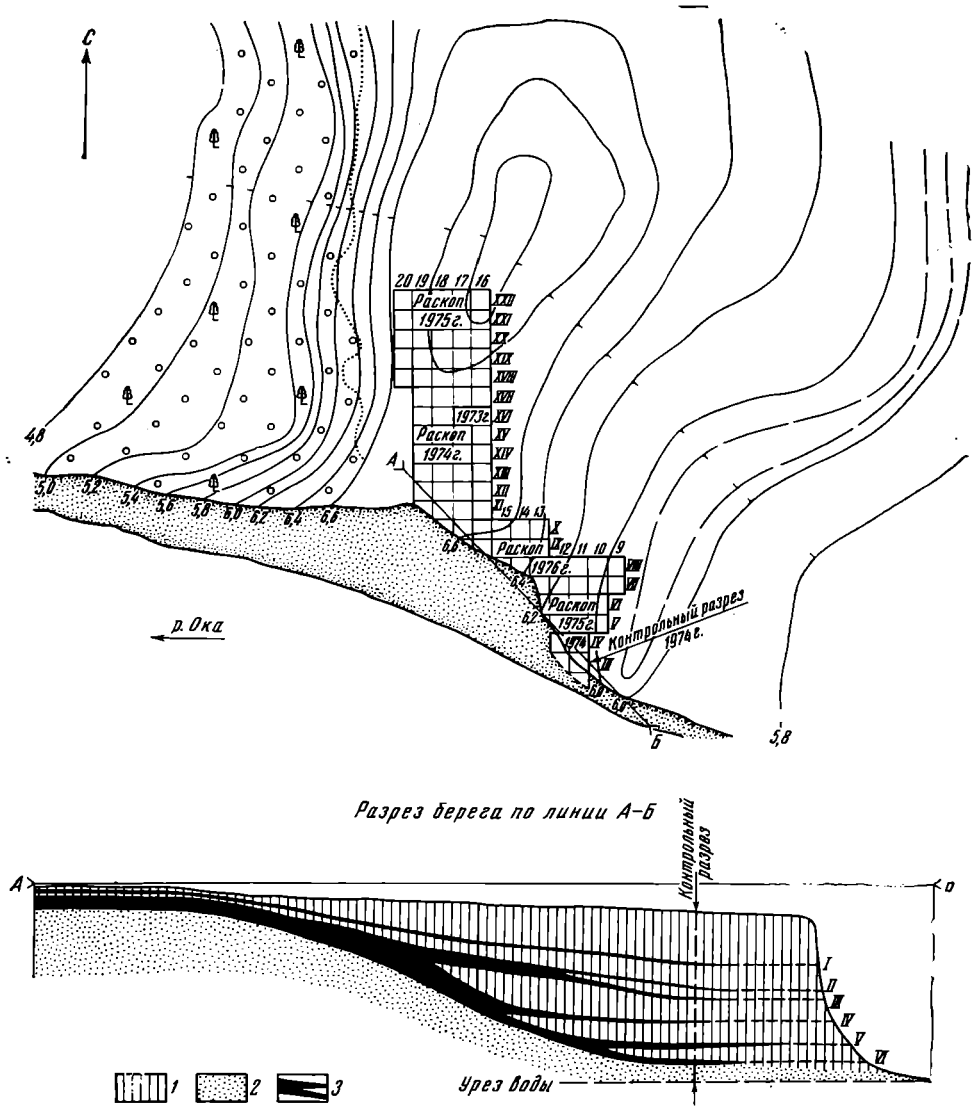


Рис. 1. Большой лес II, план и разрез берега. Условные обозначения: *1* — пойменные отложения; *2* — песок; *3* — культурный слой

них залегали находки второй половины XVIII в., — чернолощеная и красноглиняная керамика с двумя монетами 1754 и 1768 гг. Горизонт с находками прослеживается в толще пойменных отложений в виде слабоокрашенного гумусированного слоя с углистыми включениями.

Основной культурный слой, представленный темно-серым песком мощностью до 40 *см*, содержит разновременные находки — от неолита до раннего железного века. На участке поймы, примыкающей к песчаному останцу, была зафиксирована следующая стратиграфия (описание дается по контрольному разрезу восточной стенки):

	глубина в *м*
1. Суглинок серо-коричневый, средний, мелкокомковатый с прерывистыми горизонтальными прослоями желтовато-коричневой супеси и песка, особенно отчетливо прослеживающихся в средней части слоя (гл. 0,8–1,0 *м*)	0–1,7
2. Суглинок серо-коричневый, средний, комковато-глыбистый, тяжелый, с обильными углистыми включениями	1,7–2,0
3. Суглинок серо-коричневый, глыбистой структуры с включениями песка глинистого, мелкозернистого	2,0–2,7
4. Суглинок серо-коричневый, темный, тяжелый, плитчатой структуры, гумусированный, с обилием углистых включений	2,7–3,1

5. Глина светло-коричневая, с пятнами светло-серой (светло-бурой?) плотной пластичной глины	3,1–3,8
6. Глина коричневато-серая с гумусированной примазкой и углистыми включениями, в нижней части с примесью песка мелкозернистого, глинистого, пестроокрашенного	3,8–5,2
7. Песок светло-серый, мелкозернистый, рыхлый, с пятнами глинистого коричневого песка и редкими включениями серой глины	5,2 и ниже до уреза воды

В этом разрезе было зафиксировано шесть шлейфов культурных слоев, прослеженных по стенкам раскопа в виде углистых и гумусированных прослоек и которые мы в дальнейшем будем называть культурными слоями, так как соответствие каждого из них отдельному этапу заселения памятника не вызывает сомнения.

Первый культурный слой прослеживается в серо-коричневом суглинке на глубине 1,7—1,8 *м*. Он является прямым продолжением слоя второй половины XVIII в., вскрытого в средней части пойменных отложений, перекрывающих основной культурный слой на останце.

Второй и третий культурные слои залегают в нижней части серо-коричневых суглинков. Второй слой прослеживается на глубине 2,8 *м* и содержит керамику с сетчатыми отпечатками и небольшое количество кремневых отщепов. Большинство фрагментов имеет примесь мелкотолченой дресвы и песка. Венчики сосудов прямые или слабопрофилированные и иногда приплюснуты сверху, из-за чего имеют т-образную форму; днища — плоские с закраинами.

Сетчатая керамика представлена несколькими разновидностями, отличающимися фактурой поверхности. Большинство ее составляет керамика с «ниточными» отпечатками — параллельными, плотно примыкающими один к другому или разреженными, прерывистыми, пересекающими друг друга. Различаются отпечатки толстых плохопряденых нитей (рис. 2, *2*) и более тонких многопрядных в виде крутоскрученного шнура, имеющего правый наклон витков (рис. 2, *1, 3, 4*). Реже встречается керамика с ячеистой «рябчатой» фактурой, которая лучше представлена в западном секторе раскопа, на останце (рис. 3, *8, 10*). Иногда поверх сетки или на свободной поверхности встречаются вытянуто-овальные крупные (0,5—1,0 *см*) ячейки, собранные в прерывистые ряды (рис. 2, *5*; 3, *1, 3*). Внутри ячеек четко прослеживается волокнистая структура.

Орнаментирована сетчатая керамика очень скупо. На незначительной части фрагментов встречаются разреженные наклонные ямки (рис. 2, *4*). На одном венчике есть прокол, сделанный в еще сырой глине (рис. 2, *1*).

Сетчатая керамика Большого леса II (слой 2) может быть сопоставлена с керамикой среднеокских памятников, имеющих слои первой половины и середины I тысячелетия до н. э. (стоянки Клементовская, Ловецкие борки, Рыковская осяка I, Фефёлов Бор II; городища Тюков городок[9], Логиновское южное; нижние слои городищ — Городецкое, Канищевское, Старшее Каширское, Шишкинское на Итье, Деевское, Кричина и др.). В соответствующих слоях этих памятников абсолютно господствует керамика с «ниточными» отпечатками и, по-видимому, еще отсутствует «рогожная»[10]. Встречается подобная керамика и на ряде памятников к северу от Оки, например на стоянке Плещеево III, которая также датируется первой половиной I тысячелетия до н. э.[11]

---

[9] Слой с сетчатой керамикой Тюкова городка датирован нами по археологическим данным VII—X вв. до н. э. (*Фоломеев Б. А.* Тюков городок.— СА, 1975, № 1, с. 168). Однако дата по С-14 (уголь из последней подсыпки вала) — 2310±110, ЛЕ—1135), так же как одна из дат стоянки Плещеево III (2480±50, ГИН—113), предполагает возможное омоложение верхних слоев этих поселений.

[10] *Фоломеев Б. А.* Ук. соч., с. 168, 169.

[11] Для стоянки Плещеево III получены две абсолютные даты — 2480±50, ГИН—113 (раскопки А. Л. Никитина 1964 г.) и 2820±50, ЛЕ—1136 (раскопки Б. А. Фоломеева

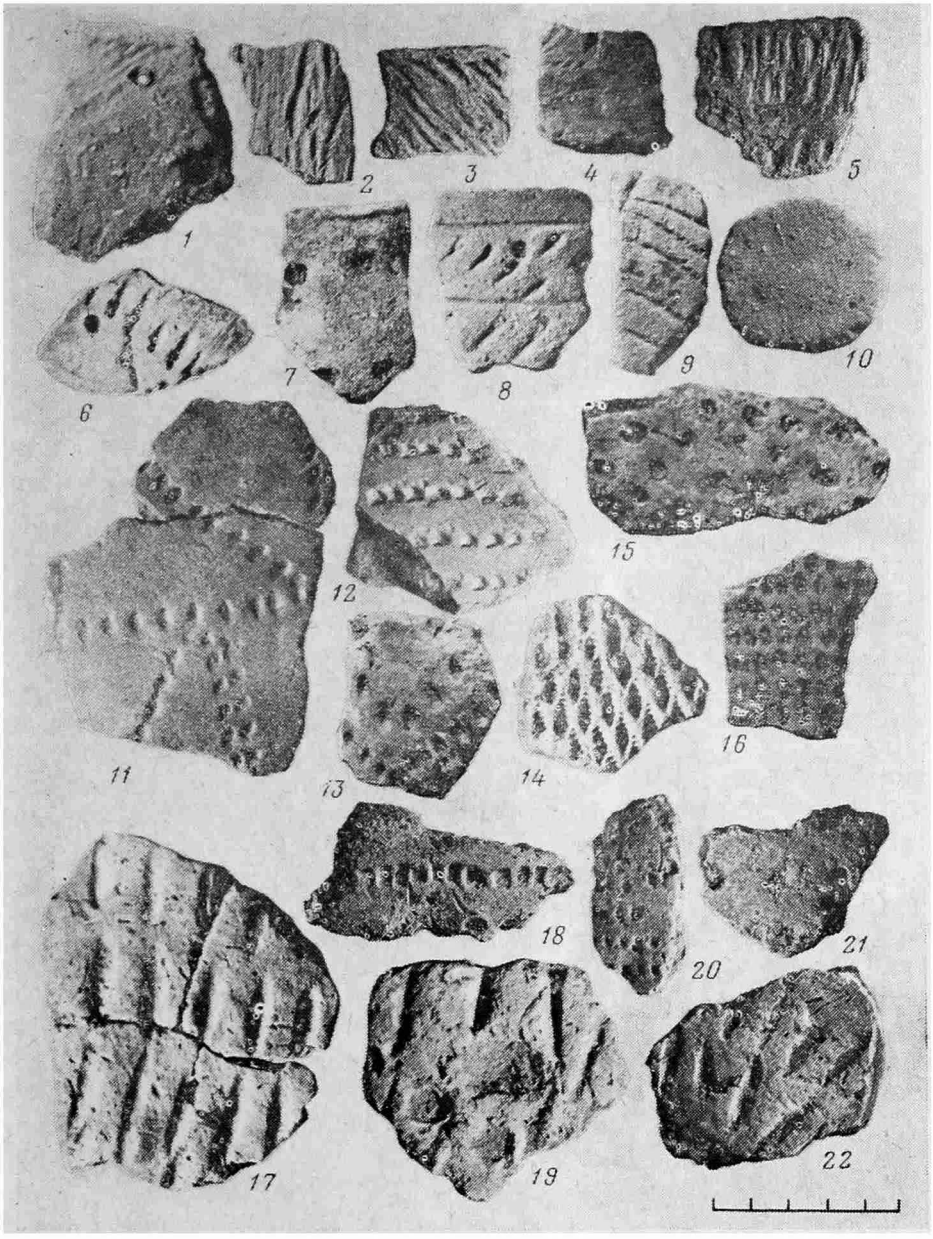


Рис. 2. Большой лес II. Керамика из шлейфов культурного слоя: *1—5* — слой 2; *6—10* — слой 3; *11—16* — слой 5; *17—22* — слой 6

Ограниченное количество материала, происходящего из второго культурного слоя Большого леса II, не позволяет уточнить время его образования. Привлечение для этой цели материала, происходящего с западного сектора раскопа (на останце) (рис. 3, *1—10*), мы не считаем возможным.

Третий культурный слой, почти сливающийся со вторым, прослеживается на глубине 2,95—3,05 *м*. Он обильно насыщен керамикой, кремнем, разложившимися костями. Сосуды реконструируются как баночные. В керамическом тесте встречается примесь песка, реже дресвы и шамота. Орнаментированы они преимущественно разреженными рядами круглых ямок, иногда сочетающимися с ямчатыми вдавлинами, выполненными палочкой, поставленной под углом к поверхности сосуда, или рядами корот-

1971 г.). Первую дату А. Л. Никитин считает омоложенной. См. *Никитин А. Л.* Эпоха бронзы на Плещеевом озере.— СА, 1976, № 1, с. 80.

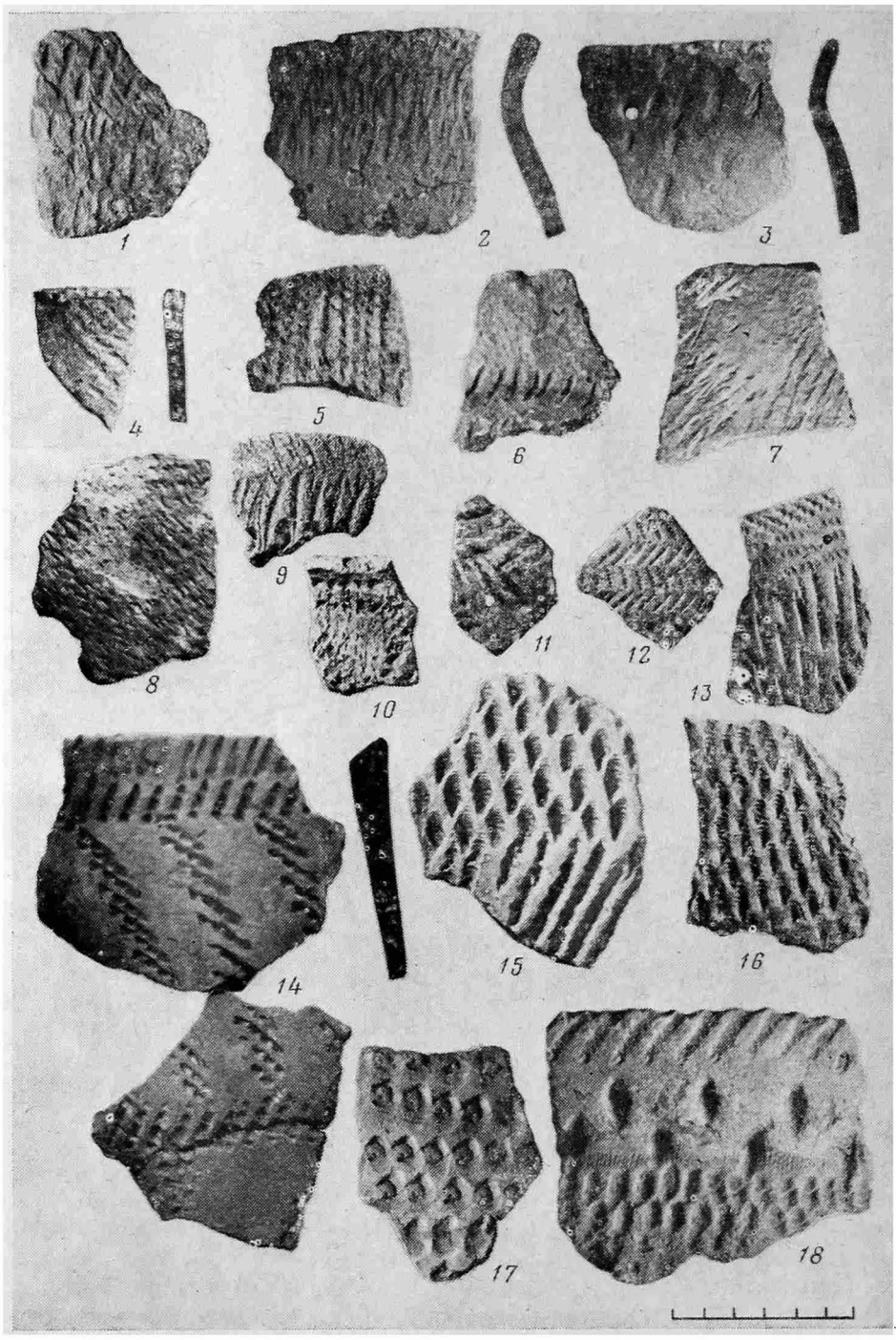


Рис. 3. Большой лес II. Керамика из раскопа на останце

ких диагональных отпечатков мелкозубчатого штампа. Реже встречаются «каплевидные» ямки, иногда образующие геометрические узоры (рис. 2, *6—9*). Здесь же найден кружок с пришлифованными краями, сделанный из стенки сосуда (рис. 2, *10*). Из кремневых орудий можно отметить два скребка подтреугольной и трапециевидной форм.

Материал из третьего культурного слоя может быть отнесен к позднему этапу поздняковской культуры и датирован концом II — началом I тысячелетия до н. э.[12]

[12] *Попова Т. Б.* Племена поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, вып. 44, 1970, с. 186—190.

Четвертый культурный слой залегает в коричневато-серых глинах на глубине 3,8—3,9 *м* и прослеживается в контрольном разрезе в виде слабой углистой прослойки с редкими находками. Здесь встречены фрагменты тонкостенных сосудов, орнаментированных параллельными оттисками тонкого шнура и горизонтальной елочки, выполненной мелкозубчатым штампом, и один фрагмент, орнаментированный «лапчатыми» отпечатками. Подобная керамика встречена и в западной части раскопа на останце (рис. 3, *11—13*). Совместное бытование этих двух типов керамики вполне возможно и приходится на первую половину и середину II тысячелетия до н. э.[13] Учитывая преобладание в четвертом слое керамики первого типа, мы считаем возможным датировать его временем около середины II тысячелетия до н. э.

Пятый слой, прослеженный в коричневато-серых глинах на глубине 4,70—4,95 *м*, содержит большое количество керамики, кремня и разложившуюся кость. Сосуды имеют скругленные или скошенные внутрь непрофилированные или слабопрофилированные венчики, прямые цилиндрические стенки, переходящие в круглые днища. Орнамент, состоящий из «лапчатых» отпечатков, оттисков шнура и зубчатого штампа, заполняет всю поверхность сосудов, образуя зоны или геометрические узоры. В некоторых случаях «лапчатые» отпечатки наносятся в технике «отступающей палочки», иногда ямки имеют ромбическую форму (рис. 2, *11—16*). Аналогичная керамика в значительном количестве встречена и в западной части раскопа, на останце (рис. 3, *14—18*). Кремневый инвентарь представлен резчиками, скребками с прямыми рабочими краями, скребками-ложкарями, листовидными наконечниками стрел с намечающимися черешками и некоторыми другими типами орудий.

Описанный комплекс имеет многочисленные аналогии на среднеокских стоянках, которые И. К. Цветкова относит к третьему этапу рязанской культуры, а мы называем памятниками «дубровичского» типа и датируем временем с конца III до середины II тысячелетия до н. э.[14] Однако ромбические ямки на керамике позволяют говорить о влиянии со стороны Верхней Оки, заселенной племенами белевской культуры.

Керамика пятого слоя по одним признакам близка керамике ранних памятников «дубровичского» типа — преобладание прямых непрофилированных венчиков и геометрических мотивов в системе орнаментации; по другим же признакам она сближается с керамикой финальных памятников — большой процент орнаментации «лапчатыми» отпечатками, редко встречающаяся «отступающая палочка». Таким образом, керамический комплекс пятого слоя можно отнести к среднему этапу развития памятников «дубровичского» типа и датировать его XIX—XVII вв. до н. э.

Шестой культурный слой залегает в светло-сером песке на глубине 5,30—5,40 *м* и содержит толстостенную керамику с обильной растительной примесью и мелкозернистым песком. Орнаментирована она отпечатками крупного зубчатого штампа, образующими елочную композицию, а также широкими овальными и круглыми ямчатыми вдавлинами, располагающимися рядами (рис. 2, *18—22*). Встречены фрагменты круглых и плоских днищ.

Аналогии керамике шестого слоя имеются на ряде окских стоянок, имеющих слои волосовской культуры,— Ибердус II, Владычинская береговая, Черная гора II. Залегание же волосовской керамики под «лапчатой» прослежено и на других памятниках Волго-Окского междуречья[15]. Согласно приведенным ниже палинологическим данным, ше-

[13] *Фоломеев Б. А.* К вопросу о памятниках «дубровичского» типа бассейна Средней Оки.— КСИА АН СССР, № 141, 1975, с. 35—40.

[14] *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.— Тр. ГИМ, вып. 44, 1970, с. 118—126; *Фоломеев Б. А.* К вопросу.... с. 33—41.

[15] *Фоломеев Б. А.* К вопросу.... с. 41.

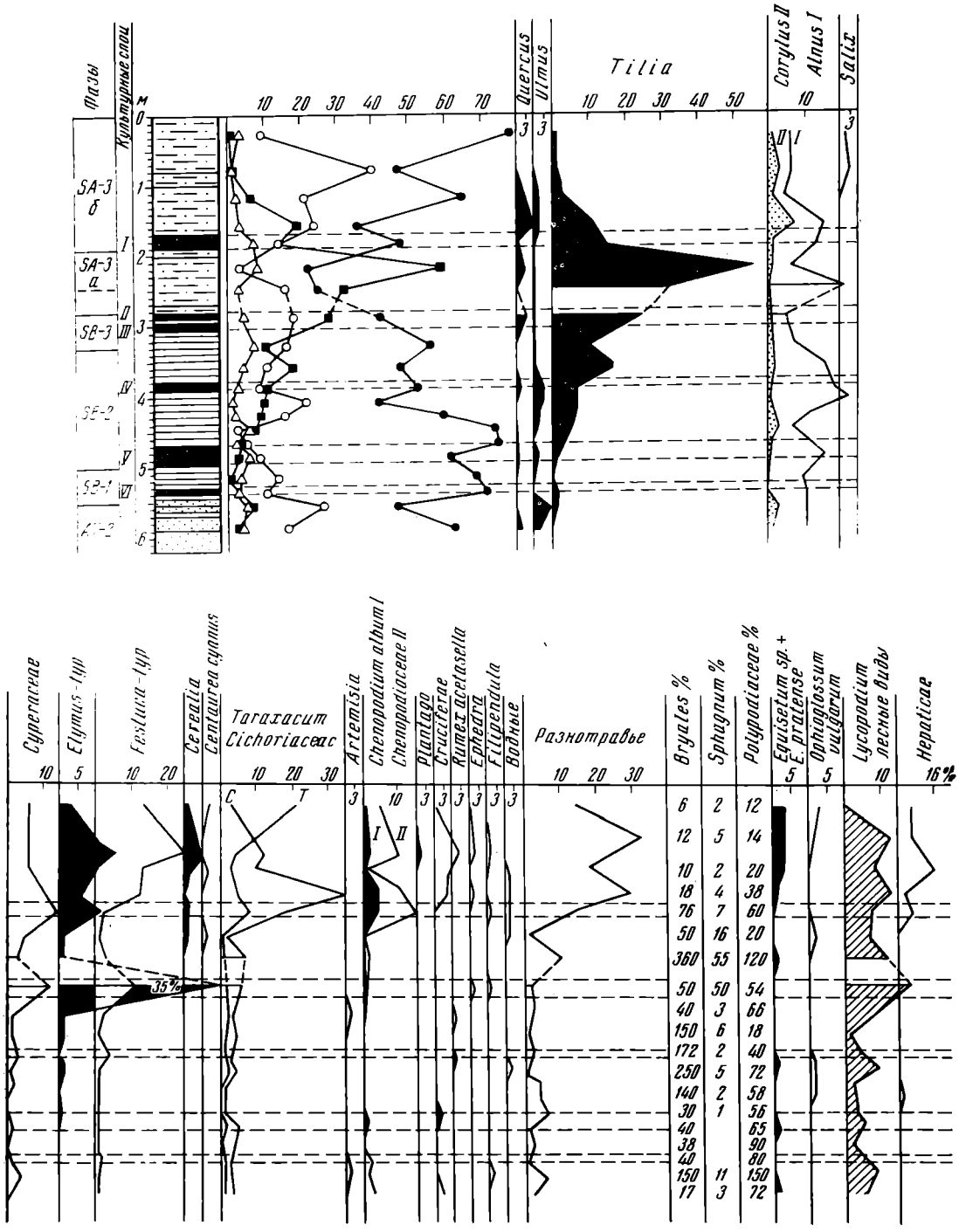


Рис. 4. Большой лес II, пыльцевая диаграмма разреза (условные обозначения см. на рис. 5)

стой культурный слой с волосовской керамикой может быть отнесен к середине второй половины III тысячелетия до н. э. (около 4250 лет назад), что хорошо согласуется с датой волосовского слоя, полученного для стоянки Владычинская береговая —4300±60 (ЛЕ —1220).

Таким образом, исследование шлейфов культурных слоев в суглинистой пойме, примыкающей к песчаному останцу на стоянке Большой лес II, позволило выявить и датировать шесть этапов заселения данного памятника. Эти материалы были дополнены изучением пыльцевой стра-

тиграфии контрольного разреза, что позволило в ряде случаев уточнить археологические датировки и получить данные об изменении природной среды в разные периоды обитания стоянки.

Спорово-пыльцевая диаграмма контрольного разреза (рис. 4) отличается от диаграмм среднерусского типа. Эти различия ясно выявляются при сравнении нашей диаграммы с составленной М. И. Нейштадтом диаграммой болота Родовицкое [16], расположенного в 30 *км* к северу от

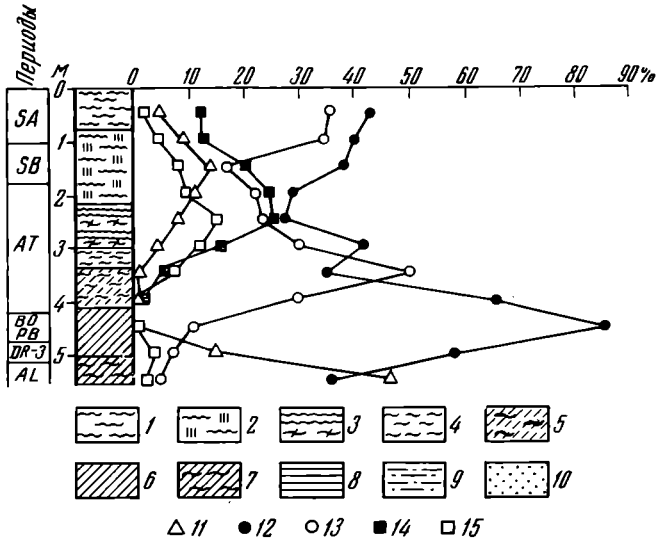


Рис. 5. Пыльцевая диаграмма болота Родовицкое (Нейштадт, 1957). Условные обозначения: *1* — сфагновый (медиум) торф; *2* — шейхцериево-сфагновый торф; *3* — сфагново-пушицевый торф (пограничный горизонт); *4* — сфагновый торф; *5* — сфагново-гипновый торф; *6* — осоковый торф, *7* — осоково-сфагновый торф; *8* — глина; *9* — суглинок, супесь; *10* — песок; *11* — пыльца ели; *12* — пыльца сосны; *13* — пыльца березы; *14* — сумма пыльцы широколиственных пород; *15* — пыльца ольхи

стоянки Большой лес II (рис. 5). Эта диаграмма охватывает весь голоцен и является типичной для лесных районов центра Русской равнины. Она характеризуется: нижним максимумом ели в отложениях древнего голоцена, березово-сосновым максимумом в слоях бореального периода, кульминацией широколиственных пород в атлантическом периоде и сокращением их роли при увеличении пыльцы ели в осадках суббореального и субатлантического периодов.

Пыльцевая диаграмма Большой лес II, согласно археологическим данным, охватывает вторую половину голоцена. Однако главное ее своеобразие состоит в том, что максимум пыльцы широколиственных пород относится на ней не ко второй половине атлантического периода (АТ—2), а к гораздо более позднему этапу голоцена. На первый взгляд кажется, что в данном случае мы имеем дело с какими-то палинологическими аномалиями. Но это предположение приходится оставить, так как в последнее время аналогичные данные об «омоложенном» возрасте максимума пыльцы широколиственных пород в голоценовых отложениях были получены на основе радиоуглеродных дат и в некоторых других районах южной части лесной зоны Русской равнины. Так, по данным Т. А. Серебряной и Э. О. Ильвес, на пыльцевых диаграммах голоценовых отложений в верховьях Оки и других районах Средне-Русской возвышенности максимум пыльцы широколиственных пород относится, согласно радиоуглеродным датам, не к атлантическому, а к концу суббореального и к началу субатлантического периодов [17].

[16] *Нейштадт М. И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, с. 51, 52, рис. 22.

[17] *Серебряная Т. А., Ильвес Э. О.* Палинологические материалы по голоценовым отложениям района Верхней Оки.— БК ИЧП, № 42, 1974, с. 159—165; *ее же.* Взаимо-

Специфика пыльцевой диаграммы Большой лес II, на наш взгляд, объясняется не палинологическими отклонениями, а спецификой развития растительности данного района долины Оки в голоцене. Исследованный район расположен на границе между подзонами хвойно-широколиственных (левобережье Оки) и широколиственных (правобережье Оки). Растительный покров широкой окской поймы имеет особый интразональный характер. Здесь широко распространены злаково-разнотравные луга (с господством злаков), которые в западинах сменяются злаково-осоковыми и болотными сообществами. Кое-где посреди лугов по гривам и останцовым возвышениям сохранились пойменные дубравы [18]. Именно такой участок дубравы из липы, вяза, дуба расположен на песчаном останце в районе стоянки Большой лес II.

Голоценовая история этой разнородной растительности находит свое отражение в пыльцевых спектрах исследованного разреза, что определяет их интегральный характер и сложность расшифровки. С учетом этих соображений рассмотрим пыльцевую диаграмму Большой лес II, характеризующую историю растительности района во второй половине послеледникового времени, за последние 5 тыс. лет.

Накопление осадков началось в конце атлантического периода (фаза АТ—2 по схеме Н. А. Хотинского) [19]. К этому времени относится слабовыраженный подъем (7%) кривой пыльцы широколиственных пород на глубине 5,5—5,7 *м*. Эта пыльца, по нашему мнению, была частично занесена из придолинных районов, где в это время широко распространились широколиственные леса [20]. На окской пойме широколиственные леса почти полностью отсутствовали, встречаясь лишь на отдельных останцовых возвышениях. В это время участок широколиственного леса, вероятно, уже существовал в районе Большого леса, хотя условия для его развития на бедных песчаных почвах останцовой возвышенности были крайне неблагоприятными.

В конце атлантического периода (4500—5000 лет назад) рельеф поймы имел более расчлененный характер, чем теперь, а уровень поймы был на 5—6 *м* ниже современного. В результате «обнажились» частично или полностью погребенные теперь останцовые возвышенности древнего ледникового рельефа, на которых росли в основном сосняки, березняки и ольшанники. На собственно пойме были развиты разнотравные сообщества, пыльца которых представлена в рассматриваемом слое в довольно скромных количествах. Судя по пыльцевым данным, злаки в это время не играли существенной роли в растительности пойменных лугов.

Граница между атлантическим и суббореальным периодами выделяется на глубине 5,5 *м*, на уровне спада кривой пыльцы широколиственных пород. Этот рубеж, отвечающий похолоданию климата, прослежен в более северных районах центра Русской равнины, где он датирован, по данным С-14, в 4500—4600 лет назад. Исходя из этих датировок и темпов осадконакопления в нижней части разреза, можно отнести шестой культурный слой керамики волосовского типа к границе между третьей и четвертой четвертями III тысячелетия до н. э. (4250 лет назад). Каких-либо следов воздействия человека на растительный покров в этом слое не обнаруживается.

Во время раннесуббореального похолодания (фаза SB-1, глубина 5—5,4 *м*) в растительности окской поймы существенных изменений не про-

---

отношения леса и степи на Среднерусской возвышенности в голоцене.— В сб.: История биогеоценозов СССР в голоцене. М., 1976, с. 159—166.

[18] *Асеев А. А.* Ук. соч., с. 188.

[19] *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977, с. 153.

[20] *Гричук В. П.* Обработка спорово-пыльцевых диаграмм для целей корреляции четвертичных отложений.— В сб.: Пыльцевой анализ. М., с. 73—78, рис. 4 *а — е*; *Нейштадт М. И.* Ук. соч., с. 51, 52; *Мануилов К. Г., Хотинский Н. А.* Некоторые данные о глубоких воронках древних ложбин стока ледниковых вод.— Изв. АН СССР. Сер. географич., 1963, № 3, с. 94, рис. 3.

исходило. Основные преобразования происходили на водоразделах, придолинных участках, где в это время начали сокращаться широколиственные леса [21]. Верхняя граница фазы, соответствующая окончанию похолодания, датируется примерно в 4000 лет назад.

Следующий этап — фаза среднесуббореального потепления климата (SB-2) выделяется на глубине 3,3—5 *м*. В это время на придолинных территориях Средней Оки и на возвышенных участках поймы интенсивно развиваются широколиственные породы. В частности, липа и вяз в районе Большого леса, находившиеся первоначально в угнетенном состоянии, в конце фазы и по мере обогащения почв органикой укрепили свое положение. Аналогичный процесс шел и на других возвышенных участках окской поймы, растительный покров которой в остальном сохранял свой облик. Верхняя граница фазы, согласно палинологическим и радиоуглеродным данным, полученным в более северных районах центра Русской равнины, датируется 3200—3400 лет назад.

Таким образом, фаза SB-2 относится к первой и к началу второй половины II тысячелетия до н. э., что соответствует определениям по археологическим данным возраста пятого (XVII—XIX вв. до н. э.) и четвертого (середина II тысячелетия до н. э.) культурных слоев.

Первые палинологические следы антропогенного влияния на естественные ландшафты отмечаются появлением в пятом культурном слое пыльцы рудерального вида — мари белой (Chenopodium album) и в четвертом слое пыльцы пасквального сорняка — щавеля малого (Rumex acetosella) [22].

Позднесуббореальная фаза (SB-3) выделяется на глубине 2,8—3,3 *м*. Спад кривой пыльцы широколиственных пород на уровне нижней границы фазы соответствует, вероятно, кратковременному похолоданию. Выше эта кривая непрерывно развивается. Синхронный подъем аналогичной кривой зафиксирован на диаграммах голоценовых отложений Среднерусской возвышенности, где он, как уже отмечалось выше, относится, по данным С-14, к суббореально-атлантическому рубежу в интервале 2500—2800 лет назад. Улучшение условий развития широколиственных лесов в южных районах лесной зоны Русской равнины мы склонны объяснять не столько потеплением, сколько увеличением влажности климата. Именно с начала позднесуббореальной фазы (около 3300 лет назад) во многих районах центра Русской равнины в связи с увеличением увлажненности климата широко распространяются еловые леса. На рассматриваемом отрезке диаграммы на глубине 3,3 *м* также отмечается некоторое увеличение пыльцы ели, хотя в целом условия для значительного распространения еловых лесов в данном районе Средней Оки были неблагоприятны.

Высокое содержание пыльцы злаков во втором культурном слое (первая половина I тысячелетия до н. э.) указывает на значительное распространение злаково-разнотравных сообществ. Возможно, что некоторая часть пыльцы злаков (Elymus-typ), содержание которых достигает 35%, относится к культурным видам, появившимся здесь в результате развития земледелия. В пользу этого предположения свидетельствует и находка в нижней части второго культурного слоя куранта для растирания зерна.

Изучение морфологии злаков, осуществленное рядом исследователей в СССР и за рубежом (Ф. Фирбасом, Г. Эрдтманом, Р. В. Федоровой),

---

[21] При разделении суббореального периода мы используем новую схему климатической дифференциации этого времени на три фазы: SB-1, SB-2, SB-3.

[22] Здесь и дальше мы придерживаемся схемы классификации сорной растительности А. И. Мальцева (*Мальцев А. И.* Сорная растительность СССР, т. I. Л., 1934, с. 24, 25), выделяющего: сегетальную (сорно-полевую) или пашенную — растительность распахиваемых полей; рудеральную (мусорную), поселяющуюся в районах жилья; пасквальную — сорную растительность естественных угодий.

позволяет выделить три группы пыльцы: Cerealia — пыльца культурных злаков, Elymus-тур — пыльца дикорастущих злаков с возможным участием пыльцы культурных растений, в частности ячменя (Hordeum), Festuca-тур — пыльцы исключительно дикорастущих злаков. В дальнейшем мы будем придерживаться этой палинологической классификации злаков.

В исследованном разрезе почти отсутствуют осадки большей части субатлантического периода (фазы SA-1 и SA-2), соответствующие хронологическому интервалу 1000—2500 лет назад. Это явление могло быть вызвано двумя причинами: размывом осадков поймы в результате блуждания русла Оки либо снижением уровня вод в гидрологической системе Оки до такого уровня, что паводковые воды почти не заливали пойму. Возможность размыва поймы не исключена, так как на восточной окраине стоянки отмечена погребенная старица. В пользу второго предположения свидетельствует то обстоятельство, что идентичные данные о замедлении или перерыве в накоплении окской поймы получены на стоянках Фефелов Бор I, II, VII, расположенных в 50 *км* к востоку от стоянки Большой лес II.

К периоду 1000—2500 лет назад можно было бы отнести так называемый «лесной период» в развитии среднеокской поймы, следы которого отмечены во многих разрезах современного аллювия в виде погребенных почв и торфяников, многочисленных стволов деревьев и т. д.[23] В разрезе Большой лес II «лесной период» частично фиксируется на уровне и непосредственно выше второго культурного слоя мощными пиками спор сфагновых и гипновых мхов, папоротников, а также увеличением содержания спор лесных видов плаунов. Судя по количеству и составу пыльцы трав, пойменные луга не исчезали полностью и в этом периоде. Важно также отметить, что в это время отмечается частичный отток населения с поймы на высокие террасы долины Оки, где возникают селища и городища. Многие многослойные поселения, расположенные в пойме Оки, покидаются населением — Большой лес II, Клементовская, Ловецкие борки, Фефёлов Бор II, Дубровичская, Мурминская береговая и др. Заброшены и только что возникшие на останцах в пойме Оки городища — Кричина, Логиновское южное. Изменение гидрологического режима Средней Оки могло содействовать этой миграции, хотя основная ее причина, по-видимому, связана со значительными сдвигами в социально-экономическом развитии древнего населения бассейна Средней Оки.

Накопление осадков в пойме возобновилось в заключительной фазе субатлантического периода (SA-3), выделяемой в верхней части разреза и подразделяемой на две подфазы: SA-3*а* (глубина 2,0—2,45 *м*) и SA-3б (глубина 0—2,0 *м*). В подфазе SA—3*а* обращает на себя внимание мощный пик (56%) кривой пыльцы широколиственных пород, представленный в основном липой. Казалось бы, можно прийти к выводу, что широколиственные леса в это время полностью доминировали в районе Средней Оки. Однако вся сумма палинологических данных, полученных за пределами окской поймы, указывает на резкое снижение содержания пыльцы широколиственных пород в отложениях конца субатлантического периода. На пыльцевых диаграммах Средне-Русской возвышенности, Мещеры[24] она не превышает нескольких процентов. Все это заставляет нас подойти к объяснению выявленного пика пыльцы широколиственных пород на основе локальных особенностей их развития в пойме Средней Оки. Обращает на себя внимание то, что в конце субатлантического периода резко усиливается высота и интенсивность паводков в

[23] *Асеев А. А.* Ук. соч., с. 188.

[24] *Крупенина Л. А.* Признаки антропогенного влияния на растительный покров центральной части Среднерусской возвышенности в голоцене.— В сб.: Палинология и маринопалинология. М., 1973, с. 94, рис. 2; *Серебряная Т. А.* Ук. соч., с. 162, 163, рис. 1; *Гричук В. П.* Ук. соч., с. 73—78; *Нейштадт М. И.* Ук. соч., с. 51, 52, рис. 22.

бассейне Оки [25]. Паводковые воды заливали останцовые возвышенности поймы, где существовали острова лесной растительности, принося и отлагая здесь богатые питательными веществами пойменные отложения. Эти отложения перекрывали бедные пески, играя роль своеобразного удобрения, что и приводило к улучшению условий развития пойменных островов широколиственного леса и к резкому увеличению продуцирования пыльцы.

Подфаза SA—3*а* отмечена явными признаками антропогенного фактора. Наряду с Chenopodium album здесь встречено пыльцевое зерно Secale (рожь). Постоянно отмечается пыльца культурных злаков (Cerealie), указывающих, вероятно, на наличие устойчивого пашенного земледелия, что увязывается с хозяйственным освоением Средней Оки славянами. Хронологические рамки подфазы, с учетом рассматриваемых ниже данных по стоянке Фефёлов Бор I, определяются примерно от X до начала XVIII в. н. э.

Резкое изменение растительности Средней Оки произошло во второй половине заключительной фазы субатлантического периода (подфаза SA-3*б*). В спектрах этого времени, начиная с первого культурного слоя, датирующегося второй половиной XVIII в., резко возрастает содержание пыльцы растений, связанных с деятельностью человека. Прежде всего обращает на себя внимание интенсивное увеличение пыльцы злаков, многие из которых относятся к культурным, что указывает на расширение пахотных площадей. Одновременно возрастает содержание рудеральных (Chenopodium album, Taraxacum), сегетальных (Centaurea cyanus и отчасти Equisetum pratens), а также разнотравных элементов. Резко сокращается содержание пыльцы широколиственных пород, что, вероятно, связано с уничтожением лесов человеком. Результаты активизации хозяйственной деятельности человека с XVIII в. четко проявились в резком возрастании темпов седиментации пойменных отложений, которые в разрезе Большой лес II достигли огромной цифры — 1,7 *м* за последние два столетия. Это явление, безусловно, связано с буквально катастрофической денудацией, возникшей в бассейне Средней Оки в результате использования значительных площадей под пахотные угодья.

Фефёлов Бор I. Стоянка находится в окрестностях г. Рязани, в 3,5 *км* к северо-востоку от с. Конищево, в 50 *км* к востоку от стоянки Большой лес II, на правом берегу Оки. Занимает центральную часть останца, расположенного в пойме Оки в 1—1,5 *км* от ее современного русла и вытянутого вдоль старицы р. Быстрица и связанных с ней пойменных озерков (рис. 6). Скаты и края останца в настоящее время задернованы, поросли кустарником. Центральная, возвышенная часть его, засаженная сосняком, представляет собой в настоящее время обнаженные пески. Площадка, занятая памятником размером около 2000 $м^2$, имеет слабый уклон к пойме и возвышается над ее уровнем всего на 2—4 *м*. В половодья она частично заливается.

Памятник исследовался Б. А. Фоломеевым в 1970—1973 гг. Вскрыта площадь 840 $м^2$, полностью исследовано шесть углубленных в материк жилищ [26]. Основной культурный слой эпохи бронзы, имеющий мощность 20—30 *см*, залегает под пойменными отложениями мощностью до 60 *см*. В верхней части культурного слоя встречаются отдельные фрагменты славянской керамики с линейно-волнистым орнаментом, а на ее периферии, ниже по склону,— неолитическая керамика с «лапчатым» и ямочно-гребенчатым орнаментом. В средней части пойменных суглинков, перекрывающих основной культурный слой, как и на стоянке Большой лес II, обнаружена чернолощеная керамика.

---

[25] *Асеев А. А.* Ук. соч., с. 194.

[26] *Фоломеев Б. А.* Жилища стоянки Фефёлов Бор I.— В сб.: Археология Рязанской земли. М., 1975, с. 236—252.

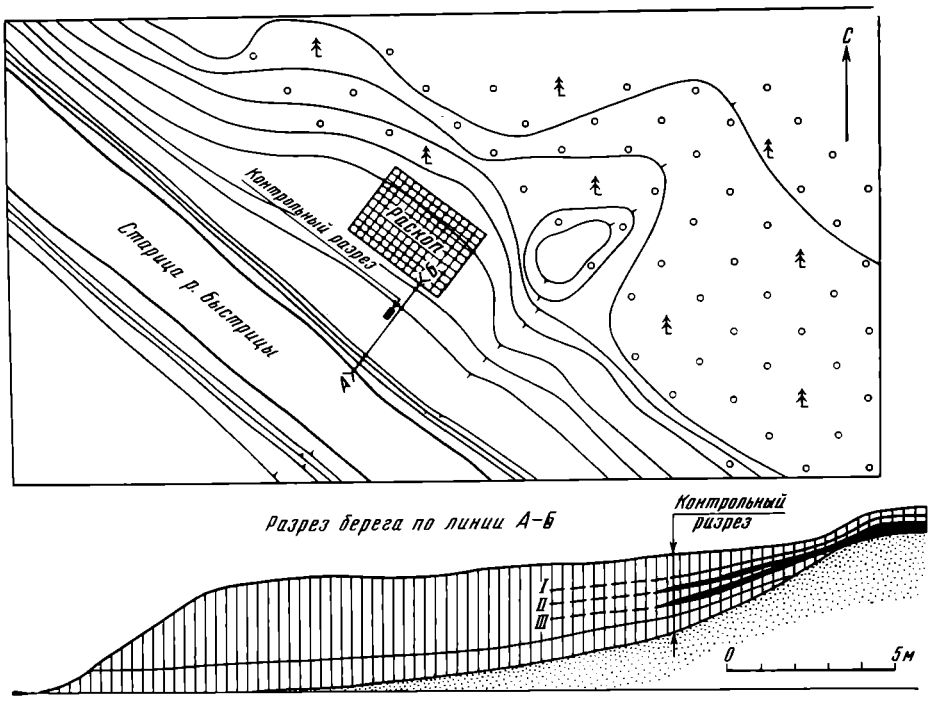


Рис. 6. Фефелов Бор I, план стоянки и разрез берега

Находка славянской керамики с линейно-волнистым орнаментом в основании пойменных отложений свидетельствует о том, что вплоть до XI—XIII вв. территория памятника не заливалась в половодья.

На периферии стоянки, в 10 *м* ниже раскопа и в 30 *м* от современного русла старицы, был заложен контрольный шурф, на северо-восточной стенке которого была зафиксирована следующая стратиграфия:

	глубина в *м*
1. Суглинок легкий, в нижней части переходящий в средний, темно-серый с коричневатым оттенком, гумусированный, структура комковатая с гнездами тонкозернистого желтого песка. В средней части слоя (гл. 0,45–0,54 *м*) – тонкие прослойки мелкозернистого, серо-коричневого пестроокрашенного песка	0–1,45
2. Суглинок среднетяжелый, серый, комковатой структуры, опесчаненный	1,45–1,68
3. Глина (суглинок тяжелый), серая, пятнисто-окрашенная за счет бурых пятен ожелезнения, с обилием растительных остатков и примазок, в нижней части опесчаненная	1,68–2,60
4. Песок светло-желтый, мелкозернистый, водоносный	2,60 и ниже

В этом разрезе, как и на стоянке Большой лес II, нами отмечены шлейфы культурных слоев, выделяющиеся более темной окраской за счет присутствия гумуса, включений угля и углистых примазок. Отмечено всего три шлейфа культурных слоев.

В первом культурном слое, залегающем на глубине 0,8—0,9 *м*, встречена чернолощеная керамика, датирующаяся XVI—XVIII вв. н. э. Прослойки песка на глубине 0,45—0,54 *м* мы связываем с периодическими засухами второй половины XIX в., приведшими к нарушению дернового покрова и пылевым бурям. Значительное движение песков на останцах в долине Средней Оки отмечал на рубеже XIX—XX вв. В. А. Городцов [27]. Такие же прослойки песка зафиксированы и на других участках поймы,

[27] *Городцов В. А.* Материалы..., с. 72—74, 90—95, 102—105, 110.

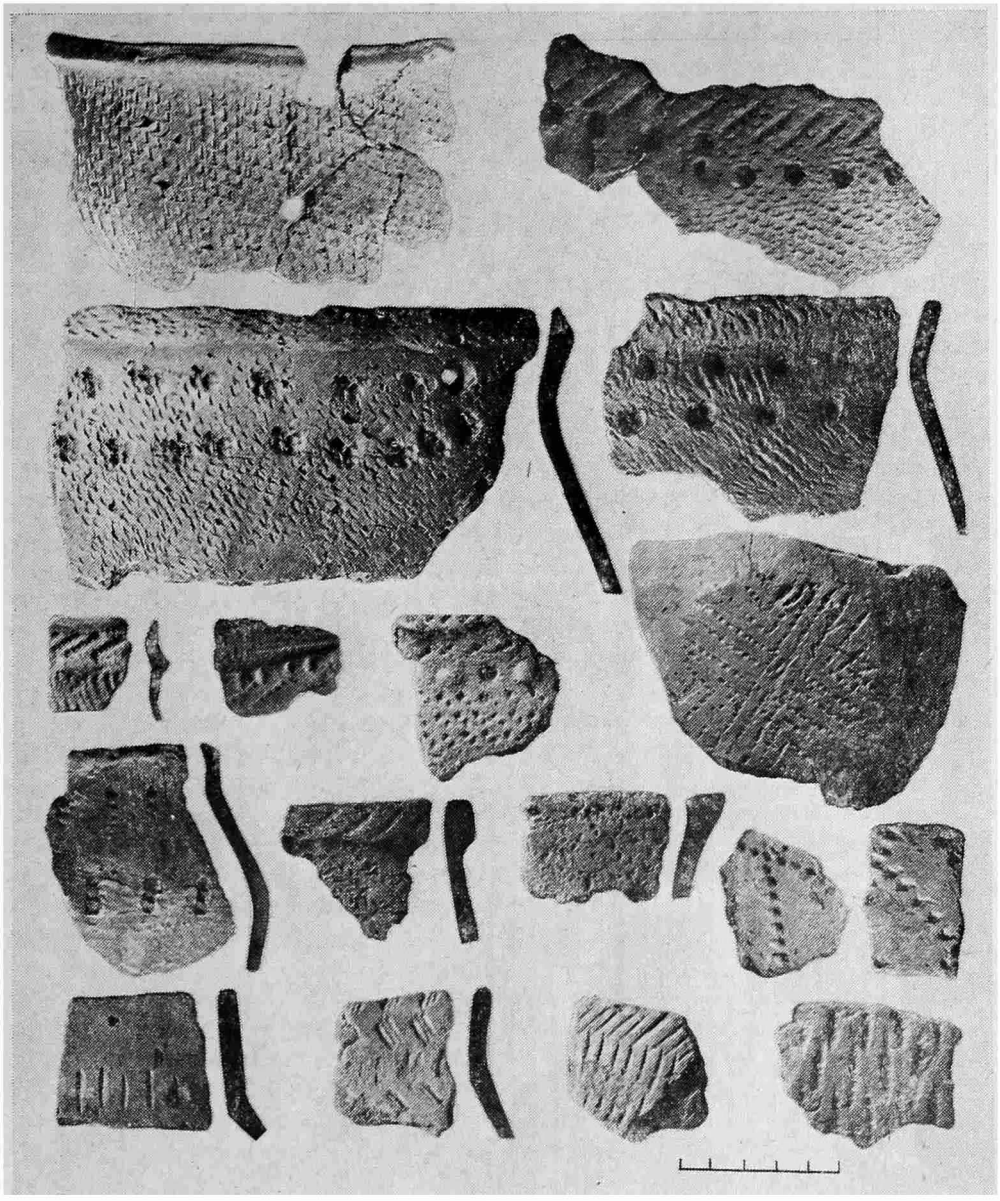


Рис. 7. Фефелов Бор I. Керамика из раскопа на останце

прилегающей к песчаным останцам, в том числе и в разрезе Большой лес II на глубине 0,8—1,0 *м*.

Во втором культурном слое, залегающем на глубине 1,1—1,15 *м*, встречена славянская керамика красного обжига, орнаментированная тонкими параллельными линиями. Эту керамику обычно датируют XII—XIV вв. н. э.

Третий культурный слой залегает на глубине 1,65—1,75 *м* и хорошо выделяется по углистым вкраплениям и находкам. Здесь встречена керамика с сетчатой поверхностью, абсолютно аналогичная керамике из раскопанных на стоянке жилищ (рис. 7). Предварительная датировка этого культурного комплекса XIII—XV вв. до н. э. обоснована нами ранее[28].

[28] *Фоломеев Б. А.* Жилища..., с. 249—250. (Анализ угля, взятого из жилищ стоянки Фефёлов Бор I, показал очень молодые даты: жилище № 1 — 890±50 (ЛЕ — 1134), жилище № 4 — 1170±40 (ЛЕ — 1133). По-видимому, на образцы воздействовала близость водоносного горизонта.)

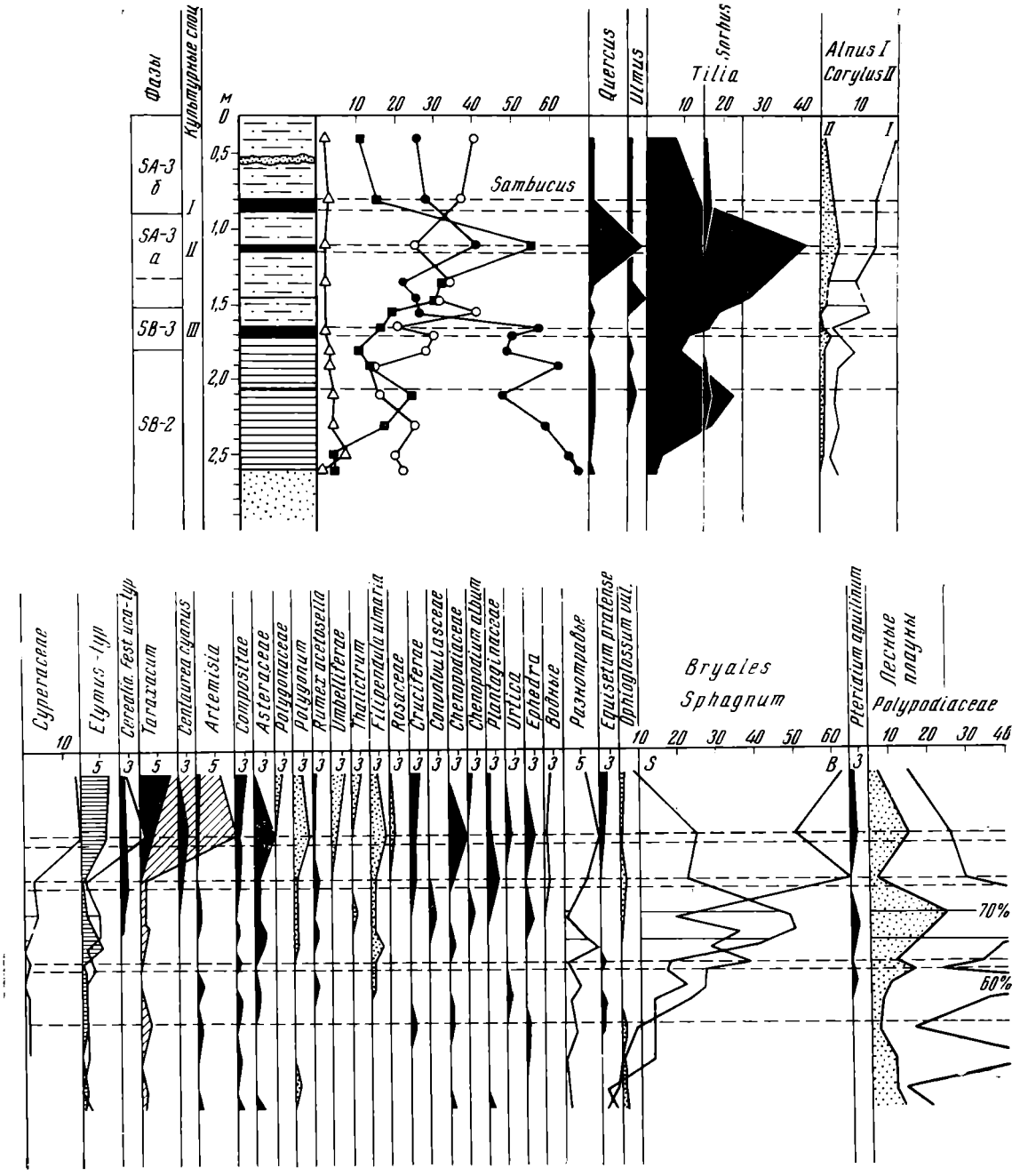


Рис. 8. Фефелов Бор I. Пыльцевая диаграмма разреза

Тонкий углистый слой прослежен на глубине 2,05 *м*. В нем найден только один маленький фрагмент венчика, утолщенный в верхней части и имеющий обильную растительную примесь. Возможно, это и есть горизонт с поздней «лапчатой» керамикой, которая представлена на стоянке в небольшом количестве и встречалась исключительно на ее периферии, ближе к старице. В таком случае этот слой можно датировать временем около XV—XVII вв. до н. э. и сближать хронологически с четвертым слоем стоянки Большой лес II.

Спорово-пыльцевая диаграмма данного разреза (рис. 8) почти полностью идентична диаграмме Большой лес II, хотя она и охватывает несколько меньший хронологический интервал. Накопление вскрытых шурфом отложений началось в среднесубореальную фазу (SB-2), выде-

ляемую на глубине 1,8—2,6 *м*. Здесь, как и на синхронном отрезке диаграммы Большой лес II, ясно выделяется подъем кривой пыльцы широколиственных пород, отражающий этап распространения этих пород на окской пойме и водораздельных территориях. В это время в районе стоянки Фефёлов Бор I существовала, вероятно, липовая роща. Травянистая растительность поймы Оки представлена в пыльцевых спектрах злаками, разнотравьем и другими компонентами. Верхняя граница фазы, как было указано выше, датируется временем в 3200—3400 лет назад.

Позднесуббореальная фаза (SB-3) относится к интервалу 1,52—1,8 *м*. Нижняя граница фазы отмечена спадом кривой пыльцы липы, фиксирующим, как и в предыдущей диаграмме, похолодание климата. В дальнейшем отмечается интенсивное распространение широколиственных лесов. Пойменная растительность в это время была представлена злаково-разнотравными сообществами. В относящемся к рассматриваемой фазе третьем культурном слое увеличивается содержание пыльцы злаков — Elymus-typ, что может указывать на наличие земледелия.

Археологическая датировка третьего культурного слоя (XV—XIII вв. до н. э.), залегающего в средней части позднесуббореальных отложений (3200-3400—2500-2800 лет назад), в целом не противоречит палинологическим данным, хотя по этим данным третий культурный слой может быть датирован и несколько более поздним временем — около XI—XIII вв. до н. э. В то же время палинологические данные свидетельствуют о более молодом возрасте третьего слоя стоянки Большой лес II (поздний этап поздняковской культуры), в котором отсутствует сетчатая керамика, абсолютно господствующая в вышележащем слое 2. Таким образом, стратиграфия этих двух памятников еще раз подтверждает сделанный нами вывод о раннем появлении на Средней Оке племен ранней сетчатой керамики, сосуществовании их на этой территории в какие-то отрезки времени с племенами поздняковской культуры [29]. Теперь, по-видимому, уже нельзя считать культуру ранней сетчатой керамики заключительным этапом поздняковской культуры. Убедительные данные о разном их происхождении приводит и В. П. Третьяков [30].

Важно подчеркнуть, что появление на Средней Оке культур южного типа, к которым мы относим и поздняковцев, по нашим данным, не было связано с остепнением долины Средней Оки. В пыльцевых спектрах отложений суббореального времени в двух рассматриваемых разрезах не отмечается каких-либо его признаков. Наиболее яркие палинологические индикаторы степной растительности (пыльца Artemisia, Chenopodiaceae) на суббореальных отрезках диаграмм представлены крайне незначительно.

Выше, с глубины 1,5 *м*, прослеживается большой, не менее 1500 лет, перерыв или резкое замедление накопления осадков поймы. Этап этот здесь был несколько продолжительнее, чем в районе стоянки Большой лес II, что, вероятно, объясняется разницей высотных отметок исследованных разрезов. На этом уровне (и несколько выше) отмечается резкое увеличение спор сфагновых мхов, папоротников и лесных плаунов, что, возможно, отражает облесение какой-то части поймы и образование на ней торфяников во время «лесного периода» поймы Средней Оки.

Седиментация (накопление осадков) на пойме возобновилась лишь в заключительной фазе субатлантического периода (SA-3). Эта фаза делится на две подфазы: SA-3*а* (глубина 0,9—1,3 *м*) с максимумом кривой пыльцы широколиственных пород и SA-3*б* (глубина 0—0,9 *м*), где отмечается спад этой кривой и резкое увеличение содержания пыльцы трав. Характеристика этих подфаз, полностью совпадающая с аналогичными подфазами на диаграмме Большого леса II, дана ранее. Здесь мы

[29] *Фоломеев Б. А.* Жилища..., с. 252.

[30] *Третьяков В. П.* Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики.— КСИА АН СССР, № 142, 1975, с. 25—30.

остановимся лишь на некоторых хронологических уточнениях и анализе антропогенного фактора в развитии естественных ландшафтов исследованного района. Этот анализ представляет особый интерес, так как позднесуббореальная фаза, охватывающая последние 800—900 лет, соответствует времени хозяйственного освоения славянами бассейна Средней Оки.

Нижняя граница первой субатлантической подфазы (SA-3*б*) проводится несколько ниже второго культурного слоя (XII—XIV вв.), на глубине 1,3 *м*, и относится к X—XI вв., верхняя — на уровне первого культурного слоя, датированного XVI—XVIII вв. Позднесуббореальный максимум пыльцы широколиственных пород на рассматриваемом разрезе приходится на второй культурный слой (XII—XIV вв.). Столь высокое содержание этой пыльцы (55%) свидетельствует о том, что широколиственный лес достигал в это время максимального развития и территория стоянки находилась под пологом леса.

Пыльцевые спектры отмечают четкие следы деятельности человека уже на уровне нижней границы подфазы, что совпадает с появлением славян в непосредственной близости от стоянки Фефёлов Бор I — на многослойном поселении Фефёлов Бор IV, находящемся в 400 *м* к востоку от данного разреза. Отмечается и в дальнейшем уже не исчезает пыльца культурных злаков (Cerealia). Более широко распространяются рудеральные (Chenopodium album, Taraxacum, Urtica), сегетальные (Plantago, Eguisetum pratense) и пасквальные (Rumex acetosella, Ceutaurea cyanus) компоненты. Одновременно увеличивается роль дикорастущих злаков, разнотравья и других недревесных элементов спектров, что указывает на расширение травянистой растительности и завершение лесного этапа в развитии окской поймы.

Однако наиболее значительные антропогенные изменения в растительном покрове выявляются в подфазе SA-3*б*, соответствующей двум последним столетиям. С начала этого времени возрастает содержание пыльцы (Cerealia, Elymus-typ), что указывает на значительное расширение пахотных площадей. Максимально увеличивается роль пасквальных, сегетальных, рудеральных и других компонентов сорной растительности. Общее содержание пыльцы трав превышает содержание пыльцы древесной растительности, что указывает на обезлесивание района Средней Оки. В это время почти полностью вырубаются широколиственные леса на правобережье и в пойме Оки.

Столь значительное нарушение человеком естественного растительного покрова привело, как это уже было установлено для района стоянки Большой лес II, к усилению денудационных процессов и к резкому увеличению темпов осадконакопления в пойме. Хотя скорость роста поймы в районе стоянки Фефёлов Бор I несколько ниже (около 80 *см* за последние два столетия), но и она гораздо выше некоторых прежних оценок. Полученные результаты позволяют подтвердить и уточнить данные А. А. Асеева об изменении темпов осадконакопления на окской пойме в течение голоцена и их интенсификации в историческое время [31]. Видимо, придется пересмотреть в сторону «омоложения» возраст ряда пойменных отложений Средней Оки, например, у сел Вареж, Аграпустынь, Дмитриевой горы и др. [32], в которых верхние слои пойменных отложений надо отнести, вероятно, к заключительной фазе субатлантического периода. Мощные толщи песка (до 5 *м*), перекрывающие эти отложения, можно связывать с активизацией эоловой деятельности на Средней Оке в результате нарушения человеком естественного растительного покрова. Возможно, эти пески были перевеяны из краевых частей надпойменных террас или возвышенных мест песчаных останцов.

---

[31] *Асеев А. А.* Ук. соч., с. 158—160.
[32] *Асеев А. А.* Ук. соч., с. 148—158.

Совокупность приведенных археолого-палеогеографических материалов позволяет проследить за изменением некоторых элементов природной среды (климата, растительности, гидрологического режима и т. д.), т. е. природного фона, на котором происходило историческое развитие древнего населения Средней Оки за последние 4000—5000 лет. С другой стороны, удается проследить за развитием антропогенной составляющей, определить по палинологическим данным степень изменения естественной растительности под влиянием хозяйственной деятельности человека. Первые слабые палинологические следы антропогенного влияния на естественные ландшафты отмечаются примерно с первой половины II тысячелетия до н. э. В дальнейшем эта линия развивается, о чем свидетельствует увеличение количества и разнообразия пыльцы растений, связанных с деятельностью человека. Однако наиболее существенные, буквально грандиозные и не сопоставимые с прошлым нарушения человеком естественных ландшафтов на Средней Оке относятся лишь к последним двум столетиям.

N. A. Hotinski, B. A. Folomeev, M. A. Guman

ARCHAEOLOGICAL AND PALAEOGEOGRAPHIC INVESTIGATIONS IN THE MIDDLE OKA REGION

Summary

Joint archaeological-palaeogeographic investigations were carried out by the authors of the article at some sites in middle part of the Oka basin. Vertical sections of the loamy water-meadow, adjoing remains of sandy terrace with sites on it, were of peculiar interest of the authors. It was discovered, that cultural deposit, stratigraphically indivisible on the remains of terrace, entering the water-meadow, devides into separate layers at some distance from the center of a site, each layer fixes definite stage of the settlement. Special method was used for studying of the trains of cultural layers, which permitted the authors specify stratification and chronology of the explored sites. It opened also new possibilities in discovering complicated relations between man and environment in the past. The cultural layers of investigated sites contained ceramic materials of Volosovo, Pozdnjakovo cultures, «Dubrovichi» type, and some types of «net» pottery, slavic ceramic of the XII—XIVth centuries and XVI—XVIIIth centuries A. D. Specific of pollen diagrams of studied sites is the fact, that pollen maximum of broad-leaved species relates not to the Atlantic, but to much later Holocene. Such phenomenon can be explained by specific character of development of the Oka valley vegetation in Holocene. Pollen spectrums of two last centuries show sharp increase of pollen of plants, connected with human activities. As a result of these activities speed of sedimentation of water-meadow accumulation sharply increased, making 0,8—1,7 metres during two last centuries.

А. В. ЦИРКИН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОРДОВИИ

Одним из неразработанных вопросов этнической истории племен бассейна р. Мокши является проблема формирования здесь городецкой культуры. В настоящее время городецкая культура и ее локальный вариант в пределах современных границ Мордовии изучены в самых общих чертах. Вопрос о культурных ее компонентах еще требует своего решения.

Начиная с В. А. Городцова, исследователи неоднократно обращались к вопросу о происхождении городецкой культуры [1]. В. А. Городцов высказывал мысль о ее генетической связи с более ранними культурами края, в частности срубной. Истоками городецкой культуры были, как он полагал, племена эпохи бронзы, привнесшие прототипы посуды с характерным для последующих памятников сетчатым орнаментом [2].

В свое время рассматривая генезис городецкой культуры, Н. В. Трубникова считала, что ее сложение происходило на р. Оке, а впоследствии племена, носители сетчатой посуды, продвинулись на юго-восток в Западное Поволжье [3]. Позднее исследовательница изменила прежнюю точку зрения, склоняясь к мысли о преемственности развития культуры городецких племен на основе культур эпохи бронзы [4].

Для нашей темы большой научный интерес имеет позиция крупнейшего знатока этой культуры А. П. Смирнова. Он не раз высказывался по проблеме происхождения городецкой культуры, отмечая черты своеобразия в отдельных ее областях, подчеркивая, что истоки рогожного и сетчатого орнаментов надо искать в памятниках эпохи бронзы и позднего неолита. «Финно-угорское население (в том числе и мордва — *А. Ц.*) периода железного века,— писал он,— оставившее городище городецкой культуры, представляют собой потомков местного населения со времен позднего неолита и бронзы» [5].

Очерчивая ареал городецкой культуры, А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова выделили на большой ее территории несколько локальных вариантов, основываясь на изучении рогожной и сетчатой керамики. На территории Западного Поволжья ими были выделены: среднеокская, нижнеокская, северо-восточная, восточная и южная группы, левобережье Волги и центральная группа, куда включалась Мордовия [6].

[1] *Городцов В. А.* Бытовая археология. М., 1910, с. 372; *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим данным. Саратов, 1936, с. 47; *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, № 28, 1952, с. 61; *Трубникова Н. В.* Племена городецкой культуры.— Тр. ГИМ, вып. 22, 1953; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 31—64.

[2] *Городцов В. А.* Бытовая археология, с. 372.

[3] *Трубникова Н. В.* К вопросу о происхождении городецкой культуры.— КСИИМК, № 75, 1959, с. 168.

[4] *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура.— САИ, Д-1-14, М., 1965, с. 5.

[5] *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья.— МИА, № 95, 1961, с. 73; *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Ук. соч., с. 7, 8.

[6] *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Ук. соч., с. 19—28.

В настоящее время выделен новый район городецкой культуры на Дону, прослежено изменение территории ее локальных вариантов [7]. В центральный район, включающий бассейны рек Цны и Мокши, В. П. Левенок и В. Г. Миронов поместили не менее 60 городищ и селищ. Не вдаваясь в правомерность оценки подобной группировки памятников и их районирования, отметим, что, по нашим данным, только в бассейне р. Мокши в настоящее время зафиксировано 51 поселение с городецким слоем.

Процесс сложения городецкой культуры на территории Мордовии был сложным. Следует учитывать, что в нем принимало участие и местное население, входившее в состав более поздних племенных образований. В последнее время В. И. Ледяйкин выступил со специальной работой, посвященной происхождению городецкой культуры, в которой он отрицательно решает вопрос о формировании культуры на местной основе и не допускает мысли об участии в ней пришлых племен эпохи бронзы. Автор полагает, что городецкая культура в Мордовии и Саратовском Поволжье не имеет генетических связей с предшествующими культурами, носители данной культуры не были автохтонными, они распространились из бассейна Средней Оки, охватив все Западное Поволжье [8].

Следуя в оценке генезиса городецкой культуры вслед за первоначальной гипотезой Н. В. Трубниковой, В. И. Ледяйкин сильно упростил процесс сложения этой культуры. Он упустил из виду, что в Мордовии, и в частности в бассейне р. Мокши, еще в 50-е годы были известны памятники эпохи бронзы, предшествовавшие по времени городищам городецкой культуры, в подстилающих слоях которой прослежены элементы культур бронзы и раннего железного века[9].

Не входя в обсуждение проблемы формирования городецкой культуры на всей ее территории и путях миграции ее носителей, затронутой В. И. Ледяйкиным, заметим, что сделанный им вывод, исключающий участие срубников и других племен эпохи бронзы в генезисе городецкой культуры, не согласуется с новейшими данными, полученными в последние годы.

Для решения вопроса о путях развития городецкой культуры в Примокшанье и истоках ее формирования представляет интерес работа В. Н. Шитова [10]. В ней автор приводит изделия из камня и керамические находки с ряда стоянок, расположенных по р. Мокше и ее притокам, таких, как Имерка, Березовская-3, Лепченки, Волгапино, Ширингушская и др. Автор, следуя за А. Х. Халиковым, датирует их первой половиной — третьей четвертью III тысячелетия до н. э. [11] Одновременно В. П. Шитов отмечает, что на Имерских стоянках встречается посуда с примесью толченой раковины, характерная для абашевской керамики (рис. 1).

Сейчас вряд ли есть возможность определить особые хронологические рамки для каждой стоянки, поскольку для большинства из них известен только подъемный материал. На основании отдельных типов орнамента и состава тесте, характерного для окского неолита и культур эпохи бронзы, можно определить приблизительную дату ряда стоянок — третья четверть III — начало II тысячелетия до н. э.

---

[7] *Левенок В. П., Миронов В. Г.* К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону.— СА, 1976, № 2, с. 15—32.

[8] *Ледяйкин В. И.* К вопросу о происхождении городецкой культуры.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1974, вып. 45, с. 39, 40.

[9] *Алихова А. Е.* Некоторые древние городища Мордовской АССР.— В сб.: Древняя и средневековая история мордовского народа. Саранск, 1959, с. 113, 116.

[10] *Шитов В. Н.* Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1976, вып. 52, с. 24—88.

[11] Там же, с. 32, 34, 43, 58.

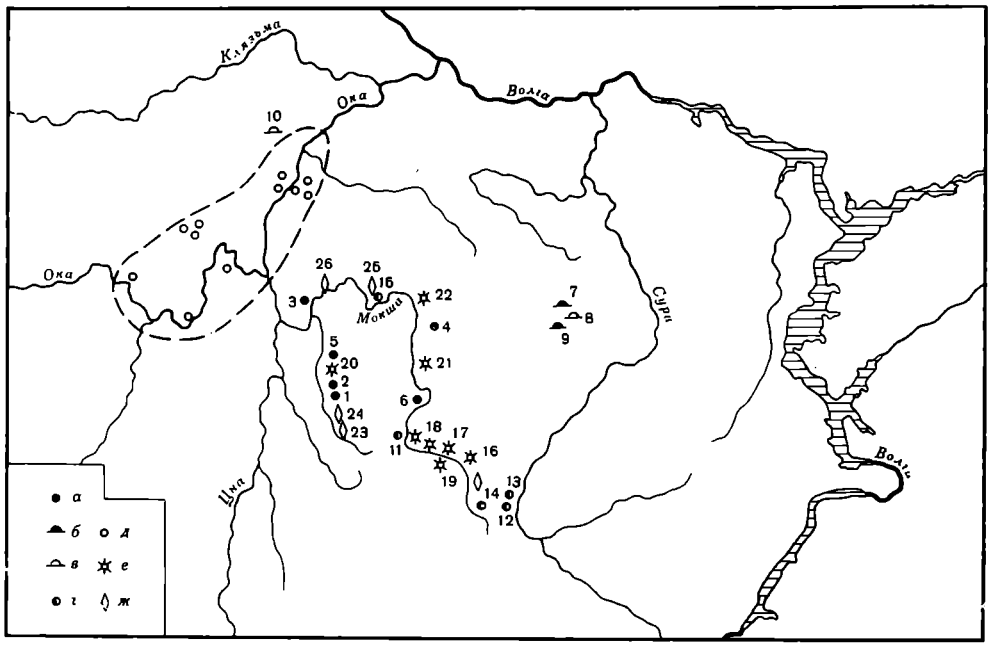


Рис. 1. Карта распространения керамики эпохи неолита, бронзы и раннего железного века в Окско-Сурском междуречье: *а* — стоянки эпохи неолита; *б* — курганы срубной культуры; *в* — курганы абашевской культуры; *г* — местонахождение керамики с абашевскими чертами; *д* — ареал поздняковской культуры; *е* — местонахождение керамики верхнеокских городищ; *ж* — местонахождение «вафельной» керамики.

1 — Ширингуши, *2* — Имерка, *3* — Березовская, *4* — Лепченки, *5* — Каргашино, *6* — Волгапино, *7* — Старое Ардатово, *8* — Пиксяси, *9* — Ст. Ардатово, *10* — Земское, *11* — Красный Восток, *12* — Усть-Аза, *13* — Борковка, *14* — Бессоновка, *15* — Коммуна, *16* — Казно Пандо, *17* — Верхнее Паево, *18* — Новое Пшеново, *19* — Старое Нагорное Алексово, *20* — Каргашино, *21* — Самозлейка, *22* — Пургасово, *23* — Ширингуши, *24* — Жуковка, *25* — Итяково, *26* — Теньгушево

Для нашей темы важна керамика, орнаментальные сюжеты которой прослеживаются затем в памятниках раннего железа. В этом плане следует упомянуть керамические находки со стоянки Имерка, где отмечены узоры в виде подчетырехугольных и подтреугольных вдавлений способом «отступающей лопаточки»; зерновидных углублений, образующих горизонтальные ряды (рис. 2, *1—11*, *14*, *15*, *21*, *22*). Геометрическое построение узоров и особенно орнамент, нанесенный четырехугольным штампом, впоследствии известны в рогожной керамике городецкой культуры первой фазы ее развития VIII—I вв. до н. э.

Для керамики, собранной на Ширингушской стоянке, характерны уже не только отмеченные выше узоры в виде подчетырехугольных углублений и зерновидных ямок, но и простые композиции, образующие сетку (рис. 2, *19*). Этот элемент, несомненно, более чем какой-либо другой демонстрирует динамику развития орнаментальных традиций. Впоследствии в несколько измененном виде он прослеживается в сетчатой керамике городецких памятников. На эту преемственность сетчатой посуды городецкой эпохи от керамики с текстильным узором неолитических памятников обращал внимание А. Я. Брюсов [12]. В том же духе высказывался и А. П. Смирнов [13].

Целый ряд элементов местной неолитической культуры перешел в последующую эпоху, о чем свидетельствует коллекция керамики Каргашинских стоянок. Поверхность некоторых фрагментов посуды имеет здесь

[12] *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. с. 60.

[13] *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Ук. соч., с. 5.

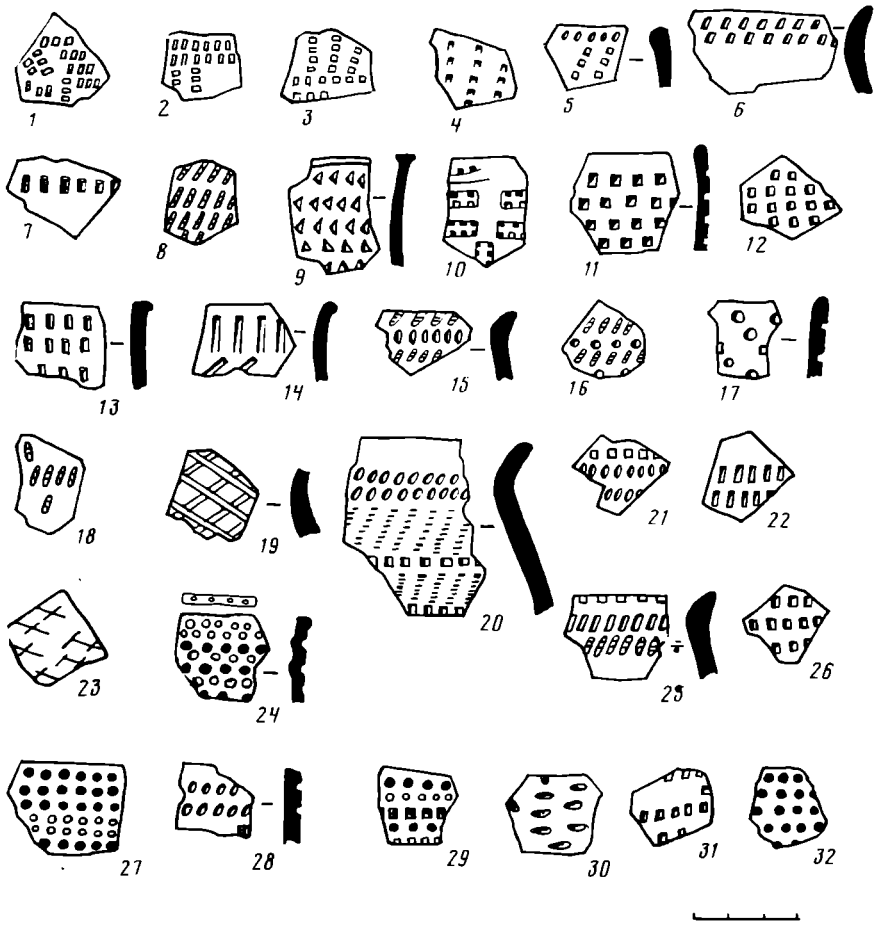


Рис. 2. Керамика эпохи неолита со стоянок бассейна р. Мокши. *1—9*, *14*, *15*, *21*, *22* — Имерские стоянки; *17*, *18* — Лепченки; *24*, *27*, *28*, *30—32* — Каргашинские стоянки; *7*, *12*, *19*, *20*, *25* — Ширингуши; *16*, *22*, *23* — Нижний Сатис; *5*, *6*, *29* — Волгапино

орнамент в виде круглых ямок, «жемчужин», подчетырехугольных углублений, зерновидных вдавлений, нанесенных параллельными рядами (рис. 2, *24, 27, 28, 30—32*). Для керамики этой стоянки характерно большое количество фрагментов с примесью толченой раковины. Отмеченные выше элементы узоров в несколько измененном виде встречаются в раннегородецких памятниках бассейна р. Мокши. То же можно сказать и о керамическом составе других стоянок, расположенных в долине р. Мокши: Лепченки (рис. 2, *17*, 18), Волгапино (рис. 2, *5*, *6*, *29*), Нижний Сатис (рис. 2, *16*, *22*), а также Ширингушская стоянка на р. Вад (рис. 2, *7*, *12*, *20*, *25*). В последнем памятнике встречается отмеченный выше узор и виде подчетырехугольных вдавлений, круглых и овальных ямок, наклонной гребенки. Наконец, в керамическом материале Нижнесатинской стоянки известен фрагмент с узором из взаимно пересекающихся прочерченных линий, составляющих как бы сетку (рис. 2, *23*). Он отдаленно напоминает рогожный орнамент городецкой керамики.

Мы не имеем возможности в настоящее время безоговорочно судить о прямой преемственности памятников городецкого времени в бассейне Мокши от неолитических культур этого края. Однако уже те факты, которыми мы располагаем, заставляют согласиться с высказанным положением А. П. Смирнова о несомненной генетической связи ранних и более поздних культур.

Едва ли можно согласиться с утверждением В. И. Ледяйкина об отсутствии в подстилающих слоях городецких городищ Мордовии керами-

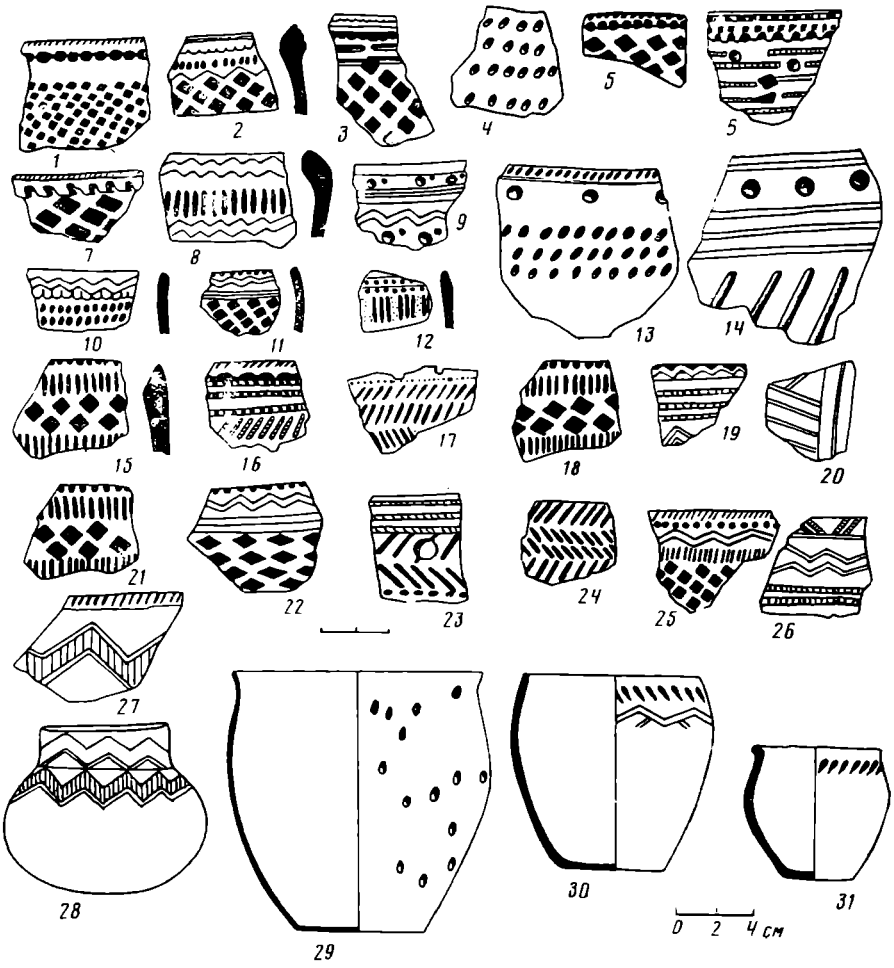


Рис. 3. Керамика эпохи бронзы с поселений бассейна р. Мокши. *1, 5, 6, 15, 16, 19* — Казно Пандо; *2, 3, 8, 27, 28* — Теньгушево; *4, 9* — Самозлейка; *11, 12, 18, 24, 26, 30, 31* — Журавкино; *13, 14, 20* — пос. Коммуна; *29* — Каргашино; *7, 17, 22* — Верхнее Паево. (Материалы по Каргашино приводятся по публикации: *Алихова А. Е.* Некоторые древние городища Мордовской АССР. Саранск, 1959, табл. 43. Материалы по Казно Пандо, Верхнее Паево, Теньгушево взяты из работы: *Степанов П. Д.* Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне р. Мокши.— КСИИМК, № 59, 1955; Рис. 28 сосуд, реконструкция Е. И. Горюновой, Теньгушевское городище) — Зап. МНИИЯЛИ, 1947, № 9, рис. 1, *6*. Материалы по пос. Журавкино заимствованы из работы: *Федоров-Давыдов Г. А., Циркин А. В.* Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии.— СА, 1968, № 4, рис. 2, *1, 2*; 3, *1, 2, 5, 8*. Материалы с городища у с. Самозлейка взяты из отчета А. В. Циркина о раскопках Самозлейского городища в 1966 г. (Архив ИА АН СССР)

ки культур эпохи бронзы [14]. Хотя не на всех исследованных памятниках в долине Мокши в нижних горизонтах фиксируется посуда с несвойственными для городецкой культуры чертами, тем не менее укажем на то, что А. Е. Алихова, опубликовавшая материалы Каргашинского городища, выделила керамику эпохи поздней бронзы, залегавшую вперемешку с керамикой раннего железа [15] (рис. 3, *29*). В Саратовском Поволжье при раскопках Вольского городища П. Д. Степанов установил, что в среднем слое, подстилающем городецкий, находилось небольшое количество керамики, относящейся к срубно-хвалынскому времени в пределах II—I тысячелетия до н. э. [16] Аналогичное явление наблюдал в свое время

[14] *Ледяйкин В. И.* Ук. соч., с. 39.

[15] *Алихова А. Е.* Ук. соч., с. 109, 113, 116.

[16] *Степанов П. Д.* Вольское городище.— Тр. Саратовского областного краеведческого музея, 1956, вып. 1, с. 5—21.

П. С. Рыков, отмечая присутствие в одних и тех же слоях раннего рогожного орнамента вместе с керамикой бронзовой эпохи [17].

Вопрос об отношении городецких памятников в бассейне Мокши к культурам бронзовой эпохи довольно сложен. Тем не менее следует отметить, что имеющийся в нашем распоряжении материал рисует нам картину непосредственного участия в сложении городецкой культуры в Мордовии племен бронзовой эпохи. В этой связи следует отметить значительный культурный импульс, полученный местными племенами от срубников. Как теперь установлено, Южная Чувашия и восточные районы Мордовии входили в ареал памятников северного варианта срубной культуры. П. Д. Степанов в 1952 г. произвел раскопки курганов у дер. Пиксяси в Ардатовском р-не Мордовской АССР [18]. Материал из погребений по своему составу, орнаментации посуды и по обряду захоронения с расчленением трупов имеет аналогии в срубных курганах у с. Хрящевка Куйбышевской обл. В восточных районах Мордовии за последние годы была открыта и исследована курганная группа у с. Старое Ардатово, давшая материал, близкий срубной и абашевской культурам [19].

В 1965 г. в западных районах Мордовии экспедицией Мордовского научно-исследовательского института и Республиканского краеведческого музея исследовано поселение у с. Журавкино Зубово-Полянского р-на, на левом берегу р. Вад, левого притока Мокши. На поселении получен материал различных культур, в том числе керамика срубной культуры и так называемого примокшанского типа [20] (рис. 3, *11, 18, 30, 31*).

Как показывает материал, здесь в бассейне Мокши, в зоне соприкосновения степных и лесостепных племен, встречаются различные типы керамики, сочетающие элементы, свойственные культурам различных племен. С одной стороны, в керамике продолжаются орнаментальные традиции предшествующего времени, с другой — налицо значительное влияние пришлых срубников.

В сложении местного варианта городецкой культуры приняли участие и пришлые племена поздняковской культуры. Этот штрих отмечается в памятниках, расположенных в долине Мокши, в частности на городище Итяково, в нижних горизонтах культурного слоя [21].

Исследование памятников поздняковской культуры на Средней Оке показало, что около XV в. до н. э. в районе Рязани появляются племена этой культуры, которые, не имея генетических связей с более ранними культурами края, обнаруживают близкое сходство с лесостепными и степными племенами срубной культуры [22]. Двигаясь на Оку по ее правым притокам Цне и Мокше, верховья которых уходили далеко на юг, они вторглись в Примокшанье значительными группами, наложив свой отпечаток на хозяйственную жизнь и быт местных племен. Это взаимодействие нашло свое отражение в орнаментике посуды. Такие элементы орнамента, как «жемчужины», нарезной штамп, зигзаги, зерновидные ямки, заштрихованные фигуры, геометризм в расположении орнамента встречаются на ряде поселений городецкого времени долины Мокши (рис. 3, *9, 14, 27, 28*). Ассимилятивный процесс завершился на грани железного века поглощением поздняковцев местной этнокультурной средой [23].

---

[17] *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим данным. Саратов, 1936, с. 54.

[18] *Степанов П. Д.* Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси.— КСИИМК, № 59, 1955, с. 74—80.

[19] *Степанов П. Д.* Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967—1968 гг.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1974, вып. 45, с. 70—76, табл. I.

[20] *Федоров-Давыдов Г. А., Циркин А. В.* Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии.— СА, 1968, № 4, с. 174—179.

[21] *Федоров-Давыдов Г. А., Циркин А. В.* Новые данные об Итяковском городище в Темниковском районе МАССР.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1968, вып. 30, с. 243.

[22] *Бадер О. Н.* Бассейны р. Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 59.

[23] *Бадер О. Н.* Ук. соч., с. 63, 64.

Материал, полученный в последние годы на территории бассейна Мокши, позволяет выделить еще один компонент, принимавший участие в генезисе местной городецкой культуры. Речь идет об абашевском этническом пласте. На это в свое время обращал внимание исследователей А. П. Смирнов, указывая на присутствие в городецких памятниках элементов абашевской культуры [24]. Центром формирования абашевской культуры, по мнению А. Х. Халикова, считается территория Окско-Донского междуречья, откуда абашевцы под натиском срубных племен продвинулись к северу и к середине II тысячелетия до н. э. дошли до Муромского течения Оки [25].

Свидетельством их продвижений на север являются памятники абашевской культуры, обнаруженные на территории Мордовии и в прилегающих к ней районах (рис. 1). В кургане у с. Старое Ардатово в Мордовии, как уже упоминалось, найдена керамика с абашевскими чертами [26].

Абашевские курганы исследованы А. Е. Алиховой у с. Земского Рязанской обл. В Пензенской обл. на ряде поселений обнаружена керамика, близкая абашевской (поселения «Красный Восток» у Нарвчата и на р. Мокше, Усть-Аза, Борковка, Бессоновка [27]; рис. 1). Эти данные приобретают особую ценность при решении вопроса о воздействии пришлых абашевцев на местное население. Анализ керамики с таких поселений, как Казно Пандо, Верхнее Паево, Журавкино, Коммуна, расположенных в бассейне Мокши на пути движения абашевских племен, содержат керамику с явными абашевскими традициями (рис. 3, *8*, *13*, *16*, *19*, *20*, *26*). Упомянем также, что В. Н. Шитов выделил на неолитических стоянках Каргашино и Имерка группу керамики с примесью толченой раковины — технологический прием, характерный для абашевцев Подонья [28]. В свете этих данных можно говорить об участии абашевских племен в формировании местной городецкой культуры.

Следует отметить еще один элемент, принимавший участие в формировании городецкой культуры в бассейне р. Мокши. Речь идет о керамике с валиком на венчике, наружная поверхность которой сплошь покрыта ромбовидным штампом. Эта богато орнаментированная посуда, встречающаяся на ряде поселений Мордовии, еще не получила ясной характеристики. Несомненно только одно, что впервые она отмечена в памятниках, расположенных на среднем Дону в пределах Воронежской обл., на Архангельском и Елецком поселениях [29].

В бассейне р. Цны в пределах Тамбовской обл. эта керамика хорошо известна. По ряду признаков она отличается от керамики со срубными традициями (особенно по технике отделки). Ромбовидный орнамент покрывает не только внешнюю, но и внутреннюю сторону черепка, глина хорошо отмучена, стенки сосудов тонкие, хорошо обожженные. Т. Б. Поповой установлено, что на Тамбовщине эта посуда встречается в нижних слоях поселений и наиболее вероятным центром ее происхождения является Цнинско-Мокшанское междуречье [30]. Керамика с ромбовидным

---

[24] *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Ук. соч., с. 7.

[25] *Халиков А. Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.— В сб.: Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА, № 97, 1961, с. 224, 225.

[26] *Степанов П. Д.* Археологическая работа..., с. 76, табл. I.

[27] *Алихова А. Е.* Абашевский курган близ села Земского Рязанской области.— КСИИМК, № 64, 1956, с. 141—143; *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, с. 100, рис. 10, *5*, рис. 24, *9*.

[28] *Либеров П. П.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, с. 141. Автор придерживается другого мнения, полагая, что абашевцы двигались не с юга на север, а наоборот, со средней Волги на юг в Подонье (с. 158).

[29] *Маскаленко А. Н., Пряхин А. Д.* Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону.— В кн.: Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, рис. 5, *6*; 15, *18*.

[30] *Попова Т. Б.* Эпоха бронзы на Тамбовщине.— СА, 1961, № 3, с. 137—151, рис. 1.

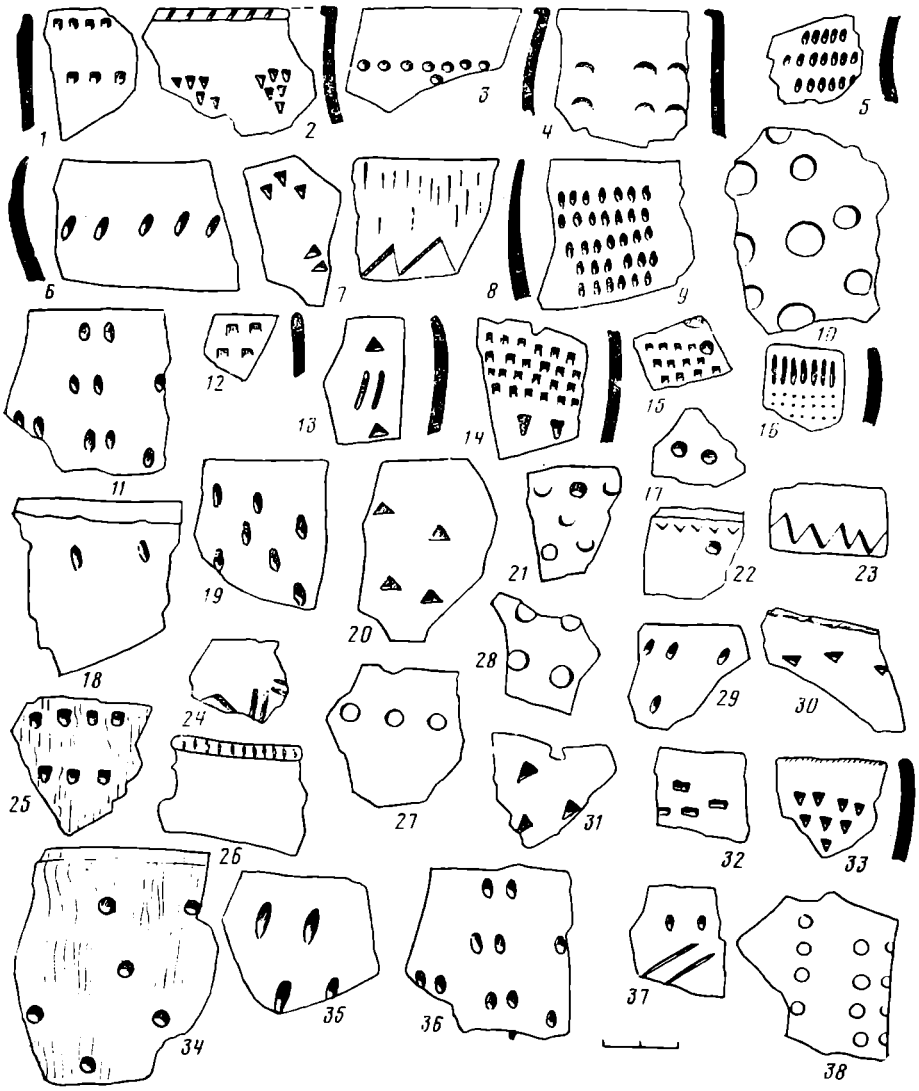


Рис. 4. Керамика древнейших городищ Верхней Оки на поселениях бассейна р. Мокши. *1—5, 32* — Казно Пандо; *6—11, 34—38* — Каргашино; *12—16* — Пургасово; *17, 20, 21* — Новое Пшеново; *22—26* — Итяково; *27—30* — Самозлейка. (Материалы по Казно Пандо, Каргашино, Старое Нагорное Алексово, Новое Пшеново заимствованы у А. Е. Алиховой: *Алихова А. Е.* Некоторые древние городища..., табл. 37, 45—48. Материал по Пургасовому городищу взят у П. Д. Степанова: *Степанов П. Д.* Пургасово городище.— Зап. МНИИЯЛИ, Саранск, 1946. вып. 6. рис. 2. Материал по Итяковскому городищу приводится по: *Степанов П. Д.* Итяковское городище.— Тр. МНИИЯЛИЭ, Саранск, вып. 24, 1963, рис. 8. Материал по городищу у с. Самозлейка взят из отчета А. В. Циркина за 1966 г. (Архив ИА АН СССР)

узором (по терминологии Т. Б. Поповой — вафельная) сложилась под воздействием неолитических культур, для которых более всего свойствен подобный стиль орнаментации [31].

Присутствие этой керамики на ряде поселений бассейна Мокши свидетельствует о проникновении племен с ромбовидной керамикой далеко на север этого района — до рубежа Теньгушева (рис. 1). П. Д. Степанов, специально изучавший эту керамику, отметил ее южные аналогии и датировал, по булавке кобанского типа, концом II тысячелетия до н. э. [32]

[31] Там же, с. 147.

[32] *Степанов П. Д.* Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне р. Мокши.— КСИИМК, № 59, 1955, с. 66, рис. 21, 22.

Не входя в обсуждение проблемы происхождения керамики с ромбовидным узором, отметим, что некоторое ее количество встречается в подстилающих слоях городецких городищ Примокшанья, а именно: Казно Пандо, Верхнее Паево, Ширингуши, Итяково. В последнее время аналогичная посуда обнаружена на городище Старый Город [33] и на Жуковском городище, где в 1976 г. были проведены повторные раскопки В. И. Вихляевым и В. В. Халиным [34].

На городищах бассейна Мокши эта керамика всюду залегает в подстилающем слое (рис. 3, *1—3*, *5*, *7*, *11*, *15*, *18*, *21*, *22*, *25*). В эпоху раннего железа, в его начальной фазе, керамика с ромбовидным орнаментом в Примокшанье исчезла, но ее традиции продолжают сохраняться в керамике населения городецкой культуры в виде рогожных оттисков.

Необходимо отметить также наличие на ряде городищ этого региона в эпоху раннего железного века глиняной посуды, украшенной округлыми ямками, подчетырехугольными углублениями (типа «отступающей лопаточки»), подтреугольными вдавлениями, кольцевым узором, полулунным оттиском, зигзагами, гребенчатым штампом (рис. 4).

Работая над материалом древних городищ Мордовии, А. Е. Алихова обратила внимание на ее сходство с керамикой бандарихинской и юхновской культур, памятники которых расположены на значительном удалении от бассейна Мокши [35]. Рассматриваемая посуда оказалась удивительно похожей на керамику ряда древних городищ верховья Оки: Надежда, Дуна, Гремячево, Свинухово, время существования которых укладывается в эпоху IV—II вв. до н. э. [36] Всюду эта, во многом не местная, посуда залегала глубже слоя с сетчатой керамикой, что свидетельствует о ее большой древности. Присутствие отмеченной выше керамики на поселениях Ново-Пшеново, Казно Пандо, Каргашино, Самозлейка, Пургасово, Итяково, Старое Нагорное, Алексово указывает на культурную общность между населением бассейна Мокши с верхнеокскими племенами, на инфильтрацию племен с юго-запада в первые века до нашей эры. Именно на эту сторону культурного взаимодействия обращал внимание А. П. Смирнов, полагавший, что в происхождении городецкой культуры Мордовии несомненно приняли участие юго-западные племена, носители юхновских и бандарихинских культурных традиций [37].

Генезис городецкой культуры бассейна Мокши, следовательно, оказался более сложным, чем это нам представлялось раньше. Процесс ее формирования протекал на основе местных неолитических культур, при активном участии пришлых племен эпохи бронзы и культур раннего железного века. Эта этническая пестрота наложила свой отпечаток и в значительной мере определила своеобразие городецкой культуры в Примокшанье.

A. V. Tzirkin

ON THE GENESIS OF THE GORODETZ CULTURE IN MORDOVIA

Summary

The article deals with different points of view on the problem of the origin of one local variant of the Gorodetz culture. The author informs about the new archaeological data, obtained by the investigators during last twenty years. The process of formation of the Gorodetz culture in the described region was rather complicated. Local neolithic tribes, and the Bronze Age population from other regions took part in the foundation of this culture, as indicated by the latest archaeological data. The participation of different ethnic components in this process resulted in the peculiarity in the development of culture of the tribes in the Moksha basin.

[33] *Мартьянов В. И.* Археологическая разведка в Мордовской АССР и южных районах Горьковской области.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1976, вып. 52. с. 148.

[34] *Вихляев В. И., Халин В. В.* Жуковское городище.— АО — 1976. М., 1977, с. 136.

[35] *Алихова А. Е.* Некоторые древние городища..., с. 113, табл. 40, *4*, *6—9*; 45, *9*, *10*, *12*; 46, 47, 48, *3—5*, *9*.

[36] *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии до н. э.— МИА, № 72, 1959, рис. 3, *6*, *7*; 8, *18*, *10*, *14*; 9, *2*, *3*, *6*, *7*.

[37] *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура..., с. 6.

Т. В. РАВДИНА

ПОГРЕБЕНИЯ С ДРЕВНЕРУССКИМИ СРЕБРЕНИКАМИ

На территории древней Руси известно около 600 погребений X—XI вв. с куфическими, византийскими, западно-европейскими монетами VIII—XI вв. Погребений с древнейшими русскими монетами известно всего пять: из Вотни, Митьковки, Липино, Леплявы и Керчи (рис. 1, *а*). В этой статье будут исследованы четыре находки в погребениях монет одного типа —древнерусских сребреников рубежа X—XI вв. Пятая тоже из погребения, относится к другому времени и кругу памятников, ее исчерпывающий археологический и нумизматический анализ опубликован [1].

Археологический анализ погребений с сребрениками Владимира необходим для взаимной проверки археологических и нумизматических данных при определении хронологии такого интереснейшего исторического явления, как древнерусский чекан (как известно, сребреники не несут на себе даты чеканки, а только имена: Владимир, Святополк, Ярослав).

Из четырех погребений с сребрениками археологически опубликованы только материалы из Лепляво в чешском издании 1925 г. Поэтому приводим данные по всем четырем погребениям.

I Вотня — близ правого берега Днепра южнее Нового Быхова, Быховский р-н Могилевской обл., в разные годы XIX в. здесь раскопано 15 курганов. Вещи из двух раскопанных в 1873 г. курганов хранятся в ГИМе. Височные кольца семилучевые (серебряное и бронзовое, рис. 2, *1, 2*) и проволочное из плохого серебра диаметром 42 *мм* (рис. 2, *3*). Гривна железная из граненого дрота, сечение 7 *мм* (в обломках). Бусы стеклянные: прозрачные темно-синие диаметром 4—5 *мм* одинарные (4 экз.), двойные (6 экз.), тройные (2 экз.), пятерная и трубочка 12×4 *мм* (рис. 2, *4*); полупрозрачные зеленоватые зонные диаметром 6 *мм* (3 экз.) и 4 *мм* (1 экз.); из глухого стекла сургучного цвета две зонные диаметром 6 *мм* и призматическая (рис. 2, *5*). Бусина сердоликовая призматическая (рис. 2, *6*). Бусина хрустальная бипирамидальная (рис. 2, *7*). Три лунницы с литой зернью по периметру (рис. 2, *8*). Две привески (рис. 2, *9*). Пять полусфер с ушками (рис. 2, *10*). Перстень узкий ребристый (рис. 2, *11*). Две кольцевые проволочные пряжечки (рис. 2, *12*). Монеты с плоскими ушками: дирхем Нуха ибн Мансура 981 г. и четыре сребреника Владимира I типа (рис. 2, *13*) [2].

II Митьковка Климовского р-на Брянской обл., между верховьями рек Снов (правого притока Десны) и Трубеж (правого притока Снов). В первой половине 1950-х годов здесь произведены самовольные раскопки курганов. Находки состояли «из 13 древнерусских сребреников,

---

[1] *Кропоткин В. В., Макарова Т. И.* Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве.— СА, 1973, № 2.

[2] Подробности об этом погребении см. *Богомольников В. В., Равдина Т. В.* О находках монет из Вотни (верхний Днепр).— СА, 1979, № 2.

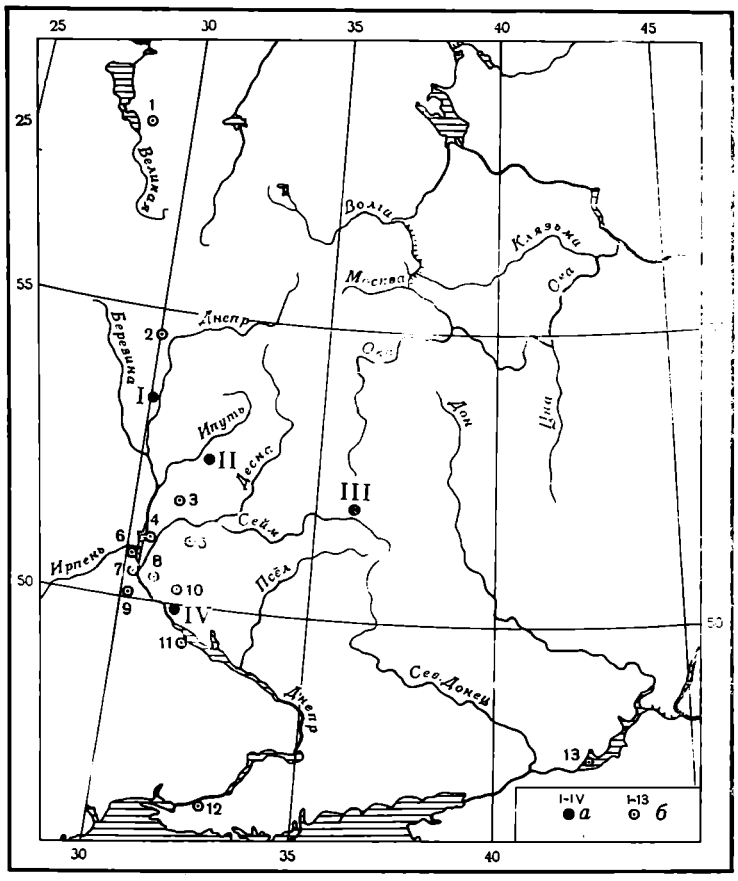


Рис. 1. Находки сребреников Владимира и Святополка на территории древней Руси. *а* — в погребениях: I — Вотня; II — Митьковка; III — Липино; IV —Лепляво. *б* — клады и отдельные находки: *1* — Мóлоди; *2* — Поречье; *3* — Великий Листвен; *4* — Вышенки; *5* — Нежин; *6* — Вышгород; *7* — Киев; *8* — Борисполь; *9* — Заречье; *10* — Денисы; *11* — Пекари (Княжа гора); *12* — Раденское (Алешки по Янину, 1956, с. 131, № 17); *13* — Белая Вежа

8 восточных монет и брактеобразных подвесок, а также из большого количества бус, височных колец, гривен, браслетов, бубенчиков и других вещей. Все эти предметы когда-то составляли комплексы погребальных радимичских украшений, но к моменту поступления в... Музей были перемешаны и потеряли паспорта находок»[3]. Организованная в 1956 г. ГИМом экспедиция на место находок монет «собрала мало дополнительных сведений. Все курганы оказались уже разрытыми местными жителями». Отчета об этой экспедиции нет, в статье же Н. Д. Мец не указано ни общее количество курганных групп и курганов в окрестностях Митьковки, ни число раскопанных курганов, а вещи из курганов элементарно не описаны. Осталось неизвестным самое главное: в скольких курганах или погребениях были найдены монеты.

По публикации Н. Д. Мец в Митьковке найдены следующие монеты: три сребреника Владимира I типа; пять сребреников Владимира II типа; четыре сребреника с именем Святополка, на одном сребренике прочтено имя «Петрос» (И. И. Толстой на подобной монете читал имя «Георгиос»— христианское имя Ярослава); куфические монеты: дирхем Абдалмалика, аш-Шаш 961/962 г.; пять фелсов: 1 — Нуха ибн Насра, Насрабад (942—954); 2—4 — Мансура ибн Нуха (два из Ферганы 968 г. и один

[3] *Мец Н. Д.* Сребреники из с. Митьковки.— СА, 1960, № 1, с. 205.

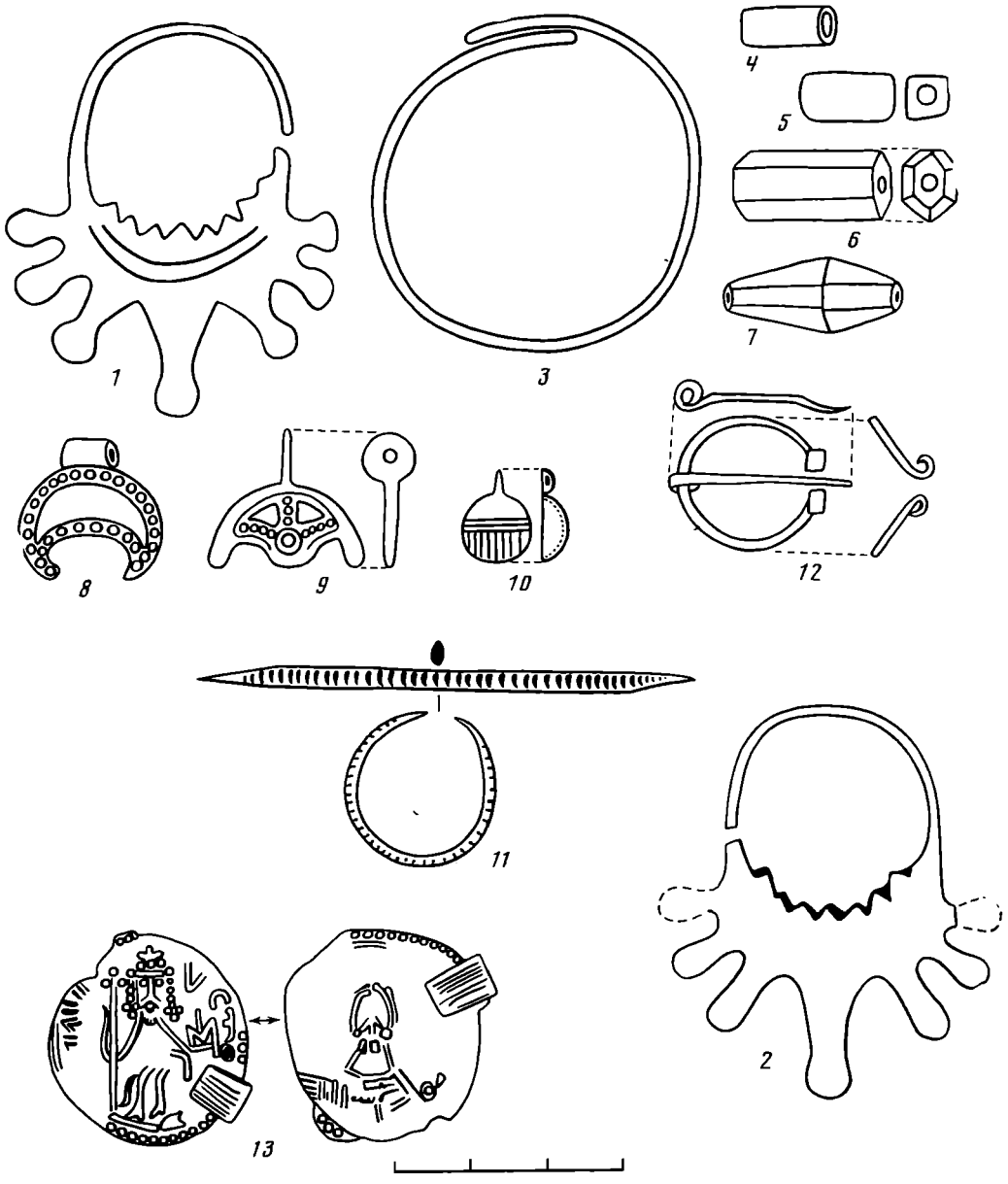


Рис. 2. Вещи из погребений в Вотне

из Бухары 97э/976 г.); 5 — Нуха ибн Мансура, Бухара 985/986 г. Приведенное Н. Д. Мец утверждение местных жителей, что в курганной группе с сребрениками имелись курганы и с трупоположением и с полным трупосожжением, а в курганной группе с куфическими монетами полных трупосожжений не было, проверить не удалось, поскольку к приезду экспедиции все курганы были разрыты. Рассуждая о датировке митьковских сребреников, Н. Д. Мец исходит из подразумевающейся посылки, что все 13 сребреников были в одном комплексе. Но из публикации этого не видно. Поэтому выводы Н. Д. Мец о взаимовстречаемости и относительной последовательности разных типов сребреников вообще и о взаимоотношениях митьковских сребреников и дирхемов — принять нельзя. Так же считает и М. П. Сотникова [4]. Вещи из Митьковских курганов находятся в Брянском музее. Это четыре проволочных колечка

[4] *Сотникова М. П.* Сребреники Киевского клада 1876 г.— НиС, III, 1968, с. 116, сн. 4.

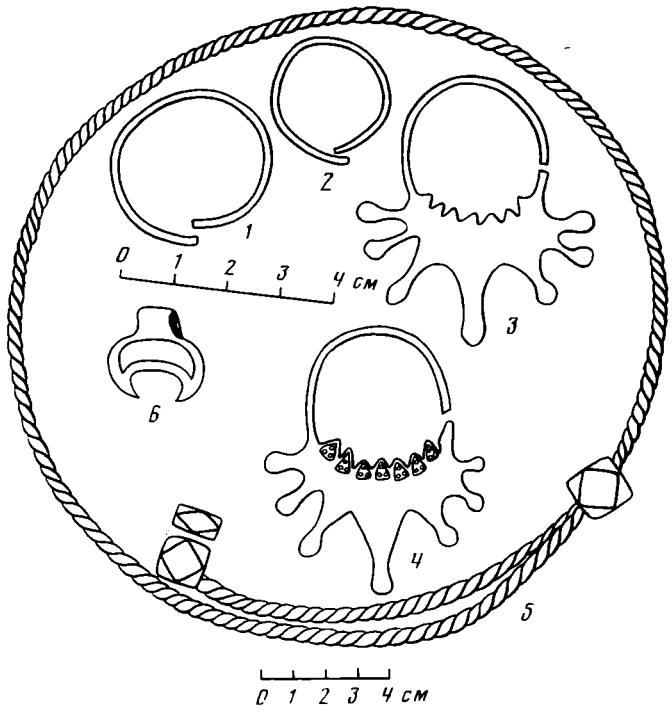


Рис. 3. Вещи из погребений в Митьковке

(рис. 3, *1, 2*); шесть семилучевых височных колец, из них два имеют чеканный орнамент, до сих пор на семилучевых не встреченный (рис. 3, *3, 4*); две витые тройные гривы с граненными кончиками (рис. 3, *5*) и гривна дротовая гладкая с фигурными петлями на концах. Бусы стеклянные: 180 мелких зонных; несколько сот небольших зонных желтых и зеленых и несколько десятков зонных из глухого стекла сургучного цвета; 52 зонно-цилиндрических синих диаметром 6 *мм* — двойных, тройных и четверных; четырехгранные призматические: 2 синих (1 белоромбическая) и 12 из глухого стекла сургучного цвета; золоченые: 7 бочковидных, 5 цилиндрических, 3 ребристых. Бусы каменные крупные: сердоликовые — призматическая и две бипирамидальных; янтарная бипирамидальная тупоконечная; аметистовая такой же формы; хрустальная бипирамидальная. Бусы зернено-ажурные цилиндрические — бронзовая и две серебряных. Привески: литая монетовидная (диам. 25 *мм*) с рельефным изображением бычьей головы; три литые лунницы длиной 18 *мм* (рис. 3, *6*); восемь пар полусфер с ушками (рис. 2, *10*); бубенчик крестопрорезной. Пуговица в виде бронзовой горошины с длинным ушком. Браслеты из тонких дротов: два гладких плосковыпуклых свободноконечных и два с мелкой косой насечкой и с оригинальным замком. Скорлупки лесного ореха со следами бронзовых окислов.

III Липино на правом берегу р. Сейм ниже Курска. В 1948—1949 гг. в курганной группе I раскопано 106 погребений [5]. Курган 70, самый западный в группе, погребение в яме глубиной 1,3 *м*, скелет почти истлел. Височные кольца (3 экз.) проволочные диаметром 17 *мм* (рис. 4, *1*). Бусы стеклянные в двух ожерельях: 1 — мелкие зонные и кольцевые (есть двойные и тройные) зеленого, синего, сургучного и неопределенного цветов — свыше 260 экз. (рис. 4, *2*); 2 — золоченые боченковидные — 20 экз. (рис. 4, *3*), желтые цилиндрики—5 экз. (рис. 4, *4*),

[5] *Засурцев П. И.* Отчет о раскопках Липинского курганного могильника. Архив ИА АН СССР, р-1, № 291/1948; р-1, № 480—481/1949. Я публикую рисунки вещей и дирхемов, исполненные Р. Л. Розенфельдтом в 1948 г. За предоставление этих рисунков сердечно благодарю Р. Л. Розенфельдта.

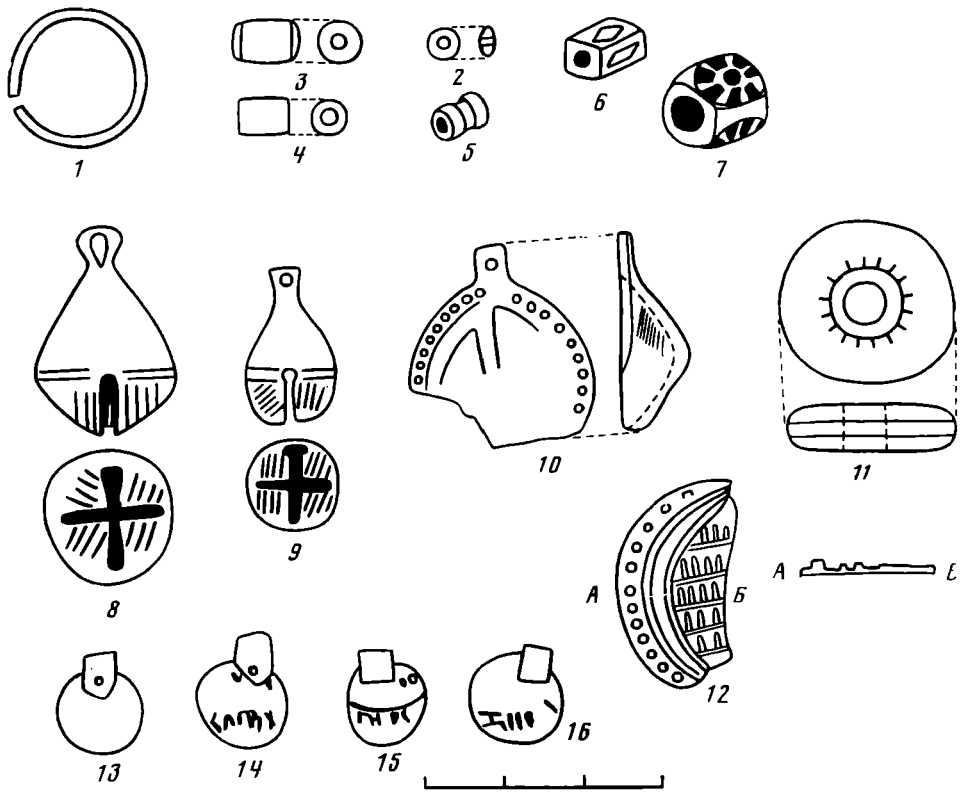


Рис. 4. Вещи из погребения Липино 70

черная двойная (рис. 4, *5*), синяя призматическая белоромбическая (рис. 4, *6*), крупная желтая с тремя красными глазками (рис. 4, *7*). Бубенчики с крестовидной прорезью — 9 экз. (рис. 4, *8*, *9*). Подвески круглые вогнуто-выпуклые, литые из белого металла — 5 экз. (рис. 4, *10*). Янтарный кружок (рис. 4, *11*). Обломок монеты (?) с бусинным ободком и со строчными знаками (рис. 4, *12*). У головы с обеих сторон четыре восточные монеты: обрезанные в кружок до 10—12 *мм* саманидские дирхемы X в. с бронзовыми ушками шириной 4 *мм* (рис. 4, *13*—*16*). В ногах обломок сребреника Владимира I типа.

Вещи хранятся в Курском музее, местонахождение сребреника неизвестно [6].

IV Лепляво на левом берегу Днепра напротив Канева. В 1906, 1913—1914 и 1949 гг. здесь было раскопано 79 курганов, в одном из них найден сребреник, в другом — дирхем [7]. Кург. № 79 (раскопки В. Щербаковского в 1913—1914 гг.). Погребение в яме, скелет истлел, сохранился лишь кусочек черепа; приблизительно на месте левого плеча лежала кучка украшений. Описание вещей даю словами В. Щербаковского, поскольку иллюстраций в статье нет. Пять спиральных височных колец, каждое состоит из семи оборотов серебряной проволоки сечением 2 *мм* (рис. 5, *1*). Бронзовая круглая застежка диаметром 42 *мм* «с круглою большою дыркою в середине и девятью маленькими треугольными вокруг нее», с железным язычком (очевидно, такая же, как в Гочево, кург. № 39 из раскопок 1913, рис. 5, *2*). Бронзовая привеска-гребенка

[6] *Сотникова М. П.* Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв. К корпусу древнейших русских монет.— Тр. ГЭ, т. XII, № 19, 1971, с. 144.

[7] *Щербаківський В.* Ліплявський могильник.— «Niederlüv sbornik. Obzor praehistoricky», roč. IV. Praha, 1925, s. 344—348; *Выезжев Р. И.* Новые материалы из раскопок Леплявского могильника.— КСИА АН УССР, № 3, 1954, с. 33—38. В кург. 7 найден такой же обрезанный в кружок дирхем с таким же непропорционально большим бронзовым ушком (рис. 5, *6*), как и в круг. 70 Липино.

Рис. 5. *1—4* — вещи из разных могильников, похожие на вещи, описанные В. Щербаковским для погребения Лепляво 79; *5* — сребреник Владимира III типа из Лепляво 79, 1913—1914 гг.: *6* — дирхем из Лепляво 7, 1949 г. (увеличено в 2 раза); *7*, *8* — височное кольцо и перстень из клада Денисы

размерами 21×34×3 *мм* с шестью зубчиками и двумя конскими головками (аналогию ей В. Щербаковский нашел в материалах из раскопок Н. И. Булычова в Серенске) (рис. 5, *3*). Десять бронзовых лунниц длиной 18 *мм* (такого же размера лунницы из Вотни и Митьковки). «Бронзовые ромбовидные привески 16×7×1 *мм*». Двенадцать «массивных бронзовых круглых привесок» 4×6×9 *мм*. Пять бубенчиков диамет-

ром 15 *мм* (длина с ушком 21 *мм*). Семнадцать бронзовых полусфер диаметром 9 *мм* (рис. 2, *10*); 29 «дротиков» длиной по 6—7 *см*, толщиной 2 *мм*, с петлями на концах для подвешивания бубенчиков и таких же «дротиков» (очевидно, это звенья цепочки, наподобие найденных в Гочево (кург. № 55 из раскопок 1915 г.; рис. 5, *4*). Бусы стеклянные: две-три призматические 14×6 *мм* сургучного цвета (рис. 2, *5*); спирально-цилиндрические 8,5×4 *мм*, синие; очень много круглых желтых непрозрачных диаметром 4 *мм*. Бусина сердоликовая 17×9 *мм*. Сребреник Владимира III типа очень хорошей сохранности, с проволочным ушком (рис. 5, *5* — единственный рисунок в публикации В. Щербаковского).

В конце статьи В. Щербаковский указал, что типы вещей Леплявского могильника те же, что и в инвентаре Переяславского (расположенного выше по Днепру и раскопанного им в те же годы); а в Переяславском могильнике, пишет Щербаковский, «в одной могиле найдена монета Бруно Мерцбургского, который приехал к Владимиру, а затем поехал дальше на проповедь христианства печенегам» (с. 348). На основании этого сообщения о Переяславском могильнике Б. А. Рыбаков сделал заключение, что в Леплявском могильнике вместе с монетой Владимира была найдена западная монета, современная Владимиру Святославичу [8]. Это было повторено В. Л. Яниным (со ссылкой на Б. А. Рыбакова) [9]. А в изложении Н. Д. Мец монета Владимира была найдена совместно с западноевропейской монетой XI в. (ссылка на Б. А. Рыбакова) [10]. Вещи и монета из раскопок в Лепляве 1913—1914 г. пропали в 1943 г.[11]

Как датируются погребения со сребрениками Владимира? Прежде всего все они содержали трупоположения и совершены на древнерусской территории, а значит, не могли появиться раньше конца X в.— времени прекращения трупосожжений. Для более точной датировки рассмотрим вещи из этих погребений, а для окончательного суждения еще раз вернемся к старому вопросу о времени чеканки и хождения древнейших русских монет.

Железные гривны из граненого дрота, подобные найденной в Вотне, датируются в основной своей массе концом X — началом XI в., большинство из них найдено при трупосожжениях; меньшее их количество зафиксировано в комплексах с монетами второй половины XI в. [12] Лунницы бронзовые литые небольшие, подобные лунницам из Вотни, Леплявы и Митьковки, найдены в погребениях XI—XII вв., а в погребениях X в. они не встречены [13].

Семилучевые височные кольца с круглыми расширениями на кончиках лучей, подобные семилучевым кольцам из Вотни и Митьковки, характерны для первой половины XI в. Они редко встречаются с золотостеклянными боченковидными бусами, широко распространенными в XI — начале XII в. по всей территории древней Руси; дважды найдены в одном погребении с крестиками конца X — начала XI в. (с грубым изображением распятия) и найдены вместе с древнейшими семилопастными кольцами середины XI в.[14] Семилучевые кольца ни разу не найдены с сердоликовыми бипирамидальными бусами конца XI—XII в. и с западноевропейскими денариями. Известно шесть находок семилучевых височных колец с куфическими дирхемами.

---

[8] *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, VI, 1940, с. 231.

[9] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 168.

[10] *Мец Н. Д.* Ук. соч., с. 213.

[11] *Сотникова М. П.* Неразысканные экземпляры..., № 38, с. 149.

[12] *Фехнер М. В.* О происхождении и датировке железных гривен.— Тр. ГИМ, вып. 40, 1966, с. 101—104.

[13] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 99—105, 120—124.

[14] *Равдина Т. В.* Древнейшие семилопастные височные кольца.— СА, 1975, № 3.

Призматические бусы из глухого стекла сургучного цвета встречены 6 раз с дирхемами X в. (в том числе и с сребрениками X—XI вв. в Вотне, Лепляве и Митьковке) и 1 раз с денарием XI в. Очевидно, время бытования этих бус относится к концу X— началу XI в. [15]

Золотостеклянные бочковидные бусы не найдены в погребениях X в. (в Гнездово, Шестовицах, Киевском некрополе, Ярославских могильниках), а с западноевропейскими монетами зафиксированы в 3 раза чаще, чем с куфическими дирхемами, причем среди этих дирхемов — спутников золоченых бус есть поздние брактеаты и даже литые копии XI—XII вв.

Бусы синестеклянные в форме четырехгранной призмы и со светлыми ромбиками на каждой грани (по одной такой бусине найдено в Митьковке и Липино) встречены 1 раз с западной монетой и 10 раз с дирхемами, в основном конца X в. Очевидно, бусы синестеклянные белоромбические бытовали не позже первой половины XI в. М. В. Фехнер датирует их концом X — началом XI в.[16]

Бусина крупная подшарообразная из глухого желтого стекла с красно-белыми глазками («глазчатая гладкая»), подобная найденной в Липино, датируется по новгородским материалам X—XI вв.[17] Мелкие бусы из глухого стекла, встречающиеся в комплексах сотнями и найденные в Липинском кургане и Митьковке, характерны для погребений, предшествовавших по времени широкому распространению золотостеклянных бочковидных бус, т. е. для начала XI в. Бусы сердоликовые призматические, найденные во всех могильниках со сребрениками, характерны для погребений X в. (киевские погребения до 989 г., гнездовские и ярославские погребения) и XI в., при этом с монетами X в. они встречены в 3 раза чаще, чем с монетами XI в.

Бубенчики грушевидные крестопрорезные чаще встречаются с монетами XI, чем X в. (46 и 38). Пряжечки проволочные кольцевые с концами-трубочками, подобные пряжечкам из Вотни (рис. 2, *12*): во всех случаях, когда в погребениях вместе с ними найдены монеты, это будут западноевропейские денарии XI в. Следовательно, пряжечки эти датируются временем не ранее XI в.

Итак, традиционный археологический анализ вещей из погребений с сребрениками Владимира I, II, и III типов приводит нас к общей дате этих погребений: началу — первой половине XI в.

Как датируются сребреники по другим монетам? Кроме четырех находок в приведенных нами погребениях древнерусские сребреники Владимира найдены еще в пяти кладах с датированными монетами. Все эти клады, по датировке И. И. Толстого и Н. П. Бауера, были зарыты не раньше 10—20-х годов XI в.[18], но необходимо еще раз показать принцип датировки этих кладов [19].

Клад Мóлоди (найден к северо-востоку от Пскова) содержал помимо обломка сребреника Владимира I типа много сотен арабских и западноевропейских монет, причем западноевропейские составляли только десятую часть клада. Процентное соотношение определимых дирхемов клада вы-

---

[15] *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, вып. 33, 1959, с. 171, 203.

[16] *Фехнер М. В.* К вопросу..., с. 171, 205.

[17] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, № 55, 1956, с. 177, 178.

[18] *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882, с. 25, 26, глава IV; *его же.* Клад куфических и западноевропейских монет, заключавший в себе обломок монеты Владимира Святого.— ЗРАО III, 1888, с. 199—202; *Бауер Н. П.* Древнерусский чекан конца X и начала XI в.— ИГАИМК, V, 1927, с. 296—318.

[19] Четкий и убедительный анализ Н. П. Бауера западноевропейской части монетных кладов мы дополнили хронологическим анализом восточной части монет кладов из книги В. Л. Янина (*Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья, табл. I в конце книги).

глядит следующим образом:

80 гг. IX в.–1,25%	50 гг. X в.–11,25%
00 гг. X в.–2,5%	60 гг. X в.–16,25%
10 гг. X в.–1,25%	70 гг. X в.–21,25%
20 гг. X в.–2,5%	80 гг. X в.–13,75%
30 гг. X в.–2,5%	90 гг. X в.–3,75%
40 гг. X в.–8,75%	00 гг. XI в.–15%

Младшая куфическая монета клада чеканена в 1009 г.; большинство дирхемов относится к 60—80-м годам X в., что является характерным для монетного обращения начала XI в. Западноевропейские и византийские монеты клада Мóлоди следующие: по одной монете или обломку монеты Генриха I (919—936), Оттона I (936—973), Болеслава II (967—999); несколько миллиарисиев Иоанна Цимисхия (969—976) и Василия II и Константина VIII (976—1025); много обломков денариев Оттона III (983—1002) и много обломков пенни Этельреда II (979—1016). Как видим, и среди западных большинство монет датировано временем не раньше 80-х годов X в. Н. П. Бауер и В. Л. Янин датируют клад Мóлоди не позже 1010 г. по количественному преобладанию куфических монет, самая поздняя из которых датируется 1009 г.

Клад Денисы найден на левобережье Днепра, южнее Киева. В кладе вместе с семью монетами Владимира II, III и IV типов было свыше 5340 монет и их обломков, из которых лишь 40 монет европейских и византийских. 640 определимых куфических дирхемов распределяются следующим образом:

40 гг. VIII в.–0,16%	40 гг. X в.–2,66%
00 гг. IX в.–0,16%	50 гг. X в.–6,56%
90 гг. IX в.–0,16%	60 гг. X в.–11,55%
00 гг. X в.–0,78%	70 гг. X в.–33,91%
10 гг. X в.–0,94%	80 гг. X в.–26,72%
20 гг. X в.–0,62%	90 гг. X в.–9,53%
30 гг. X в.–5%	00 гг. XI в.–1,25%

Как видим, и в этом кладе большинство куфических монет чеканено в 70—80-х годах X в. и младший дирхем клада чеканен в 1009 г. Хронологический состав дирхемов обоих кладов начала XI в. одинаков. Западноевропейские и византийские монеты клада следующие: Генриха I (919—936) (1); епископа Ульриха (923—973) (1); епископа Генриха (973—982) (1); Оттона II (973—983) (3); Оттона III (983—996) (2); Оттона и Адельгейды (983—1002) (6); Болеслава II (967—999) (4); епископа Ульриха (1002—1026) (1); Болеслава Храброго 1003 г. (1), вендки (6); Иоанна Цимисхия (969—976) (3); Василия II и Константина VIII (976—1025) (1). Как видим, династическо-хронологический состав западноевропейских и византийских монет такой же, как в кладе Молоди: для кладов, зарытых в начале XI в., характерны монеты 70—80-х годов X в. Клад Денисы датируется нумизматами временем не раньше 1010 г. Г. Ф. Корзухина датирует его рубежом X—XI вв.[20] В кладе Денисы найдены серебряные височные кольца «волынского» или «екимауцкого» типа (рис. 5, *7*), известные в X в., судя по киевскому погребению № 124 с византийской монетой 928—944 гг.[21] и по находкам на городище Екимауцы X в.[22] Серебряный пластинчатый перстень из этого же клада (рис. 5, *8*), судя по чеканному орнаменту «волчий зуб», относится к XI в.

---

[20] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII веков. М.— Л., 1954, с. 85, 86, клад № 18.

[21] *Каргер М. К.* Древний Киев, Т. I. М.— Л., 1958, с. 208—210.

[22] *Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья.— В сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, с. 151.

Клад Ленчица-Гощчино или Сиерпув [23] в Польше, в состав которого входил сребреник Владимира II типа [24], известен небольшим преобладанием западноевропейских монет над куфическими (100 и 80), но точный состав клада неизвестен. Все 80 дирхемов клада определены как саманидские дирхемы Насра ибн Ахмада (914—943). Династический и хронологический состав западноевропейских монет несколько иной, чем в двух предыдущих кладах: Мешко (962—992); Болеслав Храбрый (995—1025); Болеслав чешский (967—999); Удальрих (1012—1034); король Генрих II (1002—1014); император Генрих II (1014—1024); Бернгард Саксонский (1011—1059); Бруно Аугсбургский (1006—1029); Лиутольф Аугсбургский (987—996); Вигман (967—1016); Генрихи Баварские (конец X — первая четверть XI в.); Этельред II (978—1016); Канут (1016—1035).

Наличие монет Канута (1016—1035) и Генриха-императора (1014—1024), отсутствие монет Конрада II (1024—1039) и епископа Пилигрима Кельнского (1021—1036) дало основание Н. П. Бауеру отнести Ленчицкий клад ко времени от 1020 до 1025 г. (до начала правления Конрада II).

Сребреник Владимира II типа найден в Шваанском кладе с абсолютным преобладанием западноевропейских монет над куфическими: из 1637 определимых монет клада — 224 дирхема, чеканенных от 829 до 967 г., византийская монета 948 г., грузинская (983—1001) и 2447 западноевропейских. Среди последних — 221 монета Этельреда II (978—1016) всех типов; 39 монет Канута (1016—1035); 55 датских полубрактеатов середины X в. и 1350 германских монет X—XI и начала XI в. Но опять отсутствуют монеты Конрада II (1024—1035) и Пилигрима Кельнского (1021—1036), обычные в более поздних кладах. Для определения даты зарытия Шваанского клада с сребреником Владимира II типа нужно иметь в виду, что в кладе имелись как пенни Канута Великого типов 1020 и 1025 гг., так и пфенниг епископа Готгарда Гильдесгеймского (1022—1038 гг.). Последние монеты позволяют датировать клад 1025 г.

Сребреник Владимира III типа найден в кладе Поречье на правобережье Днепра севернее Могилева. Куфических монет в нем приблизительно в 2 раза меньше, чем западноевропейских. Среди восточных монет большинство чеканено с 900 по 1014 г., в том числе 43% — во второй половине X в., а 11 монет чеканены в XI в.

Из 268 западноевропейских монет Поречьского клада 129 экз. с именами Оттона и Адельгейды (936—1002); 56 экз. Оттона II (973—983); 2 экз. Оттона III (983—1002); 5 экз. Генриха II (1002—1024); 1 экз. епископа Лиутольфа (987—993); 73 экз. Этельреда II (978—1016) всех типов; 1 экз. Канута II (1016—1035); одна анонимная монета (И. И. Толстой ее датирует 1025—1038 гг.); одна византийская монета Василия II и Константина VIII («зятевей» Владимира Святославича) (976—1025). И. И. Толстой датирует Поречьский клад не ранее 1025 г., Н. П. Бауер датирует 1020 г., В. М. Потин — 1035 г.

Итак, сребреники Владимира Святославича найдены: I типа — в кладе 1010 г.; II типа — в кладах 1010 и 1025 гг., III типа — в кладах 1010 и 1020—1025 гг. Можно говорить, таким образом, об относительном старшинстве сребреников I типа. Это старшинство неопровержимо доказано еще И. И. Толстым в 1882 г. Что дают для относительной и абсолютной хронологии сребреников остальные находки? Сребреники, найденные в Великом Лиственe, Вышгороде, Борисполе, на Княжой горе, в Раденском и в Белой Веже, не имеют сопроводителей или стратиграфических данных.

---

[23] *Gupieniec A., Kiersnowski T. i R.* Wczesnośredniowieczne skarby srebne z Polski środkowej, Mazowzka i Podlasia. Materialy.— Ossolenium. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1965, s. 27, 28.

[24] *Spassky I.* Staroruska moneta z kolekcii Kazimierza Stronczyńskiego w zbiorze Ermitazy.— Lodzki numizmatyk, numer specjalny (1973 r.), s. 10—12; № 111—116 (1973—1974 гг.), tabl. XI, *2* (Lódź, 1974).

Но как и в пяти монетных кладах, так и в отдельных находках сребреники Владимира I типа не встречены вместе с сребрениками другого типа. Этим подтверждается наблюдение, сделанное раньше относительно состава двух чистых кладов сребреников: в Киевском кладе было до 120 сребреников Владимира только I типа, а в Нежинском кладе из 200 монет были сребреники Владимира II—IV типов, Святополка, трудночитаемые, но не было сребреников Владимира I типа.

Все эти факты дали нумизматам основание считать, что между выпуском сребреников Владимира I типа и выпуском сребреников остальных типов существовал хронологический разрыв. Надо сказать, что сребреники Владимира I типа и по композиционным и стилистическим признакам отличаются от сребреников других типов.

Однако, несмотря на эти факты, можно предполагать, что разрыв этот был непродолжительным. Во-первых, в одновременных кладах 1010 г. найдены сребреники Владимира I типа (клад Мóлоди) и Владимира II—IV типов (клад Денисы). Во-вторых, в Митьковке найдены сребреники Владимира I и II типов. В-третьих, на сторожевом городище в Заречье на р. Стугне, возникшем в 988 г. и погибшем, по мнению Б. А. Рыбакова, в 996 г., найдены на расстоянии 2 *м* друг от друга сребреники Владимира I и III типов [25].

Подведем итоги датировкам сребреников и погребений с ними. Судя по пяти монетным кладам, сребреники Владимира Святославича I—III типов функционировали в 10—20-е годы XI в. и тогда же, очевидно, попали в погребения. Против того, что монеты вообще могли быть положены в клады спустя много лет после начала их хождения на Руси, свидетельствуют закономерности в хронологических изменениях состава кладов на территории древней Руси. Эти закономерности четко и доказательно на огромном статистическом материале вслед за Р. Р. Фасмером [26] показал В. Л. Янин [27], а сформулировал еще И. И. Толстой [28]. Монеты кладов — это монеты, функционирующие ко времени зарытия кладов.

Датировка погребений с сребрениками Владимира I, II и III типов по инвентарю в пределах первой половины XI в. дает основание датировать и сребреники этим же временем, а датировка сребреников 10—20-ми годами XI в. по их находкам в кладах с датированными монетами уточняет дату погребений до первой четверти XI в.

Сребреники Владимира чеканились в Киеве, абсолютное большинство их найдено недалеко от Киева и в бассейне Днепра (рис. 1). Теоретически они могли быть чеканены после 988 г. (на них эмблема христианства) и до 1015 г. (конец княжения Владимира).

Исходя из того факта, что даже куфические дирхемы попадали в очень далекий от места их чеканки Новгород спустя максимум 14 лет после чеканки [29], мы можем считать, что время чеканки русских сребреников и время их функционирования в качестве не только материала для сокровищ, но и погребального инвентаря вблизи от места их выпуска — практически одно и то же. Данные четырех погребений и пяти кладов со сребрениками Владимира свидетельствуют, что монеты эти чеканились и имели хождение, очевидно, в начале XI в. Находки сребреников Владимира I и III типов на сторожевом городище на Стугне, построенном в 988 г. и не имеющем культурного слоя, дают основание предположить функционирование этой сторожевой крепости и в начале XI в.

---

[25] *Медынцева А. А.* Сребреники из Новгорода Малого.— СА, 1969, № 4, с. 259, 260.
[26] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы..., с. 59, 60, 63, 70, 71.
[27] Там же, с. 64—71, 79—140.
[28] *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты..., с. 191, 192.
[29] *Янина С. А.* Второй Неревский клад куфических монет X в.— МИА, № 117, 1963, с. 288 лев.

T. V. Ravdina

BURIALS WITH THE ANCIENT RUSSIAN COINS («SREBRENIKI»)

Summary

Four finds of ancient Russian coins in the burials at the territory of ancient Rus are published in the article (fig. 1). Artifacts, found together with the coins are described in detail. These artifacts are dated to the first half of the XIth century on the basis of archaeological analysis. Numismatic analysis of 5 hoards, containing similar silver coins, carried out by Tolstoy, Bauer and Yanin, are reenterpreted in the article. All these hoards are dated to 1010—1025 A. D. On the basis of archaeological and numismatic analysis of nine contexts of artifacts and coins, found together with silver coins of Vladimir and Svyatopolk stamps, the author establishes the time of functioning of the latter as the first quarter of the XIth century.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, О. В. ОВСЯННИКОВ

КРЕПОСТЬ КОПОРЬЕ ПО НОВЫМ ДАННЫМ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Копорская крепость как один из выдающихся памятников древнерусского каменного оборонного зодчества давно привлекала внимание исследователей. Однако только в 1970—1973 гг. в крепости впервые были проведены архитектурно-археологические работы, основные задачи которых состояли в изучении культурного слоя, поиске строительных остатков, исчезнувших или не опознанных первоначальных крепостных сооружений, обследовании сохранившихся стен и башен и уточнении даты их постройки, а также в исследовании каменных построек на территории крепостного двора (церковь Преображения, комендантская канцелярия) [1]. В ходе работ был получен новый материал для решения поставленных задач. Архитектурно-археологические работы сопровождались поиском новых письменных документов и графических материалов, которые связаны с многовековой историей Копорья до XVIII в. включительно. И этот поиск принес материалы, пополнившие сведения о средневековом Копорье [2].

Копорье расположено на возвышенности, в 12 *км* от побережья Финского залива, на кромке предглинтовой равнины. Кажущаяся удаленность места от путей сообщения обманчива. Едущие морем, писал автор XVIII в., видят Копорье за 40 верст [3]. Являясь своеобразным маяком для мореходов, Копорье издревле было центром охраны южного берега Финского залива. Согласно известию рубежа XVI и XVII вв., копорские земцы несли прибрежную сторожевую службу [4]. А в 1615 г. шведский король Густав-Адольф напоминал своим комиссарам, ведущим переговоры с русскими, что Копорье (а также Яма) представляют опору шведского владычества на берегу Западного озера (т. е. Финского залива) [5]. Хотя приведенные известия относятся к относительно поздней поре, они, очевидно, следуют древней традиции о Копорье как приморском форпосте.

---

[1] Работы проводились отрядом Ленинградской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР совместно с областным отделением ВООПИК и историческим факультетом ЛГУ им. А. А. Жданова. Предварительные информации о работах помещены в АО за 1970—1973 гг. См. также *Кирпичников А. Н., Овсянников О. В.* Древнерусский храм в Копорье.— В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 139—146; *Овсянников О. В.* Копорье. Л., 1976.

[2] Авторы имеют в виду материалы Королевского Военного архива Швеции, а также иностранные источники на шведском и финских языках.

[3] *Туманский Ф.* Опыт повествования о деяниях, положении и разделении Санкт-Петербургской губ. Рукопись 1789—1790 гг. РОГПБ, Эрмитажное собрание, № 558, л. 256 об.

[4] *Мятлев Н.* Десятня Вотской пятины 1605 года. Известия русского генеологического общества, вып. 4, СПб., 1911, с. 450, 465.

[5] Арсеньевские шведские бумаги. 1, 1611—1615 гг.— Сборник Новгородского общества любителей древностей, вып. V. Новгород, 1911, с. 85. Название Копорья здесь искаженно передано как Kolhuus, что видимо, препятствовало использованию источника в научной литературе.

Близость к берегу не уменьшала, а усиливала сухопутное значение Копорья. Именно в этом населенном пункте помещался, долгое время, по всей вероятности, единственный в Водской земле, центр новгородского управления краем. Владевший Копорьем контролировал и удобную для земледельческого хозяйства Ижорскую возвышенность. Не случайно поэтому с самого начала своей письменной истории Копорское поселение выступает как стратегически важный военный пункт и центр одноименной округи.

Впервые погост Копорье на страницах русских летописей упомянут в 1240 г., а год спустя новгородская рать, в состав которой входили отряды новгородцев, ладожан, карел и ижорян, возглавляемая Александром Невским, штурмом взяла построенный здесь деревянный немецкий замок [6]. Учитывая местоположение Копорья — в богатом земледельческом районе, сын Александра Невского князь Дмитрий, приглашенный новгородцами на княжение, в 1279 г. возводит в Копорье деревянный «город», а в 1280 г. заменяет его каменной крепостью [7]. Примечательно, что речь идет о первой каменной крепости Северной Руси, построенной в период монгольского ига. Однако в 1282 г., когда князь Дмитрий потерял новгородский стол в междоусобной борьбе с братом Андреем, новгородцы не дали ему укрыться в Копорском замке, «город разруши и гору раскопаша» [8].

Новый этап жизни Копорья связан с превращением его из владельческого замка в государственную крепость. В 1297 г. «поставиша новгородцы град Копорию камен» [9]. Тем самым Копорье как важный областной и пограничный пункт было прочно включено в состав северных окраин Новгородской земли.

Таким образом, за 50 с лишним лет на Копорской горе сменили друг друга две деревянных и две каменных крепости. Одновременно наращивалась мощь создававшихся сооружений, возможно, включавших, как это иногда практиковалось в те времена, уцелевшие от разрушения остатки своих предшественников. Начиная с XIV в. сведения о строительных работах в Копорье становятся более скудными, но именно в это время усиливается роль крепости как военно-административного центра Водской земли. В этот период летопись упоминает Копорье в связи с боями под городом с немцами (1338 г.) пожалованиями во владения служилым князьям (1333 и 1383 гг) и как убежище новгородских бояр (1342 и 1350 гг) [10].

Начиная со второй половины XIV в. оборонительное значение Копорья несколько снижается. Первенство в военном отношении переходит к крепости Ям, построенной в 1384 г. вблизи ливонской границы на магистральной торговой дороге из Нарвы в Новгород. Характерно, что новгородские или хорошо осведомленные в новгородских делах летописи ничего не сообщают о защитной роли Копорья в течение всего XV в. Так, во время крупной войны с Ливонией в 1443—1448 гг. бои с немцами велись только у стен Ямгорода. Копорье в тот период оказалось в стороне не только от главной торговой дороги, ведущей в глубь страны, но и от сколько-нибудь значительных военных событий. Боевое значение Копорья усиливается вновь в начале XVI в. в связи с обострением борьбы за выход России к Балтике.

Особенностью Копорья было его положение в качестве русско-чудского поселения иноплеменной окраины Новгородской земли. В этой связи упомянем о пожаловании Новгородом, начиная с 1333 г., наемным литовским князьям «пол-Копорья». Судя по данным писцовой книги, около 1500 г. Копорское поселение, состоящее из 18 дворов, было слишком не-

---

[6] НПЛ, с. 78.
[7] Там же, с. 323.
[8] Софийская первая летопись.— ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 200.
[9] Там же, с. 202.
[10] НПЛ, с. 346 сл.

значительным, чтобы делить его на две половины [11]. Речь, очевидно, идет о разделе не только Копорья, но и его округи на податные части. С первой доли «кормились» служилые князья. Что касается другой, то, по мнению В. Н. Бернадского, она могла принадлежать водским вождям, по заключению же В. Л. Янина,— белозерским князьям [12]. Существование копорской знати явно не литовского происхождения сомнению не подлежит. Один из таких представителей — «муж добр» упомянут летописью в 1338 г., а под 1386 и 1394 гг. отмечены копорские или копорейские князья. Возможно, что из этой же среды происходил Елисей Копорский, бывший новгородским тысяцким.

Раздел Копорья на два адресованные двум военачальникам и управителям кормления не случаен и, по-видимому, отражал две разграниченные системы обложения местного русского и водского населения. Данные новых археологических исследований как будто позволяют судить о поселениях «водской» половины Копорской округи. Одной из резиденций племенной знати, пунктом укрытия окрестного населения и созыва местного войска могло быть находившееся в 20 *км* юго-западнее Копорья укрепленное поселение у с. Кайболово [13]. Городище размером 150×120 *м* располагается в изгибе р. Сумы. С напольной стороны оно ограждено валом высотой 2—3 *м* и рвом. Поверхность вала покрыта выкладкой из плитняка. Городище обследовалось П. А. Раппопортом (1956 г.[14], Э. Ю. Тыниссоном (1960 г.), О. В. Овсянниковым (1971 г.) и Е. А. Рябининым (1974 г.) [15]. Исследователи отметили, что при шурфовке площадки городища культурных остатков не встречено. Лишь краеведу Д. И. Смольскому удалось обнаружить в обрезах дернового слоя обломки керамики примерно XIV в.[16] Отсутствие культурного слоя на большей части городища позволяет считать, что оно использовалось в качестве убежища окрестного населения и существовало приблизительно в пределах XIV в. (возможно и некоторое удревнение). Если признать Кайболовское городище водским племенным острожком XIV в. (что, как выяснено на примере Тиверского городка на Карельском перешейке, допускалось Новгородом), то его запустение, вероятно, связано с ликвидацией в середине XV в. автономии туземной знати, равно как и с отмиранием двух систем кормления [17]. Итак, на примере Копорья можно предположить параллельное сосуществование русского и водского податных секторов и относящихся к ним разных территорий и, может быть, и «городов» [18]. С этим явлением можно связать и созывы самостоятельных отрядов вожан, упомянутых в составе новгородской рати в событиях конца XIII—XIV вв.

Существование в районе Копорья, возможно, чудских укрепленных убежищ — явление относительно позднее. В домонгольские времена новгородско-водский погост располагался на самой Копорской горе, что подтвердили и археологические раскопки.

---

[11] Новгородские писцовые книги, т. III. СПб., 1868, стлб. 494.

[12] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л., 1961, с. 121, 122; *Янин В. Л.* Князья Копорские.— Вестн. МГУ. Сер. VIII, история, 1978, № 6, с. 14—24.

[13] Под названием Кайбала известно в Копорском уезде около 1500 г.

[14] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв.— МИА, № 105, 1961, с. 35 и рис. 22, ср. рис. 32 и 52.

[15] В 1977 г. Е. А. Рябинину удалось к востоку от Копорья близ дер. Воронино обнаружить еще одно типологически сходное с кайболовским городище. (Авторы благодарят Е. А. Рябинина за это сообщение.)

[16] Любезное сообщение Д. И. Смольского. Керамика находится в Кингисеппском краеведческом музее.

[17] В последний раз о пол-Копорье упомянуто под 1459 г. (Летопись Авраамки.— ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, с. 198).

[18] В конце XV в. 94% всех обеж Ямгородского и Копорского уездов принадлежало новгородским духовным и светским феодалам. Процесс феодализации земель Водской пятины завершился в XV в. без участия местной знати (ср. *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства.— ИЗ, № 6, 1940, с. 126, 127).

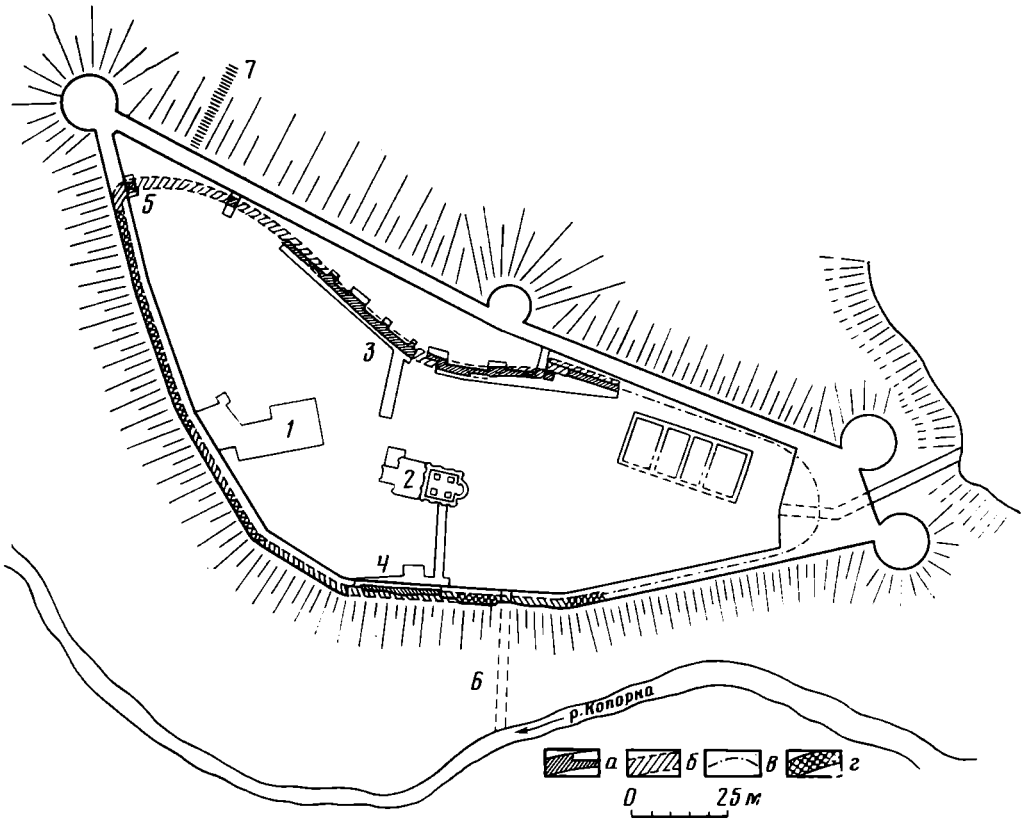


Рис. 1. Крепость Копорье. План с обозначением укреплений 1297 г. *1—5* — раскопы 1970—1973 гг., *6* — потайной ход 1297 г., *7* — потайной ход первой четверти XVI в. Условные обозначения: *а* — части стены 1297 г., раскопанные в 1970—1973 гг.; *б* — трассированные части той же стены; *в* — предполагаемое расположение той же стены; *г* — части стены 1297 г., сохранившиеся почти на полную высоту

В 1970—1973 гг. на территории крепости Копорье были заложены раскопы общей площадью около 650 *м*² (рис. 1). Стратиграфия культурных напластований, достигавших в среднем 2,2 *м*, на центральных участках крепостного двора оказалась приблизительно схожей. Сверху до глубины 1 *м* залегал пласт с находками XVII—XVIII вв. Далее следовали слои, датированные предметами XV—XVI и XIII—XV вв. (соответственно на глубине 1—1,5 и 1,6—2,2 *м* от дневной поверхности) [19]. Добытые предметы свидетельствовали, что начало постоянной жизни на Копорской горе совпало, по всей вероятности, с XIII в. Отметим изделия, показывающие, что среди жителей поселка находились как финны, так и русские. В нижнем слое, связанном с новгородским периодом Копорья, найдены следующие бронзовые вещи: типично эстонская двуспиральная булавка — украшение головной повязки замужней женщины [20], двурогая булавка — держатель нагрудных украшений, также распространенная у западных финнов [21]; привеска в форме конуса, украшенного зигзагообразным орнаментом с тремя ушками для цепочек [22] (рис. 2, *1—3*). Эти находки для води не характерны и, вероятно, указывают на присутствие в Копорье в первой

[19] *Овсянников О. В.* Отчеты об археологических работах в крепости Копорье за 1970—1973 гг.— Архив ИА АН СССР, р-1, 4288; р-1, 4506; р-1, 4880; р-1, 5531.

[20] *Селиранд Ю.* Украшения для головных повязок с булавками с парноспиральной головкой.— В сб.: От эпохи бронзы к раннему феодализму. Таллин, 1966, с. 150 сл.

[21] *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed vara feodaalsete suhete türkamise perioodil. Tallin, 1974, p. 145.

[22] *Третьяков П. Н.* Костромские курганы.— ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, табл. III, *6*, *8*.

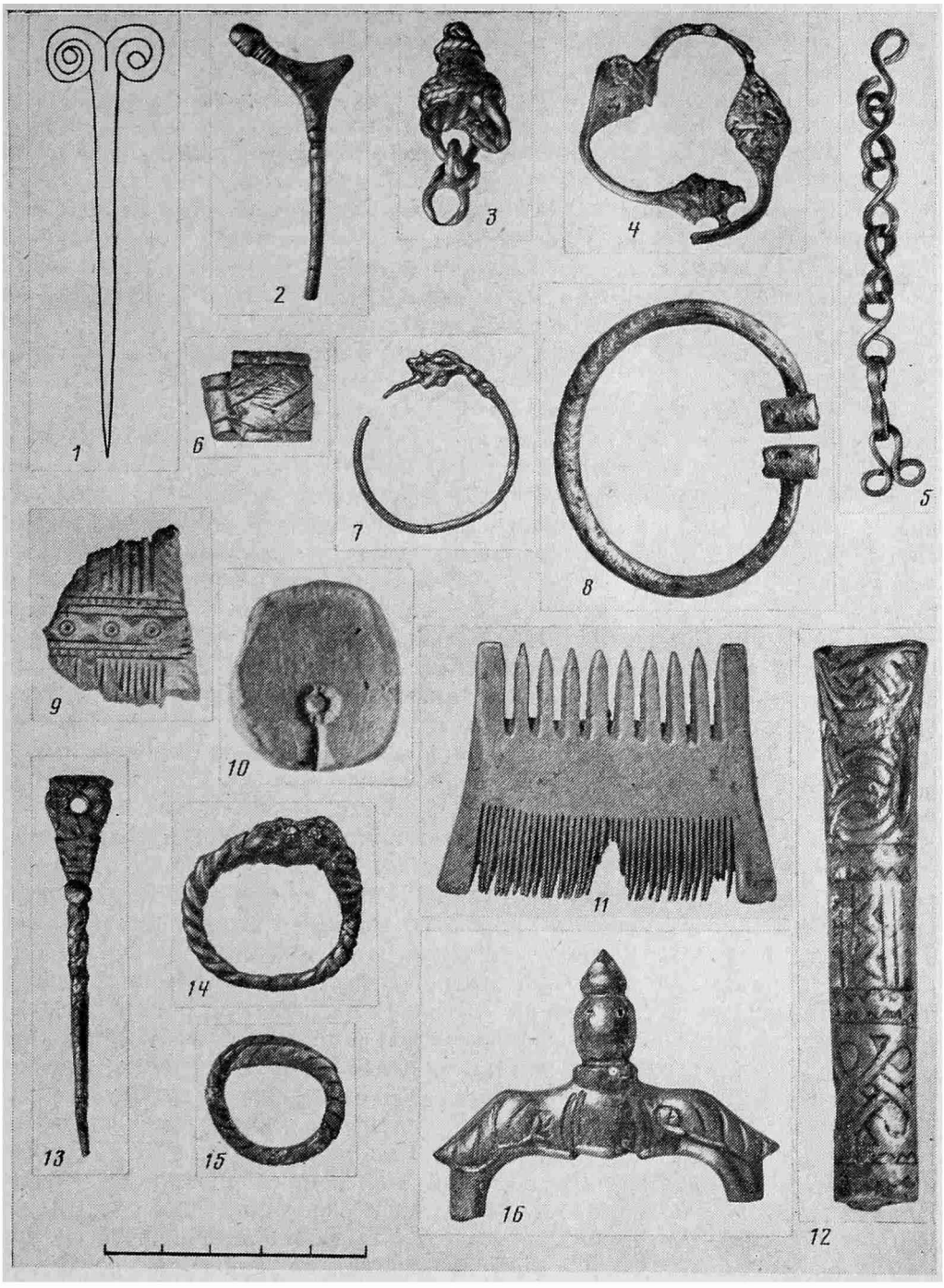


Рис. 2. Находки из слоя XIII—XV вв. *1—8, 13—16* — бронза; *9, 11* — кость; *10* — камень

половине XIII в. кроме води эстонской чуди, что засвидетельствовано и летописью [23]. В этом же нижнем пласте оказались относящиеся к XIII—XIV вв. вещи, в большинстве, видимо, обычного новгородского облика: ромбощитковое височное кольцо с классическим для этого рода украшений орнаментальным крестиком на каждой лопасти; одежная бронзовая булавка с отверстием на плоском конце [24]; обломок пластинчатого узко-

[23] НПЛ, с. 450. На это обстоятельство наше внимание обратил Е. А. Рябинин.

[24] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, № 65, 1959, рис. 5, *11*, с. 241.

конечного браслета, орнаментированного зигзагообразной линией[25]; два ложновитых бронзовых перстня; два костяных двусторонних гребня; три шиферных пряслица; формочка для отливки бляшек и обломок литого бронзового навершия (рис. 2, *4, 6, 9—11, 13—16*). Новгородскими по форме следует считать и глиняные горшки с плавно изогнутым венчиком и внутренним валиком, восходящие по своему типу к образцам XII в. В керамике нижнего слоя эта посуда преобладает.

Среди вещей первоначального поселка оказались и этнически пока неопределимые украшения: необычное порождение средневековой моды XIII в.[26] — височное кольцо со звериной головой и подковообразная фибула с валиковыми увенчаниями (рис. 2, *7—8*). Только из нижнего слоя происходят все найденное оружие — наконечники двух копий и пяти стрел. Этнически они «нейтральны» и могли служить ратникам и охотникам XIII—XIV вв.

Застройка поселка состояла из срубных домов, один из которых удалось выявить в том же нижнем слое в центральной части крепостного двора. Сооружение погибло от пожара: на площади 6×3,6 *м* сохранились обуглившиеся окладные бревна сруба и основание глинобитной печи. Анализ сгоревшей древесины, проведенный в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР, позволил датировать его первой половиной XIV в. Приведенная дата интересна в связи с перечнем находок в постройке. Здесь при расчистке пола найдены медная цепочка, железные ножи, бронзовый рыболовный крючок, детали бочки, бронзовая рукоять ножа (рис. 2, *5, 12*). Если медная цепочка из S-образных звеньев известна в финских древностях[27], то рукоять ножа украшена характерным для Новгорода и городов его провинции плетеным орнаментом и является произведением городской мастерской. Таким образом, русско-чудской культурный симбиоз, насколько это удается уловить археологически, существовал в Копорье не только в XIII, но XIV в.

Главнейшей задачей исследований в Копорье явилось изучение крепостных сооружений, протянувшихся на 550 *м* и окружающих пространство около 1 *га*. И в существующем виде Копорская твердыня, несмотря на катастрофические разрушения, поражает мощью и величием своих стен и башен, высящихся на известковой скале над глубоким (до 30 *м*) каньоном р. Копорки. Главные оборонительные узлы крепости сосредоточены с приступной напольной северной и северо-восточной стороны (рис. 1). Здесь расположены все четыре круглые башни. От противоположного склона оврага их отделяет пространство 50—80 *м*. Характерно, что именно с указанной стороны происходили все известные по источникам второй половины XVI — начала XVII в. осадные бомбардировки крепости[28]. Напротив, преграда, обращенная к р. Копорке, отдалена от ее дальнего берега, так называемой Стрелинской горы, примерно на 130—150 *м*. Вплоть до второй половины XVII в. такое расстояние для осадных «проломных» пушек было слишком значительным для прицельного сокрушения каменной преграды. К тому же ввиду крутизны высокого склона штурм с этой стороны был бы чрезвычайно затруднен. По преданию, брешь в южной стене, в так называемом «рухлом месте», пробили лишь русские орудия во время пятидневной осады Копорья в 1703 г.[29] Из при-

[25] *Спицын А.* Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, № 20, 1896, табл. XIII, *25*.

[26] *Савельева Э. А.* Лузская пермца. Сыктывкар, 1972, табл. 20, *2*.

[27] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, Abb. 1106.

[28] Так, в 1612 г. шведы из шести мортир обстреливали одну из круглых башен крепости, что в конце концов вынудило защитников к сдаче (Sveriges krig, Bd 1. Stockholm, 1936, S. 395).

[29] Во второй половине XVII в. Копорское укрепление стало рассматриваться шведами как «более вредное, чем полезное». Его даже предлагали взорвать, но оставили как убежище для окрестных жителей на случай военных действий (*Кальюнди Е. А. и Кирпичников А. Н.* Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году.— ССб., т. XX, 1975, с. 77).

веденных данных становится очевидным, что именно несходные защитные свойства рельефа местности предопределили вековое разделение фронтов обороны Копорья на приступной и тыловой.

Укрепления Копорья не только рассчитаны на разную, в зависимости от своих подступов, оборону, но и сами неоднородны и сооружены явно в разное время. К сожалению, письменные источники, столь подробно сообщающие о начальном периоде строительства Копорской крепости, молчат о ее последующей реконструкции, несомненно имевшей место в пору применения пороха и пушек. О такого рода перестройках свидетельствуют и инженерные особенности сооружения, несходные на приступной и тыловой сторонах. Серьезную попытку разобраться в разностильных и разновременных кладках древнего Копорья предпринял В. В. Косточкин. Весь северный и восточный фронт крепости исследователь справедливо отнес к эпохе огнестрельной артиллерии [30]. Действительно, четыре пятиярусных башни высотой 20 *м* и пятиметровые в основании стены со стрелковыми бойницами по верху, замысловатое, двухпролетное воротное устройство с подъемным мостом и опускными решетками, бойницы с печурами, сводчатые казематы в первых ярусах башен — все рассчитано на противоборство «огнестрельному» нападению.

Что касается южной и юго-западной стороны крепости, то В. В. Косточкин на основании техники кладки стен связал их с новгородской постройкой конца XIII в. Разделение копорского архитектурного комплекса на два основных строительных блока достаточно обосновано, однако общее заключение В. В. Косточкина о том, что крепость Копорье целиком следует признать новгородской (а не московской) постройкой, выполненной в конце XIII в. и во второй четверти XV в.[31], вызывает сомнение.

Предложенная В. В. Косточкиным новая дата реконструкции стен Копорья, вызванная применением огнестрельного оружия и определенная не рубежом XV и XVI вв., как считалось ранее [32], а второй четвертью XV в., представляется нам спорной. Если согласиться с таким удревнением сооружения на 50—70 лет, то Копорье оказывается едва ли не первым на Руси произведением полностью сформировавшейся пушечной фортификации. Оснований для такого ответственного заключения, по нашему мнению, пока нет. В. В. Косточкин прав, когда утверждает, что усиление крепостей вследствие воздействия пороха и пушек имело место уже в первой половине XV в.[33] Однако на примере Копорья мы сталкиваемся не с отдельными усовершенствованиями, а с целой системой разработанных инженерных нововведений, появившихся, очевидно, не ранее 70—80-х годов XIV в., только после того, как артиллерия набрала силу и оказала преобразующее влияние на устройство оборонительных объектов. Действительно, в последней трети XV в. пушки оказались способными пробить крепостные стены. При осадах городов стали использоваться не отдельные гигантские бомбарды, а целые батареи. Это повлекло ускоренные изменения фортификации, и при этом в общеевропейском масштабе. Что касается Копорья времен «пушечного» воздействия, то оно органично входит в ряд локальных по дате (конец XV — первая четверть XVI в.) таких северорусских крепостей, как Ивангород, Ямгород, Орешек, Псков (Гремячая башня), Нижний Новгород. Все эти сооружения принадлежат к единой школе военного строительства, закономерно оформившейся на всем севере страны после 1496 г.[34] Этой школе присущи стандартные ка-

---

[30] *Косточкин В. В.* К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV — начала XVI веков.— МИА, № 77, 1958, с. 102; *его же.* Новые данные о крепости Копорье.— СА, 1960, № 3, с. 262.

[31] *Косточкин В. В.* Новые данные..., с. 271.

[32] *Богусевич В. А.* Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладоги, Порхова и Копорья. Новгород, 1940, с. 42.

[33] *Косточкин В. В.* Новые данные..., с. 265.

[34] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976, с. 65, 66.

менные конструкции, систематически расставленные пушечные башни, артиллерийские бойницы с печурами, использование сводчатых перекрытий и внутренних лестниц, особая по тщательности кладка с применением крупных облицовочных блоков плитняка, фронтальное и фланкирующее огневое обеспечение, основанное на сочетании пушечной и оружейной стрельбы. Строители этих сооружений — итальянцы, греки, русские — обладали высокой инженерной квалификацией и использовали передовые общеевропейские фортификационные знания. Отмеченные укрепления, однако, чужды строгой регулярности и шаблонного геометризма в разбивке плана и расстановке башен. Единообразие проявлялось не во всей конструкции, а лишь в инженерных деталях. Так, в Копорье башни расположены на расстоянии 15—110 *м* в зависимости от проходимости и доступности окружающей местности. Что же касается, например, таких деталей башен, как пушечные (на просвет 18×75 *см*) [35] и окнообразные стрелковые (на просвет примерно 50×80 *см*) бойницы, входы, поэтажные объемы и др., то они в зависимости от ярусов почти полностью совпадают по своим размерам.

Обращают внимание камеры и переходы с пушечными боями, устроенными в стенах и лестничных коридорах непосредственно около башен и подошвенные амбразуры (в Копорье они в трех случаях сдвоены с широкими, заложенными снаружи арками — возможно, нишами для хранения боеприпасов или, в случае разборки передней стенки, контрбатарейными для крупных орудий бойницами), обнаруженные в пряслах стен. Все эти приспособления, предназначавшиеся для усиления огневой защиты подступов к башням и стенам, в русском оборонном зодчестве появились лишь в конце XV в.[36]

В. В. Косточкин связывает радикальную перестройку Копорья с деятельностью архиепископа Евфимия II (1429—1458 гг.). Однако источники, подробно перечисляющие постройки новгородского владыки, переустройства Копорья не отмечают. Зафиксированные летописью и весьма скромные по сравнению с гражданскими оборонные работы этого деятеля в Ладоге и Новгороде носили ремонтный характер и только в одной Яме были связаны с расширением прежней крепости [37]. Полагаем, что умолчание источников о предполагаемой перестройке Копорья во второй четверти XV в. не случайно, силы Новгородского государства в тот момент были сосредоточены на укреплении Ямы, а Копорье как военный форпост отошло на второй план. К тому же в середине XV в. новгородские градодельцы и трудившиеся с ними иноземные зодчие (по В. В. Косточкину, в Копорье — сербы) еще не были готовы к созданию такой инженерно сложившейся пушечной новации [38], которую мы видим на северном и восточном фронтах Копорской крепости

Все сказанное не означает, что Копорские укрепления не подвергались переделкам в новгородский период их существования. Однако эти

---

[35] При установлении единообразия пушечных бойниц следует отметить, что угол поворота оружия в большинстве из них допускался равным 45°. В башнях и стенах Копорья, по нашим подсчетам, имелось около 60 пушечных и не менее 90 стрелковых бойниц.

[36] Ср. *Алешковский М. Х.* Каменные стражи. Л., 1971, с. 66.

[37] *Косточкин В. В.* Новые данные, с. 270. Касаясь воротного устройства Копорской крепости, В. В. Косточкин усмотрел в нем видоизменение рукавчатого захаба новгородских и псковских оборонительных сооружений (см. *Косточкин В. В.* О мастерах крепости Копорье.— В сб.: Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М., 1963, с. 211). После работ архитектора И. А. Хаустовой выяснилось, что рукавчатый изгиб воротного проезда возник в результате работ XVI в., а первоначально этот проезд был прямолинейным. Пользуясь случаем, благодарим И. А. Хаустову за предоставление некоторых чертежей Копорья.

[38] Лишь во второй половине XV в. артиллерия достигла такой эффективности, что оказала преобразующее влияние на развитие фортификации (ср. *Tuulse A.* Burgen des Abendlandes. Wien — München, 1958, S. 205).

усовершенствования, по-видимому, были предприняты в период более ранний, чем правление Евфимия II. Ныне этот этап оборонительных работ архитектурно опознан[39], он (о чем еще скажем ниже) заключался в увеличении высоты первоначальных стен примерно на 2 *м*. В Нижнем городе Таллина такого рода надстроечные работы имели место между 1373 и 1413 гг. в Висби[40] — после 1361 г., в Новгороде — в 1361 г. Вероятно, в тот же период произошла надстройка и Копорья, что примерно совпадает с усилением крепостных сооружений русского северо-запада, наиболее активно происходившим, как убедительно выяснил В. В. Косточкин, в 1370—1390 гг.[41]

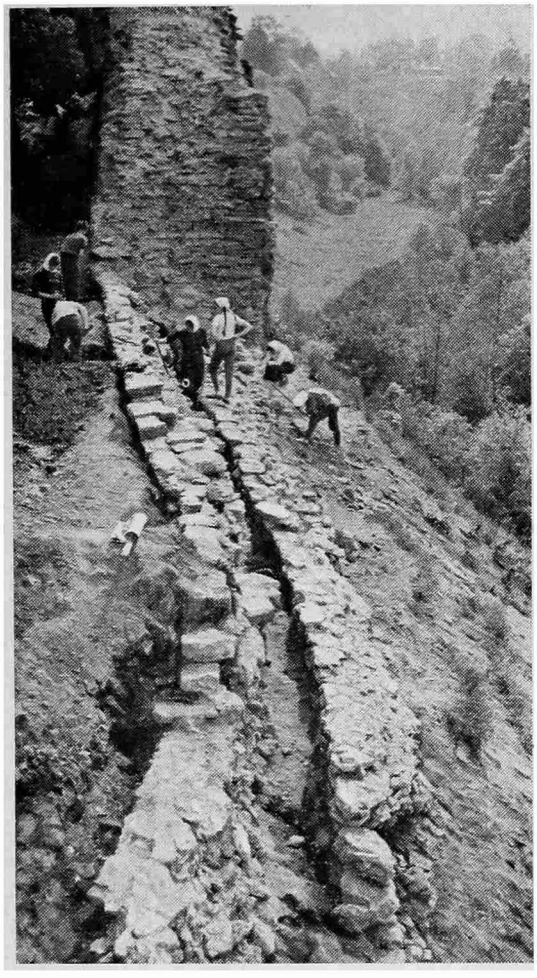


Рис. 3. «Рухлое место» в процессе раскопок. Видна стена 1297 г. с внутренней прикладкой

Возвращаясь к обсуждению времени постройки северных и восточных укреплений Копорья, приведем новые данные в пользу их, так сказать, московской даты. Во время раскопок 1970—1973 гг. удалось добыть спилы несомненно первоначальных деревянных связей, пригодные для дендрохронологического определения. Правда, на них отсутствовали наружные кольца, так что дата оказалась более ранней, чем действительный год порубки, Древесина, извлеченная из стен Средней башни, датировалась 1442, 1513 и 1515 гг. С учетом исчезнувших наружных слоев датой рубки деревьев можно считать 1520—1525 гг[42] Эти цифры подсказывают годы строительства Копорья с помощью приезжих инженеров, посланных, очевидно, правительством Василия III.

Архитектурно-археологические изыскания позволили не только уточнить верхнюю дату части копорских стен, но открыть и изучить те из них, которые В. В. Косточкиным справедливо отнесены к концу XIII в. Эти последние были открыты и иссследованы в южной, западной и северных частях нынешней Копорской крепости. В южной части крепости на месте пролома (по преданию, бреши 1703 г.— так называемого «рухлого места») в раскопе длиной 24 *м* была обнаружена состоящая из трех, видимо, разновременных частей стена шириной 3,8 *м* (рис. 3). Сердцевина стены

[39] Обследование произведено в 1977 г. А. Н. Кирпичниковым и В. А. Назаренко.

[40] *Добель Р. Э.* Средневековые оборонительные сооружения Нижнего города в Таллине (XIII—XVI вв.).— Автореф. канд. дис. Таллин, 1971, с. 22, 23; *Eckhoff E., Janse O.* Visby stadsmur. Stockholm, 1936, p. 321.

[41] *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков. М., 1962, с. 111. Около 1400 г. на северо-западе Руси стены стали не только повышать, но и утолщать. Не исключено, однако, что стены в Копорье были повышены после 1400 г. Именно в первой половине XV в. распространились окнообразные бойницы для стрелков из ружей, устраивавшиеся на верху стен (*Widawski J.* Miejskie mury obronne w państwie polskim do początku XV wieku. Warszawa, 1973, p. 45).

[42] Датировка спилов произведена в лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР Н. Б. Черных, которой авторы выражают искреннюю благодарность. Упомянутые выше спилы происходят от связей 2-го и 3-го ярусов Средней башни.

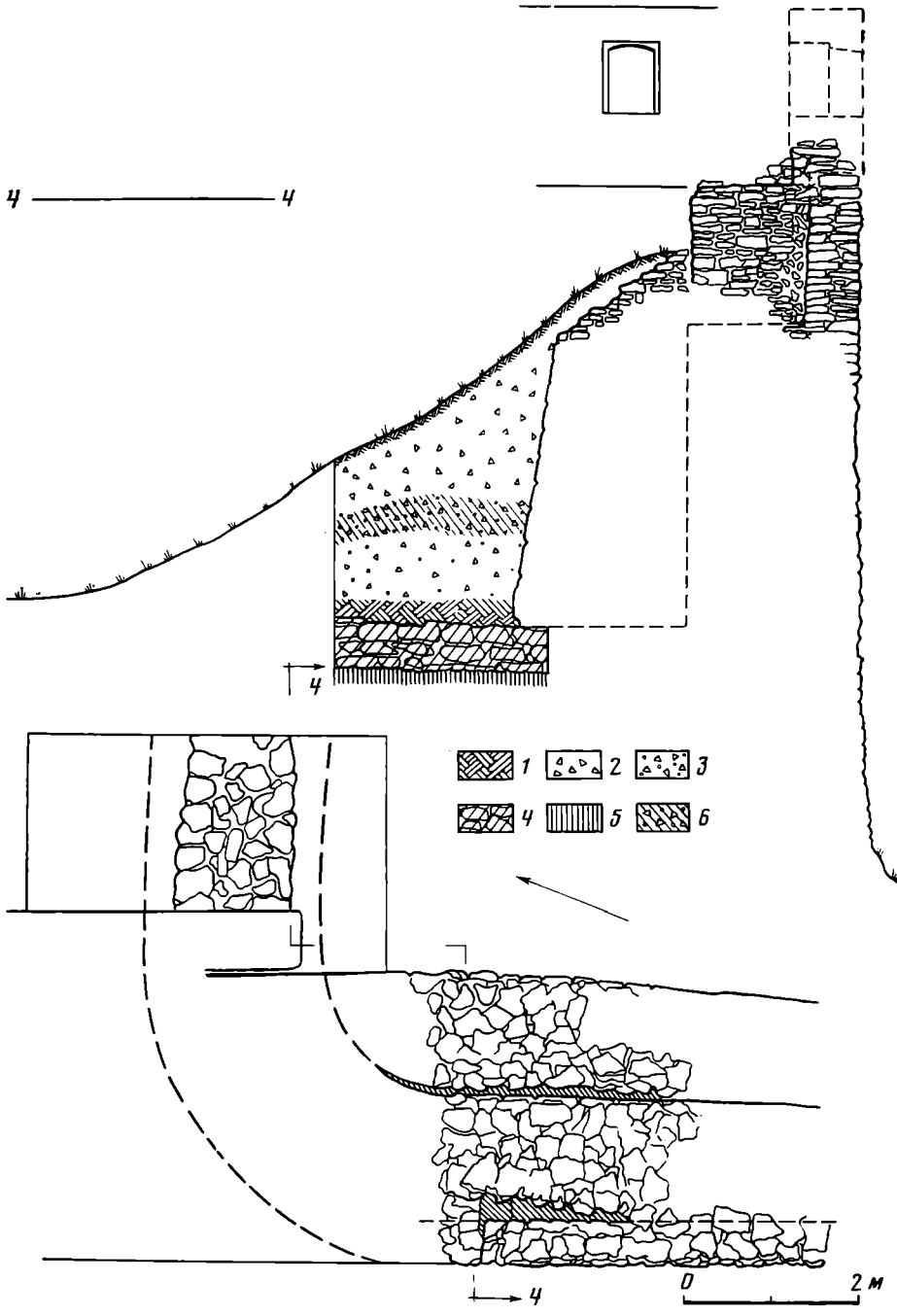


Рис. 4. Стена новгородского Копорья у северо-западной башни начала XVI в. План и профиль (с обозначением брустверной надстройки и бойницы 1360—1390 гг.). *1* — темный гумус; *2* — обломки плиты; *3* — строительный мусор, щебень; *4* — стена 1297 г. в разрезе; *5* — материк; *6* — строительный мусор с землей

толщиной 1,6—1,8 *м* сложена из известняковых, неправильно обколотых плит толщиной до 12 *см*, пролитых кремовым известковым раствором с примесью крупного песка, толченой плиты и местами цемянки. Прикладки сложены из плит, более тщательно обработанных, но на рыхловатом, рассыпающемся красно-коричневатого оттенка растворе с большой примесью песка и толченого известняка, но без цемянки. Со стороны крепостного двора прикладка примыкала к лицевой кладке без перевязки (здесь имеется стыковочный шов) и явно предназначалась для утолщения пре-

грады на 1,6 *м*. К тому же и заложена она не на материке, а на культурном слое новгородского времени толщиной 0,7 *м*, что и определяет время ее возведения — по-видимому, не ранее XV в. Кладка, похожая на описанную выше, примыкала к оказавшейся в середине стене и с противоположной южной стороны. Судя по тому, что стыковочный шов здесь неровен и лицевых поверхностей нет, речь идет о ремонтной чинке, положенной по старому ложу [43]. Таким образом, описанные прикладки примыкали к преграде, достигавшей первоначально 2,2 *м* толщины [44]. Поскольку «срединная» стена заложена непосредственно на скалу и никаких других преград в этом месте не встречено, ее можно считать относящейся к новгородскому Копорью постройки скорее всего 1297 г.[45] Последующие исследования во всем подтвердили эту дату.

Установление характера первоначальной стены в «рухлом месте» позволило приступить к ее поиску и на других участках ограды крепости, в том числе и там, где она сохранилась над землей. Результат получился неожиданным. В толще стены у северо-западной башни внимание привлек полуобвалившийся массив. Выяснилось, что в этом месте первоначальная стена (толщина ее около 2 *м* в основании) сохранилась почти на полную высоту (достигая от подошвы со стороны обрыва 7,5 *м*; рис. 4), включая площадку боевого хода и брустверт толщиной 0,6 и высотой 1,4 м. Столь поразительная сохранность конструкции объясняется тем, что она была надстроена и затем утолщена с тыловой стороны на 1,6—1,7 *м*, в той же манере, как это и было отмечено при описании прикладки у «рухлого места». Техника кладки и раствор опознанной новгородской преграды совпали с тем, что было обнаружено в «рухлом месте». Стало ясно, что первоначальная ограда в той или иной степени сохранности во «встроенном виде», очевидно, существует в составе южной и юго-западной «архаической» стены Копорья на протяжении примерно 190 *м*.

Стена 1297 г. заложена на самом краю крутого склона, в плане она криволинейна, точнее состоит из нескольких слегка изогнутых сочленений. Оконечности стены стыкуются с преградой московской поры. В. В. Косточкин первый заметил, что эта преграда состоит из разнородных частей [46]. Теперь это наблюдение можно углубить. Во время натурного исследования стены в 1977 г. удалось на основании раствора и техники кладки на четырех участках (общей длиной 100 *м*; рис. 1) выделить ее первоначальные, сохранившиеся почти на полную высоту части. С внешней стороны эта преграда сложена из крупных обработанных грубым сколом плит размером 12—25 (обычно 16×23) × 28—80 *см* (чаще 30—66 *см*). По мере повышения стены (примерно на $^2/_3$ ее высоты) крупные квадры заменяются более тонкими, размером 6—12×39—60 *см*. Рядность кладки приблизительна, толщина швов 3—4 *см*, кое-где заметны плашмя уложенные плиты и пустоты от пальцев строительных лесов. Зоны более поздних перекладок распознаются по стыковочным швам и кладке из плит (не утончающихся по мере подъема) на красновато-коричневом с примесью мелкого песка рассыпчатом растворе. Хотя перекладка производилась от подошвы, она часто поверхностна и при вывалах обнажает первоначальную стену. Неожиданной была находка у подножья стены заложенного арочного проема шириной 1,5 *м*, от которого по откосу горы к р. Копорке тянулась ложбинка — след обвалившегося свода, вырубленного в скале потайного хода к воде (рис. 1). И раствор, и техника кладки сооружения

[43] Обращенная к южному обрывистому фронту стена в этом месте заложена частично на склоне и поэтому была подвержена деформациям и ремонтам.

[44] Трехчастный характер исследованной кладки виден и в торцах сохранившихся над землей стен, примыкающих с запада и востока к «рухлому месту».

[45] Эту стену мы далее условно называем первоначальной, хотя нельзя исключить существования в ее основе каких-то частей, возведенных еще в 1280 г. Летопись, правда, отмечает тотальное разрушение первого каменного Копорья, но так ли было на практике, неизвестно.

[46] *Косточкин В. В.* Новые данные..., с. 266 сл.

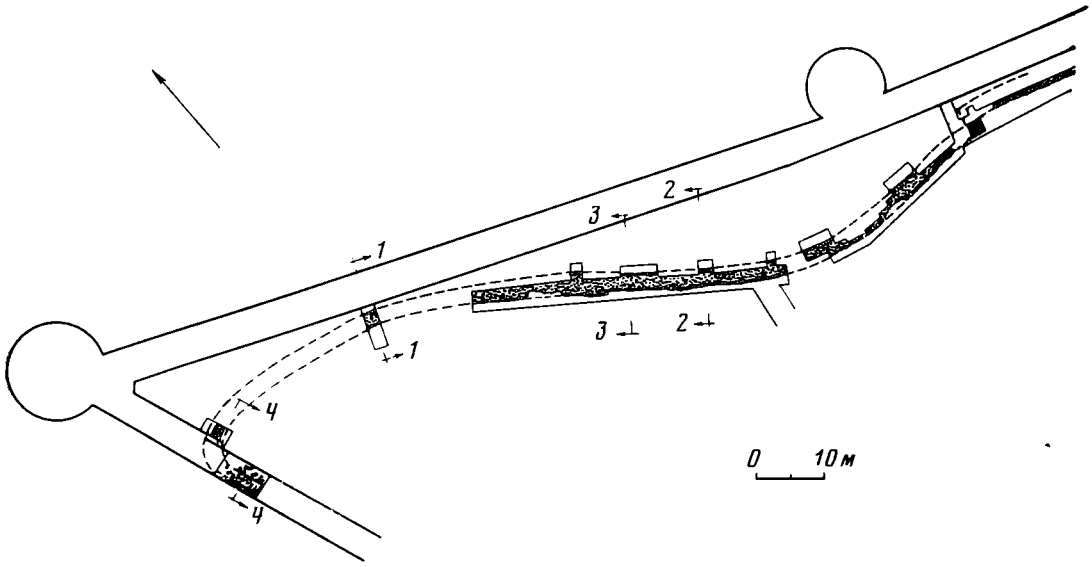


Рис. 5. Стена 1297 г. План северной и северо-западной стороны

оказались тождественными стене 1297 г. Таким образом, речь идет о древнейшем известном источнике водоснабжения средневековой русской крепости [47]. Все это расширяет наши знания об устройстве первых древнерусских каменных преград, их размерах и возможностях ведения активной стрелковой защиты с верха стен. Копорская стена конца XIII в. действительно близко сопоставима с археологически недавно открытой Ладожской, построенной в 1114 г.[48]

Верх копорской стены 1297 г., как упоминалось выше, был надстроен, вероятно, не ранее последней трети XIV в. В обвале у северо-западной башни начала XVI в. видно, что площадка нового боевого хода на 1,6 *м* возвышается над первоначальной. В этом же месте сохранилось и основание бруствера шириной 0,8 *м*. Этот бруствер в ряде мест рассматриваемой стены уцелел на полную высоту — 2 *м*. На расстоянии 6,5 *м* друг от друга его прорезают стрелковые бойницы, равные на просвет 50×72 *см* (они затворялись щитом и засовом; рис. 4, верх). Бруствер сложен из правильно отесанных камней 10—14×26—60 *см* на растворе, близком к использованному в 1297 г. Общая высота преграды, какой она достигла после надстройки, составляет 9,6 *м* в ее западной части и 10,8 *м* в восточной [49]. Таким образом, устанавливается, что в основе модернизации прежней стены 1297 г. лежало стремление увеличить высоту стрелковой обороны и тем самым усилить вертикальную недоступность преграды. В целом, выделение второго строительного этапа укрепления новгородского Копорья открыло детальную картину развития конструкции оборонительных сооружений в начальный период появления огнестрельного оружия.

Наряду с изучением стены новгородского времени в южной и юго-западной частях крепости были предприняты ее поиски и в северной, где, как упоминалось, высится сооружение начала XVI в. Здесь искомая стена обнаружена на протяжении 140 *м*, она находится рядом с преградой нача-

---

[47] Старейшие потайные ходы относят к XV в. (*Раппопорт П. А.* Очерки..., с. 156). После реконструкции Копорья в начале XVI в. был построен другой потайной ход, расположенный с северной стороны крепости (рис. 1, *7*).

[48] *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяславль-Южный — каменные крепости раннесредневековой Руси.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977, с. 422.

[49] Для ликвидации перепада высот боевого хода он в западной части был еще раз надложен во время утолщения южной и юго-западной стены, что произошло, как уже отмечалось выше, не ранее XV в.

ла XVI в.[50] Располагалась она также на кромке холма, повторяя своими плавными изгибами его конфигурацию (рис. 5 и 7). Стена построена в характерной манере: лицевая кладка сложена из обработанных грубым сколом довольно толстых известняковых квадров (15—25×20—40 *см*; рис. 6). Внутреннее пространство между двумя лицевыми стенками забутовывалось мелкими обломками того же силурийского известняка, пролитого раствором, аналогичным раствору «срединной» кладки «рухлого места». Открытая стена при толщине 2—2,8 *м* практически не имела фундамента, так как покоилась на материковом предскальном грунте — зеленоватой глине.

Рис. 6. Лицевая кладка той же стены

Кладка стен сохранилась на высоту от 0,7 до 1,7 *м* и перекрыта развалом времени разрушения ее верхних частей. В западной половине обнаруженной стены замечен небольшой уступ, отмечающий ее изгиб (рис. 1 и 7, *б*). Подобные коленчатые уступы характерны для крепостей XIII в. и также обнаружены в Ладожском укреплении 1114 г. По-видимому, такой же уступ существовал и в восточной половине стены. Здесь она частично разбита до основания при рытье поздних могил и попаданием авиабомбы. Вначале казалось, что в этом месте находятся остатки входа, но вернее предполагать здесь еще один уступ, связанный с изгибом стены. Восточный уступ, однако, отличался от западного выносом к фронту на толщину стены. Это требовало объяснения, что и было подсказано данными археологии. При расчистке неразрушенного останца стены, связанного с упомянутым уступом, была обнаружена круговая выкладка из лицевых камней диаметром 1,5 *м* — след винтовой лестницы (рис. 8). Этой необычной детали подыскана далекая, но точная, вплоть до всех размеров, аналогия. Речь идет о винтовой лестнице в уступе стены у Нарбонезских ворот г. Каркассона (около 1285 г.), которая вела к несколько приподнятой над уровнем земли бойнице, фланкирующей уступ стены[51]. В Копорье бойница, соединенная с лестницей, не сохранилась, но можно предположить, что она существовала и была направлена вдоль северного прясла в северо-западном направлении (рис. 9). Таким образом, весьма вероятно, что уступ копорской стены имел не только конструктивное, но и защитное назначение. Это и объясняет его значительную толщину. Если трактовка копорской лестницы сопоставима с каркассонской и в отношении соединенной

[50] В связи с тем, что рассматриваемая стена в будущем будет снова обнажаться реставраторами, она, в интересах ее сохранности, раскапывалась по системе трассированных отдельных раскопов. Этот метод обусловлен интересами охраны подлежащих консервации архитектурных памятников.

[51] *Viollet-le-Duc E.* Dictionnaire raisonné de l'architecture Française du XI siecle an XVI, t. VII. Paris, 1875, p. 336, fig. 18; p. 337. Диаметр такого рода лестниц не превышает 2 *м*, а толщина простенка равна 0,25—0,6 *м*, т. е. представляет кладку всего в один-два камня.

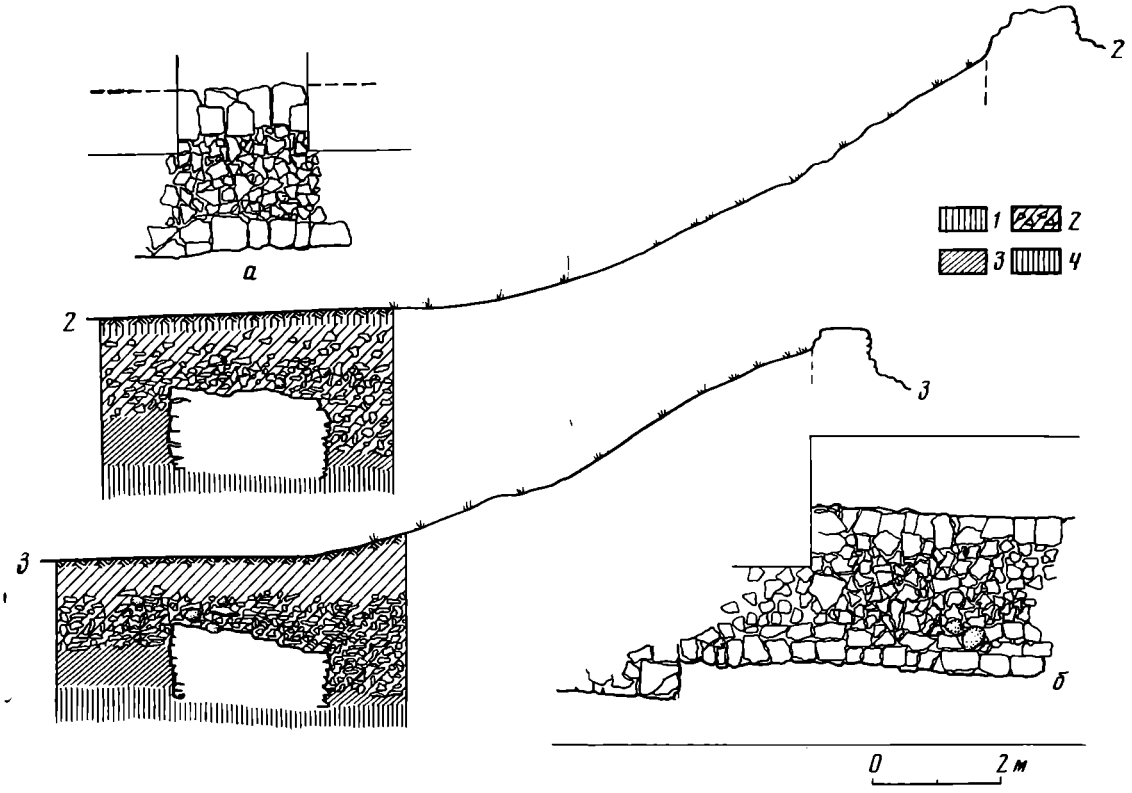


Рис. 7. Стена 1297 г. Разрез по линии 2(*а*) и 3(*б*). *1* — серая земля; *2* — развал стены 1297 г.; *3* — темный гумус — слой XIII—XV вв.; *4* — материк

с ней бойницы, то мы сталкиваемся едва ли не с первым в древнерусском каменном зодчестве свидетельством о существовании отдельной внутристенной бойницы с особым лестничным всходом. Выяснение этого обстоятельства показывает, в каком направлении работала инженерная мысль в пору, предшествующую появлению систематически расставленных фланкирующих башен. Что касается самого принципа фланкирования, то он появился в Северной Европе в доогнестрельное время, в последней четверти XIII в.[52] Новгородская Русь из этого ряда, возможно, не выпадает.

Возвращаясь к северной стене, отметим, что ее «летописная» датировка обосновывается ее устройством (криволинейный план, толщина до 2,8 *м*, уступы на изгибах, исчезнувшие у сооружений, в период зрелого средневековья), напоминающим об оборонительных сооружениях XII—XIII вв. Кроме того, о времени сооружения этой преграды можно судить по находкам обломков керамики прилегающего культурного слоя толщиной 0,6—0,8 *м*. Слой относится, как упоминалось, к новгородскому времени Копорья и частью нарастал в период функционирования ограничивающей его распространение военной постройки (рис. 7). При изучении стены не было замечено следов ее поновления или утолщений, что говорит о том, что она, очевидно, в надстроенном виде существовала вплоть до ее разрушения в начале XVI в.

Археологические исследования позволили судить о расположении и размерах крепости конца XIII в. Открытая в северной части крепостного двора стена одним своим концом уходит в сторону постройки XVII в.— комендантской канцелярии, другим смыкается с южной, нами ранее описанной преградой[53]. Таким образом, достоверно очерчивается западная и

[52] *Tuulse A.* Borgar i Västerlandet. Stockholm, 1952, p. 193.

[53] Утолщающая изнутри южную преграду XIII в. прикладка сбоку и сверху закрыла место соединения северного и южного прясла новгородского Копорья. Это

Рис. 8. Основание винтовой лестницы

центральная часть древнейшей Копорской крепости. Границы ее восточной части, вероятно, проходят под воротным устройством XVI в. Зондажами архитектора И. А. Хаустовой установлен здесь край скального уступа. На нем естественно и предполагать восточную стену новгородского Копорья; здесь же, по всей видимости, помещался и древний въезд. Общая площадь огражденной территории составляет несколько меньше 1 *га* (рис. 1).

Таким представляется Копорье конца XIII в.— редчайший памятник русской каменной фортификации доогнестрельного периода, первенец северорусских каменных крепостей зрелого средневековья. О боевых качествах этого сооружения можно судить по криволинейным замкнутым стенам, рассчитанным на ведение фронтального огня. Не оказалось и средистенных башен, их строительство начнется на северных рубежах Руси с середины XIV в. Функции этих башен выполняли уступы, преграды, с которых, возможно, велся фланкирующий огонь. Похоже, что вплоть до середины XIV в. стены новгородского Копорья не испытали явных перестроек. Они развернулись близко к рубежу XIV и XV вв. и были связаны с круговой надстройкой стен. В дальнейшем, очевидно уже в московский период, часть прежних стен была сломана, а часть утолщена. К слову сказать, эти работы выглядят значительно грубее, чем это осуществлялось в новопостроенных в начале XVI в. сооружениях северного и северо-восточного фронта [54].

В период возведения в начале XVI в. «огнестрельной» крепости, при всей новизне самого сооружения и удвоении и даже утроении по сравнению с постройкой XIII в. его объемов, полного разрыва строительной традиции не произошло. В Копорье московской поры употреблены сходные с новгородскими, вплоть до размеров, окнообразные стрелковые бойницы и сохранен ритм их размещения через каждые 6 *м*. Новая крепость немного расширила территорию двора и унаследовала от своей новгородской предшественницы ее общий план и разделение стен по степени доступности и обороноспособности на два фронта. На летописном языке это

лишнее доказательство того, что эта прикладка сооружена не ранее времени частичного разрушения первоначальной северной стены, возможно, в период «огнестрельной» реконструкции крепости.

[54] Усиление южного фронта, возможно, произошло не одновременно со строительством северного, настолько несходна в этих местах манера кладки.

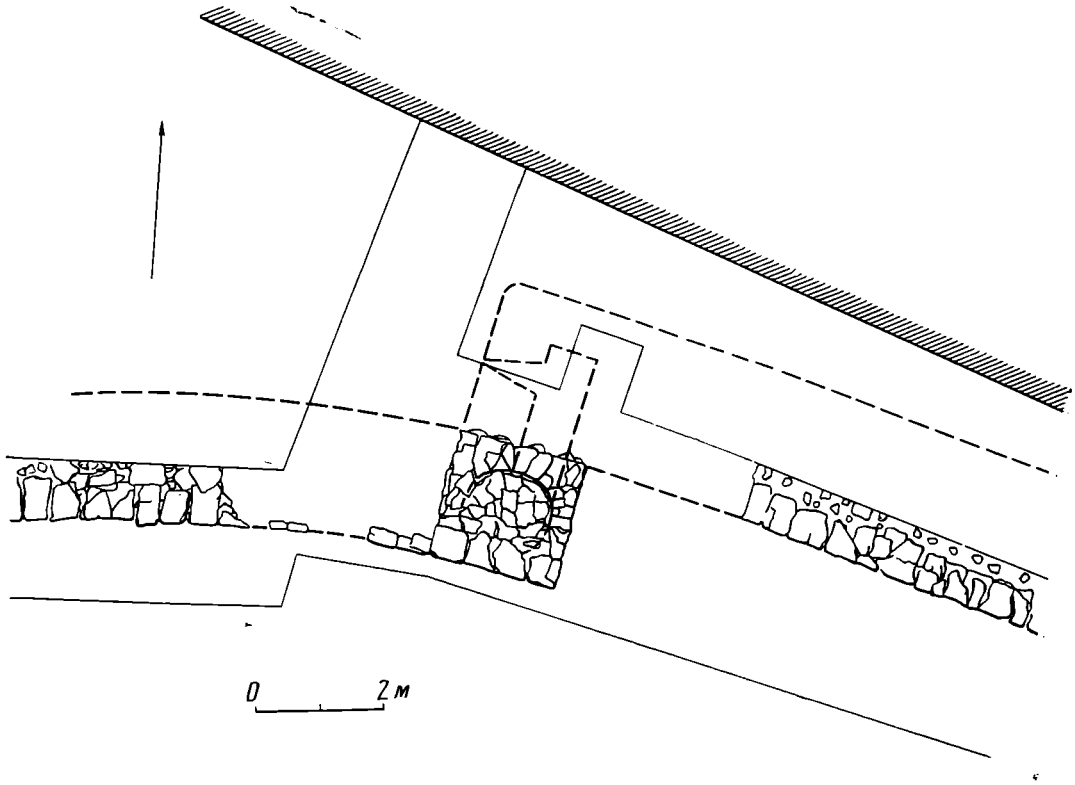


Рис. 9. Уступ стены 1297 г. План с обозначением лестницы и бойницы

звучало бы так «...поставиша город камен Копорие па старой основе». В эпоху бурной перестройки северорусских крепостей этот метод экономил строительные усилия и к моменту реконструкции Копорья был уже успешно опробован в ближайших Новгороде, Великих Луках и Ладоге.

A. N. Kirpichnikov, O. V. Ovsyannikov

THE FORTRESS KOPORYE IN THE LIGHT OF THE LATEST ARCHITECTURAL-ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Summary

The fortified settlement on the hill Koporskaya (nowdays village Koporye in Lomonosovski district of the Leningrad region), emerged not later, than the first half of the XIIIth century, as illustrated by archaeological finds. It was the centre of Novgorod administration in the land of Vod. Among the first settlers besides Novgorodians were Vod and Estonian Chud, this fact is reflected in the material culture of the settlement. The excavations discovered the remains of stone fortress, built in 1297. Its walls, nearly 2 metres thick and 7,5 metres or more high surrounded the hill at the length of 550 metres. The fortress, built in 1297, one of the earliest in the Northern Russia, marked the transition from ground and wooden to stone fortification. After 1361 the walls were raized to the height of 9,5—11 metres. In 1520—1525 (the dendrochronological date) the whole fortress was radically re-built and adapted to fire-arms. Its architectural size expanded two-three times in comparison with the fortress of the late XIIIth century. Solid flanking towers were erected. The new fortress widened a little the territory of the inwall yard; the general plan and the division of walls into two fronts.— active and passive on the basis of their accessibility and defensive capacity was inherited from its predecessor of the Novgorod period. The original walls remained at the safest side, loop-holes on top of the wall, similar to those of the Novgorod period, and their placing with intervals of 6 metres also remained. Thus, the fortress of the early XVIth century was built on the old basis, continuing the preceeding building tradition.

Публикации

А. Н. ГЕЙ

САМСОНОВСКОЕ МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ДОНУ

Самсоновское поселение, расположенное у западной окраины хут. Крымский Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., было открыто в 1976 г. во время работ Крымского отряда Донской археологической экспедиции [1]. Памятник занимает высокий узкий мыс при впадении Ванечкиной балки в большую Самсоновскую балку, выходящую в свою очередь к Сухому Донцу — древнему устью Северного Донца. Мыс высотой от 25 до 28 *м* имеет крутые обрывистые склоны и почти горизонтальную площадку (рис. 1).

В 1976—1977 гг. в различных точках площадки были заложены три шурфа и два небольших раскопа общей площадью 40 *м*^{2}, что позволило установить стратиграфию памятника и распространение различных культурных типов на площади поселения. Наиболее интересным оказался участок, примыкающий к юго-западному склону мыса в районе раскопа 1. Мощность слоя здесь доходит до 2,5 *м*, а в профиле раскопа удалось проследить довольно сложную стратиграфию, включающую следующие слои и прослойки (рис. 2):

дерновый слой – 0,04–0,06 *м*;
слой 1 – черно-серая гумусированная супесь, переходящая в суглинок, мощностью до 0,58 *м*;
слой 2 – светло-коричневый суглинок – 0,14–0,29 *м*;
слой 3 – серо-коричневый суглинок – 0,10–0,40 *м*;
слой 4 – коричневый суглинок мощностью до 0,42 *м*;
слой 5 – серый плотный суглинок с известковыми включениями – 0,26–0,49 *м*;
слой 6 – темно-серый гумусированный суглинок с известковыми включениями – 0,30–0,51 *м*;
слой 7 – предматериковый коричневый суглинок с известковыми включениями – 0,09–0,18 *м*;
материк – пестрая желто-серо-коричневая глина с известковыми включениями.

Стерильные прослойки между отдельными слоями отсутствовали, однако некоторые слои (например, 2-й и 3-й) оказались бедны находками.

На других участках, в раскопе 2 и шурфах 3—5 мощность слоя не превышает 1—1,2 *м*, а сам слой состоит из серой гумусированной супеси, переходящей в суглинок, без ярко выраженных прослоек. Анализ стратиграфии раскопа 1 и сопоставление с материалами этого раскопа находок из шурфов позволяют выделить несколько этапов функционирования поселения.

I этап — отмечен только на раскопе 1. К нему относятся материалы 7-, 6-го и нижней части 5-го слоев.

Встреченная здесь керамика (таблица, рис. 3) характеризуется исключительно органическими примесями, причем ведущая роль принадлежит

[1] Начальник экспедиции — И. С. Каменецкий, начальник отряда — Е. И. Савченко.

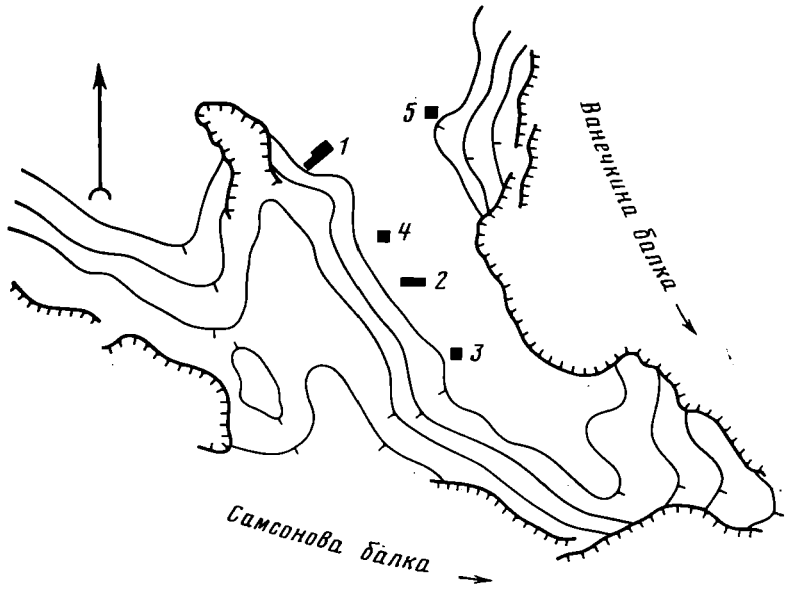


Рис. 1. Самсоновское поселение. План

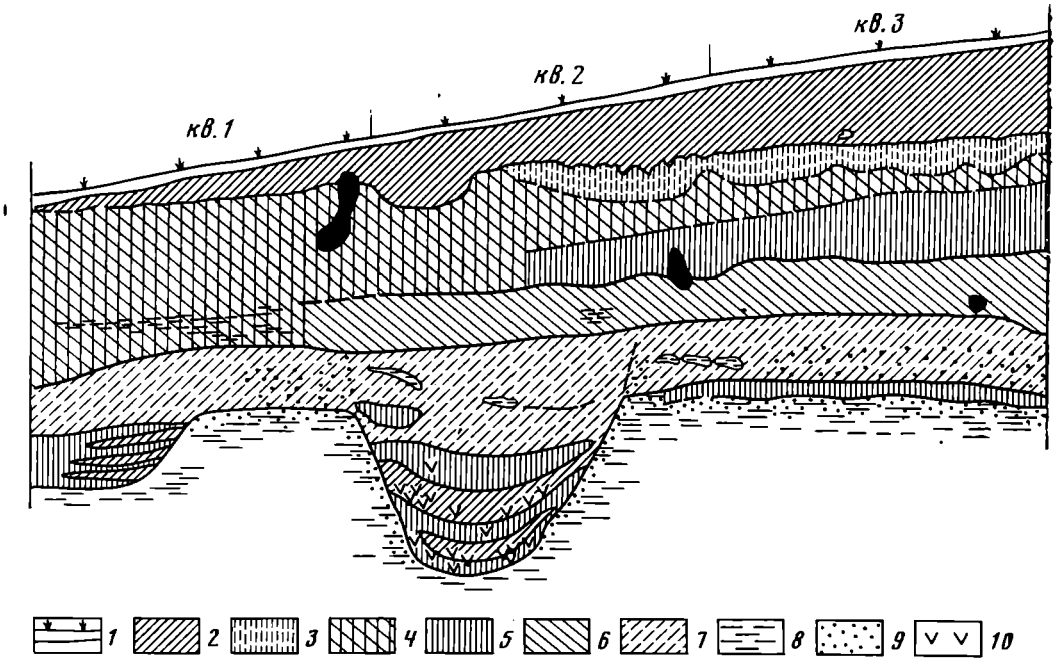


Рис. 2. Стратиграфия Самсоновского поселения (северо-западная стенка раскопа 1). *1* — дерн; *2* — черно-серая супесь; *3* — светло-коричневый суглинок; *4* — серо-коричневый суглинок; *5* — коричневый суглинок; *6* — серый суглинок; *7* — темно-серый суглинок; *8* — пестрая глина (материк); *9* — известковые стяжения; *10* — угольки

примеси органических волокон («растительной») или комбинированной (органические волокна и толченая раковина). Меньшая часть фрагментов имела только раковинную примесь. Лепилась посуда ленточным способом. Примерно треть всех фрагментов тщательно до блеска сглажена, некоторые имеют довольно тщательное лощение внутри, снаружи или с двух сторон. Единичны обломки посуды с поверхностью, расчесанной травой или гребенчатым штампом с внутренней стороны. Форма сосудов не восстанавливается, но судя по обломкам венчиков, характерными являются непрофилированные прямостенные (рис. 3, *5*) или открытые (рис. 3, *2, 3, 9, 10*) горшки с горизонтальным или приостренным срезом венчика. Орна-

Характеристика керамики раскопа 1 *, %

Этап и слой	Фрагментов без орнамента	Фрагментов с орнаментом	Поверхность			Примесь в тесте		
			гладкая	с расчесом гребенкой	подлощеная и лощеная	песок, белые включения	толченая раковина	«растительная», комбинированная
IV, 1	91,5	8,5	85	13,5	1,5	85,5	5,5	9
II–III, 2–5	79	21	59	28	13	11,1	69,7	19,2
I, 6–7	74	26	58,8	7,8	33,4	1,6	38,1	60,3

* Суммарная характеристика керамики 2—5-го слоев объясняется небольшим количеством находок в каждом из этих горизонтов.

мент имеется лишь у четверти фрагментов, причем все они принадлежат сосудам с раковинной или комбинированной примесью. Очевидно, орнаментация не характерна для сосудов с «растительной» примесью. Типичны узоры из прочерченно-проглаженных линий (рис. 3, *1, 3, 7*), отступающей лопаточки (рис. 3, *4*), шагающе-протащенного гладкого штампа (рис. 3, *8, 10*). Встречаются ямки неправильной формы (рис. 3, *2*), насечки (рис. 3, *9*), оттиски гребенки (рис. 3, *6*). Заслуживают внимания композиции в виде зигзага (рис. 3, *3*), меандра (?) (рис. 3, *3*), фестонов (рис. 3, *10*).

Немногочисленные кремневые предметы включают орудия и отходы производства. Среди орудий — пластинка с ретушированным краем, миниатюрный скребок на пластине со скошенным концом (рис. 7, *9*), небольшое тесло, изготовленное на отщепе, сбитом с желвака темно-серого кремня. Выпуклая сторона его оформлена правильной продольной подтеской, придающей орудию сходство с косоплощадочным нуклеусом, тыльная сторона имеет лишь подправку по лезвию (рис. 6, *6*). Имеется несколько кварцитовых отщепов. Из других находок можно назвать обломки шлифовальной плиты из кристаллической породы.

Кроме того, в 6-м слое на раскопе 1 обнаружены кости домашних (корова, овца, лошадь?) и диких (олень, бобр, тушканчик) животных [2], небольшие скопления раковин Unio.

II этап — представлен материалами 5-го слоя на раскопе 1, нижней части слоя раскопа 2 и шурфов 3, 4. Таким образом, площадь поселения в это время значительно увеличивается, занимая целиком площадку мыса.

Основная масса керамики этого периода (таблица, рис. 4, *5*) представлена обломками с примесью мелкотолченой ракушки в тесте, реже встречается посуда с добавлением волокнистой органической примеси, единичны находки черепков с примесью песка. По сравнению с первым этапом заметно уменьшается доля подлощеной посуды, в то же время увеличивается доля керамики, поверхность которой сглаживалась гребенчатым штампом по внутренней поверхности или с двух сторон (рис. 4, *9*). Встречаются обломки венчиков тонкостенных непрофилированных или слабо профилированных сосудов с горизонтально срезанным краем. Найден фрагмент хорошо оформленного плоского донца, принадлежащего сосуду с «растительной» примесью в тесте (рис. 4, *6*).

Украшались сосуды горизонтальными зонами оттисков гребенчатого штампа (рис. 4, *4, 7*), наклонными композициями того же штампа (рис. 5, *5, 6*), из других элементов узора встречаются прочерченно-проглаженные линии (рис. 4, *3, 5*), насечки (рис. 4, *8*), «личиночный» штамп (рис. 4, *2*).

[2] Определение костей выполнено на биологическом факультете Ростовского университета. Процентное соотношение костей отдельных видов не приводится ввиду небольшого числа костей, подвергшихся определению. Особо следует оговорить находки костей тушканчика. Хотя на определение отбирались древние кости, полностью исключить возможность попадания в слой костей этого грызуна через норы, видимо, нельзя.

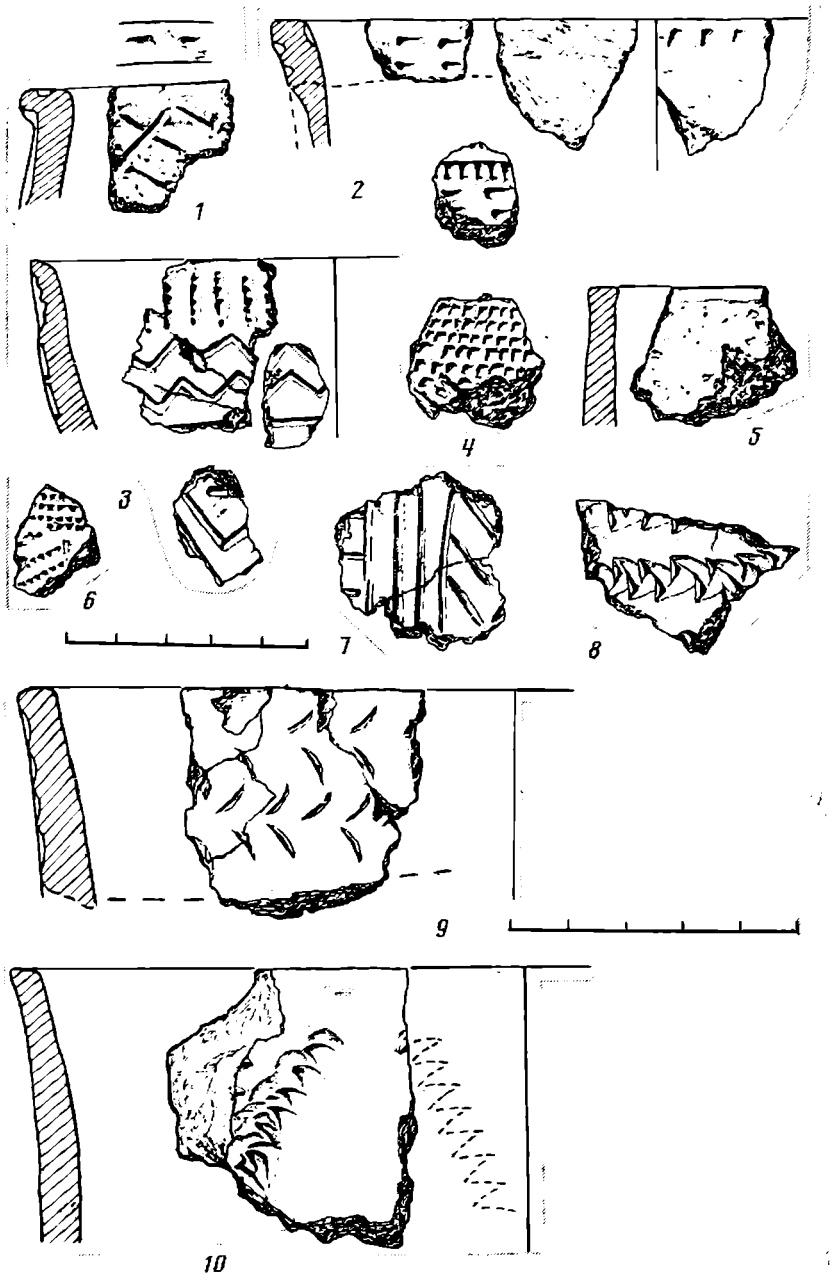


Рис. 3. Керамика I этапа. *1—10* — раскоп 1, слой 6—7

Интересна находка обломка сосуда с воротничковым венчиком и раковинной примесью в тесте, орнаментированного зонами гребенки (рис. 5, *1*). В целом гребенчатый орнамент преобладает на посуде второго этапа над всеми другими разновидностями.

Кремневый инвентарь немногочислен, но позволяет заметить, что для изготовления орудий использовались главным образом пластины. Большинство орудий составляют пластинки с ретушью по краям, нанесенной со спинки или с брюшка (рис. 7, *6*, *7*). Другие категории представлены обушковой частью кремневого, довольно грубо оббитого топорика с линзовидным сечением (рис. 6, *5*), массивным шаровидным отбойником-ретушером, изготовленным из крупного кремневого желвака, оббитого со всех сторон, сверлышком на пластине (рис. 7, *8*), ножом на пластинчатом от-

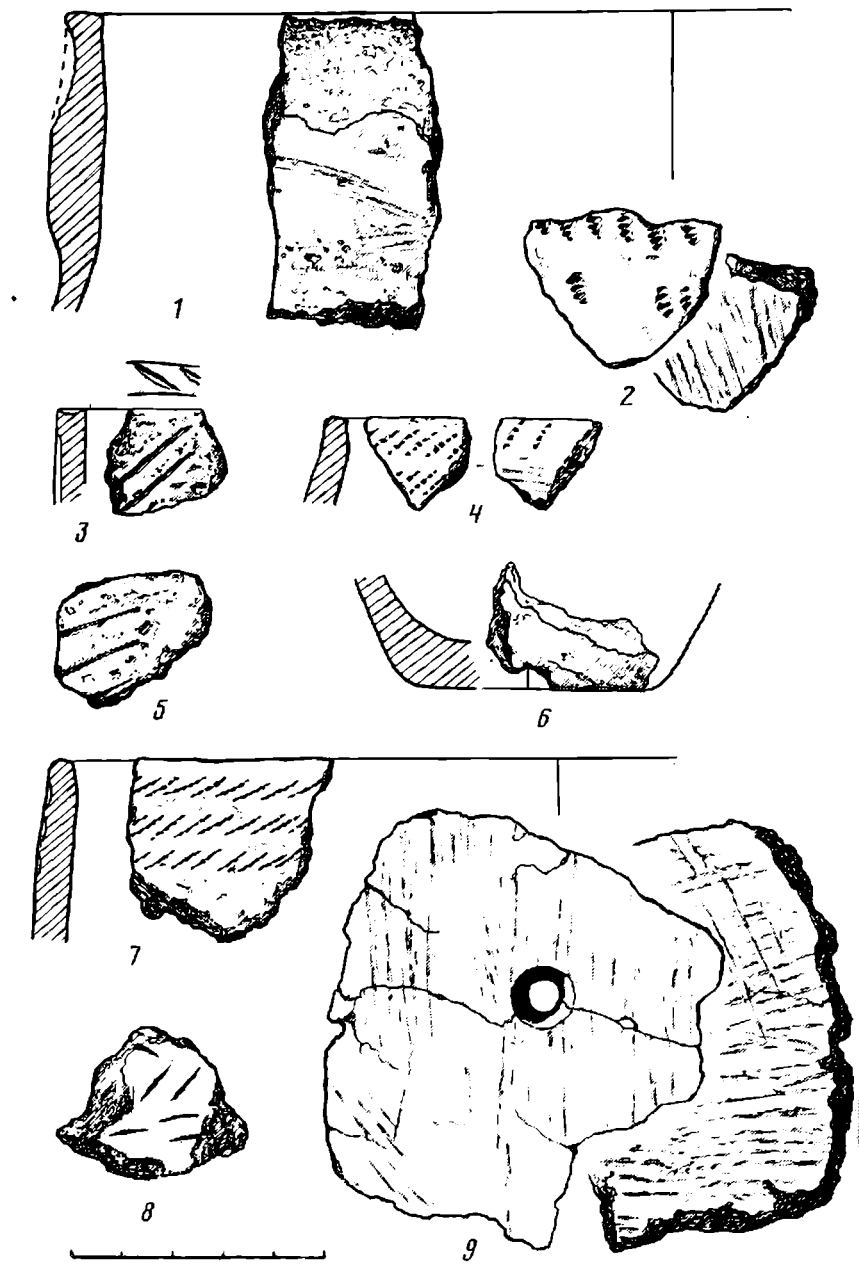


Рис. 4. Керамика II этапа. *1—9* — раскоп 1, слой 5

щепе (рис. 7, *4*). В качестве сырья использовался не только кремень, но и розовато-коричневый кварцит, из которого обитатели поселения умели получать довольно правильные, хотя и массивные пластины, шедшие на изготовление орудий, судя по находке пластины с ретушированными и сильно выщербленными краями, служившей, вероятно, в качестве пилы (рис. 7, *5*). К этому же времени относится небольшое шлифованное сланцевое долото (рис. 6, *4*) и обломок расколотого вдоль костяного орудия типа долота, изготовленного из трубчатой кости животного.

Фауна из слоев второго этапа представлена домашними (корова, овца, свинья, собака, лошадь?) и дикими (зубр, олень, заяц, тушканчик) видами, причем количественно преобладают кости домашних животных.

В верхней части 5-го слоя на раскопе 1 обнаружено небольшое кост-

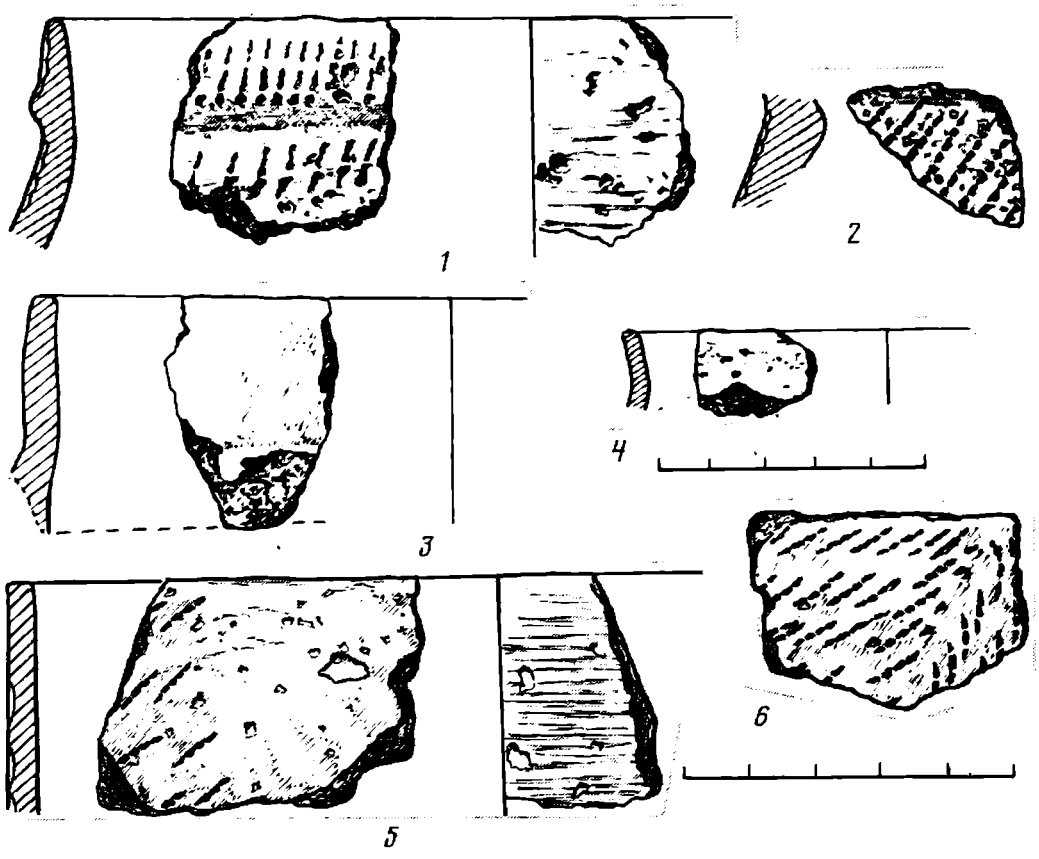


Рис. 5. Керамика II этапа. *1—4* — раскоп 2, нижние горизонты слоя; *5*, *6* — раскоп 1, слой 5

рище, вокруг которого концентрировались находки керамики и кремневого инвентаря. Судя по стратиграфическим наблюдениям, к I—II этапам функционирования поселения относятся и крупные, вероятно, хозяйственные ямы, открытые на раскопе 1, имевшие диаметр до 1,6 *м* и глубину не менее 1,1 *м*.

Очевидно, с ранними этапами Самсоновского поселения следует связывать и некоторые находки вышележащих слоев, прежде всего обломок плоского донца с «растительной» примесью в тесте и трапециевидный микролит (рис. 7, *1*). Попадание их в верхние слои объясняется либо перекопами, либо деятельностью грызунов.

Культурная принадлежность и относительная датировка I—II этапов Самсоновского поселения определяются сравнением со стратиграфической колонкой известного поселения Ракушечный Яр, расположенного в 18 *км* к юго-западу от Самсоновки. Сходство материалов этих двух памятников не вызывает никаких сомнений. Совпадают технология изготовления керамики, примесь к тесту, характер обработки поверхности, элементы узора на сосудах, орнаментальные композиции, форма сосудов, типы кремневых и сланцевых орудий, состав стада [3]. Причем целый ряд признаков

[3] *Белановская Т. Д.* Керамика с накольчатым орнаментом по материалам неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону.— В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 5, 6; *ее же.* К вопросу о палеоэкономике неолитических племен низовьев Дона (по материалам поселения Ракушечный Яр).— В сб.: Проблемы археологии и этнографии, 1977, вып. 1. Л., с. 22—28; *ее же.* Отчет о работе Нижне-Донской археологической экспедиции в 1964 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2967; 1965 г., р.-1, № 3060. Пользуюсь случаем поблагодарить Т. Д. Белановскую, ознакомившую меня с материалами Ракушечного Яра, хранящимися на кафедре археологии ЛГУ.

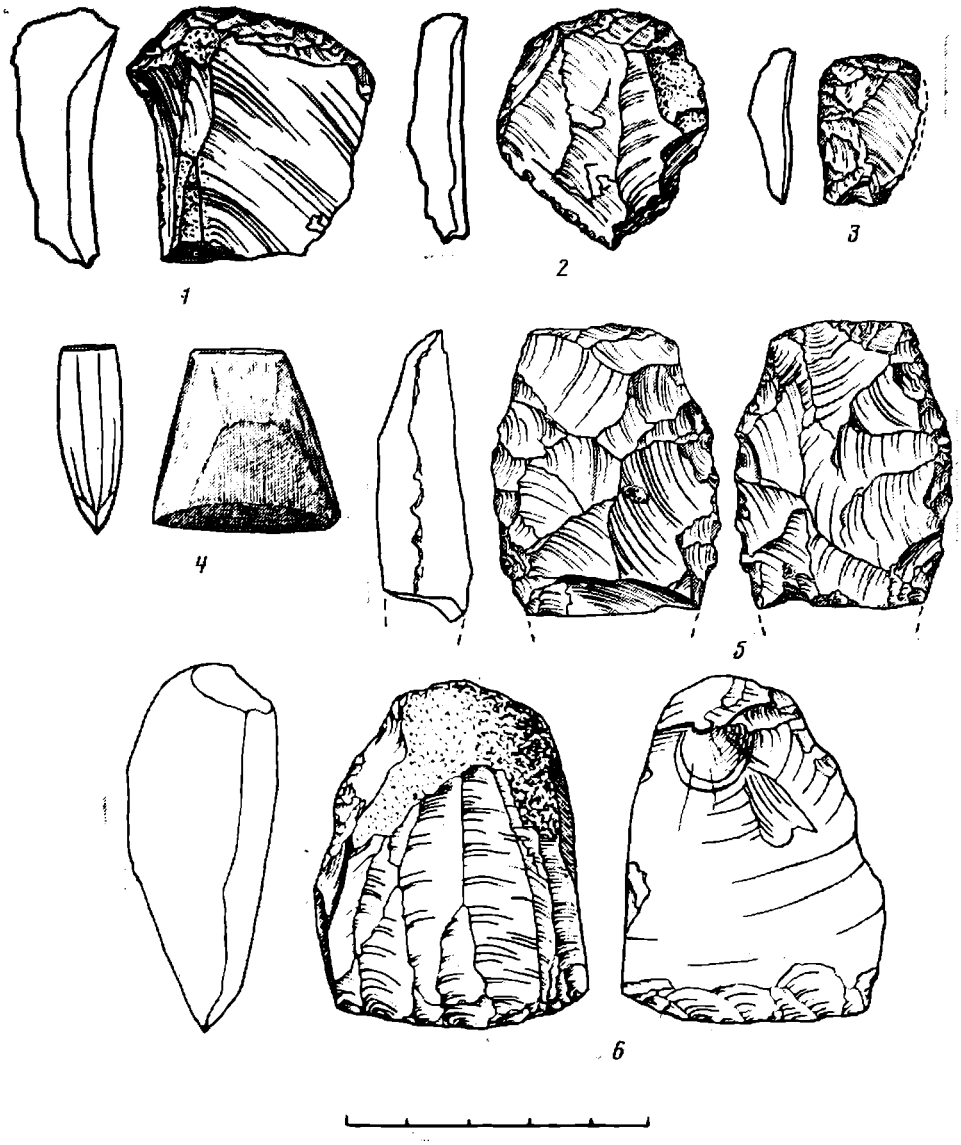


Рис. 6. Кремневые и каменные орудия I (*6*), II (*4*, *5*) и *III* (*1—3*) этапов. *1—3* — раскоп 2, верхние горизонты слоя; *4* — раскоп 2, нижние горизонты слоя; *5* — раскоп 1, слой 5; *6* — раскоп 1, поверхность материка

сближает I и II этапы Самсоновского поселения с поздними (5) — (2) слоями Ракушечного Яра, датируемыми поздним неолитом — ранним энеолитом. Так, если в нижних (до 6-го) слоях Ракушечного Яра основная масса керамики изготовлялась с «растительной» примесью, то начиная с 5-го слоя и выше возрастает процент посуды с раковинной примесью, одновременно увеличивается количество керамики с гребенчатой орнаментацией, с расчесами зубчатым штампом, на смену прямостенным сосудам приходят слабо профилированные, в этих же слоях, особенно во 2-м и 3-м, сделаны находки воротничковых венчиков. Нетрудно заметить, что сходная, если не тождественная, эволюция керамики происходит при переходе от I ко II этапу Самсоновского поселения. Показательно и то, что варианты орнаментации (элементы узора и орнаментальные композиции) из нижних слоев Самсоновки находят аналогии в самых разных слоях Ракушечного Яра, однако лишь в верхних слоях этого памятника все они встречаются в комплексе. Таким образом, нижние слои Самсоновского по-

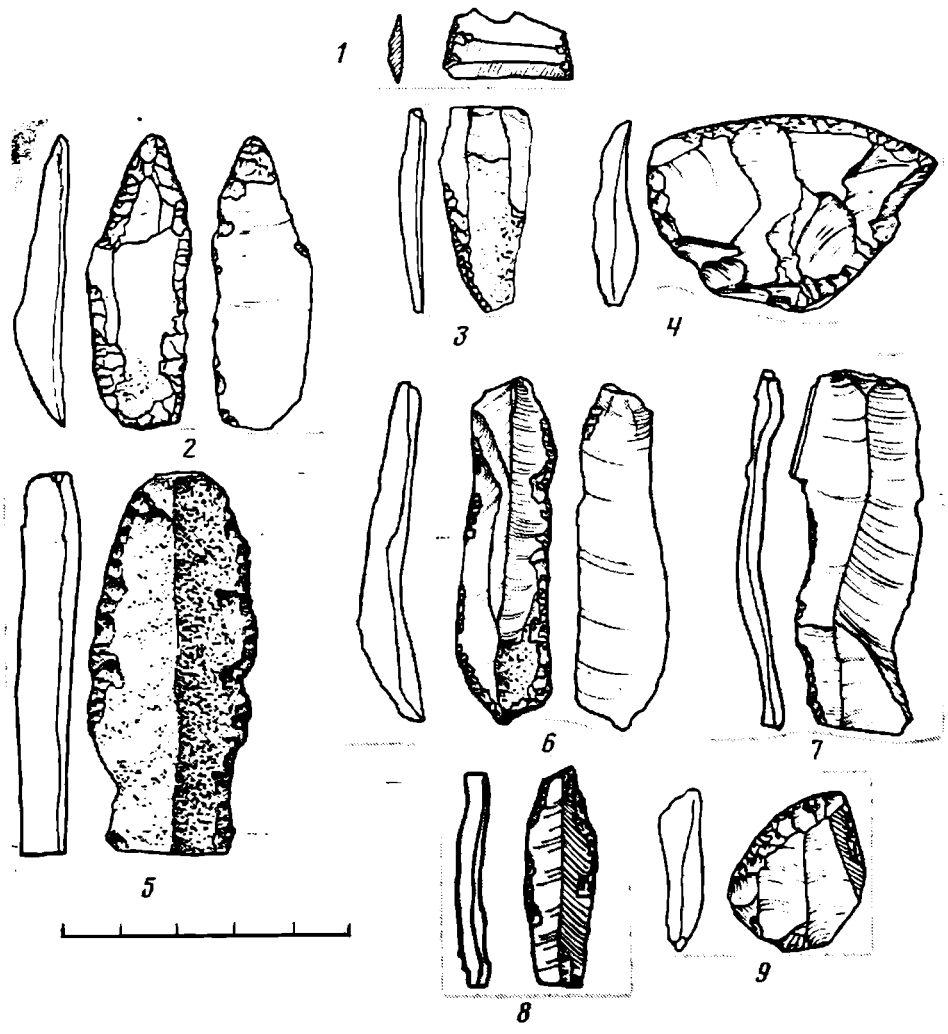


Рис. 7. Кремневые орудия I (*9*), II (*3—7*) и III (*2*) этапов. *1* — раскоп 1, слой 1; *2* — раскоп 1, слои 2—3; *3—4*, *6—8* — раскоп 2, нижние горизонты слоя; *9* — раскоп 1, слой 6

селения соответствуют верхним слоям Ракушечного Яра, причем I этап сопоставляется главным образом с 5—4-м слоями, а II — с 3—2-м слоями этого памятника.

Получается, что первыми обитателями Самсоновского поселения было население позднего этапа неолитической ракушечноярской культуры. Позднеолитический и даже финальнонеолитический возраст I этапа подтверждается и некоторыми другими фактами. Так, тесло из кремневого желвака, найденное в Самсоновке непосредственно на поверхности материка (рис. 6, *6*), находит полную аналогию в инвентаре Хвалынского энеолитического могильника в Поволжье, близкого в культурном и хронологическом отношениях к среднестоговским могильникам Поднепровья и Донеччины[4]. Что касается II этапа функционирования Самсоновского поселения, то его следует относить уже к раннему энеолиту, на что указывают находки фрагментов сосудов, напоминающих среднестоговские (рис. 4, *1*; 5, *3*), и обломка воротничкового сосуда (рис. 5, *1*). Различные варианты воротничковой посуды встречаются на многих памятниках степ-

[4] Доклад И. Б. Васильева на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 13 февраля 1978 г.

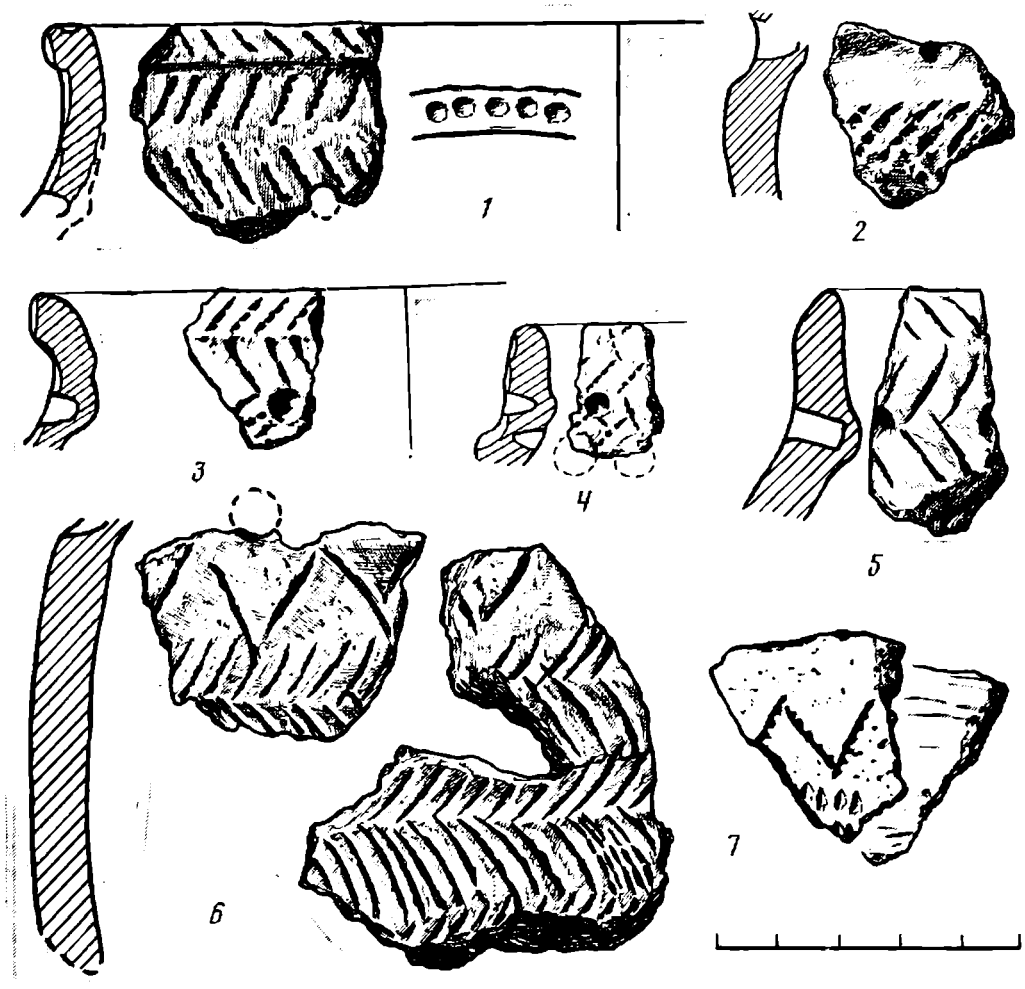


Рис. 8. Керамика III этапа. *1*, *4—6* — раскоп 1, слои 2—4; *2* — подъемный материал; *3* — раскоп 2, верхние горизонты слоя; *7* — шурф 4

ной и лесостепной полосы Европейской части, в том числе в Никольском могильнике на Днепре, датированном концом неолита — началом эпохи металла [5], и в раннеямном погребении Бережновского I могильника (кург. 5, погр. 22) в Поволжье [6].

III этап — представлен материалами 4—2-го слоев на раскопе 1, верхней части слоя на раскопе 2 и нижней части слоя в шурфе 5. Поселение этого времени занимало большую часть площадки мыса, т. е. такую же площадь, что и на предыдущем этапе.

Керамика (таблица, рис. 8) обычно имеет примесь толченой раковины, однако здесь появляется и посуда, изготовленная с добавлением мелкого песка и белых известковых частиц. Большинство фрагментов не имеет следов специальной обработки поверхности, подлощеная керамика не встречается вовсе, а сглаженная зубчатым штампом — реже, чем на втором этапе. Заметные изменения по сравнению с нижележащими слоями происходят и в форме сосудов. Почти все найденные фрагменты венчиков принадлежат хорошо профилированным сосудам с вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком, имевшим округлый или приостренный

[5] *Телегин Д. Я.* Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье.— КСИА АН УССР, № 11, 1961, с. 25, 26.

[6] *Синицин И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953).— МИА, № 60, 1959, с. 69, 70.

край (рис. 8, *3—5*), а иногда утолщение на внешней стороне (рис. 8, *1*). Один из этих сосудов имел довольно четкое уступчатое плечико (рис. 8, *2*). Орнаментация однообразна. Непременным ее элементом является ряд глубоких цилиндрических или конических ямок под горлом сосуда и «елочный» узор из отпечатков гребенчатого или гладкого штампов (рис. 8, *1—6*). Один из сосудов, кроме ряда ямок, украшен линией «жемчужин», выдавленных изнутри (рис. 8, *4*). На тулове сосудов встречается горизонтальный зигзаг гребенчатым или гладким штампом, отдаленно напоминающий «шагающую гребенку» или прочерченный зигзаг, отмеченный на посуде предыдущих этапов, разделяющий зоны «елочного» узора или оттисков лопаточки (рис. 8, *6, 7*). Из других встреченных здесь разновидностей орнамента следует упомянуть шнуровой, отмеченный лишь на некоторых мелких фрагментах, что затрудняет определение формы сосудов с узором такого типа. Пока не ясно, насколько закономерна находка в слоях III этапа керамики, характерной для II этапа, продолжает ли она бытовать наряду с описанной или попадает в вышележащие слои в результате перекопов, неизбежных на поселении.

Немногочисленный кремневый инвентарь представлен концевыми скребками на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 6, *1—3*), пластинами с ретушью и следами изношенности на краях. Встречаются осколки кварцита и оббитые куски окремнелого ископаемого дерева. Среди определенных остеологических материалов имеются кости домашних (овца, корова, лошадь?) и диких (зубр, сайга или косуля) животных.

Ближайшие аналогии керамике III этапа Самсоновского поселения находятся в материалах поселения ямного времени у хут. Репина в излучине Дона [7], ямного слоя поселения Ливенцовка I на Мертвом Донце [8] и в сборах с Бессергеновки [9], что позволяет датировать III этап уже бесспорно энеолитическим временем. В коллекциях всех этих памятников представлена профилированная посуда с примесью толченой раковины или песка в тесте и с орнаментом из ряда ямок, «жемчужин», гладких, гребенчатых и шнуровых оттисков. Обращает на себя внимание тот факт, что в орнаменте посуды Самсоновского поселения ямочный орнамент встречается чаще жемчужного, а гребенчатый преобладает над шнуровым, что, по мысли А. Т. Синюка, является ранним признаком для памятников выделяемого им репинского типа (Репин хутор, средний слой Михайловки, Университетская III стоянка и др.) [10]. Не исключено, что III этап Самсоновки относится к несколько более раннему времени, чем соответствующие материалы перечисленных памятников. В пользу этого говорит и тот факт, что самсоновская керамика в отличие от посуды Репина хутора и Ливенцовки I находит меньше соответствий в керамике подкурганных погребений развитой поры ямной культуры.

IV этап — представлен материалами 1-го слоя на раскопе 1 и верхней части слоя в шурфе 5. Похоже, что поселение этого времени располагалось главным образом выше по склону, ближе к напольной стороне мыса.

Собранная здесь керамика (таблица, рис. 9) сильно фрагментирована и покрыта коричневатым налетом, что затрудняет ее характеристику. Все же очевидно, что подавляющее число фрагментов керамики имело гладкую поверхность, посуда с расчесами гребенчатым штампом встречается редко. Характерным признаком керамики, отличающим ее от более древней, яв-

---

[7] *Синицин И. В.* Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем.— КСИА АН УССР, № 7, 1957, с. 32—35; *его же.* Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье в пределах Сталинградской и Саратовской областей в 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1863, с. 22—26.

[8] *Братченко С. Н.* Богатошарове поселення Лівенцівка I на Дону.— Археологія, т. XXII, 1969, с. 210—231.

[9] Сборы В. Я. Киящко хранятся в Ростовском университете.

[10] *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Канд. дис. Воронеж, 1971. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2100, с. 213.

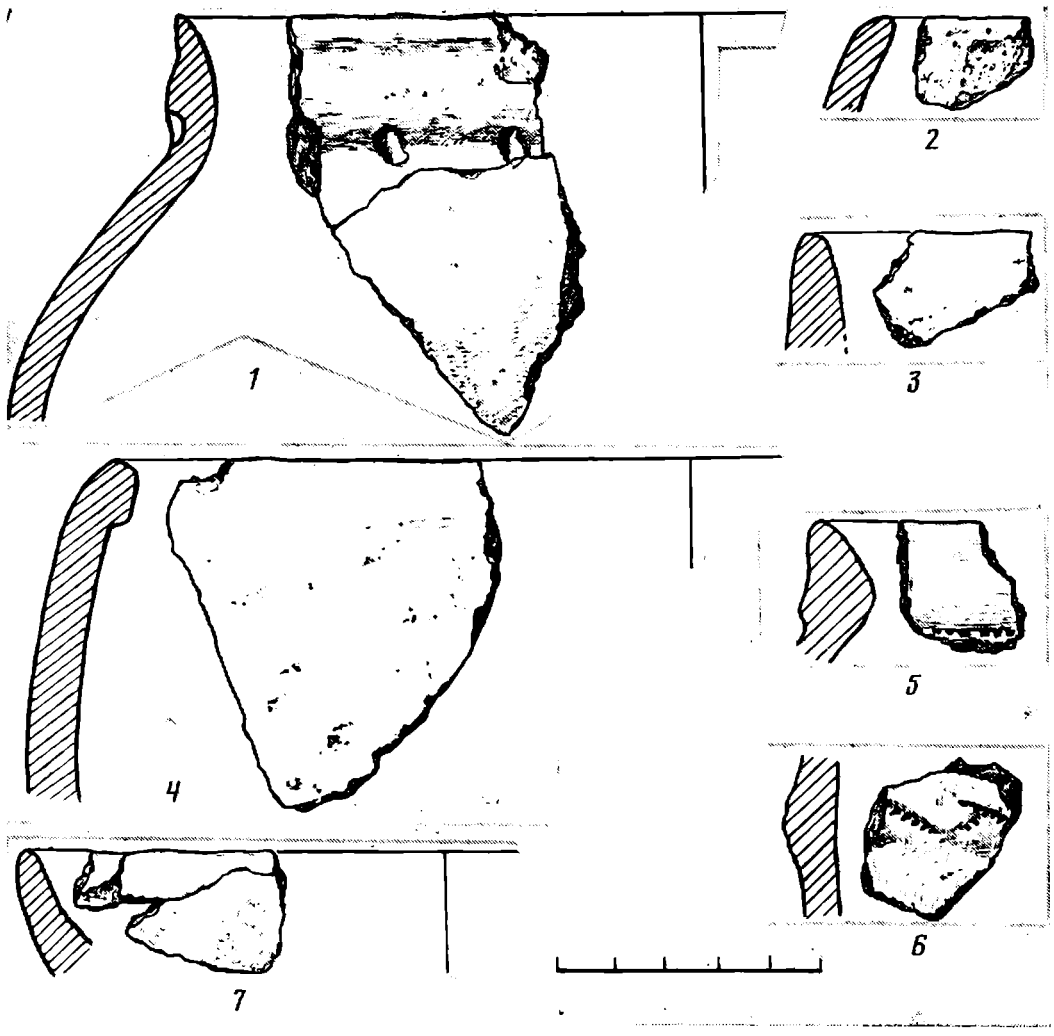


Рис. 9. Керамика IV этапа. *1—3*, *5—7* — раскоп 1, слой 1; *4* — шурф 5

ляется примесь мелкого песка и мелких белых известковых частиц в в тесте.

Фрагменты венчиков позволяют говорить о нескольких разновидностях форм сосудов. Часть их принадлежит темно-серым, почти черным горошковидным сосудам, вероятно, с раздутым туловом и приостренным венчиком, под срезом которого с наружней стороны имеется оттянутый валик-утолщение. Бедный орнамент расположен на шейке непосредственно под валиком и представляет собой оттиски гребенчатого штампа (рис. 9, *5*) или ряд неправильных каплевидных вдавлений (рис. 9, *1*). Другие разновидности венчиков принадлежат слабопрофилированным и непрофилированным сосудам с вертикальным или загнутым внутрь краем (рис. 9, *2—4*), а также открытой формы (рис. 9, *7*). Орнамент на этих фрагментах отсутствует, цвет поверхности их коричневый или розовый. Интересен обломок стенки сосуда с валиком, украшенным оттиском гребенчатого штампа (рис. 9, *6*).

Из других находок в тех же слоях следует отметить точильные плитки и бруски из песчаника и мелкозернистых кристаллических пород камня. Костные остатки принадлежат домашним (корова, лошадь, овца) и диким (олень, тарпан) животным.

IV этап, выделяемый на Самсоновском поселении, очевидно, отделен от предыдущего значительным промежутком времени, что косвенно подтверждается резким отличием структуры верхнего слоя на раскопе 1 от

структуры нижележащих слоев, и может быть датирован эпохой поздней бронзы, прежде всего на основе параллелей в керамике с посудой позднесрубных и кобяковских памятников. Неоднократные находки точильных брусков также свидетельствуют о широком употреблении на этом этапе металлических орудий. Не вызывает сомнения тот факт, что найденные здесь отдельные орудия на пластинах, в том числе и упоминавшийся выше трапециевидный микролит, не связаны с этим слоем, а попали сюда из нижележащих напластований.

Подводя первые итоги изучения Самсоновского многослойного поселения, следует отметить следующие моменты. Несмотря на то что в ходе дальнейших работ стратиграфическая схема поселения может быть уточнена и детализирована, уже сейчас можно сказать, что она подтверждает и несколько «надстраивает» стратиграфическую колонку Ракушечного Яра, устанавливая следующую последовательность смены культурных типов: поздний этап ракушечноярской неолитической культуры — своеобразный комплекс с гребенчатой керамикой, предположительно синхронизируемый со степными памятниками с воротничковой посудой и со среднестоговской энеолитической культурой — культура репинского типа или развитый этап древнеямной культуры.

Большой интерес представляет также вопрос о преемственности между отдельными этапами Самсоновского поселения. Отдельные элементы культуры I этапа (состав примесей к керамическому тесту, некоторые элементы орнаментации глиняной посуды) продолжают встречаться на II этапе, но в целом каждый из этих этапов представляет собой самостоятельное культурное явление. Больше точек соприкосновения между II и III этапами. Это сходство кремневого инвентаря (использование пластин с ретушью), традиции керамического производства (раковинная примесь, обработка поверхности гребенчатым штампом, отход от простых форм сосудов — появление профилированных венчиков) и, что особенно важно, сходство приемов орнаментации (широкое использование гребенчатого штампа). Конечно, этого еще недостаточно, чтобы говорить о формировании культуры III этапа на базе культуры II этапа, отметим только, что влияние керамики так называемого «нижнедонского» типа, аналогичной посуде верхних слоев Ракушечного Яра и сборов Г. И. Горецкого [11], на сложение керамики репинского типа отмечено и А. Т. Синюком на материалах Среднего Дона [12].

Не совсем обычной является и топография Самсоновского поселения. До сих пор неолитические и раннеэнеолитические памятники на Нижнем Дону встречались в непосредственной близости от воды, в пойменных отложениях, на пойме, на краю низких террас (хут. Жуков [13], хут. Ведерников [14], Каргальская, Малая Лучка [15], Романовские перекаты [16], Ракушечный Яр, Бессергеновка). Лишь в энеолите наряду с низкорасположенными памятниками возникают поселения на высоких, естественно защищенных местах. Так, поселение ямной культуры у хут. Репина занимает возвышенную часть плато правого берега Дона и ограничено с севера, востока и юга крутыми склонами [17], а Константиновское поселение расположено на высоком холме коренного правого берега Дона, ограни-

[11] *Формозов А. А.* Неолитическая керамика Нижнего Подонья.— КСИИМК, № 53, 1954.

[12] *Синюк А. Т.* Ук. соч., с. 212.

[13] *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища.— МИА, № 62, 1958.

[14] *Горецкий Г. И.* О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков (в условиях Нижнего Придонья и Приманычья).— БКИЧП, № 20, 1955.

[15] *Формозов А. А.* Ук. соч.

[16] Сборы А. И. Семенова в 1975 г. См. *Алексеев А. Ю., Вахтина М. Ю., Разумов А. Я., Семенов А. И.* Новостроечные работы в зоне Цимлянского водохранилища.— АО — 1975. М., 1976, с. 104.

[17] *Синицин И. В.* Ук. отчет за 1958 г., с. 22, 23.

ченном с запада, юга и востока склонами крутизной до 45° и отделенном от плато узкой перемычкой [18]. Выбор подобных мест для поселения племенами, в хозяйстве которых скотоводство играло важную, если не важнейшую роль, диктовался стремлением получить удобный загон для скота, улучшить охрану этого основного богатства общины, облегчить оборону поселка в случае военных столкновений. Косвенным подтверждением этого является планировка того же Константиновского поселения, где следы построек и жилых комплексов группировались по кругу вдоль края площадки, оставляя свободным центр поселка [19], могущий исполнять роль загона. И на Самсоновском поселении наиболее мощные и насыщенные культурные напластования, кострище, хозяйственные ямы обнаружены пока только возле перемычки, отделяющей мыс от плато, тогда как слой на площадке мыса, защищенной почти неприступными склонами, отличался гораздо меньшей мощностью и слабой насыщенностью культурными остатками. Можно предполагать, что возникновение Самсоновского поселения на позднем этапе ракушечноярской культуры в естественно защищенном месте объясняется теми же причинами, тем более что скотоводческий характер хозяйства его обитателей очевиден. Во-первых, кости домашних животных все-таки преобладают над костями диких на всех этапах, во-вторых, скотоводство к моменту возникновения Самсоновки прошло долгий путь развития у населения ракушечноярской культуры. Напомним, что кости домашних животных зафиксированы во всех горизонтах Ракушечного Яра [20]. Таким образом, Самсоновское поселение является одним из самых ранних памятников на Дону, расположенных на высоких местах с использованием особенностей рельефа в целях обороны, и подсказывает возможности поиска новых позднеолитических памятников.

Вопрос об абсолютном датировании выделенных этапов функционирования Самсоновского поселения пока не может быть разрешен. Принятые в литературе даты ряда степных культур, ямной и среднестоговской прежде всего, позволяют отнести I—III этапы к промежутку между концом IV — второй четвертью III тысячелетия до н. э., однако с этим не совсем согласуется единичная радиокарбонная дата, полученная для верхних слоев Ракушечного Яра (2410±100 до н. э.[21]), близких второму этапу Самсоновки.

A. N. Gey

THE SAMSONOVSKOE SITE AT THE DON RIVER

Summary

The site Samsonovskoe, discovered in 1976 near the confluence of river Severski Donetz into Don is a site with a complicated stratification. The typological analysis of distribution of finds in different layers, especially pottery, enables the author to establish four periods in the functioning of the settlement. The first period is a late neolithic. The cultural remains of this time can be correlated with similar remains of the upper layers of the well-known site Rakushechnyi Yar. The next, second period, produced materials, similar to those from the uppest layer of Rakushechnyi Yar. On the basis of some pottery analogies it can be synchronized with the Sredni Stog culture and steppe sites, containing pottery, ornamented by protuberances on the mouth of a wessel. This period can be related to the eneolithic epoch. The materials of the third period are close to the site Repin hutor of the Pit-grave culture and to the materials of the Pit cultture layer of the site Liventzovka I. The latest, upper layer of the site Samsonovskoe is separated from the previous layers by a considerable period of time and is dated to the Bronze Age. The site Samsonovskoe is of great interest for scientists, because it shows the consequence of cultural types during the transitional period from the neolithic to the Bronze Age.

[18] *Кияшко В. Я.* Константиновское поселение эпохи энеолита.— В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1973, с. 14.

[19] Там же, с. 14, 15.

[20] *Белановская Т. Д.* К вопросу о палеоэкономике..., с. 26.

[21] *Белановская Т. Д.* Поселение Ракушечный Яр.— АО — 1976. М., 1970, с. 87.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

НИЖНЯЯ КОЯ—НОВЫЙ МОГИЛЬНИК КАРАСУКСКОЙ ЭПОХИ В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

В 1972 г. в Минусинский государственный музей им. Н. М. Мартьянова были доставлены два карасукских бронзовых ножа, несколько бляшек-пуговиц и крупная бляха (рис. 1, *1—3*). Вещи эти были найдены на песчаных выдувах в 5—6 *км* к востоку от с. Нижняя Коя и в 150—200 *м* к югу от левого берега р. Кои (правый приток Енисея, примерно в 33 *км* к юго — юго-востоку от Минусинска), в 300 *м* к востоку от дороги Абакан—Кызыл. Место это было обследовано археологом Минусинского музея Н. В. Леонтьевым, который обнаружил здесь остатки разрушенных погребений — сильно выветренные обломки костей и черепа человека и инвентарь — обломки трех сосудов и бронзовые вещи. Следов могильных сооружений — обломков плит от каменных ящиков или оградок — и следов могильных ям обнаружено не было. Не удалось установить также положение и ориентировку погребенных. По заключению Н. В. Леонтьева, здесь, видимо, был похоронен не один, а несколько человек, так как вещи располагались «на сравнительно большой площади» [1].

Комплекс из Нижней Кои содержит 27 предметов из бронзы: два ножа (рис. 1, *1, 2*) пять бляшек-пуговиц (рис. 1, *6, 7*), семь треугольных тонких бляшек (рис. 1, *9—11*), 10 колец из проволоки в 1—1,5 оборота (рис. 1, *8*), три крупных фигурных бляхи (рис. 1, *3—5*), одну белую аргиллитовую цилиндрическую бусину и обломки трех сосудов (рис. 1, *12—14*).

Оба ножа с каплевидной шляпкой, петелькой под шляпкой, шипом-гардой с подрезкой и оттянутым назад концом клинка («хвостатые») относятся к 4-й группе карасукских ножей из Минусинской котловины [2]. У обоих ножей петельки под навершием недоотлиты. У ножа на рис. 1, *1* конец клинка обломан в древности. Индивидуальные измерения ножей приведены в таблице. По ней видно, что все их размеры укладываются в пределы размеров ножей этой группы; ножи из Кои относятся к числу небольших. Является ли это локальной особенностью или ножи принадлежали женщинам [3] — в данном случае трудно сказать. Ручки обоих ножей орнаментированы по-разному с разных сторон, что типично для карасукских ножей ранних групп (с 1-й по 7-ю группу). Нож на рис. 1, *1* орнаментирован с одной стороны тремя рядами выпуклых четырехугольников, а с другой — четырьмя параллельными желобками. У второго ножа

[1] Все находки поступили в Минусинский музей (колл. № 9995). Рисунки их вместе с подробным описанием были присланы мне для публикации Н. В. Леонтьевым в письмах от 11.II. и 5.III.1977 г. Пользуюсь случаем выразить ему глубокую благодарность.

[2] *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи.— МИА, № 182, 1972, с. 21, 22, 43, 64—66, табл. 3, *12—26*.

[3] По неразграбленным погребениям установлено, что для женщин и детей изготовляли ножи меньших размеров, чем для мужчин

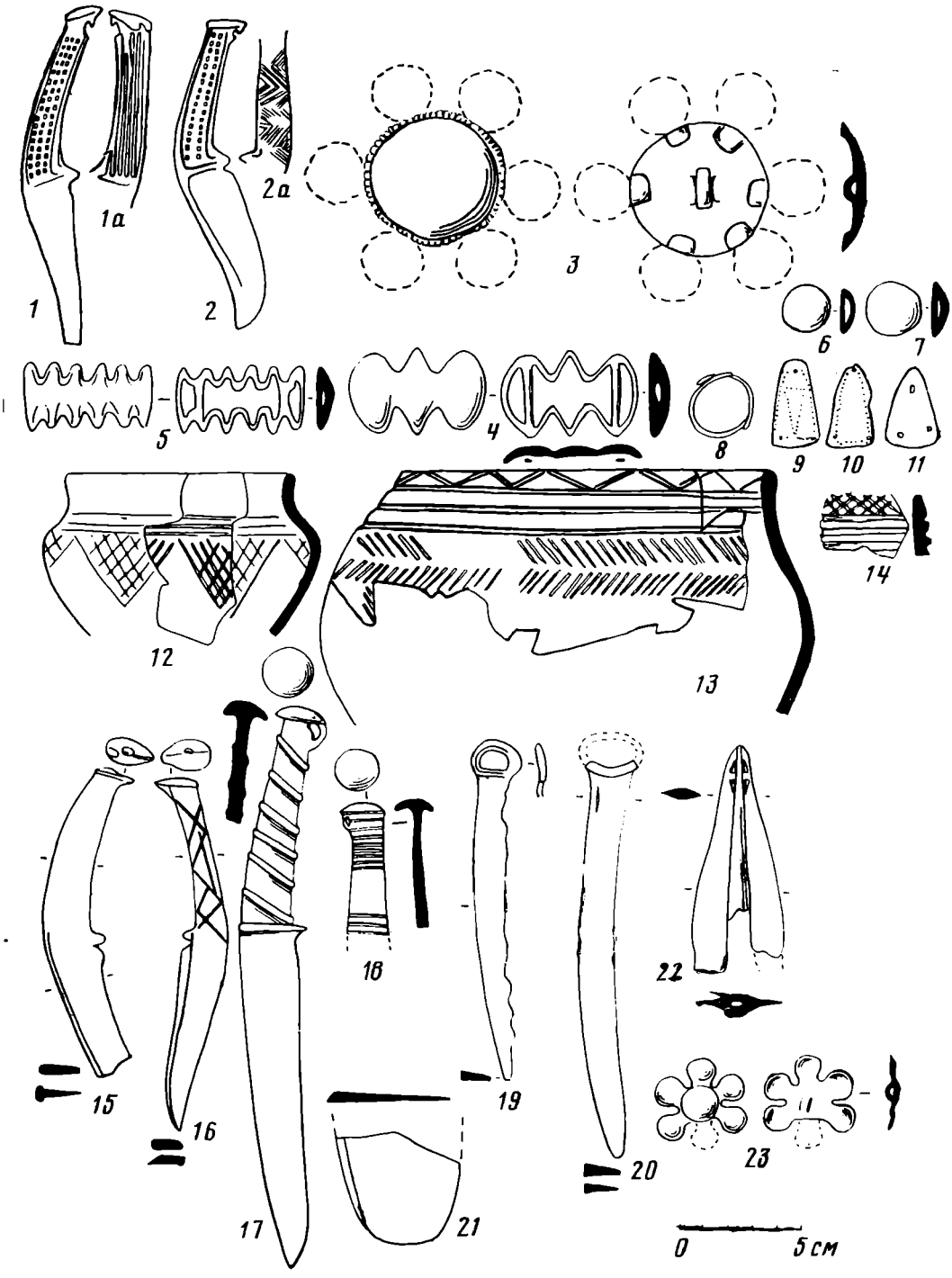


Рис. 1. Предметы из могильника Нижняя Коя (*1—14*), поселения Нижняя Коя (*21*) и случайные находки с р. Коя (*15—20*, *22*, *23*). *1* — ММ, 9995-2; *2* — ММ, 9995-3; *3* — ММ, 9995-4; *4* — ММ, 9995-6; *5* — ММ, 9995-5; *6—8* — ММ, 9995; *9* — ММ, 9995-13; *10* — ММ, 9995-14; *11* — ММ, 9995-15; *12* — ММ, 9995-1; *13* — ММ, 9995-1; *14* — ММ, 9995-1; *15* — Верхняя Коя, ММ 1279; *16* — Верхняя Коя, ММ 1274; *17* — «д. Коя, на дюнных выдувах, 1920 г.», КМ, 131-63; *18* — Верхняя Коя, ММ 1450; *19* — Верхняя Коя, ММ, 1240; *20* — Коя, ММ, 1196; *21* — ММ, 9995/19; *22* — «Нижняя Коя (на песках)». КМ, 131—819; *23* — Коя. ГИМ, временное хранение, шифр XI а. 41. *1-а*, *2-а* — обратная сторона ручки ножей 1, 2; *12—14* — керамика, остальное бронза

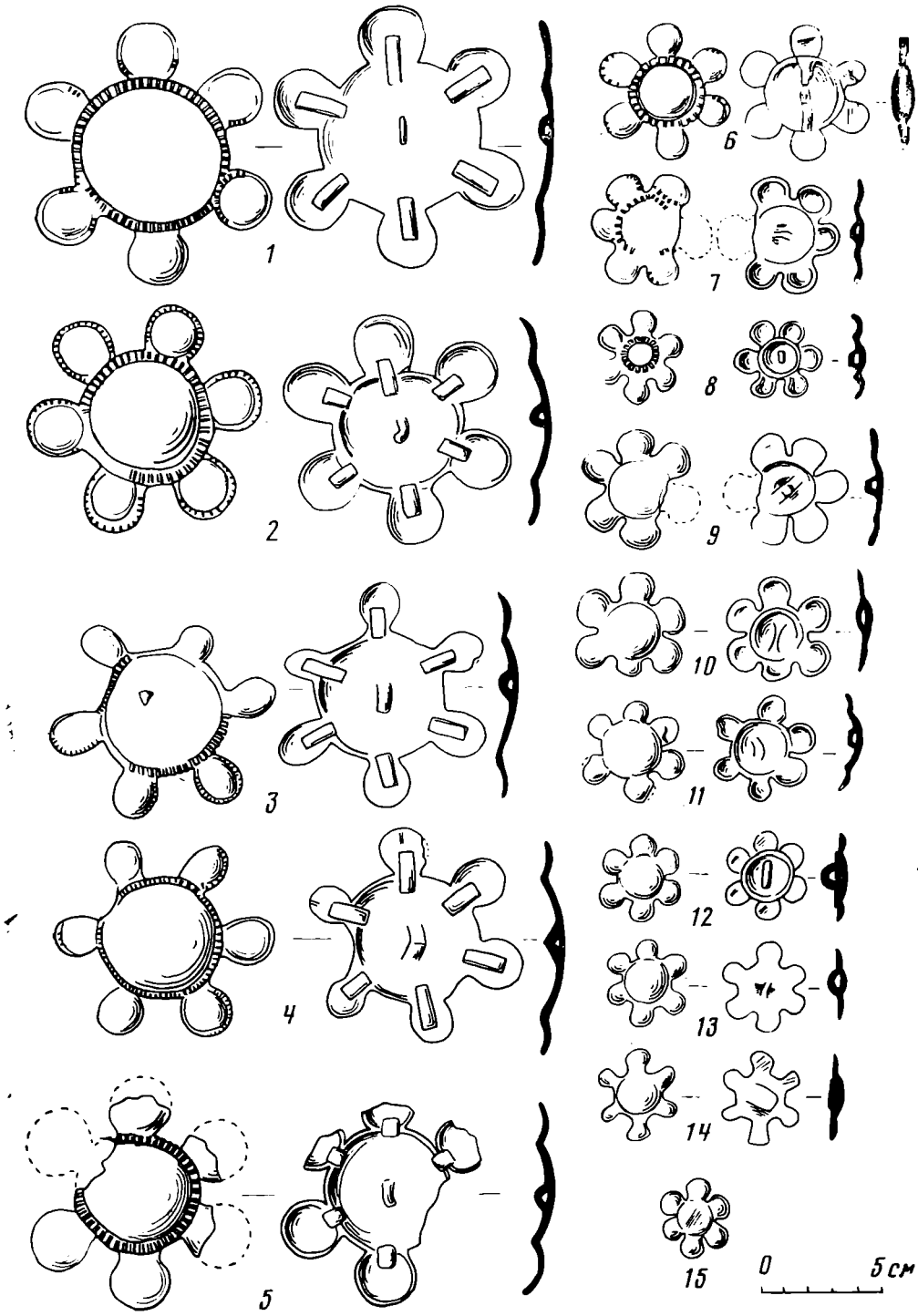


Рис. 2. Бляхи с шестью приливами из Минусинской котловины. *1* — дер. Табат. МИМК ТГУ, 2922; *2—4*, *8* — с. Бейское (2 — ММ, 8830; *3*, *4* — ГЭ, 5531 — 1439, 1438; *8* — ГЭ, 1293 — 208); *5* — Минусинский край, ММ, 8949; *6* — Жерлык, ММ 8835; *7* — «Правый берег р. Абакана. Степь между Табатом и с. Означенное. Покупка А. В. Адрианова 1894 г.» ГЭ, 1126—233; *9—11* — Минусинский край (*9* — КМ, 131-823; *10* — КМ, 131-7; *11* — ГЭ, 3975-349); *12* — Шунеры, ММ, 8832; *13* — Минусинский край, ММ, 8923; *14* — Малая Иня, ГЭ 1293-209; *15* — Малая Ничка (по: *Tallgren A. M.* Collection Tovostine. Helsinki, 1917, pl. X, *17*); *1—15* — бронза

Индивидуальные характеристики карасукских ножей с р. Кои

Характеристика	Н. Коя, ММ 9995/2 (рис. 1, *1*)	Н. Коя, ММ 9995/3 (рис. 1, *2*)	В. Коя, ММ 1274 (рис. 1, *16*)	В. Коя ММ 1279 (рис. 1, *15*)	$\bar{x}$ по 4-й группе	Размах колебаний по 4-й группе
Центральный угол	150°	145°	162°	152°	160°	121–180°
Длина ножа, *см*	Более 14,2	13	15	Более 12,9	16,1	9,7–23,8
Ширина клинка максимальная, *см*	2,1	2,1	1,8	2,3	2,4	1,7–3,6
Указатель стройности	Менее 14,7	16,1	12	?	14,6	19,3–10,6
Ширина ручки минимальная, *см*	1,1	1,0	1	1,2	1,2	0,8–1,4
Ширина ручки максимальная, *см*	1,9	1,8	1,2	2	1,7	1,2–2,1
Длина шипа, *мм*	5	6	5	6	7,9	1–15
Разность максимальной ширины клинка и ручки	0,2	0,3	0,6	0,3	До 0,3 *см* – у 13,5±1,8% ножей	
Отношение длины клинка к общей длине ножа, %	Менее 47	50	54	?	51,8	
Ручка орнаментирована с двух сторон различно	+	+			20±8,9% по 4-й группе	
Ручка орнаментирована с одной стороны			+			
Ручка без орнамента				+		

(рис. 1, *2*) на одной стороне орнамент из двух рядов выпуклых четырехугольников, а с другой — из «взаимопроникающих треугольников» (термин М. Ф. Косарева). Все эти орнаменты также типичны для первых семи групп карасукских ножей. В частности, в 4-й группе (отличающейся наибольшим разнообразием орнаментов) как раз орнаменты, представленные на ножах из Кои,— самые распространенные [4].

Ножи 4-й группы датируются в довольно широких пределах — XI—VIII вв. до н. э. Кроме Кои они известны всего в трех комплексах из Минусинской котловины (Бейская шахта, Карасук IV и Абакан-мост). Нож из могильника Абакан-мост представляет уже пережиточный тип в 4-й группе, дата могильника Абакан-мост — VIII—VII вв. до н. э.[5] Ножи из нижнекойских погребений гораздо архаичнее. Их сравнительно малые центральные углы, небольшие шипы, тот факт, что ручки их орнаментированы по-разному с разных сторон — все это ранние признаки. Более сопоставимы они с ножами из Бейской шахты и Карасука IV, которые по комплексу (сочетания ножей разных групп и две радиокарбонные даты для могильника Карасук IV — 980 и 760 гг. до н. э.) датируются в пределах XI—VIII вв. до н. э.[6]

Фигурная бляха на рис. 1, *4*, состоящая из трех соединенных между собой блях — двух овальных по краям, с петельками на обороте и ромбической в середине,— редкая форма. Мне известна только одна аналогия ей — со стоянки Ярки, содержащей карасукскую и лугавскую керамику [7].

[4] *Членова Н. Л.* Ук. соч., табл. 22, орнаменты № 7, 9, 13.
[5] *Членова Н. Л.* Хронология..., с. 43, 61, табл. 3, *16*, табл. 10, *34*.
[6] Там же, с. 61, 62.
[7] Там же, с. 117, табл. 54, *22*.

Вторая фигурная бляха — зубчатая, также с двумя петельками на обороте (рис. 1, *5*) — ближайшие аналогии находит в Сартакском кладе в Минусинской котловине (VII—VI вв. до н. э.). Как долго бытуют эти бляхи — пока неизвестно.

Третья фигурная бляха (рис. 1, *3*) — круглая, с петелькой на обороте и шестью малыми бляхами-приливами по краю — распространенный в Минусинской котловине тип украшений. Известны они в двух вариантах: крупные бляхи, общим диаметром 9—11 *см* (диаметр центральной бляхи 4,5—6,5 *см*) и мелкие, общим диаметром 3,5—5 *см*. У крупных — центральная бляха, а иногда и бляхи-приливы окаймлены рубчатым кантиком (рис. 2, *1—5*), у мелких такой орнамент встречается лишь изредка. Все крупные бляхи изготовлялись одним способом: модель центральной бляхи соединялась с моделями блях-приливов с помощью коротеньких «ремешков» с обратной стороны (2, *1—5*). Иногда некоторые бляхи-приливы отламывались, но их первоначальное число можно установить по числу этих «ремешков». На публикуемой нижнекойской бляхе не сохранилось ни одного прилива (рис. 1, *3*), но по «ремешкам» на обороте видно, что их было шесть; диаметр сохранившейся центральной бляхи 5, 7 *см*, общий диаметр был, вероятно, 9—10 *см*. Такая же крупная бляха (общий диаметр ее 11 *см*) входит в состав Тукайского клада (или погребения) VIII—VII вв. до н. э.[8], еще пять — случайные находки, все из Минусинской котловины (рис. 2, *1—5*).

Мелкие бляхи с шестью приливами распространены шире. Интересно, что такая бляха общим диаметром 4 *см* найдена в Кое, видимо, неподалеку от нижнекойских погребений (рис. 1, *23*). Из комплексов Минусинской котловины происходят еще четыре такие бляхи: Верхний Аскыз (XII—XI вв. до н. э.) [9], Карасук IV (XI—VIII вв. до н. э.) [10], Малые Копены III (VIII—VI вв. до н. э.) [11] и улус Шалгинов (карасукское погребение, без датированных вещей) [12]. Из случайных находок из Минусинской котловины происходит 11 таких блях, включая бляху из Кои (рис. 2, *6—15*; 1, *23*). За пределами Минусинской котловины такая бляха найдена в Томском могильнике (Большой мыс [13], VIII—VII вв. до н. э.) и во Врачанском могильнике в Болгарии (VI в. до н. э.) [14]. Судя по тому, что могильник Карасук IV по ножам синхронен Нижнекойскому, большие и маленькие бляхи с шестью приливами также синхронны на протяжении какого-то отрезка времени. Судя по находкам в улусе Шалгинова и в Томском могильнике, они служили шейными или нагрудными украшениями.

Тонкие, плоские треугольные бляшки из нижнекойских погребений, с отверстиями для нашивания в вершинах углов, делятся на орнаментированные выпуклыми точками (рис. 1, *9*, *10*) и неорнаментированные (рис. 1, *11*). Это довольно обычное карасукское украшение. Э. А. Новгородова пишет, что эти бляшки встречаются исключительно «в карасукских погребениях с афанасьевскими традициями» [15] (т. е. лугавских.— *Н. Ч.*). Однако они встречены не только в лугавских погребениях (улус

---

[8] *Членова Н. Л.* Карасукские находки в первой излучине Чулыма.— КСИА АН СССР. № 114, 1968, с. 86, рис. 40, *3*; *ее же*. Хронология..., с. 51.

[9] *Членова Н. Л.* Хронология..., табл. 17, *7*, с. 62.

[10] *Грязнов М. П.* Отчет о раскопках Карасукского отряда за 1963 г. Красноярской экспедиции.— Архив ИА АН СССР, р-1, д. 2742, с. 14.

[11] *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копёны 3. М., 1977, с. 111, рис. 9, *9*.

[12] Раскопки А. Н. Липского, 1965.

[13] *Комарова М. Н.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, № 24, 1952, с. 31, рис. 17, *8*.

[14] *Николов Б.* Тракийски наместници във Врачанско.— Известия на Археологическия ин-т Българска Академия на науките, т. XXVIII. София, 1965, с. 166—169, рис. 7, *в*, *и*, *к*.

[15] *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, с. 127, рис. 41, *6*, *7*, с. 128, 164—166.

Федоров, мог. 11 [16], Кривинское, мог. 21 [17], Карасук IV [18]), но и в карасукских (Орак, «Красная гора», мог. Е [19], Аскиз, мог. 2 [20]) и в Тукайском кладе [21], где нет керамики, так что нельзя определить, карасукский он или лугавский. Это одно из карасукских бронзовых украшений, заимствованных лугавцами, которые вообще не имели собственных, оригинальных типов бронзовых изделий. Из случайных находок из Минусинской котловины мне известно еще шесть таких бляшек (рис. 3, *1—6*), из них бляшки из деревень Колмаковой (рис. 3, *3*) и Шунеры (рис. 3, *1*) особенно близки к нижнекойским по орнаменту (рис. 1, *9*, *10*).

Остальные украшения нижнекойских погребений — бронзовые бляшки-пуговицы с петелькой на обороте, диаметром 2—2,5 *см*, височные проволочные кольца (рис. 1, *6—8*), аргиллитовые цилиндрические бусы — столь обычны в карасукских погребениях, что аналогий можно не приводить.

В Нижней Кое найдено три сосуда в обломках. Первый из них (рис. 1, *12*) маленький, диаметр его верхнего края 9,5 *см*, высота, видимо, около 8 *см*, максимальный диаметр 11,2 *см*; сосуд резко профилирован, шейка четко отделена от выпуклых плеч. Дно не сохранилось. Край венчика округлен. Цвет сосуда желтый с серым. Поверхность шероховатая, лощения нет. Орнамент его нарезной, нанесен небрежно, состоит из трех узких желобков, отделяющих шейку от плеч, и расположенных на плечах и тулове крупных равнобедренных треугольников, заштрихованных «сеткой». По форме и орнаменту сосуд относится к карасукской культуре.

Второй сосуд более крупный, диаметр его верхнего края 15,2 *см*, высота, очевидно, около 13 *см*, максимальный диаметр 20,1 *см* (рис. 1, *13*). Сосуд округлый, шейка почти не выделена, она очень плавно переходит в слабовыпуклые плечи. Край венчика округлен. Дно не сохранилось. Цвет сосуда серый с желтым, поверхность шероховатая, лощения нет. Орнамент состоит из трех узких желобков по горлу и насечек, образующих по верхней части горла зигзаг, а по плечам и верхней части тулова — три ряда насечек, наклоненных в разные стороны и образующих «елочку». Нижняя часть сосуда без орнамента. Сосуд представляет собой нечто среднее между карасукской и лугавской керамикой. Его форма, округленный край — карасукские, орнамент из наклоненных насечек напоминает лугавский; но лугавский орнамент обычно наносили четырехгранной палочкой, напоминающей спичку, а в данном случае чем-то более тонким и острым.

От третьего сосуда сохранился лишь небольшой фрагмент венчика (рис. 1, *14*), по которому трудно судить, принадлежал ли он банке или сосуду с прямой, хорошо выделенной шейкой. Диаметр верхнего края не восстанавливается. Край венчика имеет прямой срез. Цвет серый с желтизной. Поверхность шероховатая. По верхнему краю венчика — орнамент «сетка», нанесенный штампом, ниже — несколько желобков. Фрагмент принадлежал типичному лугавскому сосуду.

Таким образом, могильник в Нижней Кое принадлежал смешанному карасукско-лугавскому населению, что достаточно типично, особенно для

---

[16] *Липский А. Н.* Афанасьевское в карасуке и карасукское у хакасов.— В сб.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, с. 75, табл. 10, *4*.

[17] *Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г.— Ежегодник Государственного музея им. Мартьянова, т. IV, вып. 2. Минусинск, 1929, табл. III, *28*.

[18] *Грязнов М. П.* Отчет о раскопках Карасукского отряда за 1962 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2484-а, с. 8, рис. 3; с. 22, рис. 4; с. 25, рис. 4; с. 31, рис. 8.

[19] Раскопки Г. П. Сосновского, 1926; *Комарова М. Н.* Карасукские могильники близ улуса Орак.— В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 87, рис. 2, *1*.

[20] *Кузнецов-Красноярский И. П.* Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907, табл. IV, *6*.

[21] *Членова Н. Л.* Карасукские находки..., с. 86, рис. 40, *6*.

района правобережья Енисея южнее р. Тубы, где он расположен. Район этот лесостепной, а сам могильник расположен на границе лесостепи и боровых песков, оставшихся на месте бывших сосновых боров — излюбленных мест поселений лугавцев. Дату могильника по приведенным выше датам ножей и украшений можно определить пока лишь в широких пределах — XI—VIII вв. до н. э. Памятников этого времени в Минусинской котловине мало: всего одна стоянка, два карасукских могильника и два лугавских [22], так что каждый новый памятник представляет интерес. Вероятно, с накоплением материала дату этих памятников удастся сузить. Кроме того, могильник в Нижней Кое — пока самый южный из могильников карасукской эпохи, известных на правобережье Енисея. Поэтому интересны и другие памятники с р. Кои.

Обследовавший могильник в Нижней Кое Н. В. Леонтьев сообщает, что в 50—75 *м* от могильника, на этих же песчаных выдувах местами прослеживается культурный слой развеянной стоянки, где им найден обломок бронзового серпа или косаря (рис. 1, *21*), конец лезвия бронзового ножа и мелкие, невыразительные обломки керамики.

Известно еще два карасукских предмета, найденных у Нижней Кои, «на песках», «на дюнных выдувах»: карасукский нож 9-й группы, датирующийся в широких пределах XI — VI вв. до н. э., с литым орнаментом на ручке, имитирующим обмотку (рис. 1, *17*), и бронзовое зажимное копье со щелью в пере для насада (рис. 1, *22*).

Таких копий из случайных находок из Минусинской котловины мне известно еще 12 (рис. 3, *7—15*) [23]. Датируются они VIII—VII вв. до н. э. по находке такого копья в землянке поселения Каменный лог, вместе с роговым псалием чернолесского типа [24].

Еще шесть случайных находок происходят из с. Верхняя Коя (километрах в десяти от выдувов у Нижней Кои) или просто с р. Кои, без точного указания места находки (т. е. также не более чем в 10 *км*): пять ножей (рис. 1, *15*, *16*, *18—20*) и бляшка с 6 приливами, упомянутая выше (рис. 1, *23*). Два из этих ножей относятся, как и ножи из Нижнекойского могильника, к 4-й группе (рис. 1, *15*, *16*). Их размеры приведены в таблице и показывают, что все четыре ножа 4-й группы с р. Кои достаточно близки по размерам и пропорциям: все они довольно сильно изогнуты (центральный угол — от 145 до 162°, тогда как размах колебаний в этой группе — от 121 до 180°, средняя — 160°); все ножи с Кои — небольших размеров (длина их 13—15 *см*, тогда как средняя по группе 16,1 *см*), клинки их узкие (1,8—2,3 *см*, средняя по группе 2,4 *см*), длина шипа 5—6 *мм* (средняя по группе 7,9 *мм*), разность максимальной ширины клинка и ручки невелика — у трех ножей из четырех она 0,2—0,3 *см*, тогда как в группе преобладают такие ножи, где эта разность составляет 0,6 *см* и более (56,7% ±2,3) [25]. Все эти особенности ножей с Кои в совокупности указывают на их архаичность в пределах этой группы. Ручка ножа на рис. 1, *16* орнаментирована с одной стороны неправильными пересекающимися линиями, второй нож (рис. 1, *15*) без орнамента. Оба ножа с Верхней Кои — без колечек под шляпкой.

Третий нож из Верхней Кои (сохранилась только верхняя часть его ручки с навершием) относится к 9-й группе. Ручка его имеет типичный для этой группы орнамент из кольцевых бороздок (рис. 1, *18*).

Четвертый нож, с «аркой на кронштейне», относится к 15-й группе, VIII—VII или VII в. до н. э. (рис. 1, *19*). Пятый нож — с овальным

---

[22] *Членова Н. Л.* Хронология..., с. 129.

[23] А также три копья из Красноярского округа, изданные в книге: *Радлов В. В.* Сибирские древности.— МАР, № 15, СПб., 1894, табл. XIX, *7—9*.

[24] *Грязнов М. П.* Отчет о раскопках Карасукского отряда Красноярской археологической экспедиции 1962 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2484, с. 58, 59; р-1, № 2484-а, с. 68, рис. 5 и 1.

[25] *Членова Н. Л.* Хронология..., с. 65.

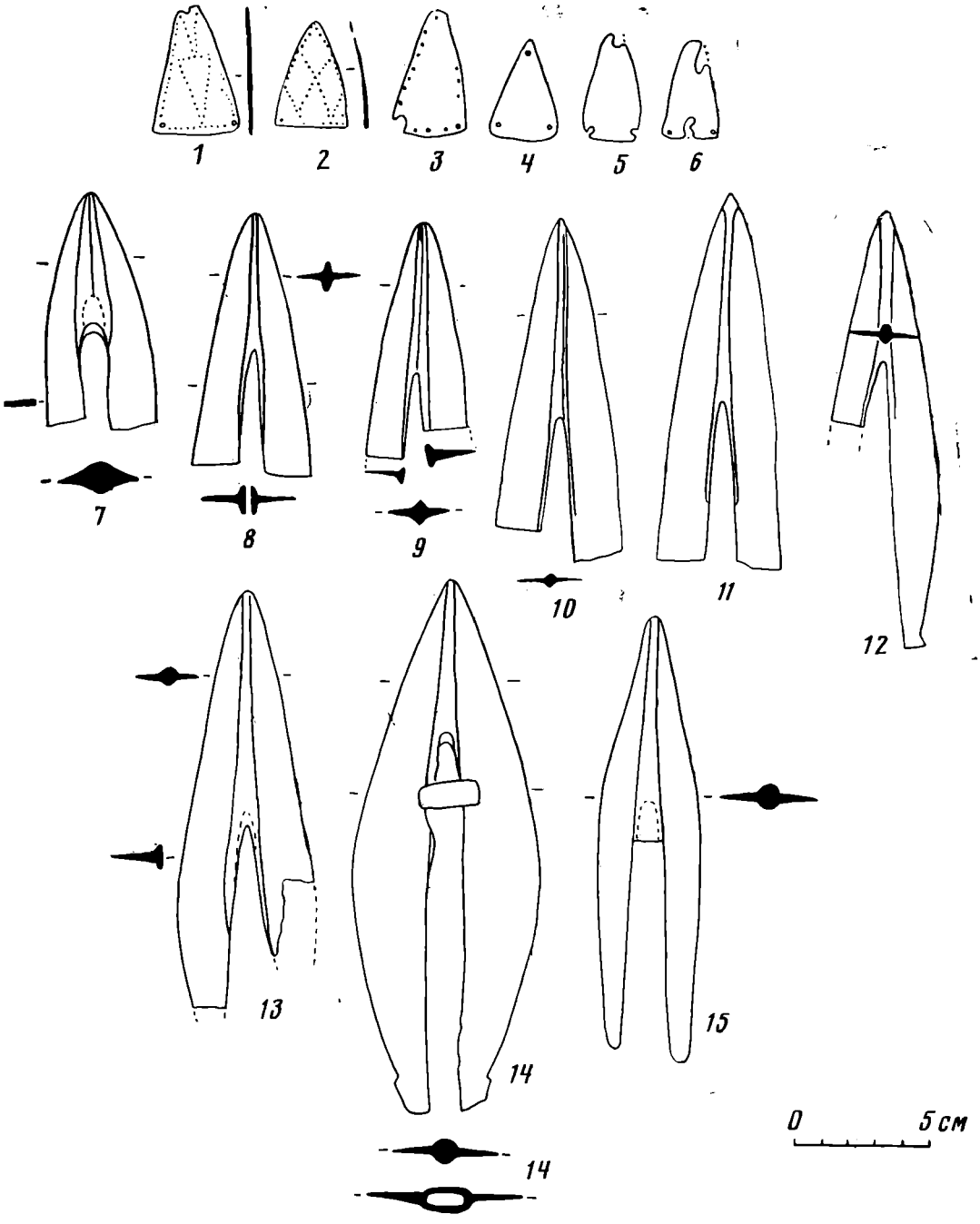


Рис. 3. Треугольные бляхи (*1—6*) и зажимные копья (*7—15*) из Минусинской котловины. *1* — Шунеры. ГИМ, 32872 (колл. И. П. Кузнецова), хр. 19/17б; *2* — Дубенское. ММ, 8968; *3* — дер. Колмакова. ММ, 8964; *4—6* — Бея, Усть-Есь, Калы. ММ, без номера, экспозиция; *7* — ст. Телек, АМ, 248-2 (из ММ, 6212); *8* — дер. Каменка. МИМК ТГУ, 6272-447; *9* — Минусинский край. ТКМ, без номера, экспозиция; *10—12* — Минусинский край. По рис. Ю. С. Гришина (*10* — ММ, 7228; *11* — ММ, 7229; *12* — 7232); *13—14* — Минусинский край (*13* — АМ, 248-1; *14* — АМ, 248-2, из ММ, 190); *15* — Таштып (?), ММ, 7230. *1—15* — бронза

кольцом, 14-й группы (сохранилась лишь нижняя часть кольца), по форме близок к раннетагарским (рис. 1, *20*). Дата его, вероятнее всего, VII в. до н. э. О последней находке с р. Кои, маленькой бляшке с шестью приливами (рис. 1, *23*), уже говорилось раньше.

Рассмотрение вещей из погребений в Нижней Кое и случайных находок из Верхней Кои и с р. Кои позволяет заключить, что эта небольшая

речка, длина которой всего около 21 *км*, была довольно плотно заселена в карасукскую эпоху. Ее низовья, на протяжении 8—9 *км* занятые боровыми песками (в недавнем прошлом сосновым бором), смыкающимися на севере с борами по р. Лугавка и Ничка, а на юге — с обширными борами междуречья Ои и Шуши, были заселены, очевидно, лугавским населением; восточнее, в лесостепи, жили носители карасукской культуры. Смешение лугавской и карасукской культур характерно для рассматриваемой территории, как и для соседних.

Из девяти датированных бронзовых вещей (восемь ножей и одно копье) пять относятся, вероятнее всего, к VIII—VII вв. до н. э. (копье, ножи групп 14 и 15 и, вероятно, ножи 9-й группы, рис. 1, *17—20*, *22*). Остальные четыре ножа 4-й группы (рис. 1, *1*, *2*, *15*, *16*) и могильник, где найдено два из них, можно датировать пока только в широких пределах — XI—VIII вв. до н. э. Архаические черты этих ножей не исключают предположения, что могильник может относиться к началу этого периода.

Разрушенное поселение датируется пока лишь в пределах карасукской эпохи.

N. L. Chlenova

NIZHNYAYA KOYA — THE NEW CEMETERY OF THE KARASUK EPOCH IN THE MINUSINSK DEPRESSION

Summary

In 1972 local inhabitants together with an archaeologist of the Minusinsk State museum N. V. Leontyev discovered the new cemetery of the Karasuk epoch near village Nizhniya Koya to the south-south-east from Minusinsk. The cemetery, destroyed by the wind, contained rich grave furniture: two bronze knives, three vessels and a lot of bronze ornaments. The cemetery, dated to the XI—VIIIth centuries b. c. was left by mixed population of Karasuk and Lugavskoe cultures. This is the most southern cemetery of the Karasuk epoch at the right bank of the river Yenisei.

В. А. ЗАВЬЯЛОВ

РАСКОПКИ КВАРТАЛА ПОЗДНЕКУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ГОРОДИЩЕ ЗАР-ТЕПЕ В 1975—1976 гг.

Городище Зар-тепе, расположенное в Сурхандарьинской области Узбекской ССР в 26 *км* к северо-западу от Термеза, впервые исследовалось в 1950—1951 гг. Л. И. Альбаумом [1]. С осени 1972 г. раскопки на памятнике осуществляются Бактрийской экспедицией под руководством В. М. Массона. Городище, площадь которого 16,9 *га,* квадратное в плане, ориентировано углами по странам света с чуть заметным отклонением к западу. Это был крупный городской центр одного из древних ирригационных районов на правом берегу Амударьи, входивших в состав Кушанского государства [2]. Исследования, осуществлявшиеся в течение нескольких лет, выдвинули ряд задач, связанных с изучением внутренней структуры, застройки города, выделением основной ее планировочной единицы, получением массового археологического материала, отражающего различные стороны быта и культуры горожан, а также древние производства. С этой целью в течение двух полевых сезонов группой под руководством автора проводились раскопки одного из жилых кварталов (Р-6).

Квартал выделяется в микрорельефе городища и расположен в юго-восточной его части. В плане он вытянутой формы, неправильных очертаний, ориентирован длинной осью по линии ВСВ—ЗЮЗ. Вскрытию подверглись остатки верхнего строительного горизонта, относящиеся к последнему периоду обживания этой части городища в позднекушанское время (рис. 1). В процессе работ 1975 г. было раскопано полностью 10 помещений и начаты раскопки помещений 5, 6, 13, 15, завершенные окончательно в 1976 г. В полевом сезоне 1976 г. раскопано еще 30 помещений и часть улицы протяженностью 75 *м*, прорезающей квартал по длинной его оси и делящей его на две половины. Общая площадь обнаруженных помещений и части улицы составила 2130 *м*^{2}.

Стены помещений сложены из квадратного сырцового кирпича, размер которого в большинстве случаев 34×34×11 *см*. Максимальная сохранность стен по высоте 1,30 *м*, минимальная — 0,10 *м*, что прежде всего относится к остаткам стен, расположенных на оплывших краях холма, и остаткам верхнего строительного периода, зафиксированным на нескольких участках раскопа. За редким исключением помещения квартала имеют прямоугольную форму и ориентированы длинными осями либо по линии ССЗ—ЮЮВ, либо — ВСВ—ЗЮЗ, что соответствует ориентировке городища и указывает на планомерность его застройки. О планомерности застройки свидетельствуют также продольная улица и два переулка, отходящие от нее под прямым углом. Один из них, под условным номе-

[1] *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 14—41.

[2] *Массон В. М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 5.

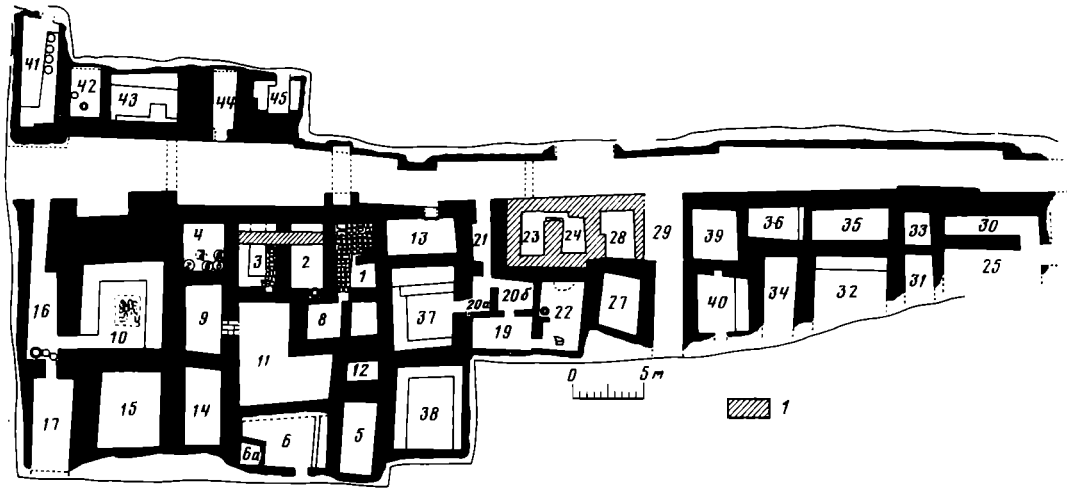


Рис. 1. План раскопанной части квартала. *1* — стены верхнего строительного горизонта

ром 29, отходил в юго — юго-восточном направлении и позволял выходить на незастроенный участок, расположенный между кварталом и юго — юго-восточным фасом оборонительной стены. Отсутствие строительных остатков и совсем незначительное количество керамики на поверхности участка наводят на мысль о его возможном использовании под сад. Второй переулок, расположенный к северу от помещения 24, только намечен и ведет в северо — северо-западном направлении, по всей вероятности, к айвану здания дворцового характера, раскопки которого производились в 1972—1976 гг.[3]

Несмотря на плохую сохранность некоторых стен и трудности в обнаружении системы проходов, можно уже сейчас наметить некоторые общие черты и тенденции застройки, а также выделить ряд планировочных единиц (домов). Одна из них, по-видимому, состояла из помещений 1—6, 8, 9, 11, 12, 14. Здесь обращает на себя внимание расположение помещений 1—4, явно подсобно-хозяйственного назначения, рядом с улицей, отделенной от них стеной. Функциональное назначение определено на основе характерных для них признаков: вымостка третьего уровня[4] пола обожженным квадратным кирпичом в пом. 1; наличие ниш для хумов в помещениях 2, 3 и остатки пяти хумов, обнаруженных в пом. 4 на уровне третьего пола. Поскольку пом. 1 соединялось проходом, выложенным обожженным кирпичом, с пом. 8, то следует предполагать, что оставшиеся помещения 2—4 были либо соединены в анфиладу, при этом одно из них должно было иметь выход в пом. 9 или 11, либо все они должны были связываться проходами с упомянутыми выше помещениями 9, 11, в свою очередь связанными проходом шириной 0,90 *м*, выложенным обожженным кирпичом, на уровне первого пола. Функциональное назначение остальных помещений этого дома пока не поддается достоверному определению, можно лишь отметить расположенное в центре выделяющееся размерами помещение 11.

Вторая планировочная единица состояла из помещений 13, 37, 38, 19—22, 27. Раскопки этого дома в юго — юго-восточном направлении еще не закончены, кроме того, помещения 23, 24, 28, относящиеся к более позднему строительному периоду, не позволили выяснить планировку предполагаемого дома до конца. Система проходов, ширина которых колеблется от 0,70 до 0,90 *м*, связывала между собой помещения 19—22, 37,

[3] *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология.— В сб.: Бактрийские древности (далее — БД). Л., 1976, с. 6, 7.

[4] Отсчет уровней полов здесь и далее ведется сверху от условного репера.

что указывает на принадлежность их к одному дому. Помещение 21 служило коридором-проходом, связывающим дом с улицей. Помещение 13 также имело выход на улицу.

В значительной степени худшая по сравнению с предыдущими сохранность помещений 32, 34—36, 39, 40, расположенных ближе к краю холма, и отсутствие проходов заставляют лишь очень предположительно выделять их в третью планировочную единицу. В пользу этого предположения прежде всего свидетельствует переулок 29, отделяющий помещения этого дома от предыдущего.

Вследствие того, что раскопки в восточном — северо-восточном направлении еще не завершены, трудно определить место помещений 25, 30, 31, 33 в общей системе застройки квартала. Они могут относиться как к третьей, так и к четвертой планировочным единицам.

С целью выяснения характера застройки по другой стороне улицы было раскопано пять помещений (41—45), расположенных к северу от пом. 16. Три из них (41—43), по-видимому, подсобно-хозяйственного назначения, что подтверждается находками хумов, зернотерок и многочисленных фрагментов керамики. Их расположение рядом с улицей, как и аналогичное расположение помещений 1—4 в первой планировочной единице, предполагает наличие жилых помещений и, возможно, фасада или айвана далее к северо — северо-западному склону холма. Если это заключение верно, то можно предположить общий характер застройки квартала. Прежде всего необходимо отметить, что квартал разделен прямоугольной системой из продольной улицы и переулков, пространство между которыми заполнено блоками домов. Фасады или айваны домов, располагавшиеся на северо — северо-западной окраине холма, вполне могли выходить на айван здания дворцового характера, а фасады, располагавшиеся на юго — юго-восточной стороне холма, могли выходить в сад.

Совершенно особое место в планировке квартала отведено пом. 10, расположенному в западно — юго-западной части раскопа к юго-западу от пом. 9. Оно почти квадратное (5,70×6 *м*), вдоль трех его стен зафиксирована суфа шириной 1,10—1,20 *м*, внутренний край которой обмазан тонким слоем белого алебастра. На уровне второго пола (0,80 *м*) в центре помещения был обнаружен, по-видимому, культовый очаг на квадратной (1,30×1,30 *м*) платформе, выложенной сверху обломками обожженного кирпича, на поверхности которых были открыты угольки и зола (рис. 2). На восточно — юго-восточном краю платформы стояли поставленные на ребро обожженные кирпичи, образовывая бортик. В юго — юго-западном углу помещения располагался проход, шириной 0,70 *м*, в соседнее коридорообразное пом. 16, выводившее непосредственно на улицу. В данном случае перед нами остатки домашнего или, скорее, исходя из планировочного решения, общеквартального святилища. Один из возможных вариантов реконструкции сооружения предложен художником В. Зерновым (рис. 3).

При оформлении интерьера помещений квартала часто использовались суфы, ниши, в помещениях хозяйственного назначения полы иногда, как в пом. 1, покрывались вымосткой из обожженного кирпича. В нескольких случаях зафиксировано применение упомянутых кирпичей при оформлении проходов. Стены помещений и суфы покрывались саманной штукатуркой, достигавшей в зависимости от количества косметических ремонтов до 10 слоев. В некоторых помещениях, видимо парадного или культового назначения, как, например, в помещениях 10, 37, стены и суфы покрыты тонким слоем белого алебастра. Росписи стен помещений пока не обнаружено. Обращает на себя внимание и отсутствие обогревающих очагов и порогов в проходах, выходивших на улицу.

В процессе работ по вскрытию строений верхнего строительного горизонта, подразделяющегося на два строительных периода, обнаружен многочисленный археологический материал, находившийся в заполнении

Рис. 2. Общий вид святилища

между полами и на полах помещений, а также в культурных напластованиях улицы. Фиксация материала проводилась по уровням полов в помещениях и по штыкам в культурных напластованиях улицы.

Наиболее массовой категорией извлеченного археологического материала является керамика. Ввиду того, что детальная проработка ее еще не завершена, мы ограничимся лишь суммарной характеристикой керамического комплекса. Основная масса древней посуды изготовлена при помощи гончарного круга из хорошо отмученного теста светло-коричневых оттенков с примесью песка и, возможно, слюды в различных пропорциях. Сероглиняная керамика встречается довольно редко и составляет очень небольшой процент от общего количества. Необходимо также отметить, что кухонная посуда, как правило лепная, закопченная, с большой примесью песка и гипса в тесте встречена в комплексе в единичных экземплярах. Функционально весь керамический комплекс можно разделить на столовую, кухонную посуду и посуду для хранения сыпучих веществ и воды. К столовой посуде относятся прежде всего одноручные и двуручные кувшины различных размеров, представленные несколькими типами, кубки с перехватом корпуса, чаши с перехватом корпуса на поддоне, тонкостенные миски с чуть загнутым внутрь приостренным краем, различных форм тарелочки. Практически все перечисленные формы керамики, как правило, покрыты различными оттенками ангоба. При этом преобладают оттенки красного цвета. Большие и маленькие кувшинчики и тагоры окрашивались также темно-коричневым ангобом. Потеки краски и неангобированная придонная часть кувшинов позволяют реконструировать процесс их окраски. По-видимому, сосуды брали за придонную часть и окунали в раствор ангоба, при этом наружная часть кувшинов окрашивалась до границы, которую произвольно определял мастер, а внутренняя — до той границы, где жидкость соприкасалась с воздухом, заполнявшим внутреннюю полость сосудов. Затем кувшины ставили на просушку и именно тогда образовывались характерные для рассматриваемого керамического комплекса потеки ангоба (рис. 4). Несколько иной способ применялся для открытых форм сосудов, таких как тагоры, кубки с перехватом корпуса, чаши с перехватом корпуса на поддоне. В данном случае перед мастером стояла совершенно иная задача — покрасить внутреннюю полость сосуда. Так же как и при окраске кувшинов, тагора или кубок брали за дно и опускали в раствор, но при этом мастеру было необходимо выпустить находившийся внутри воздух. Это выполнялось простым на-

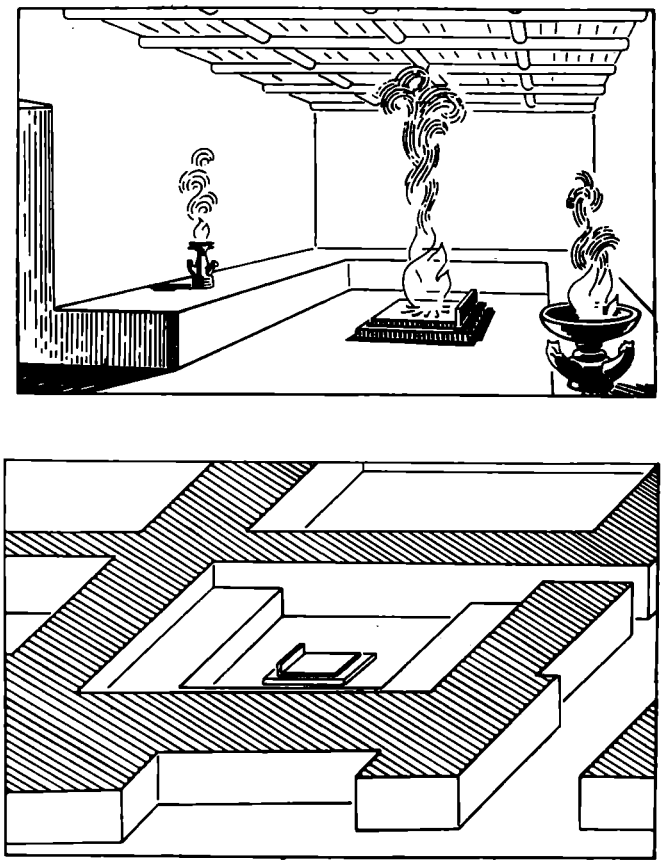


Рис. 3. Реконструкция святилища

клоном донной части в сторону, что, как правило, и проявляется на перечисленных формах сосудов в большей степени окраски одной из сторон придонной части. Возможен еще один способ, относящийся только к тагорам — зачерпывание раствора и расплескивание его по внутренней полости. Этот способ зафиксирован Н. С. Сычевой на каратепинских тагорах [5].

Поверх ангоба столовая посуда украшалась различными видами лощения. Вертикальным струйчатым лощением часто орнаментировались кувшинчики, кубки и чаши на поддоне. Сетчато-ромбическое лощение применялось при орнаментации кувшинов большей емкости. Лощение в виде пересекающих арок встречено на внутренней полости сосудов типа тагора.

Как украшение посуды в ряде случаев использовались зооморфные, антропоморфные (рис. 5) и геометрические налепы. Среди зооморфных встречены налепы в виде морд львов. Ими украшались миски с чуть загнутым внутрь приостренным краем. Кроме того, в пом. 17, в заполнении между первым и вторым полами, обнаружен налеп в виде морды льва, который, судя по форме, использовался как украшение нижней части ручки кувшина. В заполнении улицы открыты два фрагмента стенок кувшинов с налепами в виде голов козлов с явно выраженной прочерченными линиями бородой, а также головка обезьянки, некогда украшавшая ручку кувшина (рис. 5). Зооморфными мотивами декорировались также сливы и носики сосудов. Один из найденных сосудов был украшен носиком, изображающим, по-видимому, ежа. Нижний конец фрагмента гли-

[5] *Сычева Н. С.* Керамика Кара-тепе.— В сб.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975, с. 105.

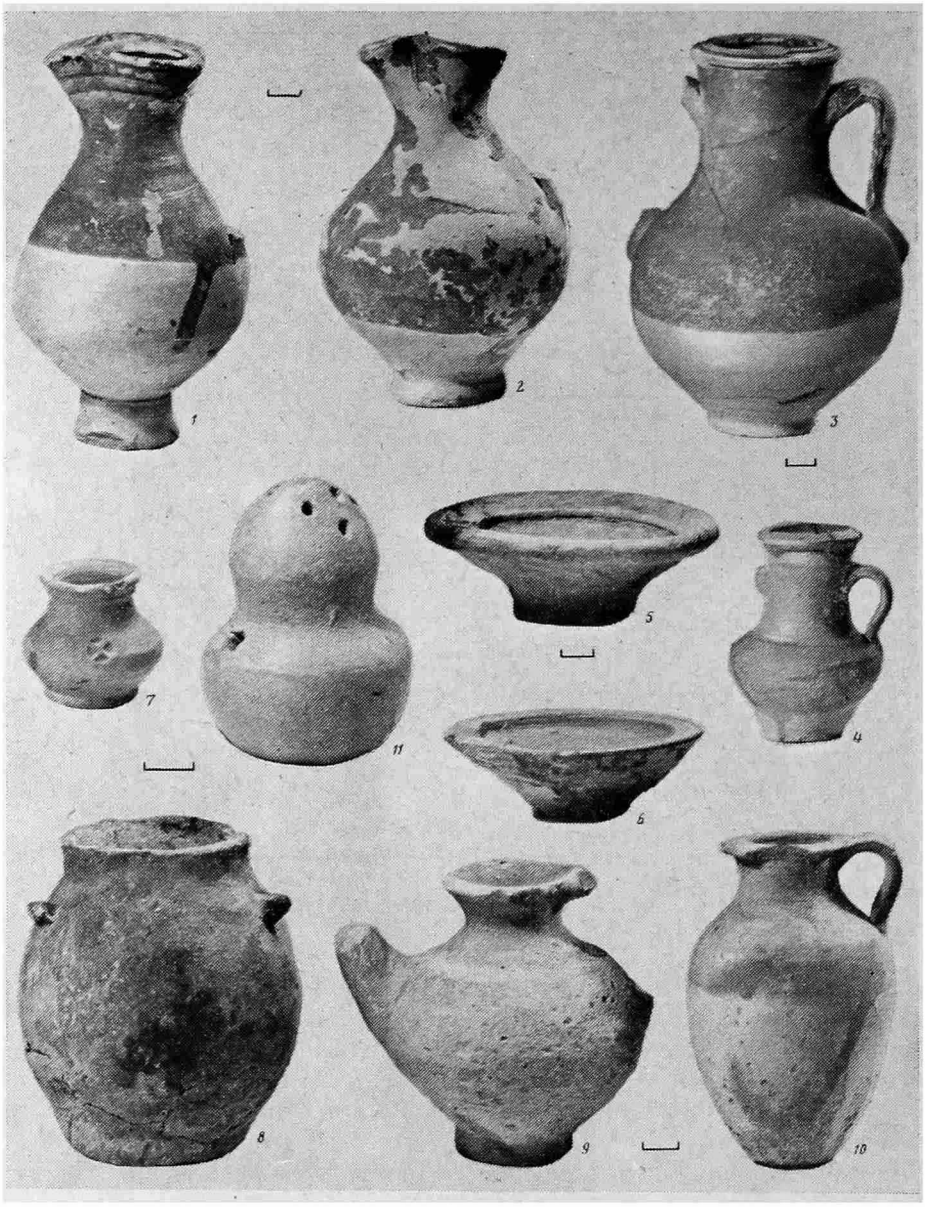


Рис. 4. Керамика из раскопа: *1—4*, *9*, *10* — кувшинчики; *5*, *6* — светильники; *7* — косметический сосудик; *8* — лепной сосудик; *11* — «перечница» (масштабы, кроме *11*, распределены попарно: *1—2*, *3—4* и т. д.)

няного ритона, обнаруженного в пом. 6 на уровне третьего пола, оканчивается головкой барана. Плохая сохранность зооморфного украшения сероглиняного сосудика, фрагмент которого открыт на уровне третьего пола в пом. 22, не позволяет отождествить его с каким-либо зоологическим видом.

Антропоморфные налепы в керамическом комплексе Р-6 зафиксированы в двух случаях (рис. 5). В первом мужская голова украшала нижнюю часть ручки красноангобированного кувшина, фрагменты которого были найдены на уровне третьего пола пом. 4 в одном из пяти хумов. Борода и ноздри изображения переданы наколами острого предмета. Налепные валики с косыми насечками изображают брови. Глаза нанесены полой трубочкой. Над высоким лбом находится головной убор, возможно диадема, повторение этого изображения расположено на 3 *см* выше. Начиная от нижнего изображения «диадемы» вверх идут четыре параллель-

Рис. 5. Зооморфные и антропоморфные украшения на керамике: *1* — ритон с головкой барана; *2* — ?; *3* — обезьяна; *4*, *5* — налепы в виде морд львов; *6* — налеп в виде мужской головы; *7* — налеп в виде женской головки; *8* — налеп, изображающий голову козла

ных ряда ногтевидных насечек. От верхней копии головного убора вверх идет ребро, оканчивающееся на верхнем изгибе ручки зооморфным налепом, по всей вероятности птицы. Помимо налепов кувшин по плечикам над ребром и ниже него орнаментирован сетчато-ромбическим лощением. Во втором случае налепом является женская головка, обнаруженная в заполнении над первым полом в пом. 11. Изготовленное при помощи матрицы изображение покрыто с лицевой стороны красным ангобом, оборотная его сторона, которой оно крепилось к стенке, по-видимому кувшина,— плоская, неангобированная.

«Геометрический» налеп в виде трех ребристых полусфер, напоминающих шлем, обнаружен пока в единственном числе на уровне первого пола пом. 45, на фрагменте краснолощеной миски с чуть загнутым внутрь приостренным краем.

Еще одним приемом орнаментации посуды являлись штампы, широко представленные в керамическом комплексе Р-6. Штампы наносились на поверхность сосудов до обжига, о чем свидетельствуют явно различимые отпечатки пальцев на внутренней поверхности, которые могли бы стать предметом специального исследования. Керамический предмет, обнаруженный в пом. 40 на уровне первого пола, являлся, скорее всего, матрицей, представляющей собой розетку с восемью лепестками. Видимо, с этой матрицы изображение оттискивалось на пуансон, при помощи которого наносилось впоследствии на сосуд. Часть штампов наносилась геммами с различными изображениями. Наиболее распространены штампы в

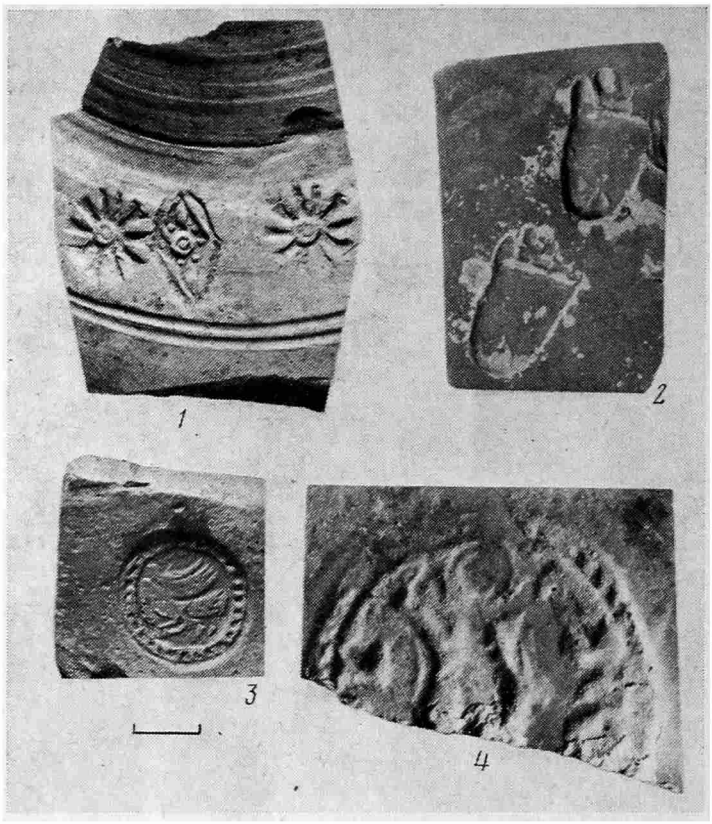


Рис. 6. Штампы на керамике: *1* — геометрические; *2* — «ступня Будды»; *3* — в виде птицы; *4* — солнечное божество на колеснице (увеличено в 2 раза)

виде так называемой овальной пальметки, ромба, окружности, разделенной на сектора, вихревой розетки, треугольника. Преимущественно орнаментация штампом встречается на плечиках, тулове, шейке и изредка на ручках кувшинов. В некоторых случаях штампованный орнамент зафиксирован на внутренней полости мисок и тарелок. В процессе раскопок на участке Р-6 обнаружено два оригинальных, до сих пор не встречавшихся штампа (рис. 6). Оба оттиснуты на плечиках кувшинов. Оттиск одного из них — круглой формы с изображением птицы — дважды открыт в культурных напластованиях улицы на двух фрагментах разных кувшинов. Он сочетается в обоих случаях с овальным штампом, нанесенным, по-видимому, геммой, изображение которой не читается. На фрагменте второго штампа, обнаруженного на уровне третьего пола пом. 2, прослеживается изображение божества с нимбом вокруг головы и приподнятыми руками, а также протомы двух вздыбленных скакунов справа и слева. Отметим, что аналогичный сюжет был, по-видимому, широко распространен на Древнем Востоке и встречается на сасанидской гемме [6] и плахе обгоревшего резного дерева, обнаруженной при раскопках Пенджикента [7].

Так же широко, как и штампованный орнамент, встречается орнаментация посуды прочерченными волнистыми и прямыми линиями, иногда располагающимися по несколько в ряд параллельно друг другу.

Среди прочих керамических находок можно упомянуть «солонку» или «перечницу», открытую в заполнении между вторым и третьим полами

[6] Survey of Persian art. Ed. A. U. Pope. V. IV. London — New York, 1938, pl. 255, EE.

[7] *Беленицкий А. М.* Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье.— КСИА АН СССР, № 98, 1964, с. 40, 41, рис. 10.

близ выхода на улицу в пом. 21, а также серию находок керамических кружочков, изготавливавшихся из стенок столовой посуды. «Перечница», полая внутри, имеет круглое отверстие диаметром 5 *мм* на плечиках для заполнения специями и несколько сквозных отверстий на куполообразном верхе (рис. 4). Упомянутые выше керамические кружочки обрабатывались по краю откалыванием, в ряде случаев край обработан очень тщательно и заглажен. Диаметры кружочков в большинстве случаев совпадают с диаметрами устьев значительной серии находок маленьких кувшинчиков (рис. 4), что, возможно, определяет их функциональное назначение. Устья больших кувшинов закрывались специально изготовленными на гончарном круге крышками с ручкой. Наружная поверхность их покрывалась ангобом.

Посуда для домашнего хранения сыпучих и жидких веществ представлена в комплексе многочисленными фрагментами и целыми экземплярами хумов и хумчей. Наиболее распространенным типом хумов является хум со слегка отогнутым наружу венчиком и валиком под ним. При раскопках обнаружен ряд вариантов этого типа. Хумы изготовлены на гончарном круге, тесто светло-коричневого или красного цвета с примесью песка, слюды, как и в столовой посуде. Наружная поверхность и часть венчика внутри покрыты светлым ангобом различных оттенков. Обжиг неравномерный. Большой процент их формовался на подсыпке песка, о чем свидетельствуют песчинки на донной части, в большинстве случаев чуть выпуклой. При орнаментации изредка использовались прочерченная волнистая линия и пальцевые вдавления по венчику. На одном из найденных в культурных напластованиях улицы фрагментов стенки хума, покрытой по наружной поверхности коричневым ангобом, обнаружено сочетание штампа в виде овальной пальметты и окружности с радиально расходящимися лучами. Но в целом можно отметить, что орнаментация применялась в редких случаях. На внутренней поверхности венчика хумчи, обнаруженной в керамическом комплексе Р-6, нанесен неясный отпечаток геммы, вполне возможно принадлежавшей будущему владельцу этой хумчи. Такое предположение высказано в отношении аналогичного явления на раннесредневековых материалах Пенджикента[8]. В значительно меньших масштабах встречены хумы с так называемым клювовидным, отогнутым наружу венчиком[9]. Не исключено, что они изготовлены ручной лепкой с дальнейшей подправкой на гончарном круге, тесто их комковатое, серого цвета, с примесью гипса и песка. Обжиг неравномерный.

Плоские керамические диски, диаметры которых совпадают с диаметрами хумов и хумчей, составляют значительную серию находок в процессе двухлетних работ на участке Р-6. Они, несомненно, служили крышками. Технология их изготовления, тесто, светлоангобное покрытие на наружной, иногда и внутренней, поверхности аналогичны технологии изготовления хумов. Для многих из них характерно наличие круглого отверстия, видимо, для выхода воздуха в центре.

Большую серию составляют также находки керамических светильников, фрагменты и целые экземпляры которых найдены в ряде помещений и в культурных напластованиях улицы. Они, как правило, имеют желобок для фитиля на венчике, пространство вокруг которого покрыто копотью (рис. 4). В настоящее время предварительно можно выделить три типа светильников: с плоскосрезанным венчиком[10], с чуть загнутым внутрь приостренным венчиком[11] и чираг.

[8] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Болшаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 54.

[9] *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза.— БД, с. 36, рис. 4, *56*.

[10] *Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я.* Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964, рис. 32.

[11] *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на городище Зартепе в 1973 г.— БД, рис. 2.

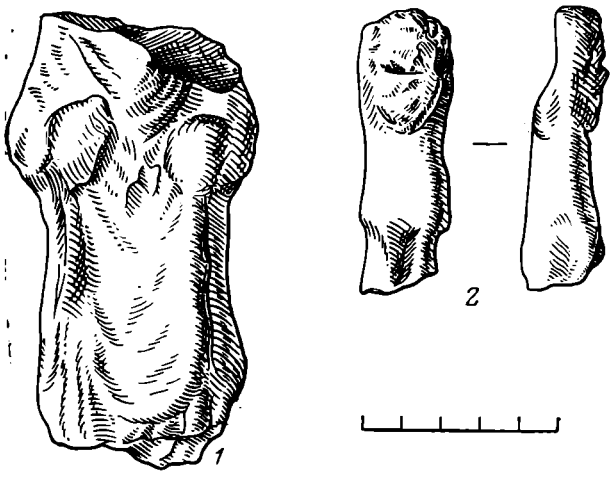


Рис. 7. Антропоморфные терракоты: *1* — женская статуэтка; *2* — мужская статуэтка

К изделиям из керамики относятся также антропоморфная и зооморфная терракоты. Антропоморфная терракота (рис. 7) представлена двумя статуэтками. Первая, найденная в заполнении над первым полом пом. 9, изготовлена при помощи матрицы и изображает богиню в длинных складчатых одеждах. Передняя ее сторона покрыта темно-коричневым ангобом, задняя — плоская без ангобного покрытия. Голова, ступни ног и кисти рук, с возможными атрибутами богини в них, не сохранились. Вторая статуэтка — лепная, по всей вероятности изображает мужчину. Нижняя часть ее на сохранилась талия выделена защипом с явно заметными отпечатками пальцев.Так же хорошо виден отпечаток скорее всего большого пальца в затылочной части статуэтки. Волосы выделены, на высоком лбу заметны приподнятые вверх брови и выступающие надбровные дуги, левое ухо отсутствует, правое слегка намечено. Щеки округлые, нос тоже, в целом создается впечатление улыбки. Изображение по облику близко к образу сатира [12].

Зооморфная терракота обнаружена в комплексе в 6 экз. Три из них с уверенностью можно отнести к изображению коня, причем на спинах двух имеются следы отбитых фигурок всадников. Три других из-за плохой сохранности неотождествимы. Как и в первом случае, на спинах двух прослеживаются аналогичные следы. Все статуэтки лепные, обожженные, на некоторых наблюдаются остатки красноангобного покрытия. Помимо этого, часть из них украшена орнаментом, нанесенным полой трубочкой на грудь или заднюю часть по обеим сторонам хвоста.

Следующей наиболее многочисленной категорией находок являются бронзовые монеты. Их найдено 150 экз., включая 20 экз. из случайных находок в пределах квартала. Основная масса их еще не подвергалась реставрации и, следовательно, детальный анализ нумизматического материала — дело ближайшего будущего. В настоящий момент можно лишь отметить, что среди монет, поддающихся определению до реставрации и обнаруженных на разных уровнях полов, встречены чеканы Сотера Мегаса и Великих Кушан: Хувишки, Васудевы. В числе монет Васудевы впоследствии, видимо, можно будет выделить подражания его чекану. Кроме того, в пределах раскопа найдена большая серия монет диаметром около 12 *мм*, принадлежащая судя по номиналу, кушано-сасанидским эмиссиям. Не исключено также и наличие сасанидо-кушанских монет. В целом комплекс монетных находок близок по составу к монетному комплексу верхних слоев Дильберджина [13].

При раскопках встречены и другие изделия из металла, в частности, железные ножи с горбатой спинкой, железный ковш, золотая серьга, а также бронзовые: колокольчик, проколка, предметы неясного назначения и медальон, заслуживающий особого внимания.

Медальон (рис. 8) обнаружен в 10 *см* от поверхности холма на уровне первого пола пом. 25. Он круглой формы, диаметром 47 *мм*. Толщина в

[12] Каталог: Gandhara sculpture in the National Museum of Pakistan.— Department of Archaeology in Pakistan. Karachi, 1964, p. 17, fig. 18.

[13] *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина.— В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 172—182.

зависимости от рельефа изображения от 2 до 4 *мм*. В нижней части медальона утрачен небольшой кусочек, что почти не нарушило изображения.

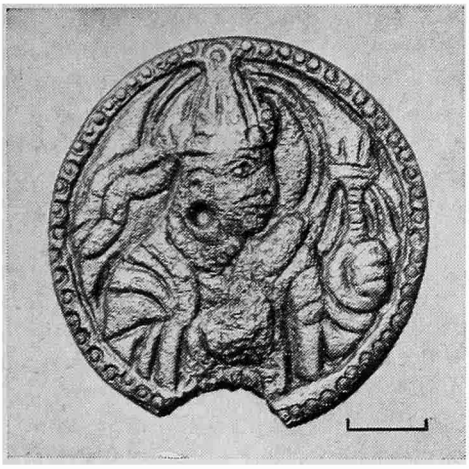


Рис. 8. Бронзовый медальон

На лицевой стороне изображен бюст царя вправо. Голова в профиль, торс в три четверти. На голове остроконечный шлем, заканчивающийся в верхней части кольцевидным навершием, отчасти вписывающимся в ободок, украшенный пуансонным орнаментом. Нижняя часть шлема опоясывается диадемой, также украшенной пуансонным орнаментом, от которой в сторону расходятся две ленты, развевающиеся за головой царя. Глаз, ноздри и, возможно, ушное отверстие намечены наколами в виде точки. Наличие усов гипотетично. Нос прямой, подбородок округлый, ушная раковина намечена. На месте мочки уха находится довольно глубокая ямка с округлыми краями. Голова окружена нимбом, состоящим из двух параллельных линий. На шее прослеживается ожерелье, воспроизведенное при помощи пуансонного орнамента. На плечах царя плащ, по-видимому, с округлыми отворотами, собранный в складки. Правая рука согнута в локте, кисть неотчетливо прослеживается на уровне груди. В левой, согнутой в локте,— жезл, от которого в разные стороны расходятся ленты.

Оборотная сторона медальона — гладкая, плоская. На ней расположены два шпенька подквадратной в изломе формы 3,5×3,5 *мм* на расстоянии 17 *мм* друг от друга (замер произведен по внутренним граням шпеньков). Высота шпеньков не превышает 3 *мм*. Их взаимное расположение предполагает, что они являются останцами дужки, ориентированной параллельно изображению царя на лицевой стороне медальона. Наличие дужки указывает на возможное использование медальона в качестве конструктивной детали одежды или конской сбруи.

Это первая находка, обнаруженная в культурном слое кушанских памятников, подтвердившая предположения Р. Гёбля, купившего аналогичный медальон в мае 1962 г. на базаре Пешавара [14]. Несомненно, что медальоны отлиты в разных литейных формах, но восходят к одному прототипу. Этим прототипом, видимо, являлись золотые монеты кушанского правителя Хувишки. К тому же выводу при анализе изображения, высказанному в форме рабочей гипотезы, пришел Р. Гёбль [15]. По целому ряду признаков образ царя находит аналогии в монетах, относимых Е. В. Зеймалем, оказавшим консультативную помощь, к восьмой фазе выпусков золотого чекана Хувишки [16]. Бюст царя вправо и булава в правой руке, отчетливо видимая на медальоне, приобретенном в Пешаваре, характерны для ранних выпусков того же государя, относимых Е. В. Зеймалем к первой и второй фазам его чекана [17].

Следующей категорией предметов обихода, многочисленные находки которых зарегистрированы в пределах раскопанной части квартала, являются пряслица из доломита, изготовленные, видимо, на токарном станке. Наиболее распространены пряслица ступенчато-пирамидальной формы.

---

[14] *Göbl R.* Beiträge zur ikonographie der kušankönige.— Huviska CAJ, vol. VIII. Wiesbaden, 1963, № 2, S. 136.

[15] Там же, с. 139.

[16] *Зеймаль Е. В.* Существовал ли бог Ашаихш? — СГЭ, вып. 38, 1974, с. 55, рис. 2, XXVII.

[17] Там же, с. 55, рис. 2, III-А и III-Б.

На некоторых из них наблюдаются следы по всей вероятности крепления в станке, состоящие из трех неглубоких ямок на основании или верхней плоскости. Керамические пряслица лепные обожженные и необожженные обнаружены в незначительном количестве. Среди них встречаются формы, аналогичные формам пряслиц из доломита, а также цилиндрические. В редких случаях керамические пряслица орнаментировались наколами острого предмета.

В помещениях и культурных напластованиях улицы найдено большое количество предметов из кости, главным образом так называемых костяных «стилей». 12 из них, представленные как фрагментами, так и целыми экземплярами, обнаружены в напластованиях улицы, еще 20 — в помещениях. Нижний конец их, как правило, заострен, верхний украшен нарезным навершием различных типов. К настоящему моменту по материалам Зар-тепе можно выделить три распространенных типа наверший: с плоской вершиной [18], имитирующие сжатую в кулак руку [19] и зооморфные. Последние представлены 2 экз., один из которых большего размера открыт в 10 *см* от поверхности в заполнении улицы, другой найден в пом. 13 на уровне второго пола близ северо—северо-западной стены. Оба украшены навершием в виде головы коня (рис. 9). К предметам из кости относятся также костяное колечко, два фрагмента, по-видимому, заготовок каких-либо изделий из рога бухарского оленя с аккуратно опиленными концами, фрагмент костяной пластины с восемью концентрическими окружностями, нанесенными попарно по четыре в ряд на одну из сторон.

Кроме того, в процессе раскопок найдены предметы из стекла, в числе которых можно упомянуть поддон стеклянного сосуда и трапециевидную пронизку со сквозным отверстием, а также значительное количество зернотерок и жерновов с отверстием в центре из камня.

Наиболее важным для определения даты застройки и функционирования квартала на протяжении двух строительных периодов является керамический и нумизматический материал. Керамический материал рассматриваемого жилого квартала прежде всего находит аналогии в материале из ранее проводившихся раскопок городища Зар-тепе [20], что, естественно, объясняется производством керамики в одних и тех же мастерских и теми же гончарами. В. М. Массон, рассмотревший вопрос о синхронизации кушанских городищ и поселений, на основе сравнения стратиграфических, нумизматических материалов и керамических комплексов пришел к выводу, что верхние слои относятся к IV в. н. э. [21] Наиболее надежно размещаются во времени керамические комплексы Кара-тепе. Н. С. Сычева выделила среди них комплекс второй половины — конца IV в. н. э., для которого характерно преобладание одноручных и двуручных кувшинов, мисок, тарелочек и тагора [22]. Керамический комплекс Р-6, детально пока не расчлененный, в целом по формам, приемам орнаментации, технологии изготовления очень близок каратепинскому второй половины — конца IV в. н. э. В связи с этим хотелось бы отметить, что Н. С. Сычева, основываясь на находках зооморфных налепов в виде морд львов на стенках мисок с чуть загнутым внутрь приостренным краем вместе с монетой Канишки и на датировке, предложенной Л. И. Альбаумом для подъемного материала Зар-тепе (I—III вв. н. э.), пришла к едва ли верному выводу, что «в слоях III—IV вв. н. э. подобные образцы не встречаются» [23].

---

[18] *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Ук. соч., рис. 3, *10*.

[19] *Массон В. М.* Кушанские поселения..., рис. 6.

[20] *Альбаум Л. И.* Ук. соч., рис. 4; *Щетенко А. Р.* Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе.— В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, рис. 5.

[21] *Массон В. М.* Кушанские поселения..., с. 10.

[22] *Сычева Н. С.* Ук. соч., с. 129.

[23] Там же, с. 136.

Безусловно, что керамические центры различных территорий кушанского государства производили посуду с теми локальными особенностями, которые еще предстоит выявлять. Тем не менее на близлежащих территориях всегда можно обнаружить и ряд общих черт. Так, Т. И. Зеймаль отмечает основные черты, присущие нашему керамическому комплексу в керамике I—IV строительных горизонтов Явана, датируемой ею III—первой половиной V в. н. э., а также в керамическом комплексе слоя «Верхний Болдай» [24].

Намечается ряд аналогий в приемах орнаментации и украшения керамики зооморфными налепами и антропоморфными штампами с керамическим комплексом раскопа III Дильберджина [25]. Кроме того, в этом же раскопе найдены аналогичные нашим костяная булавка [26] и пряслице ступенчато-пирамидальной формы. Ряд форм из раскопа VII Дильберджина, в частности кубки с перехватом корпуса [27], вазы с витыми горизонтальными ручками [28], некоторые из форм кувшинов, также находят аналогии керамическому комплексу Р-6 городища Зартепе.

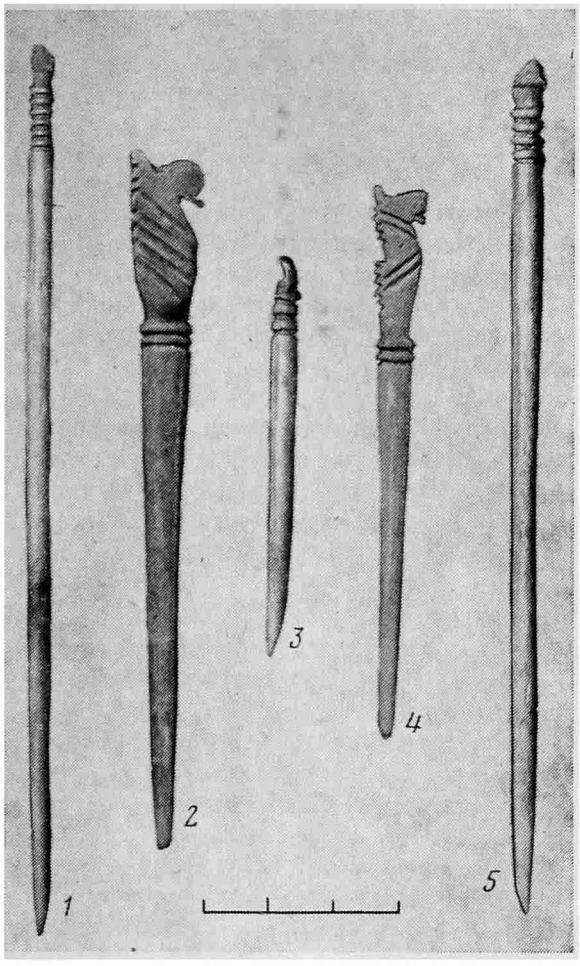


Рис. 9. Костяные «стили»: *1*, *3*, *5* — с навершием, имитирующим сжатую в кулак руку; *2*, *4* — с навершием в виде головы коня

Таким образом, исходя из анализа керамического материала, можно датировать верхний строительный горизонт Р-6 в пределах III — первой половины V в. н. э. Тем не менее два строительных периода, зафиксированные при раскопках верхнего слоя Р-6, не могут охватить столь широкий хронологический диапазон. Следовательно, опираясь на более надежно датированные керамические комплексы Кара-тепе, представляется возможным сузить дату ориентировочно до второй половины IV в. н. э. с вероятным отклонением в 20 лет в ту или иную сторону от крайних точек предложенной датировки. Этой дате не противоречат нумизматический материал и общие стратиграфические наблюдения на городище [29].

В целом проведенные работы дают новые ценные материалы для характеристики застройки и культуры кушанского города на финальном этапе его существования.

---

[24] *Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дис. Л., 1969, с. 6, 7.
[25] *Кругликова И. Т.* Дильберджин. М., 1974, с. 89—95, рис. 65.
[26] Там же, рис. 64.
[27] *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин. М., 1977, рис. 98, *7*.
[28] Там же, рис. 98, *1*.
[29] *Массон В. М.* Кушанские поселения..., с. 10.

V. A. Zavyalov

THE EXCAVATIONS OF A LATE-KUSHANIAN QUARTER AT THE FORTIFIED SETTLEMENT ZAR-TEPE IN 1975—1976

Summary

The article informs about preliminary results of explorations of Late-Kushanian quarter at the fortified settlement Zar-tepe in Northern Bactria. Excavations of 1975—1976 discovered 45 rooms and a street 75 metres long, of the upper building horizon, consisting of two periods. General tendency of building is outlined: blocks of houses separated by rectangular system of streets. In the houses and cultural deposit of the streets abundant archaeological material was discovered. Its great part is pottery, characteristic for late-Kushanian layers in Northern Bactria. Nearly 150 coins of Huvishka and Vasudeva stamps and their imitations were found. Kushanian-Sassanide coins also compose a numerous series. A unique bronze medallion with a portrait of Kushanian King Huvishka was found in room N 25 on the first floor. The analysis of ceramic and numismatic materials shows that this building level belongs to the second half — late IVth century A. D.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

РОМАШКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК—ПЕРВЫЙ ЧЕРНЯХОВСКИЙ ПАМЯТНИК ПОДНЕПРОВЬЯ

Черняховская культура по праву могла бы называться ромашковской, ибо первые работы В. В. Хвойка произвел на Киевщине в с. Ромашках в 1899 г.[1] Продолжали на нем вести работы и в конце 20—30-х годов [2]. Однако этот уникальный могильник ожидала незавидная судьба. Попытка воссоздать полученные на нем комплексы была произведена только в публикации 1960 г.[3] вместе с началом систематического издания старых и новых черняховских памятников в ряде томов Материалов и исследований по археологии СССР (№ 82, 116, 139). В те же годы Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР удалось обнаружить относящееся к могильнику поселение черняховской культуры, вытянутое вдоль р. Гороховатки [4]. В Отчете 1959 г. сообщается: «Экспедицией обнаружено поселение, связанное с могильником. Оно расположено в 400—500 *м* от могильника на берегу, на огородах колхозников (З. Я. Порохницкая, А. И. Вязивська и др.). Поселение протяженностью около 200 *м* расположено на склоне, обращенном на юго-восток. Основные находки встречаются в 20—30 *м* от реки. Дома древнего поселения, видимо, стояли в один ряд. На месте домов видны следы золы и беловатой обмазки. Судя по развалам, хорошо видно, что они вытянуты перпендикулярно речке. Размеры в длину около 7 *м*, расстояние между домами 5—10 *м* [5].

Тогда же в обрыве самого большого глинища в центре села, напротив церкви, было доследовано частично разрушенное обрывом захоронение взрослого человека (рис. 1) [6].

Необходимость возобновления работ в с. Ромашках назрела уже давно. До сих пор не было составлено общего плана могильника; ряд вещей на опубликованных В. В. Хвойкой таблицах вызывал сомнения — поднимался вопрос об их принадлежности именно этому памятнику [7]. В особенности

---

[1] *Хвойка В. В.* Поля погребений в Среднем Поднепровье.— ЗРАО, XII, 1—2, 1901, с. 185, табл. XIX; *его же.* Раскопки в с. Ромашки Васильковского уезда Киевской губ. Дело ИАК № 99/1901. Архив ЛОИА (рукопись); АЛЮР, т. II. Киев, 1900, с. 118.

[2] *Козловська В.* Новіші археологічні досліди на терені Білоцерківщіни.— ХРАМ, ч. II. 1930, с. 40, 41.

[3] См. *Брайчевский М. Ю.* Ромашки.— МИА, № 82, 1960, с. 100—147; *Спицын А. А.* Поля погребальных урн.— СА, X, 1948, с. 62, см. там же примечания М. А. Тихановой на с. 71.

[4] *Брайчевский М. Ю.* Ук. соч., примеч. 19.

[5] *Сымонович Э. А.* Отчет о работах в 1959 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2047.

[6] Согласно составленной ранее сквозной нумерации погребений, оно получило № 39 и будет описано ниже, вместе с остальными новыми, полученными раскопками 1976 г. материалами.

[7] Некоторые вещи опубликованные В. В. Хвойкой (*Хвойка В. В.* Поля погребений..., табл. XIX) иногда представляется возможным считать происходящими как из Черняхова, так и из Ромашек. Например, сосуды, переданные В. В. Хвойкой в ГИМ, значатся находками из Черняхова-Ромашек. См. *Сымонович Э. А.* Забытая коллекция В. В. Хвойки.— СА, 1969, № 2, с. 189—199.

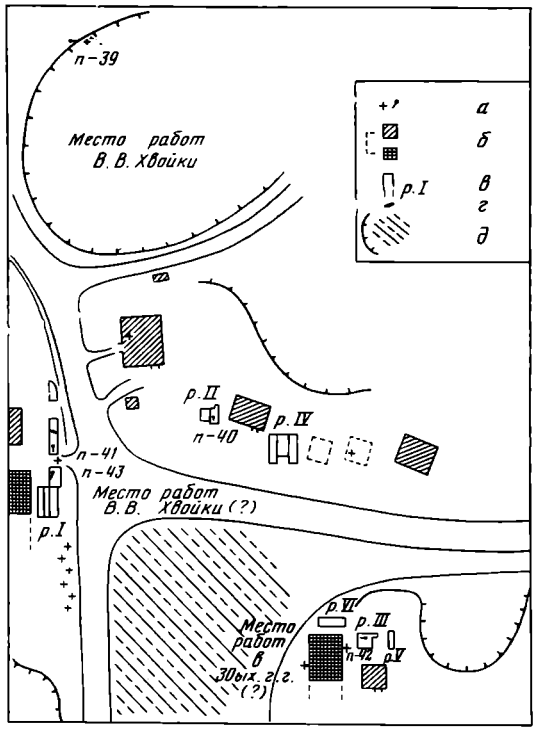


Рис. 1. План-схема работ на Ромашковском могильнике. *а* — древние погребения, случайно найденные и полученные путем раскопок; *б* — современные постройки, выстроенные и строящиеся; *в* — раскопы 1976 г.; *г* — древняя канава; *д* — глинища существующие и заравненные

вызывала споры серия красноглиняной, импортированной из Причерноморья посуды, собранная местным учителем С. Л. Дроздовым[8], и три фибулы с выемчатой эмалью, близкие по типу мощинским и происходившие из подкурганных погребений[9]. Если первая из них (ажурная — рис. 2, *4*) не имеет аналогий среди черняховских материалов, то две другие, более массивные, имеют много общего с фибулами черняховского Компаниевского могильника[10].

К возобновлению полевых исследований побуждали и поступления керамики из с. Ромашки (рис. 2, *1*, *3*). Как выяснено, новые находки были получены в период недавно начатой реконструкции центра села. Так, среди нескольких сосудов, хранящихся в фондах Белоцерковского краеведческого музея и переданных туда учителем истории В. С. Гоцом, были кувшины (рис. 2, *2,5—5А*). Один из кувшинов имел изображение смыслового характера, выполненное на одной из сторон сосуда с помощью лощения[11]. Новое сюжетное изображение приводит на память более ранний факт обнаружения в с. Ромашки уникального гончарного кувшина, украшенного знаками сельскохозяйственного календаря, проанализированными Б. А. Ры-

[8] Это образцы красноглиняной античной керамики, значащиеся в Краеведческом музее г. Белая Церковь, как происходящие из с. Ромашек. Там же хранятся сосуды, явно воспроизводящие античные формы керамики, сделанные из серой глины, типичной для посуды черняховского типа (рис. 2, *1*, *3*). Подробнее об этой серии сосудов см.: *Брайчевська А. Т.* Деяки археологічні дані про торгівлю древніх слов"ян з кримськими містами.— Археологія, X, 1957, с. 114—118; *Брайчевский М. Ю.* Ромашки, с. 130—133; *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 70, 71, где автор высказал сомнения в принадлежности краснолаковых сосудов Ромашковскому могильнику.

[9] Приводимая фотография на рис. 2, *4* несколько уточняет прорисовку, опубликованную в МИА, № 82, 1960, с. 116, табл. IV, *3*. См. об этих фибулах: *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 54—56; *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия из Херсонеса (конец IV—VI вв. н. э.). М., 1956, с. 59, рис. 18, вверху справа; *Михельбертас М.* Фибула с эмалью из Рудишкяй (Северная Литва).— In: «Archaeologica in memorian Harri Mooras». Таллин, 1970, с. 123, рис. 1. Н. В. Пятышева и М. Михельбертас допускают существование такого рода фибул, аналогичных ромашковской, в III—IV вв. н. э., т. е. в период расцвета черняховской культуры.

[10] *Махно Е. В.* Типы поховань та планування Компаніївського могильника.— В сб.: «Середні віки на Україні», т. I. Київ, 1971, с. 92, рис. 4; *Брайчевский М. Ю.* Ромашки, 1960, с. 116, табл. 1—3.

[11] *Кравченко Н. М., Бугай А. С., Магомедов Б. В.* Розвідки на Київщині, Археологічні дослідження на Україні в 1968 р. Київ, 1972, с. 344. На рис. на с. 342 приведена прорисовка и о находке сказано: «В Белоцерковском музее сохраняется кувшин черняховского типа из Ромашек с любопытным орнаментом, который наряду с геометрическими фигурами дает изображение гребня и мыши. Сюжет, беусловно, имеет символическое значение». С таким прочтением изображения, на наш взгляд, согласиться нельзя (см. рис. 2, *5А*), но его анализ — дело специальной статьи.

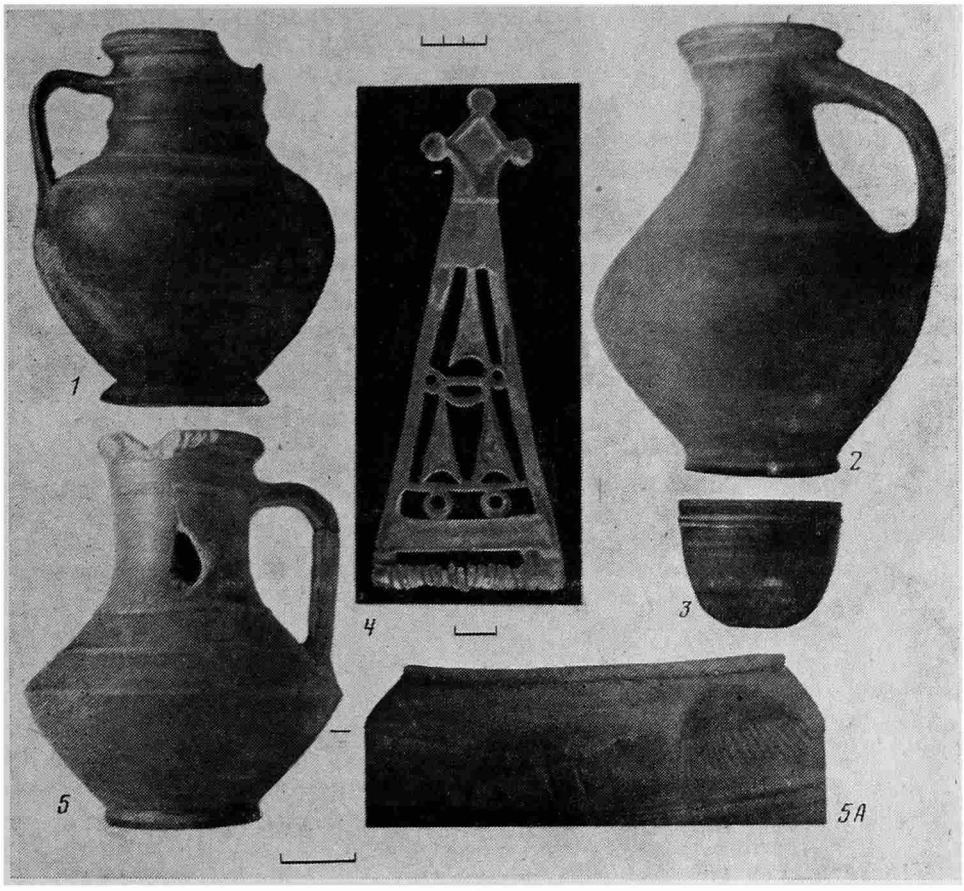


Рис. 2. Случайные находки на территории Ромашковского могильника. *1*, *2*, *3*, *5* — местная гончарная посуда; *4* — бронзовая ажурная фибула с эмалью

баковым [12]. Наконец, упомянем несколько находок из Варшавского археологического музея, значащихся как происходящие из с. Ромашки и переданных в дар музею Н. Ф. Беляшевским [13]. В коллекцию из восьми вещей входят пять сосудов, два бронзовых проволочных кольца со связанными концами и арбалетная фибула подвязного типа (рис. 3.). Особенно удивительными казались две лепные мисочки с выступами на бочках, не имеющие параллелей в опубликованной ранее серии вещей из этого памятника (рис. 3, *3*, *5*) [14]. Дело в том, что по изданным ранее материалам в с. Ромашки следовало ожидать лишь изготовленную на круге керамику.

Подведение итогов тому, что мы знаем об обряде погребения и о надежно связываемом с памятником инвентаре, показывает, как немного известно о Ромашковском могильнике. Считается установленным, что Ромашковский могильник двуобрядовый, с преобладанием погребений с трупоположениями. По данным о довоенных раскопках, в с. Ромашки на предполагаемое число вскрытых захоронений (38) приходится 13 трупоположений и 5 трупосожжений, тогда как сведения о погребальном обряде остальных погребений не сохранились [15]. Скромные данные о ранее

[12] *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян.— СА, 1962, № 4, с. 74—80; *его же.* Языческое мировоззрение русского Средневековья.— ВИ, 1974, № 1, с. 13, 14; *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972, с. 81, 82.

[13] *Piętka-Dabrowska T.* Przyczynki do znajomości okresu od I do VI w. n. e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu.— «Wiadomości Archeologiczne», t. XXVII, z. 2, Warszawa, 1961, s. 218, tabl. XLV, 1—7.

[14] *Хвойка В. В.* Поля погребений..., с. 185; *Брайчевский М. Ю.* Ромашки, с. 126.

[15] *Махно Е. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР.— МИА. № 82, 1960, с. 32.

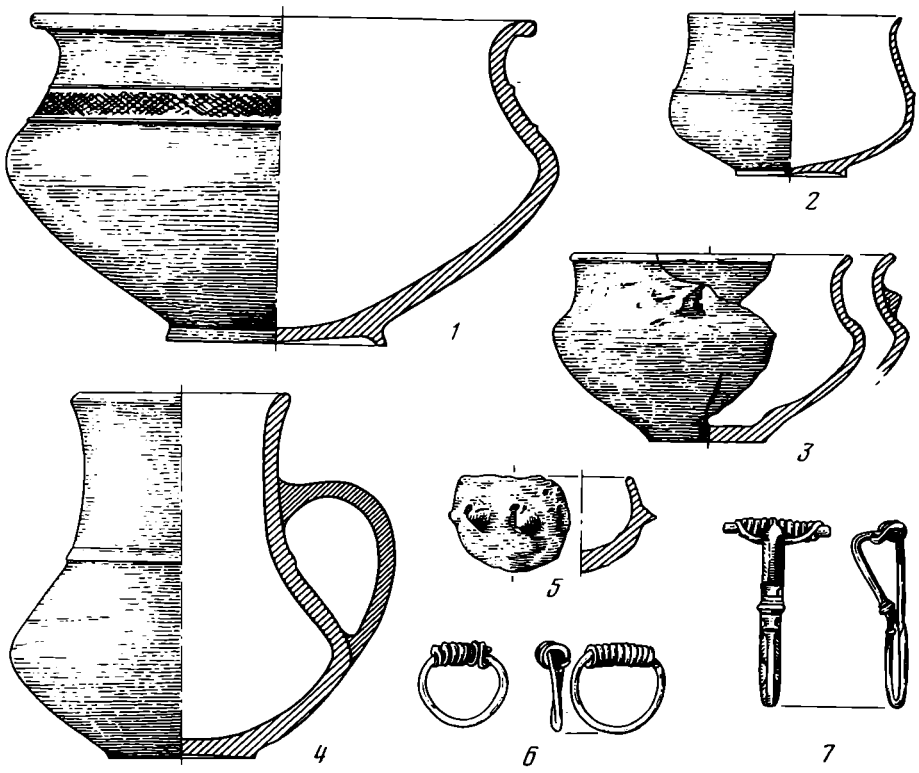


Рис. 3. Находки из с. Ромашки, хранящиеся в Варшавском археологическом музее (по Т. Пентка-Домбровской, см. T. Piętka-Dąbrowska. Przyczynki do znajomości okresu od I do VI w. n. e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu. Wiadomości Archeologiczne, t. XXVII, zeszyt 2, Warszawa, 1961, s. 218, tabl. XLV, *1—7*.

1, *2*, *4* — гончарные сосуды (диам. 24, 10, 10,5 *см*); *3*, *5* — лепные сосуды (диам. 13 и 2,4 *см*); *7* — бронзовая фибула длиной 4,6 *см*; *6* — два бронзовых проволочных колечка (диам. 2,2, 2,3 *см*), обнаруженные в небольшой лепной мисочке

открытых погребениях сведены в опубликованных таблицах. Они показывают преобладание в погребениях с трупоположениями погребений, ориентированных головами на запад, с отклонением на юг и север. Скелеты лежали на спине в вытянутых позах. Положение рук различно. Всего девять захоронений. Два костяка было разрушено. Одно погребение содержало костяк, лежащий на левом боку с подогнутыми ногами, ориентированный головой на восток. Инвентарь небогат, при этом даже нельзя установить, сколько и какие сосуды сопровождали умерших. О четырех погребениях с сожжением известно было, что они принадлежали к группе урновых, одно из них было потревожено [16]. Обо всем этом можно судить по сведениям и зарисовкам В. В. Хвойко, поскольку ни дневников, ни отчетов о довоенных и дореволюционных работах не сохранилось. В рукописи В. В. Хвойко были выделены четыре группы погребений в с. Ромашки: 1) погребения славянского типа в яме или под отдельной насыпью; 2) такие же погребения в общей насыпи или же под ней; 3) погребения кочевников с конем или с его частями; 4) наконец, захоронения культуры «полей погребений» с трупоположениями и сожжениями, находившиеся в ямах без всяких следов насыпей [17]. В. В. Козловская тоже

[16] *Брайчевский М. Ю.* Ромашки, с. 120, 122, табл. 1 и 2. Сопровождающий инвентарь насчитывал 16 сделанных на круге сосудов, пять фибул, два гребня, две серьги, бусы и единицами представленными пряслицем, костью животного, иглой и пр. См. *Хвойка В. В.* Поля погребений..., с. 173.

[17] *Хвойка В. В.* Раскопки в с. Ромашки..., с. 18.

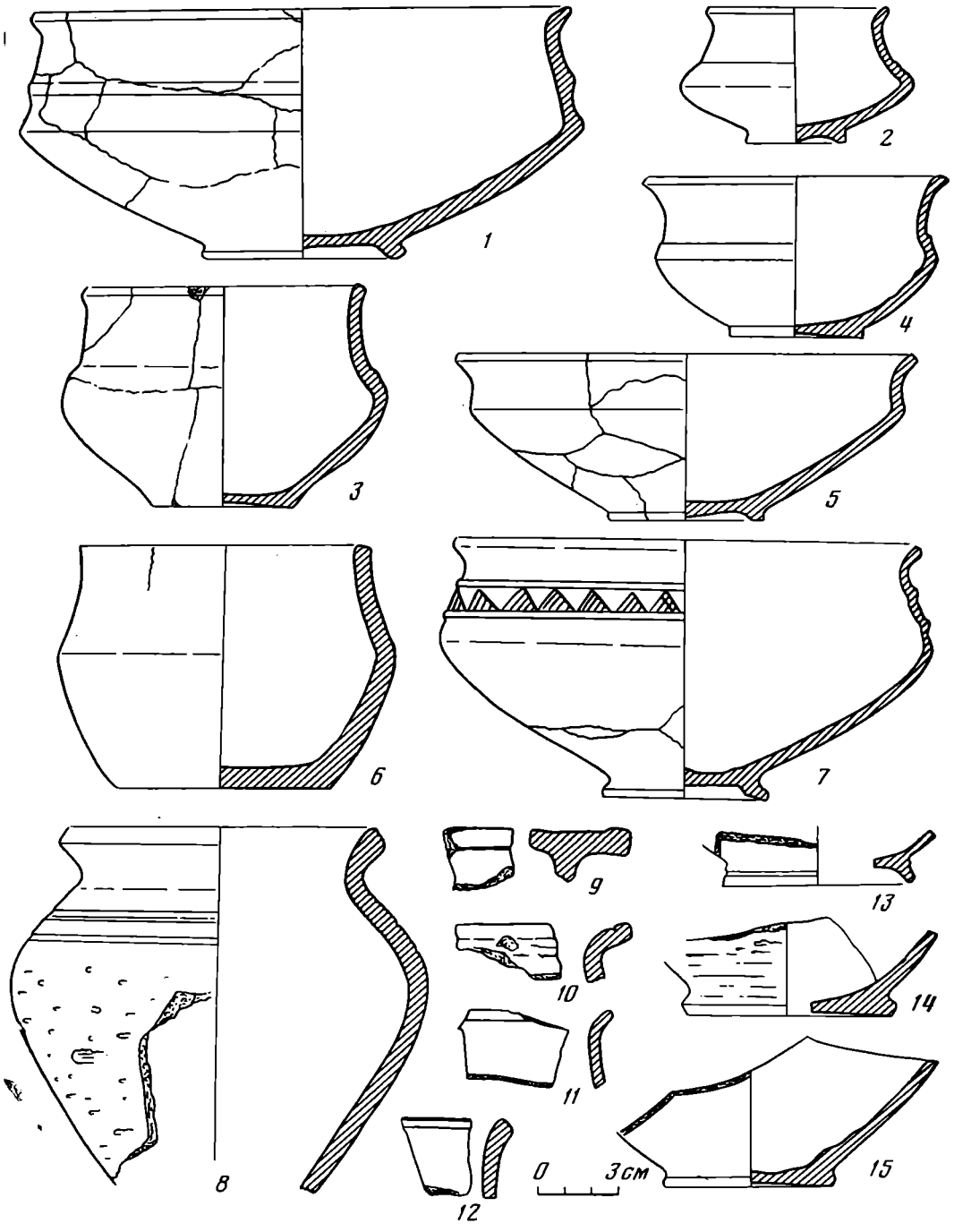


Рис. 4. Лепная (*3*, *6*) и гончарная керамика из с. Ромашки. *1—6* — погр. 41; *7—8* — погр. 40; *9*, *10*, *12* — из культурного слоя могильника; *11*, *14* — подъемный материал с поселения; *13* — из канавы в раскопе I, днище краснолакового сосуда; *15* — из одного из разрушенных погребений на месте строящегося здания

не отрицала существования в с. Ромашки погребений более поздних, чем погребения черняховского типа [18].

Черняховская экспедиция 1976 г. вынуждена была начать раскопки в самый разгар работ по реконструкции центра с. Ромашки. Откладывать полевые исследования было нецелесообразно, так как со всех сторон от местных жителей поступали сведения об уничтожении погребений при строительных работах, при планировке местности и закапывании глинищ в центре села. Очевидно, с добычей глины были связаны первые слу-

[18] *Козловська В.* Новіші археологічні досліди..., с. 41.

чайные находки могил черняховской культуры. В литературе упомянуто по крайней мере пять мест раскопок, из которых только в одном или двух вел раскопки В. В. Хвойка, о чем сообщала В. В. Козловская, продолжившая его работы [19].

На составленном Черняховской экспедицией плане глазомерной съемки с точными промерами рулеткой по взятым азимутам и на панорамной фотографии видна обширная территория в центре села, где производились раскопки и откуда поступали случайные находки (рис. 1). От местных жителей стало известно, что при строительстве нового магазина были открыты два погребения, в одном из которых найдены кувшины (рис. 2, *2*, *5*), в частности уже упоминавшийся с сюжетным изображением (рис. 2, *5А*). Незадолго до приезда экспедиции при рытье фундаментов под ясли рабочие-строители нашли два костяка на глубине около 1 *м*, сопровождаемые по меньшей мере двумя сосудами. Один из сосудов, кувшин, не сохранился, от второго осталось дно. Это был гончарный сосуд черного цвета, покрытый лощением, что документирует черняховскую принадлежность найденных случайно погребений (рис. 4, *15*). Кроме того, бульдозерист сообщил о целой серии костяков, уничтоженных им при закапывании глинища, располагавшегося между яслями и строящейся школой. Однако при возведении нового здания школы погребений не находили. Только при выравнивании с помощью техники въезда во двор школы обнаружили погребение, сопровождавшееся сосудами и костяным гребнем [20]. Другим постоянным местом остатков захоронений явилось засыпанное ныне глинище, расположенное примерно в 40 *м* на восток от церкви. Наиболее вероятно, что именно там сделаны В. В. Хвойкой первоначальные находки. Место погребения № 39, выявленного Средне-Днепровской экспедицией ИА АН СССР в 1959 г., фиксирует одну из крайних северных точек распространения могильника. Наиболее южной находкой оказалось захоронение (погр. 42), выявленное при строительстве яслей. Таким образом, в меридиональном направлении могильник протянулся на расстояние около 250 *м*, при ширине около 100 *м*. Направление могильника с севера на юг соответствует течению р. Гороховатки, вдоль которой простиралось относящееся к древнему кладбищу поселение.

Раскопы на означенной выше площади могильника были размещены на немногих не подвергавшихся перекапыванию участках, по возможности вблизи тех мест, где при случайных обстоятельствах обнаруживали захоронения. Участки самого большого раскопа I находились по обе стороны въезда в школу, при выравнивании которого обнаружили погребение с сосудами и гребнем. По обе стороны от этого места нашли погр. 41 и 43. Второй и четвертый раскопы были заложены на запад и восток от здания школьных мастерских, т. е. к юго-востоку от магазина, при строительстве которого нашли кувшин с сюжетным изображением в составе инвентаря одного из погребений. В раскопе II удалось найти только остатки частично разрушенного погр. 40. Раскопы III, IV и V вблизи строящихся в селе яслей дали тоже лишь одно захоронение — погр. 42 (раскоп III). Признаков существования могил с трупосожжениями отмечено не было. Причина — уничтожение верхних слоев почвы в центре села. В раскопах прослеживаются места сплошных нарушений культурного слоя. Тем же, очевидно, объясняется небольшое число захоронений с сожжениями в ста-

---

[19] *Козловська В.* Новіші археологічні досліди..., с. 41. Как писал сам В. В. Хвойка, для выявления захоронений на Ромашковском могильнике он «приказал прокопать в указанных им местах несколько канав различной длины, шириной от 4 до 5 *м* и глубиной, смотря по надобности, от 1 до 2 *м*». См. *Хвойка В. В.* Раскопки в с. Ромашки..., с. 17.

[20] Керамику, сопровождавшую погребение, учитель-историк С. В. Гоц передал Черняховской экспедиции. Гребень не сохранился. Сведения об этом погребении, не получившем отдельного номера, приводятся в конце описания находок, сделанных экспедицией (материалы хранятся в ИА АН СССР).

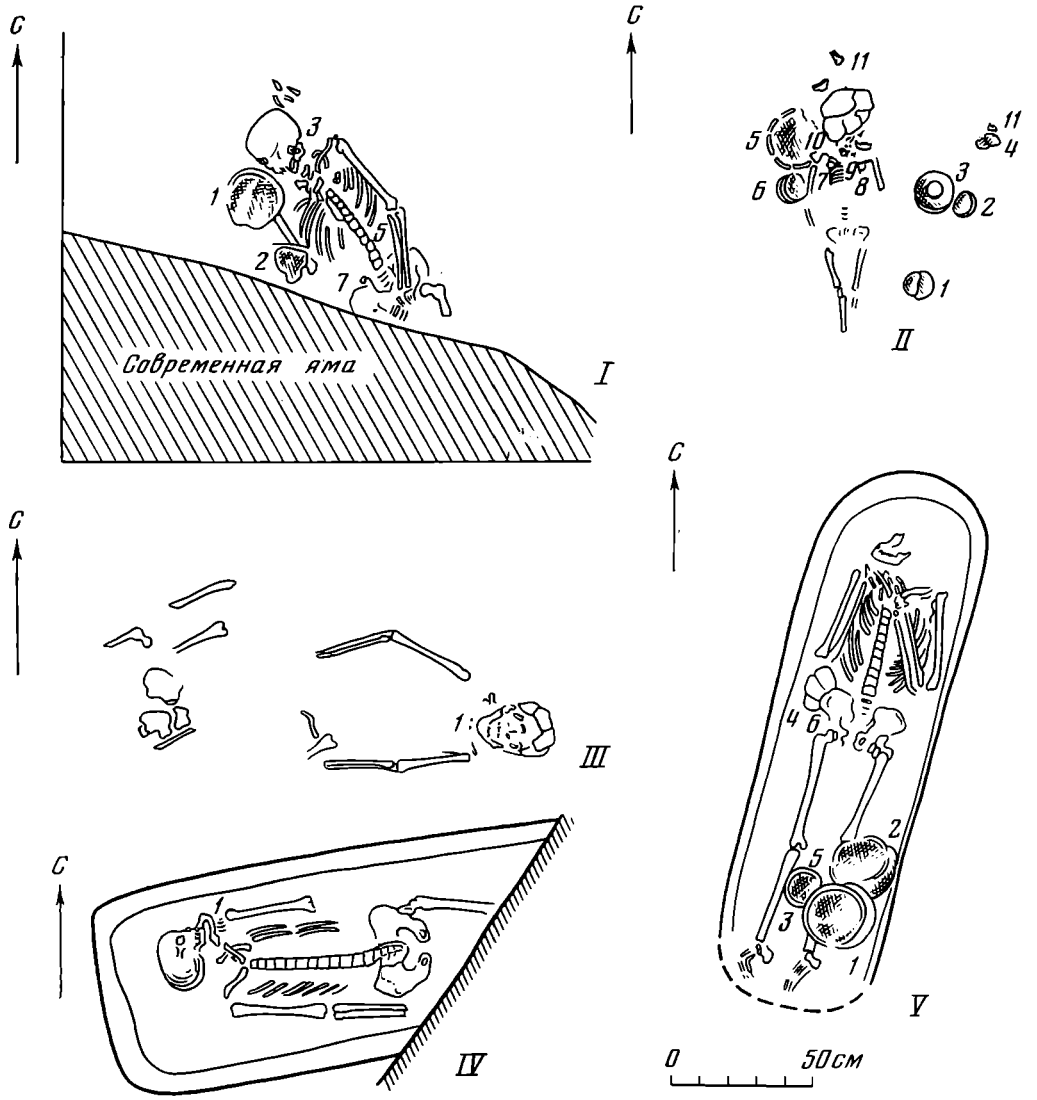


Рис. 5. Планы погребений, вскрытых в с. Ромашки в послевоенные годы (работы Э. А. Сымоповича): I — погр. 40: *1—2* — сосуды; *3* — бусы; *4—5* — бронзовые фибулы; *6* — обломки костяного гребня; *7* — железная поясная пряжка. II — погр. 41: *1—6* — сосуды; *7—8* — бронзовые фибулы; *9* — ведеркообразные подвески (две) из бронзы; *10* — бусы; *11* — обломки костяного гребня. III — погр. 42: *1* — бусы; IV — погр. 39: *1* — кость животного. V —погр. 43: *1—4* — сосуды; *5* — бронзовая пряжка; *6* — камни

рых раскопках и небольшая глубина открытых нами погребений с трупоположениями.

Краткие сведения о вскрытых Черняховской экспедицией ИА АН СССР захоронениях дополняют публикуемые планы (рис. 5).

Погр. 39, глубина 2,15 *м* (рис. 5, IV). Принадлежало взрослому человеку и было ориентировано головой на запад. В прямоугольной с закругленными углами яме, восточная часть которой и кости ног погребенного уничтожены обрывом глинища, костяк лежал на спине с вытянутыми вдоль боков руками. Череп повернут лицом на север, а его нижняя челюсть смещена. Между черепом и левым плечом находилась неопределимая кость животного. Других находок не было.

Погр. 40, глубина 0,60 *м* (рис. 5, I). Принадлежало взрослой женщине и было ориентировано головой на северо-запад. Погребенная лежала на спине, кисть левой руки положена на таз. От правой руки сохрани-

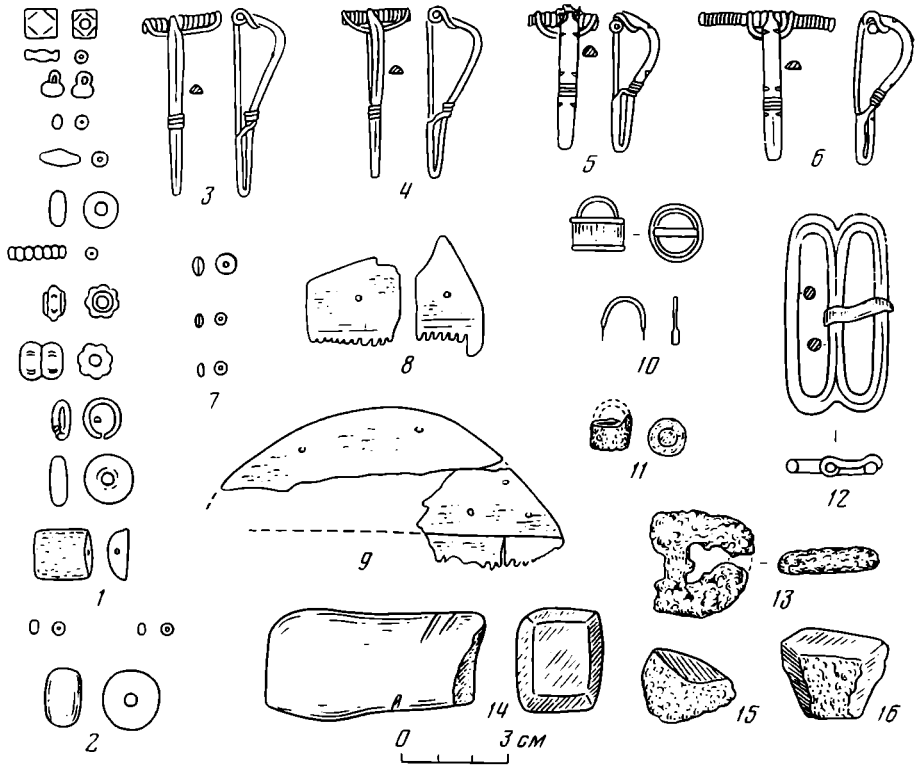


Рис. 6. Разные предметы из погребений в с. Ромашки. *1*, *5*, *6*, *9*, *11*, *13* — погр. 40; *2*, *3*, *4*, *8*, *10* — погр. 41; *7* — погр. 42; *12*, *15*, *16* — погр. 43; *14* — из культурного слоя раскопа VI

лась только плечевая кость, так как кости предплечья и ноги были уничтожены современной ямой. Последняя уничтожила и большую часть одного из двух гончарных сосудов, входивших в состав сопровождающего инвентаря и поставленных у правого плеча. Возле самого лица находилась тонкостенная желтоватого цвета миска, орнаментированная в верхней части двумя параллельными горизонтальными валиками и помещенными между ними косозаштрихованными треугольниками, выполненными лощением (диаметр края 17,6 *см*; рис. 4, *7*). Другой фрагментированный сосуд — грубоглиняный серого цвета горшок со щербинами в нижней части, по плечикам украшенный горизонтальными врезанными бороздками (диаметр края 12,2 *см*; рис. 4, *8*). На плечах погребенного были две бронзовые арбалетные фибулы. Одна из них имела железную ось пружины (рис. 6, *5*, *6*). На левой стороне груди сохранились обломки костяного многочастного гребня, с полукруглой спинкой, скрепленного бронзовыми гвоздиками (рис. 6, *9*). На месте пояса были остатки сильно окисленной железной пряжки (рис. 6, *13*), а на шее бусы из стекла, сердолика и янтаря разнообразной формы и среди них миниатюрное бронзовое колечко и железная ведеркообразная подвеска (рис. 6, *1*, *11*). У черепа находилось несколько мелких фрагментов ребер человека, видимо смещенных и перенесенных туда грызунами.

Погр. 41, глубина 0,50 *м* (рис. 5, II). Детский костяк плохой сохранности, ориентированный головой строго на север. Лежал на спине в вытянутом положении. Четыре сосуда найдены слева, поодаль от костяка, и еще два, как в погр. 40, были поставлены вплотную к правому плечу. Сосуды 1 и 2 были вылеплены от руки и представляют собой глубокие миски-чаши — одна с биконическим, другая — с округлобоким туловом, разделенным горизонтальным уступом (диаметр края обоих сосудов 11 *см*; рис. 4, *3*, *6*). Второй сосуд покрывало лощение. Гончарные сосуды 3—6 представлены различными биконическими мисками и одной открытого

типа. Их поверхность покрывало лощение (диаметр краев от 7 до 21 *см*; рис. 4, *1, 2, 4, 5*). Самая маленькая черная мисочка (сосуд 4) из тонкой непрочной коричневатой в изломе глины (рис. 4, *2*) была поставлена внутрь самой большой миски, украшенной в верхней части тулова горизонтальным валиком (рис. 4, *1*). На плечах погребенного были обнаружены две арбалетные бронзовые фибулы подвязного типа, с сужающейся книзу ножкой (рис. 6, *3, 4*). На шее были мелкие бусы из коричневатой стекловидной массы и среди них крупная округло-уплощенная бусина из янтаря (рис. 6, *2*) и две бронзовые с серебряной отделкой ведеркообразные подвески, от одной из которых уцелела только дужка (рис. 6, *10*). Восточнее головы захоронения и в других местах находили обломки костяного многочастного гребня, скрепленного бронзовыми гвоздиками (рис. 6, *8*).

Погр. 42, глубина 0,40 *м* (рис. 5, III). Сильно разрушенное погребение взрослой женщины, ориентированное головой на восток. Скелет лежал на спине, с вытянутыми руками (правая — чуть согнутая в локте). Остальные кости были смещены, и большая их часть обнаружена западнее непотревоженных костей, в районе, где должны были находиться ноги. Возле черепа, у шеи, были бусы синего цвета чечевицеобразной формы, сделанные из стекла (рис. 6, 7).

Погр. 43, глубина 0,85 *м* (рис. 5, V). Скелет взрослого мужчины, ориентированный головой на север, с отклонением к востоку, лежал в яме удлиненно-овальной формы. Череп был частично уничтожен, сохранилась только нижняя челюсть. Она была в неповрежденном виде. Следовательно, отделение ее от черепа могло произойти только в том случае, если перекапывание могилы происходило спустя определенный срок после похорон, когда связки, соединявшие кости, уже истлели, но сами кости были еще неломкими [21]. Скелет лежал на спине с согнутыми в локтях руками, с кистями рук у ключиц. Ноги вытянуты. В сопровождающем инвентаре четыре сосуда: три, образующие тесную группу, находились возле левого колена, перекрывая его. Тут же лежала бронзовая пряжка из двух овальных колец, с подвижным язычком (рис. 6, *12*). Еще один фрагмент керамики, представляющий четвертый сосуд, лежал между правым локтем и тазом. Он накрывал три рассыпающихся песчаниковых камня, не имеющих каких-либо следов обработки (рис. 6, *15, 16*). Первые два сосуда были вылеплены от руки и покрыты лощением. Сосуд 1 — глубокая миска темно-серого цвета имела в верхней части горизонтальный уступ, у самого края было приделано ложное ушко (диаметр края 20,8 *см*; рис. 7, *4*). Уступ, разделявший верхнюю часть другой биконической миски, проходил над сплошной полосой косых каннелюр, нанесенных по грани перегиба тулова. В одном месте их как бы разрывал пирамидальный Х-образный уступ-упор (диаметр края 20 *см*; рис. 7, *6*). Третий сосуд из той же группы был изготовлен на гончарном круге, цвет имел серый и тоже покрыт лощением. Между горизонтальным валиком и уступом в верхней части тулова была заключена пролощенная зигзагообразная линия орнамента (диаметр края 15,2 *см*; рис. 7, *2*). Обособленно лежавший обломок керамики, накрывавший камешки, принадлежал верхней части лепного горшка яйцевидной формы. У края и изнутри сосуд сохранил следы лощения. Ниже заглаженной полосы наружная поверхность была преднамеренно ошершавлена мелкозернистым песком (диаметр края 18 *см*; рис. 7, *7*).

Погребение, случайно найденное в 1975 г. у ворот школы, судя по описаниям и сохраненным костям, принадлежало подростку. Оно было

[21] Эта особенность — неполомаиность костей в погребениях с поврежденными или полностью разрушенными костяками — характерна для черняховской культуры. Погребения перекапывали современники, знавшие устройство могил и действовавшие большей частью в целях магии. См. *Сымонович Э. А.* Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху.— СА, 1963, № 1, с. 50, 51.

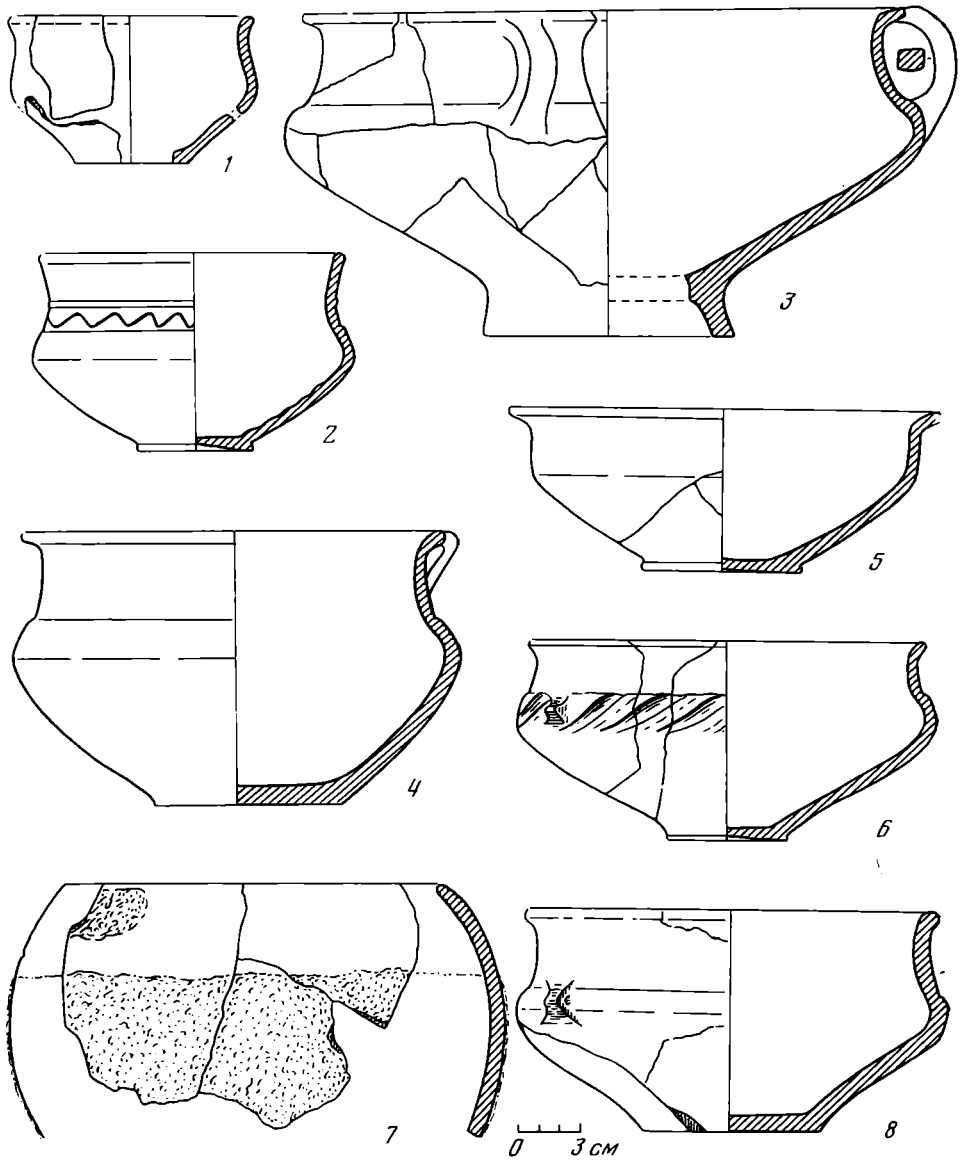


Рис. 7. Лепная (*1*, *3*, *4*, *6—8*) и гончарная керамика из с. Ромашки. *1*, *3*, *5*, *8* — из погребения, случайно обнаруженного возле ворот школы в 1975 г. (находка, сохраненная учителем-историком В. С. Гоцом); *2*, *4*, *6*, *7* — из погр. 42

ориентировано головой в северном направлении. Костяной многочастный гребень и бронзовые фибулы не уцелели. Серия сосудов, относящихся к этому костяку, состояла из одной гончарной сероглиняной миски открытого типа и трех лепных мискообразных сосудов. Гончарный сосуд покрывало лощение (диаметр края 21 *см*; рис. 7, *5*). Лепные сосуды имели поверхность разного цвета, но тоже были покрыты лощением. Всего несколько фрагментов сохранилось от небольшой мисочки серого цвета, поддающейся только графической реконструкции (диаметр края 12 *см*; рис. 7, *1*). Другая большая миска серо-желтого цвета имела над перегибом тулова горизонтальный уступ и в одном месте под ним — Х-образный выступ-упор (диаметр края 20,2 *см*; рис. 7, *8*). Последним экземпляром была уникальная большая трехручная миска черного цвета. Хотя уцелели не все ее обломки, полный профиль удалось восстановить с бесспорностью. Миска-ваза имела отогнутый уплощенный, неширокий, косо поставленный край, отходящие от него четырехгранные в сечении ручки, округло-

биконическое тулово с горизонтальным уступом над перегибом тулова. Сосуд имеет высокий полый поддон (диаметр края 29 *см*; рис. 7, *3*).

Заключая описание захоронений в с. Ромашки, отметим находку в северо-восточном углу раскопа II небольшой прямоугольной ямки, возможно являвшейся погребением-кенотафом (?). На глубине 0,60—0,70 *м* зачистка выявила ямку с закругленными углами, ориентированную по направлению север — юг, с незначительным отклонением (размеры 0,72××0,48 *м*, глубина от уровня зачистки 0,10 *м*). В сероватом заполнении ее, таком же, как в других черняховских захоронениях, было всего два обломка черняховской посуды.

В заключение следует остановиться на обнаружении на территории Ромашковского могильника следов древней канавы в северной части раскопа I. Очевидно, канава пересекала площадь Черняховского могильника и являлась синхронным ему сооружением (рис. 1). То, что черняховское население создавало водоотводные канавы, подтверждают следующие наблюдения: одно из жилищ на поселении в с. Кут в районе г. Никополя опоясывала овальная канава длиной 41,5 *м* [22], на Журавском среднеднепровском могильнике одна детская могила была ограждена четырехугольной в плане канавой; причерноморский могильник в с. Коблево с юга был ограничен канавой, за пределы которой погребения не заходили, но в отдельных случаях ее нарушали [23]. Таким образом, сам факт обнаружения на черняховском памятнике следов канавы удивления вызвать не может. Однако в данном случае в с. Ромашки назначение ее может быть установлено только предположительно. Эта канава в раскопе I прослежена на ограниченном участке в пределах раскопа, который она пересекала. Она была выявлена в 4,5 *м* к северу от детского погр. 41 во время зачистки на глубине около 1 *м*. Канава шла в направлении с запада на восток с незначительным отклонением. Она имела плотное темно-серое, почти черное, заполнение, наклонно сужающиеся книзу стенки и округло уплощенное дно. Глубина канавы в прослеженной части 0,40—0,45 *м* (от уровня зачистки), в древности общая ее глубина, видимо, достигала 0,80—1,0 *м* от уровня тогдашней поверхности (рис. 1). В заполнении канавы встречены отдельные черняховские черепки. Это обстоятельство и сделанный разрез показали, что канава не имеет ничего общего с современными нарушениями слоя. Следует обратить внимание на находку в ней в числе других фрагментов обломка дна античного краснолакового сосуда на кольцевом поддоне (рис. 4, *13*). Она косвенно может свидетельствовать в пользу мнения о связи вышеупомянутой коллекции С. В. Дроздова с Ромашковским могильником. Делила ли канава древнее кладбище на какие-то две части: более северную, связанную с глинищем возле церкви, где В. В. Хвойка вел основные работы, где было найдено погр. 39 и отмечен ряд других костяков, ориентированных головами на запад, почти лишенных сопровождающего инвентаря,— или же канавой была обособлена какая-то другая часть погребений — сейчас можно только гадать.

При раскопках встречены небольшие обломки черняховской посуды, преимущественно сделанной на гончарном круге. Однако следует заметить: следов погребений с сожжениями ни в одном вскрытом раскопе выявлено не было. Причина тому, как мы писали выше, в уничтожении в центральной части села верхних пластов почвы вследствие перекапываний и других нарушений культурного слоя [24]. Среди немногих черепков из культурного слоя (рис. 4, *9*, *10*, *12*) следует выделить фрагмент края

---

[22] *Сымонович Э. А.* Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя.— МИА, № 139, 1967, с. 64, 66—68, рис. 2, *1*.

[23] *Сымонович Э. А.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, № 139, 1967, с. 210, рис. 1, *11*.

[24] Этими же обстоятельствами объясняется небольшая глубина обнаруженных погребений с трупоположениями, которые описаны выше.

гончарной желтоватой большой миски-вазы с фигурно профилированным венчиком (рис. 4, *9*) и не совсем обычный край деформированного дополнительным обжигом сероглиняного горшка с резко отогнутым венчиком и пористой поверхностью. Он был найден непосредственно над упомянутой выше канавой (рис. 4, *10*) и, возможно, происходил из погребения с кремацией.

Характерные признаки описанных погребений как по обряду и его деталям, так и по составу и особенностям инвентаря не вызывают сомнений в их принадлежности черняховской культуре. Мы не будем на этом подробно останавливаться. Отметим только господство ориентировок погребений с трупоположениями на север, сопровождаемых обильным инвентарем, и на запад (и встречающуюся иногда их противоположность — ориентировку на восток), почти лишенных находок; вытянутую позу погребенных с неустойчивым положением рук, расположение сосудов группами возле туловища умершего, характерных для черняховской культуры бус, фибул, гребней и прочего инвентаря. Даже такая деталь взрослого захоронения 43, как камушки в могиле, положенные под крупный обломок сосуда, имеет параллели, например, в Масловском могильнике и в погребении причерноморского могильника в с. Коблеве [25].

Две особенности явились неожиданными для новых ромашковских погребальных комплексов, а именно сравнительное обилие и типологические особенности лепной керамики, если сравнить их с ранее полученными результатами раскопок в с. Ромашки. Лепная посуда в открытых экспедицией 1976 г. комплексах составила ровно 50% всей керамики. Напомним при этом приводившееся мнение о решительном преобладании в Ромашковском могильнике гончарной посуды. Возможно, так и было в предшествующих нашим раскопах. Но с другой стороны, приходит на память представление о почти полном или полном отсутствии вылепленной от руки посуды на другом широко раскопанном В. В. Хвойкой памятнике — знаменитом Черняховском могильнике [26]. При новых работах 1961—1962 гг. на том же памятнике на 22 погребения пришлось 2 лепных сосуда, составивших около 6% всех целых или почти целых сосудов [27]. Проверочные раскопки в селах Черняхов и Ромашки заставили поставить вопрос: всегда ли В. В. Хвойка брал при раскопках хрупкие, рассыпающиеся и требующие реставрации лепные сосуды? Возможно ли в таком случае учитывать в качестве признака, якобы характеризующего основную зону распространения черняховских памятников, преобладание в названных и других могильниках посуды, сделанной на круге [28]. Не споря с Е. В. Махно и И. С. Винокуром о необходимости выявления такой зоны черняховской культуры, где протекало ее развитие с ранних этапов существования и где она менее была подвержена сарматским, позднескифским или северным влияниям, мы ставим под сомнение, что предполагавшееся решительное преобладание на могильниках гончарной посуды в таких памятниках, как Черняхов или Ромашки, является значимым для этого признаком.

Другой момент — это сам стиль и типические черты форм и орнамен-

---

[25] *Петров В. П.* Масловский могильник на р. Товмач.— МИА, № 116, 1964, с. 148—150; *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники возле г. Одессы.— В сб.: «Черняховские могильники». М., 1979.

[26] *Хвойка В. В.* Поля погребений в Среднем Поднепровье..., с. 181; *Петров В. П.* Черняховский могильник.— МИА, № 116, 1964, с. 85—88. Автор, допуская домашнее производство лепной посуды, подсчитал, что она для Черняховского могильника «составляет около 1% всей посуды» (с. 86). Следует при этом учесть, что, по мнению некоторых археологов, учтенные В. П. Петровым три лепных сосуда, может быть, происходят из Зарубинецкого могильника (?).

[27] *Сымонович Э. А.* Новые работы в селе Черняхове.— МИА, № 139, 1976, с. 26. На открытом нами поселении в с. Черняхове лепная посуда составляла до 32%.

[28] *Махно Е. В.* Знову про локальні варіанти черняхівської культури.— «Археологія», XXIV, 1970, с. 52, 53.

тации лепной посуды из с. Ромашки. Поиски параллелей такой керамике не вызывают сомнений в возможности ее сопоставлений с западными образцами посуды с территории так называемых ямных погребений. Именно эту культуру Й. Костжевский и вслед за ним В. Гензель разделяют на северные памятники оксывского типа и южные — пшеворские [29]. При этом имеют место споры, какая из этих групп наиболее определенно может быть связана с венедами-славянами. Однако, пожалуй, наиболее общепризнана после работ С. Носека и других археологов венедская принадлежность южной культуры ямных погребений или какой-то ее части [30], хотя и то и другое мнение оспариваются. Особенно это заметно, когда делаются попытки обособить от проникнутых автохтонными чертами оксывских памятников раннеримского времени поздний этап их развития и даже выделить его в особую культуру. Она, как предполагают, создана на основе смешения местных и пришлых с севера восточно-германских элементов [31]. На наш взгляд, вряд ли достаточным моментом для выделения в особую культуру является факт включения в эволюционное развитие элементов чужеродной культуры.

Отделение привнесенных германских элементов от местных в оксывских памятниках крайне затруднительно [32]. Е. Кмециньски смог выделить лишь незначительное число особенностей культуры, ранее возникших в Скандинавии, откуда, по преданию, вышли готы [33]. Как бы ни была интересна и остроумно обоснована попытка найти область истоков германского расселения в Мазовии, сделанная Р. Хахманом, археологические факты для этой гипотезы представляются малоубедительными [34]. Ряд советских археологов, видящих германские черты в черняховской культуре, пытались не раз определить их с помощью сопоставлений с материалами позднеоксывских или вельбаро-цецельских памятников. Так, с северными позднеоксывскими материалами сопоставляют Х-образные и другого рода выступы на посуде, горизонтальные уступы, глубокие биконические сосуды типа мисок-горшков, даже примитивные, почти непрофилированные миски или широко распространенные горшки с яйцевидным туловом и преднамеренно ошершавленной поверхностью (т. е. то, что в данном случае присуще ромашковской лепной посуде) [35]. При таком сопоставлении сторонники миграционных построений и сторонники привнесения извне ведущих особенностей черняховской культуры в целом видят вклад восточных германцев.

Отдельные полученные в с. Ромашки керамические формы находят на территории СССР параллели в памятниках волынской группы полей

---

[29] *Kostrzewski J.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, s. 213; *Hensel W.* Polska starożytna. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973, s. 362; Ю. В. Кухаренко и оксывскую и пшеворскую группы относит, например, к венедской культуре. См. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969, с. 107—117.

[30] *Nosek C.* Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną międzyrzecza Wisły i Bugu. Annaly universitatis M. Curie-Składowski, v. VI, Lublin — Krakow, 1956.

[31] Тенденциозность и желание непременного обособления на позднем этапе развития оксывской группы от пшеворской усматриваются нами в попытках найти для позднеримского этапа развития первой из названных групп особое название, как бы противопоставляющееся ранним находкам, легшим в основу ее формирования. Позднеоксывские древности первоначально начали именовать «восточно-поморско-мазовецкой культурой», потом «вельбаро-цецельской», основываясь на опубликованных еще Р. Шиндлером материалах могильника (бывш. Вилленберг) и на новых раскопках в Цецелеве и на других подобных памятниках Польши.

[32] *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши, с. 116, 117; Małły słownik kultury dawnich Słowian (Pod redakcją L. Leciejewicza). Warszawa, 1972, s. 127—129.

[33] *Kmieciński J.* Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na Pomorzu wschodnim w okresie wczesnorzymskim. Łódź, 1962.

[34] *Hachmann R.* Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.

[35] *Сміленко А. Т.* Слов"яни та їх сусіди в степовому Подніпров"ї (II—III ст.). Київ, 1975, с. 31, 32, рис. 7; *Махно Е. В.* Пам"ятки типу Дитиничів і Компаніївський могильник.— «Археологія», 1976, № 19, с. 95—101.

погребений. На многослойном поселении Лепесовка были встречены аналогии глубоким мискам-горшкам. Известны они также по материалам могильника в с. Деревянном под г. Луцком [36] и в захоронениях Брест-Тришина [37], в Скрагливке (материалы В. В. Богуна) и пр. К примеру, резко профилированный и лишенный горизонтального уступа сосуд 1 из погр. 41 (рис. 4, *6*) вполне сходен с еще не опубликованным М. А. Тихановой сосудом, близким изданному в 1964 г., который орнаментирован и снабжен ушком [38]. Такого же рода сосуды мы увидим и в инвентаре погребений Дитиничского могильника (погребения XII, XVIII, XX), где ромашковскому сосуду 1 из погр. 43 (рис. 7, *4*) близка одна из мисок с ушком, отличающаяся несколько менее раздутым туловом [39]. Удлиненные арбалетные подвязного типа фибулы с сужающейся вниз ножкой также сопоставимы с дитиничскими (рис. 6, *3, 4*, ср. с фибулами из погр. IV, где, правда, на конце ножки имеется шишечка) [40]. Можно усмотреть нечто подобное двум названным мискам-горшкам из с. Ромашки среди материалов, представленных в наиболее полных сводках оксывских и позднеоксывских (вельбаро-цецельских) материалах Р. Шиндлера из Одры, Цецелева на территории современной Польши [41] и даже в Скандинавских сериях сосудов, опубликованных Б. Шернквист и др.[42] В названных материалах имеются глубокие миски-горшки с острым и плавным перегибом тулова, встречаются в орнаментации горизонтальные уступы на верхней половине сосуда, есть ушки и яйцевидные горшки с преднамеренно ошершавленной поверхностью — традиция, очевидно восходящая к лужицким памятникам [42] (рис. 7, *7*). Однако полной аналогии керамическому комплексу даже в одновременных материалах севера нет. Сближающие же черты в неменьшей степени прослеживаются в южных памятниках ямной культуры, в пшеворо-венедской группе. Для нее, судя по опубликованным многочисленным находкам, не менее характерны миски-горшочки, сосуды с выступами шишечками или Х-образные ручки и тем более преднамеренная ошершавленность горшков [44]. Так, характерный чернолощеный лепной трехручный сосуд на высоком поддоне — миска-ваза (рис. 7, *3*) из погребения в с. Ромашки, случайно найденного у ворот школы, прежде всего сопоставим с пшеворскими материалами [45]. Ряд

---

[36] Сб.: «Старожитності Східної Волині». Чернівці, 1960, с. 49, табл. VII.

[37] *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин.— КСИА АН СССР, № 100, 1965, с. 99, рис. 39, *1*.

[38] *Тиханова М. А.* Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг.— КСИА АН СССР, № 102, 1964, с. 51, рис. 18. Фонды ГЭ, 1 полевая опись, 1947 а — б. Пользуюсь случаем поблагодарить автора раскопок М. А. Тиханову за возможность ознакомления с полученными ею в с. Лепесовке материалами.

[39] *Смішко М. Ю., Свешніков І. К.* Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровеньської області.— МДАПВ, вип. 3. Київ, 1961, с. 97, рис. 6, *9*; с. 101, рис. 8, *2, 6*; с. 94, рис. 4, *2, 4*.

[40] Там же, с. 92, рис. 3, *13*.

[41] *Schindler R.* Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. Quellenschriften zur ostdeutsche Vor- und Frühgeschichte, Bd 6. Leipzig, 1940, Taf. 21, 22; Odry cmentarzysko kurhanow z okresu rzymskiego w powiecie Chojnickim. Łódź, 1968; *Jaskanis J.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Cecelach, pow. Siemianycze — SprA, XXIV, 1972, s. 81—102.

[42] *Stjernquist B.* Simris on cultural connections of Scania in the roman iron age.— Acta archaeologica Lundensia, ser. in 4°, n. 2, Bonn und Lund, 1955.

[43] *Даугудис В. В.* Некоторые данные о происхождении и хронологии шероховатой керамики в Литве.— Lietuos TSR, ser. A — 3. Wilnus, 1966, s. 55—64.

[44] *Kostrzewski J.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa, Wrocław, 1955, s. 247, 725, 727; *Chmelewski K., Przewozna-K., Żak J.* Osada z okresu «rzymskiego» w Poznaniu przy ul. Krańcowej 77.— Archeologia — Etnografia. Poznań, 1958, s. 44, Rys. 2, *1, 2*; *Dąbrowska T.* Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim.— Materiały Starożytne, t. II. Warszawa, 1973; *Liana T., Pętka T.* Osada z okresu wpływów rzymskich w Gródku Nadbużnym, pow. Hrubieszów.— WA, 1958, vol. XXV, z. 4, s. 376, 377, tabl. LVI, *1*.

[45] *Hadaczek K.* Cmentarzysko ciałopalne koło Przeworska. Teka konserwatorska, t. III, z. 2. Lwów, 1909, ryc. 29; *Abramek B.* Materiały kultury przeworskiej z Popielo-

мисок лепных и гончарных неотличим от позднепшеворских сосудов. Специфические черты сходства с полным правом позволяют сопоставлять черняховские керамические комплексы именно с пшеворскими и, конечно, на наших землях с зарубинецкими, где, кроме того, отмечены на определенных территориях общие с черняховскими особенности обряда погребения (для трупосожжений) [46]. К сожалению, из-за разрушенности могильника в с. Ромашки в этом плане сравнение невозможно [47].

Заканчивая раздел о северных и западных элементах в Ромашковском могильнике, следует обратить внимание на некоторые металлические изделия. Из новых находок прежде всего отметим оригинальную двуовальную поясную пряжку из погр. 43 (рис. 6, *12*). Е. Келлер, описывая южнобаварский памятник Веслинг конца III—IV вв. н. э., приводит три пряжки, подобные нашей. Среди них находки из Деревянного и бывш. Вилленберга [48]. Не менее важны для датирования и определения направления культурных связей фибулы, опубликованные в МИА (№ 8, с. 116, табл. IV, *1—3*). Распространение фибул этих типов показано на картесхеме в последней книге Е. Окулича, описавшего их в разделе материалов, датированных не позже середины V в. н. э.[49] Две другие фибулы из с. Ромашки с поперечными выступами и тоже украшенные выемчатыми эмалями после находок в Компаниевском могильнике на Левобережье перестали быть изолированным явлением [50]. Кроме приведенных автором раскопок аналогий с нашей территории, может быть, следует обратить внимание на статью А. Каминського, где он публикует балтийское погребение V в. н. э. в Двораках Пикатых с фибулами, вполне схожими с ромашковскими [51]. Еще один предмет из с. Ромашки — своеобразная дужка с расплющенными концами (рис. 7, *10*) — дает возможность понять подобную вещь, происходившую из могильника в Переяславле-Хмельницком [52]. Там такая же дужка была обнаружена в погребении вместе со шпорой, находящей близкие аналогии, как и ряд сосудов Ромашковского могильника, в тех хронологических таблицах К. Годловского, которые характеризуют раннюю стадию позднеримского периода (С-1, 150—200 гг. н. э.) [53]. Трехручная миска-ваза из с. Ромашки тоже, как мы видели, находит аналогии в материалах пшеворского типа примерно того же периода. Таким образом, очевидно, мы получаем примерную нижнюю дату памятника — III в. н. э. И вероятно, В. В. Хвойка был прав, когда предполагал длительное существование могильника

---

wa, pow. Węgrów.— WA, t. XXXV, z. 3, 1970, s. 408, rys. 1c; *Dąbrowski K.* Kalisz prastary. Warszawa, 1960, s. 63; *Żaki A.* Początki Krakówa. Kraków, 1965, s. 39, ryc. 26.

[46] *Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках.— КСИА АН СССР, № 121, 1970, с. 47—50.

[47] Кроме разрушений и пахоты почвы с площади могильника местные крестьяне брали землю «для подсыпки огородов в низменных местах, таким образом все более и более разрушая заключающиеся в ней погребения», см. *Хвойка В. В.* Поля погребений..., с. 182.

[48] *Keller E.* Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern. Veröffentlichungen der Komission zur archäologischen Erforschung des spätrömischen Raetien, Bd 8. München, 1971, S. 175, Abb. 59.

[49] *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VIII w. n. e. Wroc aw et c. t., 1973, s. 442—444, ryc. 221, 223k, 1; Ю. В. Кухаренко близкую, но с закругленными углами пряжку из с. Деревянного датирует IV в. н. э. См. *Кухаренко Ю. В.* Волынская группа полей погребений.— СА, 1958, № 4, с. 225.

[50] *Махно Е. В.* Типи поховань та планування Компаніївського могильника.— В сб.: «Середні віки на Україні». т. 1. Київ, 1971, с. 88, 92, рис. 4.

[51] *Kamiński A.* Z badań nad pograniciem polsko — prusko — jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny.— W. Ar., t. XXIII, z. II, 1956, s. 161, 162, ryc. 17, 1, 2.

[52] *Гончаров В. К., Махно Е. В.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького.— «Археологія», XI, 1957, с. 134, 136, табл. II, *4*, *9*. Фибулу из этого погребения авторы тоже датируют II—III вв. н. э. (с. 134).

[53] *Codłowski K.* Die Przeworsk Kultur der mitleren und späten Kaiserzeit.— Zeitschrift für Archäologie, № 2. Berlin, 1968, Abb. 3; *Godłowski K.* The Chronology of the late roman and Early migration periods in Central Europe. Kraków, 1970, p. 1. II, 42.

в с. Ромашки [54], не случайно занимавшего обширную территорию. О протяженности могильника примерно в ¼ *км* позволили судить новые работы и впервые составленный план местности (рис. 1). Другим результатом полевых исследований явилось получение достоверных погребальных комплексов, тогда как в первоначальных публикациях В. В. Хвойки и В. Козловской памятнику было уделено по одной странице текста (к тому же у В. В. Хвойки большей частью освещались находки позднехристианских погребений в гробах, сконцентрированных возле церкви) [55]. В-третьих-сравнительно большое количество и типологические особенности полученной лепной керамики оказались неожиданно по-новому характеризующими пространственные связи каких-то групп черняховского населения, проживавшего на землях нынешнего села. Ограниченные поиски аналогий ряду предметов лишь в северных (оксывских или вельбарских) областях далеко не всегда оправданы [56]. Весь комплекс северных черняховских находок имеет не только германские и балтские элементы, но прежде всего имеет больше общего с южной пшеворской группой культуры ямных погребений и, добавим, с зарубинецким субстратом. О возможной генетической близости обеих культур по ряду признаков уже не раз писали [57]. Сходство отдельных черт черняховской посуды с территориально близкой керамикой северных и западных соседей еще не решает вопроса о предполагаемом некоторыми археологами существенном вкладе в формирование и развитие славянских и других племен восточно-германских культурных элементов [58].

E. A. Symonovich

THE CEMETERY ROMASHKI — THE FIRST SITE OF THE CHERNYAKHOVO CULTURE IN THE DNIEPER REGION

Summary

Brevity of information and lack of documentation from excavations in village Romashki, Rakityansk district of Kiev region caused new excavations of this cemetery of Funeral Urns culture, first discovered in Dnieper basin by V. V. Hvoiko in 1899. Accidental finds (a jug with a subject picture) stimulated new excavations of the cemetery, despite its severe destruction. The excavations discovered five inhumations and new materials, coming from village Romashki. The cemetery is very large — 250 metres long. The investigators have got some new information about burial rites and complexes of typical Chernyakhovo grave furniture. Relatively numerous hand-made pottery (50% of the whole pottery collection) was quite unexpected. These series and some other objects find analogies in the sites of the so-called Pit-grave culture in Poland, among the materials of Oksywsk and Przeworsk culture groups Finds from village Romashki are dated the IIId — Vth centuries A. D.

---

[54] *Хвойка В. В.* Поля погребений..., с. 182.

[55] Там же, с. 181, 182; *Козловська В.* Новіші археологічні дослідп..., с. 41, 42.

[56] *Сымонович Э. А.* Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культур полей погребений.— КСИА АН СССР, № 133, 1973, с. 24—31.

[57] *Сымонович Э. А.* Зарубинецкая и черняховская культуры в Поднепровье.— В сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, с. 17—22.

[58] *Артамонов М. И.* Вопросы расселения славян и советская археология.— В сб.: «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, с. 47—50; *Кухаренко Ю. В.* Волынская группа полей погребений и проблема так называемой гото-гепидской культуры.— КСИА АН СССР, № 121, 1970, с. 57—59; *Kuharenko I. V.* Le probléme de la civilisation «Gotho-Cèpide» en Polésie et en Volhynie.— Acta Baltiko — Slavica. 5, Białystok, 1967, p. 19—40; *Вернер И.* К происхождению и распространению антов и склавенов.— СА, 1972, № 4, с. 106—113; *Тиханова М. А.* Следы рунической письменности в черняховской культуре.— В сб. «Средневековая Русь». М., 1976, с. 10.

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

НОВЫЕ НАХОДКИ В МОКРОЙ БАЛКЕ БЛИЗ КИСЛОВОДСКА

Могильник Мокрая Балка, открытый в 1967 г. А. Агачевым и В. Лученковым, находится на левом берегу р. Мокрая Балка (рис. 1), правого притока р. Аликоновки, в 2 *км* к юго-востоку от «Замка коварства» близ Кисловодска. Первоначальным исследованием некрополя занимались кисловодские краеведы. Н. Н. Михайлов, М. Гуськов, В. Пронин, В. Ценцера, А. Агачев под наблюдением А. П. Рунича [1]. Затем в течение двух полевых сезонов памятник раскапывался экспедицией ИА АН СССР под руководством В. Б. Ковалевской [2]. В 1973 г. раскопки могильника проводились объединенной археологической экспедицией Пятигорского краеведческого музея и Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы. С целью получения данных о характере погребений в центральной части могильника раскоп площадью 48 $м^2$ (рис. 2) был прирезан с запада к раскопам 3, 4 В. Б. Ковалевской. На этой территории вскрыто пять катакомбных усыпальниц, различных как по своему устройству, так и по времени сооружения.

Катакомба 1 (табл. 1). При вскрытии дромоса перед каменной плитой, закрывавшей вход в камеру, зафиксированы остатки трех сосудов (рис. 3) [3]. Один из них был типа корчаги с насечками по венчику, а два

Таблица 1

Параметры катакомб

Номера катакомб	Длина камеры	Ширина	Высота	Высота порога	Ширина лаза	Высота лаза	Глубина лаза	Длина дромоса
1	160	110	110	75	60	45	40	236
2	200	110	110	50	37	60	40	100
3	210	120	120	61	62	60	60	120
4	185	110	75	15	47	52	55	100
5	230	110	170	90	45	72	55	225
1-А	195	140	87	37	70	50	?	185
2-А	180	200	?	?	?	?	?	?
3-А	185	110	?	50	?	?	?	?

других — кувшинчики с шарообразным туловом, коническими бугорками и вертикальными лощеными полосками (форма сосудов не восстанавливается). В восточном углу камеры была устроена ниша, в которой стояли две кружки (рис. 4, *1*, *2*). Рядом с ними на полу камеры лежали остатки

[1] *Рунич А. П.* Аланский могильник в Мокрой Балке у города Кисловодска.— МАДИСО, 1975, с. 132—150.

[2] *Ковалевская В. Б.* Раскопки аланского могильника VI—IX вв. Мокрая Балка близ Кисловодска.— АО, 1971. М., 1972, с. 158, 159.

[3] Номера предметов на рисунках соответствуют их номерам на планах погребений.

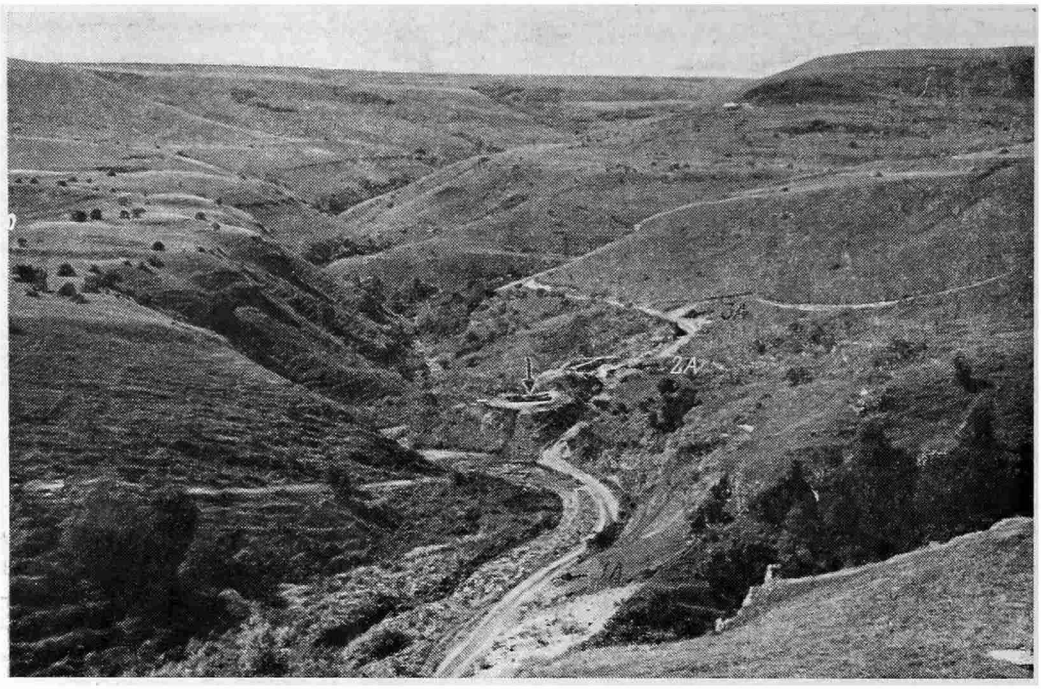


Рис. 1. Общий вид могильника Мокрая Балка. В центре раскоп 1973 года. *1А — 3А* — полуразрушенные погребения

кувшинчика (рис. 4, *3*), ребра барана или козы, древесные угли и кусочки смоловидного вещества (рис. 4, *5*). На дне камеры находились остатки трех костяков: детского (14—15 лет) и двух мужских взрослых. Кости сильно потревожили грызуны так, что их первоначальное положение установить не удалось. Около черепа костяка, лежащего у противоположной от входа стены, найдены следующие вещи: два бронзовых височных кольца (рис. 4, *6*, *7*), одна плоская круглая янтарная бусина (рис. 4, *15*), одна стеклянная мозаичная (рис. 4, *11*), 11 синих стеклянных шарообразных (рис. 4, *12*), одна синяя неправильно-цилиндрическая (рис. 4, *13*), 57 синих стеклянных (рис. 4, *14*). Все стеклянные бусы прозрачные, кроме бус, отмеченных как пастовые и мозаичные. Между ребер этого костяка обнаружены железная фибула и бронзовая прогнутая подвязная фибула с железной пружиной и иглой (рис. 4, *4*, *9*), около бедренных костей — железный нож и бронзовая пряжка с прогнутым язычком (рис. 4, *8*).

Катакомба 2. В дромосе (рис. 3, III) перед входной плитой стоял плохо сохранившийся сосуд. На дне камеры лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками мужской костяк с деформированным черепом. Рядом с черепом находились глиняная кружка с коническими бугорками (рис. 5, *1*), кусочек смоловидного вещества (рис. 5, *2*), железное шило (рис. 5, *5*) и кремневый отщеп. Последний попал в погребение случайно, в результате разрушения могильником более древних культурных слоев (на территории некрополя нами собрано несколько кремневых ножевидных пластин, резец и конический нуклеус). У правой ключицы лежали кучкой детали поясного набора: овальная серебряная пряжка с геральдическим щитком (рис. 5, *3*), полуовальная бронзовая накладка со стеклянной вставкой (рис. 5, *14*), семь штампованных бронзовых Х-образных накладок со стеклянными вставками (рис. 5, *11*), четыре маленьких бронзовых наконечника (рис. 5, *12*), антропоморфная бронзовая накладка (рис. 5, *13*), три круглых накладки со стеклянными вставками (рис. 5, *15*), бронзовый поясной наконечник (рис. 5, *4*) и костяная подпружная пряжка (рис. 5, *6*). Все стеклянные вставки желтоватого цвета.

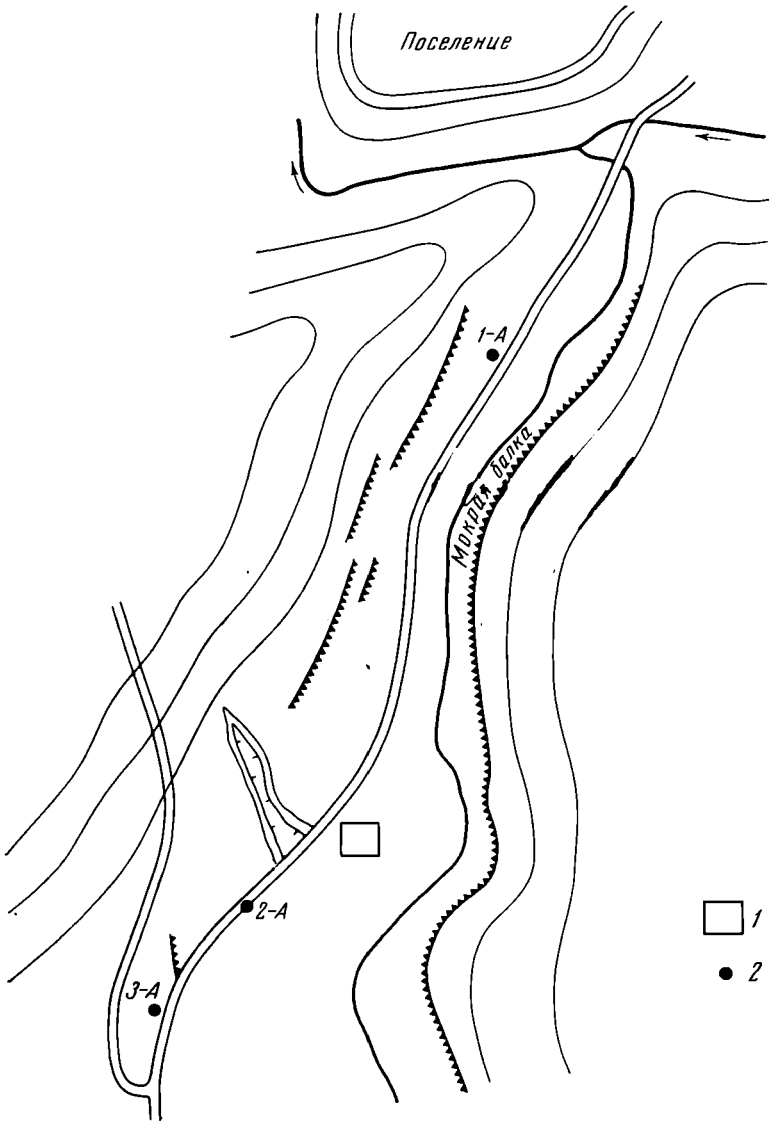


Рис. 2. План могильника Мокрая Балка. *1* — раскоп 1973 г.; *2* — полуразрушенные катакомбы

В области голеней сохранились накладки, по-видимому от обувных ремней: шесть круглых бронзовых штампованных накладок (рис. 5, *8*), пять бронзовых более крупных (рис. 5, *7*), две овальные со стеклянными вставками (рис. 5, *9*) и у правой ноги штампованная бронзовая прямоугольная пряжка с геральдическим щитком (рис. 5, *10*).

Катакомба 3. В усыпальнице находилось одиночное мужское погребение (рис. 3, III). Череп носил следы искусственной деформации. В нише, сделанной в восточном углу камеры, стояли два сосуда (рис. 6, *1*, *2*). Вторая ниша была пустой. Рядом с черепом лежали: железный нож, железный наконечник стрелы (рис. 6, *8*) и крупная серебряная пряжка с зооморфным язычком (рис. 6, *5*). В верхней части левой бедренной кости находились две бронзовые пряжки (рис. 6, *3*, *6*). Еще одная пряжка (рис. 6, *4*) лежала у правой ключицы. Около коленной чашечки левой ноги найдена бронзовая накладка с желтоватой стеклянной вставкой (рис. 6, *7*).

Катакомба 4. В дромосе перед входной плитой (рис. 3, IV) стоял раздавленный сосуд с полуовальной штампованной окантовкой конических бугорков, близкий изображенному на рис. 7, *3*, но без клейма на дне. На

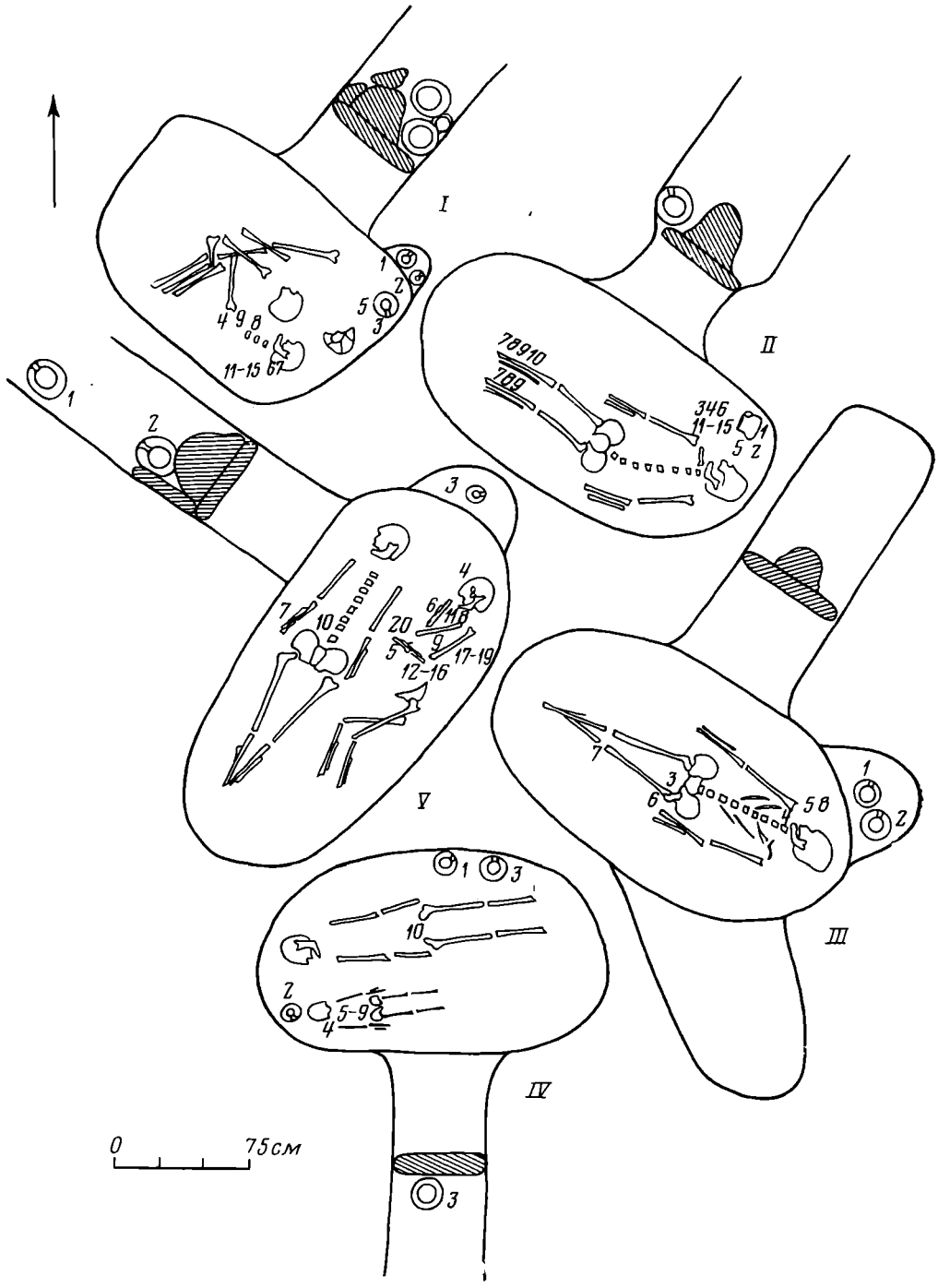


Рис. 3. Планы катакомбных погребений. I—V — катакомбы 1—5

дне камеры находились остатки двух костяков: мужского и детского, лежащих на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. На груди детского костяка найдены бусы: две мозаичные с черной основой и красными вкраплениями (рис. 7, *5*, *6*), восемь синих стеклянных (рис. 7, *9*), одна синяя стеклянная цилиндрическая (рис. 7, *8*), одна синяя стеклянная двойная (рис. 7, *7*). Здесь же лежало железное шило (рис. 7, *4*). У черепа стояла кружка с коническими бугорками (рис. 7, *2*). На поясе второго костяка была железная пряжка (рис. 7, *10*). У северной стены камеры стояли два сосуда (рис. 7, *1*, *3*), рядом с которыми лежал железный нож.

Катакомба 5. В дромосе перед входной плитой (рис. 3, V) лежали два раздавленных кувшина (рис. 8, *1*, *2*), а в камере, в нише,— кружка

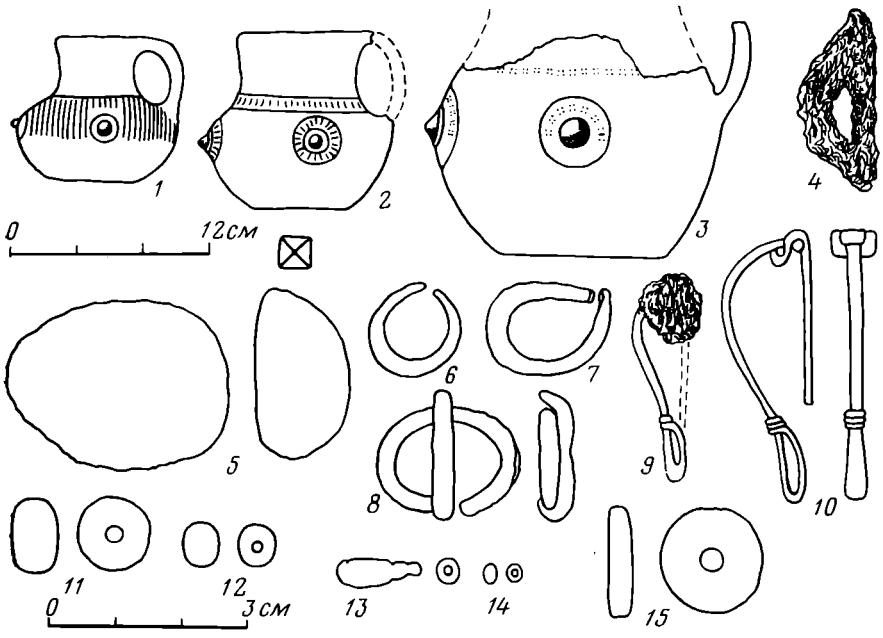


Рис. 4. Комплекс катакомбы 1. *1—3* — сосуды; *4* — железная фибула; *5* — кусочек смоловидного вещества; *6*, *7* — височные кольца; *8* — пряжка; *9* — фибула; *10* — фибула, найденная вне комплекса; *11—15* — бусы

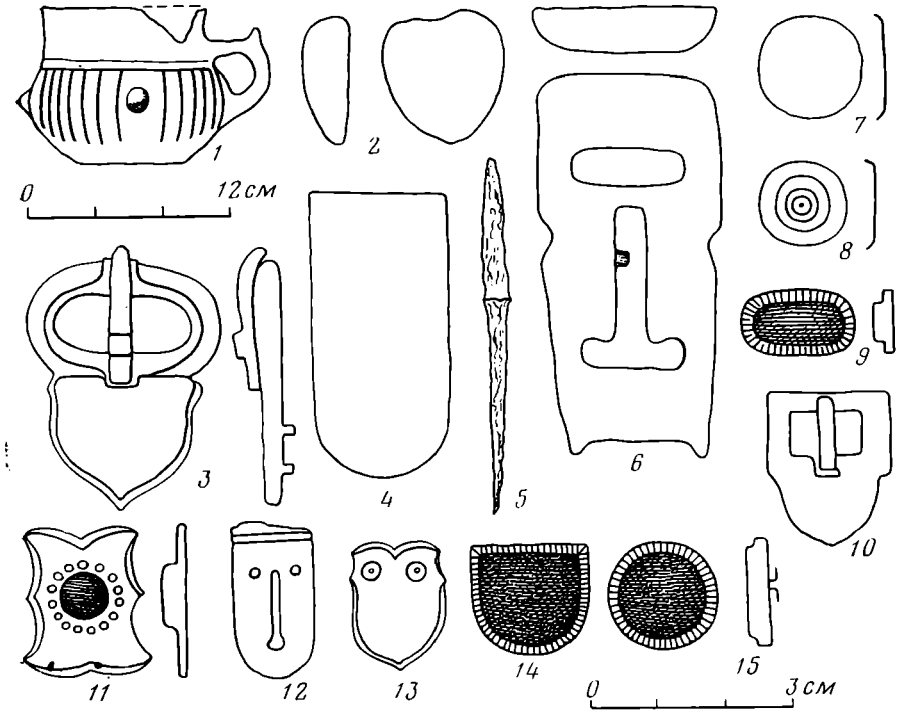


Рис. 5. Комплекс катакомбы 2. *1* — сосуд; *2* — кусочек смоловидного вещества; *3* — пряжка; *4* — поясной наконечник; *5* — железное шило; *6* — подпружная пряжка; *7—9* — накладки обувных ремней; *10* — обувная пряжка; *11—15* — детали поясного набора

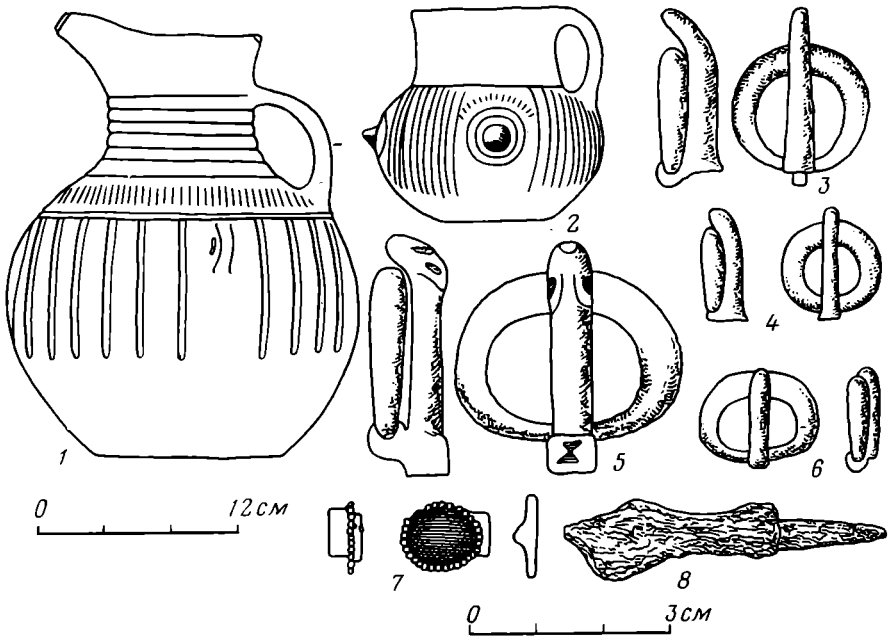


Рис. 6. Комплекс катакомбы 3. *1*, *2* — сосуды; *3—6* — пряжки; *7* —ременная накладка; *8* — железный наконечник стрелы

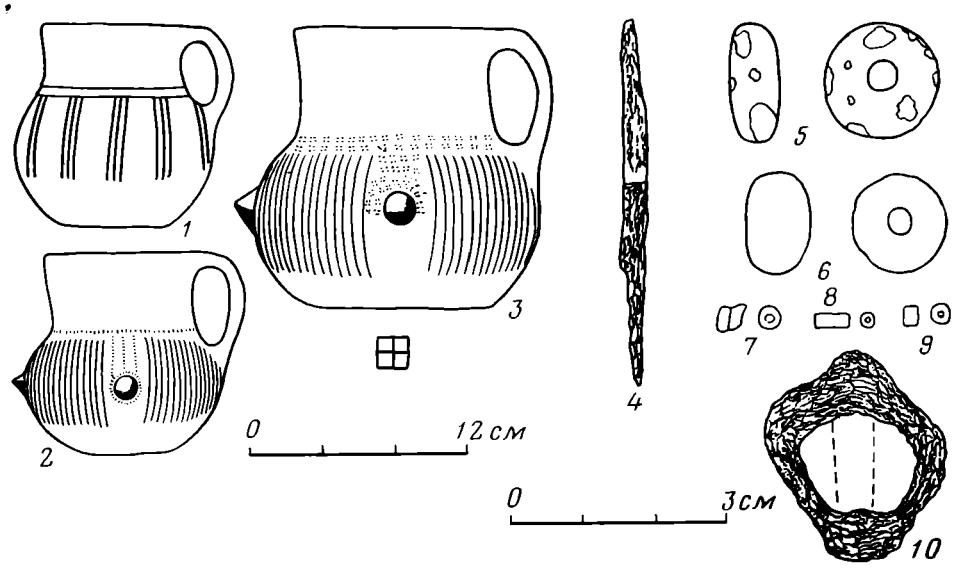


Рис. 7. Комплекс катакомбы 4. *1—3* — сосуды; *4* — железное шило; *5—9* — бусы; *10* — железная пряжка

(рис. 8, *3*). На дне катакомбы находились два костяка: мужской — на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, женский — на правом боку с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками. На правой руке мужского костяка находился железный браслет (рис. 8, *7*), около таза — железный нож и железная пряжка (рис. 8, *10*). На лучевых костях женского костяка были бронзовые браслеты (рис. 8, *5*, *6*), около черепа — две литые бронзовые пуговицы (рис. 8, *4*), в области правого виска находилась бронзовая височная подвеска (рис. 8, *8*). Такая же подвеска, видимо упавшая с левого виска, лежала под нижней челюстью. В области грудной клетки обнаружены две бронзовые фибулы (рис. 8, *9*) и бусы: 12 шарообразных сердоликовых (рис. 8, *11*), пять тройных стек-

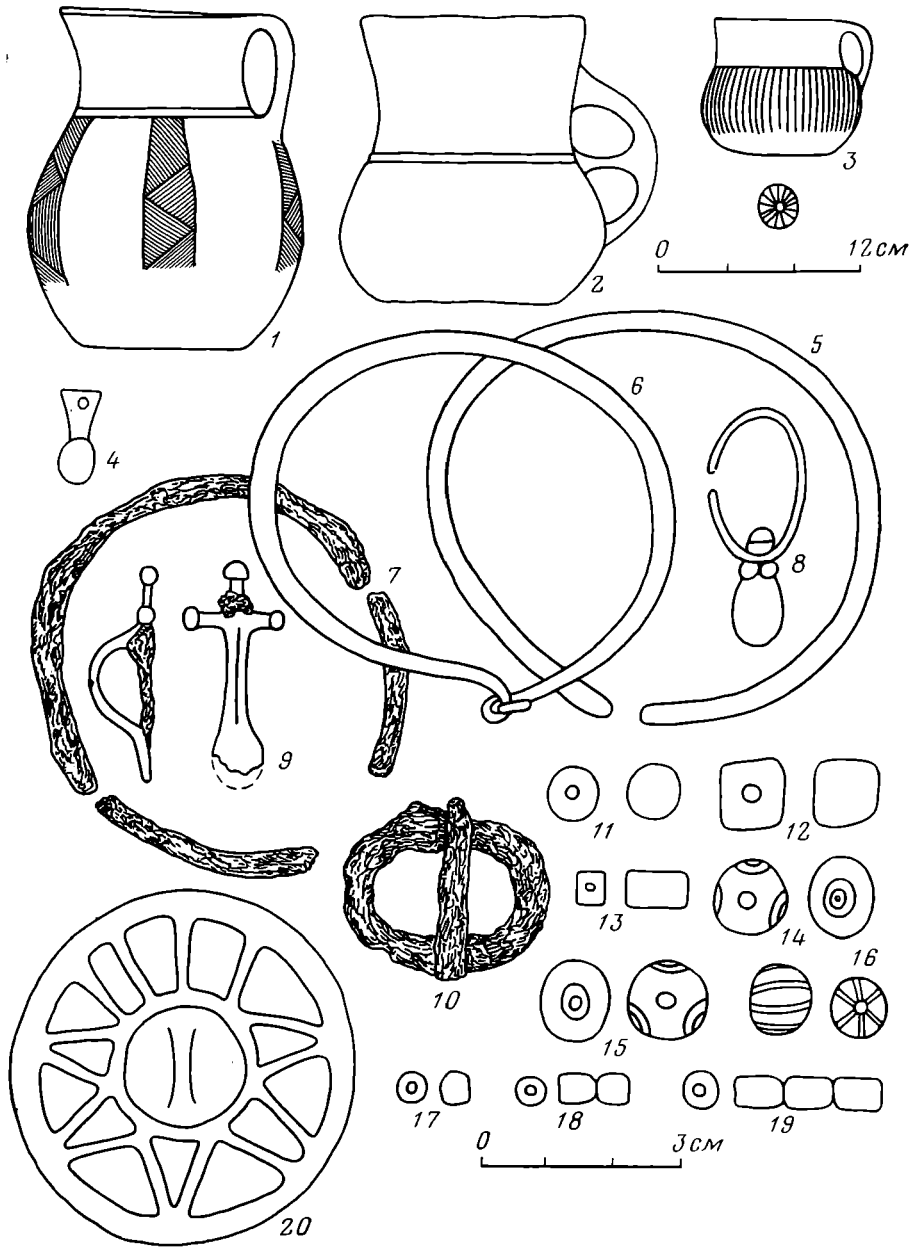


Рис. 8. Комплекс катакомбы 5. *1—3* — сосуды; *4* — пуговица; *5—7* — браслеты; *8* — височная подвеска; *9* — фибула; *10* — пряжка; *11—19* — бусы; *20* — зеркало

лянных с золотой прокладкой (рис. 8, *19*), восемь таких же двойных (рис. 8, *18*) и 15 таких же одинарных (рис. 8, *17*).

В районе тазовых костей найдены: 29 глазчатых бусин с основой желтого цвета и глазками темно-зеленого цвета со светло-зеленой каплей (рис. 8, *14*), 30 глазчатых бусин, на темно-синей основе которых желтые глазки с красными и голубыми каплями (рис. 8, *15*), одна пастовая бледно-голубого цвета (рис. 8, *13*), 13 полосатых бусин с темно-синей основой и желтыми полосками (рис. 8, *16*), 48 голубых стеклянных бусин (рис. 8, *12*). Между мужским и женским костяками лежало серебряное зеркало (рис. 8, *20*).

Кроме катакомб, вскрытых на раскопе, три камеры были доследованы в промоинах дороги (рис. 2).

Катакомба 1-А была вырублена наполовину в глине, наполовину в доломитной скале. Камера подвергалась ограблению. В разных местах

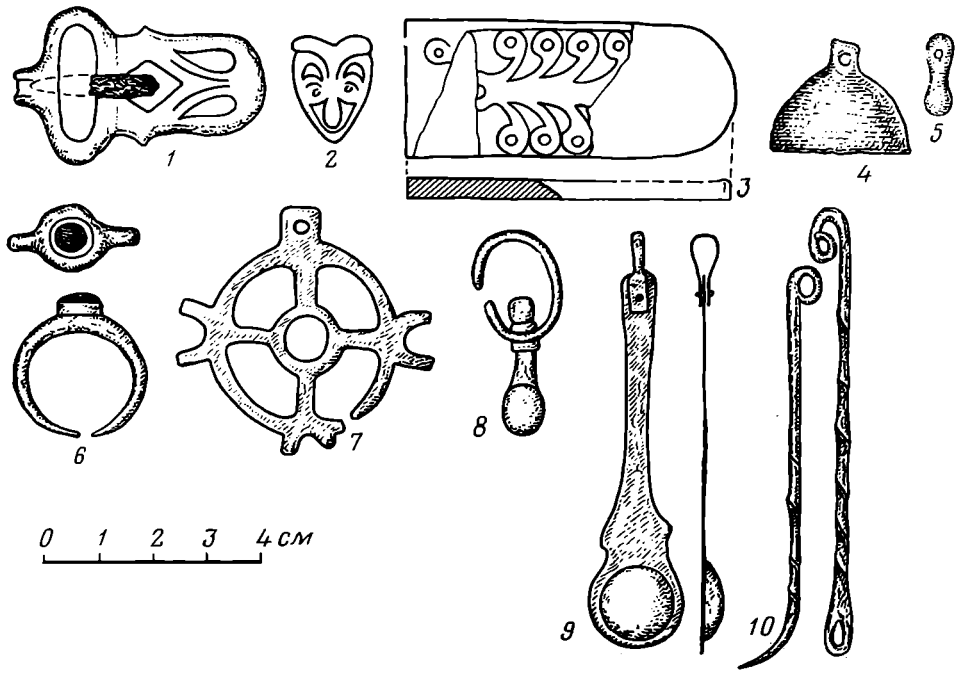


Рис. 9. Предметы первой половины VIII в. *1* — пряжка; *2* — поясная накладка; *3* — поясной наконечник; *4* — колокольчик; *5* — пуговица; *7* — амулет; *8* — височная подвеска; *9* — ложечка; *10* — ногтечистка и уховертка; *1—3* — катакомба 112; *5*, *6*, *8—10* — катакомба 112; *7* — катакомба 35

найдены: железный нож, серьга с бронзовым кольцом и серебряной подвеской типа, изображенного на рис. 9, *8*, одна бусина с желтой основой и зелеными глазками, три стеклянные бусины с золотой прокладкой и фрагмент сосуда с двойной ручкой типа рис. 8, *2*.

Катакомба 2-А. От камеры сохранилась только нижняя часть. На дне лежал мужской костяк на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. У правой руки стоял плохо сохранившийся закопченный кухонный горшок.

Катакомба 3-А подвергалась ограблению. Судя по фрагментам черепов, здесь находилось около трех погребений. Инвентарь представлен овальной костяной пряжкой с железным язычком.

Краткое описание усыпальниц показывает, что основными частями катакомб является камера и дромос, расположенный перпендикулярно длинной оси камеры. Как правило, дромос делался перпендикулярно склону. Поэтому в тех случаях, когда склон крутой, дромос был почти горизонтальным, если же склон не имел достаточной крутизны для помещения камеры при горизонтальном дромосе, то он делался с небольшим наклоном в сторону камеры. В одном случае в дромосе отмечена ступенька (катакомба 100 из раскопок А. П. Рунича).

По форме камеры встречаются трех типов: овальные, составляющие 96,9% [4], круглые — 1,9%, прямоугольные с закругленными углами — 1,2%. Ориентировка камер различна, так как зависит от направления склона, в котором они делались. По этой же причине ориентировка костяков, лежащих вдоль длинной оси камеры, также произвольная. 4,4% катакомб имеют прямоугольные ямы в полу перед входом. В 6,4% камер зафиксированы ниши. Большей частью они находились слева от входа в катакомбу.

[4] При статистических расчетах используются и материалы из раскопок предыдущих лет.

Таблица 2

А – достоверность различия параметров парных катакомб первого и третьего этапов

Номера параметров	m_1	m_2	d	m_d	t_d	Достоверность
1	1,664	5,606	12,67	5,848	2,166	+
2	9,538	6,144	12,83	11,36	1,129	–
3	13,8	6,368	25	15,20	1,644	–
4	10,831	4,735	19,8	11,82	1,675	–
5	4,114	2,071	2,48	4,919	0,504	–
6	0,75	2,276	0,71	2,302	0,326	–
7	7,39	3,807	0,77	8,313	0,093	–
8	48,135	24,087	16,67	53,83	0,309	–

Б – достоверность различия параметров парных катакомб первого и четвертого этапов

Номера параметров	m_1	m_2	d	m_d	t_d	Достоверность
1	1,664	10,359	13,81	10,49	1,316	–
2	9,538	8,745	4,11	12,92	0,318	–
3	13,8	11,739	47	18,11	2,595	+
4	10,931	10,55	44,2	15,12	2,923	+
5	4,114	3,190	5,53	5,206	1,062	–
6	0,75	4,884	0,35	4,94	0,07	–
7	7,39	5,782	3,54	9,383	0,377	–

Если рассмотреть с помощью критерия Стьюдента [5]

$$t_d = \frac{d}{m_d} \geqslant t_{st}\,(\nu_d = n_1 + n_2 - 2)$$

параметры катакомб (табл. 1) в хронологическом отношении, то со статистической надежностью 95% можно говорить о тенденции увеличения на третьем хронологическом этапе [6] длины катакомб с двумя погребенными по сравнению с катакомбами первого этапа (табл. 2, *А*), а также об увеличении на четвертом хронологическом этапе (табл. 2, *Б*) высоты потолка и порога у катакомб с двумя погребенными.

Интересной особенностью погребального обряда этого могильника являются кусочки смоловидного вещества, найденного в 9,5% катакомб. По заключению профессора Пятигорского фармацевтического институт А. Л. Шинкаренко, это вещество очень похоже на обработанное, но разложившееся мумие. Использование мумие в лечебных целях было известно уже в глубокой древности в Средней Азии и Иране [7]. Любопытно, что недавно в районе Кисловодска обнаружено кавказское мумие, что позволяет связывать находки мумие в Мокрой Балке с местным месторождением [8].

Все мужские костяки лежат на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и иногда со скрещенными в голенях ногами. Женщины похоронены на боку с согнутыми в локтях руками и подогнутыми ногами. Согласно определению В. П. Алексеева, черепа из описанных погребений

[5] *Плохинский Н. А.* Биометрия. М., 1970, с. 33—35.

[6] Ранее нами уже высказывалась мысль о четырех хронологических этапах функционирования могильника (*Афанасьев Г. Е.* Этапы развития аланской культуры второй половины V — первой половины VIII в.— Тезисы докладов VI крупновских чтений. Краснодар, 1976).

[7] *Вишневский А. С.* К истории изучения проблемы мумие.— Тезисы симпозиума «Мумие и его лечебное применение». Пятигорск, 1972.

[8] *Васильев Ф. И.* Разведки мумие на Северном Кавказе.— Тезисы симпозиума «Мумие и его лечебное применение».

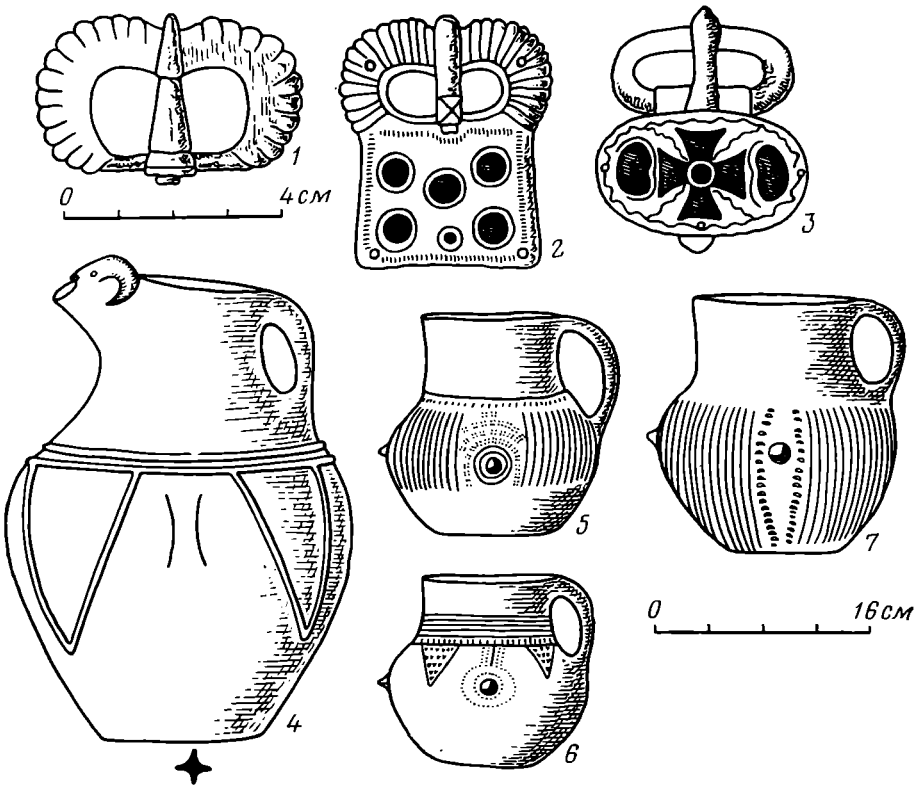


Рис. 10. Пряжки и сосуды второй половины V — первой половины VI в. *1* — пряжка из катакомбы 42; *2* — пряжка из катакомбы 41; *3* — пряжка из катакомбы 121; *4* — сосуд из катакомбы 37; *5*, *7* — сосуды из катакомбы 46; *6* — сосуд из катакомбы 42

длинноголовы, высоколицы, имеют очень сильно профилированное лицо и резко выступающие носовые кости, узкий лицевой скелет. На многих черепах видны следы циркулярной искусственной деформации. В целом эта серия подтверждает аланскую принадлежность могильника.

Описанные выше катакомбы отражают три из четырех хронологических этапов могильника в Мокрой Балке. К первому этапу относятся катакомбы 1, 3, 4. Ко второму — катакомба 2, к четвертому — катакомбы 5, 1-А.

Основой для выделения первого хронологического этапа является керамика. Для исследования выбрано пять элементов орнамента керамики, которые могут служить узким хронологическим показателем:

1) конические бугорки, в верхней части которых полукруглая или трапециевидная штампованная окантовка (рис. 10, *5*); 2) конические бугорки, окруженные штампованным пояском и двумя вертикальными штампованными полосками (рис. 10, *6*); 3) конические бугорки с вращающимся расчленением; 4) вертикальные треугольники, заполненные штампом или косыми полосками (рис. 10, *6*); 5) конические бугорки с овальной штампованной окантовкой (рис. 10, 7).

Взаимовстречаемость этих элементов орнамента рассматривается на фоне выборки из 76 катакомб, в каждой из которых найдено не менее двух сосудов. Поскольку в этих случаях четырехклеточные таблицы заполнены слабо и нарушается необходимое условие применения критерия χ^2 — ожидаемые частоты меньше 3, наиболее удобно применить точный критерий Фишера [9]:

$$P = \frac{(a+b)!\,(c+d)!\,(a+c)!\,(b+d)!}{n!} \sum_i \frac{1}{a_i!\,b_i!\,c_i!\,d_i!}$$

[9] *Закс Л.* Статистическое оценивание. М., 1976, с. 345—347.

Таблица 3

Корреляция некоторых элементов орнамента сосудов

Номера орнамента	Номера катакомб													Всего
1	1АФ*	4АФ	37	41	42	46	51							7
2		4АФ			42			61						3
3						46			40					2
4					42			61						2
5						46	51			121	36	4	5	6

Событие АВ		A	B	$\bar{A}$	$\bar{B}$	AB	$A\bar{B}$	$\bar{A}B$	$\overline{AB}$	P
A	B									
3	1	2	7	74	69	2	0	5	69	0,0070
1	2	7	3	69	73	2	5	1	68	0,0210
2	4	3	2	73	74	2	1	0	73	0,0001
1	5	7	6	69	70	1	6	5	64	0,9071
3	5	2	6	74	70	1	1	5	69	0,8477

* 1АФ, 4АФ — катакомбы, раскопанные Г. Е. Афанасьевым, 4—121 — катакомбы, раскопанные А. П. Руничем.

Таблица взаимовстречаемости элементов орнамента (табл. 3) наглядно показывает, что со статистической надежностью в 99,3% можно говорить о наличии хронологической связи между орнаментами в виде конических бугорков с полукруглой штампованной окантовкой и конических бугорков, окруженных вращающимся расчленением. С надежностью в 97,9% выявляется связь между коническими бугорками с полукруглой штампованной окантовкой и коническими бугорками, окруженными штампованным пояском с двумя вертикальными штампованными полосками. На 99,9% фиксируется связь между коническими бугорками, окруженными штампованным пояском с двумя вертикальными штампованными полосками, и вертикальными треугольниками, заполненными штампом или косыми полосками. Что касается связи между коническими бугорками с полукруглой штампованной окантовкой и коническими бугорками с овальной окантовкой, то о ее наличии можно говорить только на 9,3%. И наконец, со статистической надежностью в 15,23% прослеживается связь между коническими бугорками с вращающимся расчленением и бугорками с овальной штампованной окантовкой.

Вещи, с которыми сочетается выделенная таким образом группа керамики, позволяют датировать эти комплексы. Так, проволочные бронзовые прогнутые подвязные фибулы (рис. 4, *9*, *10*) в Абхазии датируются IV — V вв.[10] В эту дату укладывается и найденная в катакомбе I вместе с подвязной фибулой бронзовая пряжка с прогнутым в середине язычком (рис. 4, *8*). В комплексах Мокрой Балки из раскопок предшествующих лет рассмотренная керамика сочетается с бронзовыми В-образными пряжками с рифленым краем (рис. 10, *1*). Пряжка с В-образной рифленой рамкой и прямоугольным щитком со стеклянными вставками (рис. 10, *2*) находит параллель в комплексе катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы, хорошо датируемом стеклянными сосудами с каплями синего стекла IV—V вв.[11] Овальная пряжка с изображением креста (рис. 10, *3*) находит аналогии в погр. 14 могильника Абгыдзраху, где датируется

[10] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, рис. 4, *6*, *7*.

[11] *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины.— СА, 1976, № 3, с. 256, 266.

М. М. Трапшем V в.[12] Наконец, близкая пряжка найдена в Крыму, где, по А. И. Айбабину, датируется второй половиной V — первой половиной VI в.[13] Несмотря на то что комплекс катакомбы 3 не содержал керамики с рассмотренными элементами орнамента, его также можно отнести к первому хронологическому этапу Мокрой Балки. Основанием для этого является наличие хоботковых пряжек, рамки и язычки которых близки харинским, относящимся к V — первой половине VI в.[14] Этой дате не противоречит и серебряная пряжка с зооморфным язычком (рис. 6, *5*) с рамкой, находящей параллели в памятниках V—VI вв. Дуная, Крыма, Северного Кавказа и Абхазии [15]. Интересно, что кувшинчик из катакомбы 3 имеет в верхней части тулова горизонтальный поясок из радиально расходящихся лучей (рис. 6, *1*). Кувшин с таким же пояском найден в катакомбе 11 могильника 2 у Лермонтовской скалы в комплексе с сосудом, украшенным заштрихованными треугольниками (орнамент № 4), прогнутыми подвязными фибулами, хоботковыми пряжками и поясным наконечником V в., близким наконечнику из Вольного Аула [16]. Все это позволяет датировать первый хронологический этап Мокрой Балки и соответственно катакомбы 1, 3, 4 второй половиной V — первой половиной VI в. Что касается орнамента в виде конических бугорков с овальной окантовкой, то, как отмечалось, связь их с элементами орнамента первого хронологического этапа статистически надежна только на 9,3%. С другой стороны, в одном случае такой сосуд найден в комплексе с поясным геральдическим набором (раскопки В. Б. Ковалевской), характеризующим второй хронологический этап могильника в Мокрой Балке. Это дает основание полагать, что данный тип орнамента относится к переходному времени от первого ко второму хронологическому этапу, что, вероятно, падает на середину VI в.

Катакомба 2 относится ко второму хронологическому этапу, характеризующемуся распространением геральдических поясов. В это время отмирает керамика со штампованной окантовкой конических бугорков и появляются кружки с уплощенным туловом и ручкой, идущей от середины горловины (рис. 5, *1*). Рассмотрим, является ли совместное нахождение в катакомбе 2 геральдического пояса и подобной кружки узким хронологическим показателем? Связь между этими двумя признаками исследуется на фоне выборки из 59 катакомб Мокрой Балки, содержащих элементы поясных наборов и керамику. Поскольку в данном случае ожидаемые частоты ($E_a=4{,}6$; $E_b=11{,}49$; $E_c=12{,}39$; $E_d=30{,}6$) больше 3, мы можем применить критерий χ^2 [17]:

$$\chi^2 = \frac{n\,(ad - bc)^2}{(a + b)\,(c + d)\,(a + c)\,(b + d)}$$

Расчеты показывают, что при одностороннем критерии со статистической надежностью 67,3% можно говорить о наличии хронологической связи между исследуемыми признаками (табл. 4). Однако здесь учитывались только мужские погребения второго хронологического этапа, содержащие поясные наборы. Распределение подобных кружек в женских погребениях второго этапа, а также в погребениях третьего и четвертого хронологического этапов показывает, что 66,7% таких сосудов найдено в комплексах второго хронологического этапа, 27,8% — третьего и 5,5% — четвертого. В этом ярко проявляется тенденция к постепенному отмиранию подобных кружек.

---

[12] *Трапш М. М.* Культура Цебельдинских некрополей. Тбилиси, 1971, с. 166.

[13] *Айбабин В. И.* Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму.— Доклад на средневековой секции Всесоюзного археологического пленума в Москве в 1977 г.

[14] *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.— ВАУ, 1973, № 12, с. 87.

[15] *Амброз А. К.* Ук. соч., рис. 2.

[16] Там же, рис. 2, *20*.

[17] *Закс Л.* Ук. соч., с. 320, 321.

Таблица 4

Проверка гипотезы о связи поясных геральдических наборов и кружек с ручкой от середины горловины

Событие АВ											
А	В	А	В	$\bar{А}$	$\bar{В}$	АВ	$А\bar{В}$	$\bar{А}В$	$\bar{А}\bar{В}$	χ^2	Р
1	2	17	16	42	43	4	13	12	30	0,2	0,3274

Время комплекса катакомбы 2 определяется датировкой поясных геральдических наборов. Прежде всего в катакомбе 1 Мокрой Балки (раскопки 1967 г.) была найдена серебряная монета Кавада I (499—531 гг.) [18]. В погр. 56 могильника Суук-су найдены детали геральдического пояса с монетой Юстиниана I (527—565 гг.). Геральдический пояс из Садовского кале датируется монетой Маврикия (562—602 гг.). Есть сведения о находках монет Кавада I (506 г.) и Хосрова I (535 г.) вместе с геральдическими поясами в Веслянском I могильнике [19]. Детали геральдического пояса найдены вместе с монетой Хосрова I (531—579 гг.) в катакомбе 12 могильника Чми [20]. Проведенные параллели показывают, что хронологические рамки комплексов типа катакомбы 2 укладываются в пределах второй половины VI — первой четверти VII в. В целом второй хронологический этап могильника в Мокрой Балке синхронен первому хронологическому этапу Верхнекамских могильников, по Р. Д. Голдиной, датировка которых, кроме уже приведенных аналогий; подтверждается находками китайских монет 589 г.[21]

Смена комплексов первого хронологического этапа комплексами второго подтверждается и топографией расположения этих катакомб на раскопанном участке (рис. 11). Так, катакомба 4 находилась на самой высокой точке холма. По этой причине ее дромос не врезан в склон, а делался в виде шахты. Несколько позже, вероятно, возникают катакомбы 1, 3. Поскольку вершина холма оказалась уже занятой, дромосы этих катакомб врезаются перпендикулярно склону. Катакомба 2 строилась тогда, когда наземные опознавательные знаки катакомб 1, 3 еще существовали. Поэтому строители этой камеры и сделали ее несколько ниже по склону, но с той же ориентировкой дромоса и с таким расчетом, чтобы камера заняла свободный промежуток.

Катакомбы третьего хронологического этапа на раскопанном участке отсутствовали. Наиболее яркие комплексы этого времени (вторая четверть VII — рубеж VII—VIII вв.) представлены инвентарем катакомб 113—115, 117 из раскопок кисловодских краеведов и хорошо датируются найденными в Мокрой Балке монетами и индикациями: Юстиниана II и Тиберия (578 г.), Маврикия (582—602 гг.), Хормизда IV (579—590 гг.), Фоки (602—610 гг.), Хосрова II (591—628 гг.), Ираклия и Ираклия Константина (613—641 гг.) с учетом принятых к монетам поправок в 50 лет.

Катакомбы 5, 1-А относятся к четвертому хронологическому этапу. Если мы рассмотрим распространение в катакомбах Мокрой Балки некоторых типов бус, найденных в катакомбе 5 (стеклянные бусы с основой желтого цвета и глазком зеленого (тип 1), бусы с основой темно-синего цвета и желтым глазком с голубой каплей (тип 2), полосатые бусы с темно-синей основой и желтыми полосками (тип 3), кубические голубые стеклянные бусы (тип 4), то выделяются комплексы (табл. 5), не сочетаю-

[18] *Рунич А. П.* Аланский могильник..., с. 133.

[19] Доклад Э. А. Савельевой на конференции, посвященной раннесредневековой хронологии Евразии, в Ленинграде в 1976 г.

[20] *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908, с. 175—185.

[21] *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАУ, 1970, № 9, с. 89.

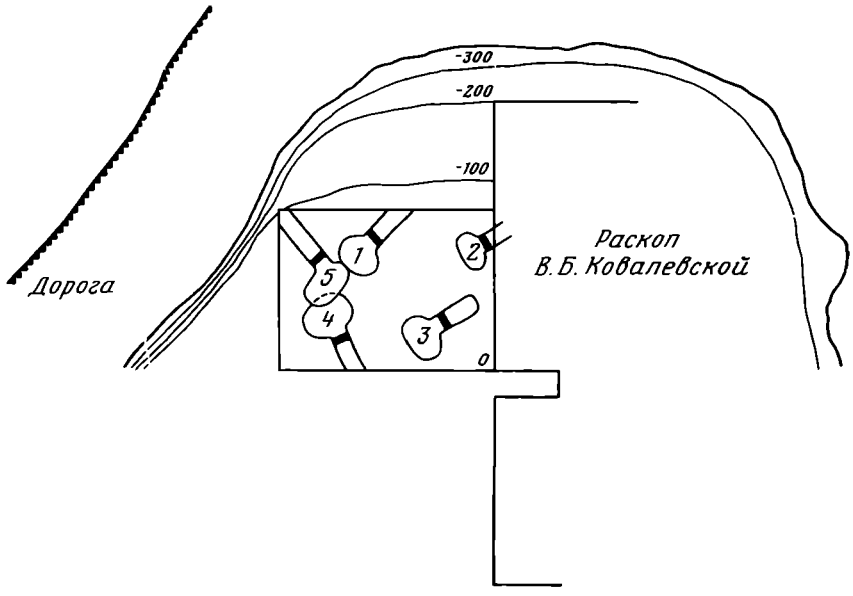


Рис. 11. План раскопанного участка

щиеся ни с одним из предыдущих хронологических этапов, но в то же время имеющие между собой много общих типов вещей (рис. 9), которые и определяют датировку четвертого хронологического этапа.

Так, перстни со стеклянной вставкой без крестовины и бронзовые полусферические колокольчики (рис. 9, *4*, *6*) найдены в камере № 42 могильника 1 у с. Джага вместе с золотыми индикациями Константа II и Константина (659—668 гг.). Бронзовая прорезная овально-рамчатая пряжка (рис. 9, 1) находит аналогию на Верхней Каме, где датируется второй половиной VII — первой половиной VIII в.[22]

Антропоморфная поясная накладка (рис. 9, *2*) из того же комплекса, что и пряжка, находит параллели в Вознесенском кладе конца VII—VIII вв.[23] Серьги с подвеской в виде конуса и шарика (рис. 9, 8), характерные для четвертого этапа Мокрой Балки, датируются, по В. Ф. Генингу, на Верхней Каме первой половиной VIII в.[24] Типологически эти серьги близки салтовским, но отличаются от последних отсутствием дополнительного шарика в верхней части кольца и диска в нижней части. Любопытно, что наиболее ранний экземпляр салтовских серег датируется золотым омейядским динаром 705—706 гг.[25], т. е. серединой VIII в., что косвенно подтверждает более раннюю датировку типологически предшествующих образцов из Мокрой Балки по сравнению с салтовскими.

Интересны наблюдения над распространением сосудов с двойной ручкой (рис. 8, *2*). Подобный тип керамики является характерным для второй половины VIII — IX вв. как на Северном Кавказе, так и в памятниках салтово-маяцкой культуры. Однако это не должно являться основанием для механического перенесения даты VIII—IX вв. на комплексы, содержащие эти сосуды. Показательно, что эти сосуды в Мокрой Балке составляют только 1,12% всей керамики, в то время как в Дмитровском могильнике конца VIII—IX в.— 17,27%. Это говорит о том, что ко времени прекращения функционирования могильника Мокрая Балка данный тип сосудов только появился, но еще не получил широкого распространения.

[22] Там же, табл. Б-27.

[23] *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, № 3, 1950, табл. III, *6*, II.

[24] *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник — памятник ломатовской культуры.— ВАУ, 1964, № 6, с. 120, 121.

[25] *Ахмеров Р. Б.* Могильник близ г. Стерлитамак.— СА, XXII, 1955, табл. V, *2*.

Таблица 5

Распространение рассматриваемых типов бусин в катакомбах Мокрой Балки

Тип бусин	Номера катакомб	Тип бусин	Номера катакомб
1	35, 47, 70, 101, 112, 1-А, 5-АФ	3	49, 5-АФ
2	5-АФ	4	35, 47, 70, 101, 112, 120, 5-АФ

Все изложенное выше позволяет думать, что четвертый этап могильника в Мокрой Балке отражает период, когда начинают формироваться окончательно те формы материальной культуры, которые будут характерными для второй половины VIII—IX в. Таким образом, хронологические рамки могильника определяются второй половиной V — первой половиной VIII в.

G. E. Afanasyev

NEW FINDS IN THE MOKRAYA BALKA NEAR KISLOVODSK

Summary

The article informs about the results of the author's studies in chronology of the cemetery Mokraya Balka. Eight catacombs excavated in 1973 are published for the first time. The catacombs N 1, 3, 4, represent the first chronological period. Specific elements of pottery ornamentation are common for the materials of these catacombs. Fibulas and buckles determine their date — the second half of the Vth — first half of the VIth centuries A. D. Catacomb N 2 is attributed to the second chronological period, characterised by the spread of decorated belts. Coins, found in the graves, establish the date for the second period — second half of the VIth — first quarter of the VIIth century A. D. Catacombs, attributed to the third period, were not excavated in 1973. The catacombs N 5, 1—A are attributed to the fourth chronological period, dated to the late VIIth — first half of the VIIIth centuries A. D.

М. Г. МАГОМЕДОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЦЕРКВИ ВЕРХНЕГО ЧИРЮРТА

Большие сдвиги в социально-экономическом развитии Хазарии, прослеживаемые на материалах археологических исследований [1], способствовавшие формированию государства, неизбежно повлекли за собой и изменения в духовной жизни общества. Многочисленные языческие верования уже не соответствовали изменениям социально-экономической структуры каганата. В Хазарии началась борьба мировых религий (христианства, ислама и иудаизма), стремившихся подчинить хазар своему влиянию [2]. Проникновению монотеистических религий в Хазарию способствовали не только широкие политические и торгово-экономические связи с внешним миром, но и известная веротерпимость в каганате, где сосуществовали различные идеологии и культы [3]. Наиболее постоянным было проникновение христианства, распространявшегося здесь из Закавказья и Византии. О значительных успехах закавказских миссионеров в зарождавшейся Хазарии свидетельствуют остатки христианских древностей, выявленных в Приморском Дагестане. Настоящая статья посвящена характеристике впервые обнаруженных в древней Хазарии остатков церквей, которые выступают ярким подтверждением достоверности сведений, сообщаемых Бузандом Фавстосом, Моисеем Каганкатваци, Моисеем Хоренским и др. о деятельности здесь христианских миссионеров.

Остатки двух церквей были исследованы на некрополе Верхнечирюртовского городища, сопоставляемого с древней столицей Хазарии — городом Беленджер [4]. Обширные могильники, связанные с хазарской столицей, свидетельствуют об этнической и социальной пестроте древних его обитателей [5]. Самым значительным среди них не только по размерам, но и по тщательности устройства погребальных сооружений и богатству погребального инвентаря является курганный могильник [6]. Могильник растянулся более чем на 3 *км* к востоку от окраины городища и состоит из нескольких курганных групп, расчлененных между собой древними оврагами. Остатки церквей исследованы среди курганов на восточной окраине могильника.

Церковь № 1 находится в центре наиболее многочисленной группы курганов на восточной стороне могильника. Вокруг церкви довольно компактно расположено более 70 курганов высотой от 1 до 5 *м* и диаметром от 8 до 60 *м*. Остатки церкви также представляли собой курганообразное возвышение, размером 25×20 и высотой 1,2 *м*, под которым скопились завалы ее разрушенных стен. Их расчистка позволила выявить основания стен, возведенных из рваного камня (ракушечника) мелких и средних

[1] *Магомедов М. Г.* К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника.— МАД, т. VII, 1977, с. 53.
[2] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 262.
[3] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
[4] *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии.— СА, 1975, № 3, с. 63.
[5] *Магомедов М. Г.* К вопросу..., с. 5.
[6] Там же, с. 52, 53.

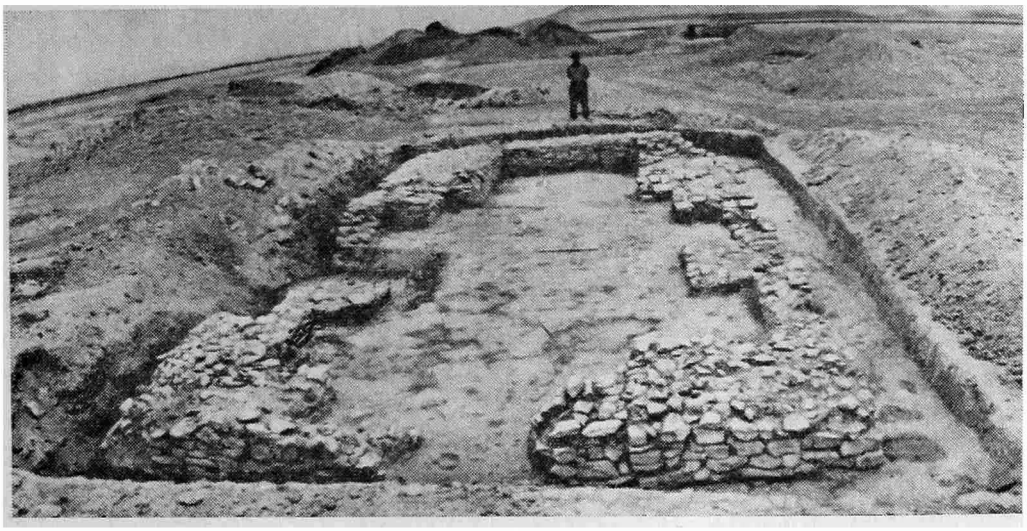


Рис. 1. Остатки церкви № 1

размеров на глиняном растворе [7]. Стены церкви сохранились на высоту от 0,2 до 1 *м*. Интересно, что она возведена без фундамента, непосредственно на древней поверхности. Наружные очертания церкви имеют вытянуто-четырехугольную форму (15×7,5 *м*) (рис. 1). Ломаные внутренние контуры ее воссоздают в плане форму двойного креста (рис. 2). Подобная планировка церкви достигнута путем утолщения стен на отдельных участках. Например, восточные продольные и небольшие отрезки поперечных стен у входа в церковь утолщены до 2 *м* в виде пилястров, а на других отрезках они составляют лишь 0,8 *м* толщины. Ориентирована церковь по длине с запада на восток, с некоторым отклонением к северо-востоку.

В церковь вели два входа, проемы которых сохранились с южной и западной сторон. Ширина западного проема, служившего входом, и южного, являвшегося, очевидно, выходом, составляла 1,2 *м*.

Пол церкви глинобитный, плотно утрамбованный. На его светло-сером фоне в центре выделялось обширное пятно кострища бледно-красного цвета, диаметром около 1,5 *м*. Костры, по всей вероятности, разводились здесь уже после разрушения церкви.

Помимо оригинальной формы церковь примечательна и интересными находками, сосредоточенными в большинстве своем в восточной ее стороне между двумя наиболее массивными отрезками стен, где находилась алтарная часть. Здесь сохранилась вымостка (3×3 *м*) из сырцовых кирпичей. Несмотря на основательную деформацию, удалось проследить форму и размеры кирпичей. Наиболее часто среди них встречались экземпляры 40×20×10 *см*. Реже были использованы кирпичи квадратной формы 30×30×10 *см* (рис. 3). Строго посредине на полу алтаря выделялся квадрат 1,4×1,4 *м*, который был вымощен тремя крупными блоками из песчаника. Размеры их составляли: 1,0×0,33×0,23, 0,8×0,37×0,2, 0,4×0,33× 0,2 *м*. Блоки были уложены вровень с уровнем пола в 1,5 *м* перед восточной стеной церкви. На месте недостающего четвертого блока уложены сырцовые кирпичи. Блоки использованы в качестве основания алтарного постамента.

Вокруг предполагаемого основания постамента, вдоль стен восточной части церкви, сохранились небольшие ямы диаметром и глубиной около 20 *см*, которые выделялись рыхлым наполнением на утрамбованном полу. Они были расположены на расстоянии 1 *м* друг от друга и в 10 *см* от стен

[7] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1970 г. Махачкала, РФИИЯЛ, д. № 288.

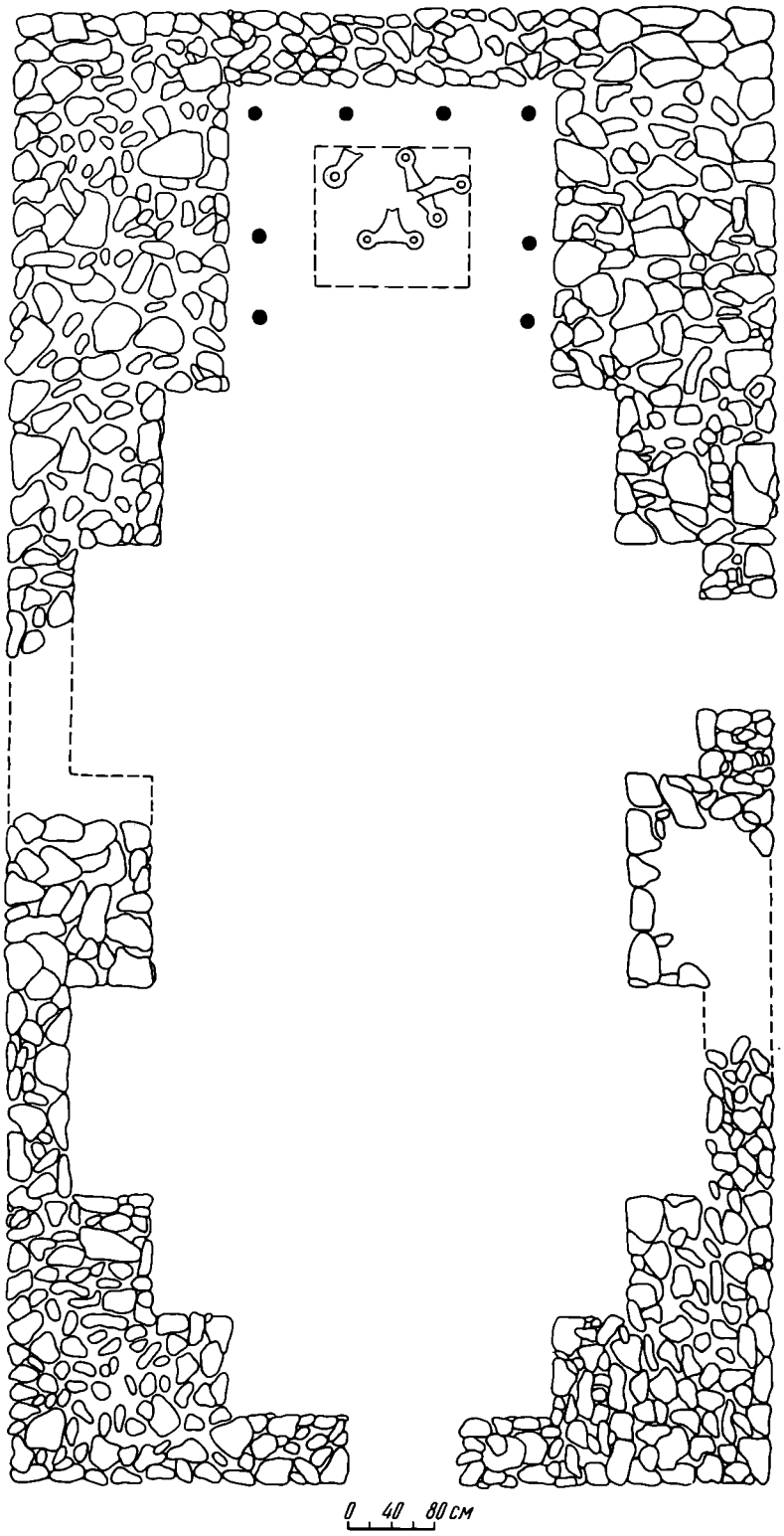


Рис. 2. План церкви № 1

церкви. Четыре углубления прослежены вдоль восточной стены и по три — по бокам. По-видимому, это гнезда столбов (деревянных колонн), остатки алтарной преграды.

Наиболее интересными находками, выявленными на полу алтаря, являются разбросанные обломки массивного креста. Крест полностью восстанавливается. Он вырезан из цельного монолита светлого песчаника, дости-

Рис. 3. Формы сырцовых кирпичей

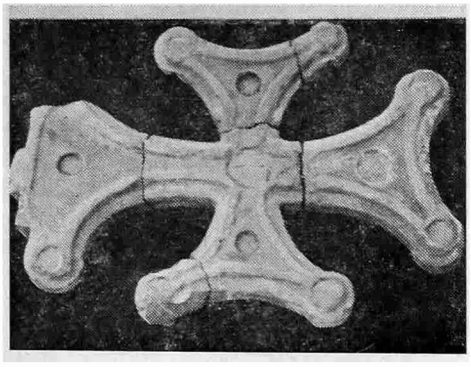


Рис. 4. Алтарный крест из песчаника

гает 1 *м* высоты и 0,8 *м* ширины при толщине 12 *см* и имеет так называемую мальтийскую форму (рис. 4). С лицевой стороны крест был украшен рельефной лентой, обрамляющей ветви креста. На концах ветвей имеются закругления с вырезанными кругами, такие же круги вырезаны в центре и во всех расширяющихся частях ветвей. Наиболее крупным является центральный круг, диаметр которого 10 *см*. Внутри кругов прослеживаются остатки алебастра. Видимо, крест был инкрустирован стеклами или бляшками из драгоценных металлов и камней. Форма креста тщательно проработана, поверхность хорошо сглажена, резьба выполнена аккуратно. Интересно, что вся поверхность его с внутренней стороны рельефного обрамления была покрыта красной охрой. Разукрашенный таким образом крест с помощью специального выступа укреплялся на постаменте у восточной стены церкви.

Обломки креста имеют следы сколов, свидетельствующих о преднамеренном разрушении его противниками христианской религии.

У входа в церковь были найдены фрагменты (2 обл.) другого креста, отличающиеся от первого размерами и отсутствием покрытия охрой. Еще один обломок креста был обнаружен за пределами церкви, с восточной его стороны. Он также отличается от предыдущих не только размерами, но и характером структуры песчаника. Обломки эти могут быть свидетельством того, что кресты и соответственно церковь, в которой они были установлены, подвергались разрушениям не менее трех раз.

Наряду с обломками крестов на глинобитном полу церкви была найдена небольшая серебряная пряжка рамчатой формы. Она лежала с остатками кольчуги у выхода, в 1,5 *м* от южной стены церкви (рис. 5). От кольчуги осталось скопление ржавой массы, в которой можно различить отдельные вплетенные железные кольца диаметром 16—18 *мм*.

В церкви обнаружена целая серия серолощеной керамики и несколько фрагментов красноглиняной. Орнаментирована керамика врезными горизонтальными или волнистыми линиями.

При исследовании основания алтарного постамента под ним прослежено несколько обломков костей мелких животных и птицы, которые, возможно, являются остатками совершенных здесь жертвоприношений или тризны.

Следует также отметить, что в заполнении церкви не обнаружено следов обвалившегося или обгоревшего перекрытия. Не наблюдались здесь и остатки развалов верхних ярусов стен церкви. Можно допустить, что они или разбросаны еще в древности, или были надстроены из сырцового кирпича или глинобита, которые оплыли с течением времени. Подобная возможность подтверждается тем, что заполнение церкви состояло из плотно слежавшейся однородной массы суглинка, толщиной почти до 1 *м*, которая могла быть размытыми верхними ярусами стен церкви. В этой связи

следует отметить широкое применение сырцового кирпича и глинобита строителями Хазарии. На каменном основании возведены оборонительные стены из сырцового кирпича и глинобита Верхнечирюртовского и Сигитминского городищ. Сырцовые кирпичи широко использовались в жилищном строительстве и в погребальных конструкциях расположенного рядом могильника. И наконец, строительство церквей в Хазарии из кирпича засвидетельствовано и в древних письменных источниках [8].

Завершая характеристику остатков церкви, следует прежде всего отметить оригинальную ее планировку, в которой воплотились определенные каноны церковно-архитектурного строительства эпохи раннего средневековья. На синхронность церкви и курганного могильника и соответственно Верхнечирюртского городища указывает целый ряд деталей, особенно общая для этих памятников культура серолощеной керамики. Кирпичи, которыми вымощен пол церкви, также широко использованы в строительстве оборонительных стен городища. Сырцовыми кирпичами таких же размеров часто были замурованы входы в погребальные камеры расположенного рядом могильника [9]. Пряжка и обрывки кольчуги, выявленные в церкви, также имеют многочисленные аналогии в погребальных материалах подкурганных захоронений [10]. Церковь связана с могильником не только по времени, но и территориально. Располагаясь в центре определенной курганной группы в пределах одного обширного курганного поля, церковь несомненно связана с большесемейными или родовыми группами оставившего их населения. Справедливость подобного предположения подкрепляется и тем, что остатки еще одной церкви также выявлены в центре расположенной рядом курганной группы.

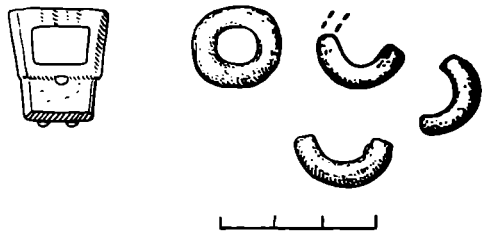


Рис. 5. Серебряная пряжка и остатки кольчуги

Церковь № 2 находится в 700 *м* к востоку от церкви № 1, в центре небольшой группы курганов (около 15 насыпей), на самой дальней окраине могильника. Остатки церкви имели оплывшие вытянуто-четырехугольные очертания (20×15 *м*) сохранились на высоту около 1,5 *м*. Расчистка церкви позволила проследить интересные детали ее устройства. Она возведена из мелкого, а чаще из очень мелкого рваного известняка на глиняном растворе. Основания стен церкви также возведены по древней поверхности без фундамента. Камни относительно крупных размеров включены в нижние ярусы и в края стен, толщина которых со всех сторон выдержана в пределах 0,8 *м* при высоте 0,9 *м*. Внутренние размеры церкви, вытянутой строго с запада на восток, составляют 13,2×6,3 *м* (рис. 6.). Стены церкви разрываются двумя дверными проемами шириной 0,8 *м*, расположенными в западной и южной ее стенах (рис. 7). По бокам у основания проемов сохранились небольшие четырехугольные ниши, служившие, очевидно, для укрепления дверей. Пол церкви глинобитный, плотно утрамбованный. В средней части здесь также контрастно выделялось прокаленное до красного цвета обширное пятно диаметром около 2 *м*. Об интенсивности разводившихся здесь костров свидетельствует ошлаковавшаяся керамика, выявленная в толще прокаленного слоя. Очевидно, костры также разводились после разрушения церкви, причем использовалось для этого деревянное перекрытие. Лишь так можно объяснить отсутствие в обеих церквах следов возможных пожаров.

---

[8] *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории СССР. М.— Л., 1941, с. 86.

[9] *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовский курганный могильник.— МАД. т. VII, 1977, с. 33.

[10] *Магомедов М. Г.* К вопросу..., с. 43.

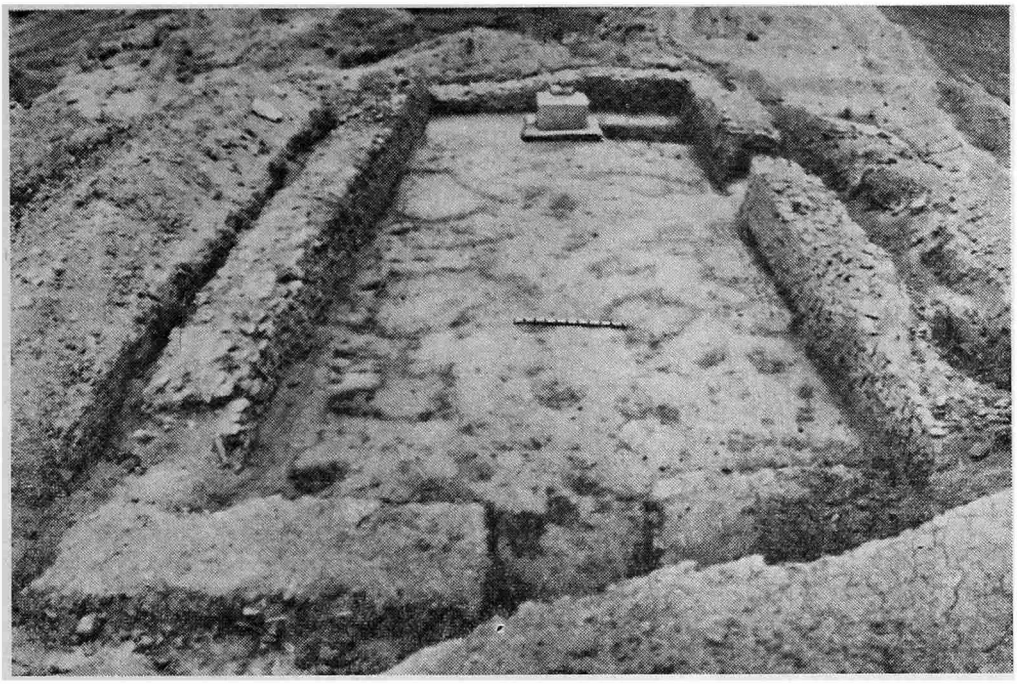


Рис. 6. Остатки церкви № 2

Наиболее интересные находки здесь также были сосредоточены на восточной, алтарной стороне церкви. На глинобитном полу, в 1 *м* перед восточной стеной, были уложены две крупные обработанные плиты из песчаника, образующие основание постамента размером 1,3×1,25 *м* и высотой 0,3 *м*. На плитах был установлен массивный четырехугольный постамент, вырезанный из цельного монолита песчаника. Он достигал 0,8 *м* ширины и 0,45 *м* высоты. Сверху постамент венчал четырехугольный выступ с вырезанным в нем сквозным отверстием четырехугольной формы 0,4× ×0,3 *м*, в котором устанавливался крест. Постамент имел строгие формы и тщательно проработанную сглаженную поверхность (рис. 8).

Вокруг постамента и непосредственно над ним были найдены обломки креста, аналогичные тем, которые представлены в церкви № 1. Вместе с ними сразу под гумусным слоем обнаружены обломки обработанной плиты из песчаника. Они оказались фрагментами стелы, которая лежала перед постаментом. В гнезде постамента сохранились растрескавшиеся остатки вертикально установленного основания стелы шириной 40 *см* и толщиной 5 *см*. С тыльной стороны оно было укреплено плитой толщиной 20 *см*. Судя по сохранившимся остаткам, высота стелы достигала не менее 2,3 *м* при толщине 5 *см*. В средней части она постепенно суживается кверху до 20 *см*. На тщательно обработанной лицевой ее поверхности с косо срезанными боковыми гранями вырезано изображение креста, аналогичного по форме найденным в обломках. Изображение креста было выдолблено в круге диаметром в 20 *см* в средней части стелы, обращенной в сторону зала (рис. 9).

Обломки крестов, собранные в церкви, аналогичны по форме и технике изготовления кресту из церкви № 1. Полностью крест восстановить невозможно. Судя по толщине обломков, по диаметрам концевых их округлений, а также по ширине рельефных обрамлений, выточенных по краям обломков, они принадлежат не одному, а двум крестам. Есть основания думать, что они также сознательно разбиты на куски, видимо, врагом. Таким образом, судя по сохранившимся обломкам крестов, и вторая церковь подвергалась разрушениям, видимо, не менее трех раз. Перед последним

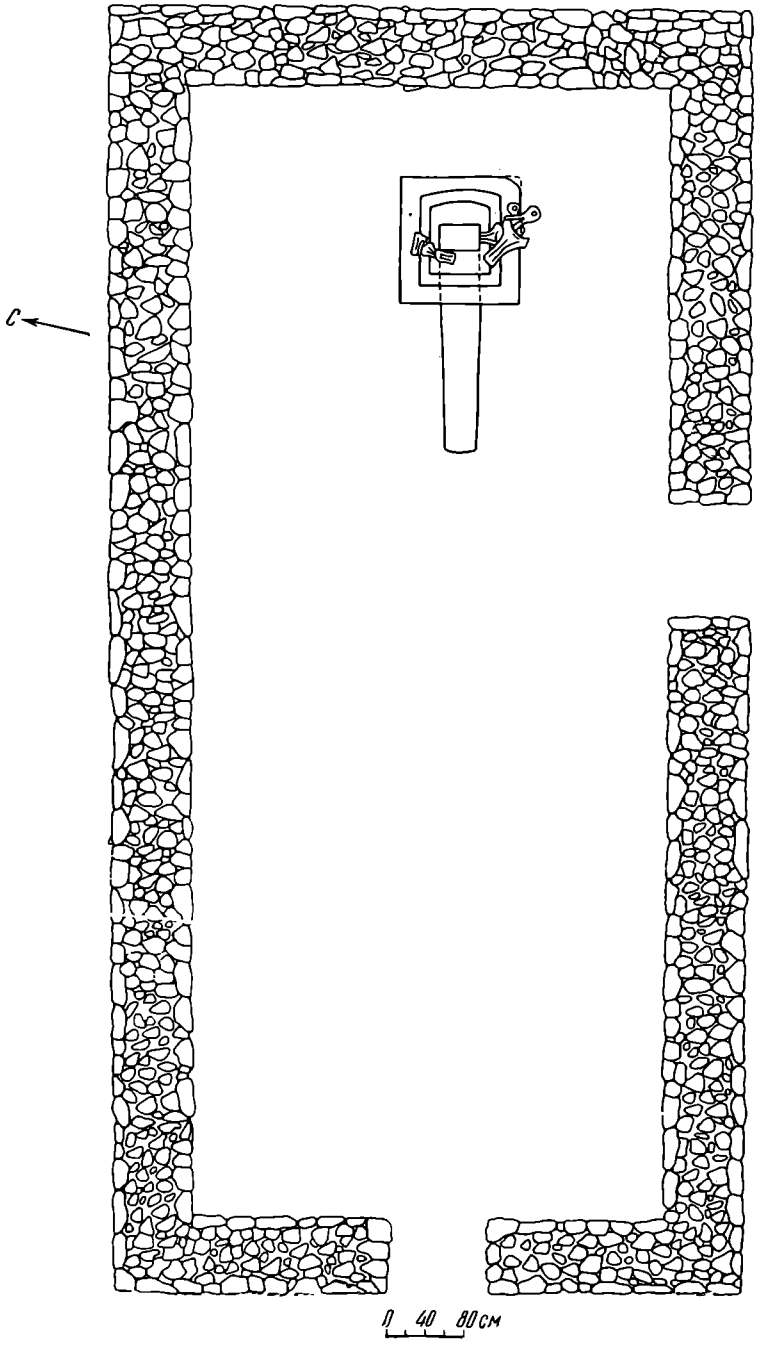


Рис. 7. План церкви № 2

разрушением в ней стояла стела с изображением креста. Форма крестов, как и стелы, тщательно обработана, поверхность их сглажена. Однако в отличие от креста из церкви № 1 на них не сохранилось следов окраски.

Помимо этих оригинальных находок на полу церкви выявлена и характерная серолощеная керамика, орнаментированная резными линиями и рифлением. Из отдельных находок примечателен обломок небольшой каменной поделки в виде стилизованного животного, найденной у основания постамента. Рядом обнаружен и небольшой обломок стекла.

Стены церкви сооружены из мелкого камня и сохранились со всех сторон равномерно на высоту 0,9 *м*. Следов перекрытия не обнаружено. Возможно, и эта церковь была надстроена из сырцового кирпича или глинобi-

Рис. 8. Алтарный постамент с обломками креста и стелы

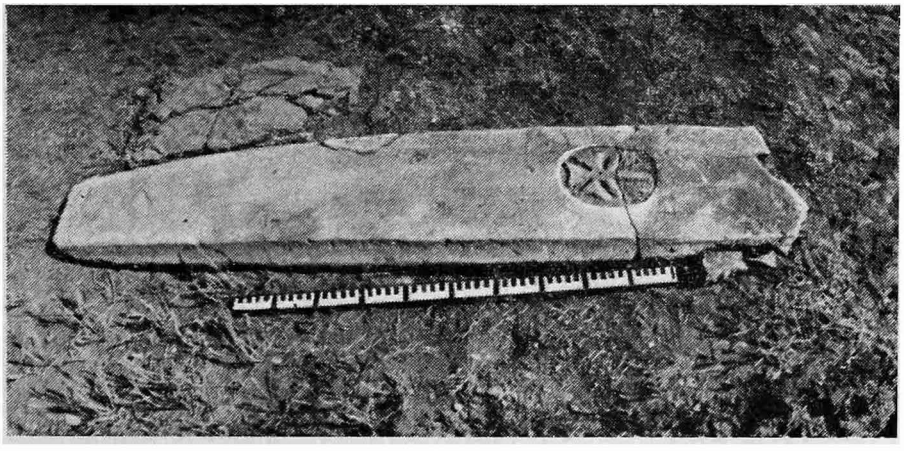


Рис. 9. Остатки стелы из церкви № 1

та. Плотно слежавшиеся слои суглинка толщиной до 1 *м*, выявленные в заполнении церкви, могли быть размытыми остатками сырцовых стен. Однако можно допустить, что все сооружение представляло собой небольшую каменную ограду вокруг святого креста. Строительство подобных церквей практиковалось в раннесредневековую эпоху, как сообщают письменные источники [11].

Располагаясь в центре изолированной группы курганов, церковь, несомненно, связана с родовой или большесемейной группой погребенных в этих курганах.

Исследованные церкви являются самыми древними сооружениями подобного рода на Северном Кавказе. Для них характерны небольшие размеры и прямоугольные продолговатые формы, вытянутые с запада на восток. Оригинальна по интерьеру и планировке (в форме двойного креста) церковь № 1. Своеобразна конфигурация стоявших на постаментах крестов, ответвления которых вырезаны в виде завитков. В устройстве их

[11] *Каганкатваци М.* История агван. Пер. К. Патканова. СПб., 1861, с. 90.

несомненно отразились определенные каноны раннесредневекового христианского зодчества.

На синхронность исследуемых здесь церквей указывают единая серолощеная керамика и повторяющие друг друга формы представленных в них крестов. Их объединяют и общие волны разрушения, которым они были трижды подвержены. Следует особо отметить, что остатки оборонительных сооружений, исследованные на Верхнечирюртовском городище, также несут следы не менее трех разрушений и последующих восстановлений и перестроек. Аналогичная картина неоднократных разрушений и пожарищ прослеживается и в стратиграфии культурных отложений Верхнечирюртовского городища. Далеко зашедший процесс христианизации в Хазарии находит отражение в многочисленных предметах декоративно-прикладного искусства. Ярким подтверждением распространения здесь вместе с христианством культа богородицы является оригинальная бронзовая подвеска (медальон) с изображением женщины с младенцем на руках [12], обнаруженная в одной из катакомб Верхнечирюртовского могильника. Точная копия подвески известна в могильнике «Рим гора» II в районе Кисловодска [13]. Христианские сюжеты и символы находят воплощение в самых различных предметах погребального инвентаря. Оригинальным является золотой крест, изготовленный с большим мастерством с применением техники зерни. Аналогичной формы крест вырезан на стенке одной из катакомб Верхнечирюртовского могильника. Из могильника происходят и керамические кресты с частично отбитыми верхними и боковыми ветвями [14]. Характерно, что во всех случаях кресты воспроизведены в единой, так называемой мальтийской форме (рис. 10). Такой же формы кресты изображены и на золотых монетах, найденных среди погребального инвентаря могильника [15].

Таким образом, проникновение христианства в Приморский Дагестан в эпоху раннего средневековья прослеживается на самых различных предметах материальной культуры.

Выяснению путей проникновения христианства в Приморский Дагестан и времени его распространения во многом способствуют сообщения древних письменных источников.

Из сообщений Моисея Каганкатваци, Моисея Хоренского и др. известно, что уже первые волны кочевников, просочившиеся в Приморский Дагестан в конце IV — начале V в., встретили здесь не только ожесточенное сопротивление местных земледельческих народов, но и оказались перед лицом упорных попыток подчинения их интересам закавказских и византийских правителей. Наиболее испытанным средством при этом была христианская религия, которая уже в 303 г. становится государственной религией Армении. С IV в. христианство господствовало и в Албании. Албанская церковь находилась в зависимости от армянской, и поэтому в Партаве, резиденции албанских царей, была основана кафедра армянского католикоса. Активным центром распространения христианской идеологии в Приморском Дагестане выступал город Чога (Дербент), в котором до середины VI в. существовал патриарший престол [16]. Патриарший дворец продолжал существовать в Дербенте и при арабах [17], хотя престол и был перенесен в Партав. Вплоть до начала VI в. армянская церковь находилась под непосредственным влиянием византийской. При правителе Вараз-

---

[12] *Маммаев М. М.* О христианских символах и сюжетах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана.— В сб.: Дагестанское искусствознание. Махачкала, 1976, с. 97.

[13] Приношу глубокую благодарность А. П. Руничу за предоставленную возможность ознакомиться с этой находкой.

[14] *Маммаев М. М.* Ук. соч., рис. 2, с. 103.

[15] *Магомедов М. Г.* К вопросу..., с. 49.

[16] *Каганкатваци М.* Ук. соч., с. 90.

[17] Там же, с. 281.

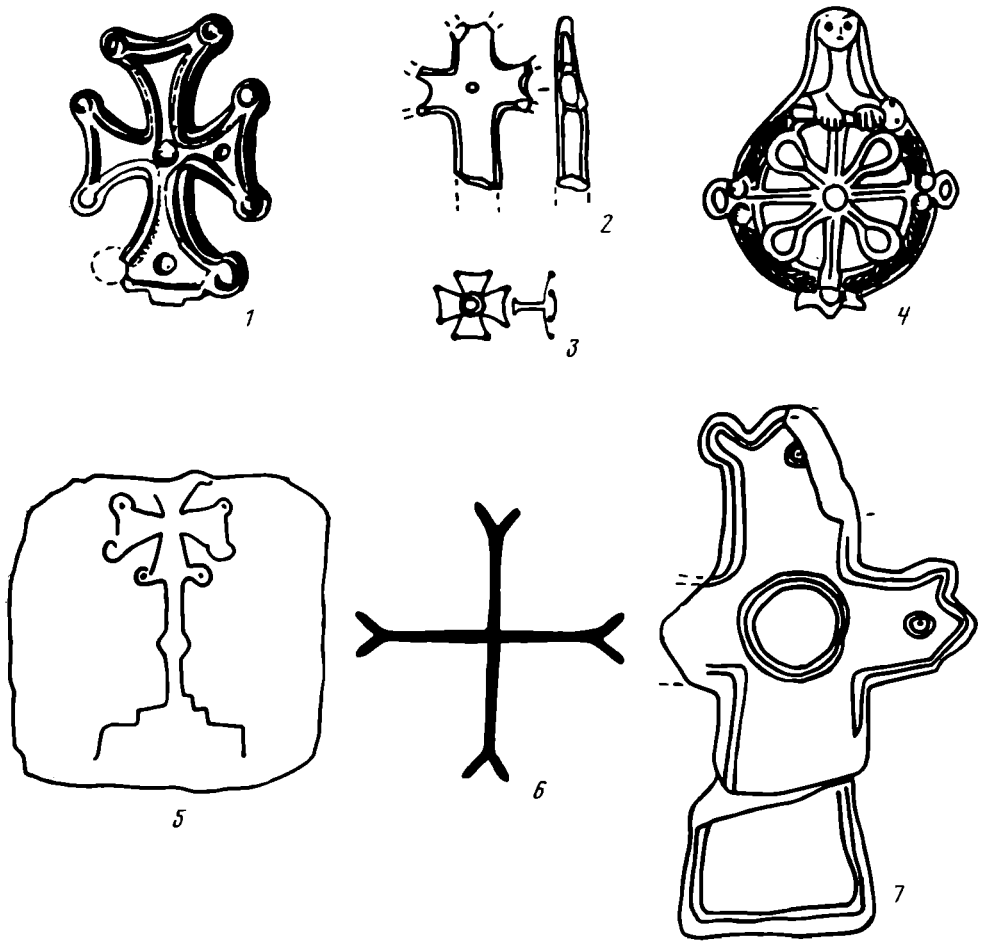


Рис. 10. *1* — крест из церкви № 1; *2* — керамический крест; *3* — золотой крест из погребения; *4* — бронзовый медальон с изображением богородицы; *5—7* — кресты из Горного Дагестана

Григоре (590—639 гг.) окончательно оформилась и албанская монофизитская церковь.

Таким образом, не только византийская, а скорее всего армянские и албанские монофизитские церкви являлись основными очагами распространения христианства среди народов Приморского Дагестана. Наиболее ранние сведения о попытках распространения христианства среди кочевников содержатся в «Истории Армении» Фавстоса Бузанда. По его сообщениям, относящимся к концу IV в., молодой армянский епископ Григорис «представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов, встал перед ним и стал проповедовать христианское евангелие... Сперва они послушались, приняли и подчинились» [18]. Однако вскоре они отказались от христианства, «поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю Ватнеан, вдоль берега моря» [19]. Место этих трагических событий локализуется в письменных источниках недалеко от Дербента [20]. Народное предание также связывает эту местность с именем святого Григориса [21]. Здесь была сооружена и специальная часовня для богомольцев [22].

[18] *Фавстос Б.* История Армении. Ереван, 1953, с. 13, 14.

[19] Там же, с. 14.

[20] *Хоренский М.* История Армении. М., 1893, с. 145; *Каганкатваци М.* Ук. соч., с. 90.

[21] *Шихсаидов А.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан.— Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. III. Махачкала, 1957, с. 57.

[22] *Комаров А. В.* Пещеры и древние могилы в Дагестане.— V археологический съезд в Тифлисе. Т. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, с. 439.

Несмотря на неудачу первых попыток христианизации кочевников, деятельность армянских и албанских миссионеров в Приморском Дагестане активизируется, поскольку не только продолжаются, но и усиливаются разорительные походы новых волн кочевников и особенно хазар в Закавказье в VI—VII вв.

В сирийской хронике VI в. дается перечень 13 народов (угров, савир, булгар, кутригур, авар, хазар и др.), живущих за воротами Дербентскими в «пределах гуннских» [23]. В жизни этих кочевников происходят большие сдвиги в сторону перехода к оседлости. Судя по источникам, этому процессу способствовали и миссионеры, которые упорно и настойчиво продолжали свою деятельность среди кочевников. Епископ Кардост во главе посольства из семи священников пробыл в «земле гуннов» 14 лет и провел здесь целый ряд мероприятий, они даже «выпустили в 544 г. описание на гуннском языке» [24].

Сменивший Кардоста армянский епископ Макар занялся здесь и церковным строительством. На постройке храма он применил неизвестный до того времени для гуннов способ кладки из кирпичей. Макар «насадил растения и посеял различные семена». Эти факты производили впечатление на «властителей этих народов; они удивились и обрадовались мужам, почтили их, и каждый звал их в свою страну, к своему народу и просил, чтобы они были ему (народу) учителями» [25].

Яркое описание миссионерской деятельности албанских епископов среди гуннов и хазар дает и Моисей Каганкатваци. В своей истории агван он прямо пишет, что епископ «Исраиль многие страны хазар и гуннов обратил в христианство» [26]. При этом он сообщает и интересные детали миссионерской деятельности Исраиля в столице гуннов Варачане. Подобные сообщения можно встретить и в истории Моисея Хоренского [27]. Разнообразие этих источников и детальность описываемых в них событий не оставляют сомнений в их достоверности.

Например, описывая миссионерскую деятельность албанского епископа среди гуннов, Моисей Каганкатваци пишет, что «Исраиль приказал срубить священный дуб... и сделать из него кругловатый крест... и выкрасить его сверху донизу краской» [28]. Нетрудно заметить, что выкрашенные красной охрой кресты с округленными ветвями стояли и в церквах на хазарском кладбище. Крест этот Исраиль «поставил при дворе церковном на востоке для обетов и молитв» [29]. У восточной стены невысокой ограды стоял крест и в церкви № 2. Совпадение подобных деталей верхнечирюртовских церквей с описаниями Моисея Каганкатваци далеко не случайны, поскольку тяготение к культуре и соответственно христианским традициям Албании — явление, характерное для хазарской культуры [30]. Поэтому и генетические связи верхнечирюртовских церквей можно проследить в остатках христианского зодчества Закавказья, где представлены известные в христианском мире нормы церковного строительства [31]. Наиболее ранним центром зарождения различных форм церковно-архитектурного строительства выступает Армения, на строительные традиции которой наложили отпечаток сирийские истоки христианства [32]. Сирия,

---

[23] *Пигулевская Н.* Ук. соч., с. 82.
[24] Там же, с. 108.
[25] Там же, с. 86.
[26] *Каганкатваци М.* Ук. соч., с. 238.
[27] *Хоренский М.* Ук. соч., с. 145.
[28] *Каганкатваци М.* Ук. соч., с. 204.
[29] Там же, с. 204.
[30] *Магомедов М. Г.* Происхождение раннесредневековой культуры Терско-Сулакского междуречья.— Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. Махачкала, 1978, с. 9.
[31] *Беридзе В. В.* Грузинская архитектура «раннехристианского» времени (IV—VII вв.). Тбилиси, 1974, с. 8.
[32] *Токарский Н. М.* Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, с. 49.

Каппадокия и Армения оказывали в церковном строительстве влияние и на Византию [33]. Лишь со второй половины VI в. докатываются в восточную Армению волны греко-византийского влияния [34]. Однако и в дальнейшем армяно-албанские и грузинские церкви развивались независимо от константинопольского искусства, более того, они рождены диаметрально противоположным подходом [35]. Очевидно, поэтому и христианские древности Хазарии органически связаны с албано-армянскими, откуда проникли и нормы христианского зодчества.

Для верхнечирюртовских церквей характерны, как уже отмечалось, открытые алтарные пространства, небольшие размеры и прямоугольные продолговатые формы. Подобные типы церквей широко представлены в древнехристианском периоде в Закавказье и на Ближнем Востоке [36], в них нередко встречаются и прямоугольные алтарные помещения [37], аналогичные верхнечирюртовским. Интересно, что наряду с однонефными храмами в древнюю эпоху развития армянской и грузинской архитектуры существовали церкви простого крестового типа [38]. Крестовую форму в плане имеет и верхнечирюртовская церковь № 1. А ее удлиненная, внутри крестообразная, снаружи прямоугольная форма также имеет ближайшие аналогии в архитектурных памятниках Армении и Грузии. Конструктивно близки ей ереруйские и текорские базилики, построенные в V или начале VI в. [39] Много общего с ними имеет и базилика V в. Циранавор в Аштараке, которая наряду с ереруйской и текорской является типом, отошедшим от сирийских образцов [40].

Из местного рваного камня была сооружена и древняя церковь на вершине Армазской горы [41].

Таким образом, ближайшие аналогии свидетельствуют, что в христианских древностях Албании и Армении представлены прототипы верхнечирюртовских церквей. Как и в армянских церквах, по всему периметру восточной части или алтарной абсиды Верхнечирюртовской церкви № 1 сохранились следы от деревянных столбов, выполнявших, очевидно, функции колонн алтарной преграды. В христианских древностях Закавказья алтарные преграды также не всегда устанавливались по прямой линии. Независимо от планировки храма они часто имеют аналогично верхнечирюртовской очертания буквы П (могут быть простые барьеры, ряд колонн, барьер, на котором водружены столбики или колонны). Применение ряда колонн в качестве основного элемента алтарного ограждения имеет место в ряде памятников христианского зодчества Закавказья V и VI вв. [42]

В двухметровой толще стен в восточной алтарной части церкви № 1, очевидно, были сооружены ниши. Только в восточной стене можно встретить ниши, например в армянских церквах VII в., где они глубоко врезаются в толщу кладки между абсидой и приделами [43]. Их объединяет и характер перекрытия. Церковь № 1, возможно и № 2, как и первые закав-

---

[33] *Марр Н. Я.* Ереруйская базилика (армянский храм V—VI вв. в окрестностях Ани). Ереван, 1968, с. 37; Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971, с. 12.

[34] *Марр Н. Я.* Ук. соч., с. 30.

[35] *Чубинишвили Г. Н.* Цроми. М., 1969, с. 97.

[36] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, с. 22.

[37] *Чубинишвили Г. Н.* Ук. соч., с. 51; *Беридзе В. В.* Ук. соч., с. 9.

[38] *Чубинишвили Г. Н.* Разыскания. Тбилиси, 1967, с. 68, 168; *Беридзе В. В.* Ук. соч., с. 9—15.

[39] *Марр Н. Я.* Ук. соч., с. 28.

[40] *Яралов Ю. С.* Аштарак. М., 1947, с. 8—11.

[41] *Меликсет-Беков.* Армазни. Историко-археологический очерк.— Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. II. Тбилиси, 1938, с. 79.

[42] *Шмерлинг Р. О.* Ук. соч., с. 43.

[43] *Токарский Н. М.* Ук. соч., с. 118.

казские[44], имела несомненно деревянное перекрытие. В Армении переход к каменному перекрытию вместо деревянных завершается лишь к VII в.[45]

Несколько выделяется в этом плане верхнечирюртовская церковь № 2, которая вообще, возможно, не имела перекрытия. Однако и это конструктивное своеобразие находит в раннехристианских памятниках Закавказья не только аналогии, но и объяснения. Как письменные источники, так и древнейшие уцелевшие постройки свидетельствуют о том, что первоначально молящиеся оставались вне церкви. Приобщение степняка-кочевника к новому, малознакомому богу в непривычных для него крытых помещениях было, очевидно, трудным делом. В церковь входил лишь священник. Поэтому первые церкви были очень малы по размерам[46].

В Хазарии для приобщения к христианству и крещения недавних кочевников специально сооружались открытые церкви. Остатками одной из таких, возможно, и является церковь № 2. Сооружение открытых церквей (галерей) практиковалось в раннехристианский период и в Закавказье[47]. О подобных открытых двориках с крестами для молитв, сооруженных для гуннов, сообщает, как указывалось, Моисей Каганкатваци[48].

В христианских древностях Албании, и особенно в Армении, представлены и прототипы верхнечирюртовских крестов с характерными конфигурациями завитков с кругами, предназначенными для инкрустации (рис. 4). Примечательно, что наибольшее разнообразие подобных крестов (хачкар) наблюдается в Армении, где они, модифицируясь, продолжают бытовать на всем протяжении раннесредневековой эпохи. Кресты как символы «древа жизни», вырастающего из зерна или круга, бывают сплошь покрыты орнаментом, создающим впечатление тонкого кружева[49]. Совпадение характерных особенностей конфигурации верхнечирюртовских крестов с армянскими наряду с отсутствием крестов с округленными завитками оконечностей в Грузии, возможно, отражает близость оттенков религиозного направления, в данном случае связанного с монофизитством.

Интересно, наконец, отметить, что на постаменте в церкви № 2 на третьем, заключительном этапе её функционирования вместо креста была установлена стела с характерным изображением креста (рис. 4). Стелы как христианские памятники культово-мемориального характера, устанавливавшиеся на платформе под открытым небом, также широко известны в Закавказье раннехристианского времени[50]. Причем в VI—VII вв. стелы нередко устанавливались рядом с церквами[51]. Установка креста или стел, увенчанных крестом, связывается с принятием христианства, закрепляемым актом крещения[52]. Очевидно, и верхнечирюртовская стела была специально воздвигнута как символ крещения той части населения, погребения которой находились на восточной окраине курганного могильника.

Таким образом, не только свидетельства письменных источников, но и специфические особенности верхнечирюртовских церквей, многочисленные аналогии которым имеются в раннехристианском зодчестве Закавказья, позволяют датировать их VI—VII вв. На эти же хронологические рамки функционирования церквей указывают, как уже отмечалось, керамические материалы и отдельные находки. Новая религия, однако, не вытесняет традиционные для кочевников культы. Так, погребальный об-

---

[44] *Марр Н. Я.* Ук. соч., с. 22; *Токарский Н. М.* Ук. соч., с. 52.
[45] *Марр Н. Я.* Ук. соч., с. 22.
[46] *Беридзе В. В.* Ук. соч., с. 8.
[47] Там же; *Токарский Н. М.* Ук. соч., с. 111.
[48] *Каганкатваци М.* Ук. соч., с. 204.
[49] Декоративное искусство средневековой Армении, с. 35, рис. 36, 62—73.
[50] *Аладашвили Н. А.* Монументальная скульптура Грузии. М., 1977, с. 5; *Чубинишвили Н.* Хандиси. Тбилиси, 1972, с. 8; *Токарский Н. М.* Ук. соч., табл. 84.
[51] *Чубинишвили Н.* Хандиси, с. 8.
[52] Там же, с. 10.

ряд, языческий по своей природе [53], не претерпевает в свете новой религии никаких изменений. Подобная терпимость к язычеству характерна для ранних этапов распространения христианства. И разумеется, особую терпимость христианство проявляло в отношении хазар, от грабительских походов которых страдало все христианское население Закавказья [54]. Несмотря на большие успехи христианских миссионеров, чья деятельность находит конкретное воплощение в остатках верхнечирюртовских церквей, христианство не стало государственной религией каганата. Официальное принятие христианства противоречило политическим интересам хазар, поскольку это означало их идеологическое подчинение Византии [55]. По этой же причине хазары отказались и от мусульманства [56].

В конце VIII в., когда основные пределы Хазарии переместились на Волгу и Дон, каган и правящая верхушка принимают иудаизм. Возведение иудаизма в ранг государственной религии имело значение политического самоутверждения, демонстрации не только независимости, но и равенства Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом, а также явилось ответом на попытки с той и другой стороны подчинить хазар своим интересам [57]. Однако и иудейская религия в силу своей специфики не стала не только религией многих народов, входивших в состав Хазарского государства, но даже и самих хазар в целом [58].

Несмотря на распространение в каганате монотеистических религий, основная масса населения Хазарии, судя по ритуалу их погребений, продолжала исповедовать традиционные языческие культы. Однако христианство в Хазарии не исчезло без следа. Часть населения, приобщившаяся к новой религии, продолжает его исповедовать. В письменных источниках нередки сообщения о хазарах-христианах (Истахрий, Ибн-Хаукаль и др.). Ал-Мукаддасий прямо отмечает, что большая часть жителей Семендера — христиане [59]. Христианство не только прижилось среди части населения в Прикаспийской Хазарии, но и проникло отсюда в горные районы Дагестана.

Судьбы народов Дагестана, до возникновения Хазарского каганата, были неразрывно связаны с Закавказьем. Археологические исследования, особенно в приморских районах Дагестана, свидетельствуют об этнической взаимосвязи памятников этого региона с культурой Кавказской Албании [60]. С образованием Хазарского каганата традиционные связи между народами Дагестана и Закавказья не прекращаются. Посредником в этих связях выступала теперь Хазария, которая хотя существенно и трансформировала былые взаимоотношения, но тем не менее не стала глухой стеной между этими народами. Наоборот, завладев северными провинциями Кавказской Албании, Хазария оказалась наследницей не только богатых земледельческих районов со сложившимися здесь с глубокой древности оседлоземледельческими ремесленными традициями, но и продолжала поддерживать былые взаимосвязи между объединенными в составе каганата народами. Особенно наглядно это прослеживается в наличии многочисленных следов христианства в горах Дагестана. Они прослеживаются здесь по остаткам христианских памятников на топонимических и лингвистических материалах [61].

---

[53] *Магомедов М. Г.* К вопросу..., с. 36.

[54] *Буниятов З. М.* О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв.— Изв. АН АзербССР. Сб. общ. наук, 1961, № 1, с. 21.

[55] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 262.

[56] Там же, с. 264.

[57] *Артамонов М. И.* Ук. соч., с. 264.

[58] Там же, с. 426.

[59] *Ал-Мукаддасий.* Лучшее из делений для познания климатов. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, с. 5.

[60] *Магомедов М. Г.* Происхождение раннесредневековой культуры..., с. 7.

[61] *Шихсаидов А.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан, с. 64; *Дебиров П. М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, с. 31, рис. 51, 52; *Атаев Д. М.* Каменные кресты из окрестности Хунзаха.— МАД, I, 1959, с. 182.

Распространение новой религии в горах Дагестана и особенно в Царстве Серир документируют различные находки на этой территории христианских памятников (крестов), а также исследования христианских могильников [62]. Как отмечают исследователи, здесь существовали и древние христианские храмы; один из них под названием Датуни сохранился до наших дней [63]. Все эти памятники, разбросанные в высокогорных районах, и особенно кресты с древнегрузинскими надписями, отражают не только былые позиции, но и относительно длительное существование христианства [64], которое насаждалось здесь вплоть до XIV в.

До сих пор остается мало изученным вопрос о времени и путях проникновения новой религии в горы Дагестана. При решении этих вопросов исследователи исходили лишь из анализа древнегрузинских надписей, сохранившихся на крестах и других памятниках горного Дагестана. Эти надписи наряду со сведениями, сохранившимися в грузинских летописях, и определили односторонний подход к проблеме, при которой исключались другие (негрузинские) пути проникновения христианства в северо-западные районы Дагестана [65]. Односторонняя ориентация исследователей на грузинские памятники способствовала соответственно и определению не совсем четких хронологических рамок распространения христианства в горах [66].

В целом, не отрицая существенного вклада Грузии в процесс христианизации Дагестана в раннесредневековую эпоху, отметим, однако, что новые археологические материалы, выявленные в последние годы, позволяют внести некоторые коррективы в существующие разноречивые мнения о путях распространения здесь новой религии. Остатки церковного строительства, сохранившиеся в древней Хазарии,— яркий показатель распространений христианства в Приморском Дагестане. Очевидно, поэтому в горы Дагестана идеи новой религии могли проникнуть не только со стороны Грузии. Заснеженные и труднопреодолимые перевалы Кавказского хребта затрудняли возможность свободного передвижения миссионеров. От перевалов до Царства Серир миссионеров ожидал тяжелый путь, пролегающий через территорию, заселенную народами, исповедовавшими языческие культы. Указанные факторы являлись существенной преградой на пути распространения христианства из Грузии. И наконец, сама Грузия до XII—XIII вв. не располагала предпосылками для активной внешней политики. Эти обстоятельства позволяют предположить, что проникновение новой религии в горы на ранних этапах происходило по проторенным внутридагестанским коммуникациям, через Албанию и Хазарию. А на последующем этапе активизация христианства в Дагестане связана с Грузией, о чем свидетельствуют кресты с древнегрузинскими надписями, датируемыми XII—XIV вв.[67] К этому времени относится и христианский могильник в окрестностях с. Кудали Гунибского района, где захоронения произведены с нательными крестами [68]. Наиболее выразительно достижения христианства в горах Дагестана отражает известная Датунская церковь, сооружение которой также связывается с деятельностью грузинских миссионеров [69]. Успехи Грузии по утверждению хри-

---

[62] *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии.— Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. IV. Махачкала, 1958, с. 163.

[63] Там же, с. 175.

[64] *Атаев Д. М.* Каменные кресты..., с. 183; *его же.* Христианские древности Аварии, с. 181.

[65] *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии, с. 178, 179.

[66] *Шихсаидов А.* Ук. соч., с. 65; *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии. с. 178.

[67] *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии, с. 179.

[68] *Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Кудалинская крепость.— «Советский Дагестан», 1971, № 6, с. 74, 75.

[69] *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, с. 203.

стианства в Дагестане можно объяснить лишь тем, что здесь до появления грузинских миссионеров уже существовали очаги новой религии и этим были созданы благоприятные условия для ее последующего распространения. О раннем проникновении христианства в горы сообщают письменные источники. Например, Масуди писал, что царь Серира — христианин [70], а по сообщению Ибн-Русте, обитатели замка — все христиане [71]. Наиболее яркими следами деятельности албанских миссионеров в горах Дагестана являются находки здесь обломков плит с буквами албанского алфавита [72]. Уточнению времени проникновения христианства в горы способствуют археологические материалы. Наиболее выразительны в этом плане христианские могильники VIII — X вв. (близ селений Урада, Тидиб, Хунзах, Галлан, Тинди, Кванада, Ругуджа) [73]. О проникновении новой религии со стороны Приморского Дагестана свидетельствуют близкие аналогии между христианскими памятниками, исследованными в Верхнем Чирюрте и в центре горного Дагестана. Так, крест, выгравированный на известняковой плите, найденной на могильнике Тадраал [74], повторяет точную форму верхнечирюртовского креста (рис. 5). Концы ответвлений имеют одинаковые округленные завитки. Подобно верхнечирюртовскому крест из Тадраала также был установлен на четырехугольном постаменте с выступом. Близок по технике исполнения верхнечирюртовскому массивный крест из Хунзаха, без грузинских надписей, но с завитками и уступом [75]. Повторяет форму верхнечирюртовского и четырехугольный постамент, который также имеет четырехугольное сквозное отверстие посредине для установки креста [76]. Совпадение мельчайших деталей формы и техники изготовления крестов из этих двух регионов не случайны (рис. 10). Они отражают возможные политические и культурные связи между Хазарией и царством Серир. Среди стран, плативших дань хазарам, источники называют и С-риди [77] (отождествляемый с Сериром) [78]. Тесными связями с Хазарией объясняется и происхождение имен правителей Серира (Авар, Бояр) [79] и последующих титулов царей Аварии [80].

Указанием на пути проникновения христианства в горные районы Дагестана, в частности в царство Серир, могут служить находки крестов в Агачкалинском и Аркасском могильниках, расположенных между этими регионами. Нательные кресты с этих памятников, изготовленные из бронзы и сердолика [81], близки по своим конфигурациям верхнечирюртовским образцам. Они отражают генетические связи между христианскими древ-

---

[70] *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней. Пер. И. Караулова.— СМОМПК, вып. 38, 1908, с. 52.

[71] *Ибн-Русте.* Книга драгоценных камней. Пер. Н. Караулова.— СМОМПК, вып. 32, 1903, с. 47.

[72] *Давудов О. М.* Итоги первого года раскопок на Верхне-Лабкомахинском городище.— Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1973, с. 9.

[73] *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 199.

[74] *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии, 1973, табл. V, рис. 1.

[75] *Дебиров П. М.* Ук. соч., с. 123, рис. 51.

[76] Там же, с. 123, рис. 52.

[77] *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 82.

[78] *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане, с. 70.

[79] *Магомедов М. Г.* Костяные накладки седла с Верхнечирюртовского могильника.— СА, 1975, № 1, с. 63.

[80] *Малачиханов Б. К.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане.— Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIV. Махачкала, 1965, с. 71.

[81] *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, с. 113—119 (материалы раскопок могильника хранятся в Дагестанском республиканском краеведческом музее); *Атаев Д. М.* Раскопки Аркасского городища.— Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965, с. 128, 129.

ностями этих регионов, восходящими своими корнями к албано-армянской основе.

Таким образом, весь комплекс рассмотренных материалов дает возможность наметить два четких этапа проникновения христианства в горы Дагестана. На первом, раннем этапе — через Хазарию, в результате чего в VII—IX вв. здесь формируются первые очаги новой религии, связанной с Албанией и Арменией.

На втором этапе новая волна, способствовавшая более широкому распространению христианства в Дагестане в XI—XIV вв., связана с активной деятельностью грузинской церкви. Эта деятельность особенно возросла при царице Тамаре, в правление которой предпринимались неоднократные и небезуспешные попытки христианизировать многие северокавказские народы [82]. Однако в отличие от Армении и Грузии христианство в Дагестане не успело укрепить свои позиции. Тяжелый удар новой религии здесь нанес Тимур, после чего начинается активное проникновение ислама во все уголки страны [83].

M. G. Magomedov

THE EARLY MEDIEVAL CHURCHES OF THE UPPER CHIRYURT

Summary

Characteristic features of the remains of two churches, discovered at the nekropolis of the fortified settlement Upper Chiryurt, the probable ancient capital of the Khazar Kaganat — Belenger, are described in the article. The churches were built of unworked stone, their dimentions are small, their plans are prolonged, rectangular, and one is a cross-shaped. Carefully carved sandstone crosses on massive bases were standing near eastern walls of the churches. Architectural peculiarities of the churches, their shape and also the configuration of the altar crosses indicate genetic links with the Transcaucasian architecture. These churches have close analogies among christian monuments of Armenia and the Caucasian Albany. Substantial changes in the social-economic development of the Kaganat traced in archaeologic materials from seaside Daghestan stimulated the spreading of monotheistic religions into Khazaria. The establishment of a state, wide political and economic links and well-known tolerance in Kaganat attracted numerous missionaries. The penetration of christian missionaries, according to the written sources, was the most constant. Their activity is reflected in building churches at the fortified settlement Upper Chiryurt in the VI—VIIth centuries. Christian religion spread from Khazaria to the mountainous part of Daghestan, as indicated by close analogies in the christian antiquites in these regions.

---

[82] *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане, с. 203; *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 18.

[83] *Атаев Д. М.* Каменные кресты..., с. 181.

В. А. БУРОВ

СОСЕДИ БОЯР МИШИНИЧЕЙ—ОНЦИФОРОВИЧЕЙ ПО ХОЛОПЬЕЙ И КУЗЬМОДЕМЬЯНСКОЙ УЛИЦАМ (XIV—XV вв.)

Самым значительным событием в жизни Новгородской археологической экспедиции после находки в 1951 г. первых берестяных грамот явилось открытие переписки представителей одного из крупнейших боярских родов республиканского Новгорода Мишиничей — Онцифоровичей. Переписка происходит с трех усадеб (Д, Е, И), расположенных на перекрестке древних улиц — Великой, Холопьей, Кузьмодемьянской, и включает письма Варфоломея, Луки, Онцифора Лукинича, Юрия Онцифоровича, Максима Онцифоровича, Афанасия Онцифоровича, Михаила Юрьевича, Андреяна Михайловича [1]. Их анализ, проделанный А. В. Арциховским и В. Л. Яниным, позволил в деталях ознакомиться с хозяйственными заботами владельцев дворов Д, Е, И, системой феодальной эксплуатации крестьян в вотчинах, узнать имена их знакомых, родственников, уточнить занимаемые в боярской республике должности и т. д.[2] Успех археологов был ошеломляющим: впервые слились воедино два мира, до тех пор лишь соприкасавшихся друг с другом — мир летописных событий русской средневековой истории и мир вещественных археологических источников [3].

Однако это выдающееся событие славяно-русской археологии в какой-то степени отвлекло внимание от находок других грамот, не связанных с Онцифоровичами, и комплексный анализ переписки соседей знатных бояр не был проделан [4]. До сих пор отсутствует четкое представление о том, кто же делил соседство с посадничьей семьей, какое социальное положение занимали эти люди, есть ли о них упоминание в летописях и т. д. А между тем данная проблема неразрывно связана с весьма актуальной темой социальной структуры Новгорода в период расцвета республиканского строя.

Предпринимая попытку восполнить пробел, мы рассмотрим в строго хронологическом порядке поусадебно все грамоты Неревского раскопа

---

[1] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, с. 15, 16 (№ 91), 20—22 (№ 94), 24—29 (№ 97—101). Далее — НГБ; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1955 г.). М., 1958, с. 38—41 (№ 157), 52—53 (№ 167), 65 (№ 180); *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.). М., 1963, с. 96—99 (№ 271—272), 105—107 (№ 279), 126—127 (№ 297), 131—133 (№ 300—301), 134—135 (№ 303), 136—141 (№ 306—308), 144—148 (№ 311, 313); *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961 гг.). М., 1963, с. 28 (№ 339), 43—47 (№ 354), 50—52 (№ 358), 57—58 (№ 362), 68—71 (№ 370), 86—90 (№ 385, 389), 94—95 (№ 391).

[2] *Арциховский А. В.* Письма Онцифора.— В сб.: «Проблемы общественно-политической жизни России и славянских стран». М., 1963, с. 109—117; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1965; *его же.* Заметки о новгородских грамотах.— СА, 1965, № 4, с. 104—123.

[3] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 80.

[4] Исключение составляет попытка выделить комплексы грамот феодалов Фомы и Есифа, Бориса и Ивана Борисовича, Есифа. См. *Арциховский А. В.* НГБ (1953—1954 гг.). М., 1958, с. 55, 66; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 40, 121; *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 166—170.

11—3-го ярусов (1299—1446 гг.) — времени, когда здесь жили Мишиничи — Онцифоровичи. Это позволит проследить смену владельцев дворов и выявить их социальное положение. Обзор грамот соседей Онцифоровичей начнем с усадьбы А [5].

Усадьба А

Ярус 11 (1299—1313 гг.). Представитель высшего феодального сословия. В слоях 11-го яруса найдено единственное послание № 55: «...господине, возми дворнюю х Фомине жене в Акосово... господине, торгъвати беле во н... ко мне дворнюю грамотъ ели х те...» [6].

В бересте идет речь о «дворней» — дворовой грамоте, подтверждающей право собственности на двор [7]. Ее автор, по-видимому, приказчик. Он адресует письмо дворовладельцу, который приобрел двор в Новгороде у жены некого Фомы, проживающей в Акосове [8]. О социальном положении адресата — владельца усадьбы А — говорит обращение «господин». Это знатное лицо, представитель высшего феодального сословия. Более подробных сведений о нем в письме № 55 не содержится.

Ярусы 10 — 9 (1313—1369 гг.). Владелец не определен.

Три грамоты (№ 57, 60, 66) [9] фрагментарны, четвертая (№ 58) — ярлык к вещи с надписью «Маремеяне» [10]. Владелец усадьбы не определен.

Ярусы 8 — 7 (1369—1396 гг.). Феодал.

Из писем 8—7-го ярусов послания № 37, 38, 39 дошли в отрывках, не поддающихся прочтению [11], два других письма (№ 4, 50) можно читать.

Грамота № 50: «3 дежи трьтие... Радославомо дижя семая. Воислали 2 дежи... дослаля ис половия 13 улоки. За Олександромо лонеского жита 13 улоки. Олександре дале Коромолнику 3 улки верши. Волосе на Хомутини у... ...искорми. Ладога 3 дежи. Ондришку 4 улки искормили. 14 улки овиса Олександрь с Волосомо» [12].

Все исследователи без исключения связывают этот документ с вотчинным сельским хозяйством: письменным отчетом о расходовании зерновых [13], росписью оброков, получаемых феодалом с зависимых крестьян [14], учетом «жита оброчного» — недоимок и их погашением [15]. Грамота № 50, таким образом, несомненное свидетельство принадлежности усадьбы А землевладельцу.

Береста № 4: «От Миките ко Церту. Цто есмь ручил у Петра на Городище, н(о) Юрги был выдал со двора, н(ам) не уведался, а мене выдал, (а ре) кл еси железного п(ол)... ...рубль взявъ. А ты н... ...ндр, исправи госп... ...Возми сапозе» [16].

В грамоте идет речь о судебном деле, которое рассматривалось на Городище во дворе княжеского наместника, вершившего суд вместе с представителями Новгорода [17]. Кто же такой адресат Церт? А. В. Арциховский видит в нем поручителя за обвиняемого [18], Л. В. Черепнин — княжеского

---

[5] Схему расположения усадеб Неревского раскопа см. *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, № 123, 1963, с. 8.

[6] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.). М., 1954, с. 58, 59.

[7] *Кафенгауз Б. Б.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— «История СССР», 1960, № 1, с. 171.

[8] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 312.

[9] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.). М., 1954, с. 59, 62, 66.

[10] Там же, с. 60.

[11] Там же, с. 37—39.

[12] Там же, с. 52—54.

[13] *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 46.

[14] *Кафенгауз Б. Б.* Ук. соч., с. 169.

[15] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 232.

[16] *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* НГБ (1951 г.). М., 1953, с. 29—31.

[17] Там же.

[18] Там же.

тиуна [19], П. И. Засурцев — управляющего имениями феодала [20]. Разнообразие комментариев затрудняет установление адресата.

Ярусы 6 — 5 (1396—1422 гг.). Феодалы Борис и Иван Борисович [21].

Ярусы 4 — 3 (1422—1446 гг.). Феодалы Фома и Есиф [22].

Усадьба Б

Ярус 11 (1299—1313 гг.). Ростовщик?

Из слоя 11-го яруса происходит письмо № 67, адресованное «господину» Василию и его жене: «Поклоно от Якова ко... силью и ко Васильевии. Иди, господине, ко Тимофью. Жирославь бьщести. Лишь дворяни...» [23]. Спорные моменты толкования этой бересты на судебную тему изложены в монографии Л. В. Черепнина [24]. Мы их касаться не станем, уделим лишь внимание обращению «господин» как свидетельству знатности владельца усадьбы Б.

С перепиской дворовладельца связана и грамота № 51, в которой упоминается рыба и «ежевица»: «...муваууру... узу ежевица 2 лососе...» [25]. О ее содержании ввиду отрывочности можно лишь догадываться [26].

Две указанные выше грамоты не позволяют установить социальную принадлежность владельца усадьбы А. Может быть, в решении этого вопроса нам поможет «рукописание» № 138? Однако оно называет не имя Василия, а совершенно иного человека: «Се азо, рабо божии Селивьстро напсахъ роукописание. Оу Лоунька полтина. Оу Захарьи полтина. Оу Алюевиць полтина. Оу Коузмиць оу Онисимова 2 гривне...» и т. д. [27]

Это запись новгородского ростовщика (А. В. Арциховский) [28] или духовное завещание, фиксирующее ростовщические сделки (по Л. В. Черепнину) [29].

Ярусы 11 — 9 (1299—1369 гг.). Феодал Есиф Давыдович [30].

Ярус 8 (1369—1382 гг.). Владелец не определен.

Единственная береста № 132 из 8-го яруса дошла в отрывке, чтение которого невозможно [31]. Владелец двора не определен.

Ярус 7 (1382—1396 гг.). Феодал.

Переписка этого яруса не доносит имя нового дворовладельца, но о его высоком социальном положении говорит обращение «господин» грамоты № 131: «Цто было в Пудоги празда, ту празку Сергие взеле изо Ояте. Закрою спроста а я быле о русалеяхо в Пудоге. А цто про Сямозерци хедыле есемо не платяце, а плаатяце в томо цто промежи ряду нету. А ныне Сямезерци в городе. Говоре с неми саме. А я с ти, осподине, буду. А я борзо буду. А нине есеме к тобе рибоко послаля. А во Шуе ни лидие ни ловоу» [32].

По мнению Л. В. Черепнина, письмо представляет собой рассказ одного сборщика дани другому о сборе дани в ряде пунктов Обонежья: в Пудоге, в селениях по р. Ояти, на Сямозере, по р. Шуе. Попутно сообщается о русалиях (языческом празднике поминовения умерших предков) и о посылке рыбы [33].

---

[19] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 323.

[20] *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами, с. 172.

[21] *Буров В. А.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— СА, 1979, № 1, 225—226.

[22] *Буров В. А.* Заметки..., с. 219—224.

[23] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 66—68.

[24] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 339—343.

[25] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 54, 55.

[26] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 149, 150.

[27] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1955 г.). М., 1958, с. 11—15.

[28] Там же.

[29] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 368, 369.

[30] *Буров В. А.* «Муж добръ Есифъ Давыдович».— СА, 1975, № 4, с. 267—273.

[31] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.). М., 1958, с. 71.

[32] Там же, с. 68—71.

[33] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты..., с. 212—215.

Письмо № 33 упоминает некого Давыда: «...Давыда обидя, и о ...онъ...». Фрагментарность бересты не позволяет с определенностью говорить о ее содержании. Л. В. Черепнин считает, что письмо имеет отношение к судопроизводству [34]. Таким образом, послания № 33 и 131 связаны с представителями новгородской администрации. Видимо, им и был владелец усадьбы Б — адресат двух названных грамот.

Береста № 20 вносит дополнение: хозяин двора являлся землевладельцем. Она рисует картину труда земледельцев, расчищающих на речных берегах лес для освобождения площади под посев и потерявших рабочего коня. По-видимому, это деловое послание приказчика феодалу о расчистке лесов под пашню: «...о ми сикли суки на рики, у Давыдовы присикивали, а на Оушеменкина конь пале» [35].

И последняя грамота № 128. Она содержит запись молитвы Богородице. Примечательна последняя фраза: «...милость пребогатую и долговъ избавляеши» [36]. Кто знает, может быть, долги и привели автора бересты к печальным последствиям. Только кем он был: хозяином двора Б или же одним из тех небогатых горожан, которые поселились здесь во время 6 яруса?

Ярус 6 (1396—1409 гг.). Небогатые горожане.

Грамоты этого яруса имеют отношение к небогатым горожанам. Так, в письме № 125 мать просит сына Григория прислать ткань[37]. В. Л. Янин отмечает, что Григорий был человеком небогатым, раз ему присылают с оказией деньги на покупку, не надеясь, что у него окажется лишняя сумма [38].

К данному посланию близка грамота № 124: «Пришлите ми паробоко, борана или уду. Мне ся не можется. А лодку дан Павлу Соболецеву изонама» [39]. Письмо среди исследователей вызвало разногласия [40]. Нам представляется, что ближе всех к истине мнение А. В. Кузы и А. А. Медынцевой: грамота посвящена рыболовству, причем ее автор и сам ловит рыбу, и других рыбаков снабжает за определенную плату снастями. Исследователи ссылаются на словарь В. Даля, где слово «боран» означает таган, решетку для горящего смолья — «луча» на носу лодки при битье рыбы острогой [41].

Здесь же на усадьбе найден поплавок из березовой коры с надписью «Исако» [42] (грамота № 127) и бирка: «Сино (сено.— *В. Б.*) Микитино Лашенестинково» (грамота № 126) [43].

К этому же ярусу относится и береста № 94, адресованная... Юрию Онцифоровичу [44]! Однако местонахождение ее в канаве для тына у самой мостовой Великой улицы указывает на то, что грамота оказалась на дворе Б случайно.

Ярусы 6 — 4 (1396—1429 гг.). Феодалы Фома и Есиф [45].

Усадьба В

Ярусы 11 — 10 (1299—1340 гг.). Владелец не определен. Берестяные грамоты этого времени на усадьбе не найдены.

Ярус 9 (1340—1369 гг.). Феодал.

Одна из грамот 9-го яруса (№ 32) касается покупки соли, широко

---

[34] Там же, с. 330, 331.
[35] Там же, с. 162.
[36] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.), с. 62—64.
[37] Там же, с. 59, 60.
[38] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 46.
[39] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.), с. 58, 59.
[40] О разногласиях см. *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 252, 253.
[41] *Куза А. В., Медынцева А. А.* Заметки о берестяных грамотах.— НЭ, т. XI, 1974, с. 224, 225.
[42] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1953—1954 гг.), с. 62.
[43] Там же, с. 61.
[44] Там же, с. 20—22.
[45] *Буров В. А.* Заметки..., с. 219—224.

применявшейся в хозяйстве: «Фешке Юрьгию целомъ... соле наборзи не была. От тебе солъ по 2 года мни... купиле...» [46]. В другой говорится о земле: «...те даите намъ волно ходи... ...купахъ землю вамъ оцистимъ, а вамъ кланяемся» — грамота № 41 [47].

А. В. Арциховский считает, что адресатами последнего письма были феодалы, а авторами — вассалы, может быть, крестьяне. Л. В. Черепнин придерживается несколько иной трактовки. Он полагает, что это переписка двух землевладельцев. Кто-то продал адресату свою землю, о которой затем возникло судебное дело. Прежний собственник, давший в свое время обязательство ее «очистить», должен был выступить на суде [48]. Независимо от того, чье мнение верно, адресат берестяного свитка — землевладелец.

Ярус 8 (1369—1382 гг.). Ростовщик.

Единственное послание № 30 отражает конфликт между кредитором-ростовщиком Иваном и кабальным должником Яковом: «От Якова к Евану. Что слешь ко мне про серебро, то ведаю, аже ты дале серебро на собе, то ведаю, а иного не ведаю: како ли ты венилеся, како ли что дале еси рубль на собе» [49]. Адресат письма — ростовщик.

Ярусы 7—6 (1382—1409 гг.). Феодалы Фома и Есиф [50].

Ярусы 5—3 (1409—1446 гг.). Мишиничи — Онцифоровичи?

Переписка 5—3-го ярусов не сохранилась, поэтому по данным берестологии о владельце сказать ничего нельзя. Археологические наблюдения свидетельствуют о том, что во время 6—5-го ярусов здесь жил ремесленник-ювелир, а во время 4-го яруса — косторез [51]. Но вряд ли они были дворовладельцами, поскольку, начиная с 6-го яруса, двор В слился с усадьбой Д, принадлежавшей семье Онцифоровичей [52], которые жили на Кузьмодемьянской улице. Скорее всего, последние и владели данным участком городской территории в начале XV столетия.

Усадьба Г

Ярус 11 (1299—1313 гг.). Владелец не определен.

По свидетельству археологии усадьба Г со времени 12-го яруса слилась с усадьбой Ж [53]. Переписка этого времени на усадьбе Г—Ж неизвестна.

Ярус 10 (1313—1340 гг.). Представитель новгородской администрации.

Береста № 59 с усадьбы Г—Ж является частью переписки двух новгородских мужей, ответственных за крестьян, обязанных «даром» князю [54]. Ее содержание указывает на то, что на усадьбе жил кто-то из администрации Новгорода.

Ярусы 9—6 (1340—1409 гг.). Ремесленники.

В 9—6-м ярусах застройка очень бедная. В 7—6-м ярусах прослежены остатки производства ремесленников — кожевенников и сапожников [55]. К одному из них, вероятно, и должно быть отнесено завещание должника Михаля № 42 (7-й ярус): «Въ имя оца и сына и свя... а се азъ. Бъбжи Михаль, отхождя живота сего, пишю рукописание при своемъ животе, что ми Кобилькеи 2 рубля ведати» [56].

---

[46] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 33—35; см. также *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 291—293.

[47] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 40.

[48] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 130—132.

[49] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 31, 32; см. также *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 358, 359.

[50] *Буров В. А.* Заметки..., с. 219—224.

[51] *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода, с. 150, 151.

[52] Там же, с. 150, 134, рис. 54.

[53] Там же, с. 135, рис. 49.

[54] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 60, 61; *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 256—258.

[55] *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки..., с. 135, 137.

[56] *Арциховский А. В.* НГБ (1952 г.), с. 42, 43.

Л. В. Черепнин первоначально принял слово «Кобилькеи» за имя какого-то человека, кому Михаль задолжал два рубля. Однако необычное звучание имени новгородца смутило исследователя, и он пришел к мысли что «Кобилькеи» означает все же географическое название, а сама береста — завещание земельного владения, называемого Кобылькеи [57].

На наш взгляд, интересно сопоставить данное завещание с грамотой № 500, найденной уже после выхода монографии Л. В. Черепнина. Она содержит перечень имущества, а на обороте ее читается фраза: «по у Яковли Кобылки». А. В. Арциховский, опубликовавший текст бересты, пишет, что здесь идет речь о кобылке Якова [58]. Мы полагаем, что ближе к истине устный комментарий письма № 500, сделанный В. Л. Яниным в 1972 г. Он совершенно справедливо заметил, что в найденной грамоте говорится о предметах описи имущества, находящихся на хранении у Якова Кобылки. Кобылка — прозвище. Таким образом, имя Кобылка неодиноко в берестяной переписке. Напрасно Л. В. Черепнина смутила его необычность. Не исключено, что в обоих грамотах (№ 42 и 500) говорится об одном и том же человеке, занимавшемся ростовщическими операциями. Этому не противоречит дендрохронологическая датировка грамот: одна из них (№ 42) датируется 1382—1396 гг., другая (№ 500) — серединой XIV в.

Ярусы 5 — 1 (1409—1462 гг.). Небогатые горожане?

Усадьба дробится на несколько мелких дворов; находки невыразительны [59]. Письма на бересте неизвестны. По всей видимости, здесь жили небогатые горожане. Род их занятий остался не определен.

Усадьба Д

Со времени 11-го яруса на усадьбе Д живут Мишиничи — Онцифоровичи. Здесь найдены послания Варфоломея, Луки, Онцифора, Юрия [60].

Усадьба Е

Ярус 11 (1299—1313 гг.). Владелец не определен.

Из слоя этого яруса извлечено две бересты. Одна грамота № 290 попала сюда случайно из 8-го яруса в результате перекопа [61], другое письмо № 287 — неразборчивый отрывок [62]. Владелец не определен.

Ярус 10 (1313—1340 гг.). Владелец не определен (Е).

Зажиточный новгородец — должностное лицо (Е—1).

В этот период времени единой усадьбы Е на перекрестке Великой и Кузьмодемьянской улиц не существует. Весь данный участок делится на два двора (Е и Е—1) [63]. О владельце усадьбы по переписке ничего не известно. С усадьбой Е—1 связаны два послания (№ 288 и 289).

В бересте № 288 читаем: «...хамоу 3 локти... золотнике зелоного шолкоу, дроугии церленого, третии зелоного жолтого, золотнъ белилъ на белкоу, мыла на белкоу боургалскога, а на дроугоую белкоу...» [64].

А. В. Арциховский, В. Л. Янин, Л. В. Черепнин единодушно видят в этом отрывке запись о беленин полотна («хам») мылом и белилами, о вышивке на полотне шелком трех цветов [65]. Однако их трактовка основана на переводе слова «белка» в значении беления ткани. Исследователи упускают из виду, что слово «белка» имеет и другое значение — деньги [66].

---

[57] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 366, 367.

[58] *Арциховский А. В.* Берестяные грамоты № 497 и 500.— СА, 1974, № 1, с. 204—207; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* НГБ (1962—1976 гг.). М., 1978, с. 95.

[59] *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки..., с. 136—138.

[60] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 80—93, 97.

[61] Там же, с. 140—142.

[62] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.). М., 1963, с. 114, 115.

[63] *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода, с. 131, рис. 51; с. 152, 153.

[64] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 115—118.

[65] Там же; *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту, с. 45, 46; *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 266.

[66] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. I. М., 1975, с. 134.

В таком случае смысл письма станет совершенно иным: здесь говорится о покупке полотна 3 локтя, по золотнику (мера измерения) зеленого, красного и зеленовато-желтого шелка. За какую цену покупается дорогая ткань неизвестно. Зато известно, что «на белку» куплено «золотнъ белилъ» (золотистые белила.— *В. Б.*) На белку куплено мыло бургалское, а на другую белку еще что-то (грамота на этом обрывается). Не обязательно видеть назначение белил для беления тканей — тем более что они, по замечанию А. В. Арциховского, в других источниках связаны с живописью и косметикой [67]. Именно в последнем значении и следует понимать это слово. То же косметическое назначение, очевидно, имеет и иноземное бургалское мыло.

Итак, насколько позволяет судить грамота № 288, на усадьбе Е—1 живет состоятельный новгородец, который может купить заморские шелка и предметы туалета. Не называет ли его имя следующее послание № 289: «Поклонъ от Дорофея к Осипу съ братнею. Попецалуися мною. Позвале дворянине Федоре Внездове внуке. А что даси дворянину я пзъвъ...» [68]? Перед нами грамота на судебную тему — обращение к судебным властям или истцам, которых некий Дорофей просит прекратить дело [69]. По-видимому, хозяин двора Е—1 является каким-то должностным лицом в новгородской республике, представителем судебной администрации.

Ярус 9 (1340—1369 гг.). Данник Дмитр (Е). Купец Семен (Е—1).

Судя по грамоте № 286, на усадьбе Е жил данник Дмитрий [70]. Береста представляет переписку новгородских данников [71].

Соседней усадьбой Е—1 владел человек, принадлежавший к высшему феодальному сословию. В письме № 133 его называют «господином»: «Поклоно от Григории к ос (подину мо)емо ко Смену. Послало (есмо с хрести)аномо со своимо с Увладн... кипу непре, 9 сото и 3 в... веревки узкои. А то дале... (дру)гонадцате рубля. А (то, го)сподине, прод(аи)при собе, (а с)еребро к собе возми» [72]. Автор письма предлагает адресату продать посылаемые им товары, а вырученную сумму взять себе. По-видимому, пишет Л. В. Черепнин, адресатом является купец, заранее выдавший деньги лицу, которое теперь желает погасить свой долг. Исследователь не исключает также возможности того, что письмо отражает отношение между двумя представителями купеческого мира, торгующими в складчину или связанными какими-то иными коммерческими отношениями [73]. А. А. Медынцева придерживается именно последнего варианта трактовки. По ее мнению, письмо № 133 характеризует отношения между купцами-сукладниками, торговавшими промысловыми товарами [74].

Ярусы 8 — 4 (1369—1429 гг.). Онцифоровичи [75].

Усадьба И

Ярусы 11 — 9 (1299—1369 гг.). Поп.

Комплекс грамот свидетельствует о том, что на усадьбе живут лица духовного звания. В 11-м ярусе найдена этикетка № 319 от каких-то вещей, принадлежавших попу Ивану: «Еванове попове» [76], в 9-м ярусе —

---

[67] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 117; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. I, с. 132.

[68] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 118, 119.

[69] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 331, 332.

[70] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 60—70.

[71] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 112—114.

[72] Текст послания № 133 приведен по книге Л. В. Черепнина. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты..., с. 289, 290.

[73] Там же.

[74] *Медынцева А. А.* О «сукладниках» новгородских берестяных грамот.— КСИА АН СССР, № 135, 1973, с. 26.

[75] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 143—152; *Буров В. А.* Заметки..., с. 224, 225.

[76] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961 гг.), с. 9.

церковное проклятие «поганым» — грамота № 317, напоминающая церковную проповедь [77], и два письма, адресованных попу (№ 177, 368) [78]. Есть еще одно письмо № 328, в котором некая Евфимья сообщает адресату о каких-то денежных расчетах [79].

В. Л. Янин отмечает, что попы жили недалеко от своего «рабочего места»: к усадьбе вплотную примыкают по крайней мере три церкви — Спасская, Кузьмодемьянская и Саввинская [80].

Ярусы 9—3 (1340—1446 гг.). Бояре Онцифоровичи [81].

Усадьба И — 2(Л)

Ярусы 9—6 (1340—1409 гг.). Феодал Яков [82].

Ярусы 6—5 (1396—1422 гг.). Землевладелец.

К 6—5-му ярусам относится письмо № 359 — челобитная крестьянина игумену [83]. Место игумена в монастыре, а не на дворе. Он явно не дворовладелец. Очевидно, свиток бересты оказался здесь случайно или он отражает связь дворовладельца с каким-то монастырем. А вот отрывок другого послания № 312 проливает свет на личность хозяина двора. По предположению Л. В. Черепнина, в нем говорится о земельном споре [84]. Возможно, это часть переписки Якова.

Ярусы 4—3 (1422—1446 гг.). Владелец не определен.

На основании единственной бересты № 298 установить дворовладельца затруднительно. Это запись с перечнем имен: «Костка сына Лукина, Офремова сына. Купра Иванова сына. Онитвька Купра Фомина сына. Игнатъя Юрьева сына» [85]. А. В. Арциховский и В. Л. Янин видят в приведенной записи избирательный бюллетень [86].

Усадьба К

Ярус 11 (1299—1313 гг.). Феодал Гаврила.

В начале XIV в. усадьба К принадлежала землевладельцу, с чьим именем связано две грамоты. Одна из них (№ 195) — отрывок переписки землевладельцев на тему посева в селах: «От Олексея ко Гавриле. Реклъеси, былъ во своемъ селе, верши все добрыи, ярая жита...» [87]. Другое письмо № 196 также посвящено феодальному хозяйству: «...у Милослава поставило 4 кадце пшенице, тоже полти 2, и лоньски, и нынецнеи. А рожь Петрову повелело есемо измолотиво Криву дати» [88].

Ярусы 10—9 (1313—1369 гг.). Владелец не определен.

Грамоты в этих ярусах отсутствуют.

Ярус 8 (1369—1382 гг.). Владелец не определен.

Из слоя 8-го яруса были извлечены две грамоты. Первая (№ 183) крайне отрывочна, о ее смысле можно лишь строить догадки [89]: «...надо мною снъ мои Олофереи, с Дорофеем з дядею слова твоего...» [90]. Вторая (№ 186) сохранилась целиком: «Поклоно от Стьпана ко Смьнку. Возми оу Кануниковыхо десять лосои, а другую десять возми оу Данилки оу Бешкова, а даи Смьну Флареву. А язо тобе ся кланяю» [91]. Но ее перевод

---

[77] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 151.

[78] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1955 г.), с. 61, 62; *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961 гг.), с. 66, 67.

[79] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961 гг.), с. 16, 17.

[80] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 104, 105.

[81] Там же. с. 98—104.

[82] *Буров В. А.* Заметки..., с. 226. 227.

[83] *Арциховский А. В.* НГБ (1958—1961 гг.), с. 52—54.

[84] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 132. 133.

[85] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 128.

[86] Там же: *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 156. 157.

[87] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1956—1957 гг.), с. 13, 14.

[88] Там же: *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 250—252.

[89] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 378.

[90] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1955 г.), с. 68.

[91] Там же, с. 70.

спорен. Так, В. Л. Янин с оговоркой считает возможным отнести эту грамоту к купеческим письмам, говорящим о торговле. Он отмечает, что редкие рыбы в Новгороде очень ценились. Ими получали долги, расплачивались. Иными словами, это могло быть письмо о возвращении долга [92]. А. В. Куза и А. А. Медынцева присоединяются к мнению В. Л. Янина, делая акцент на то, что это все же переписка новгородских рыбников, скупавших на местах у ловцов рыбу и перепродававших ее затем в городе [93]. Л. В. Черепнин видит в бересте послание одного рыболова другому, причем Сменко — староста рыболовов, Степан — рыботорговец или приказчик, собирающий феодалу оброк, Семен Фларев, Кануниковы, Данила Бешков — рыболовы [94].

Множество комментариев, каждый из которых имеет право на существование, не позволяет решить вопрос о социальной принадлежности дворовладельца.

Ярус 7 (1382—1396 гг.). Феодал Афанасий.

Переписка этого яруса подчинена теме феодального хозяйства. Грамота № 179 перечисляет запись крестьянских феодальных повинностей. Не исключено, что это запись долгов: «...рьбеикина коробия ржи и 3 беле на замке. У Коурятъва... ...8 беле. У ...полъ 3 бел. У Скудле 3 куньнич» [95]. В другом послании боярин Ксенофонт пишет своему «брату» Афанасию о покупке земли в Ещерском уезде (№ 178) [96]. В литературе уже неоднократно поднимался вопрос о том, является ли адресат Афанасий представителем рода Онцифоровичей. В. Л. Янин отвечает на него отрицательно [97]. Но А. В. Куза и А. А. Медынцева приводят, на наш взгляд, убедительные аргументы, подтверждающие их мысль о том, что на усадьбе К во время, к которому относится 7-й ярус, жил Афанасий Онцифорович, брат Юрия и Максима: стратиграфическая дата грамоты, сочетание имен Афанаса и Максима в грамоте, содержание письма, характеризующее Афанасия как крупного феодала, находка грамоты вблизи владений Онцифоровичей. Наконец, по мнению исследователей, обращение Ксенофонта к Афанасию «брат» необязательно является обращением одного родного брата к другому. Это могло быть обращение равного к равному [98].

Ярус 6 (1396—1409 гг.). Владелец не определен.

Грамота № 173 называет попа: «Поклонъ от Панфил к Мар... и ко попу. Купите маслеца древяного да пришлите симъ» [99]. Найдена она рядом с мостовой Кузьмодемьянской улицы. Это подчеркивает ее сомнительное отношение к усадьбе К.

Перевод другой грамоты № 169 столь разнообразен [100], что невозможно с определенностью говорить о социальной принадлежности ее адресата. Дворовладелец не определен.

Ярус 5 (1409—1422 гг.). Владелец не определен.

Грамот в слое 5-го яруса не найдено.

Ярус 4 (1422—1429 гг.). Посадник Василий Никитич [101].

Итак, мы рассмотрели переписку владельцев усадеб, расположенных на перекрестке Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц древнего Новгорода по соседству с боярской семьей Мишиничей — Онцифоровичей. В большинстве случаев удалось выявить социальную принадлежность дворовладельцев (см. таблицу). Эти данные дают нам право утверждать,

---

[92] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 160.
[93] *Куза А. В., Медынцева А. А.* Заметки о берестяных грамотах, с. 227.
[94] *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 277.
[95] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1955 г.), с. 64, 65.
[96] Там же, с. 62—64.
[97] *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту..., с. 165.
[98] *Куза А. В., Медынцева А. А.* Ук. соч., с. 219, 220.
[99] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* НГБ (1955 г.), с. 58, 59.
[100] Там же, с. 55, 56; *Черепнин Л. В.* Ук. соч., с. 234—236; *Куза А. В., Медынцева А. А.* Ук. соч., с. 223.
[101] *Буров В. А.* Заметки..., с. 219.

Владельцы усадеб перекрестка Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц

<table>
<tr><th rowspan="2">Ярус</th><th rowspan="2">Дендрохронологическая дата</th><th colspan="10">Усадьбы</th></tr>
<tr><th>А</th><th>Б</th><th>В</th><th>Г</th><th>Д</th><th>Е</th><th>Е—1</th><th>Е</th><th>И</th><th>К</th><th>Л</th></tr>
<tr><td>11</td><td>1299–1313 гг.</td><td>Господин</td><td>Ростовщик?</td><td>?</td><td>?</td><td rowspan="11"></td><td colspan="2">?</td><td rowspan="3">Церковное лицо</td><td>Феодал Гавриил</td><td>?</td></tr>
<tr><td>10</td><td>1313–1340 гг.</td><td>?</td><td rowspan="3">Феодал Есиф Давыдович</td><td>?</td><td>Должностное лицо</td><td>Должностное лицо</td><td>?</td><td>?</td><td>?</td></tr>
<tr><td>9</td><td>1340–1369 гг.</td><td>?</td><td>Феодал</td><td rowspan="4">Ремесленники – кожевенники и сапожники</td><td>Купец Семен</td><td>Данник Дмитр</td><td>?</td><td rowspan="3">Феодал Яков</td></tr>
<tr><td>8</td><td>1369–1382 гг.</td><td>Феодал</td><td>?</td><td>Ростовщик</td><td colspan="3">МИШИНИЧИ – ОНЦИФОРОВИЧИ</td><td>?</td></tr>
<tr><td>7</td><td>1382–1396 гг.</td><td>Феодал</td><td>Феодал должностное лицо</td><td rowspan="2">Феодалы Фома и Есиф</td><td rowspan="3"></td><td rowspan="3"></td><td rowspan="3"></td><td>Феодал Афанасий</td></tr>
<tr><td>6</td><td>1396–1409 гг.</td><td rowspan="2">Феодалы Борис и Иван Борисович</td><td>Небогатые горожане</td><td>?</td></tr>
<tr><td>5</td><td>1409–1422 гг.</td><td rowspan="2">Феодалы Фома и Есиф</td><td>Окраина двора Д Мишиничей?</td><td>Небогатые горожане?</td><td>?</td><td>Феодал</td></tr>
<tr><td>4</td><td>1422–1429 гг.</td><td rowspan="2">Феодалы Фома и Есиф</td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2">Посадник Василий Никитич</td><td>?</td></tr>
<tr><td>3</td><td>1429–1446 гг.</td><td>?</td><td>?</td></tr>
</table>

что указанный район городской территории Новгорода заселяли в основном представители высшего феодального сословия — бояре-землевладельцы. Так, на усадьбе А с начала XIV столетия и до середины XV в. жили только феодалы. Имена некоторых из них (Борис, Иван Борисович, Фома, Есиф) сохранили берестяные грамоты. Усадьба Б также принадлежала землевладельцам, одного из которых, «мужа доброго» Есифа Давыдовича, даже упомянул новгородский летописец под 1342 г. Впрочем, в короткие промежутки времени на дворе Б жили ростовщики (11-й ярус) и небогатые горожане (6-й ярус). Двор Г в отличие от других усадеб заселяли лица низших сословий: ремесленники-кожевенники, сапожники, небогатые горожане. Двор Л (И—2) принадлежал крупному землевладельцу Якову (9—6-й ярусы), какому-то другому землевладельцу (6—5-й ярусы). На усадьбе К жили феодалы Гавриил (11-й ярус), Афанасий (7-й ярус), посадник Василий Никитич (4—3-й ярусы).

Теперь мы с полным основанием можем сказать, что перекресток Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц в XIV—XV вв. был **аристократическим кварталом республиканского Новгорода.** Здесь концентрировались усадьбы влиятельнейших сановников республики и Неревского конца; посадничьей семьи Мишиничей — Онцифоровичей (усадьбы Д, Е, И), посадника Василия Никитича (усадьба К), Фомы, который был причастен к суду тысяцкого (усадьбы А, Б, В), данника Дмитра (усадьба Е), других лиц новгородской администрации (усадьба Б — 7-й ярус, усадьба Г—10-й ярус, усадьба Е—1—10-й ярус).

Полученные результаты важны тем, что они конкретизируют наши представления о социальном облике одного из кварталов Великого Новгорода в период расцвета республиканского строя и отвечают на вопрос о преемственности владельцев усадеб, что дает основание для рассмотрения более сложной проблемы взаимоотношения соседей-современников. Указанная проблема имеет самое прямое отношение к пониманию внутриполитической структуры средневекового города на Волхове эпохи его расцвета [102].

V. A. Burov

THE NEIGHBOURS OF THE BOYARS MISHINICHI-ONCIFOROVICHI IN THE HOLOPYA AND KOZMODEMYANSKAYA STREETS (NOVGOROD)

Summary

The subject of the article is the correspondence of the neighbours of the famous family of many posadniks of ancient Novgorod — Mishinichi — Onciforovichi. The author on the basis of texts of the birch bark letters of the XIV-XVth centuries defines the social composition of the owners of the houses, excavated in 1951—1962 and comes to the conclusion, that in the XIV—XVth centuries this district of the ancient Nerevski district («konets») was inhabited by the aristocracy of Novgorod republic. The houses of the most important high officials of the republic and Nerevski district the family of posadniks Mishinichi-Onciforovichi (houses D, E, I), posadnik Vasili Nikitich (house K), representative of the court tysiatski Foma (houses A, B, V), tributary Dmitr (house E) and other officials of the Novgorod administration. The received data concretizate our knowledge about the social composition of one of the districts of Novgorod the Great in the period of its flourishing.

---

[102] *Янин В. Л.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— СА, 1965, № 4.

В. В. ШИЛОВ

НАДГРОБНЫЕ ПЛИТЫ С НАДПИСЯМИ ИЗ СЕРПУХОВА

За последние годы в научной литературе появились работы, систематизировавшие большой эпиграфический материал при изучении надгробных плит Москвы и Подмосковья XIV — начала XVIII в.[1] В них совершенно отсутствовали памятники такого крупного древнего центра, как Серпухов.

Каменные орнаментированные намогильные плиты, хранящиеся в Серпуховском историко-художественном музее, были обнаружены в ходе реставрационных работ и археологических разведок, проводимых на территории бывших серпуховских монастырей — Высоцкого и Владычного, а также некоторых церквей города [2].

Экономическое значение и историческая роль серпуховских монастырей были меньшими, чем Троице-Сергиева, Иосифова Волоколамского и др., но в Серпуховском крае они были главными землевладельцами в XVI—XVII вв., а Высоцкий монастырь отнесен С. Б. Веселовским к числу 30 крупнейших на Руси во второй половине XVI в.[3]

Первые каменные строения обоих монастырей не дошли до нас. Существующие ныне архитектурные комплексы представляют собой разновременные постройки XVI—XIX вв. В результате неоднократных перестроек и ремонтов храмов монастырские некрополи были частично уничтожены. В. А. Рождественский отметил 12 намогильных плит в Алексеевском приделе Введенской соборной церкви Владычного монастыря и опубликовал девять неполно сохранившихся на них текстов, а также текст надгробной надписи первого настоятеля монастыря Варлаама [4].

В. А. Рождественский считал, что первоначально Алексеевский придел служил усыпальницей, и подчеркнул, что надгробий в нем было несомненно больше. Ни одной из известных В. А. Рождественскому плит пока не обнаружено.

---

[1] *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. I. Надписи XIV—XVI вв.— НЭ, I. 1960, с. 3—77; Ч. II. Надписи первой половины XVII в.— НЭ, III. 1962. с. 212—287; *Николаева Т. В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника.— СА, 1957, № 1, с. 251—255; *ее же.* О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника.— СА, 1958, № 3, с. 172—179; *ее же.* К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры.— Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника, вып. III, 1960; *ее же.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры.— НЭ, VI, 1968. с. 207—255.

[2] *Шилов В. В.* Эпиграфические находки в Серпухове.— АО — 1974. М., 1975, с. 89.

[3] *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси XVI века.— ИЗ, т. 10, 1941, с. 100.

[4] В. А. Рождественский видел следующие плиты: 1) инока схимонаха Лодыженского 1673 г.; 2) Михаила Ивановича Лодыженского 1625 г.; 3) его жены Анны Матвеевны 1651 г.; 4) его дочери Марии, в замужестве Леонтьевой, 1654 г.; 5) жены Федора Михайловича Лодыженского Ульяны 1649 г.; 6) Федора Абросимовича Лодыженского 1677 г.; 7) И. П. Пушечникова 1666 г.; 8) Агафьи Петровны Пушечниковой 1642 г.; 9) Федора Владимировича ...рапова 16... г. *Рождественский В. А.* Историческое описание Серпуховского Владычного монастыря. М., 1866, с. 19—21.

Д. К. Тренев писал об обширном некрополе Высоцкого монастыря, где погребались представители различных дворянских родов [5]. Он отметил также факт переноса надгробий из старого храма Афанасия Афонского конца XVII в. в новый, построенный в конце XIX в., когда плиты вделывались в стены нового храма. Именно при разборке этого позднего здания были обнаружены фрагменты двух древних надгробий.

Помимо монастырских некрополей каменные надгробные плиты были найдены у бывшей Воскресенской церкви и у Троицкого собора на Красной горе.

Всего в 1972—1975 гг. обнаружено 23 орнаментированных надгробных камня и фрагмента. Из них 13 на территории Высоцкого монастыря, в том числе 9 с надписями, 8 на территории Владычного, с надписями — 4. Плиты и фрагменты их доставлены в Серпуховский музей архитектором Н. Н. Свешниковым.

Почти все надгробия имеют значительные утраты орнамента и текста, что не позволяет дать их полный анализ. Фрагменты надгробных плит из Владычного монастыря были найдены в пробном раскопе внутри Алексеевского придела Введенской церкви на глубине 1,0—1,5 *м*. Все они XVI в. В какой части придела находились первоначально, установить невозможно. В общей стене придела и церкви находится белокаменный саркофаг XVII в., крышка которого орнаментирована жгутом. Три орнаментированные плиты обнаружены при разборке полов XIX в. в трапезной Георгиевской церкви того же монастыря, две из них с надписями на старонемецком языке.

Плиты из Высоцкого монастыря найдены разбитыми, и только некоторые из них, вероятно, недалеко от места их положения: № 1 — в подклете Зачатьевского собора на глубине около 1,0 *м*, № 2 — у северной апсиды собора на глубине 0,7 *м*, № 3 — под западной частью галереи собора на глубине около 1,0 *м*. Захоронений под ними не обнаружено. Рядом с плитой № 3 в земле находится каменный саркофаг с надписью XVII в., украшенный жгутовым орнаментом. Еще один камень с надгробной надписью был заделан в угол фундамента церкви Николая Чудотворца.

Сотная князя В. С. Фуникова 1552 г. зафиксировала на посаде Серпухова пятерых ремесленников, занимавшихся обработкой камня [6]. Надо полагать, что свои мастера по камню были и в монастырях, так как во второй половине XVI в. каменное строительство в них значительно активизировалось. Существование обработки камня в Серпухове отмечается и в документах XVII в.[7] В этом столетии были перестроены основные здания в Высоцком монастыре, в конце века построена церковь в честь Афанасия Афонского. Новые каменные сооружения появились и во Владычном монастыре.

Вкладная книга Высоцкого монастыря сообщает факт покупки двух каменных надгробий вкладчиком монастыря и указывает их цену. И. С. Колтовской в 1635 г. дал по И. А. Крюкову и его жене «30 рублев денег, и ис тех денег куплено 2 камени на гробы их, дано 5 рублев» [8]. Неизвестно только, приобретались надгробия у посадских ремесленников или изготовлялись в самом монастыре.

---

[5] *Тренев Д. К.* Серпуховский Высоцкий монастырь, его иконы и достопамятности. М., 1902, с. 85.

[6] *Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880, с. 153.

[7] Там же, с. 286: «Михайлов сын Савка, с сыном... и плотничают и каменное дело делают» были приписаны к посаду в 1649 г.

[8] Вкладная книга Высоцкого монастыря.— Архив СИХМ, инв. № 2809. Л. Д. Воронцова, видимо, не знала о том, что изданная ею вкладная книга Высоцкого монастыря (Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, т. 1. М., 1898 г.) представляет собой отредактированную копию 1729 г. (рукопись в архиве СИХМ, инв. № 1693) с вкладной книги, ведшейся в монастыре с конца XVI

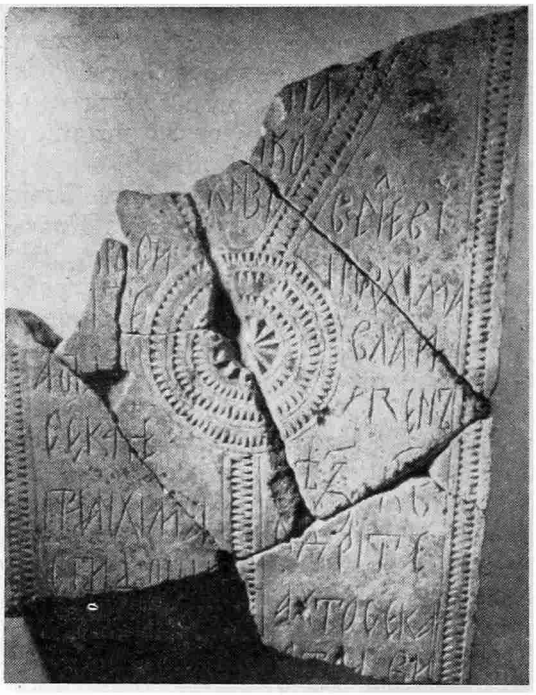


Рис. 1. Фрагмент надгробия с геометрическим орнаментом и полууставной надписью (1513—1514 гг.)

Нужно отметить одну особенность в оформлении некоторых надгробных плит XVI в., обнаруженных в Серпухове. Плиты с геометрическим орнаментом имеют тяги, отходящие от нижнего клейма к боковым сторонам, не закругленные, как обычно, а прямые. Судя по уже изданным плитам, подобная композиция орнамента не встречалась в других местах Подмосковья XVI в.[9] Видимо, эта особенность отличает надгробия, изготовлявшиеся в Серпухове местными мастерами.

Во всяком случае налицо традиция, ибо плиты с такого вида тягами резали на протяжении более чем полувека.

Тексты надписей на плитах служат ценным источником по социально-политической истории Серпуховского края. Они в какой-то мере восполняют отсутствие монастырских синодиков, позволяют уточнить хронологию монастырского строительства, генеалогию отдельных родов служилого дворянства.

Надписи на надгробиях из Высоцкого монастыря можно соотнести с записями в его вкладной книге, для плит Владычного монастыря такой возможности нет.

№ 1. 1513—1514 гг. Фрагмент надгробия с геометрическим орнаментом и полууставной надписью (рис. 1). Сохранившаяся часть сложена из восьми кусков различной формы и величины. Размеры ее: длина 77, ширина 57, толщина 9 *см*. В плане плита имела трапециевидную форму. Найдена в подклете Зачатьевского собора Высоцкого монастыря на глубине около 1,0 *м*.

Надгробие орнаментировано по краям полосками из двух рядов мелких треугольников. Примерно в середине сохранившейся части находится клеймо из крупных треугольников, обращенных вершинами к центру, в обводке из трех рядов мелких треугольников. От клейма отходят три тяги: две к боковым полоскам орнамента и одна вниз. Все сохранившиеся элементы орнамента очерчены линейным картушем. Это одна из самых ранних плит с прямыми тягами, обнаруженных в Серпухове.

Сохранившаяся часть надписи состоит из 10 строк, резанных вглубь полууставом.

1 ... НА
2 ... ИКОМ
3 ... КНЗИ ВАСИ(Л)ЕВИ(Ч)
4 ... РУСИ ПРИ АРХИМА
5 [НДР]ИТЕ ВЛАСИ
6 АПОЛОЖЕНЪ

по начало XVIII в., где были более полно и правильно записаны составы многих вкладов, их даты, имена вкладчиков. Неизвестна была более точная вкладная книга ни П. Ф. Симсону, ни Д. К. Треневу. Автор пользовался рукописью первой вкладной книги, хранящейся в Серпуховском музее, инв. № 2809.

[9] *Гиршберг В. Б.* Ук. соч., ч. I, с. 4; ч. II, с. 214.

Рис. 2. Фрагмент надгробия с геометрическим орнаментом и надписью инока Никифора (40—50-е годы XVI в.)

7 СЕ(С) КАМЕ(Н) [Л]ЕТ 7022
8 ПРИ АНХИМАНДРИТЕ
9 СПИДОНИИ А ХТО СЕ (С) КА
10 ...СТААВИ[10]

Орнамент и надпись на надгробии не составляют единого целого в художественном отношении. Это еще раз подтверждает наблюдения В. Б. Гиршберга и Т. В. Николаевой о том, что часто надпись резали по уже украшенному другим резчиком камню[11].

Архимандриты Спиридоний (в тексте надписи «Спидоний») и Власий не отмечены в «Списках иерархов и настоятелей Монастырей Российския церкви» П. Строева. Их имена приведены в списке настоятелей Высоцкого монастыря без указания на время их настоятельства Д. К. Треневым[12].

Кому принадлежало данное надгробие, установить не удалось из-за утраты его верхней части.

№ 2. 40—50 гг. XVI в. Фрагмент надгробия с геометрическим орнаментом и надписью инока Никифора (рис. 2). Верхняя часть надгробия сложена из шести кусков разной величины, размеры этой части: длина 68, ширина 70, толщина 3—5 *см* (плита расслоилась). Форма надгробия трапециевидная. Обнаружена у северной апсиды Зачатьевского собора Высоцкого монастыря.

Орнамент на плите — из двух рядов мелких треугольников, высеченных по краю плиты в два ряда, двух прямых тяг того же рисунка. От места присоединения тяг к внешней рамке орнамента идет вверх внутренняя рамка, вырезанная прямоугольными треугольниками, обращенными гипотенузами друг к другу, более крупными, чем треугольники внешней рамки. Орнамент очерчен линейным картушем.

[10] Тексты надписей даны в современной транскрипции, выносные буквы вставлены в строку в круглых скобках, утраченные, но восстанавливаемые по смыслу буквы взяты в квадратные скобки.

[11] *Гиршберг В. Б.* Ук. соч., ч. II, с. 213; *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры.— НЭ, VI, 1968, с. 208.

[12] *Тренев Д. К.* Ук. соч., с. 100.

Надпись из трех строк с элементами простейшей вязи вырезана довольно глубоко и чисто.

1 ПРЕСТАВИСЯ РА(Б)
2 БЖЕЙ ИНА(К) СКИ
3 МНИ(К) НИКИФА(Р)

Лигатур и подчинений в надписи нет, выносных букв четыре. Начертание многих букв сходно с начертаниями их в несложной вязи. Возможно, что текст продолжался и под нижним клеймом — частый случай в надгробных надписях [13]. Там могла помещаться и дата смерти Никифора. В надписи отразилось характерное «аканье» московского говора.

№ 3. 1565 г. Надгробие инока Ферапонта Бибикова (рис. 3). Намогильная плита сложена из двух частей. Размеры ее: длина 157, ширина вверху 70, внизу 52, толщина 9 *см*. В плане трапециевидная. Надгробие обнаружено под западной частью галереи Зачатьевского собора Высоцкого монастыря.

Орнамент плиты геометрический: из двух рядов мелких треугольников по краю плиты. На расстоянии 40 *см* от верхнего края плиты к внешней рамке орнамента присоединяются прямые тяги того же рисунка, что на рамке, отходящие от нижнего клейма, расположенного примерно по осевой линии плиты. Клеймо резано тремя концентрическими рядами мелких треугольников. Верхнее клеймо, разделяющее дату в первой строке надписи, того же рисунка, что и нижнее. Внутренняя рамка резана крупными равнобедренными треугольниками. Все элементы орнамента очерчены врезанной линией.

Надпись на плите выполнена несложной вязью.

1 В ЛЕТА 7073 [Г]О М(С)ЦА
2 ИОУЛЯ ЗО ДЕ(Н) НА ПАМЕ(Т) СТЫ(Х)
3 АПСТ(Л)А СИЛЫ И СИЛУЯНА ПРЕ
4 СТАВИСЯ РА(Б) БЖЕЙ (ИНОК) ФЕРЕПО
5 НТЪ БИБИКОВЪ

Орнамент и надпись хорошо увязаны между собой.

Связь представителей служилого рода Бибиковых с Высоцким монастырем прослеживается по вкладной книге и некоторым документам монастырского архива. Под 1589 г. во вкладной книге записан вклад Ивана Филатьевича Бибикова [14]. Предыдущий же по записи вклад Бибиковых без указания года и имен вкладчиков дан в память их родителя. Одна из дат поминовения его 30 июля [15]. Видимо, это был общий вклад Ивана, Григория и Семена Бибиковых по их отцу Филатею Константиновичу, который в родословии Бибиковых записан в девятом колене [16]. Бибиковы были землевладельцами Боровского уезда, где Ивану Филатьевичу принадлежала половина сельца Садков [17].

№ 4. Около 1580 г. Надгробие игумена Владычного монастыря Варсонофия (рис. 4). Намогильная плита сложена из восьми кусков разной формы и толщины, так как камень расслоился на пластины. Недостает правого верхнего угла и нижней части плиты. Размеры сохранившейся части: длина 119, ширина 61 *см*. В плане плита прямоугольная. Обнаружена внутри Алексеевского придела Введенского собора Владычного монастыря на глубине 1,5 *м*.

На лицевой поверхности сохранился орнамент, представляющий собой полосу жгута, резанного в два перевива, из трех нитей каждый, по

[13] *Гиршберг В. Б.* Ук. соч., ч. I, с. 17, 18, № 15 и др.
[14] Вкладная книга Высоцкого монастыря, л. 22.
[15] Там же, л. 21 об.
[16] Российская родословная книга, издаваемая князем П. Долгоруким, ч. IV. СПб., 1857, с. 290.
[17] Ныне на территории г. Чехова Московской обл.

Рис. 3. Надгробие инока Ферапонта Бибикова (1565 г.)

краю плиты. Сохранившиеся части дуговых тяг того же рисунка. Полосы жгута очерчены линейным картушем. На правой боковой стороне сохранился местами ложчатый орнамент.

Текст надписи, выполненный вязью в пять строк, сохранился неполностью.

1 Л Е (Т) 7 ...
2 Ф Е (В) Р У [А Р И Я] 5 [Д Е] (Н) П Р Е С (Т) А В И (С) Я Р А (Б)
3 Б̄Ж̄ (Е) Й И Г У М Е Н В О [Р]
4 С У Н О Ф Е (Й) В Л А Д Ы Ч
5 Н Я М О [Н А] С Т Ы Р Я

Рис. 4. Надгробие игумена Владычного монастыря Варсонофия (около 1580 г.)

Игумен Варсонофий был настоятелем монастыря с 1572 по 1580 г.[18] При нем активизируется хозяйственная деятельность. Игумен энергично добивался перехода в полное владение монастыря мельницы на р. Наре, которой монастырь владел совместно с посадскими людьми[19]. В 1580 г. Варсонофий добился по очередному челобитью, чтобы монастырю позволили владеть помимо одной и другой половиной р. Нары для рыбных ловель за оброк в 3 рубля[20].

№ 5. 1587 г. Надгробие Федора Куликова, человека князя И. М. Глинского (рис. 5). Массивная плита расколота на три части, нижний конец отломлен. Форма камня трапециевидная. Его размеры: длина 90, ширина вверху 61, внизу 55, толщина 26 *см*. Надгробие обнаружено при разборке полов XIX в. в трапезной Георгиевской церкви Владычного монастыря.

Орнамент на плите поздний геометрический из врезанных треугольников: мелкими орнаментированы внешняя рамка, прямые тяги и клеймо, крупными — внутренняя рамка.

Пять строк надписи сделаны вязью.

1 ЛЕТ 7095 МЦА ИЮЛЯ 17
2 ПРЕСТАВИСЯ БЛ ГОУРО(Д)ВЫ
3 ФЕОДО(Р) КУЛИКО(В) КНЯ ИВА
4 НА(В) ЧЛКЪ МИХАИЛОВИЧА
5 ГЛИ(Н)СКАГО

И. М. Глинский в 1587 г. дважды был воеводой в большом полку в Серпухове[21]. Ф. Куликов умер как раз во время второго периода его воеводства.

В надписи к Ф. Куликову относится прилагательное «БЛАГОУРОДВЫ». Думается, что без сокращений написанное будет читаться так: «БЛАГОУРОДИВЫЙ» — «юродивый», «блаженный»[22]. Юро-

---

[18] *Рождественский В. А.* Ук. соч., с. 32.
[19] *Симсон П. Ф.* Исгория Серпухова..., с. 234.
[20] Там же, с. 235.
[21] Разрядная книга 1475—1598 гг. Подготовка текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966, с. 381, 385.
[22] Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 1 (АБ). М., 1975, с. 231: «благоуродивый», «благоюродивый», «благоуродливый».

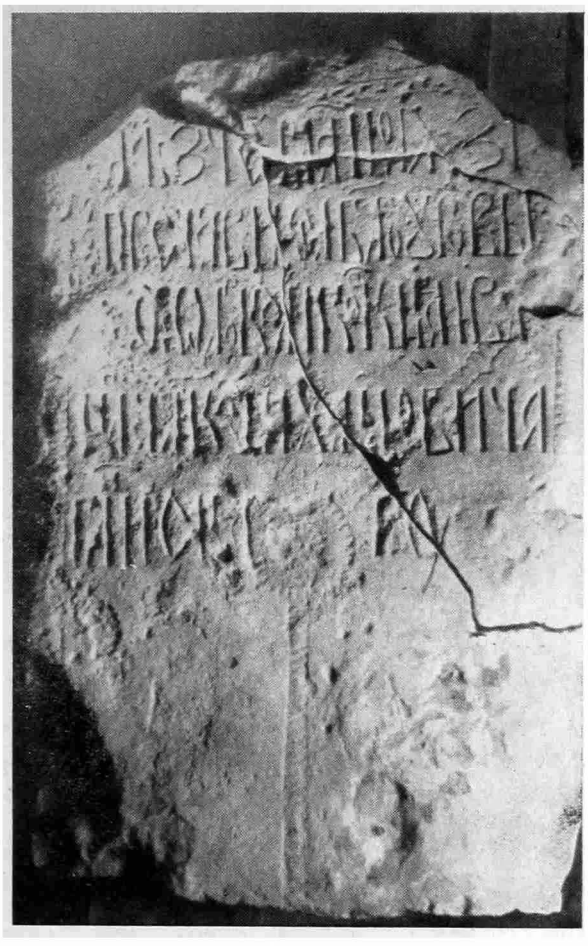


Рис. 5. Надгробие Федора Куликова, человека князя И. М. Глинского (1587 г.)

дивый вполне мог находиться в числе двора крупнейшего феодала, каким был князь И. М. Глинский.

№ 6. 1685 г. Надгробие Евдокии Зыковой, дочери К. Т. Зыкова (рис. 6). Камень с надгробной надписью Е. Зыковой обнаружен под колоннадой XIX в. южного портала Троицкого собора г. Серпухова. Размеры камня: длина 32, ширина 57, толщина 18—30 *см*. Орнамент отсутствует.

Текст из трех строк резан вязью вглубь. Не сохранилось начало первой строки и несколько букв в конце ее.

1 [ЛЕТА] 7193(Г)[О] МА(Р)ТА В 19(ДЕ)[НЬ]
ПРЕСТАВИСЯ[РА]БА
2 БЖИЯ МЛ[ДЕ]НЦЪ Е(В)ДОКИЯ СТО(Л)НИКА
КАН(Д)РА(Т)
3 ЕВА ДО(Ч) ТИХАНОВИЧА ЗЫКОВА

Отец Евдокии К. Т. Зыков в 1685 г. был воеводой в Серпухове. К нему адресована грамота царей Ивана и Петра о посылке из Серпухова «грацких всяких чинов людей помещиковых и монастырских крестьян и бобылей...» для «Каширского городового строительства». Воеводе велено было не взирать на отговорки тех, кто должен был выделять людей для посылки в Каширу, и доложить об исполнении в Пушкарский приказ князю В. В. Голицыну [23]. К. Т. Зыков воеводствовал в Серпухове около

[23] *Рождественский В. А.* Ук. соч., с. 147.

Рис. 6. Надгробие Е. Зыковой, дочери К. Т. Зыкова (1685 г).

трех лет. В 1688 г. он разбирал дело об обмене земель князя М. Ухтомского и подъячего А. Молчанова в Кинешмском и Романовском уездах по грамоте царей Ивана и Петра [24].

№ 7. 1692 г. Верхняя часть белокаменного надгробья (рис. 7). Два фрагмента плиты были обнаружены в пазе от сгнившей дубовой связи XVI в. одного из столпов подклета Зачатьевского собора Высоцкого монастыря. В сложенном виде они образуют верхнюю часть надгробной стенной плиты. Размеры ее: высота 29, ширина 63, толщина 15 *см*.

На лицевой поверхности плиты между двумя рамками высокого рельефа вырезана полоса растительного орнамента шириной 7,5 *см*. В средней части плиты в трехгранновыемчатой технике вязью резан текст, от которого сохранились две строки с утратами отдельных букв во второй.

1 ЛЕТА 7200 (Г) [О] МАЙЯ ВЪ 30 (ДНЬ) ПРЕ (С) ТА
2 ВИ (С) Я СТОЛНИКЪ И [ВА] (НЪ)... (С)...ЕВИ (ЧЬ)
МЕ (Н) [Ш] ОЙ

От имени умершего сохранилась первая буква «И» и вынесенные над строкой слигированные «Н Ъ», следовательно, оно будет читаться как «ИВАНЪ». В отчестве уцелело окончание «ВИЧЬ» или, возможно, «ЕВИЧЬ». Затем следует прозвище «МЕН...ОЙ» — «МЕНЬШОЙ». Во вкладной книге Высоцкого монастыря под 1692 г. помещена запись вклада, который, как мы думаем, имеет отношение к данному надгробию: «7200-го году июня в... день дано в дом пречистыя Богородицы в Высоцкой монастырь по Иване Алексеевиче Головине сорокоустных денег два рубля, да вкладу восемь рублев. И за тот вклад пожаловать его Ивана Алексеевича поминать и отца ево Алексея Ивановича [25]. В поколенной росписи рода Головиных написаны два Ивана Алексеевича. Один из них умер в 1701 г., следовательно, надгробие ему принадлежать не могло. Год смерти второго в росписи не указан [26]. Прозвище

[24] *Наспер Г. Н.* Краткий обзор документальных материалов XVII—XVIII вв. из бывшего архива Синода.— АЕ — 1959. М., 1960, с. 309.

[25] Вкладная книга Высоцкого монастыря, л. 93.

[26] Российская родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруким, ч. III. СПб., 1856, с. 107, 108.

Рис. 7. Верхняя часть белокаменного надгробия (1692 г.)

Рис. 8. Надгробие князя Ф. В. Засекина (1698 г.)

Рис. 9. Надгробие псковского митрополита Иосифа (1717 г.)

«МЕНЬШОЙ» в надписи указывает на отличие умершего И. А. Головина от первого. Вклад был сделан в ближайшее время после смерти И. А. Меньшого Головина 30 мая 1692 г., возможно, в день погребения, но дата вклада в записи не указана.

№ 8. 1698 г. Надгробие князя Ф. В. Засекина (рис. 8). Стенная надгробная плита разбита на восемь кусков, разных по форме и величине. В сложенном виде плита квадратной формы со стороной около 64 *см*, толщина ее 15 *см*. Находилась в северной стене разобранной ныне церкви Афанасия Афонского XIX в., куда была перенесена из стоявшей на этом месте церкви 1697 г.

На плите сохранилась надпись из пяти строк, выполненная вязью в обронной технике. Надпись окаймлена по краю профилированным бортиком.

1 ЛЕТА 7206 ГО(ГОДУ) ИУЛИЯ В 11 (Д̄Н)НАПА МЯ[Т]

2 С̄ТЫЯ М̄Ч̄ЦЫ И ПРЕ(Х)ВА(Л)ЫЯ ЕВ

3 ФИМИИ ПРЕСТ[АВИС]Я РА(Б) Б̄Ж̄И КО(М) НА(Т)

4 НО(Й) СТО(Л)НИ(К) К̄Н̄ЗЬ ФЕДО(Р) ВАСИ(Л)Е ВИ (Ч) ЗА

5 СЕКИ(Н) И ПО(Г)РЕБЕНО ТЕЛО Е(ГО) НА СЕ(М) МЕ(СТ)Е

Во вкладной книге Высоцкого монастыря записан вклад Ф. В. Засекина под 1697 г.: «205 генваря в 23 день дал вкладу в Высокой монастырь вкладчик спальник князь Федор Васильевич Засекин в церковь

Покрова пресвятыя Богородицы на иконы и на иконостас пятнадцать рублев». Затем следует запись, в которой объединены два разновременных вклада: «1705-го июля в 8 день дала вкладу в Высокой монастырь вкладчица княгиня Феврония Андреевна Засекина скирд ржи шестьдесят копен по цене за тритцать рублев по сыне своем по князе Петре Артемьевиче Засекине. Да их же столника князь Федора Васильевича вкладу шапка сребреная позлащеная, запонки яхонтовые в золоте з жемчюгами» [27]. Так как князь Ф. В. Засекин умер в 1698 г., то последний вклад не мог быть им сделан позднее этого года.

№ 9. 1717 г. Надгробие псковского митрополита Иосифа (рис. 9). Массивная белокаменная плита митрополита Иосифа обнаружена при разборке церкви XIX в. Афанасия Афонского в Высоцком монастыре, где находилась в южной стене храма. Размеры плиты: высота 62, ширина 72, толщина 26 *см*. Расколота на две части. По краю плиты вырезана орнаментальная рамка, поле которой заполнено изображением извивающегося стебля с цветами и листьями. Ширина рамки 4—5 *см*. Профилированный бортик отделяет рамку от плоскости, занятой текстом из 10 строк, выполненных вязью в обронной технике. В углублениях между буквами следы зеленой и красной красок, которыми когда-то была покрашена плита.

1 ЛЕТА О(Т) СОТВОРЕНИЯ МИРА 7225 Г(О)И О(Т) ВОПЛО

2 Щ (Е) НИЯ И С Ъ Х Р С Т...А 1717 ИЮНЯ 19 ЧИ

3 (С)ЛА ВО 8 ЧАСУ ДНИ Н[А] ПАМЯТЬ СТАГО АП(С)ТЛА

4 ИУДЫ БР[А]ТА ГСДНЯ ПРЕСТАВИСЯ РА(Б) БЖИ(Й)

5 ВЕЛИКИ(Й) ГСДИ(Н) ПРЕОСЩЕННЫ(Й) ИОСИФЪ МИ(Т)

6 РОПОЛИ(Т) ПСКО(В)СКИЙ И З...И О(Т) РО(Ж)-ДЕНИЯ

7 ЖИТИЯ С[В]ОЕГО ПОЖИВЕ... 7 ЛЕТЪ

8 ВО А(Р)ХИЕРЕ(Й)СТ[В]И(И) СВОЕ(М) ПРЕСТО(Л) УПРАВЛЯШЕ

9 В ВЕЛИКО(М) ГРА[ДЕ] ПСКОВЕ ОН 1[8] ЛЕТЪ И ПО(Г)РЕ

10 БЕ(Н) ВСЕ (И) СТЕЙ ОБИТЕЛИ НА СЕМ МЕСТЕ

Утраты некоторых букв не позволяют прочитать отдельные слова. В шестой строке невозможно прочитать слово, начинающееся на букву «З» и кончающееся на «И», в седьмой не удалось прочитать дату из двух цифр, первая цифра плохо просматривается.

Многословность текста характерна для надписей на плитах второй половины XVII — начала XVIII в. Для резчика стоило большого труда разместить текст на отведенной ему площади, и несколько букв он вырезал на профилированном бортике.

Митрополит Иосиф происходил из дворянского рода Римских-Корсаковых [28]. Был возведен в сан митрополита Псковской, Лифляндской и Кур-

[27] Вкладная книга Высоцкого монастыря, л. 103.

[28] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., изданная Н. Новиковым, ч. II. М., 1787, с. 324.

ляндской епархий в 1699 г., до этого пребывал архимандритом Московского Высокопетровского монастыря, «...по 18-летнем правлении 1717 года, генваря 1 дня оставил епархию, отошел в Серпуховской Владычен монастырь, и там того же года в июне скончался» [29].

В библиотеке Высоцкого монастыря находились две книги «Скрижаль Духовная», напечатанные в 1656 году в Москве, в 4-ку. В этих книгах по листам имеется следующая надпись: «По указу Государя царя Петра Алексеевича пожалована ближним Боляриным Князем Петром Ивановичем Прозоровским по преосвященном митрополите Иосифе Псковском [30].

Серпуховские находки ценны тем, что они представляют собой комплекс памятников белокаменной резьбы, изучение которых позволяет говорить о существовании в Серпухове в XVI—XVIII вв. мастеров, изготовлявших орнаментированные надгробные плиты в большом количестве и имевших заказчиков в монастырях и среди частных лиц. Мастера могли изготовлять плиты впрок на продажу или вкладывать их в монастыри, как это имело место и в Троице-Сергиевом монастыре [31].

V. V. Shilov

THE TOMBSTONES WITH INSCRIPTIONS FROM SERPUKHOV

Summary

The article is devoted to tombstones, discovered in the course of restoration and archaelogical observations on the territory of former Visotsky and Vladichniy monasteries and some churches of Serpukhov. The analysis of decoration patterns on tombstones from Serpuchov leads to the conclusion about existance of local traditions. These traditions were expressed by the ties, coming from the lower ornamental element, which were cut straight and not rounded, as on tombstones from Moscow or Trinity-St. Sergius monastery. Comparison of inscriptions on the tombstones makes it possible to determine presence of craftsmen-engravers of high qualification in the town in XVI—XVII centuries, and also the price of production of tombstones.

---

[29] *Амвросий.* История российской иерархии, ч. 1. М., 1807, с. 127.
[30] *Тренев Д. К.* Ук. соч., с. 98.
[31] *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах..., с. 209.

Заметки

В. П. КСЕНЗОВ

ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЕРЕГОВАЯ СЛОБОДА НА ДНЕПРЕ

(по раскопкам 1977 г.)

Первое мезолитическое поселение на Днепре было обнаружено В. Е. Данилевичем в 1893 г.[1] В 20-е годы в Верхнем Поднепровье проводил исследования К. М. Поликарпович, итогом которых явилось выявление ряда мезолитических поселений и появление первой обобщающей работы по мезолиту Белоруссии[2]. С 60-х годов исследования мезолитических памятников Верхнего Поднепровья проводят В. Д. Будько[3], В. Ф. Исаенко и И. М. Тихоненков[4], В. Ф. Копытин[5]. Все памятники, обнаруженные на Днепре в пределах Белоруссии, отнесены исследователями к раннему мезолиту.

В 1977 г. на Днепре автором было открыто позднемезолитическое поселение Береговая Слобода (Речицкий р-н Гомельской обл). Поселение располагается на западной окраине деревни, занимая участок второй надпойменной террасы правого берега Днепра, превышающий меженный уровень реки на 24 *м*. При осмотре распаханного поля было обнаружено несколько скоплений расщепленного кремня. На их месте было заложено два раскопа.

Раскоп I площадью 154 $м^2$ был расположен в северной части поля. Его стратиграфия:

1. Пахотный слой	0–0,2–0,3 *м*
2. Светло-желтый мелкозернистый песок, включающий тонкие прерывистые прослойки супеси	0,2–0,3–0,5 *м*
3. Светло-желтый слоистый разнозернистый песок, прокопан до глубины	1,2 *м*

Культурные остатки залегали на глубине 0,20—0,5 *м* от современной поверхности в светло-желтом мелкозернистом песке. Большое количество кремня встречено в пахотном слое. На вскрытой площади находки распространялись довольно равномерно, не образуя заметных скоплений. В раскопе были расчищены остатки четырех очагов. Один очаг округлой формы располагался в центральной части раскопа в кв. Ж-5 на глубине 0,23 *м* от поверхности. Заполнение очага, имеющего в разрезе котлооб-

---

[1] *Данилевич В. Е.* Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии, исследованная летом 1893 г.— «Киевская старина», т. XIX, 1895, с. 12—18.

[2] *Поликарпович К. М.* Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья.— Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V. М.— Л., 1934, с. 75—87.

[3] *Будько В. Д.* Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии.— МИА, № 126, 1966, с. 35—46.

[4] *Исаенко В. Ф., Тихоненков И. М.* Об ареалах археологических культур каменного и бронзового веков на территории Белорусского Поднепровья.— В сб.: Вопросы истории и археологии. Минск, 1966, с. 306—312.

[5] *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии. Автореф. канд. дис. Л., 1977.

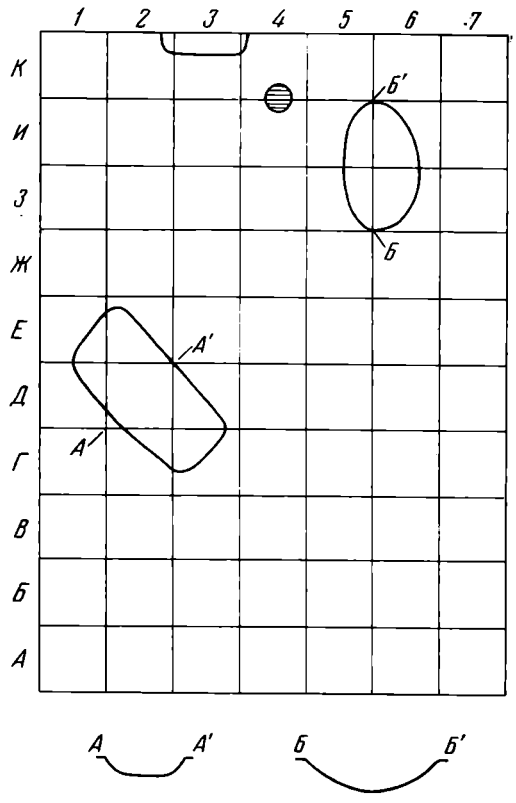


Рис. 1. План раскопа II поселения Береговая Слобода

разную форму,— зола и мелкие угольки. В юго-восточной части раскопа были расчищены еще два очага, один из которых линзовидный в сечении, правильной овальной формы, размером 0,9×0,64 *м*, находился на стыке кв. Г-9; Д-9; Г-10; Д-10 на глубине 0,25 *м*. Ориентирован очаг с юго-востока на северо-запад. Второй был расчищен в юго-восточном углу раскопа и хорошо просматривался в южной и восточной стенках раскопа. В разрезе он имел котлообразную форму, в заполнении были зола, мелкие угольки и обожженный кремень. Четвертый очаг находился в восточной части раскопа в кв. А-6. Котлообразный в сечении, он имел округлую в плане форму диаметром до 0,3 *м*. Всего в раскопе найдено 149 кремневых предметов, среди которых 17 орудий.

Раскоп II, площадью 70 $м^2$, был заложен в 169 *м* к югу от раскопа I. Его стратиграфия, глубина и условия залегания находок аналогичны первому раскопу. В раскопе прослежены интересные бытовые детали. При зачистке на фоне светло-желтого песка были выявлены пятна рыжего цвета. В западной части по линии кв. Г-2; Г-3; Д-1; Д-2; Д-3; Е-1; Е-2 на глубине 0,25 *м* от современной поверхности расчищена яма в форме прямоугольника с закругленными углами, ориентированная с юго-востока на северо-запад (рис. 1). Размеры ее 2,7×1,25 *м*, глубина 0,28 *м*. В разрезе яма линзовидная, плоско-выпуклая книзу. Ее заполнение имело сложный характер: на дне лежала прослойка темно-коричневого цвета мощностью до 5 *см*. Выше нее залегал песок темно-желтого цвета с включением большого количества мелких угольков, приобретающий вверху рыжую окраску. В заполнении ямы найдено 15 расщепленных кремней. Вторая яма находилась в северо-восточной части раскопа в кв. З—5; З-6; И-5; И-6. В плане она имела форму вытянутого овала размером 2×1,2 *м*, ориентированного с севера на юг. Глубина ямы от современной поверхности 0,72 *м*, от основания культурного слоя — 0,47 *м*. В разрезе яма имела линзовидную плоско-выпуклую книзу форму. Ее заполнение имело многослойный характер: на дне залегал слой песка темно-коричневого цвета мощностью до 15 *см*, выше которого находился песок коричневатого оттенка, переходящий кверху в песок рыжеватого цвета. В заполнении обнаружено 16 изделий из кремня, встречались отдельные мелкие угольки. Дно ямы фиксировал оббитый кусок кварцита.

В северной части раскопа II в кв. И-4; К-4 был расчищен очаг размером 0,4×0,38 *м*. Форма очага округлая, сечение котлообразное. Глубина от поверхности 0,24 *м*, от основания культурного слоя — 0,18 *м*.

Находки в раскопе довольно малочисленны. Всего на открытой площади найдено 103 кремневых предмета, из них 7 орудий.

Помимо раскопок на вспаханном поле постоянно собирался подъемный материал, значительно пополнивший коллекцию и давший ряд интересных орудий.

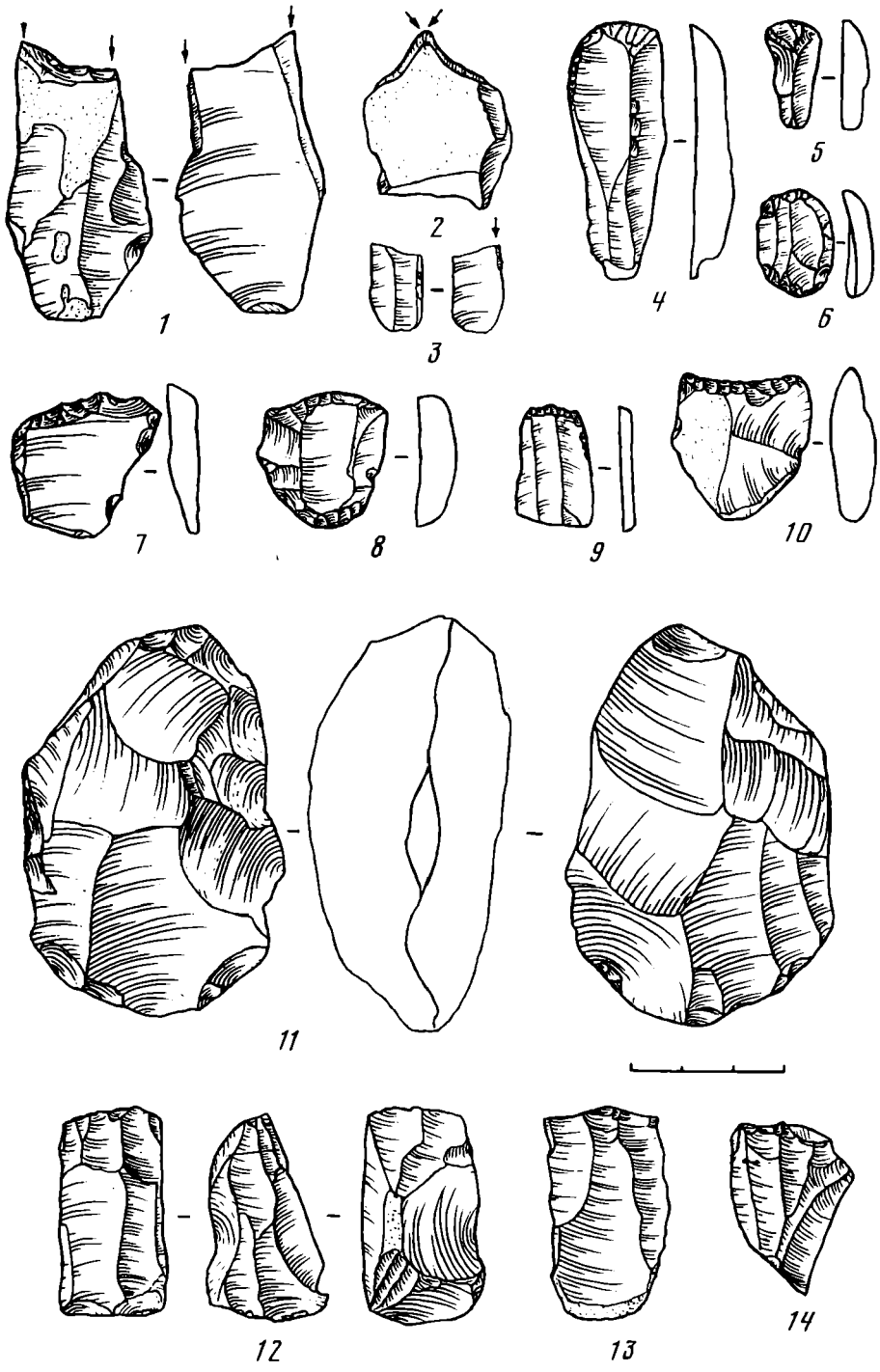


Рис. 2. Кремневые орудия

В коллекцию поселения Береговая Слобода входят 2484 кремневых и кварцитовых предмета, из которых 385 со вторичной обработкой (15% всех находок). Материалом для их изготовления служит серый мелкокрапчатый меловой кремень. Единичны кремни розовато-лилового цвета.

Нуклеусов на поселении найдено 35 экз., 4 из них расколоты по продольной оси. Размеры их колеблются от 2,5 до 5,5 *см* в длину. 3 нуклеуса имеют коническую форму (рис. 2, *14*), 1 из них сохранил на тыльной стороне меловую корку. 21 нуклеус относится к призматическим и уплощенно-призматическим (рис. 2, *12*, *13*). 16 экземпляров этого типа двуплощадочные, среди которых выделяются заготовки со слегка скошенными

ударными площадками (рис. 2, *12*). Остальные нуклеусы имеют аморфные очертания в связи с односторонним снятием заготовки и наличием на тыльной стороне меловой корки. В коллекцию входит нуклеус от отжимания микропластинок. На поселении найден также желвак с подготовленными для скалывания ударными площадками, характеризующий начальную стадию использования нуклеуса.

Основным типом заготовок для орудий служили пластины, на которых изготовлено 81,6% всех орудий, тогда как на отщепах изготовлено только 14%. Большой процент использования пластин для изготовления орудий свидетельствует о высоком развитии пластинчатой техники. Остальные орудия изготовлены на сработанных нуклеусах, осколках кремня.

На поселении найдено 518 различных пластин и их обломков, 1575 отщепов и осколков кремня. Размеры пластин от 2,5 до 6 *см* в длину. 35,7% всех пластин имеют частичную обработку края, в то время как среди отщепов обработку края несут только 4%.

Одну из многочисленных групп орудий составляют скребки — 24 экз. (17,6% всех орудий). Размеры орудий колеблются от 1,5 до 4,5 *см* в длину при ширине 1,5—2 *см*. 18 скребков изготовлено на ножевидных пластинах, их сечениях или обломках, 4 — на отщепах и 2 — на ребристых пластинах. Почти все скребки концевые, имеют прямое или слегка округленное рабочее лезвие, оформленное, как правило, крутой ретушью (рис. 2, *4—9*). Ретушь иногда заходит на края орудий. У одного скребка рабочий край слегка скошен влево (рис. 2, *7*) два скребка — двойные, с противоположными рабочими краями (рис. 2, *6*, *8*). Скребки на отщепах имеют дугообразный рабочий край, у одного из которых он оформлен с брюшка. Единичен скребок с вогнутым лезвием (рис. 2, *10*).

Резцов найдено 15 экз. (11% орудий). Большая часть изготовлена на пластинах (7 экз.), два — на отщепах, четыре — на краевых сколах с нуклеусов, один — на сколе с ударной площадки нуклеуса и один — на массивном осколке кремня. Пять резцов боковые, их резцовое лезвие образовано плоским резцовым сколом, нанесенным на углу заготовки, и крупнофасеточной ретушью, которой, как правило, обработан конец пластины (рис. 2, *1*; 3, *38*). У двух орудий ретушированный конец слегка вогнут, у остальных он выпуклый. Три резца углового типа, рабочий край оформлен на сломанном конце заготовки (рис. 3, *39*, *40*). Два резца срединных, лезвие одного скошено к краю заготовки (рис. 2, *2*). В эту группу орудий входят изделия с мелкими резцовыми сколами (рис. 2, *3*), которые нанесены на углу заготовки.

Выразительной группой орудий представлены наконечники стрел — 10 экз. (5,2% орудий) (рис. 3, *1—6*). Их размеры колеблются от 2,5 до 3,7 *см* в длину при ширине 1—1,5 *см*. Наконечники изготовлены на правильно ограненных ножевидных пластинах, пять из них целые, пять найдены во фрагментах (черешковые части). Все они черешковые, черешок выделен по краям крутой ретушью со спинки (7 экз.), с брюшка (1 экз.), на одном наконечнике черешок обработан противолежащей ретушью. Кроме того, у наконечников подправлено перо. Острие одного орудия скошено крутой ретушью со спинки по одному краю (рис. 3, *2*), у двух других наконечников обработано крутой противолежащей ретушью по обоим краям, причем острие одного оформлено в виде выемки (рис. 3,*3*). Остальные наконечники несут на острие лишь мелкую ретушь. Интересен небольшой свидероидный черешковый наконечник с обломанным острием (рис. 3, *6*). Он изготовлен на пластинке, черешок обработан со спинки по обоим краям крутой ретушью, с брюшка — плоской. По технике обработки к нему близок один из фрагментов.

Довольно многочисленны (12 экз., 89%) в коллекции изделия с выемкой (рис. 3, *35—37*). 8 экз. изготовлены на ножевидных пластинах, остальные — на отщепах и нуклевидных кустах кремня. Изделия представлены двумя типами: одновыемчатыми и многовыемчатыми. Выемки

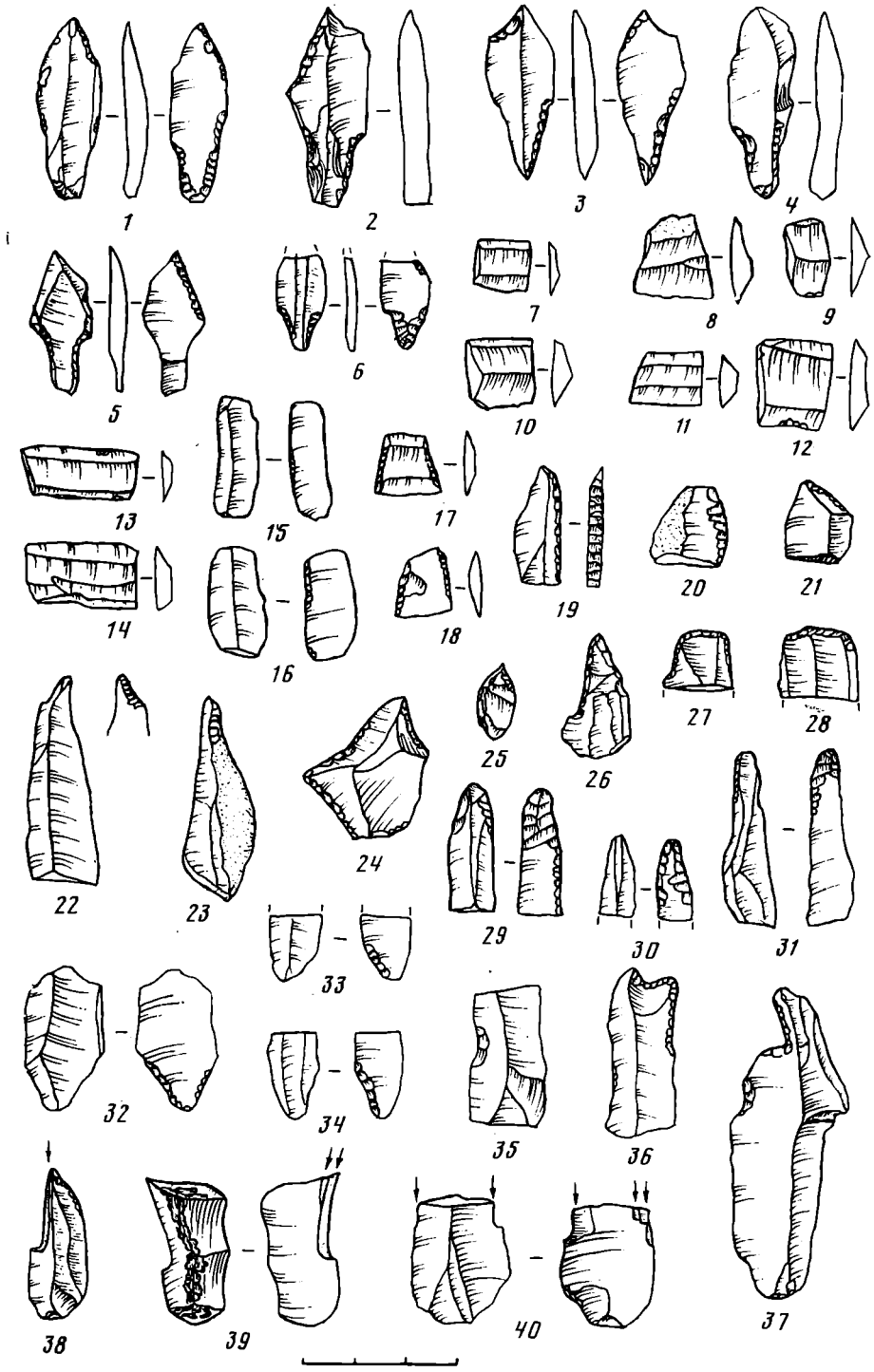


Рис. 3. Кремневые орудия

располагаются на спинке или на брюшке по одному, реже по двум краям, встречаются изделия с выемками на спинке и на брюшке. Формируются они обычно крутой крупнофасеточной ретушью.

Самую многочисленную группу орудий (32 экз., 24% орудий) в коллекции составляют сечения пластин (рис. 3, *7—14*). В основном они делятся на два типа: короткие (длина их едва превосходит ширину, равна ей или меньше ее) [6]—18 экз. и длинные (длина которых более чем в 2 ра-

[6] *Гурина Н. Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР.— КСИА АН СССР, № 149, 1977, с. 24.

за больше ширины) — 14 экз. Наряду с прямоугольными встречены сечения трапециевидной формы (рис. 3, *13*). Три экземпляра несут на краях мелкие резцовые сколы, края 12 сечений пластин обработаны мелкой ретушью как со спинки, так и с брюшка. К вкладышам следует отнести три пластинки небольшого размера, имеющие на краях мелкую приостряющую ретушь (рис. 3, *15*, *16*). В эту группу орудий входит также пластинка с притупленной спинкой (рис. 3, *19*).

На поселении найдены две равнобедренные трапеции, поперечные края которых обработаны тщательной ретушью со спинки (рис. 3, *17*, *18*).

Проколки (рис. 3, *22—26*) в коллекции представлены 11 экз. (7,9% орудий). Большинство их изготовлено на пластинах (6 экз.), часть на отщепах (2 экз.) и на ребристых пластинах (3 экз.). Все проколки имеют острие, оформленное в большинстве случаев крутой мелкофасеточной ретушью.

Единичны пластинки со скошенным ретушью концом (рис. 3, *20, 21*). Край одного орудия скошен крутой ретушью под углом в 45°, у двух других скос составляет до 20° и обработан мелкой приостряющей ретушью.

Группой в 5 экз. (3,6% всех орудий) представлены сверла-провертки (рис. 3, *29—31*), изготовленные на пластинах. Рабочие лезвия ретушированы крутой ретушью по краям со спинки и плоской ретушью с брюшка.

В коллекцию входят также два фрагмента пластинок с концом, затупленным крутой мелкой ретушью (рис. 3, *27*, *28*).

Отдельную группу орудий составляют пластинки с крутой ретушью по краям у основания (рис. 3, *32—34*). У 2 экз. ударный бугорок снят несколькими фасетками.

Рубящие орудия найдены на поселении в количестве 3 экз. (2,2% орудий). Среди них овальный грубооббитый топор размером 7,5 *см* в длину при ширине 5 см, заготовкой которому служил одноплощадочный нуклеус (рис. 2, *11*), в некоторой степени уплощенный поперечными сколами. Лезвие оформлено с обеих сторон крупными сколами. Два других орудия размером 4,5×3,5 и 4×3 *см* оформлены на расколотых нуклеусах. Лезвия их обработаны небольшими сколами, на одном имеются следы нерегулярной ретуши.

Инвентарь поселения Береговая Слобода своеобразен. Геометрические орудия вместе с наконечниками стрел сочетаются с крупными примитивными формами рубящих орудий, которые появляются в памятниках позднего мезолита в Посожье, Западном Полесье, северо-западной Белоруссии, бытуют в мезолитических поселениях Литвы [7]. Вместе с тем характерными чертами инвентаря являются высокое развитие пластинчатой техники, употребление в качестве заготовок для орудий главным образом пластин, малое количество и невыразительные формы резцов, отсутствие комбинированных орудий, что указывает на позднемезолитический возраст памятника. Довольно интересны корытообразные ямы, функциональное назначение которых пока не вполне ясно.

Наличие в инвентаре Береговой Слободы наконечников постсвидерского облика и типа Хинтерзе, овального топора, боковых резцов, трапеций и сечений пластин сближает ее с группой памятников позднего мезолита Юго-Восточной Белоруссии, расположенных в Посожье [8]. Однако наряду с общими чертами отчетливо выступают и особенности памятника, проявляющиеся в ином процентном соотношении групп и типов кремневых изделий, использовании иного типа заготовок для орудий.

---

[7] *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии.— КСИА АН СССР, № 149, 1977, с. 61—66; *Исаенко В. Ф.* Мезолит Припятского Полесья.— Там же, с. 53—59; *Гурина Н. Н.* Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии.— МИА, № 131, 1965, с. 141—204; *Римантене Р. К.* Основные черты мезолита Латвии.— КСИА АН СССР, № 147, 1977, с. 66—69.

[8] *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии.— КСИА АН СССР, № 149, с. 61—66.

В. А. КОЛОТУХИН

ПОСЕЛЕНИЕ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХОЛОДНОЙ БАЛКЕ У СИМФЕРОПОЛЯ

Несмотря на то, что к настоящему времени открыто значительное количество кизил-кобинских поселений (по данным А. М. Лескова, около 100) [1], они еще довольно слабо изучены. Небольшие размеры раскопок и неполная публикация материалов затрудняют анализ материальной культуры населения, оставившего эти памятники, и приводят к различной исторической интерпретации [2]. В работах, посвященных таврской и кизил-кобинской культуре, кухонная керамика оставлена практически без внимания. Это в равной мере касается как статей [3], так и единственного пока монографического исследования [4].

Во время разведок на кизил-кобинском поселении в Холодной балке была получена коллекция керамики, публикации которой и посвящена настоящая работа.

Поселение находится в 4 *км* к югу от Симферополя. Оно расположено на северо-восточном склоне Холодной балки вдоль пересохшего здесь русла Западный Булганак. Его длина с северо-запада на юго-восток 350—400 *м*, ширина не более 80 *м*. Примерно половина поселения в настоящее время разрушена: по его центру с северо-запада на юго-восток проходит шоссе Симферополь — Партизаны, выше которого снят откос шириной до 12 *м*; дальше по склону находятся террасы для лесонасаждений. Непотревоженной осталась лишь узкая полоса между шоссе и руслом реки (20—30 *м*). Насколько можно судить по срезам террас и откосу, четко выраженного культурного слоя на поселении нет. Отдельные находки залегают на глубине 0,4—0,7 *м*, что, по видимому, соответствует древней дневной поверхности. На фоне желтого суглинка всего откоса выше шоссе прослеживаются более темные пятна заполнения хозяйственных ям. Раскопки свелись к их доследованию.

В плане ямы имели округлую форму, в разрезе цилиндрическую или колоколовидную. Их диаметр по дну от 1,1 до 1,7 *м*, сохранившаяся глубина — не более 1 *м*. Четыре ямы из десяти были «спаренными» — у дна они соприкасались; характер заполнения, а также находки обломков идентичных сосудов позволяют предполагать их единовременное сооружение. Две ямы были заполнены смешанным грунтом (гумус, суглинок), включавшим значительное количество обломков посуды (до 500 экз.), костей животных и золу; одна на высоту до 0,35 *м* — золой, остальные — слабогумусированным смешанным грунтом и камнями, преимущественно плоской или уплощенной формы и разного размера; находки керамики и костей животных в последних единичны. Таким образом, часть ям использовалась на поселении в качестве мусорных (вторичное использование), остальные служили иным хозяйственным целям и были заполнены землей уже после прекращения жизни на поселении.

Вся керамика, полученная в результате зачистки ям, лепная и делится на нелощеную кухонную и лощеную столовую. В группу кухонной мы

---

[1] *Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1955, с. 19.

[2] Там же, с. 192; *Крис Х. И.* О таврах и кизил-кобинской культуре.— ВДИ, 1971, № 4, с. 169; *Шепинський А. О.* Населення південного берега Криму в епоху раннього заліза.— Археологія, 1977, № 21, с. 37, 38.

[3] *Крис Х. И.* Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане.— КСИИМК, № 58, 1955, с. 41; *ее же.* О периодизации кизил-кобинской культуры.— СА, 1961, № 4, с. 68 сл.; *О. Д. Дашевская.* Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры.— КСИИМК, XXXIX, 1951, с. 115; *ее же.* Симферопольское раннетаврское поселение.— СА, 1958, № 3, с. 194.

[4] *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 92.

включаем грубые горшки большого размера, служившие, очевидно, домашней тарой, в группу столовой — лощеные корчаги, размеры которых позволяют рассматривать их также в качестве тары.

Кухонная посуда представлена горшками разных размеров. Тесто этой группы керамики, как правило, черное, плотное, с мельчайшими естественными примесями известняка. В качестве искусственных примесей использовался крупный песок или толченая ракушка, их наличие в тесте черепка не обязательно. Внутренняя поверхность горшков хорошо заглажена или подлощена, наружная — грубая. Обжиг чаще всего неравномерный. Поверхность черного, серого, бурого цветов, отдельные фрагменты имеют ярко-красный цвет. Иногда черепок прокален на треть толщины. Характерной особенностью большинства кухонных горшков является относительно короткая шейка, выделенный поддон и скругленный венчик. Реконструируемые экземпляры можно разделить на следующие группы.

1. Некрупные горшки (диаметр венчика не более 15 *см*) со слабо выпуклыми плечиками, расположенными в верхней трети высоты сосуда, широким устьем и широким дном (рис. 1, *1—3*). Высота горшка равна или диаметру венчика, или диаметру дна. В последнем случае горшок имеет приземистую банковидную форму. На венчике одного из них — три расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга уплощенных налепа (рис. 1, *2*).

2. Горшки этой группы отличаются от предыдущих более крупными размерами и вытянутой формой (рис. 1, *5*, *10*). Высота сосуда приблизительно равна диаметру тулова. Диаметр венчика от 15 до 32 *см*, высота от 20 до 50 *см*.

3. Горшки с шаровидным туловом; шейка поставлена прямо (рис. 1, *6*) или под углом к плечикам (рис. 1, 7), переход шейки в плечо плавный, наибольший диаметр приходится на середину высоты сосуда. Диаметр венчика 15—20 *см*. По плечикам одного из них проходит невысокий налепной валик.

По-видимому, к этому же типу принадлежат фрагменты горшка с дуговидной шейкой, отделенной от плечиков небольшим уступом, от которого по тулову спускаются врезные линии. На венчике — небольшой уплощенный налеп. Диаметр сосуда по краю 18 *см* (рис. 1, *12*).

4. Горшки со сравнительно высокой отогнутой шейкой, которая плавно переходит в покатые плечики. Диаметр тулова соответствует диаметру венчика или немного превышает его. Они небольшого размера и вытянутой формы (рис. 1, *4*, *14*).

5. Фрагментированный горшок банковидной формы с короткой немного отогнутой шейкой и косо срезанным краем. Наибольший диаметр сосуда приходится на венчик. Тулово украшено врезными линиями (рис. 1, *9*).

Кроме того, в заполнении ям было найдено два фрагментированных горшковидных сосуда, профиль которых целиком не восстановлен. В то же время реконструируемая верхняя часть позволяет причислить их к группе горшков лишь с оговорками. Один из них имеет широкое устье, короткую прямую шейку, поставленную под углом к плечикам и низкое биконическое тулово. Диаметр венчика 26 *см*, тулова — 28,5 *см*. Наружная поверхность заглажена небрежно, внутренняя — более тщательно (рис. 1, *15*). Второй сосуд подлощен с двух сторон. У него сравнительно высокая шейка и сильно раздутое тулово приплюснуто-шаровидной формы. Диаметр венчика 28 см, тулова 43 *см* (рис. 1, *11*).

На поселении найдено несколько обломков цедилок, служивших для приготовления молочных продуктов. Судя по реконструируемым фрагментам, они имели форму горшка без дна (рис. 1, *8*, *13*). Шейка короткая, покатые плечики переходят в слабо выпуклое тулово, придонная часть сужена.

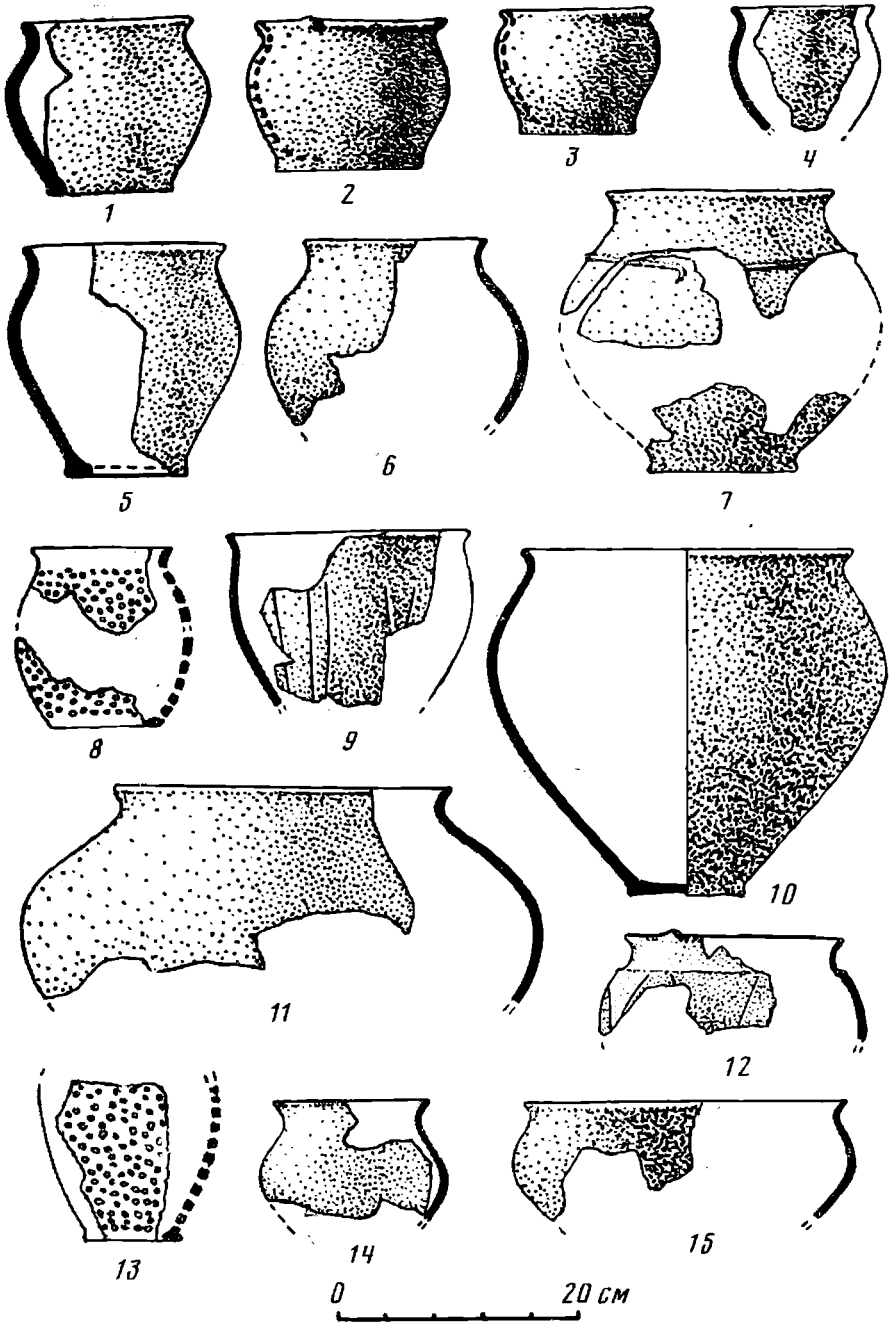


Рис. 1. Лепная керамика поселения в Холодной балке

Столовая посуда представлена корчагами, горшковидными сосудами, мисками, чашками, сосудами чашевидной формы, кубками и черпаками. Почти вся посуда этой группы лощеная; лощение черного, серого, реже бурого или красноватого цвета. Нарезной орнамент выполнен острием, штамп неизвестен. Тесто черное, иногда с коричневатым оттенком, плотное, в единичных случаях с незначительной примесью песка. Толщина черепка различная и не зависит от размеров сосуда.

У одной корчаги удалось собрать полный профиль (рис. 2, *3*). Она имеет сильно отогнутый венчик, высокое коническое горло и биконическое тулово. Под венчиком — налепной валик, плечико выделено небольшим уступом, на котором расположены две остроконечные шишечки

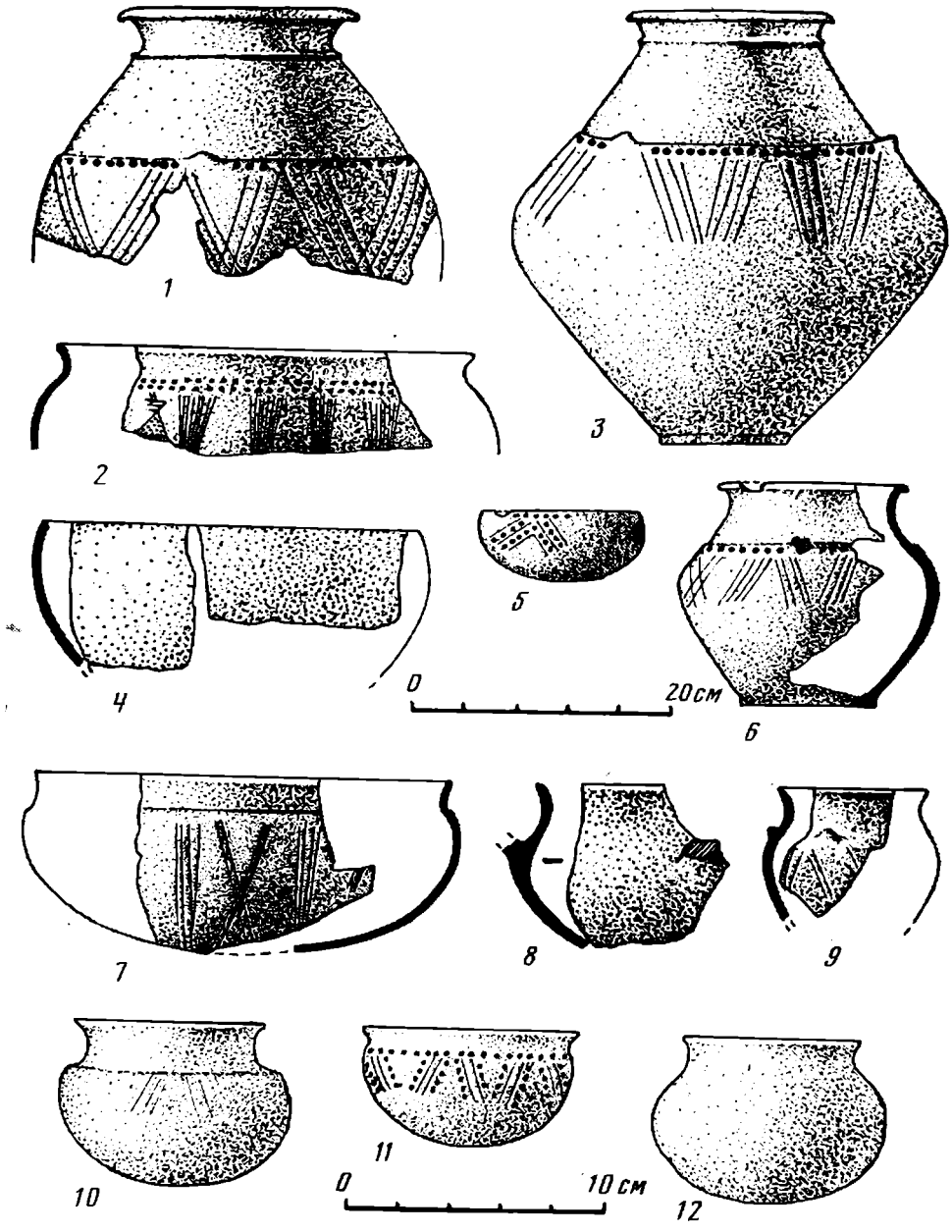


Рис. 2. Лепная керамика поселения в Холодной балке

(всего их было, очевидно, три) и ряд точечных вдавлений, от которых спускаются группы наклонных линий. Высота сосуда 34 *см*, диаметр венчика 17 *см*, тулова — 33 *см*, дна — 8,5 *см*. Толщина черепка 5—6 *мм*. Лощение черное, двустороннее.

Вторая корчага реконструирована лишь частично (рис. 2, *1*). За счет округлости тулова она имеет более плавные очертания. Увеличение диаметра венчика (19 *см*) по отношению к диаметру тулова (30 *см*) придает ей вытянутую форму. Валик и уступ выражены слабо. Корчага буролощеная. Толщина черепка 8—10 *мм*. Оба сосуда найдены в одной яме.

Лощеные горшковидные сосуды представлены 2 экз. Один из них имеет хорошо отогнутый венчик, высокую дуговидную шейку, отделенную от плечиков небольшим уступом, по которому проходит ряд точечных вдав-

лений со спускающимися от них группами наклонных линий. Высота горшка 17,5 *см*, диаметр венчика 15 *см*, дна — 11 *см* (рис. 2, *6*).

У второго горшка реконструируется только верхняя часть (рис. 2, *2*). Он имеет короткую, немного изогнутую шейку, скругленный венчик и покатые плечики. Его диаметр по краю 32 *см*, диаметр тулова 36 *см*. В месте перехода шейки в плечики — два ряда точечных вдавлений, от которых спускаются группы врезных линий. Сохранилась часть более сложного орнамента, представляющего собой заполненный точками треугольник с выступающими от углов линиями; от одной из последних под углом отходят три коротких отростка, от верхнего из них — еще два.

В трех ямах найдены фрагменты крупных лощеных мисок. У них дуговидные стенки и косо срезанный венчик. Диаметр мисок по краю 30—35 *см*. Поверхность черного или бурого цвета (рис. 2, *4*).

Чашки небольшого размера. Всего их на поселении найдено две. Одна имеет дуговидные стенки и округлое дно с лунковидным углублением в центре. Ее диаметр по краю 12,5 *см*, высота 6,5 *см* (рис. 2, *5*). Вторая отличается от первой меньшими размерами, выделенной шейкой и отсутствием лунковидного углубления (рис. 2, *1*). Они нелощеные. Орнамент состоит из комбинаций врезных линий и точечных вдавлений.

К следующей группе принадлежат лощеные сосуды чашевидной формы. Их характеризует короткая прямая или немного отогнутая шейка и уплощенно-шаровидный корпус. Переход шейки в плечики плавный или оформлен посредством уступа. Один фрагмент имел маленькую овальную ручку. Орнамент состоит из врезных линий, образующих вписанные друг в друга углы, или из групп тонких линий, сходящихся к одной точке, и косых крестов, образованных двойными параллельными линиями (рис. 2, *7*). Диаметр сосудов по краю 12—24 *см*. Эту группу посуды характеризует тонкий плотный черепок (3—5 *мм*) и двустороннее лощение.

Кубки представлены двумя целыми экземплярами и несколькими фрагментами. Один кубок имеет относительно высокую прямую шейку, плавно переходящую в шаровидное тулово и округлое дно. Он неорнаментирован (рис. 2, *12*). У второго дуговидная шейка отделена от тулова четко выраженным уступом, дно округлое, с лунковидным углублением в центре. Он имел врезной орнамент, который был затерт при лощении и едва просматривался (рис. 2, *10*). Сочетание врезного и рельефного орнамента, отмеченное для корчаг, характерно и для кубков (рис. 2, *9*). Один фрагмент принадлежит чернолощеному черпаку, который отличается от кубков, по-видимому, лишь наличием ручки (рис. 2, *8*).

Так как на поселении кроме лепной посуды найден лишь один мелкий обломок железного предмета (возможно, ножа) при определении его датировки приходится исходить только из характера керамики, главным образом орнаментированной, бытование которой имеет довольно широкие хронологические рамки (П. Н. Шульц в своей периодизации отнес поселение к числу неукрепленных [5], воздержавшись от его датировки).

Отсутствие врезного орнамента, выполненного мелкозубчатой гребенкой характерно кроме Холодной балки для керамики симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. К числу типологически близких керамических форм, встречающихся на том и другом поселении, относятся кухонные банковидные горшки (рис. 1, *9*), сосуды чашевидной формы (рис. 2, *7*) и широкогорлые лощеные орнаментированные горшки (рис. 2, *2*) [6]. Сходство проявляется также в сочетании нарезного и рельефного орнамента на лощеной посуде и в наличии налепного валика и

---

[5] *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров.— В сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 241.

[6] *Дашевская О. Д.* Симферопольское раннетаврское поселение, с. 195, рис. 2, *1*, *2*, *4*, *17*, *18*.

врезных линий на отдельных экземплярах кухонной [7]. Много параллелей среди орнаментальных мотивов. Однако в целом орнамент на столовой посуде симферопольского поселения отличается большей сложностью, что, по-видимому, является показателем более поздней даты.

В определении времени существования Симферопольского поселения существуют некоторые разногласия. О. Д. Дашевская датировала его VII—VI вв. до н. э.[8], А. М. Лесков нижнюю его дату ограничил второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э.[9]

Учитывая, что на поселении в Холодной балке нет четко выраженного культурного слоя, памятник можно считать однослойным и относительно недолговременным и предварительно датировать VII — рубежом VII—VI вв. до н. э.

[7] *Лесков О. М.* Ранньотаврське поселення Кизил-Коба.— Уч. зап. Харківського Державного університету. Труди істфаку, т. 7, 1959, с. 273.
[8] *Дашевская О. Д.* Симферопольское раннетаврское поселение, с. 197.
[9] *Лесков А. М.* Горный Крым..., с. 125.

Ю. Н. ВОРОНОВ

САМАЯ ВЫСОКОГОРНАЯ НАХОДКА БРОНЗОВОГО ИЗДЕЛИЯ НА КАВКАЗЕ

Летом 1973 г. мастер спорта Ю. Г. Ильичев с группой из Ростова-на-Дону следовал по маршруту в горах Центрального Кавказа через южный отрог массива Донгузорун (Сванетия). Спускаясь по осыпи в северной части седловины перевала Хевай (3760 *м* над уровнем моря), Ю. Г. Ильичев, случайно сдвинув несколько камней, обнаружил металлический предмет, оказавшийся бронзовым клинком. Детальное обследование места находки не производилось. От места находки до ближайшего сел. Мазери два дня пути (рис. 1). Найденный клинок представляет собой кинжал листовидной формы с довольно длинным черешком и хорошо выраженным ребром посередине и со следами проковки вдоль этого ребра. Общая длина кинжала 22,5 *см*, черешка — 3,5 *см*, наибольшая ширина лезвия 7,2 *см* (рис. 2, *1*). Кинжал совершенно аналогичного типа найден в IV дольмене в Эшере (рис. 2, *2*) [1]. М. М. Иващенко рассматривал этот предмет как наконечник копья [2], Б. А. Куфтин назвал его в одном случае копьевидным медным лезвием [3], а в другом — кинжалом [4]. В. И. Марковин определил эту находку как «листовидный кинжал» [5] и отнес его к группе изделий, распространенных в эпоху расцвета дольменной культуры (первая половина II тысячелетия до н. э.) [6]. Ножи близкой формы характерны и для многих других южных культур эпохи бронзы (северокавказская, катакомбная и др.) [7]. Поэтому не исключено, что рассматриваемый эк-

[1] *Иващенко М. М.* Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии.— ИНИИК, вып. 3, 1935, рис. XI, *5*; *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, табл. XXXII, *6*; *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XXXVIII, *6*.
[2] *Иващенко М. М.* Ук. соч., с. 29.
[3] *Куфтин Б. А.* Ук. соч., с. 278.
[4] *Куфтин Б. А.* Материалы..., с. 280.
[5] *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения).— СА, 1973, № 1, с. 19, рис. 8, *5*.
[6] *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 32—34.
[7] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, № 93, 1960. с. 92, рис. 42, *5—8*.

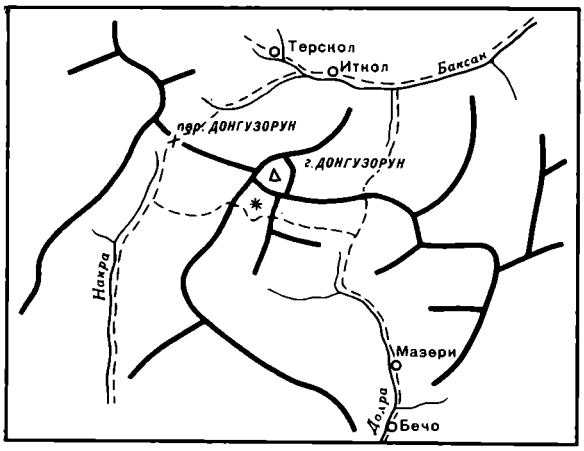


Рис. 1. Схема высокогорий в окрестностях перевала Хевай. Звездочкой обозначено место находки бронзового кинжала

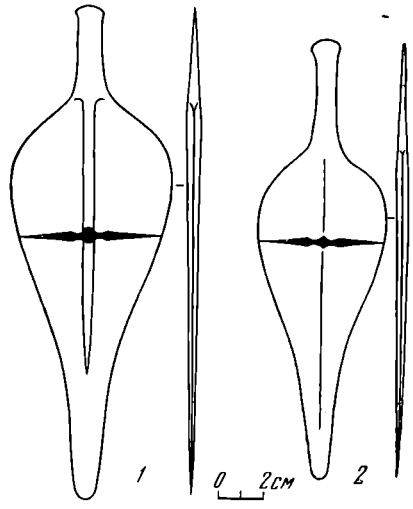


Рис. 2. Бронзовые кинжалы с перевала Хевай (*1*) и из IV Эшерского дольмена (*2*)

земпляр был доставлен на перевал Хевай представителем одного из северокавказских племен. Во всяком случае, древнейшее свидетельство о посещении южных склонов Донгуз-Оруна человеком и прохождении перевала Хевай относится, таким образом, ко времени не позднее эпохи средней бронзы.

В. А. ДЕРГАЧЕВ

РАННЕСКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА СРЕДНЕМ ПРУТЕ

Погребение обнаружено в 1975 г. в процессе исследования второго сарматского могильника, расположенного на плато коренного левого берега Прута в 1 *км* к востоку от с. Старые Куконешты Единецкого р-на МССР. Погребение было открыто благодаря желтоватому пятну, прослеживающемуся на поверхности свежевспаханного чернозема. Оно имело форму овала (3×4 *м*) и образовалось в результате распашки материкового выкида, составлявшего, по-видимому, в древности небольшой холмик над погребением.

Погребальное сооружение (рис. 1, *1*) относится к типу подбойных или, по классификации Б. Н. Гракова, к скифским катакомбам первого типа [1]. Входная яма имела форму прямоугольника со скругленными углами. Она ориентирована в широтном направлении с незначительным отклонением. Ее размеры: ширина 0,7—0,8 *м*, длина 2,5 *м*, глубина от современной поверхности 1,4 *м*. Погребальная камера в виде подбоя была выкопана вдоль всей северной стены входной ямы и имела в плане яйцевидную форму. При сооружении камеры донная часть входной ямы была срезана таким образом, что вторая ее половина образовала с южной стороны ступеньку шириной 0,3—0,4 *м*, высотой 0,8 *м*. Дно камеры находилось на глубине 2,2 *м*. Ее размеры в донной части 1,25×2,6 *м*. Камера была заполнена комковатой глиной, образовавшейся после обвала свода подбоя.

[1] *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115, 1962, с. 83, 84; *его же.* Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии.— АСб. ГЭ, № 6, 1964, с. 120, 121.

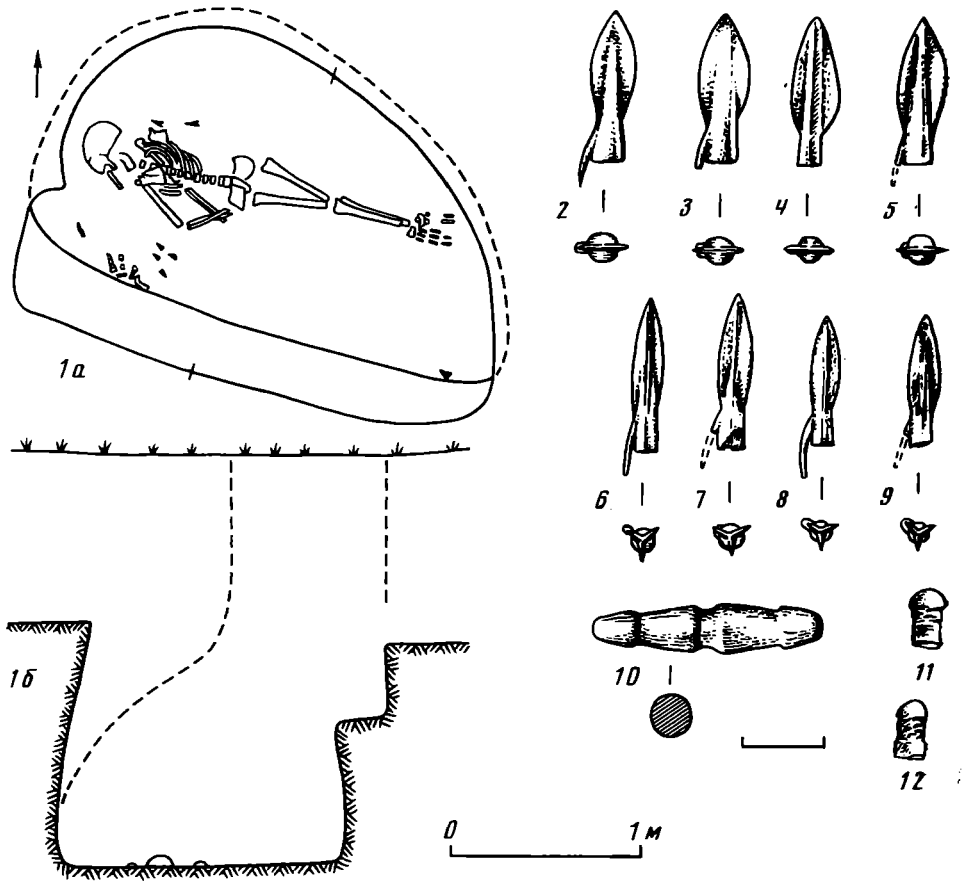


Рис. 1. Общий план и инвентарь погребения. *1а* — общий план погребения; *1б* — разрез погребального сооружения; *2—9* наконечники стрел (бронза); *10—12* застежки (кость)

Погребенный (мужчина?) был положен в центре камеры вытянуто на правом боку, головой на запад — северо-запад. Череп лежал на правой стороне, лицевой частью к входу в камеру. Правая рука лежала вытянуто под туловищем, а левая чуть изогнуто, причем кисть находилась у левого бедра. Ноги погребенного, по-видимому, были связаны.

На дне погребальной камеры под уступом были обнаружены кости жертвенного животного (ягненка). Рядом с ними найдены четыре бронзовых наконечника стрел. Три других наконечника обнаружены у правой лопаточной кости погребенного. Еще один наконечник найден на уровне уступа в заполнении камеры, в ее юго-восточной части. Кроме того, на дне камеры перед черепом найдены костяная застежка от колчана (рис. 1, *10*), а при разборке костей грудной клетки — две пуговковидные застежки, также костяные (рис. 1, *11*, *12*).

Описанное погребение по ритуалу, типу сооружения, инвентарю аналогично с известными раннескифскими комплексами близ Нижних Серогоз (могилы 5) [2], Кириковки (курган 13) [3], которые специалисты датируют VI в. до н. э.[4]

Датировка погребения раннескифским временем подтверждается обнаруженными наконечниками стрел. Из восьми наконечников четыре

[2] *Браун Ф.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.— ИАК, № 19, 1906, с. 84, 85.

[3] *Мельник Е.* Раскопки курганов в Харьковской губернии в 1900—1901 гг.— Тр. XII АС в Харькове, т. I, 1905, с. 715.

[4] *Граков Б. Н.* Скифские погребения..., с. 100; *Либеров П. Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— В сб.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 144, 145.

двухлопастные с овальными или лавролистными головками (рис. 1. *2—5*) и четыре трехлопастные с лавролистными головками (рис. 1, *6—9*). За исключением одного (рис. 1, *4*), все наконечники имеют шипы. У всех хорошо выделены втулки. Рассмотренные типы А. И. Мелюкова относит к первой хронологической группе скифских наконечников, которую она датирует второй половиной или концом VII — первой половиной VI в. до н. э.[5]

Описанное погребение раннескифского времени у с. Старые Куконешты представляет интерес в связи с тем, что оно обнаружено на территории, занятой в VII — VI вв. до н. э. фракийскими племенами, северо-восточная граница расселения которых, как известно, проходила по Среднему Днестру[6]. Наряду с ранее известными материалами с территории Румынии и Болгарии вновь открытое погребение дает новые данные по вопросу о взаимоотношении скифских и фракийских племен в эпоху раннего железа.

---

[5] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д 1-4, М., с. 16—19.

[6] *Лапушнян В. Л., Никулица И. Т., Романовская М. А.* Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4. Кишинев, 1974, с. 7.

Г. Ф. НИКИТИНА

ЗЕМЛЯНКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ОСЕЛИВКА ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ

Памятники скифского времени на территории Западной Украины, в частности в Черновицкой области, почти совсем не исследованы, и потому описание раскопанного Средне-Днестровской экспедицией в 1972 г. хозяйственного комплекса этого времени может представить интерес. Этот комплекс открыт в пойме Днестра у с. Оселивка, ур. Плантация, в нижнем горизонте культурного слоя, обнаруженного при раскопках могильника черняховского времени.

Топографическая ситуация объекта весьма своеобразна. Высокий коренной берег здесь отступает от русла реки на 200—300 *м*, с восточной и западной сторон (т. е. ниже и выше по течению реки) вновь подступает обрывистыми обнажениями вплотную к воде, образуя таким образом замкнутое пространство типа яйлы. Образовавшаяся пойменная долина тянется вдоль русла реки на 2—2,5 *км*. Речными наносами и отложениями в ней образованы две террасы: первая — плоская и ровная, возвышается над прибрежной полосой на 4—5 *м* и имеет ширину 100—150 *м*, вторая терраса полого опускается от коренного берега к первой надпойменной террасе. Она вся перерезана небольшими овражками, разбивающими ее на изолированные участки. Поселение скифского времени было расположено на одном из таких участков, который в топографическом отношении имеет ряд особенностей. Этот участок находится приблизительно в центре долины и доминирует в ней, с него хорошо обозревается вся долина. Он хорошо выражен естественным рельефом, с востока ограничен речкой, впадающей в Днестр, с запада — небольшим овражком, с юга надежно защищен высоким и крутым коренным берегом, с севера естественный уклон к первой надпойменной террасе достаточно крут, что также является естественным ограничением рассматриваемого участка. Площадка, занимаемая поселением, заметно сглажена по горизонтальному уровню, чем отличается от остальных участков второй надпойменной террасы, где уклон значительно круче (рис. 1).

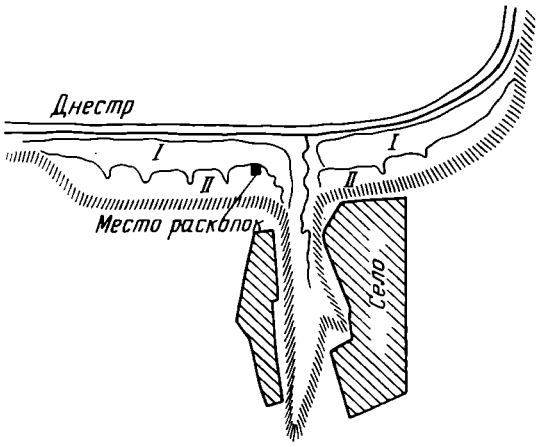


Рис. 1. Схема топографической ситуации ур. Плантация, с. Оселивка. I — первая надпойменная терраса, II — вторая надпойменная терраса, Р — место раскопок

Хозяйственный комплекс скифского времени открыт на северном, нижнем краю склона описываемого участка. Он включает жилище и находящиеся за его пределами хозяйственную яму и очаг (рис. 2).

Контуры жилища выявлены на глубине 0,40 *м* от поверхности, по характеру заполнения представляющего собой золистый слой более темного цвета, чем культурный слой соседних участков. Количество керамики с налепными валиками здесь особенно велико. С глубины 60—80 *см* контуры жилища прослеживались вполне четко.

Землянка двухкамерной конструкции была ориентирована строго по странам света, с выходом на западной стене. Она состояла из двух помещений: почти квадратного жилого площадью в 15 $м^2$ и четырехугольного помещения, служившего тамбуром или сенями. Вход в землянку довольно четко читается в виде узкого углубления шириной в 40—50 *см*, постепенно выходящего на уровень зачистки контура землянки.

Пол обоих помещений находился на разных уровнях. В жилом помещении пол, четко выделяемый слоем золы и пищевых отбросов, был ниже уровня пола в сенях на 5—6 *см*. Скопление камней у границы между помещениями позволяет предполагать наличие земляной ступени, укрепленной мелкими камнями (рис. 2). Сравнительно небольшое количество камней и их мелкие размеры не дают основания связывать камни с чем-либо другим, кроме выравнивающей ступени у входа в жилое помещение.

При зачистке пола в сенях прослежена яма овальной формы, занимающая почти все пространство помещения. Размер ямы 2,10×1,40 *м*. Ко дну яма резко сужается и на глубине 2 *м* имеет уже размеры 1,50×0,80 *м*. Заполнение ямы — светлый суглинок без находок, близкий к материку. На глубине 2 *м* от поверхности в яме обнаружены кости расчлененного человеческого скелета. Верхняя часть черепного свода лежала в восточной части ямы, под самой стенкой, обломки других костей, в том числе обломки нижней челюсти, берцовых костей и позвонки, были разбросаны в западной половине ямы. Принимая во внимание, что территория поселения в последующие эпохи дважды использовалась под кладбища[1], наиболее естественно было бы отнести описанную яму к поздним погребениям, но этому мешают два обстоятельства. Учитывая, что яма была засыпана суглинком, по цвету близким материку и хорошо выделяющимся на фоне темного культурного слоя, более позднее ее происхождение подтверждалось бы лишь в том случае, если бы она прослеживалась и в верхних слоях заполнения землянки, т. е. с глубины 0,40—0,60 *м*. Однако яма была прослежена только при зачистке пола в сенях на глубине 1,20—1,25 *м*. И второе обстоятельство — трудно предположить возможность столь точного вписывания абриса ямы более позднего происхождения в контуры помещения сеней. Указанные наблюдения приводят к выводу: яма может относиться только ко времени функционирования жилища, причем повторное использование могильной ямы, которым можно было

[1] Могильник черняховской культуры, возникший после тысячелетнего хронологического разрыва со временем бытования поселения, и славянский могильник XVI—XVII вв.

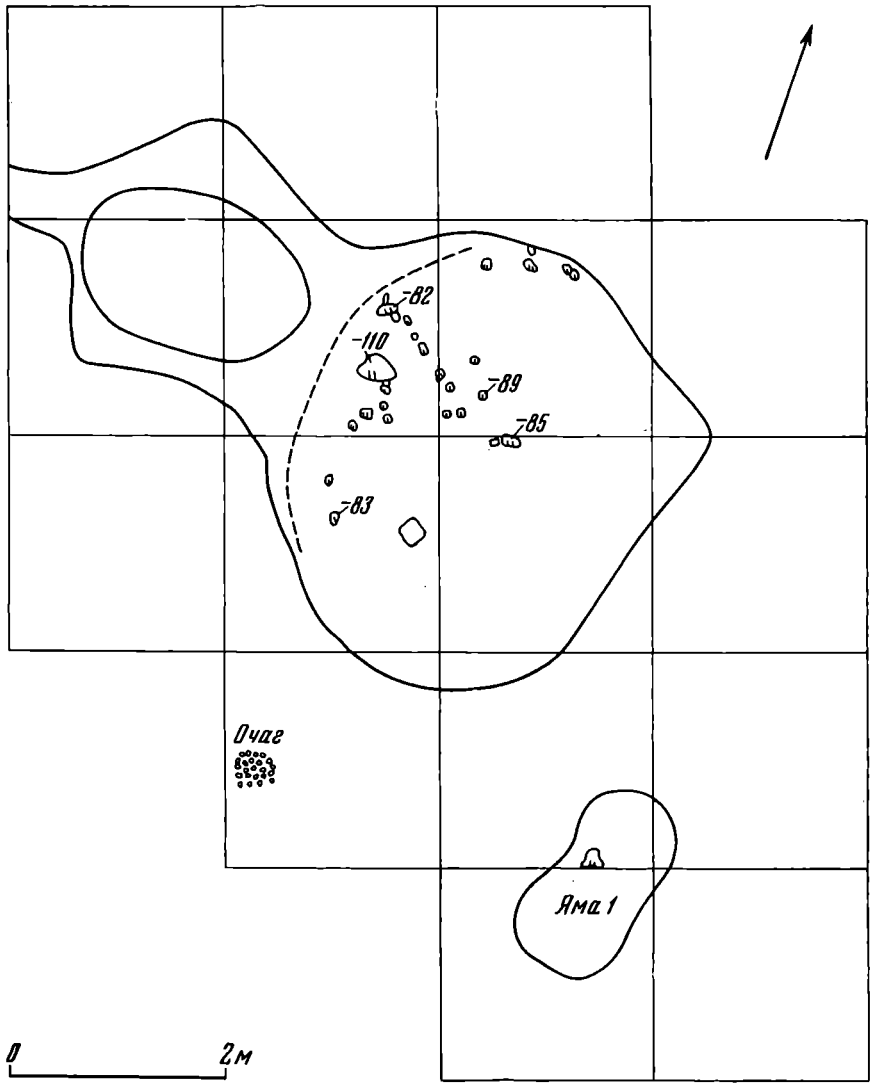


Рис. 2. План хозяйственного комплекса. Первый этап расчистки

бы объяснить нарушенный характер расположения костей, очевидно, исключается.

В жилом помещении с глубины 0,9 *м* прослеживается пятно золистого слоя, занимающего всю центральную часть помещения. С севера и востока граница его проходит на расстоянии 40—60 *см* от стенок землянки, а к южной стенке пятно примыкает вплотную. На центральной оси жилого помещения, ближе к южной стене, прослежена небольшая ямка квадратной формы (размер 35×35 *см*), заглубленная в материк на 25 *см*. Дно ямки ровное, плоское. По-видимому, это след центрального опорного столба перекрытия. Никаких следов других столбов в углах и вдоль стен землянки прослежено не было (рис. 3).

Определенная закономерность прослеживается в расположении находок. Прежде всего отмечается распределение вещей по назначению на площади землянки, каждая вещь имеет свое строго определенное место. Так, в южной части землянки наблюдается скопление кухонных отбросов: в юго-восточном углу мощное скопление битой посуды (глубина 85—130 *см*), в юго-западном углу скопление костей домашних животных (глубина 120—130 *см*) и в самом углу скопление углей (рис. 3). Украшения (костяные булавки), игрушки (фигурки животных и миниатюрные сосудики), орудия труда (пряслица и костяные проколки) концентриру-

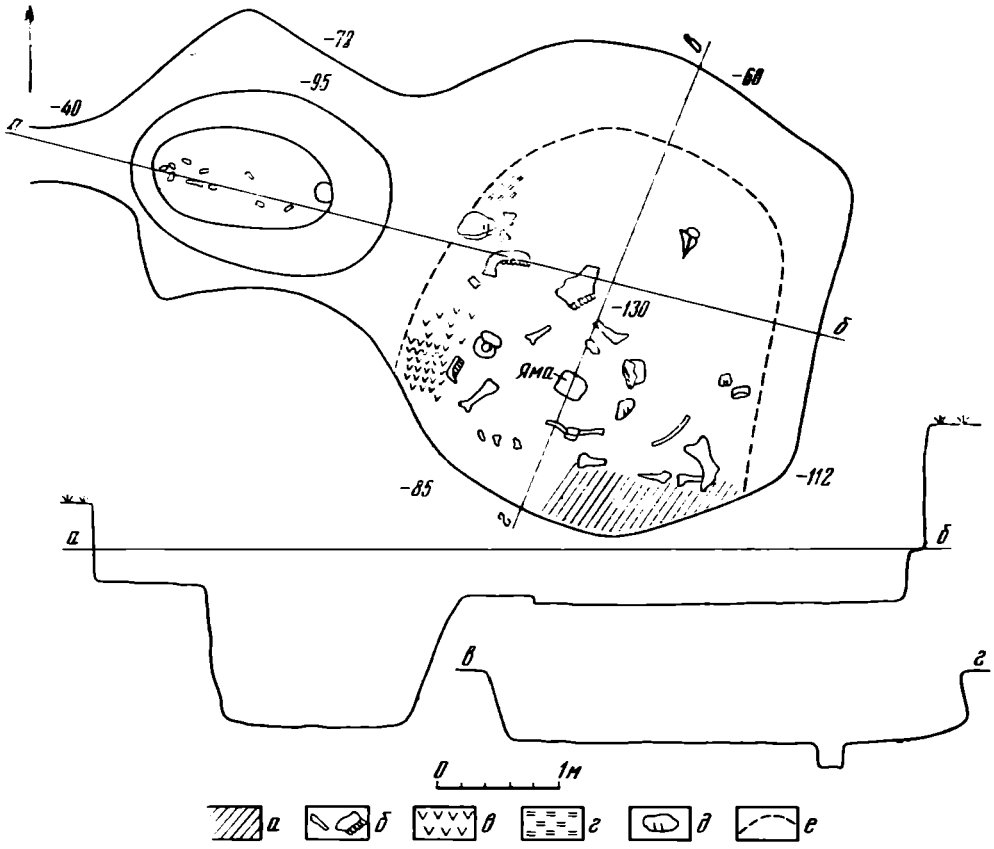


Рис. 3. План землянки, второй этап расчистки. Условные обозначения: *а* — место скопления керамики; *б* — кости животных; *в* — уголь; *г* — обожженный грунт; *д* — камень; *е* — граница золистого слоя на дне землянки

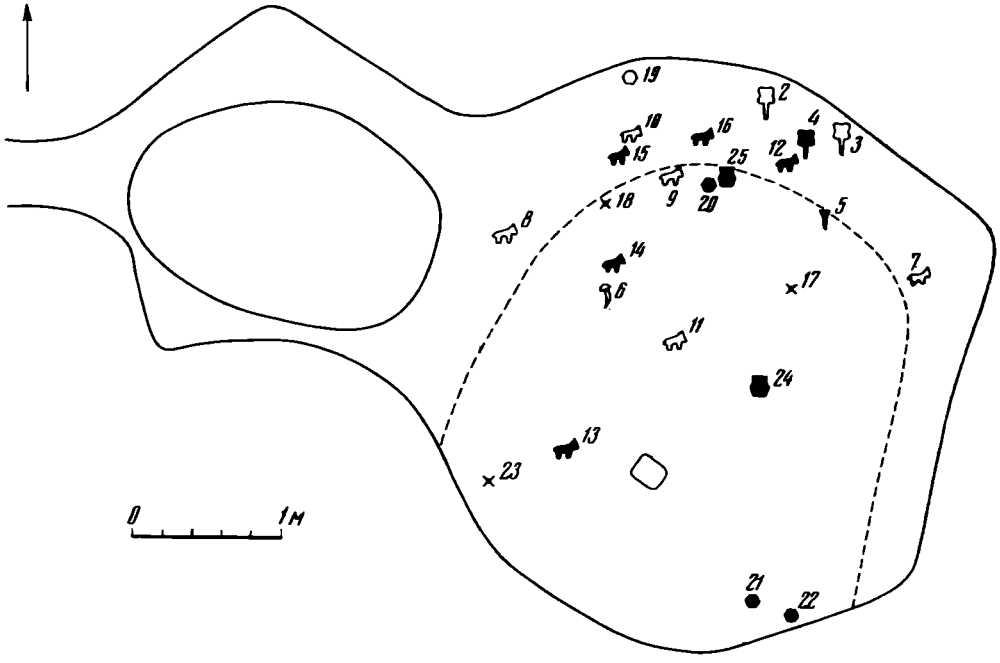


Рис. 4. Схема расположения вещевых находок в землянке. Контуром даны находки с глубины 70—85 *см*, остальные находки найдены на глубине 105—130 *см*

ются в северной части землянки. Распределение находок раскрывает бытовую планировку жилого помещения землянки, которое делилось на две части: «чистую» половину, расположенную в северной части землянки, в которой обнаружены индивидуальные находки и нет кухонных отбросов, и хозяйственную часть, южную, где в массе представлены кухонные отбросы (битая посуда, кости животных, уголь), а из индивидуальных находок встречены только орудия труда (пряслица, грузило) и лишь одна глиняная игрушка — фигурка лошадки.

Некоторыми данными мы располагаем и для реконструкции интерьера жилой части землянки. Золистый слой, фиксирующий границы пола в жилой части землянки, с северной и восточной сторон не примыкает вплотную к стенам, и только в южной части землянки он подходит вплотную к стене. Следовательно, в период функционирования землянки у северной и восточной стен находились какие-то сооружения, помешавшие образованию золистых отложений в этой части жилища. И здесь расположение находок в северной половине землянки проливает свет на характер этих сооружений. Глубина залегания всех находок четко раскладывается на два устойчивых уровня. Первый уровень — глубина 70—85 *см* от поверхности, находки этого уровня преимущественно укладываются за пределами золистого слоя; второй уровень — глубина 105—130 *см*, распределение находок этого уровня достаточно четко укладывается в пределах золистого слоя (рис. 4). Такое расположение находок подтверждает мысль, что вдоль северной и восточной стен землянки располагались сооружения, приподнятые над уровнем пола на 45—50 *см*. Скорее всего, это могли быть сооружения типа нар — ширина промежутков вполне отвечает такому предположению.

Жилище было лишено какой-либо отопительной системы, хотя наличие чистой золы на полу землянки, а также скопление углей в юго-западном углу свидетельствуют о том, что огонь в помещении разводился. Специального места, по-видимому, для него не было, и огонь разводился там, где это было удобно. Такая организация внутреннего помещения землянок на поселениях скифского времени в Поднестровье не единична. На поселении того же времени у с. Селище вскрыта землянка двухкамерной конструкции и тоже без следов печи или открытого очага [2].

Место для приготовления пищи было вынесено за пределы жилища. В 1,5 *м* от юго-западного угла землянки на глубине 0,4 *м* от поверхности обнаружен очаг, под которого был выложен мелкими камнями (5×5 *см*) и имел округлую форму 0,6×0,4 *м*. Грунт около очага с восточной стороны прокален до кирпичного цвета. Толщина прокаленного грунта около 1 *см*. С той же стороны в 40 *см* от очага на площади 1,30×0,90 *м* разбросаны кости животных (преимущественно кости конечностей).

В жилой комплекс входит также хозяйственная яма, расположенная в 1,2 *м* на восток от юго-восточного угла землянки и в 3 *м* от очага. Яма овальной формы, вытянута в меридиональном направлении. В центре лежал прямоугольный камень (глубина 0,6 *м*), приблизительно на той же глубине у северной стенки ямы найден миниатюрный сосудик (рис. 5, *1*). Дно северной части ямы заглублено ниже, чем в южной, на 0,24 *м*. В центре заглубленной части на глубине 0,8 *м* найдено глиняное пряслице (рис. 5, *2*).

Среди керамики, в большом количестве найденной в землянке, преобладают фрагменты грубых горшков тюльпановидной и баночной форм, украшенные массивными налепными валиками, орнаментированными пальцевыми защипами и вдавлениями, а также проколами под венчиком (рис. 6, *1—3*). Сосуды крупных размеров (диаметры венчиков 18—22 *см*, доньев — 11—28 *см*). Из лощеной посуды встречены фрагменты от круп-

---

[2] *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— МИА, № 64, 1958, с. 39.

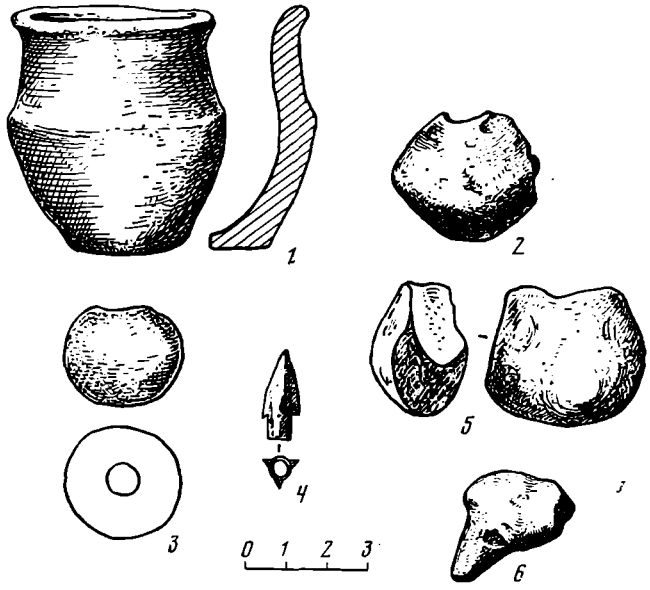


Рис. 5. *1*, *2* — вещевые находки из хозяйственной ямы, *3*—*6* — вещи из культурного слоя

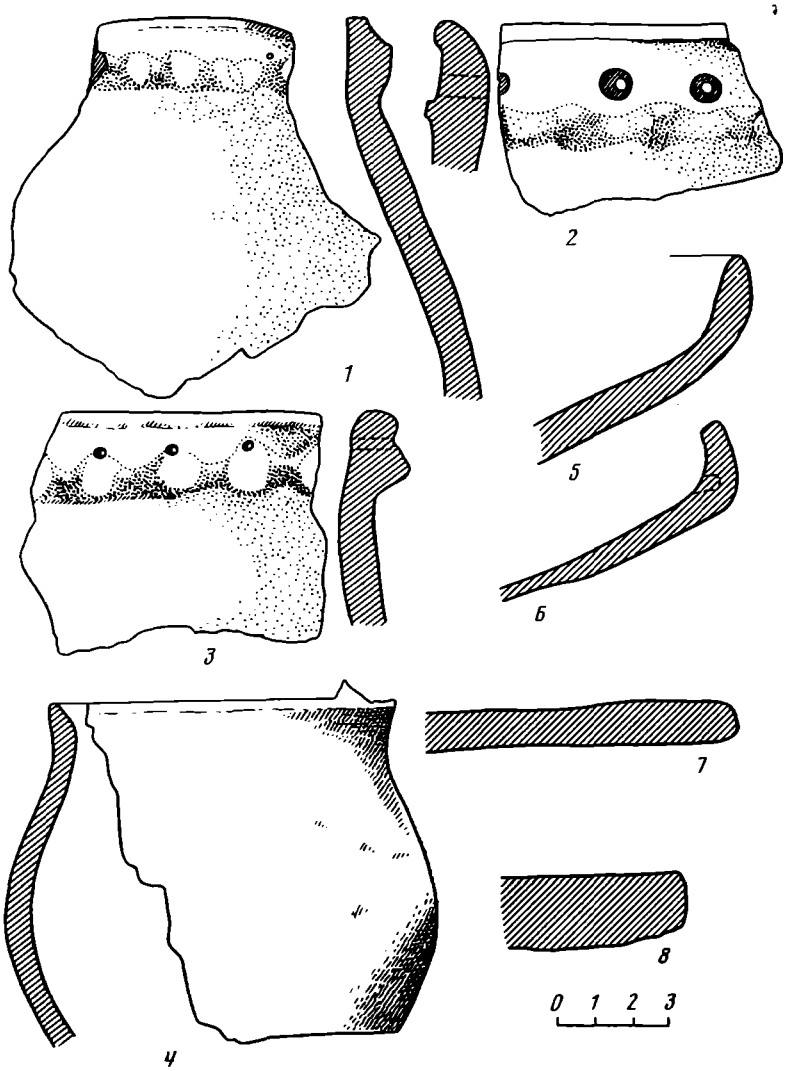


Рис. 6. Образцы керамического материала

ных горшков, с черной лощеной поверхностью и рядом сквозных дырочек под венчиком; небольших тонкостенных чарок с ручками, выступающими над краем венчика (рис. 6, *4*), и мисок с загнутым внутрь венчиком (рис. 6, *5—6*). Размеры последних достаточно велики, венчик не менее 40 *см* в диаметре при относительно небольшой высоте мисок — 8—10 *см*. Очень часто по изгибу или чуть выше миски орнаментированы жемчужным орнаментом или коническими выступами-упорами. Встречены также фрагменты круглых глиняных жаровен, плоские диски диаметром в 16—18 *см*, толщина которых колеблется от 1 до 2 *см*. Поверхность с одной стороны тщательно заглажена, с другой — имеются вмятины и шероховатости (рис. 6, *7—8*).

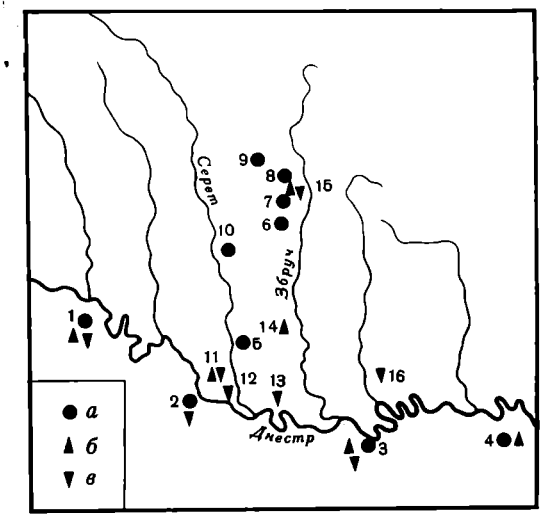


Рис. 7. Карта распространения четырехгранных костяных наконечников стрел (*а*), бронзовых черешковых наконечников стрел (*б*), бронзовых гвоздевидных булавок (*в*): *1* — Барташев; *2* — Городница; *3* — Оселивка; *4* — Селище; *5* — Бальче Злоте; *6* — Городница на Збруче; *7* — Раковат; *8* — Козик; *9* — Хлибово; *10* — Сухостав; *11* — Дуплиска; *12* — Городок над Днестром; *13* — Сапогов; *14* — Кругло; *15* — Новоселка Гримайловская; *16* — Верхние Паневцы

Керамический материал, собранный в землянке, соответствует материалу поселений Западной Украины, выделенному А. И. Мелюковой во вторую группу памятников этой территории и датированному ею VI — началом V в до н. э. [3].

Остеологический материал позволяет судить о составе стада и домашних животных данного поселения. Из определяемых костей лошади принадлежало 22, крупному рогатому скоту — 10, мелкому рогатому скоту — 8, собаке — 5 [4].

Картографирование наиболее выразительных вещей показывает, что по вещевому комплексу оселивское поселение вписывается в круг аналогичных по времени и культурной принадлежности памятников Западной Подолии и Днестровского Правобережья (рис. 7).

Четырехгранный наконечник стрелы (рис. 6, *1*) аналогичен распространенным в VI в. до н. э. наконечникам скифских стрел, хорошо известным по находкам в курганах Западной Подолии [5] и у сел Селище [6] и Иване-Пусте [7]. Довольно широкое распространение на памятниках Поднестровья имеют и бронзовые трехлопастные втульчатые стрелы, датируемые VI в. до н. э. На оселивском поселении подобная стрела найдена в культурном слое (рис. 5, *4*).

Бронзовая булавка с маленькой конической шляпкой (рис. 8, *6*) является находкой, весьма характерной для скифских памятников Украины. Вместе с тем данный экземпляр соответствует варианту бронзовых була-

[3] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 36, 37.
[4] Определения В. П. Данильченко.
[5] *Sulimirsky T.* Scytowie na zachodnem Podolu. Lwow, 1936.
[6] *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днестре, КСИИМК, № 51, 1953, с. 70, рис. 32, *3*.
[7] *Ганина О. Д.* Поселения скіфського часу у селі Іване-Пусте.— «Археологія», т. XIX, 1965, с. 110.

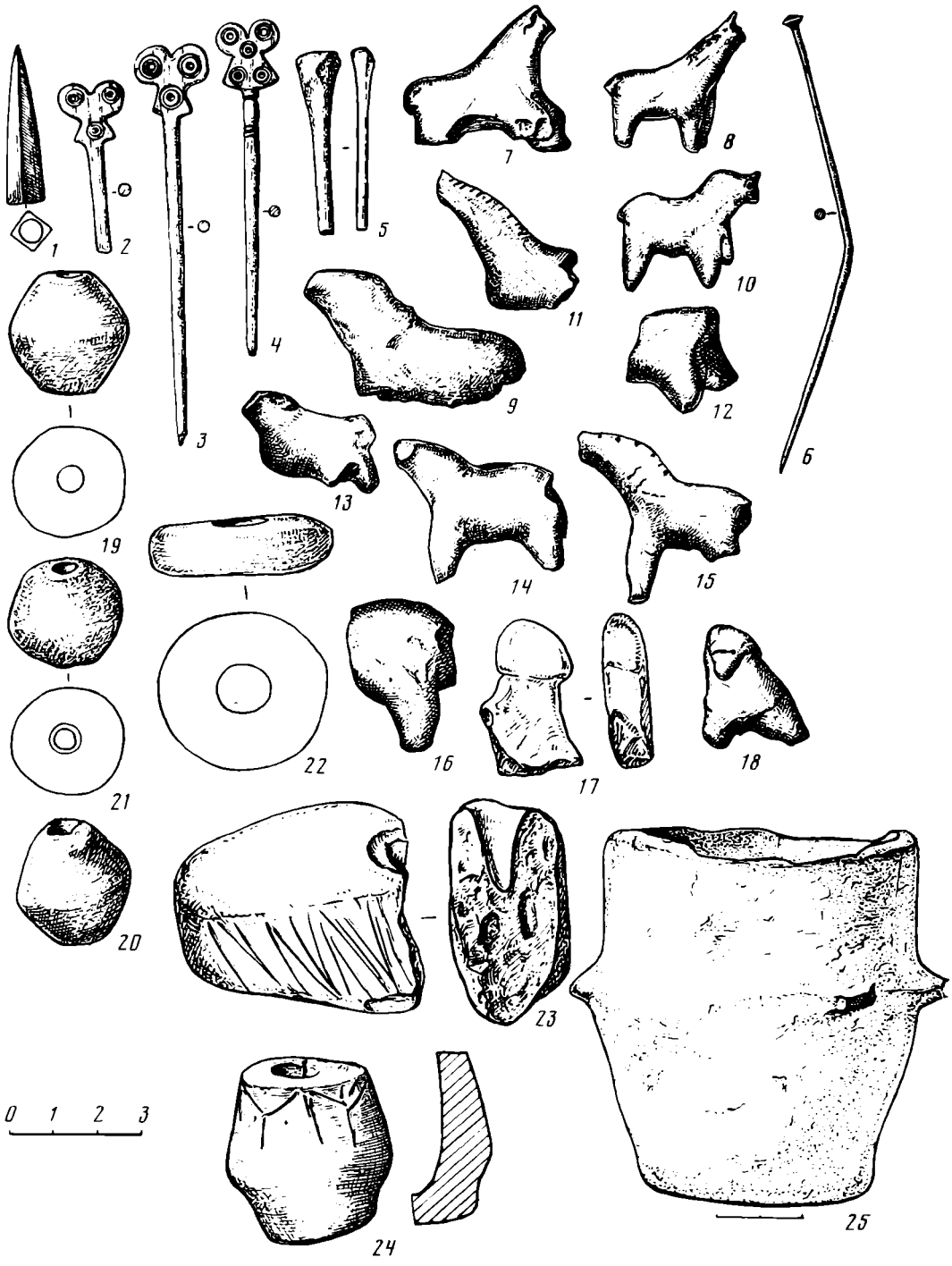


Рис. 8. Вещи из нижних слоев землянки. Нумерация соответствует нумерации плана на рис. 4. *1* — костяной наконечник стрелы из верхнего слоя засыпки; *2—5* — костяные булавки; *6* — булавка бронзовая; *7—18* — глиняные фигурки животных; *19—22* — глиняные пряслица; *23* — глиняное грузило; *24—25* — миниатюрные сосудики

вок, выделенному в свое время Т. Сулимирским для районов Западной Подолии [8].

Фигурки животных в количестве 10 штук, найденные в землянке, являются часто встречаемой находкой на поселениях скифского времени

[8] *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья, с. 39.

как Западной Украины и Молдавии, так и Среднего Поднепровья [9].

Уникальной находкой являются костяные булавки со сложным навершьем в виде лепестков, с вписанными в них тремя или пятью концентрическими кругами со сквозными дырочками в центре (рис. 8, *2—4*). Подобные булавки не имеют аналогий на скифских памятниках Украины. Для Среднего Поднепровья костяные булавки вообще не характерны. В районах Поднестровья до сих пор были встречены только костяные булавки с головкой грифона или орла [10]. По-видимому, оселивские экземпляры являются местным вариантом, распространенным только на территории бассейна Среднего Поднестровья.

Весь комплекс индивидуальных находок не противоречит датировке, определенной по керамике, и позволяет отнести время функционирования землянки ко второй половине VI — началу V в. до н. э.

[9] *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днестре, с. 71.
[10] Там же, с. 70.

В. В. РУБАН

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА С ПОСЕЛЕНИЯ КОЗЫРКА XV

Рассматривая экономику античных поселений ольвийской периферии, исследователи 50-х годов имели возможность высказать лишь предположение о наличии на некоторых древних населенных пунктах металлургического производства [1], ссылаясь на находку двух литейных формочек в позднеархаическом погребении Аджигольского могильника [2]. В начале 70-х годов эта категория находок пополнилась тителем-льячкой для плавки свинца на поселении архаического времени Большая Черноморка II [3]. Этим и исчерпываются на сегодняшний день имеющиеся в специальной литературе данные о литье металла на поселениях ольвийской хоры.

При такой скудости данных по указанному вопросу особое значение приобретает новая находка створки литейной формы, обнаруженная осенью 1976 г. на поселении Козырка XV (рис. 1 и 2). Форма изготовлена из плотного мелкозернистого песчаника, который от высокой температуры расплавленного металла приобрел лилово-розовый цвет. Плитка песчаника трапециевидная. Ее максимальные размеры 8,1×6,8 *см*, максимальная толщина 2,5 *см*. Часть литейной формы повреждена. Рабочая плоскость створки и ее внешняя поверхность тщательно отшлифованы. На рабочей плоскости песчаниковой плитки сохранились два глубоких отверстия для штифтов, скреплявших обе створки. Третье отверстие штифта очень неглубокое и было высверлено, вероятно, по ошибке. В форме имеются два гнезда для отливки свинцовых пряслиц в форме усеченного конуса, орнаментированных вертикальными ребрами. Находки таких пряслиц нередки на поселениях Бугского лимана. Другими предметами, отливавшимися в этой форме, являлись пряслица в виде колесика. Такое пряслице найдено в 1975 г. на поселении Чертоватое I.

[1] *Штительман Ф. М.* Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1952, с. 16; *ее же.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, № 50, 1956, с. 269; *Славін Л. М.* До питання про ольвійсько-скіфські відносини.— Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченко. Наукові записки, т. XIII, вып. X. Збірник історичного факультету, № 5, 1954, с. 165—180.
[2] *Ebert M.* Ausgrabunden auf dem Gute Maritzyn.— PZ, Bd V, 1913, S. 16.
[3] *Отрешко В. М.* Позднеархаические поселения Березанского лимана.— В сб.: Открытия молодых археологов Украины, ч. I. Киев, 1976, с. 32.

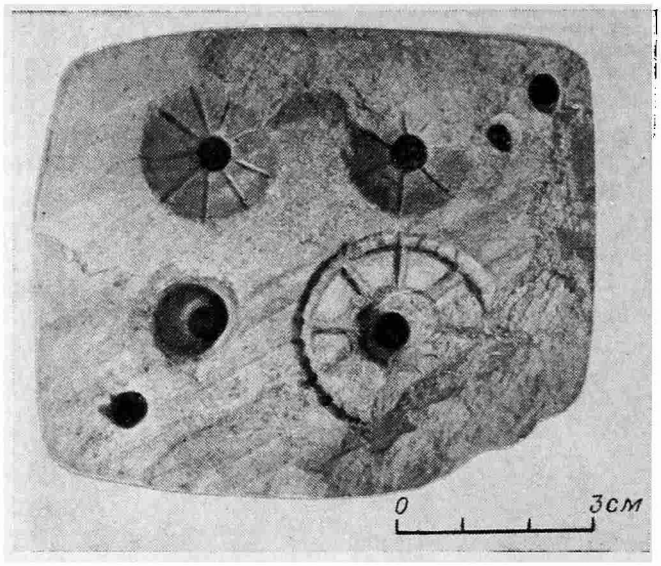


Рис. 1. Литейная форма (фото)

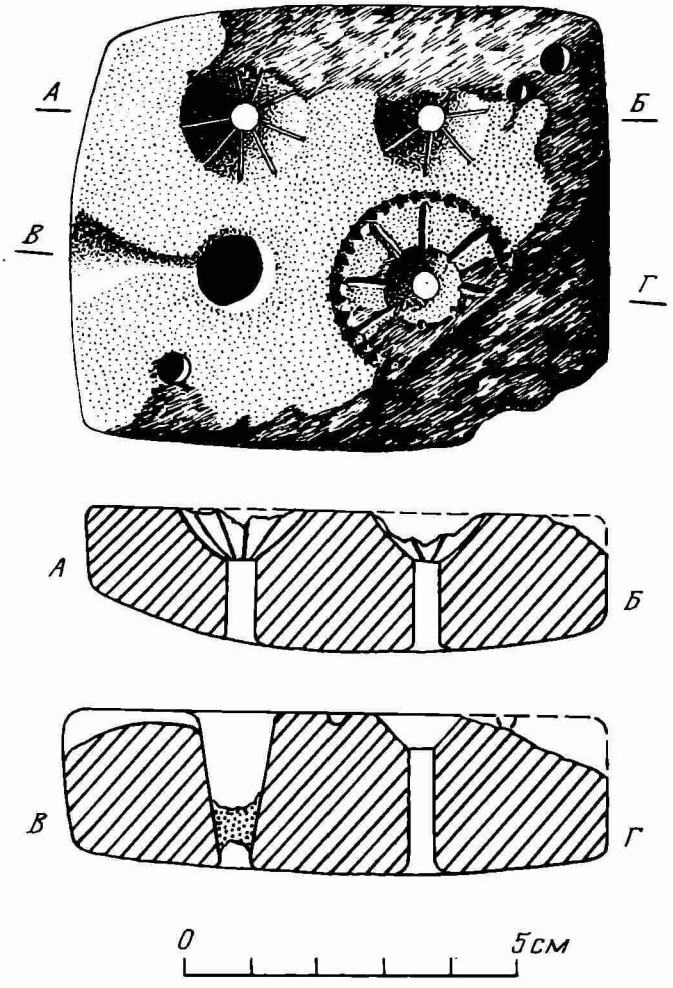


Рис. 2. Литейная форма (рисунок)

Третьим видом отливок рассматриваемой формы были ворворки — втулки конической формы. К гнезду, где отливались ворворки, от края плитки ведет канал, по которому заливался расплавленный металл. Литейная форма изготовлена на довольно высоком профессиональном уровне. При позднейшем использовании литейной формы, по-видимому, ворворки не отливались, поскольку соответствующее гнездо было зацементировано.

Ближайшей аналогией описанной створке является литейная форма из Ольвии. В ней отливались подобные реберчатые и колесообразные пряслица, а также овальные бусы. По сопутствующему материалу из ямы, в которой найдена форма, она датируется VI—V вв. до н. э.[4] Сходные реберчатые пряслица отливались и в литейной форме, найденной в архаическом слое Истрии[5]. Таким образом, производство реберчатых и колесообразных пряслиц в греческих городах Северо-Западного Причерноморья архаического периода было нередким явлением.

Как уже говорилось, публикуемая створка литейной формы является уникальной находкой на античных памятниках Нижнего Побужья доримского времени. Это обстоятельство обязывает нас с особым вниманием отнестись к общей характеристике поселения и датировке контекста, в котором найдена форма.

Поселение Козырка XV открыто нами в 1975 г. При плантажной вспашке под виноградную плантацию оно полностью разрушено. Остатки поселения находятся на степном плато в 0,7 *км* к северу от с. Козырка[6] и в 1 *км* от правого берега Бугского лимана. Территория памятника незначительна — 70×50 *м*. При вспашке на указанной площади обнаружились пять пятен овальных и круглых в плане землянок и 16 пятен хозяйственных ям. Памятник относится к числу небольших хуторков[7].

Для определения хронологических рамок существования жизни на поселении обратимся к рассмотрению вещевого материала, большую часть которого составляет импортная керамика[8].

Лутерии из поселения Козырка XV представлены двумя основными типами. К первому типу относятся обломки красноглиняных чаш, (рис. 3, *1, 2*), которые, судя по археологически целому экземпляру из Пантикапея[9], были массивными и приземистыми. По стратиграфическим данным они датируются концом VI — началом V в. до н. э.[10] Обломки лутериев второй группы (рис. 3, *3, 4*) отличаются бóльшим изяществом профиля, для их глины характерны светлые охристые тона, часто с зеленоватым отливом. Время бытования этих сосудов — вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.[11]

Амфоры из поселения Козырка XV представлены девятью группами, каждая из которых, по всей вероятности, соответствует определенному центру производства: хиосские, протофасосские, аттические, ионийские, лесбосские, мендейские, коринфские. Встречены также ножки амфор двух неизвестных центров производства.

Хиосские амфоры можно распределить по трем типам, хронологически сменяющим друг друга. К первому типу относятся обломки амфор с не-

---

[4] *Фурманська А. І.* Ливарні форми з розкопок Ольвії.— АП, т. VII, 1958, с. 43, 44, рис. 1.

[5] *Dimitriu S.* Cartierul de Locuinţe, din zona de vest a cetăţii, în epoca arhaică.— In: Histria, vol. II. Bucureşti, 1966, pl. 50,e.

[6] Очаковский район Николаевской области.

[7] *Рубан В. В.* Рец.: *Wąsowicz A.* Olbia pontique et son territoir. L'aménagement de l'espace. Paris, 1975.— ВДИ, 1977, № 2, с. 151.

[8] Описание материалов приводим в той последовательности, какая принята при составлении полевых списков (штыковых анкет).

[9] *Зеест И. Б., Марченко И. Д.* Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея.— МИА, № 103, 1962, рис. 3, *2*.

[10] Там же, с. 152.

[11] Там же, с. 150; *Anderson J. K.* Excavations on the Kofiná Ridge, Chios.— BSA, XLIX, 1954, p. 139. N. 42.

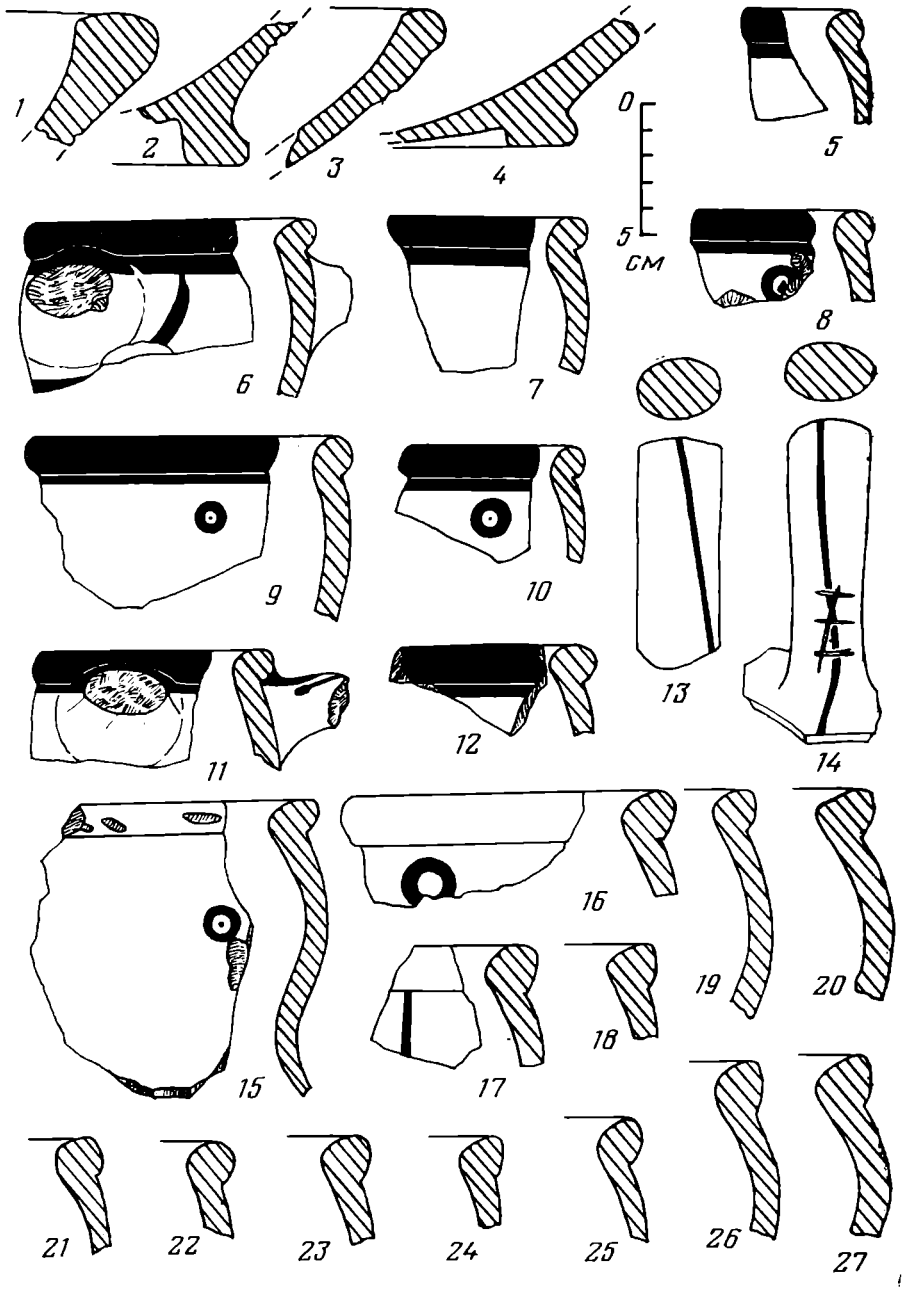


Рис. 3. Обломки лутериев и амфор с поселения

высоким горлом, которое имеет небольшую припухлость (рис. 3, *5—14*). В большинстве случаев венчик в разрезе круглый, окрашенный темной лакообразной краской. На ручках и тулове нанесены узкие (шириной 1—2 *мм*) полоски. Исключением из этой распространенной схемы орнамента является фрагмент горла амфоры (рис. 3, *6*), на котором полоса нанесена вокруг основания ручки. По-видимому, этот декор следует рассматривать как реликт орнаментации хиосских амфор с белой обмазкой VII — первой половины VI в. до н. э.[12] Что касается датировки этого типа амфор, то исследователи относят к VI — началу V в. до н. э. (до 480 г. до н. э.) [13].

---

[12] *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, табл. I, *2*.

[13] *Grace V.* Amphoras and the Ancient Wine Trade. Princeton — New Jersey, 1961, fig. 44.

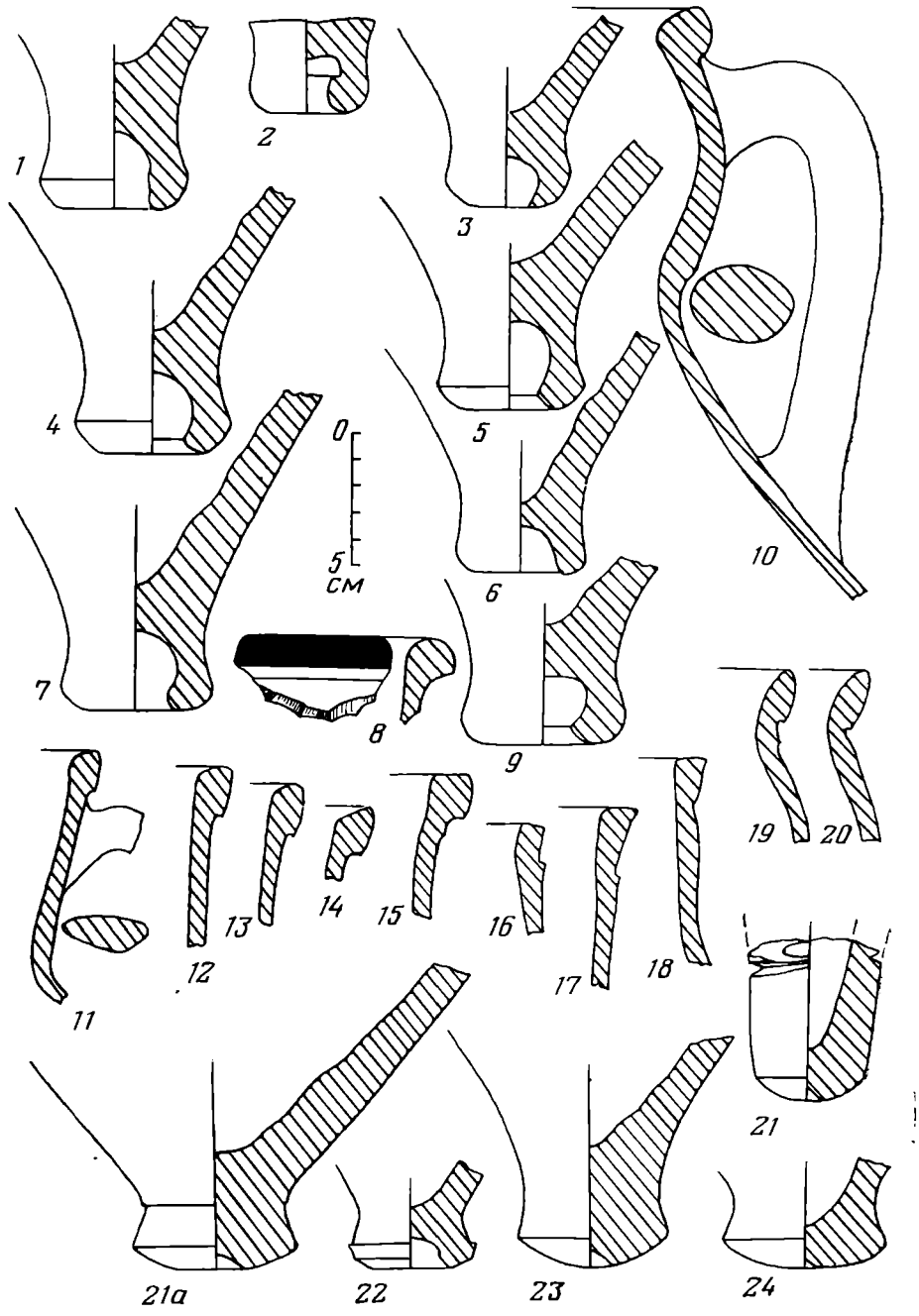


Рис. 4. Обломки амфор с поселения

В первой четверти V в. до н. э. появляется другой тип хиосских амфор, без описанной выше орнаментации (рис. 3, *15—18, 21—25*). Венчик в сечении принимает эллиптическую форму. По-видимому, эти амфоры некоторое время сосуществовали с амфорами первого типа и являются переходным звеном к третьему типу хиосских амфор из поселения Козырка XV.

Для амфор этого типа характерны более вытянутые пропорции, полное отсутствие орнаментации и треугольная форма разреза венчика (рис. 3, *19, 20, 26, 27*). Их отличительной чертой является еле заметный перехват на горле (рис. 4, *10*), который четко проявляется во второй четверти V в. до н. э.[14] Судя по тому, что таких обломков на рассмат-

[14] *Брашинский И. Б.* Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары.— СА, 1976, № 3, с. 99, рис. 4, *1*.

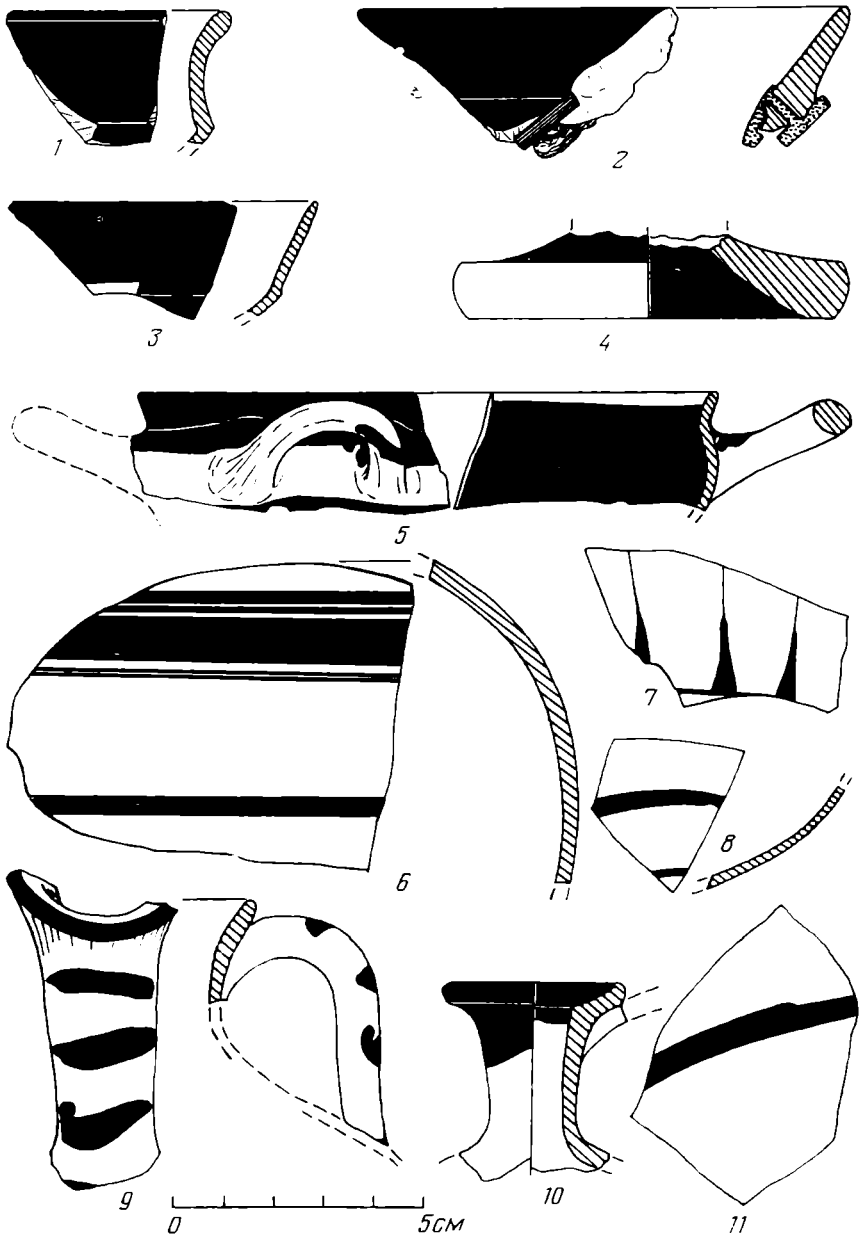


Рис. 5. Импортная столовая керамика с поселения

риваемом памятнике очень мало, их можно датировать началом второй четверти V в. до н. э.

В значительном количестве найдены также ножки хиосских амфор (рис. 4, *1—7, 9*), которые, однако, весьма затруднительно привязать к какому-либо из описанных типов.

На поселении обнаружено несколько обломков ионийских амфор с широкими полосами (рис. 4, *8*), относящихся к позднеархаическому времени [15], а также так называемых протофасосских амфор того же периода (рис. 4, *11—14, 22*) [16]. Весьма редки на поселении и обломки сероглиняных лесбосских амфор (рис. 4, *15*), датируемых пока весьма широко VI—V вв. до н. э.[17] Более многочисленны находки фрагментов аттических амфор (рис. 4, *19—21*) с припухлым горлом и массивной ножкой,

[15] *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора, с. 71, 72, табл. II, *6в*.
[16] Там же, с. 79, 80, табл. VI, *15*.
[17] Там же, с. 72, 73.

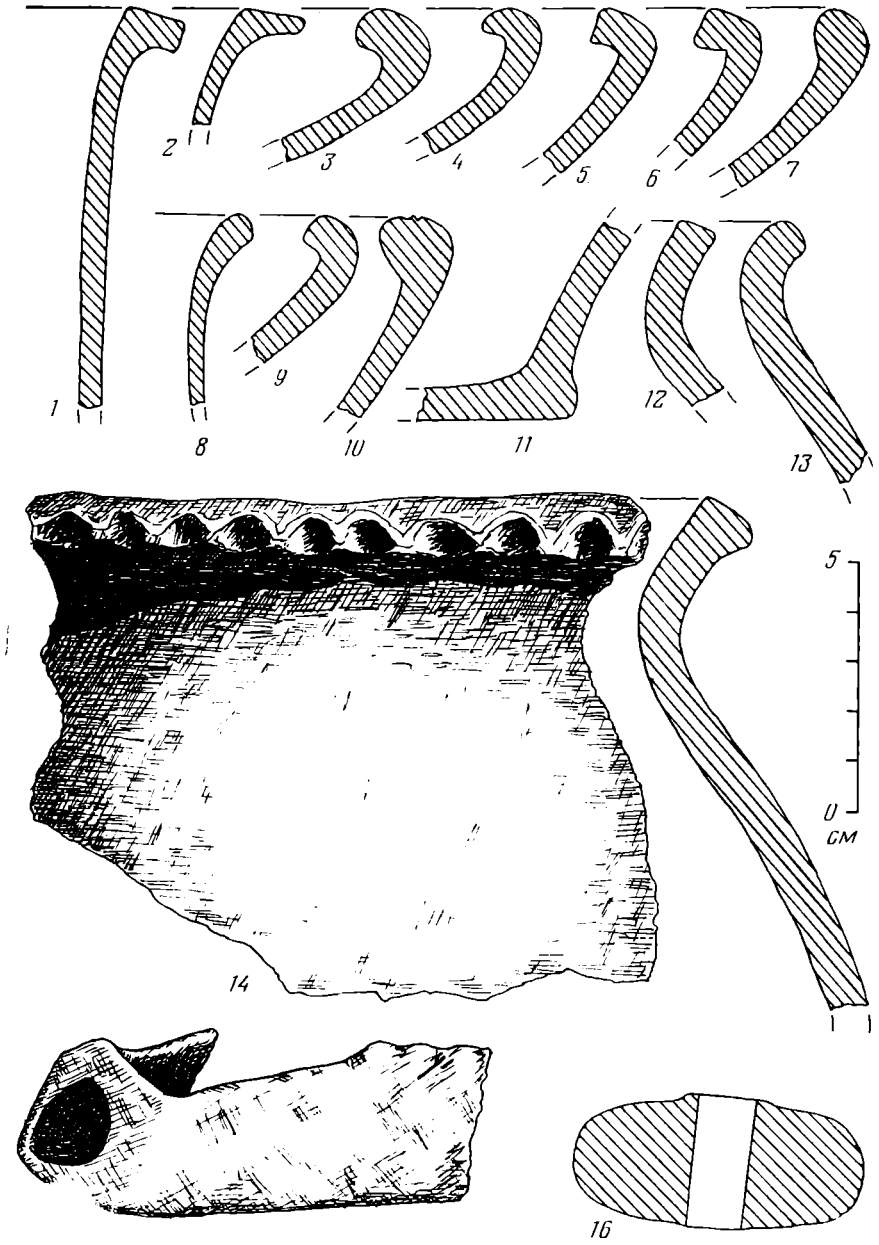


Рис. 6. Серая (*1—10*) и лепная (*11—16*) керамика с поселения Козырка XV

характерными для первой половины V в. до н. э. Интересно, что ножка амфоры (рис. 4, *21*) была подвергнута пилению, но этот процесс не был завершен.

Среди керамического материала из рассматриваемого поселения присутствуют и обломки амфор города Менде, поздние типы которых известны в литературе под названием амфор с рюмкообразными ножками [18]. Приводимые здесь фрагменты мендейских амфор должны быть датированы первой половиной V в. до н. э. (рис. 4, *16—18*, *24*), что подтверждается находкой таких амфор на афинской агоре в слое, относящемся ко времени до разрушения Афин персами в 480—479 гг.[19] до н. э.

[18] *Брашинский И. Б.* Амфоры Менде (о локализации группы амфор с «рюмкообразными ножками»).— В сб.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 67—74.

[19] *Grace V.* Op. cit., fig. 35.

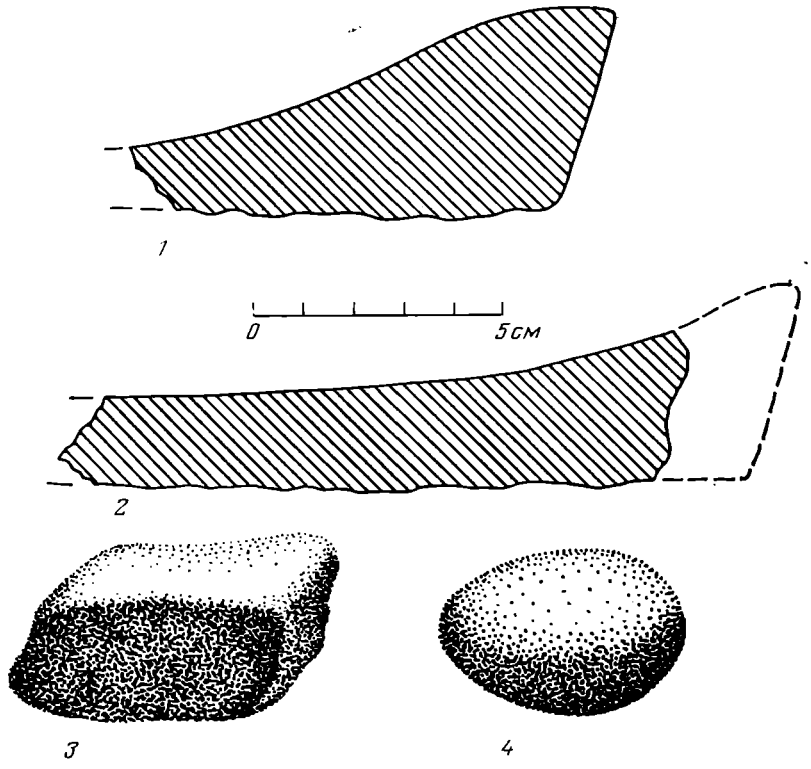


Рис. 7. Фрагменты гранитных зернотерок и терочники

Импорт Коринфа представлен одним обломком горла амфоры.

Две ножки амфор принадлежат к неизвестным центрам производства. Одна из них (рис. 4, *21а*) имеет светло-коричневую с розоватым оттенком глину. По форме она напоминает ножку амфоры из архаического слоя Истрии [20]. Другая ножка (рис. 4, *23*) изготовлена из желтой с зеленоватым оттенком глины. По своим пропорциям этот экземпляр напоминает ножки сравнительно поздних амфор, однако сходные формы амфорных ножек зарегистрированы и для архаического периода [21].

Подавляющее большинство фрагментов аттических чернолаковых киликов из архаических поселений Бугского лимана относятся к типу, широко распространенному между 525—480 гг. до н. э. [22] Обломки киликов этого типа из поселения Козырка XV (рис. 5, *1, 4*) датируются концом VI — первой четвертью V в. до н. э. Другой тип аттических киликов, обломок которого снабжен свинцовой скрепкой (рис. 5, *2*), датируется 480—450 гг. до н. э. [23] Однако если учесть, что на Бугском лимане они представляют исключительную редкость по сравнению с предшествующим типом, то можно полагать, что этот фрагмент относится к начальному этапу их производства, т. е. ближе к 480 г. до н. э. Третий тип аттических киликов представлен фрагментом венчика, аналогичным килику из афинской агоры 480—470 гг. до н. э. [24] (рис. 5, *3*).

Керамика ионийских центров (рис. 5, *5, 6, 8—11*) не имеет пока таких узких датировок, как аттическая. Суммарно ее можно отнести к позднеархаическому времени. К этому же периоду относится и обломок коринфского скифоса (рис. 5, *7*).

---

[20] *Lambrino M.* Les vases archaïques d'Histria. Bucarest, 1938, fig. 179.
[21] *Dimitriu S.* Op. cit., Nr. 432—434.
[22] *Sparkes B. and Talcott L.* Black and Plain Pottery of the Athenian Agore.— In: The Athenian Agora, vol. XII. Princeton — New Jersey, 1970, Nos. 398—412.
[23] Ibid., Nos. 470—472.
[24] Ibid., Nos. 456.

Не противоречат такой датировке и фрагменты серой керамики (рис. 6, *1—10*), многочисленные аналоги которым имеются в находках из архаических слоев Истрии [25]. Обломки лепных горшков (рис. 6, *11—14*) также аналогичны ранним формам лепной керамики Нижнего Побужья [26]. Интересна находка фрагментированного лепного светильника в форме башмачка (рис. 6, *15*).

Из других материалов следует упомянуть находки лепного пряслица (рис. 6, *16*) и обломки плоских гранитных зернотерок (рис. 7, *1, 2*). Найдены также терочники: один изготовлен из фрагмента зернотерки (рис. 7, *3*), другой — из морской гальки (рис. 7, *4*).

Таким образом, те материалы, хронология которых в настоящее время разработана довольно надежно (это прежде всего аттическая керамика и хиосские амфоры), свидетельствуют о том, что поселение Козырка XV возникло где-то в конце VI — начале V в. до н. э. Время прекращения жизни на нем датируется в пределах второй четверти V в. до н. э., что согласуется с общей картиной исторического развития Ольвийского полиса в этот период [27].

Возвращаясь к описанной выше литейной форме, отметим одно любопытное обстоятельство. Как известно, несмотря на значительные площади, раскрытые на памятниках ольвийской хоры времени ее расцвета, т. е. IV—III вв. до н. э., на них нигде не обнаружено каких-либо следов литейного производства. В то же время, как явствует из перечня предметов, связанных с металлургическим производством, на поселениях Нижнего Побужья, все они имеют отношение к архаическим комплексам. Весьма показательно и то, что в двух случаях — погребение у с. Марицыно и поселение Козырка XV — находки свидетельствуют о присутствии в этих местах литейщиков-профессионалов, хотя земледельческий характер поселений ольвийской периферии подтверждается, несомненно, как приведенным здесь материалом, так и целым рядом других источников [28].

Дабы объяснить вытекающие отсюда различия социально-экономического характера между архаическими и эллинистическими поселениями ольвийской хоры, представляется необходимым вкратце коснуться основных черт исторического развития Ольвийского полиса на раннем этапе. Основанное около 645 г. до н. э. Березанское поселение во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. являлось главным экономическим (и политическим) центром в Нижнем Побужье. Примерно в конце VII в. до н. э. на побережье Ягорлыцкого залива появляется поселение ремесленников, ведущими отраслями экономики которого являлись металлургия и стеклоделие [29]. Вскоре, в течение первой половины VI в. до н. э., происходит быстрое аграрное освоение степной зоны от низовий Березанского лимана [30] до устья Бугского лимана [31]. Около середины VI в. до н. э. в Нижнем Побужье происходят ощутимые изменения в плане пространственной организации региона, а также значительные перемещения населения. С этого времени роль главного политического, экономического и религиозного центра переходит к Ольвии, которая начинает интенсивно развиваться. Очевидно, город впитывает в себя и ре-

[25] *Dimitriu S.* Op. cit., pl. 58, 59.

[26] *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, № 50, 1956, с. 161, рис. 6.

[27] *Рубан В. В.* Некоторые аспекты изучения формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья.— В сб.: Древние города. Л., 1977, с. 42—44.

[28] *Штительман Ф. М.* Городища, поселения и могильники, с. 14, 15.

[29] *Островерхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией в VII—V вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1978; *его же.* Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, № 25, с. 41—49.

[30] *Отрешко В. М.* Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время.— В сб.: Новейшие открытия советских археологов, ч. II. Киев, 1975, с. 94.

[31] *Рабичкин Б. М.* Поселение у Широкой балки.— КСИИМК, № 40, 1951, с. 114—124.

месленников Ягорлыцкого поселения, которое прекращает свое существование. В то же время на протяжении второй половины указанного столетия происходит интенсивное освоение новых пространств к северу и востоку от Ольвии, завершающееся появлением таких поселений, как Козырка XV.

Даже из этого беглого описания нетрудно заметить, что вторая половина VII — первая половина V в. до н. э. является периодом становления Ольвийского полиса, как его отдельных частей, так и государства в целом. Как город, так и хора в это время находились еще в стадии формирования. И хотя социально-экономические различия между ними уже прослеживаются весьма существенно, тем не менее они еще в значительной степени переплетаются. Даже по внешнему облику Ольвия второй половины VI в. до н. э. мало чем отличалась от окружающих ее поселений.

В IV—III вв. до н. э., когда Ольвийский полис уже оформился окончательно, хозяйственные различия между городом и прилегающими поселениями выступают весьма рельефно, несмотря на то что населенные пункты хоры приобретают к этому времени урбанизованный облик. Как вытекает из рассмотрения всех категорий археологических источников, население ольвийской хоры периода расцвета полиса специализировалось исключительно на сельском хозяйстве и рыбном промысле. Все отрасли ремесла, требующие профессиональных навыков и специальных затрат, были сконцентрированы в Ольвии, яркой иллюстрацией чему является полное отсутствие литейного производства на аграрных поселениях IV—III в. до н. э.

Таким образом, те данные по металлолитейному производству на хоре Ольвии догетской эпохи, которыми мы располагаем к настоящему времени, позволяют заключить, что в период архаики процесс окончательной концентрации ведущих отраслей ремесла в городе еще не завершился. В то же время исчезновение профессиональных литейщиков из среды населения хоры к IV—III вв. до н. э., надо полагать, свидетельствует, с одной стороны, уже о завершении этого процесса, и с другой — об углублении различий между античными городом и деревней.

С. А. СКОРЫЙ

МЕЧ ИЗ СОБРАНИЯ КРЫМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

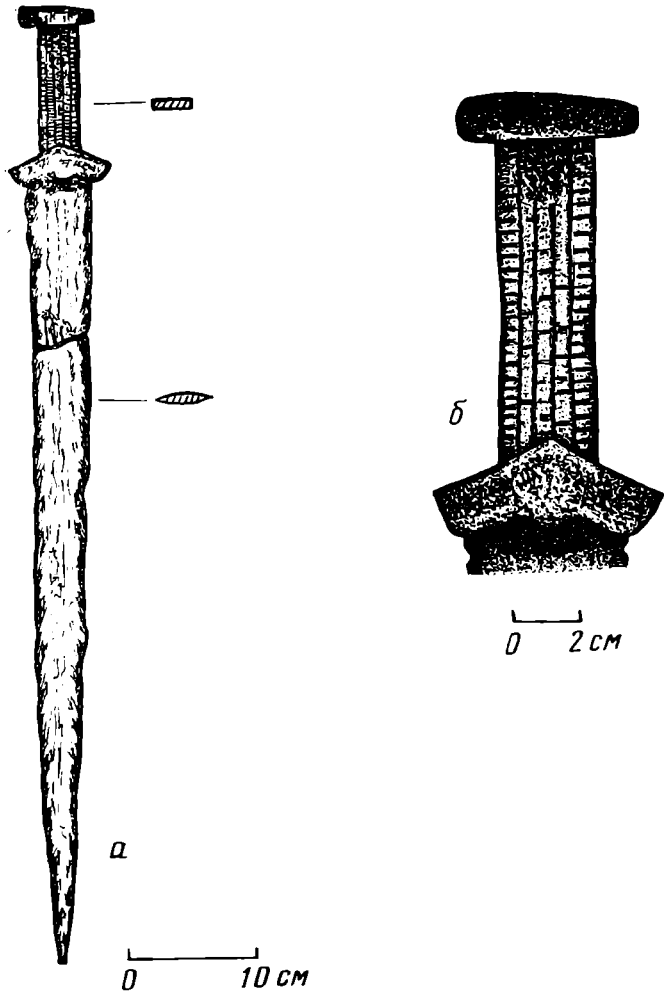
Среди находок оружия скифского времени в Северном Причерноморье мечи не столь часты. Степень же их сохранности, за редкими исключениями, плохая. В связи с этим каждый новый, хорошо сохранившийся экземпляр вызывает понятный интерес. Публикуемый меч (см. рисунок) хранится в Крымском краеведческом музее и был, очевидно, найден в Крыму [1]. Условия находки неизвестны. Длина меча 73 *см*, длина клинка 60 *см*, навершия, рукояти и перекрестия 13 *см*, ширина клинка у основания 5 *см*. Клинок откован вместе с рукоятью с последующим креплением перекрестия и навершия путем кузнечной сварки. В сечении клинок линзовидный, рукоять — прямоугольная. Перекрестие меча бабочковидное, навершие — брусковидное.

Меч относится к скифскому типу (тип 2, отдел 1 — по классификации А. И. Мелюковой), датируемому VI—V вв. до н. э. [2]

---

[1] Номер по книге поступлений 5891. Пользуемся случаем выразить искреннюю благодарность заведующей фондами музея Л. Б. Лобас за возможность опубликовать находку.

[2] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, д. 1—4, М., 1964, с. 49, 50.



Меч из собрания Крымского краеведческого музея.
а — общий вид, *б* — рукоять

Рукоять меча имеет четыре неглубокие вертикальные бороздки, делящие ее на пять секторов, заполненных горизонтальной насечкой. Клинок был украшен вертикальными врезными полосами, которые видны на участке, свободном от коррозии.

Подобное оформление рукояти или клинка довольно широко встречается у мечей скифского времени [3]. Сочетание подобных элементов украшения на рукояти и клинке менее часто. Оно известно на мечах скифского типа из Прикамья [4], Поволжья [5], украинской лесостепи [6], Северного Кавказа [7], Болгарии [8], Венгрии [9].

[3] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, № 101, 1961, рис. 4, *5*; 5, *4*; 6, *1*; *Мелюкова А. И.* Ук. соч., табл. 15, *3*; 18, *1*, *6*, *10*; 20, *6*, *8*, *14*; *Петровська Е. О.* Стародавні знахідки з с. Ораного на Київщині.— Археологія, № 3, 1971, ст. 83, рис. 1, *1*; *Черненко Е. В.* Оружие из Семибратних курганов.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 67, рис. 2, *12*; *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.).— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 155, рис. 3, *14*.

[4] *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, № 30, 1952, с. 102, табл. XXI, рис. 21.

[5] *Берхен-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской области.— СА, 1965, № 3, с. 148, 149, рис. 5.

[6] *Ginters W.* Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, S. 27, Taf. II, *d*.

[7] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, рис. 47, *2*.

[8] *Милчев А., Ковачев Н.* Необнародвани памятници от Севлиевско.— Археология, 1967, № 2, София, 1967, с. 40, обр. 2.

[9] *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 69, fig. 18.

Прямой аналогией нашему мечу является меч VI в. до н. э. из Луговского могильника на Северном Кавказе.

Северокавказский экземпляр имеет лишь менее длинный клинок и две (а не четыре), вертикальные бороздки на рукояти [10]. Навершия обоих мечей немного сплющены с одной из сторон, видимо, в результате применения одного и того же кузнечного приема. Это обстоятельство наряду с другими чертами сходства наводит на мысль, что эти два меча — продукция одной и той же мастерской, возможно, даже одного мастера.

Е. И. Крупнов усматривал генетическую связь между мечом из Луговского могильника и позднекобанскими мечами с желобчатой поверхностью, указывал на местное северокавказское происхождение этого меча [11].

Таким образом, есть основания предполагать северокавказское происхождение меча из Крымского краеведческого музея и датировать его VI в. до н. э.

---

[10] *Крупнов Е. И.* Древняя история..., рис. 47, *2*.

[11] Там же, с. 281.

Ю. С. ГРИШИН

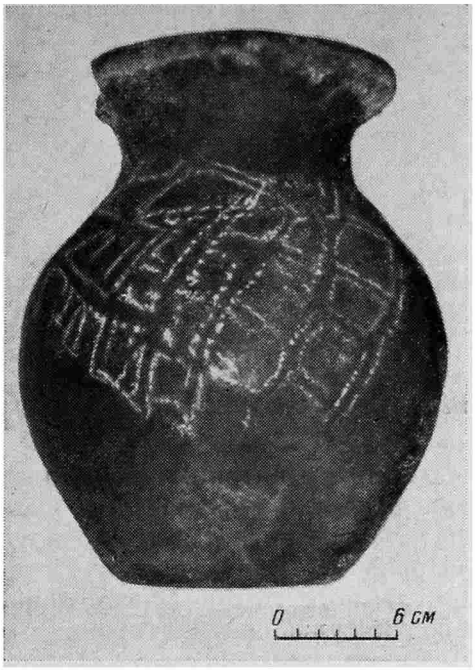
О НАХОДКАХ РАСПИСНЫХ СОСУДОВ В ГУННСКИХ МОГИЛАХ МОНГОЛИИ

В 1969 г. в Монгольской Народной Республике, в долине р. Хара, на открытом в 1949 г. А. П. Окладниковым гуннском могильнике, содержащем грунтовые могилы с гробами, часть из которых заключена в срубы, расположенном на 126 *км* железной дороги, южнее города Старый Дархан, было раскопано шесть отдельных погребений [1]. В одной из этих могил следует отметить находку трех расписных глиняных сосудов. Такие сосуды в гуннских памятниках, судя по известным данным, фиксируются впервые и поэтому заслуживают особого рассмотрения.

Отмеченное погребение в могильной яме размером 2,90×1,20 *м*, ориентированной с севера на юг, располагалось на глубине 2,60—2,70 *м* от поверхности, где были обнаружены части верхних досок гроба, но еще на глубине 2 *м* стали попадаться отдельные кости животных и остатки разрушившихся железных предметов. При подходе к гробу, сразу же с северной его стороны, были обнаружены выброшенные грабителями отдельные фрагменты костей и черепа человека. У северо-восточного угла гроба было обнаружено скопление костей крупного животного, а ниже, в самом гробу, почти на уровне сохранившихся остатков верхних досок его покрытия, было найдено каменное плоское продолговатое точило с дырочкой для подвешивания, подпрямоугольной формы с несколько выпуклыми сторонами. Сам гроб, имеющий размеры 2,20×0,80 *м*, помимо разрушенного покрытия состоял из двух досок днища, скрепленных между собой деревянными бантикообразными скрепками, и двух продольных и поперечных боковых досок с соединением этой конструкции с помощью шипов и пазов и опирался на две поперечные плахи под дном, расположенные ближе к его краям. По всему его внутреннему пространству были обнаружены многочисленные разбросанные кости человека, обломки железных изделий и плохо сохранившиеся мелкие кусочки ткани.

---

[1] *Волков В. В., Гришин Ю. С.* Разведки и раскопки в Монголии.— АО — 1969, М., 1970, с. 445, 446.



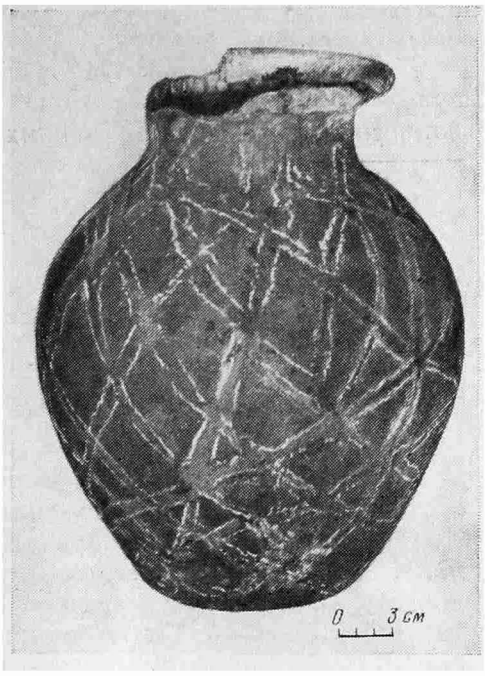


Рис. 1. Сосуды с расписным орнаментом из гуннской могилы у города Дархан

Рассматриваемые здесь сосуды совместно с кусочком бересты были обнаружены вне гроба, с наружной его стороны. Они стояли в ряд у западной стенки, близ северо-западного угла. Все сосуды имели сходную форму обычных гуннских кувшинообразных сосудов со значительно раздутыми в средней части туловами и узкими, расширяющимися у утолщенного края венчика горлышками (рис. 1). Между собой они различались лишь несколько большей или меньшей степенью вытянутости тулова и горлышка, а также наличием на плечиках одного из них типично гуннского орнамента в виде горизонтального резного пояска из двух параллельных линий, внутри которого помещалась также резная волнистая линия. Все они сохранили местами на стенках слабо выраженные следы пересекающихся линий решетчатой косой сетки, прочерченных красной краской (охрой), и, что важно отметить, этот последний орнамент пересекал резной и был нанесен явно позднее его. Судя по всему, отмеченная роспись данных сосудов была выполнена непосредственно перед погребением, связывалась с погребальным обрядом и имела определенное смысловое значение.

Может быть высказано наиболее вероятное предположение на этот счет. Допуская возможность того, что решетчатые фигуры у различных народов в разное время могли выражать разнообразные идеи, следует все же отметить, что большинство исследователей считают, что они представляют собой изображения небесных светил [2]. Применительно к гуннам такая трактовка тем более оправдана, поскольку в их религиозных воззрениях важное место занимал космический культ. Судя по письменным источникам, ежедневно хуннский шаньюй дважды совершал поклонение: утром — восходящему солнцу, вечером — луне. Предприятия начинались «смотря по положению звезд и луны» [3]. Гунны поклонялись идолу, изо-

[2] *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.— Л., 1963, с. 441, 442.

[3] *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М. — Л., 1950, с. 49, 50.

бражающему космос. Роль космического божества в их миросозерцании была огромной [4].

Таким образом, находка рассмотренных погребальных расписных сосудов может иметь известное значение в деле дальнейшего изучения вопросов мировоззрения древних хунну.

[4] *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960, с. 98—100.

В. И. САРИАНИДИ

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ КУЛЬТОВЫХ ИЗДЕЛИЙ БАКТРИИ

При работах Советско-Афганской экспедиции в Бактрии в пункте Дашлы-3 были найдены два каменных изделия необычного назначения. Одно из них встречено в центральной части святилища, так называемого круглого храма, относящегося к середине — второй половине II тысячелетия до н. э. Это изделие выточено из мягкого темного камня (предположительно стеатит) в форме почки; низкий бортик украшен процарапанным орнаментом в виде серии заштрихованных в косую сетку треугольников (рис. 1, *5*) [1]. Второе аналогичное изделие — в виде почки с нацарапанным орнаментом по бортику из заштрихованных в косую сетку треугольников — происходит из второго слоя, так называемого дворца (вторая половина II тысячелетия до н. э.), расположенного в том же пункте Даш-

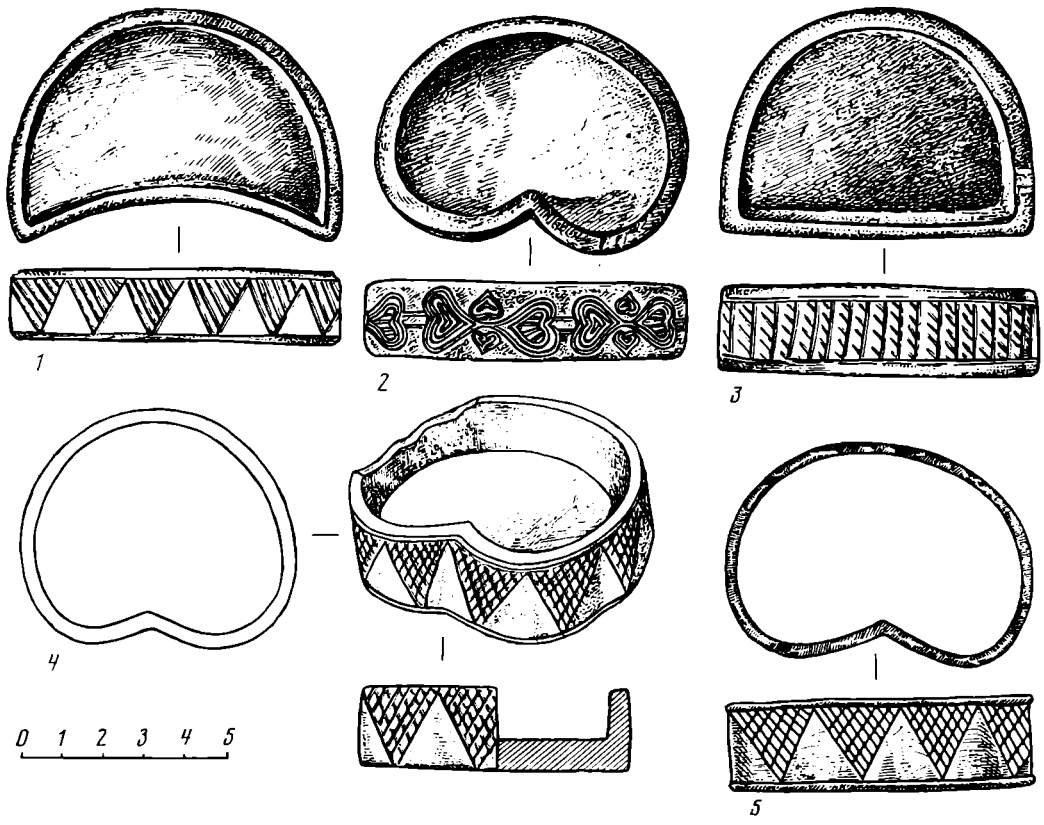


Рис. 1. Каменные изделия. *1*, *2*, *3* — из ненаучных раскопок могильников Северного Афганистана; *4* — Дашлы-3. Дворец. Второй строительный горизонт, *5* — Дашлы-3. Круглый храм. Из помещения № 10

[1] *Сариниди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы.— СА, 1974, № 4, рис. 1.

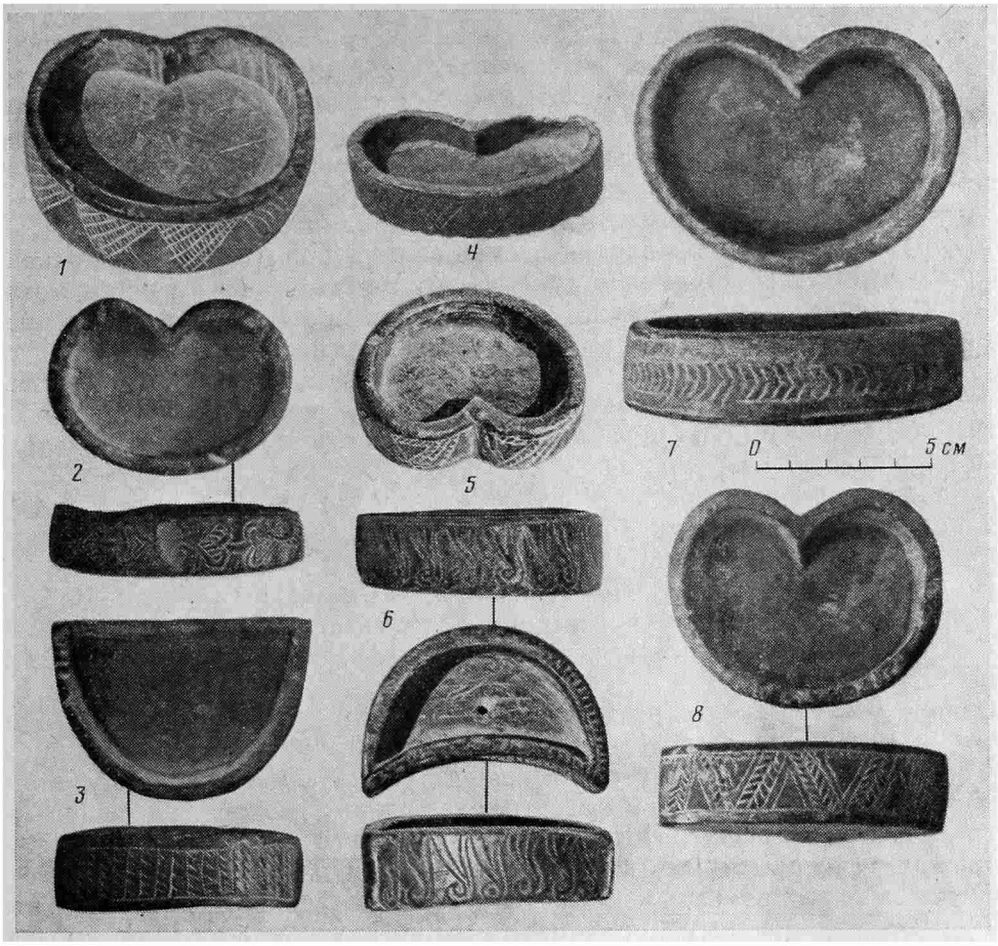


Рис. 2. Каменные изделия. *1* — Дашлы-3. Дворец. Второй строительный горизонт; *2*, *3*, *5*—*8* — из ненаучных раскопок могильников Северного Афганистана; *4* — с поселения Тоголок 2

лы-3 (рис. 1, *4*; 2, *1*). В настоящее время известно еще несколько подобных изделий, происходящих не из археологических, а хищнических раскопок могильников эпохи бронзы в основном из фарукабадского и дашлинского оазисов Северного Афганистана (обл. Балха). Часть их попала в антикварные лавки близлежащего г. Балха, где современные мастера по изготовлению поддельного антиквариата довольно искусно вырезают на их дне различные рисунки, как например, изображение хищного животного, скопированного со средневековых оригиналов поливной, глазурованной посуды.

В 1977 г. аналогичное изделие, выточенное из темно-зеленого стеатита, было обнаружено нами в развеянном погребении на поселении Тоголок 2 в древней дельте р. Мургаб (рис. 2, *4*) в Туркменистане. Как по форме, так и по орнаментам все рассматриваемые изделия из темного мягкого камня (предположительно стеатита) могут быть подразделены на несколько типов.

Тип 1 представляют изделия в виде почек (рис. 1, *2*, *4*, *5*; с. 2, *1*, *2*, *4*, *5*, *7*, *8*). Внешние бортики их украшены заштрихованными в косую сетку треугольниками (рис. 1, *4*, *5*; 2, *1*); треугольниками, разделенными между собой косыми зубчатыми лентами (рис. 2, *5*) или елочками (рис. 2, *8*); в одном случае представлен орнамент в виде широкого пояса, состоящего в свою очередь из серии «уголков» (рис. 2, *7*). В углублениях нарезного орнамента рассматриваемых сосудиков ни в одном случае не было обнаружено следов краски или пасты. Среди этого типа выделяется одно изде-

лие, украшенное рисунками пипала — характернейшего мотива, широко представленного на разнообразных изделиях харапской цивилизации; по словам информатора оно происходит с юга страны из р-на Кандагара (рис. 1, *2*; 2, *2*), где, кстати, располагается хорошо известное поселение эпохи бронзы Мундигак. Известно лишь одно литое, неорнаментированное медно-бронзовое изделие в виде почки.

Тип 2 составляют изделия, выточенные в виде полумесяца (рис. 1, *1*; рис. 2, *6*). Один из них сохранил нацарапанный орнамент в виде косо заштрихованных треугольников (рис. 1, *1*), другой с очень редким мотивом в виде серии закрученных на конце «завитков бороды», более распространенном в индо-месопотамском искусстве. Здесь же отметим, что на дне этого экземпляра (рис. 2, *6*) сохранились следы стертости и небольшое отверстие, происхождение которых остается не совсем ясным. Сам бортик по верхнему краю украшен косыми насечками, бесспорно, сделанными в древности.

Наконец, возможно третий тип составляет одно изделие, выточенное в виде полукруга; бортик украшен широким поясом, заполненным вертикальными линиями с косыми «ресничками» (рис. 1, *3*; 2, *3*).

Помимо упомянутых каменных изделий в антикварных лавках Кабула имеются другие каменные образцы, но тех же типов; кроме того, в единичных экземплярах известны керамические и фаянсовые изделия типа 2 в виде полумесяца.

Переходя к вопросу об их назначении, отметим, что изделия подобной формы в виде вставок-инкрустаций, амулетов, рисунков довольно широко известны в индо-месопотамском регионе[2]. Это фаянсовые и костяные вставки в виде почек из Асмара[3], храма Иштар в Телло[4], из серпантина из храма Телл Брак[5]. Исходя из их формы (в виде почек) и местонахождения (по преимуществу в культовых сооружениях), все они определяются как ритуальные изделия для гадания, подобно тому, как это практиковалось античными прорицателями по внутренностям животных и в первую очередь по почкам. В этой связи отметим, что бусы в форме почек упоминаются в месопотамских текстах в качестве других приношений богине Нингал[6]. Вместе с тем показательно, что в еще большей степени, чем в Месопотамии, мотив почки распространен был в харапской цивилизации долины Инда (костяные вставки, рисунки на печатях и керамике), что дало основание Э. Порade определить этот мотив как характернейший для харапской культуры. На основании имеющихся наблюдений Е. Дюринг Касперс прямо допускает проникновение этого мотива из долины Инда, отчасти морским путем, вплоть до Месопотамии[7].

Если учесть находку стратифицированных афганских образцов, найденных в руинах монументальных сооружений (Дашлы-3), то не исключено, что соответствующие бактрийские изделия из разграбленных могил также имели не бытовое, а культовое назначение. Показательны образцы типа 2, выточенные в виде полумесяца, что может подчеркивать их преимущественно астральный аспект в общей культовой символике. Дальнейшее накопление фактов позволит уточнить вопрос об их назначении; пока лишь отметим, что оба экземпляра, происходящие из пункта Дашлы-3, украшены аналогичными рисунками из заштрихованных в косую сетку треугольников, более не отмеченных пока ни на одном образце. Не исключено, что на каждой группе родственных поселений ритуальные

---

[2] Полную сводку см. *During Caspers E.* Some Motifs as Evidence for Maritime Contact Between Sumer and Indus Valley.— «Persica», V, 1970—1971, 112—114.

[3] *Frankfort H.* Tell Asmar, Khafadje and Khorsabad.— OIP, № 16, 1933, p. 52, fig. 32.

[4] *Parrot A.* Le Temple D'Ishtar. Paris, 1956, fig. 93.

[5] *Mallowan M.* Excavations at Brak and Chagar Bazar.— Iraq, IX, 1947, p. 39—40, Pl. XVII, *5*, *9—26*.

[6] *Leemans W. F.* Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960, p. 23.

[7] *During Caspers E.* Op. cit., p. 114.

изделия подобного рода украшались определенными типами орнаментов, что, однако, требует проверки на более массовом материале.

Следует отметить также, что каменные изделия, выточенные в виде почек и полумесяца, в системе Древнего Востока известны пока лишь в Афганистане, точнее Бактрии, что может указывать на их чисто местное происхождение[8]. С другой стороны, вышеотмеченные орнаменты на них находят вполне ощутимые аналогии в рисунках и изделиях прикладного искусства от долины Инда до Месопотамии, что, конечно, не является случайным. Вместе с тем на этом широком фоне параллели, происходящие из индо-иранской пограничной зоны, кажутся более показательными и предпочтительными, чем собственно месопотамские.

В свете имеющихся фактов и наблюдений можно допустить, что если сама идея особого, ритуального назначения формы почки и объясняется влиянием соседних более южных областей, то в среде афганских племен она получила местную трактовку, древнебактрийские племена этой идее придали новые формы, начав изготовлять из мягкого темного камня специальные сосудики в виде почки, реже полумесяца. Свои изделия местные мастера украшают разнообразными орнаментами, среди которых рисунки пипала, бесспорно, отражают влияния, идущие из долины Инда и соседнего Белуджистана.

Как бы то ни было, сосудики в виде почки как выработанный тип изделий культового, возможно, астрального назначения вне пределов Бактрии пока не известны. Используемые для гадания или прорицаний, они представляют собой отражение древних форм верований, не в последнюю очередь связанных с астральными представлениями. Помещение подобных изделий в могилы в качестве погребальных приношений лишний раз подчеркивает их особое, не бытовое назначение. В таком случае они могли сопровождать своих владельцев (возможно, лиц, связанных с отправлением культовых церемоний) и в загробный мир, где им предстояло выполнить ту же роль. Дальнейшие наблюдения уточнят подлинное назначение сосудиков в виде почек, но бесспорно, что имеющаяся небольшая коллекция приобретает особый интерес в свете реконструкции духовных представлений древнебактрийских племен эпохи бронзы.

---

[8] Близкое по форме изделие, но более грубое, выточенное из известняка, известно из Юго-Западного Туркменистана («культура архаического Дахистана», происхождение которой, бесспорно, связано с соседним Иранским Хорасаном). Формальные аналогии можно отметить также и среди сакских алтариков Сырдарьи (*Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, табл. XVI, *15*; XXIV, *4*, *5*).

А. С. СУРАЗАКОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КИНЖАЛ ИЗ ДОЛИНЫ АЧИК ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Публикуемый кинжал найден в 1971 г. при прокладке дороги в долину Ачик, расположенную в юго-восточной части Горного Алтая (рис. 1, 2). Общая длина кинжала 30 *см*, ширина клинка у рукояти 3,2 *см*. Кинжал имеет плоское, подтреугольное навершие с округленными углами и прямое со слегка выгнутой верхней стороной перекрестие. Двухлезвийный клинок украшен двумя рядами каннелюр, повторяющими его форму. На поверхности рукояти кинжала сохранились рельефные изображения, воспроизводящие, скорее всего, моменты из жизни эпического героя, а также

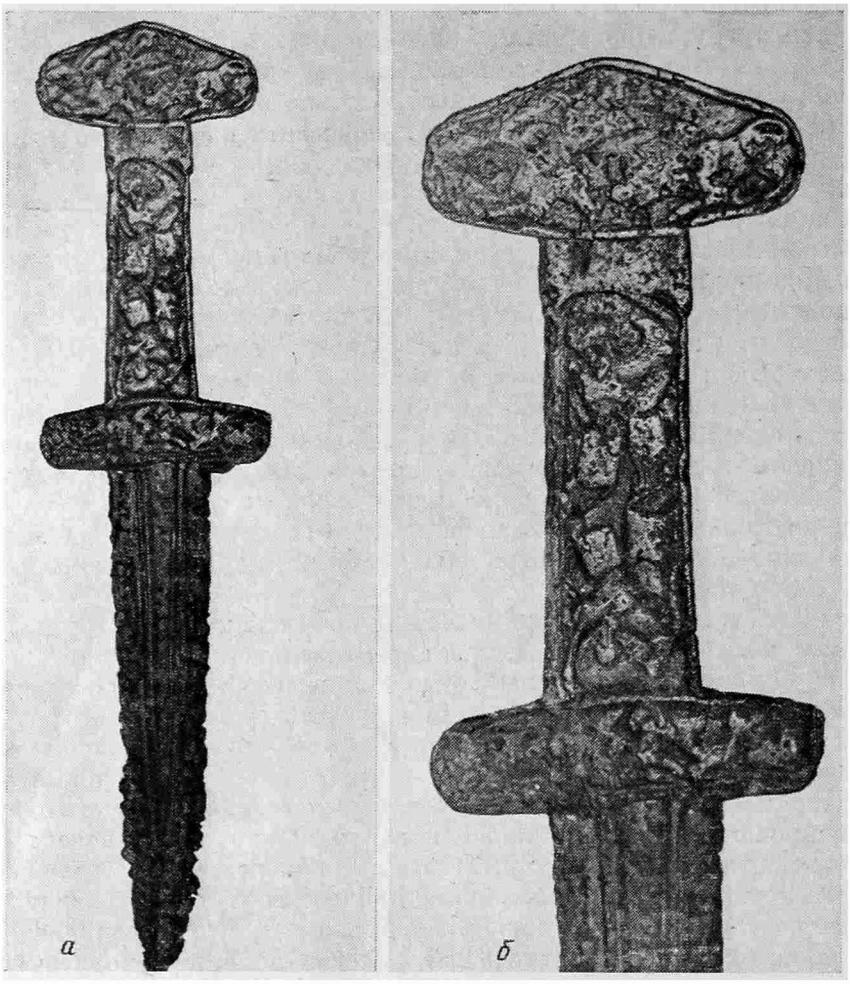


Рис. 1

сцены терзания хищниками травоядных. К сожалению, из-за коррозии металла изображения не всегда четко прослеживаются.

Однако сторона навершия сохранилась лучше другой. На ней изображен герой, вступивший в схватку с крупным вепрем (рис. 1, *а*). Человек припал на правое колено. Левой рукой он схватил кабана за загривок, правая рука отведена назад. Герой изображен без головного убора. Одет он в короткий кафтан, не доходящий до колен. Рукава плотно облегают руки. В нижней части кафтана небольшими штрихами показана меховая оторочка. В динамике изображен и противник героя — вепрь. Он припал на передние ноги, шерсть на его загривке встала дыбом. Изо рта торчит клык. Большой хвост кабана неестественно загнут вверх. Сзади человека можно разглядеть еще одно животное. Хорошо прослеживаются его задняя часть и хвост.

На той же стороне ручки изображена сцена терзания хищниками копытных. В правой части изображения мы видим горного козла, который лежит, подобрав под себя ноги. Правая передняя его нога вытянута вперед. Козел изображен с характерной для этого вида животных бородкой. Длинный тонкий рог загибается кончиком кверху. Ниже основания рога маленькое острое ухо. Хорошо видны круглый выпуклый глаз козла и его ноздри. В левой части изображения показана лошадь. Она лежит, как и козел, с подогнутыми ногами. Сзади на травоядных напали два хищника, очевидно барсы. Хвосты их закручиваются на концах, задние лапы прижаты к туловищу. На правом изображении барса, которое сохрани-

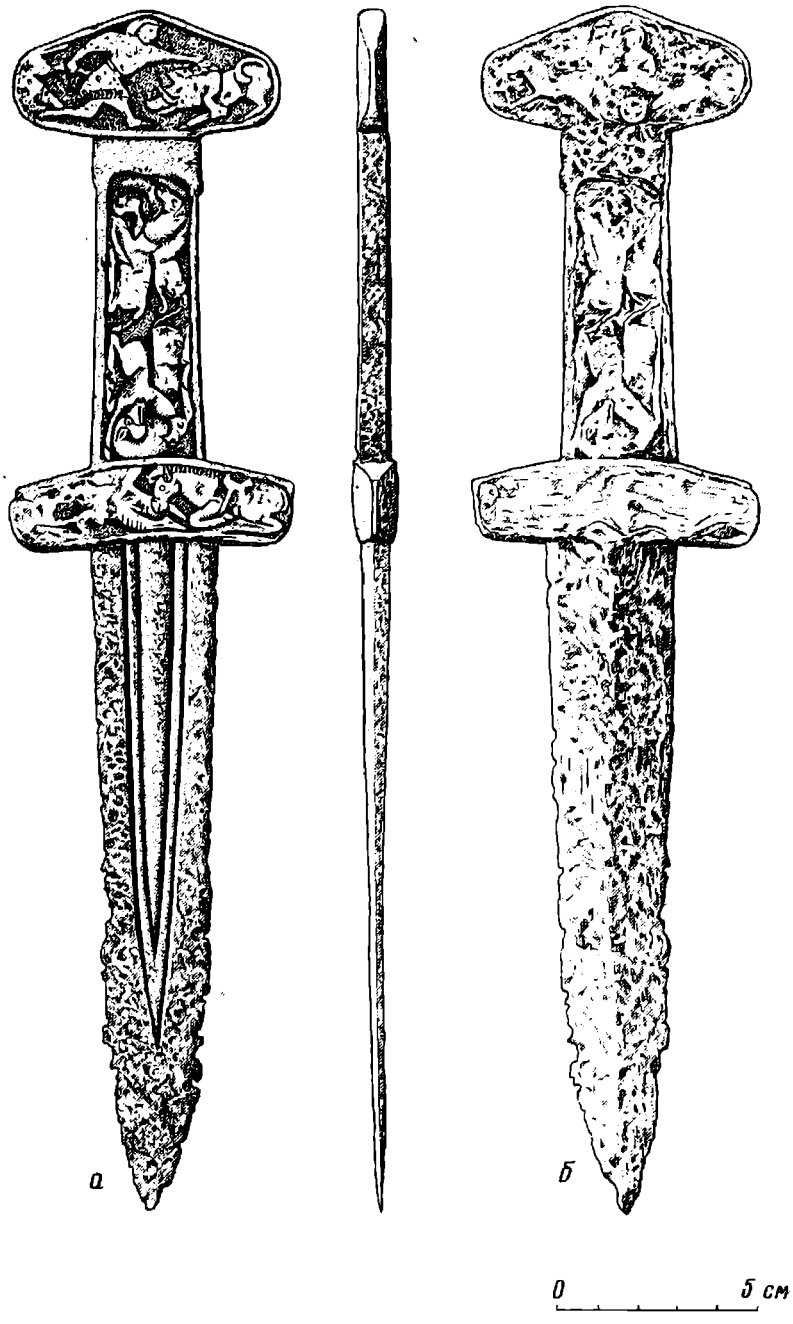


Рис. 2

лось лучше, видны прижатое к затылку острое ухо, круглый глаз, выделяется мощная челюсть. Обвившись вокруг своих жертв, хищники схватили их за горло. Изображая барсов, древний мастер воспользовался приемом, характерным для искусства алтайских кочевников I тысячелетия до н. э. Он изобразил хищников с вывернутыми телами.

Прослеживаются изображения и на сохранившейся стороне перекрестия. Здесь мы видим оседланную лошадь. Она лежит с поджатыми под живот ногами. Грива лошади подстрижена, со лба свисает пышная челка. Седло изображено с высокими луками, подпружный ремень смещен вперед. К сожалению, изображение человека сохранилось не полностью. Видны лишь часть полы одежды и ноги, положение которых указывает на то, что он лежит впереди своего коня.

Была покрыта изображениями и обратная сторона рукояти, однако из-за коррозии их очень трудно разобрать (рис. 1, *б*). В левой части этой стороны навершия изображена скачущая лошадь. Сзади нее можно различить небольшое колесо, над которым возвышается верхняя часть фигуры человека (рис. 1, *б*). Видимо, в данном случае изображен герой, едущий на колеснице. Сзади колесницы еле заметны контуры маленького животного. На самой ручке, судя по сохранившимся силуэтам животных, изображена та же самая сцена терзания хищниками травоядных. К сожалению, совершенно ничего нельзя разобрать на плохо сохранившейся стороне перекрестия.

Прямых аналогий сценам, изображенным на кинжале, нет. Однако не может вызвать сомнений тот факт, что перед нами одно из интереснейших произведений скифо-сибирского звериного стиля. С этим стилем кинжал объединяет глубокая реалистичность изображений, сделанных на его рукояти, соблюдение пропорций в передаче тел животных, удивительное умение мастера вписать изображение в форму того предмета, на котором оно находится.

Сцена борьбы человека с кабаном по своему стилистическому исполнению ближе всего стоит к вещам из Сибирской коллекции Петра I. Как на навершии кинжала, так и на сибирских бляхах-застежках, воспроизводящих сцены «охоты в лесу» и «отдыхающих под деревом», мы видим людей, одетых в короткие кафтаны с узкими, облегающими руки рукавами, узкие штаны, мягкую обувь[1]. Изображение оседланной лошади на перекрестии также очень близко к изображениям лошадей на сибирских застежках[2]. Совершенно одинаково трактована у них подстриженная грива. Сравниваемые лошади имеют острое ухо, спускающуюся на лоб челку. К сожалению, ржавчина уничтожила часть седла, и у читателя может сложиться неправильное мнение о его типе. Поэтому здесь следует указать на то, что до очистки изображения нижняя правая часть седла имела округлую форму. Это седло мягкого типа. Высокие луки сближают его с седлами ранних кочевников Горного Алтая[3]. Близок алтайским кочевникам I тысячелетия до н. э. и мотив нападения хищников на копытных.

Поскольку ачикский кинжал найден был случайно, без каких-либо сопровождающих вещей, его датировка представляет известную трудность. По своей форме он не имеет близких аналогий. Помочь в этом случае может лишь форма и способ изготовления перекрестия.

При внимательном изучении можно заметить, что перекрестие описываемого кинжала изготовлено из двух пластин, приваренных к рукояти. Прямые перекрестия на железных кинжалах, изготовленных из двух отдельных пластин, появляются у горноалтайских кочевников с III в. до н. э.[4], что позволяет датировать ачикский кинжал приблизительно

---

[1] *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I.— САИ, вып. Д3-9, 1962, М.— Л., табл. IV, *5*; табл. VII, *1*, *7*.

[2] *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973, рис. 189, 190; *Руденко С. И.* Ук. соч., табл. VII, *1*, *7*.

[3] *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., 1960, рис. 152, *ж*; *Захаров А. А.* Материалы по археологии Сибири.— Тр. ГИМ, вып. I, 1962, табл. V.

[4] Могильник Боротал II, к. 7, раскопки автора и В. А. Могильникова. *Сорокин С. С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы.— АСб.ГЭ, № 8, 1966, рис. 17. В Минусинской котловине подобный способ изготовления перекрестия характерен для железных кинжалов конца тагарской эпохи. Кинжалы эти имеют различную форму навершия и перекрестия: есть кинжал с прямым перекрестием (ГИМ, инв. № 3621), кинжал, найденный к северу от Минусинска, имеет навершие в виде головок грифонов (ГЭ, 1123/57), такое же навершие имеет и кинжал из с. Имек на р. Таштык (ММ, 762 *). Подобным способом изготовлены перекрестия и у ряда других минусинских кинжалов (ИМ, 5413, ММ, 1008 и др.). У одного из них, также железного (вероятно, импортного — навершие в виде двух головок бородатых быков ахеменидского типа), на клинке имеются каннелюры, как и у ачикского кинжала.

III—I вв. до н. э. Датировка кинжала указанным временем подтверждается и тем, что железо у ранних кочевников Горного Алтая становится господствующим материалом при изготовлении оружия и орудий труда именно в этот период. Следовательно, именно в этот период достигается совершенство обработки этого материала, необходимое для изготовления публикуемого кинжала.

Вполне возможно, что изображения эти связаны с героическим эпосом ранних кочевников[5]. На навершии мы видим героя, показанного в схватке с диким вепрем. Вепрь не убегает от человека, как в сценах «охоты», воспроизведенных на сибирских застежках[6]. Наоборот, он готов броситься на него, т. е. здесь герой и вепрь изображены как равные противники. На перекрестии герой или отдыхает, или лежит сраженный своим противником. Рядом с ним изображен его конь. Последний занимает видное место в эпосе с глубокой древности[7]. На обратной стороне навершия герой в колеснице едет навстречу новым подвигам. Вполне вероятно, что сцены терзания хищниками травоядных и другие сцены, воспроизведенные на рукояти кинжала, иллюстрировали какое-то этическое повествование.

См. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 36.

[5] Мысль о появлении героического эпоса у народов Южной Сибири еще до н. э. была высказана М. П. Грязновым (*Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— Археологический сборник, № 3. Л., 1961).

[6] *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I, табл. IV, *5*.

[7] *Грязнов М. П.* Ук. соч.; *Суразаков С. С.* Этапы развития алтайского героического эпоса. Автореф. докт. дис. М., 1973.

Л. Б. ГМЫРЯ

ГЛИНЯНЫЕ КОТЛЫ АНДРЕЙАУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

В течение пяти полевых сезонов Дагестанской археологической экспедицией производились раскопки на Андрейаульском городище — памятнике с хорошо сохранившимися непотревоженными мощными (до 4 *м*) культурными напластованиями[1].

Городище имеет трехчленную структуру (цитадель, город, посад), оно укреплено с напольной стороны глинобитными валами.

Для выяснения структуры культурных отложений раскопки велись на разных участках городища, кроме того, исследовались также гончарные печи, расположенные вблизи памятника[2].

Несмотря на сравнительно небольшую раскопанную площадь, археологи получили огромное количество обломков глиняной посуды и других керамических изделий, относящихся к периоду с I по VIII в. н. э.

Керамика Андрейаульского городища отличается большим многообразием форм и орнаментации[3]. Данная статья посвящена одной из слабо

[1] *Атаев Д. М.* Отчет о работе археологической экспедиции ИИЯЛ Даг.ФАН СССР в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3588; *Атаев Д., Абакаров А., Магомедов М., Маммаев М.* Раскопки Андрейаульского городища.— АО — 1967. М., 1968; *Магомедов М. Г., Гмыря Л. Б.* Работы на Андрейаульском городище — АО — 1975. М., 1976; *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Исследование Андрейаульского городища.— АО — 1976. М., 1977; *Магомедов М. Г., Гмыря Л. Б.* Итоги раскопок Андрейаульского городища.— АО — 1977. М., 1978.

[2] *Маммаев М. М.* Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане. (Гончарные печи Андрейаульского городища.) — Уч. зап. ИИЯЛ Даг.ФАН СССР, т. 20, 1970.

[3] Выражаю искреннюю признательность Магомедову М. Г. за разрешение использовать неопубликованные материалы его экспедиции.

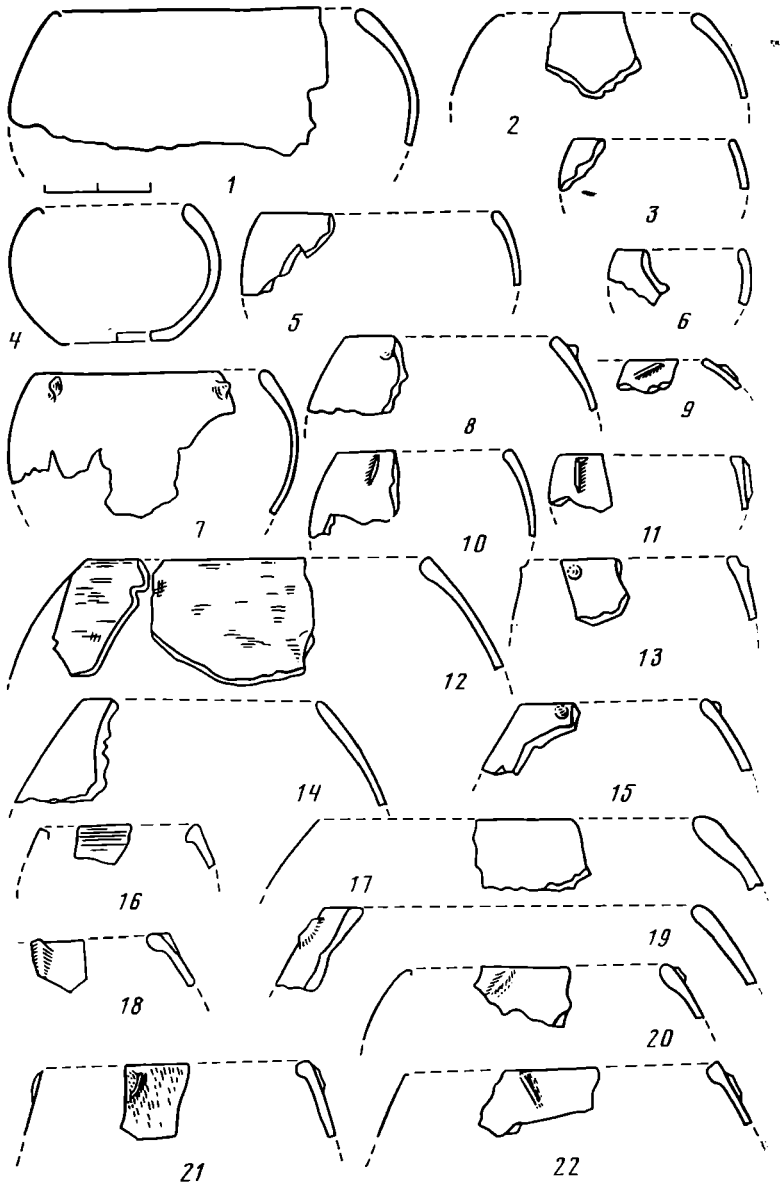


Рис. 1. Андрейаульское городище Котлы. *1—11* — тип 1; *12—22* — тип 2

изученных групп кухонной посуды, которую исследователи обозначают термином котлы [4].

Разработка типологии котлов усложнялась их большой фрагментарностью. Тем не менее крупные обломки венчиков, стенок и днищ котлов позволяют частично графически реконструировать их форму (в основном верхнюю часть сосудов), выяснить их основные размеры и пропорции.

Анализ керамики Андрейаульского городища построен в основном на материалах, полученных из стратиграфического раскопа 3 (раскопки 1976—1977 гг.), при сопоставлении их с материалами других участков городища [5].

---

[4] *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Ук. соч.

[5] Коллекция обломков котлов из раскопа составляет 690 фрагментов (3,3% от общего количества кухонной посуды), анализу подверглись 577 наиболее крупных фрагментов.

Таблица 1

Распространение орнаментированных котлов в слоях Андрейаульского городища

	Котлы I			Котлы II				
	1	2	5	1	2	3	4	5
20								
40								
60								
80								
100								
120								
140								
160	1							
180	1	1						1
200	1					1		
220		1		2				
240	2			6			1	
260				3	1	1		1
280				5	2	1	1	
300				1				1
320					1	1		1
340								

Примечание. Цифры слева — глубины в *см*; цифры в графах — фрагменты котлов; цифры сверху: *1* — вертикальный валик; *2* — валик с отклонением верхнего конца вправо; *3* — валик с отклонением верхнего конца влево; *4* — серповидный валик; *5* — сосцевидный налеп.

Корреляция типов котлов со стратиграфией Андрейаульского городища позволяет, как нам представляется, проследить хронологию развития этой группы сосудов.

По форме тулова котлы разделены нами на два типа: 1) шаровидные котлы; 2) котлы биконической формы.

Тип I. Шаровидные котлы (рис. 1, *1—11*) характеризуются слабовогнутым внутрь краем, диаметр наибольшего расширения тулова [6] немного больше диаметра венчика ($d_2 : d_1 = 1{,}1—1{,}5$). Диаметры венчиков котлов обычно не превышают 12—17 *см*, но встречаются и очень маленькие котелки, похожие на глубокие миски ($d_1 = 9—10$ *см*) (рис. 1, *6*). Целый экземпляр шаровидного котла дает возможность выяснить основные пропорции котлов первого типа (рис. 1, *4*). Тулово котла приземистое ($d_2 : H = 1{,}56$), оно равномерно расширяется, наибольшее расширение приходится на середину высоты котла ($h_1 : H = 0{,}47$). Переход к широкому плоскому дну ($d_3 : d_2 = 0{,}49$) резкий, край венчика слабо вогнут внутрь ($d_2 : d_1 = 1{,}3$).

Котлы первого типа лепные, внутренняя и внешняя их поверхность тщательно заглаживалась пучком травы. Снаружи котел после заглаживания обмазывался тонким слоем жидкой глины, что придавало его поверхности некоторую шероховатость. Обмазка поверхности котла глиной производилась, вероятно, с целью скрыть выступающие на поверхности вкрапления битой ракушки. Черепок в изломе черного цвета, тесто слоистое с добавками крупнотолченой ракушки и кварца. Внешняя поверхность котлов в основном черного цвета, часто закопчена. Девять процентов котлов этого типа украшались сосцевидными налепами (рис. 1, *7*, *8*) и короткими, длиной до 3 *см*, рельефными валиками треугольного сечения, помещавшимися в верхней части сосуда у края венчика (рис. 1, *9—11*). Валики прикреплялись вертикально (рис. 1, *10—11*) или с отклонением его верхнего конца вправо (рис. 1, *9*). Видимо, определенное раз-

[6] Для обозначения основных промеров котлов вводятся следующие индексы: диаметр венчика (d_1), диаметр наибольшего расширения тулова (d_2), диаметр дна (d_3), высота сосуда (H), высота наибольшего расширения тулова (h_1).

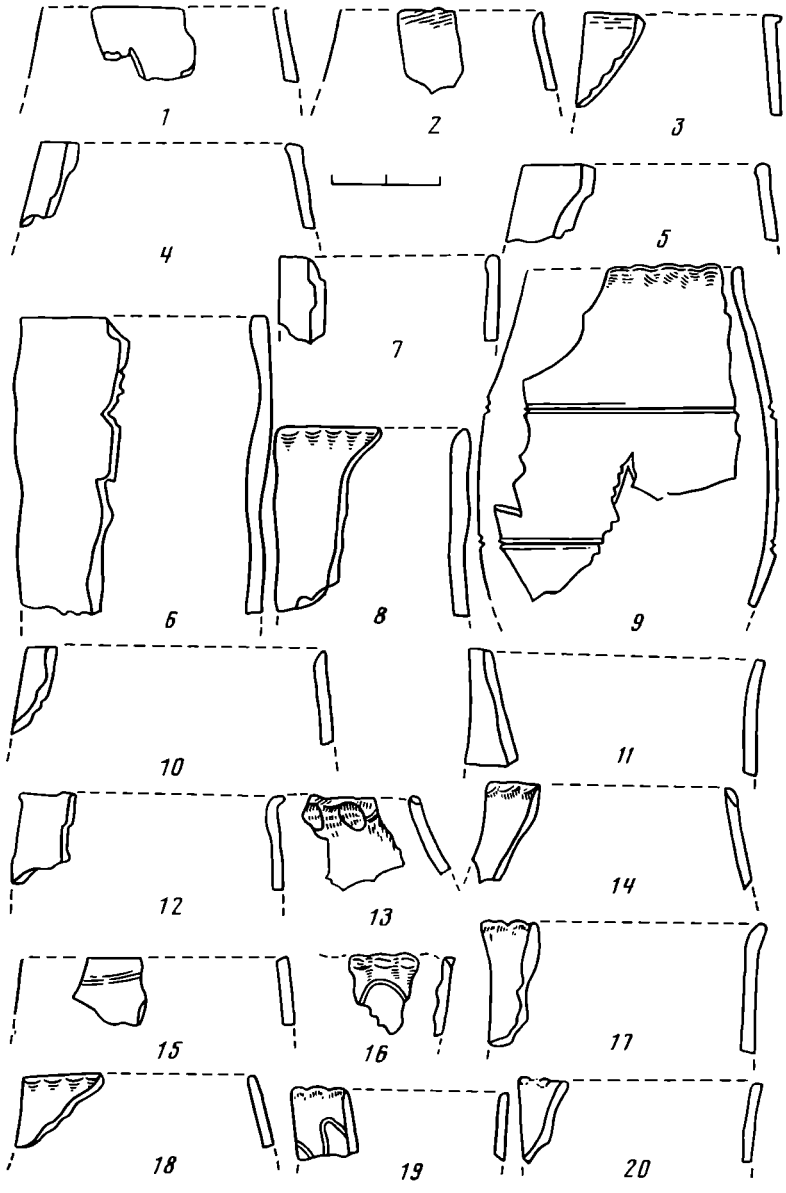


Рис. 2. Андрейаульское городище. Обломки керамических изделий (водопроводных труб?)

мещение налепа несло на себе какую-то смысловую нагрузку. Большинство орнаментированных котлов (пять из девяти) снабжались вертикальными валиками, спускающимися от края венчика вниз (табл. 1).

Тип 2. Обломки котлов второго типа не дают возможности полностью и бесспорно реконструировать форму из тулова. Однако плоские стенки котлов, резко расширяющиеся от вогнутого внутрь венчика, предполагают или уплощенно-шаровидную их форму, или (что более вероятно) биконическую. Тулово котла, достигнув наибольшего расширения, очевидно, так же резко сужалось к плоскому дну. Край котла второго типа загибался внутрь и примазывался к тулову, в результате чего верхние стенки котла утолщались (рис. 1, *12—22*).

Основная масса котлов второго типа большого диаметра (d_1=18—40 *см*), но встречаются и небольшие котлы (d_1=11,6—17,8 *см*).

Котлы биконической формы, так же как и шаровидные, изготовлялись вручную, внутренняя и внешняя поверхность их тщательно сглаживалась,

большинство котлов обмазывалось снаружи жидкой глиной. Внешняя поверхность, как и черепок, черного цвета, закопчена, тесто грубое с добавками кварца и битой ракушки.

7,8% котлов биконической формы украшались рельефными валиками и сосцевидными налепами, помещавшимися у края венчика. Наиболее распространен рельефный валик, крепившийся вертикально (54% — рис. 1, *18*, *19*) или с отклонением верхнего его конца вправо или влево (27% — рис. 1, *20*, *22*). Кроме того, изредка встречались серповидные валики (12% — рис. 1, *21*).

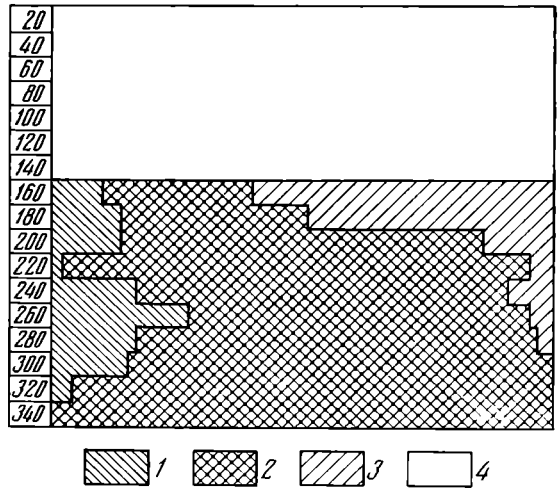


Рис. 3. Соотношение котлов различных типов в слоях Андрейаульского городища (в %). Цифры слева — глубины в *см*. *1* — тип 1; *2* — тип 2; *3* — водопроводные трубы (?); *4* — 10%

К группе котлов долгое время исследователи считали возможным относить и еще один тип керамических изделий, известных по большому количеству обломков в слоях Андрейаульского городища. Это обломки изделий цилиндрической или усеченно-конической формы диаметром от 14,1 до 22 *см* (рис. 2, *1—20*). Внешняя их поверхность имеет светло-серый цвет. Она тщательно сглажена. Внутренняя поверхность очень грубая со следами примазки лент во время лепки. Создается впечатление, что внутреннюю поверхность даже не пытались сглаживать. Черепок звонкий, светло-серого цвета, тесто с вкраплениями крупнозернистого песка и кварца.

43% обломков изделий этого типа орнаментированы по краю пальцевидными вмятинами (рис. 2, *8, 9, 13, 16—20*), у остальных верхний край срезан горизонтально (рис. 2, *1—7, 10—12, 15*). Помимо украшения края вмятинами тулово этих изделий иногда орнаментировалось резными горизонтальными или волнистыми линиями (рис. 2, *9, 15, 16, 19*).

Как уже говорилось, внутренняя поверхность изделий этого типа не заглаживалась. Очевидно, главная роль отводилась внешней поверхности, а следовательно, эти изделия не могли быть использованы ни для приготовления пищи, ни для хранения продуктов. Вполне возможно, что это были водопроводные трубы, их цилиндрическая форма, малый диаметр, срезанный край подтверждают это. Украшение края пальцевидными вмятинами и в некоторых случаях тулова резными линиями может быть объяснено тем обстоятельством, что концы труб, выходящие наружу в жилищах, как правило, орнаментировались [7].

Обратимся к вопросу стратиграфического распределения котлов обоих типов и керамических водопроводных труб в слое Андрейаульского городища.

Шаровидные котлы (тип 1) встречаются в нижнем слое мощностью до 1 *м*, составляя 43% от общего количества котлов этого типа. В среднем слое толщиной до 160 *см* их становится больше — 55,8%. Шаровидные котлы являлись, по-видимому, малоупотребительной формой на всем протяжении их существования, среди других форм котлов они составляют в нижнем слое 15%, а в среднем — 14,5% (рис. 3).

---

[7] Из раскопок Кудрявцева А. А. в Дербенте известны многочисленные обломки, а также целые экземпляры средневековых керамических водопроводных труб, украшенных резными горизонтальными и волнистыми линиями.

Котлы биконической формы (тип 2) также употреблялись в первом и во втором периодах существования городища (нижний слой — 47%, средний — 51,7%). В отличие от шаровидных это наиболее распространенная форма котла. В нижнем слое подавляющее количество котлов — биконические (81%), в среднем слое их становится меньше, но это все еще ведущая форма (65,7%) (рис. 3). В верхнем слое они почти не встречаются (5 фрагментов).

Керамические водопроводные трубы встречены в небольшом количестве в нижнем слое городища (9,5%), но массовым материалом они становятся лишь в среднем (89%). Если сравнивать их с обломками котлов (тип 1, 2), то в нижнем слое их 2%, а в среднем — 19,6%. В верхнем слое керамические трубы практически отсутствуют (1 фрагмент).

Стратиграфические наблюдения за распределением различных типов котлов в слоях раскопа показывают прежде всего, что эта форма кухонной посуды была характерна для первого и второго этапа бытования городища, не претерпевая каких-либо существенных изменений. На третьем этапе жизни города котлы совсем не употреблялись. Изменения затрагивают лишь количественные характеристики. Соотношение котлов различных типов в слоях изменяется: орнаментация котлов первого и второго типа преобладает в основном в нижних слоях, в средних она почти отсутствует (рис. 3).

Следует подчеркнуть, что котлы являлись наиболее консервативной формой кухонной посуды. Из этнографии известны факты, когда котел сохранялся в доме и передавался из поколения в поколение уже не как бытовая вещь, а как культовый предмет[8]. Основная форма котла также сохранялась в течение длительного времени и переносилась на новые образцы почти без изменений с некоторыми дополнениями в орнаментации.

Нижний слой Андрейаульского городища, датируемый исследователями первыми веками н. э. (I—III вв. н. э.), характеризуется в основном котлами биконической формы (тип 2), в среднем слое (IV—VI вв. н. э.) бóльшая часть котлов также биконическая (тип 2), но они уже не являются доминирующей формой, одновременно с ними употреблялись шаровидные котлы (тип 1).

Прямых аналогий андрейаульским котлам в средневековых памятниках Дагестана и сопредельных областей, судя по публикациям, нет. На Урцекском городище (Южный Дагестан) в раннесредневековых слоях встречены котлы уплощенно-шаровидной формы с вертикальными стенками и горизонтальными псевдоручками[9]. Поверхность их лощилась. Несколько приближаются к шаровидным котлам (тип 1) Андрейаульского городища сосуды шаровидной формы с узкими отверстиями (некоторые из них также, как и андрейаульские, украшены по тулову сосцевидными налепами)[10], миски-жаровни шаровидной формы с загнутой внутрь закраиной[11], а также чашки-светильники[12] из средневековых слоев Урцекского городища.

Интересно, что из-за консервативности этой группы сосудов аналогии им можно найти среди керамических материалов дагестанских поселений и могильников рубежа III — II тысячелетия до н. э. Это сосуды-кубки (шаровидные котлы на высокой ножке), украшенные вдоль тулова рассеченными валиками из Чиркейского курганного могильника[13], шаровид-

---

[8] *Орбели И.* Албанские рельефы и бронзовые котлы XII—XIII вв.— В сб.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 313, 314.

[9] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Канд. дис. М., 1971. Архив ИА АН СССР, р-2, № 2065а, рис. 17, *2*.

[10] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана..., рис. 13, *7*, *8*.

[11] Там же, рис. 16, *4*.

[12] Там же, рис. 22, *2*, *3*.

[13] *Гаджиев М. Г.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3199, рис. 48, *7*, *8*.

ные горшки с загнутым внутрь краем, некоторые из них украшены сосцевидными налепами [14], и сероглиняные горшки биконической формы с ручками [15] из слоев одноименного поселения эпохи бронзы.

Последующий период, переходный к эпохе железа (XI—VII—VI вв. до н. э.), также дает некоторые аналогии андрейаульским формам котлов [16].

Все это свидетельствует о значительном распространении котлообразных сосудов среди аборигенного населения Дагестана и подтверждает глубоко местные традиции этой формы сосудов, доживающих, судя по материалам Андрейаула, до конца VI в. н. э.

[14] *Гаджиев М. Г.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3421, рис. 18, *2*.

[15] *Гаджиев М. Г.* Ук. отчет за 1965 г., рис. 17, *1*.

[16] *Пикуль М. И.* Мугерганский могильник.— МАД, т. III, 1973, рис. 8, *3*, *7*, *12*.

В. Д. БЕЛЕЦКИЙ, С. В. БЕЛЕЦКИЙ

СОСУД ИЗ МОГИЛЫ ПСКОВСКОГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА — ГАВРИИЛА МСТИСЛАВИЧА (1138 г.)

Летом 1965 г. во время раскопок церкви Дмитрия Солунского в Довмонтовом городе Псковского кремля были найдены фрагменты кругового сосуда, украшенного по тулову небрежно нанесенными в разных направлениях прямыми и волнистыми желобками и налепными валиками с косой насечкой. Венчик сосуда оформлен уступом для крышки, придонная часть формована пальцевыми вдавлениями. По каннелированному горлу располагались три налепных киотца с помещенными в них изображениями человеческих лиц. Единственное сохранившееся изображение посажено в киотце криво. Оно, очевидно, сползло со своего первоначального места при подсушке сосуда или в процессе обжига. Обжиг недостаточный, в изломе фрагментов отмечена неравномерность и несплошная прокаленность глиняного теста. Цвет фрагментов серо-желтый, с темными пятнами. Тесто с примесью дресвы [1].

В полевых условиях из найденных фрагментов были подобраны и склеены горло сосуда и придонная часть с днищем. Позднее в реставрационных мастерских Гос. Эрмитажа сосуд был восстановлен (скульптор-реставратор Н. А. Захарова). Выяснилось, что он имел вытянутые пропорции, максимальное расширение тулова приходилось на нижнюю треть сосуда, диаметр днища превышал диаметр горла (рис. 1). Абсолютные размеры сосуда после реставрации в *см*; высота 45, диаметр устья 13, днища — 15, горла — 9, максимальная ширина тулова 23, толщина стенок 0,5—0,7.

Условия находки фрагментов сосуда в раскопанной постройке заслуживают особого внимания. Все учтенные обломки найдены под полом храма, в северной половине диаконника, к востоку от престола, близ валунов фундамента, в нижних сантиметрах слоя, непосредственно над оконтурившейся в материке прямоугольной, незначительно заглубленной в материк ямой, а также на ее дне. Яма ориентирована с запада на восток, занимает весь промежуток апсиды за престолом.

Раскопками 1965 г. было установлено, что в южной апсиде храма в древности были проведены земляные работы, в результате которых престол был разобран до уровня цемяночного пола, а сам пол в восточной

[1] ОИРК ГЭ, инв. № ПД-65/128.

Рис. 1. Сосуд из могилы князя Всеволода Мстиславича после реставрации. Скульптор-реставратор Н. А. Захарова

запрестольной половине диаконника был снят на всей площади апсиды и затем вторично настелен уже из плитняка. На уровне пола в кладке престола осталась тонкая прослойка натоптанного чернозема, указывающая на связь вскрытия пола с разборкой престола. Вскрытая площадь несколько превышала площадь материковой ямы, полностью перекрывая последнюю. Слой на участке произведенных работ отличался от слоя под полом в других частях храма. Вместо чернозема с большим количеством органических остатков здесь встречены отложения строительного мусора (частицы раствора, битая плинфа, куски цемяночного пола). Отличался и состав находок: в черноземе под полом алтаря, жертвенника и четверика храма найдены многочисленные предметы быта, типичные для слоя средневекового городского посада, в который были впущены фундаменты храма, а в строительном мусоре под полом в запрестольной части диаконника среди прочих находок встречены предметы храмового хозяйства (свечник бронзового хороса, застежка от книги), указывающие на проведение работ в действующем храме. После завершения работ престол был вновь поставлен на прежнее место и кладка его положена из того же материала и в той же технике, что и прежде. Собранные в строительном мусоре находки определяют время проведения земляных работ в пределах XII в.

Приведенные наблюдения представляют интерес в связи с разноречивостью письменных источников о месте погребения новгородского князя Всеволода — Гавриила Мстиславича. Напомним, что после изгнания из Новгорода в 1136 г. Всеволод бежал в Киев к своему дяде Ярополку и был посажен в Вышгороде. В 1137 г. он принял приглашение псковичей занять стол, очевидно ориентируясь на возможность возвращения в Новгород. Приход Всеволода в Псков вызвал недовольство в Новгороде, складывалась чрезвычайно сложная обстановка, но 11 февраля 1138 г. Всеволод умер [2]. Далее в источниках разночтения. По одним сведениям Всеволод «положен бысть в церкьви святыа Троицы» [3], по другим — «в церкви святого мученика Дмитрия» [4]. Последние сведения находят подтверждение в Степенной Книге, которая вслед за указанием на место погребе-

[2] НПЛ, с. 24, 25, 210; Псковские летописи, т. 1. М.— Л., 1941, с. 10; т. 2. М.— Л., 1955, с. 19, 76; ПСРЛ, т. 1. М— Л., 1926, стб. 305; т. 2, СПб., 1908, стб. 300, 301; т. 7, СПб., 1856, с. 31; т. 9, СПб., 1862, с. 161; т. 25, М.— Л., 1949, с. 33.

[3] Псковские летописи, т. 1, с. 10; т. 2, с. 12; ПСРЛ, т. 1, стб. 305; т. 2, стб. 300, 301; т. 7, с. 31; т. 9, с. 161.

[4] Псковские летописи, т. 2, с. 77.

ния — церковь Дмитрия Солунского — отмечает, что могила Всеволода — Гавриила находилась там всего 54 года и 27 ноября 1192 г. после канонизации Всеволода его останки были торжественно перенесены в Троицкий собор [5].

Данные раскопок полностью подтверждают версию погребения Всеволода — Гавриила Мстиславича, изложенную в Степенной Книге. Обнаруженная в материке под полом диаконника церкви Дмитрия Солунского неглубокая прямоугольная яма, судя по размерам и ориентировке, несомненно представляла собой донную часть могильной ямы. Проследить яму на всей глубине не удалось, но это объясняется нарушением стратиграфии слоя в результате зафиксированных земляных работ. Хронологическая близость их ко времени собственно постройки храма (первая треть XII в.) и факт отсутствия погребения подтверждают происшедшее 27 ноября 1192 г. вскрытие могилы с изъятием останков князя.

Компактное нахождение фрагментов сосуда связывает находку с княжеским погребением. Косвенным подтверждением этому является исчезновение большинства фрагментов сосуда, очевидно, раздавленного тяжестью земли или разбитого при вскрытии могилы. По-видимому, они были разобраны как святые реликвии присутствовавшими при церемонии перенесения мощей.

Атрибутируя сосуд как составной элемент погребального обряда, мы одновременно определяем верхнюю дату времени его изготовления: чтобы быть помещенным в могилу, сосуд должен был к моменту совершения погребальной церемонии уже существовать. Уточнению времени изготовления сосуда в немалой степени способствуют отмеченные выше особенности технологии изготовления. Сползшее со своего первоначального места скульптурное изображение и допущенные отступления от нормы при обжиге свидетельствуют о спешности, вызванной, вероятнее всего, сжатыми сроками, отпущенными для совершения работы. Это может быть объяснено изготовлением сосуда специально к погребению князя. В таком случае время изготовления определяется значительно точнее. Источники, сообщая о дне кончины князя, единодушны — 11 февраля 1138 г. Иногда уточняется, что это был «четверток масленыя недели» [6] («четверток сырныя недели» [7]) и что князь был похоронен «в неделю» [8]. Учитывая деталь, отмеченную в Архивском 2-м списке Псковской Третьей летописи — «в неделю масленоую» [9], можно предположить, что захоронение произошло не позднее конца масленой недели, т. е. не позднее 14 февраля 1138 г. В промежуток между 11 и 14 февраля и должен был быть изготовлен помещенный в могилу сосуд. При этом оригинальное решение внешнего облика и отсутствие прямых аналогий заставляют предположить сознательное сообщение сосуду ярко выраженных индивидуальных черт, что, разумеется, не исключает возможности наличия каких-то прототипов, может быть даже и не среди керамики.

Декорируя сосуд, скульптор уделил особое внимание композиции на горле. Трехчленный характер ее наводит на мысль о Деисусе. Однако специальный характер назначения сосуда позволяет предполагать наличие вложенного в композицию конкретного смысла — вероятность патронального сюжета.

Методика освоения патрональных сюжетов пока только разрабатывается. Предложенные опыты носят характер более или менее остроумных догадок [10].

[5] ПСРЛ, т. 21, первая половина. СПб., 1908, с. 193—203.
[6] Псковские летописи, т. 2, с. 19, 77.
[7] Там же, т. 1, с. 10.
[8] Там же, т. 2, с. 19.
[9] Там же, т. 2, с. 77.
[10] *Янин В. Л.* Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений.— В сб.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973, с. 267—271.

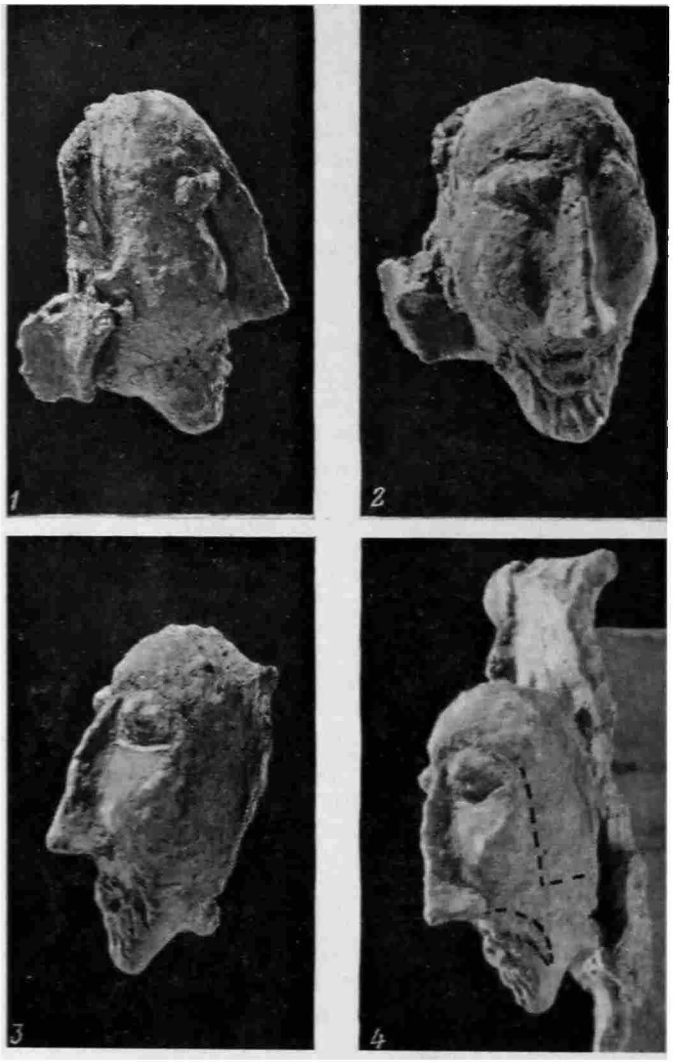


Рис. 2. Скульптурное изображение человеческого лица, украшавшее горло сосуда. *а* — справа, *б* — анфас, *в* — слева, *г* — три четверти. Пунктиром отмечены следы утраченных волос и усов

Фрагментарность сохранившейся композиции не позволяет с уверенностью персонифицировать состав предстоящих святых. Можно лишь предполагать несколько вариантов. В классическом патрональном предстоянии кроме Спаса в композицию должны быть включены христианские патроны лица, которому предназначалось изделие, и его отца, т. е. в данном случае могли быть архангел Гавриил (святой патрон Всеволода) и святой Федор (покровитель Мстислава Великого), символизирующие христианское имя князя — Гавриил Федорович. При полной замене Деисуса в композицию мог быть включен христианский патрон деда центрального персонажа — в данном случае святой Василий (покровитель Владимира Мономаха). Наконец, в варианте частичной замены патрональный святой включался в композицию вместо одного из персонажей каноничного предстояния, т. е. вместо Богородицы или Иоанна Предтечи мог быть изображен Архангел Гавриил.

В конечном счете допустимым представляется сопоставление дошедшего до нас изображения с пятью из названных возможных персонажей композиции (следует исключить из сопоставления образ Богородицы). Сложность, однако, заключается в том, что изображение на сосуде

лишено какой бы то ни было канонич-ности и не находит себе прямых аналогий в иконографии указанных святых [11]. В этой связи наибольшее значение приобретает заключение покойного М. М. Герасимова [12] о несомненных портретных чертах, приданных изображению (рис. 2). Действительно, характерная внешность — продолговатое лицо широкие скулы, невысокий лоб, близко посаженные навыкате глаза, тонкий длинный нос с горбинкой, маленький подбородок, короткая редкая борода, следы длинных волос, закрывавших уши, небольшая верхняя губа со следами висячих усов — и исключительная выразительность облика позволяют предположить запечатленные талантливым скульптором в глине черты современника. Учитывая принадлежность сосуда, выскажем в качестве недоказуемой гипотезы предположение о возможном вложении в изображения персонажей композиции портретных черт реальных лиц — Всеволода-Гавриила, Мстислава Великого, Владимира Мономаха.

Рис. 3. Реконструкция внешнего облика прототипа скульптурного изображения (рис. В. И. Кулакова)

В этой связи интересными могут стать наблюдения за возрастом вероятных прототипов изображения:

Владимир — Василий Мономах — родился в 1053 г., скончался в 1125 г. в возрасте 72 лет.

Мстислав — Федор Великий — родился в 1076 г., скончался в 1132 г. в возрасте 54 лет.

Всеволод — Гавриил Мстиславич — год рождения неизвестен, скончался в 1138 г. По косвенным данным (начал княжить в Новгороде, будучи юным, в 1117 г., женился в 1123 г. и в том же году родился первенец, названный Иоанном, в связи с чем был поставлен храм Ивана на Опоках) можно предположить, что князь скончался в возрасте между 30 и 40 годами [13].

Прорисовка фотографии скульптурного изображения, «дополненная» утраченными волосами и усами, а также княжеским головным убором, позволяет увидеть портретное изображение сравнительно молодого человека (рис. 3). «По возрасту» оно более всего подходит Всеволоду — Гавриилу Мстиславичу. Не исключено, что найденное скульптурное изображение, украшавшее погребальный сосуд, является единственным дошедшим до нас прижизненным, точнее — посмертным, портретом князя.

---

[11] Консультация А. С. Косцовой.

[12] Устное определение М. М. Герасимова, сделанное по просьбе В. Д. Белецкого во время работы юбилейной научной сесии Гос. Эрмитажа в 1967 г.

[13] Если прав В. Л. Янин, принимающий за вероятную дату рождения Всеволода 1103 г., когда Мстислав Великий заложил храм Благовещение на Городище (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси, т. 1. М., 1970, с. 108—110), то в 1138 г. Всеволоду было около 35 лет.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА УЙГУРО-ХАКАССКИХ ВОЙН IX века

Летом 1976 г. М. А. Дэвлет в Туве была обнаружена новая руническая надпись [1]. Небольшой текст из двух горизонтально начертанных строк вырезан острием на верхней поверхности отдельной глыбы девонского песчаника (размерами 2,4×1,1×1×1 *м*). Камень с надписью расположен под конусом выноса горы на обрывистой узкой полке в 600 *м* от левого берега Енисея, в 4 *км* ниже вхождения реки в так называемую «трубу» (2 *км* ниже урочища Мугур-Саргол и в 5 *км* выше устья р. Хемчик). На той же песчаниковой глыбе есть и более ранние рисунки животных, выполненные точечной техникой (изображены три горных козла и семь верблюдов). Возможно, эти рисунки и привлекли внимание автора средневековой надписи к данному камню. Верхняя строка рунического текста (длиною 33 *см*) содержит 21 знак, нижняя состоит из 8 букв, расположенных линией длиною 12 *см* (рис. 1). Высота знаков составляет от 1,7 до 3 *см* (обычно 2—2,5 *см*). Толщина линий редко превышает 1 *мм*. Надпись читается справа налево (рис. 2).

Транслитерация

(1) б²н²б²ӱ(ӧ)к²д²ӓн¹д¹ак²ӱ(ӧ)у(о)д¹мзк²ӓмӱ(ӧ)г

(2) к²у(о)л¹н¹б²т²д²і

Транскрипция

(1) Б¹ң бӱк³д.ӓᴬнᴺда кӱ удᴺмᴺз. Кӓм ӱгʸ (з).

(2) К²улʸн б¹т¹ді.

Перевод

(1) У тысячи героев на (реке) Ане славу мы сумели (уничтожить). Река Кем (Енисей).

(2) Написал Кулун.

Разбор

1. Бің — тысяча (ДТС, 101) [2]. Среди известных рунических текстов встречается как полное написание этого слова (Тон, *14*; Мог Ха, *1*; Е — 26,8), так и сокращенное — б²н² (МЧ, *48*). Причем последнее чаще употребляется на енисейских памятниках (Е—41, *1*; Е—42, *2*; Е—46, *3*). Формально первое слово можно прочесть и как біл — «знай», но мы воздерживаемся от такой несвойственной енисейским текстам назидательной громогласности.

2. Бӱкӓ (вариант произношения — бӧгӓ) — герой, силач, богатырь (ДТС, 116, 132). Аналогичное написание — бӱк — встречено в надписи Кули-Чура (КЧ, *17*).

Выражение бің бӱкӓ в значении «тысяча богатырей (героев)», вероятно, указывает не на точное число лиц, а подчеркивает многочисленность врагов подобно известным фразам енисейских эпитафий: «сто мужей, мои родственники, вам моим тысяча мужам...» [3] (ӱз ӓр кадашым сізімӓ бің ӓр будунума...; Е—42, *2*), «тысяча героев моих...» (бің ӓрім; Е—41, *1*), «тысяча восьминогого скота моего...» (бің сӓкіз адакрыг барымым...; Е—42, *6*). Многочисленность побежденных врагов подчеркивает доблесть

[1] *Дэвлет М. А., Студзицкая С. В., Зенков В. К., Шульгин В. Л.* Петроглифы Саянского каньона Енисея.— АО — 1976. М., 1977, с. 202. Ср. *Баскаков А. Н.* Наскальная руническая надпись в Терезеннике-Бююк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР.— СЭ, 1978, № 3. Чтение, перевод и выводы автора не вполне согласуются с текстом памятника, дополнительно осмотренного и зафиксированного нами 20 августа 1978 г.

[2] В статье при ссылках на древние тюркоязычные надписи приняты следующие сокращения: ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969. Основные надписи обозначены: Аа — памятник Асхете; Е — памятники енисейской письменности (нумерация по списку ДТС); КТ, КТб — памятник Кюль-Тегина; КЧ — памятник Кули-Чура; Мог, Мог Ха — памятник Бильге-Кагана (Могиляна); МЧ — памятник Моюн-Чура; О — Онгинский памятник; ХТ — памятники Хойто-Тамира.

[3] *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.— Л., 1952, с. 76.

победителя; эпичность выражения подчеркивает, что содеянное, по мнению писавшего, достойно богатырских сказаний.

Употребление в этом словосочетании местного падежа встречает аналогию в памятнике Бильге-Кагана (біріja табғачда аты кӱсі jок болты — «на юге у табгачей погибли их имя и слава» — Мог, *36*) и позволяет считать опущенным (в составном глагольном сказуемом) глагол со значением «уничтожать, губить» (joккыш=?). В енисейских надписях слово бӱкӓ ранее не встречалось, однако в форме бӧкӧ, мӧгӓ, мӧкӓ оно бытует в значении «силач, борец» в современных языках народов Саяно-Алтайского нагорья [4].

3. Название р. Аны, правого притока Абакана (по-хакасски Ана-суғ; на современных картах — неточное «Она»), дважды упоминается в памятнике Тоньюкука. В обоих случаях написание его — н'ы (Тон, *24, 27*), что несколько отличается от изучаемой надписи — н'. Расхождение, видимо, объясняется употреблением здесь местного падежа, позволившего в написании выпустить предшествующую гласную букву основы. При описании происходивших на реках событий употребление названия реки в местном падеже известно в рунических памятниках (см., например, МЧ, *19*). Обычно сопутствующее названию слово «река» здесь опущено, как это иногда случалось и в других надписях, в том числе и по отношению к р. Ане (Тон, *24*).

В этом слове можно было бы видеть местный падеж от местоимения ол. Однако читать здесь анда — «там, тогда» — мешает обычное написание этого слова, где сочетание звуков нд (нт) передается не двумя буквами, а одним специальным знаком в виде кружка с одной или тремя точками в центре (Е—11, *3*; КЧ, *4*; КТ, *13*, *32*; Тон, *49*; МЧ, *2*, *4*, *7*, *10*, *12*, *13*, *14*, *20*, *24*; 0, *5*, *6*, *8*; ХТ—I, *5*; ХТ—II, *6*; ХТ—VI, *2*; ХТ—XI, *1*).

Таким образом, наиболее вероятно видеть здесь написание названия р. Аны, оформленное показателем местного падежа.

4. Кӱ — слава, весть (ДТС, 322) — не имеет в этом тексте никаких указателей принадлежности, никаких падежных окончаний, хотя из контекста ясно, что речь идет о принадлежавшей врагам славе, а в предложении слово является прямым дополнением. Однако в средневековых тюркоязычных текстах много примеров именно такого употребления этого слова (кӱ äсідіп — услышав весть, КТб, *12*; кӱ бӱнчӓ тутды — он столь много прославился, КЧ, *12*). Даже в таких фразах, как «слава его да будет опозорена (да будет он посрамлен)», связь кӱ с другими словами морфологически не выражена (кӱ корлуғ болсун) [5]. В рунических надписях есть только два случая, когда кӱ имеет аффикс принадлежности и когда эта принадлежность особо подчеркивается (КТ, *25*; Мог, *36*). В рунических памятниках встречаются два варианта написания этого слова, отличающиеся знаками для передачи к². Первый вариант представлен в надписях Тоньюкука и Кули-Чура (Тон, *32*; КЧ, *12*), а второй, совпадающий с начертанием в изучаемой надписи, встречен в памятниках Кюль-Тегина и Бильге-Кагана (КТб, *12, 25*; Мог, *36*). В памятниках енисейской письменности это слово встречено впервые.

Но здесь следует обратить внимание на небольшой железный кинжал, хранящийся в Минусинском музее под № 714 (найден в окрестностях с. Бейского в Хакасии). На одной из плоскостей его клинка сохранилась небольшая руническая надпись, процарапанная острием. Она читается справа налево от черешка к острию. Двумя буквами здесь написано кӱ — «слава». Знаки прорезаны твердой рукой и их линии довольно глубоки и отчетливы. Заметна даже последовательность нанесения линий на твер-

---

[4] Русско-алтайский словарь. М., 1964, с. 690; Тувинско-русский словарь. М., 1968, с. 299; *Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972, с. 112.

[5] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951, с. 396.

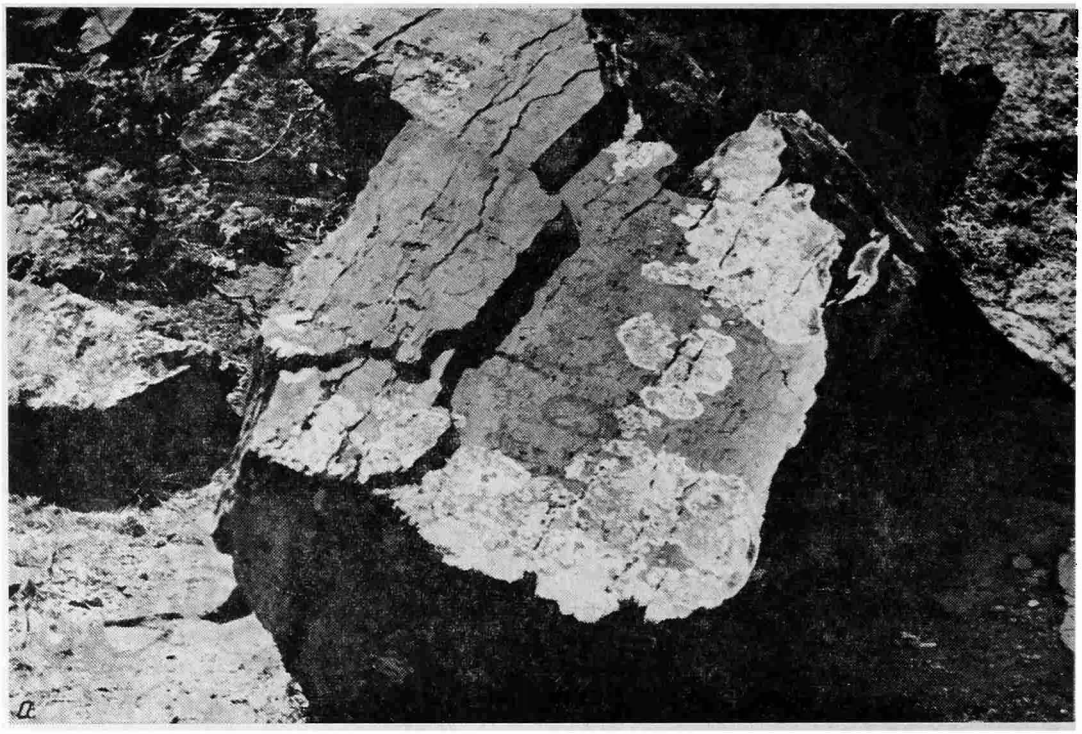
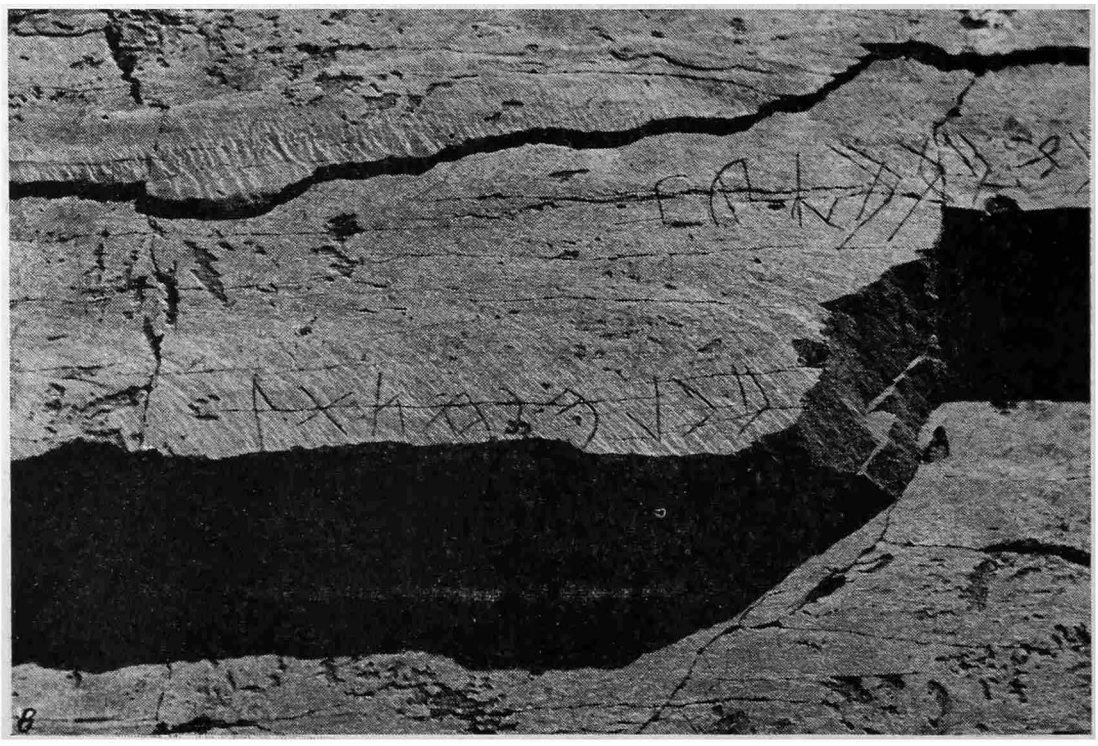
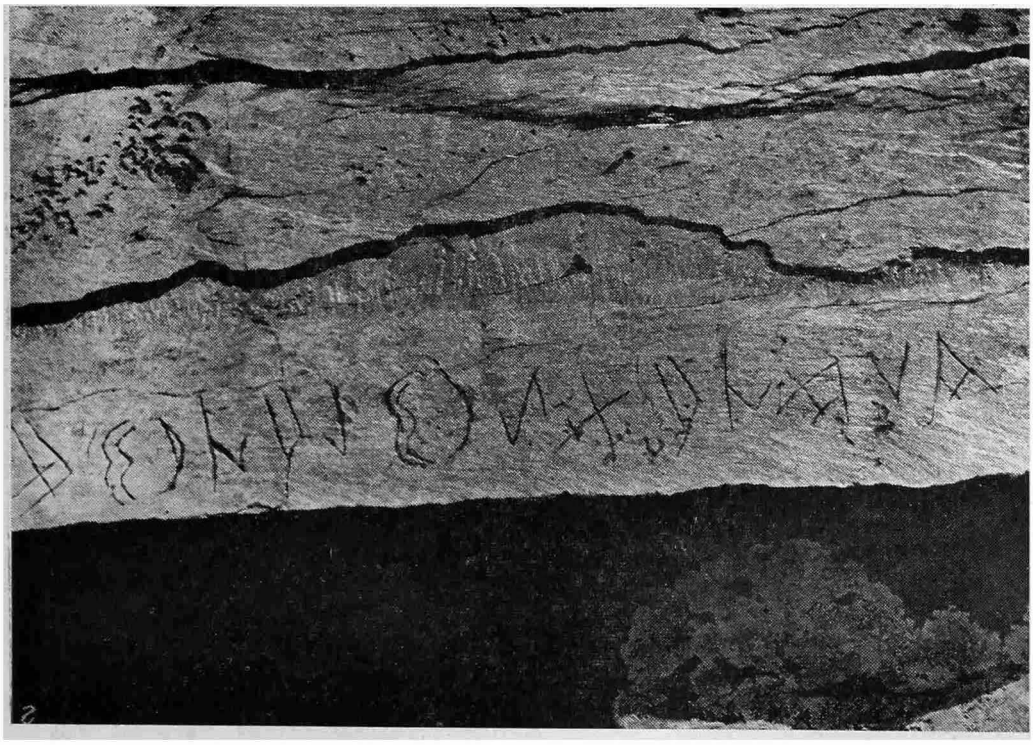


Рис. 1. Мугурсаргольская надпись. *а* — вид плоскости



в — левая часть надписи

б — общий вид надписи



г — правая часть надписи

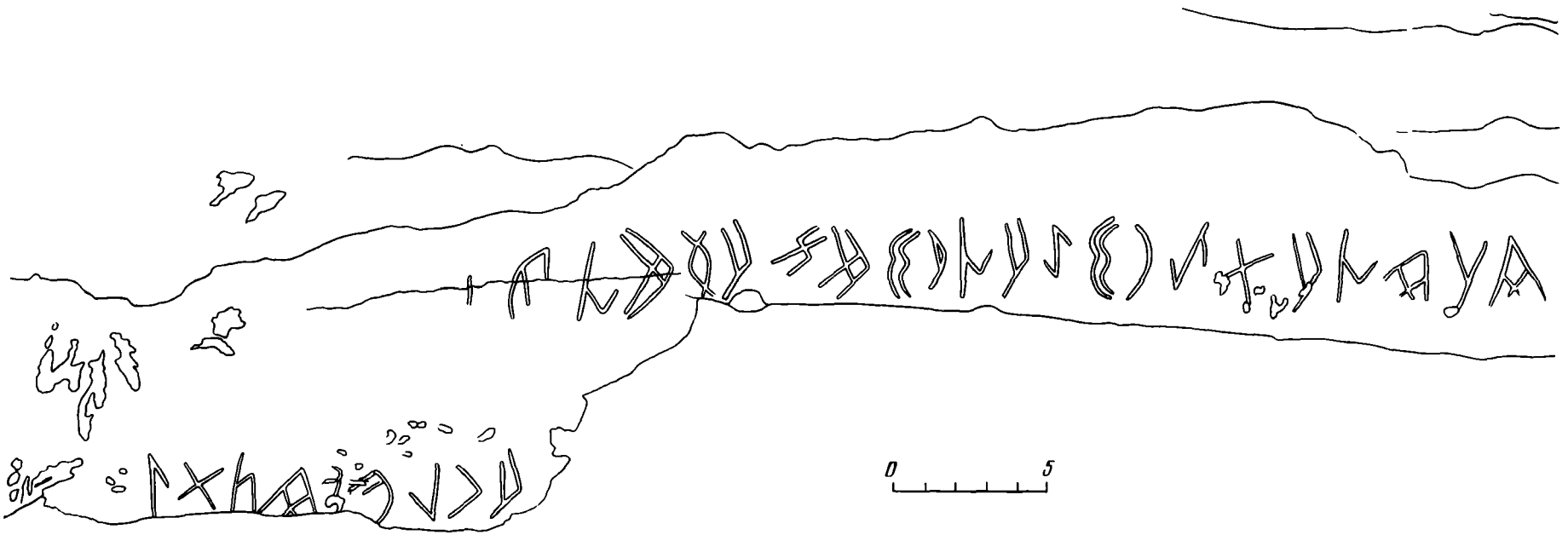


Рис. 2. Прорисовка надписи

дый материал, поскольку инструмент писавшего иногда соскальзывал. Перед к² на кинжале заметен еще один короткий штрих, оставшийся неиспользованным. Начав было писать здесь, человек, видимо, тут же решил разместить надпись иначе, расположив ее ближе к центральной оси кинжала (рис. 3).

Типологически этот случайно найденный кинжал вполне аналогичен черешковым железным кинжалам Тюхтятского клада IX—X вв. [6], а также кинжалам из древнехакасских курганов Тувы, относящихся к тому же времени [7]. Судя по хорошей сохранности, публикуемый экземпляр также происходит из погребения, совершенного по обряду трупосожжения. Кинжал имеет затупленный конец. Возможно, что старый обломанный кинжал был использован впоследствии как двухсторонний нож. Размеры этого экземпляра не являются исключением [8].

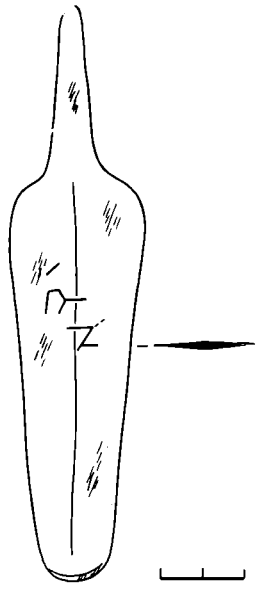


Рис. 3. Кинжал с рунической надписью. Хакасия. Окрестности с. Бейского

5. Глагол у= «мочь, быть в состоянии» (ДТС, 603) — уже встречался в енисейских надписях (Е—59, *1*) и на орхонских памятниках (КТб, *10*; Тон, *11*; Аа, *1*). Здесь он употреблен в прошедшем времени, первом лице, множественном числе.

Заманчиво было бы читать здесь «алдымыз» (мы отняли; мы отобрали). Но тогда пришлось бы допустить в этом слове написание руны л¹ с таким большим наклоном налево, что она по облику стала практически неотличима от обычного написания руны у. Это мало вероятно, особенно в сравнении с правильным написанием л¹ во второй строке этой же надписи.

6. Хотя древнее название Енисея у тюркоязычных народов — Кӑм (ср. современное хакасское Ким и тувинское Улуг-Хем) — уже встречалось в надписях на двух рунических памятниках (Мог, *26*; МЧ, *19, 25*), но именно этот текст содержит его первое упоминание в енисейской надписи. И благодаря первому полному написанию этого слова подтверждается правильность некогда предложенной транскрипции известных до сих пор кратких форм начертания (к²м) как Кӑм.

7. Единственная возможность понимания этого слова в изучаемой надписи — это чтение его как ӱг(ӱз) — река (ДТС, 382), допуская пропуск знака для конечного согласного. Имеющиеся примеры полного написания слова (ӱгз) в рунических памятниках (МЧ, *3*, *8*; Мог, *27*; Тон, *16*) могли бы поколебать уверенность, если бы вместе с тем не существовало образцов и сокращенного написания этого же слова — ӱг(з) (КТ, *3*), полностью совпадающих с начертанием в разбираемой надписи. Заметим, что после руны г² заметен еще один штрих, который, впрочем, не привлекается нами, так как собственно говоря не является законченной руной.

8—9. Прочтение имени написавшего текст человека вызывает трудности. Между тем употребление здесь глагода біті= «писать» (ДТС, 103) в форме третьего лица единственного числа (время прошедшее — «написал») убеждает в том, что глаголу предшествует имя собственное.

Первый знак — к² не согласуется с последующими рунами, обозначавшими твердый гласный и велярные варианты согласных. В то же вре-

[6] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LXIII, *1*; *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 121.

[7] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, табл. III, *20*.

[8] Ср. Минусинский музей, инв. № 712, 713, 715—723.

мя этот знак не представляет собой отдельного слова. Нет оснований говорить и о переносе части слова с верхней строчки, где мысль полностью завершена. Не составляют имени и три последующих знака. Если же предположить, что здесь к^2 написано вместо к^1, то полученное слово кулун (или кулан) вполне сравнимо с известными в средневековых уйгурских текстах именами Кулун Кара или Кулан (ДТС, 465) [9]. Такая замена к^1 на к^2 изредка встречается в памятниках енисейской письменности (Е—33, *2*), как и вообще употребление знаков для палатальных вариантов согласных вместо велярных и наоборот. Читая имя таким образом, нельзя настаивать на этом как на единственной возможности прочтения. Тем более что заметные на плоскости камня два штриха, примыкающие слева к дуге руны н^1, воспринимаются нами как случайные, не относящиеся к надписи повреждения поверхности (напомним о более ранних наскальных рисунках). Просвет между н^1 и началом слова бітіді достаточно велик для написания еще одного знака. Но так как этот участок камня испорчен, трудно решить, содержал ли он руну или писавший обошел уже имевшееся тогда повреждение плоскости.

Исторические выводы

Надпись повествует о том, что какое-то войско, сломив сопротивление врага на р. Ане, достигло затем верхнего течения Енисея. Военные действия в Саянах в эпоху распространения рунической письменности происходили, как известно, или в связи с походами орхонских тюрок в начале VIII в. (описаны в памятниках Тоньюкуку и Куль-Тегину), или в период борьбы древнеуйгурского и древнехакасского государств во второй половине VIII и первой половине IX в. Так как войска орхонских тюрок преодолели в 710—711 гг. Саянский хребет без боя и основные бои происходили не на Верхнем, а на Среднем Енисее в Хакасско-Минусинской котловине, то связь исследуемой надписи с этими событиями маловероятна. Сравнение начертаний рун наскальной надписи со знаками орхонских памятников укрепляет это сомнение, так как надпись выполнена енисейским письмом (см., например, начертания букв а, б^2, д^2 и др., а также отмечавшиеся характерные написания ряда слов). Ее нанес, безусловно, местный писец.

Со времени появления уйгуров в Туве в середине VIII в. и особенно в 820—840 гг. борьба двух феодальных государств, разделенных Саянами, была длительной и упорной. Столкновения происходили часто, заставляя обе стороны принимать серьезные меры для защиты своих земель. Древние уйгуры соорудили целую систему крепостей и длинных стен в Центральной Туве (рис. 4) [10], средневековые хакасы возвели пограничные укрепления в Саянах (на реках Тебе и Голубой — рис. 4, *24, 25*) [11]. Останки порубленных и застреленных мужчин, стариков, женщин и детей погребены в могильниках древних уйгуров возле их крепостей [12]; следы древнеуйгурского оружия скрыты обрядом трупосожжения средневековых хакасов.

Нападения производились и на население Тувы, и на племена Хакасско-Минусинской котловины. Но отмеченный в надписи путь с севера через Саяны на юг и затем на восток до Енисея могли пройти только средневековые хакасы во время одного из походов против древних уйгуров. Ответные походы происходили в обратном направлении. Широкое использование в средневековье горных троп по долине р. Аны для пре-

---

[9] У хакасов до сих пор бытует мужское имя Хулун.

[10] *Кызласов Л. Р.* Ук. соч., с. 59—63.

[11] *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов.— АО — 1974. М., 1975, с. 216; *Пономарев И.* Художник и следопыт.— «Советская Хакасия», 30 октября 1970 г.

[12] *Кызласов Л. Р.* Ук. соч., с. 72.

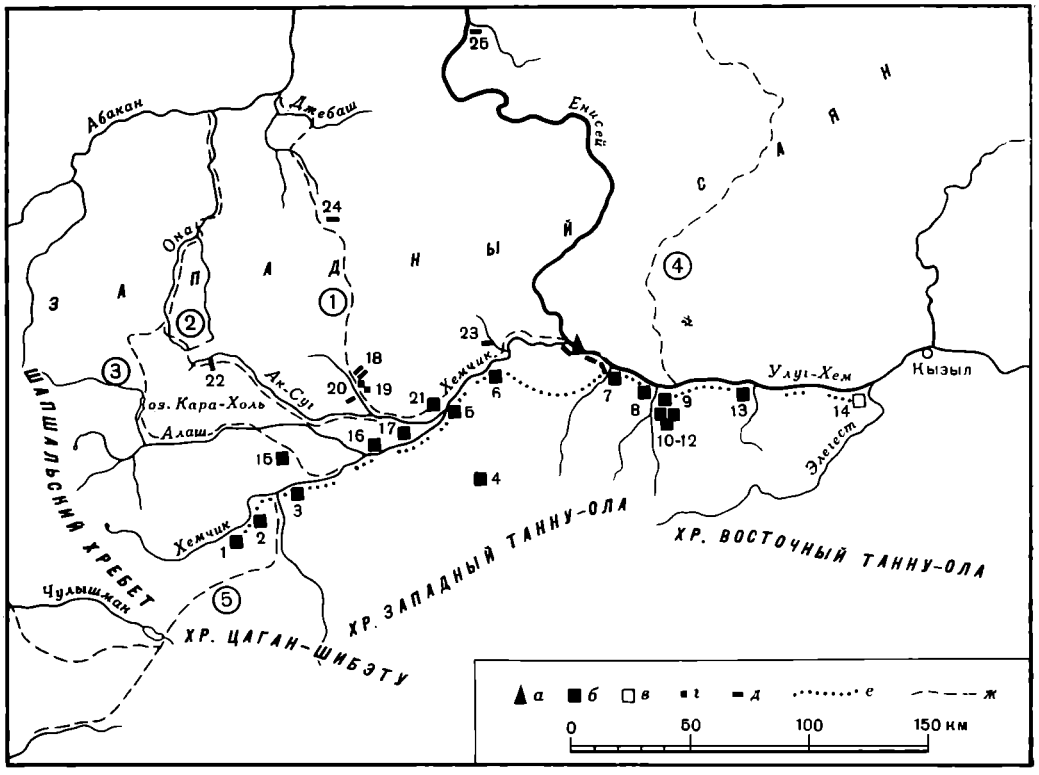


Рис. 4. Карта-схема караванных путей через Саяны и расположения древнеуйгурских и древнехакасских укреплений. Условные обозначения: *а* — местонахождение надписи; *б* — древнеуйгурские городища; *в* — древнехакасская каменная крепость; *г* — глинобитный бастион; *д* — каменная стена; *е* — глинобитная стена; *ж* — тропа через Саяны (*1* — Арбаты — Манчурек, *2* — Ана — Ак-Суг, *3* — Ана — Кара-Холь — Алаш, *4* — Оя — Улуг-Хем, *5* — тропа на Алтай: Барлык — Чулышман и Багузун). Цифрами обозначены древнеуйгурские и древнехакасские городища и укрепления VIII—IX вв.: *1* — Бай-Тал; *2* — Тээли; *3* — Эльдег-Кежиг; *4* — I Бажин-Алак; *5* — Баян-Тал; *6* — Ийме; *7* — II Бажин-Алак; *8* — V Шагонарское; *9* — I Шагонарское; *10* — II Шагонарское; *11* — III Шагонарское; *12* — IV Шагонарское; *13* — Барыкское (по Д. А. Клеменцу); *14* — Усть-Элегестское; *15* — Эдегейское; *16* — Алдан-Маадар; *17* — Бора-Тайга (или Ак-Оруу); *18* — I Манчурек; *19* — II Манчурек; *20* — III Манчурек; *21* — Устье Ак-Суга (по Д. А. Клеменцу); *22* — Верховье Ак-Суга; *23* — Ишкин (Алды-Ишкин?); *24* — Хантегир (стены по хребту и на р. Тебе); *25* — Голубая. Карта составлена по данным Л. Р. Кызласова

одоления Саянского хребта хорошо известно. Двигаясь из Хакасии и поднявшись по долине правого притока Абакана р. Аны, достигали верховьев Ак-Суга и Алаша. По этим рекам спускались до р. Хемчик, долина которой приводила к Енисею [13] (рис. 4). Недаром именно эта долина была укреплена древними уйгурами длинной стеной и крепостями — в нее выходили саянские тропы. Здесь время от времени и появлялись «летучие отряды» древнехакасской конницы (МЧ, *24*). Именно этот путь прошел в составе одного из отрядов и автор изучаемой надписи. Видимо, он был участником разгрома в долине р. Аны высланных навстречу пограничных войск древних уйгуров [14].

Таким образом, изучаемая надпись имеет большое значение. Она обогащает наши представления о древнехакасской лексике, содержит два

[13] Там же, с. 59. Этот с глубокой древности проложенный путь, разработанный и улучшенный трудом многих поколений, использован ныне для строительства через Саяны автострады Абаза — Ак-Довурак.

[14] Косвенным подтверждением древнехакасской принадлежности этой надписи служит сама манера нанесения надписей на скалы тонким острием и мелкими знаками, распространенная у средневековых хакасов. Примерами могут служить надписи Сулека, Тепсея и Хая-Ужу.

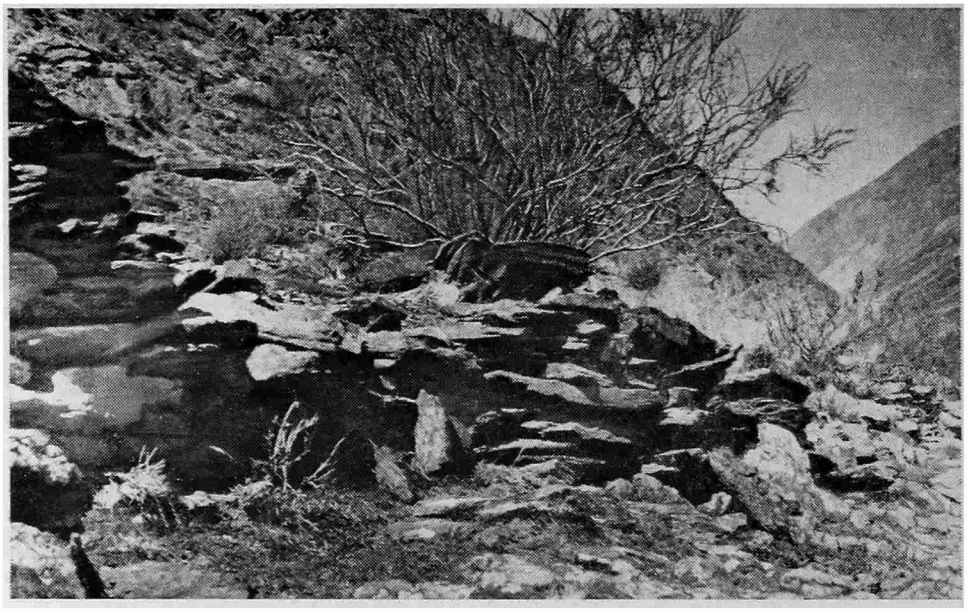


Рис. 5. Вид кладки древнехакасской стены в Мугур-Сарголе

гидронима, важных для понимания исторической географии края, подтверждает данные об основных путях, связывавших Хакасско-Минусинскую и Тувинскую котловины. Она еще раз, устами участника, повествует о маршрутах военных походов и об основных районах боевых действий далекого IX в. Очевидно, надпись следует датировать этим временем.

Хронологические уточнения и новые косвенные подтверждения этнической принадлежности писавшего позволяет внести источник иного рода. Узкая горная полка левого берега Енисея, на которой лежит камень с надписью, служила единственной проезжей тропой вдоль реки. На всем протяжении этой тропы ниже лога Мугур-Саргол край обрыва берега реки был укреплен каменной стеной, сложенной из обломков скалы и песчаниковых плит, уложенных сухой кладкой (рис. 5). Как система кладки, так и характер использования местности для подобных укреплений не оставляют никаких сомнений в том, что эта стена была сооружена древними хакасами и относится к тюхтятской культуре IX — X вв. Особо подчеркнем, что после археологического изучения средневековых укреплений Хакасии [15] стало ясно, что в Тувинской котловине стены, сооруженные древними уйгурами, всегда глинобитные, а древнехакасские — всегда каменные.

Мугурсаргольская каменная стена фронтом обращена к реке и предназначалась для воспрепятствования выходу на берег двигавшегося по реке противника. Замерзший зимой Енисей — хороший путь через Саяны. Назначение этих укреплений и состояло в закрытии входа в «трубу» Енисея. Вспомним, что при выходе «трубы» в Хакасско-Минусинскую котловину также существовало древнехакасское укрепление — стена-преграда у р. Голубой (рис. 4, *25*) [16]. Мугурсаргольская стена, вероятно, входила в комплекс препятствий, включавший и различные сооружения на замерзшем русле (бревенчатые завалы, намороженные валы и т. д.).

---

[15] *Кызласов Л. Р.* Хакасская археологическая экспедиция 1959 года.— Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, IX. Абакан, 1963, с. 157, 160—164; *его же.* Древние крепости Хакасии.— АО — 1968. М., 1969; *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов.— АО — 1974. М., 1975; *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, Abb. 94, 95, 309.

[16] *Кызласов Л. Р.* Раскопки средневекового здания в Хакасии.— АО — 1973. М., 1974, с. 210, 211.

Таким образом, стены у Голубой и Мугур-Саргола — это единая система древнехакасских крепостных сооружений, предназначенных для перекрытия самого короткого и удобного зимнего пути через Саяны из Тувинской котловины на среднее течение Енисея. Летом они служили препятствием для врагов, плывущих вниз по реке. Конные летние тропы, ведущие из Тувы в Хакасию, также были перекрыты древнехакасскими каменными стенами на Манчуреке и Ишкине (рис. 4, *18, 20, 23*).

Наиболее вероятно, что необходимость в подобных укреплениях существовала в период борьбы с уйгурским каганатом за захват Тувы. В более позднее время границы древнехакасского государства проходили гораздо южнее Саянского хребта [17]. Это подтверждается и датировкой стены на р. Голубой [18] и, пожалуй, изучаемой рунической надписью. Однако сооружение описываемой стены в «трубе» Енисея свидетельствует о том, что древние хакасы, начав войну в 820 г., завоевывали засаянские земли не мелкими вылазками, завершившимися крупной и победоносной операцией середины IX в., а поэтапно, закрепляя от кампании к кампании уже достигнутые успехи. Вполне естественно, что в первую очередь были захвачены земли Северо-Западной Тувы. В этих условиях и понадобилась мугурсаргольская стена, предотвращавшая (как и манчурекские и ишкинские укрепления) возможные контрудары по Хакасско-Минусинской котловине. Вероятно, в это время уйгуры еще удерживали основные позиции за своей длинной стеной и главная опасность по долине Улуг-Хема грозила со стороны куста шагонарских городов (рис. 4, *8—12*).

Совершенно ясно: такая тактика военных действий свидетельствует, что целью борьбы для древнехакасских феодалов были не грабежи населения, а захват земель. К IX в. тактика «летучих отрядов» ушла в прошлое. С учетом всего изложенного автор изучаемой надписи Кулун выглядит не просто участником небольшого набега, а, наиболее вероятно, предстает как один из строителей и стражей мугурсаргольской крепости. Эта каменная стена была сооружена здесь вскоре после победоносного прорыва древних хакасов через Саяны. Иначе не были бы еще свежи в памяти писавшего бурные события, произошедшие на р. Ане. Так раскрывается еще одно важное значение надписи: она позволяет датировать и близлежащее крепостное сооружение. Становится совершенно ясно, что надпись и мугурсаргольская каменная стена относятся к первому этапу завоевания древнехакасскими феодалами Тувинской котловины, очевидно, к концу 20-х годов IX в.

Поэтапность захвата древними хакасами северных владений уйгурского каганата подтверждают и другие памятники. Так, отрезки таких же каменных стен идут по кромке обрывистого левого берега Енисея под известной горой Хайырыкан и возле устья р. Элегест. А на вершине горы, господствующей над пос. Усть-Элегест, нами в 1978 г. обследованы остатки типичной древнехакасской каменной крепости (рис. 4, *14*), подпрямоугольной в плане (длина стен 34,5; 45,3; 28,5 и 44,8 *м*). У ее восточной стены — классический «юртообразный» курган тюхтятской культуры. Второй здешний курган раскопан С. А. Теплоуховым в 1927 г. [19]. Он построен прямо на юго-восточном углу стены крепости. Для строительства обоих курганов использован камень из кладки стены, с востока разобранной почти до основания.

Нет сомнения, что эта сторожевая крепость, извещавшая о продвижениях противника из Южной и Западной Тувы, после присоединения к древнехакасскому государству земель вдоль Танну-Олы стала ненужной. Граница передвинулась дальше на юг, а оставшиеся жить в долине Эле-

[17] *Кызласов Л. Р.* О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, VIII, 1960.

[18] *Кызласов Л. Р.* Раскопки средневекового здания в Хакасии, с. 210, 211.

[19] ГЭ, кол. № 4605. Дневник С. А. Теплухова, тетрадь 14 (Архив Музея этнографии народов СССР).

геста древние хакасы использовали ее руины для устройства своих могил. Все это позволяет считать устьэлегестскую крепость памятником, последующим мугурсаргольскому комплексу, т. е. относящемуся ко второму этапу завоевания Тувы, вероятно, к концу 30-х годов IX в. Этот памятник позволяет предположить существование по крайней мере трех таких этапов завоевания Тувы, относя последний из них к концу 30-х годов IX в., а завершением его считая выход в степи Монголии.

Таковы наиболее ранние древнехакасские крепостные и эпиграфические памятники Тувинской котловины. Их выделение позволяет уточнить наши представления об уйгуро-хакасских войнах IX в., о процессе завоевания древнехакасскими феодалами бассейна Верхнего Енисея. Анализ погребальных памятников тюхтятской культуры в долинах Хемчика, Ак-Суга, Алаша, «трубы» Енисея и иных присаянских районов Тувинской АССР позволит более достоверно представить себе этапы формирования и развития этой культуры и уточнить ее хронологию.

Критика и библиография

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., «Наука», 1976, 311 с., 22 рис.

Монография Ю. Б. Симченко посвящена изучению дооленеводческой культуры древнего населения тундровой зоны Северной Евразии. В ней широко используются данные не только этнографии, но и археологии, лингвистики, антропологии и других наук. Ю. Б. Симченко — автор ряда книг о Крайнем Севере. Многолетние работы на Севере позволили ему провести широкое исследование по реконструкции жизни охотников на дикого оленя, приемов их охоты, инвентаря, видов промысла, материальной культуры, общественного устройства и элементов мировоззрения.

Как этнографическая работа монография Ю. Б. Симченко, безусловно, заслуживает самой высокой оценки, которую, видимо, воздадут ей специалисты. Нас же интересует, чем данная работа может быть полезна для археологов. Нет необходимости говорить, что археологи в своих исследованиях широко пользуются этнографическими материалами, что естественно, так как археологические материалы в большинстве случаев не позволяют реконструировать общественное устройство и быт, сложный характер социальных взаимоотношений и т. п. Поэтому любое этнографическое исследование представляет определенный интерес для археологов, но рецензируемая монография в этом отношении особенно для нас интересна, так как дает большой материал для реконструкции общества эпохи мезолита.

Обычно для реконструкции жизни и быта первобытных общин каменного века привлекаются этнографические данные из жизни отсталых племен Африки, Австралии, Америки. Это вполне понятно, так как только там сохранились группы населения, которые до сих пор добывают себе пищу и другие средства для существования главным образом с помощью тех орудий, которые были характерны для каменного века. Действительно, где еще можно увидеть как применяются изделия, которые археолог находит при раскопках, как ведется с их помощью охота, добываются средства для жизни, как устроено при этом общество и т. д.

Однако в использовании этнографических данных тропической зоны есть и свои минусы. Прежде всего современное общество не идентично первобытному, древнему. Как бы ни были сходны те или иные элементы материальной культуры древних обитателей Евразии и современных бушменов или австралийцев, все же последние живут не в палеолите или мезолите, а в наше время, и естественно, что прошедшие тысячелетия наложили отпечаток на их быт и нравы. Нельзя исключить и влияние современной цивилизации на жизнь и быт этих племен. Многие исследователи предостерегают археологов, что не следует без поправок переносить этнографические примеры прямо в археологию.

Во-вторых, эти этнографические данные относятся лишь к одной географической зоне. Как бы ни были сходны элементы материальной культуры отсталых племен тропической зоны и первобытной Евразии, не следует забывать, что формально сходные орудия и другие изделия применялись в различной географической среде. Охота на слона в Тропической Африке и охота на северного оленя в мезолитической Европе едва ли происходили в одинаковых условиях быта. Несомненно более полноценными

являются те этнографические параллели, которые взяты из сходных палеографических условий.

Работа Ю. Б. Симченко представляет большой интерес, так как в ней реконструируется древняя основа тех элементов культуры, которые достаточно хорошо сохранились на территориях, обнаруживающих значительное сходство в отношении климата ландшафта с Евразией эпохи мезолита. Строго говоря, сейчас на Севере Евразии нет в чистом виде хозяйства, полностью основанного на охоте на дикого оленя. Однако элементы этой культуры, как показывают исследования Ю. Б. Симченко, еще живы и реконструкция их весьма важна, так как в конце плейстоцена и в начале голоцена часть населения умеренной зоны Евразии несомненно жила за счет охоты на дикого оленя. Об этом говорят достаточно ясно археологические данные. На одной стоянке Штельмоор найдены останки 650 оленей [1]. Наличие такого большого количества оленей на стоянках поставило перед исследователями мезолита много проблем, в частности даже породило мысль о том, что может быть в мезолите уже были одомашнены олени в Северной Европе [2], однако решить эти проблемы и реконструировать мезолитическое хозяйство было трудно, так как исследованием культуры охотников на диких оленей на Севере Евразии никто специально не занимался и поэтому введенных в научный оборот этнографических материалов для аналогий было недостаточно. Выход в свет монографии Ю. Б. Симченко заполняет этот пробел в науке и дает, наконец, возможность привлечь для археологических реконструкций эпохи мезолита в умеренной зоне Евразии полноценные этнографические материалы.

Монография состоит из семи глав и заключения, снабжена списком литературы.

Во «Введении» автор подчеркивает, что в настоящее время тундровая зона является территорией распространения крупнотабунного оленеводства. При относительном единообразии природных условий и одинаковой экономической значимости этой отрасли хозяйства прослеживается несколько различных типов оленеводства, что, по мнению автора, обусловлено тем, что при сравнительно недавнем оформлении оно еще не успело снивелироваться и хранит в себе остатки предшествующей дооленеводческой стадии охоты на оленя, которую автор реконструирует, пользуясь этими остатками. Наиболее полно элементы культуры охоты на дикого оленя сохранились у нганасан, исследованию которых автор и посвятил бóльшую часть своих полевых работ (1961—1972 гг.), кроме того, автором собирались данные у энцев, юкагиров, эскимосов, чукчей, ненцев, хантов и др.

В главе первой «Проблема циркумполярной культуры» автор вначале подробно анализирует историографию вопроса. Он обстоятельно рассматривает гипотезу В. Н. Чернецова об этногонии неолитического населения Северной Азии, посвящая ей специальный раздел. Это вполне правомерно, так как идеи известного ученого В. Н. Чернецова, оказавшего большое влияние на исследователей Севера, остались, к сожалению, в значительной мере неопубликованными. По мнению В. Н. Чернецова, в мезолите произошло формирование уральского метисного типа за счет слияния восточносибирской и уральской групп населения. Появление населения уральской группы в Западной Сибири В. Н. Чернецов относил к VI—V тысячелетиям до н. э. В. Н. Чернецов выделял Прикамье и Обско-Иртышское Зауралье как область родственных культур, четко отделявшихся от соседних областей как в эпоху бронзы, так и железа. Известно, что В. Н. Чернецов видел в орнаменте керамики уральского неолита истоки основных элементов орнамента обских угров — хантов и манси.

Первый раздел следующей главы посвящен анализу лингвистических и антропологических данных как источников для изучения этногенеза. Автор считает, что тождественные явления в самоедских и лопарском языках объясняются наличием единого для них уралоязычного древнего субстрата и полагает, что первая речевая система на Балтийском побережье сложилась на финской основе и что «финскими или прафинскими были языки не позже, чем со II тысячелетия до н. э., характеризующиеся культурой гребенчато-ямочной керамики» (с. 23). Он считает древнейшим

---

[1] *Rust A.* Die Alt- und Mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor, Neumünster, 1943, S. 176—179, 203—214.

[2] Эта проблема более подробно изложена мною ранее. См. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976, с. 214—275.

населением севера Восточной Сибири юкагирские группы, рассматривая юкагирский язык как прауральский. Автор считает, что неолитическое население по всей территории Заполярья Старого Света было единым уралоязычным и относит начало ассимиляции его пришельцами с юга к I тысячелетию до н. э. Ю. Б. Симченко подробно останавливается на этногенезе народов уральской языковой семьи, склоняясь к теории метисного монголоидно-европеоидного их происхождения. Он считает, что «северо-восточные уральцы выделились из общего монголоидного уральского ствола в интерстадиале между периодами распада уральской общности. Это отделение, во всяком случае, предшествовало последующей дифференциации уральцев на финно-угорские и самодийские группы». Он предполагает, что «более раннее проникновение в высокие широты северо-восточных уральцев объясняется и тем, что север Восточной Сибири был пригоден для жизни людей задолго до того, как исчезли ледниковые формации в Средней, Западной Сибири и на Европейском Севере» (с. 35). Автор считает, что в V—IV тысячелетиях до н. э. полоса заселения древними уральцами шла южнее на западе и севернее на востоке, выравниваясь по широте только в неолите.

Автор рецензируемой книги пытается выделить древний этнический субстрат по материалам родового состава и фольклора народов Заполярья и Приполярной Евразии. Еще Б. О. Долгих в составе ненцев выделял два этнических субстрата: древних аборигенов и пришельцев — южных самодийцев. Ю. Б. Симченко приводит большой новый фактический материал как из своих исследований, так и из анализа данных других исследователей. По его мнению, по материалам анализа родового состава можно считать, что до расселения самоедов на Крайнем Севере существовало древнее аборигенное население. В фольклорных данных он также находит материалы, свидетельствующие о борьбе пришельцев и аборигенов и адаптации аборигенов. Специальный раздел посвящен попытке реконструкции численности и расселения древних охотников.

Возникновение упряжного оленеводства в Арктике Ю. Б. Симченко относит к рубежу I и II тысячелетия н. э., примерно к X в. До недавнего времени оленеводство у энцев и нганасан носило ярко выраженное транспортное направление, а основу хозяйства составляла охота на дикого оленя. У чукчей оленеводство стало оформляться лишь в XVII в. Юкагиры ко времени появления в Восточной Сибири русских были также в основном охотниками на диких оленей. Автор считает, что в раннем голоцене рыболовство не играло существенной роли в условиях Заполярья. В тот же период, продвигаясь вслед за ледником, северный олень расселился в Приполярье, тогда же определялись и основные миграционные направления и циклы оленя. Тундровый олень в значительных массах дважды в год пересекает крупные реки, летом выходит в арктическую тундру и зимует на границе леса. Стабильность миграционных путей позволяла организовать массовую поколку оленей на пути переправ. Автор приводит мнение известного зоолога Н. В. Друри, что приручение оленей относится лишь к позднему неолиту (с. 77). Причем одомашнивание, по его мнению, было не индивидуальное, а групповое, стадное и осуществлялось в процессе постоянного следования охотников за стадом. При таком способе приручения древние миграционные пути сохранялись, что позволяет реконструировать места древних поколок и древние способы охоты на оленя. Для территории между Уралом и Енисеем существовало 10 основных маршрутов оленьих стад. Поголовье северного оленя сейчас максимально может насчитывать до 3,5—4,5 млн. на территории СССР, фактически в Заполярье и Приполярье — около 2 млн. голов (с. 73, 74). Автор считает, что если стадо диких оленей Северной Евразии насчитывало 2,5—3 млн. оленей, а ежегодный прирост составлял 210 тыс. голов (6,5—7%), то максимальное количество населения, питавшегося исключительно мясом диких оленей, не могло превышать 8,5 тыс. человек без угрозы нарушения биологического равновесия (с. 81, 82). (По расчетам автора, для жизни в высоких широтах каждому человеку необходимо потреблять не менее 25 оленей в год.) Если учесть возможность использования другой пищи, то население могло составить 10—11 тыс. человек. Северные пределы ареала аборигенов определялись, по мнению автора, местами весенних переправ, южные — границей леса.

В третьей главе автор подробно анализирует приемы охоты древнего населения тундровой зоны, причем выделяет: 1) коллективный, массовый промысел во время переправ на воде, коллективный загон стада в озера, протоки и т. п.; 2) добычу раз-

личными охотничьими приспособлениями и 3) индивидуальную охоту, основанную на принципе маскировки. Для тундры автор считает основными — коллективные загонные формы охоты, справедливо полагая, что для лесной зоны более характерными были ловушки и различные охотничьи приспособления и индивидуальная охота. Автор подробно описывает способы охоты на оленя, уделяя главное внимание коллективным ее формам и охоте с маскировкой как наиболее типичным для арктической зоны. Описывая коллективные формы, автор особенно выделяет роль использования на охоте домашних оленей-манщиков. В этой же главе детально анализируются орудия охоты и дрессировки оленей-манщиков. Попутно он касается и рыболовства, в том числе способов запорного рыболовства.

В четвертой главе анализируются основные орудия и средства промысла. В монографии приводятся интересные примеры изготовления каменных орудий в наше время. Сведения об этом собраны во время полевых работ (с. 105). Автор описывает системы луков, применяемых в тундре, дает их типологию, приводит обширный материал изображений лука в тамгах народов Сибири и Европейской части России (рис. 12). Определяя особенности изображения луков у манси, юкагир и народов таежной полосы, он сравнивает их с рисунками луков XVII в., имеющихся в документах. Автор правильно подмечает, что находки костяных накладок еще не означают наличия сложносоставного лука, так как и для простых луков применялись накладки.

В главе пятой автор систематизирует данные об основных предметах быта охотников на диких оленей Заполярья, прежде всего жилище и одежде, широко используя при этом археологические материалы. Например, в разделе «одежда» он подробно описывает инвентарь Сунгирского погребения, изображения одежды на статуэтках Мальты и Бурети и т. п. Одежда современных юкагиров неотличима от тунгусской; установить, отличалась ли одежда предков-аборигенов Севера от современной юкагиро-тунгусской — трудно. Опираясь на прослеженную Н. Ф. Прытковой общесамодийскую особенность одежды ненцев, энцев, нганасан и селькупов — отсутствие продольных конструктивных швов (т. е. развитие ее из обернутой одежды, имевшей исходной формой цельную шкуру), автор реконструирует различные типы одежды древних самодийцев, широко используя разнообразные этнографические материалы.

В шестой главе автором реконструируется социальное устройство охотников на диких оленей Арктики. Он считает, что у нганасан и юкагиров, социальное устройство в большей степени сохранило черты, присущие общественным отношениям древних охотников на дикого оленя. Производственный коллектив нганасан в XVII в. составлял около 25—30 человек обоего пола и различных поколений, из них 5—7 промышленников-мужчин, остальные — старики, женщины, дети. Аналогичной была структура и других арктических материковых охотников. По расчетам Б. О. Долгих, охотничий коллектив состоял из 6—7 семей. (Любопытно, что, по расчетам Г. Кларка, именно такой была численность мезолитической общины.) [3]

Коллектив этот не был постоянным. Он создавался практически каждый год в период весенней и осенней поколки оленей на переправах и распадался в зимнее время. Использование мест переправ оленей конкретными группами имело характер традиционного землепользования. Обязанности в производственном коллективе распределялись с учетом пола и опыта. В нганасанском языке понятие собственности соответствует понятию авторства. При захоронении в могилу рядом с покойным помещали прежде всего сделанные им предметы.

Четкую родовую структуру из всех народов, занимавшихся до недавнего времени охотой на северного оленя в тундре, имеют нганасаны и энцы. Производственный коллектив не совпадает с родом в современном его понимании.

Аморфность экзогамных установлений прослеживается не только у юкагиров, но и у чукчей, коряков, эскимосов и ительменов. Эта особенность общественного устройства народов Чукотского и Камчатского полуостровов отмечалась русскими служилыми людьми еще в XVII в. и, видимо, объясняется разбросанностью и немногочисленностью населения на Севере.

---

[3] *Clark J. G. D.* Primitive man in Egypt, Western Asia and Europe in Mesolithic Asia.— In: «The Cambridge Ancient History», v. I. Cambridge, 1970.

Далее автор анализирует формы брака и систему родства уралоязычных народов, реконструирует основные элементы мировоззрения, систему обрядов и верований на основе как наблюдений, так и анализа фольклорных и литературных данных.

В большой монографии Ю. Б. Симченко, как и в любой работе, можно найти отдельные недостатки. Например, автор полагает (с. 13), ссылаясь на отсутствие раннего палеолита в Сибири, что население в Восточную Арктику пришло из Европейской части СССР. Вряд ли с этим можно согласиться, так как сейчас уже известны раннепалеолитические стоянки на восточном склоне Урала [4], известен и поздний палеолит в Сибири. Новые данные говорят об иных направлениях древнейших связей населения Урала и Сибири [5]. Не совсем точен автор и в том, что «север Европейской части начал заселяться предками финно-пермской группы с территории камского неолита в IV—III тысячелетии до н. э.» (с. 13). На севере Европейской части СССР сейчас известен мезолит. Например, Г. А. Черновым даже в Большеземельской тундре выявлены стоянки с наконечниками стрел на ножевидных пластинах [6], причем они имеют бо́льшее сходство с романовско-ильмурзинскими, а не с камскими стоянками. Несколько иной характер имеют стоянки, исследованные Г. М. Буровым на Висском торфянике и в других местах [7]. Ряд мезолитических памятников изучен здесь и В. Е. Лузгиным [8]. Отличный от них характер имеют стоянки Беломорья и Карелии, исследовавшиеся Н. Н. Гуриной [9] и Г. А. Панкрушевым [10] и др.

Все это ставит под сомнение идею о единых камских истоках древних культур Арктики. Несколько иначе сейчас выглядит и проблема заселения Америки, нежели это изложено автором (с. 14—18). Он возражает против высказанной Ю. А. Мочановым гипотезы о том, что «за археологическими культурами каменного века Якутии, бесспорно, стоят предки многих народов. Отдельные из них, вероятно, не дожили до наших дней, другие же распространились на новые области» [11], и считает более правильной точку зрения Л. П. Хлобыстина, который отождествляет выделенную им буолколлахскую культуру, характеризующуюся «вафельной» керамикой, с праюкагирами. Автор считает, что в неолите по всему Заполярью Старого Света распространялась единообразная культура, западную часть которой (Западная Сибирь и Европейский Север), по его мнению, можно связывать с древними западными уральцами, а восточно-сибирскую «вплоть до Чукотки допустимо связывать.... с предками юкагиров» (с. 19). Следует заметить, что неолит Севера изучен еще очень мало, поэтому так четко связывать его с определенными этническими группировками современности пока еще рано. Представляется более правильным воздержаться от столь широких и прямых обобщений.

Некоторые другие интересные построения автора, к сожалению, также мало обоснованы археологическими материалами, например его реконструкция этапов заселения Севера, так как нам пока практически почти неизвестны мезолитические памятники Западной Сибири. Плохо изучен здесь и неолит. Редкие островки неолитических местонахождений, открытые Л. П. Хлобыстиным на Севере, М. Ф. Косаревым, В. Ф. Старковым и др. в лесной полосе этого обширного края, пока не дают еще оснований для столь широких построений.

Несколько лучше обстоит дело с изучением памятников каменного века на Урале, в Якутии и на Чукотке. Однако нельзя не отметить, что в целом в Сибири и на Севере исследованные памятники носят пока характер островков в безбрежном море совершенно необследованной территории.

---

[4] *Бадер О. Н., Матюшин Г. Н.* Новая стоянка среднего каменного века на Южном Урале — СА, 1973, № 4.

[5] *Матюшин Г. Н.* Ранний палеолит Урала и проблемы заселения Севера Азии. В сб.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976, с. 459—466.

[6] *Чернов Г. А.* Устьхейягинское древнее поселение на р. Коротаихе.— СА, 1975, № 4, с. 112; *его же.* Мезолитическая стоянка Сандибейю I.— СА, 1978, № 2, рис. 5, *12.*

[7] *Буров Г. М.* Древний Синдор. М., 1967; *его же.* Вычегодский край. М., 1965.

[8] *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М., 1972.

[9] *Гурина Н. Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон Европейской части СССР.— КСИА АН СССР, № 149, 1977.

[10] *Панкрушев Г. А.* Памятники эпохи мезолита в Карелии.— КСИА АН СССР, № 149, 1977; *его же.* Мезолит и неолит Карелии. Т. 1. Мезолит. Л., 1978.

[11] *Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии М., 1969.

Надежные этногенетические построения возможны лишь после сплошного обследования всей территории Сибири [12] и Севера, как это, например, сделано на Урале. Однако и для Урала мы еще не располагаем материалами для однозначных выводов и построений, так как и здесь еще много «белых» пятен. Можно только весьма определенно сказать, что в этногенезе населения Урала в каменном веке принимала участие довольно сильная струя южного прикаспийского (праноязычного?) населения (янгельская культура). Однако в мезолите же мы видим четкое разделение культур на предуральскую и восточноуральскую (янгельскую). Некоторые исследователи считают, что для Среднего Зауралья была характерна иная культура, нежели янгельская. Данных в пользу этого предположения пока еще мало. На территории Западной Сибири пока выявлены лишь единичные памятники мезолитической эпохи, инвентарь их отличается от материалов янгельской культуры. К сожалению, малочисленность их (по существу опубликована пока только одна стоянка Чернозерье II) [13] не позволяет еще определить характер мезолита всей Западной Сибири.

Автор использует данные исследования неолита Урала, но опирается в этом главным образом на работы В. Н. Чернецова. Однако в последние годы добыты новые значительные материалы, вносящие некоторые коррективы в периодизацию неолита Зауралья [14], которые автор, к сожалению, не учитывает.

В неолите на Урале и в Западной Сибири, с одной стороны, четко видно сходство материальной культуры, выражающееся в господстве гребенчато-прочерченной керамики, но, с другой стороны, обращают на себя внимание и существенные различия между памятниками Урала и Западной Сибири. Если для Урала уже можно в целом наметить какие-то культуры, то для неолита всей Западной Сибири для таких построений материала пока еще явно недостаточно. Поэтому предположение о едином древнем этническом субстрате для всей территории Заполярья нуждается еще в больших дополнительных археологических исследованиях. Учитывая сходство форм охоты с оленями-манщиками по всему Заполярью, автор считает, что этот способ охоты возник еще на стадии первоначального заселения Приполярья и именно он распространен уральскими аборигенами по всему Северу. Но в таком случае первоначальное одомашнивание оленей следует отнести еще к мезолиту, т. е. ко времени до расселения аборигенов с Урала по всему Заполярью.

Описывая способы дрессировки и приручения оленей, автор подчеркивает, что наиболее удачные манщики получаются из телят дикого оленя. Следовательно, первоначальное приручение, скорее всего, было индивидуальным, а не стадным, как это считает автор. По мнению автора, на стадии существования культуры охотников на дикого оленя запорное рыболовство давало незначительный улов и потому не могло составить основу питания. Это не совсем правильно, так как запорное рыболовство, как свидетельствуют примеры из жизни аборигенов Аляски и прибрежных областей Арктики, дает возможность запасти большое количество рыбы, которой хватало не только для людей, но и для пищи ездовых собак в течение всей полярной зимы.

При описании луков автор широко привлекает археологические параллели, ограничивая их, к сожалению, лишь скифским временем. Более целесообразно было бы привлечь мезолитические и неолитические материалы, тем более что находки луков известны и на мезолитических памятниках, близких к исследуемой территории [15].

Автор систематизирует материалы о применяемых на Севере лодках, описывает устройство, классифицирует их (с. 135—150). Обращает на себя внимание, что терминология деталей нарты у нганасан и энцев восходит к названиям частей каркаса лодки; следовательно есть основание предполагать более раннее освоение лодки, а не

---

[12] Недавно опубликованная монография В. И. Молодина показывает, что такое обследование успешно начато (*Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь — Иртышья. Новосибирск, 1977).

[13] *Петрин В. Т.* Раскопки позднепалеолитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше.— В сб.: Из истории Сибири. Томск, 1974, с. 13.

[14] *Матюшин Г. Н., Немкова В. К., Яхимович В. Л.* Радиоуглеродная хронология и периодизация мезолита и более молодых культур Предуралья, Южного Урала и Нижнего Прикамья.— В сб. Актуальные вопросы современной геохронологии. М., 1976.

[15] *Clark J. G. D.* Op. cit.

нарты, а так как нарты на Урале известны, по меньшей мере, с неолита, то, видимо, лодка здесь хорошо была известна гораздо раньше — еще в мезолите.

Все эти мелкие недочеты, безусловно, не умоляют значение монографии. В целом книга Ю. Б. Симченко представляет собой весомый вклад в науку и будет полезна для археологов, особенно для специалистов, исследующих эпохи мезолита и неолита Евразии.

Г. Н. Матюшин

Борисковский П. И. Возникновение человеческого общества. Григорьев Г. П. Палеолит Африки. Серия «Палеолит Мира». Исследования по археологии древнего каменного века. Л., «Наука», 1977. Тираж 3750, с. 212 с пл.

Первый том серии «Палеолит Мира», посвященный палеолиту Африки, состоит из двух частей. Первая часть, написанная проф. П. И. Борисковским, является как бы введением в историю возникновения человека, его культуры и общества. Разбирая вопросы стратиграфии и геологического возраста палеолитических культур, автор в главе 1 весьма схематично характеризует «природную среду эпохи эоплейстоцена и плейстоцена» и «проблему датировок и археологической периодизации». Стратиграфические подразделения четвертичного периода автор считает «целесообразным сопоставлять с подразделениями старой альпийской схемы (гюнц-миндель-рисс-вюрм)» (с. 11) и пишет, что они соответствуют межледниковьям, которые он называет «эпохами», а последние объединяет в шесть более крупных подразделений — «ступеней». При этом автор оговаривается, что «речь идет не о признании правильности этой последней (альпийской, пенковской схемы.— *В. Г.*), а о пользовании ею как общеизвестной и потому удобной шкалой отрезков времени, располагающихся в определенной последовательности». Такая весьма упрощенная стратиграфическая схема четвертичного периода не может быть одобрена геологами. Автор не упоминает о том, что в настоящее время идет весьма оживленная дискуссия о нижней границе четвертичного периода и его подразделении, причем широкой популярностью пользуется мнение о том, **что весь четвертичный период представляет только одну геологическую эпоху** (у П. И. Борисковского их шесть!) и предлагается ряд весьма детальных подразделений.

В геологии «период», «эпоха» не термины свободного пользования, как в археологии. Геологический период не может быть подразделен на этапы более высокого ранга, чем эпоха (отдел). Автор же вычленяет в периоде шесть подразделений, более крупных, чем эпоха, и произвольно называет их «ступенями».

Очень схематично изображает автор среду обитания палеолитического человека: изменения климата, животного и растительного мира. Характеризуя историю флоры и фауны на протяжении 3—3,5 млн. лет четвертичного периода, автор не приводит ни одного названия животного или растения, ограничиваясь лишь самой общей характеристикой.

Бесспорно справедливые замечания автора о важности всестороннего изучения среды обитания палеолитического человека, к сожалению, не иллюстрируются конкретным материалом и имеют поэтому несколько догматический, декоративный характер. В заключение первой главы автор останавливается очень кратко на абсолютном определении различных стратиграфических срезов четвертичного периода и в конце раздела приводит таблицу, в которой даны общепринятые относительные и абсолютные даты палеолитических культур. Начало древнейшей, олдувайской культуры определяется в 2600 тыс. лет, а начало верхнего палеолита 35 тыс. лет. Таким образом, древность человеческой культуры возросла по сравнению с недавними представлениями почти в 3 раза. Большая схематичность и краткость этого раздела, очевидно, не позволили автору отметить первую попытку де Геера получить абсолютные даты методом подсчета слоев ленточных глин, а также методы термо-люминесцентного и палеомагнитного анализа, нередко применяемые исследователями в настоящее время.

В главе 2 дается краткий критический обзор исследований «ископаемых человекообразных обезьян на пути их превращения в людей». «Непосредственными предка-

ми и предшественниками людей (среди человекообразных обезьян) были существа весьма близкие к австралопитековым» (с. 18), поэтому автор уделяет им особенное внимание. В настоящее время известно около 400 остатков их особей, но систематическое положение их не всегда ясно. Одни ученые относят их к семейству гоминид, другие — к семейству понгид, третьи выделяют их в семейство австралопитековых. Автор склоняется, по-видимому, к последнему. «Австралопитековые не были прямыми предками человека, но часть их (наиболее древних находок в Кении) — по мнению автора — можно рассматривать как непосредственных предков древнейших людей (с. 20). С этим вряд ли можно согласиться. Жаль, что автор не привел каких-либо доказательств в пользу этого мнения.

В заключительной 3-й главе (с. 24—42) П. И. Борисковский освещает «общие вопросы происхождения человека и становления человеческого общества», дает описание «первых людей, древнейших орудий». Большое внимание он уделяет грани, возникшей, по его мнению, со времени появления Homo habilis, т. е. более 2,5 млн. лет тому назад, между человеком и животными.

Основное отличие человека от животных, говорит автор, это труд. «Разумеется, речь идет о систематическом, целеустремленном труде», подчеркивает он (с. 24). Эта мысль о систематическом, целеустремленном труде справедлива, но, мне кажется, ее можно почерпнуть только из анализа всей совокупности работ классиков марксизма-ленинизма; специально этого вопроса они не рассматривают. К сожалению, автор нигде в своей работе не дает определения понятий «человек» и «животное». В систематике каждое живое существо есть животное.

Находки Л. Лики и других исследователей в Африке, о которых упоминает П. И. Борисковский, подтвердили известный афоризм Ф. Энгельса о труде, позволив проследить на протяжении более 3 млн. лет развитие техники и одновременно эволюцию человека и оценить роль трудовой деятельности в процессе его развития. Но морфологическую грань между человеком и животным провести невозможно. Так же считает и П. И. Борисковский; он говорит, что «невозможность эта обусловлена не отсутствием в современной науке соответствующих методов, позволяющих установить морфологические различия, а тем, что такие формы почти не различались между собой в морфологическом отношении. Единственным надежным критерием «человечности» ископаемого высокоорганизованного примата могут служить следы его деятельности в виде орудий труда» (с. 28).

В двух завершающих работу разделах («Движущие силы процесса очеловечения обезьян» и «Начальные этапы первобытного общества») автор дает философский анализ возникновения и развития человеческого общества (с. 35—42). История этой эпохи охватывает промежуток времени более 2 млн. лет и включает ряд этапов, отвечающих археологическим культурам от раннего ашеля до мустье включительно (с. 39). В связи с этим нужно несколько подробнее сказать о теории двух скачков в эволюции человеческого общества и самого человека; эта теория создана советскими философами и археологами. Однако ее нельзя считать общепринятой. Первый скачок — это появление на земле Homo habilis и начало трудовой деятельности (изготовление орудий труда). Второй скачок — переход от неандертальца, палеоантропа к Homo sapiens на грани верхнего и нижнего, включая мустье, палеолита. Сам П. И. Борисковский сторонник одного первого скачка: с появлением Homo habilis началась история «человеческого общества» (с. 39). Она продолжалась в течение всего палеолитического периода, хотя физический тип человека изменялся. В этом и было своеобразие истории человеческого общества на протяжении многих тысяч лет. Таким образом, нижний палеолит соответствует начальному этапу истории первобытнообщинного строя — эпохе первобытного стада (с. 40).

Вторая часть первого тома «Палеолит Африки», написанная Г. П. Григорьевым, значительно больше первой. Она посвящена специально палеолиту Африки. При характеристике этого материала автор уделяет большое внимание и общим вопросам антропогенеза, а также связанным с ними геологии, палеонтологии, биологии и особенно палеоантропологии. Работа Г. П. Григорьева открывается главой под названием «Основные категории палеолита Африки» с заявлением о том, что «никому еще не удалось определенно сформулировать общие признаки всех африканских культур палеолита, указать особенности его развития по сравнению с палеолитом Европы или

Ближнего Востока, указать общие для всей Африки и (отличные от Европы) ступени развития палеолита». Отчасти это объясняется, по мнению автора, молодостью науки о палеолите в Африке, а отчасти тем, что английские исследователи интересовались палеолитом английских колоний, а французские — палеолитом французских колоний. Они «мало интересовались общими чертами между палеолитом Танганьики и Алжира» (с. 45).

Взаимное проникновение разных школ началось только с 50-х годов, а если это и имело место ранее, то по случайным обстоятельствам (например, поездка Брейля по Африке). Автору, судя по дальнейшему изложению, удалось заполнить этот пробел. Ему, по-видимому, хорошо известны работы отечественных и зарубежных исследователей, результаты семи панафриканских конгрессов по доистории Африки за 1947—1971 гг. Вместе с тем он говорит, что, «оценивая источники по каменному веку Африки, приходится вступать в некоторое противоречие с общепринятым представлением о богатстве этого материка палеолитическими памятниками» (с. 45). В этом вопросе, как и во многих других, он вступает в противоречие со многими другими авторами, не приводя в доказательство своей точки зрения никаких аргументов, которые можно было бы считать убедительными.

Оспаривая многие трактовки и построения зарубежных авторов, критически пересматривая публикуемый ими материал, Г. П. Григорьев выделяет в развитии палеолита Мира две крупные территории сходной индустрии: Африку и большую часть Азии, с одной стороны, и Европу с Передней Азией — с другой, следуя в известной степени за Г. П. Сосновским и С. Н. Замятниным (с. 7). Отмечая отсутствие верхнего палеолита в Африке, автор предлагает выделять там особую эпоху, которую он предлагает называть «эпохой мустье-постмустье». Она представлена несколькими археологическими культурами (с. 52).

Много внимания автор уделяет «периодизации палеолита Африки», критическому анализу работ многих исследователей и «старых схем» палеолита Африки и приходит к правильному, по нашему мнению, но не новому выводу о запаздывании там по сравнению с Европой развития палеолитических культур. Но непонятно, почему он утверждает, что в Африке нет эпохи верхнего палеолита. Потому, говорит он, что «это время (в Африке.— *В. Г.*) заполнено памятниками особого типа...» Но таких «несоответствий» названий с понятиями, которые в эти понятия вкладываются в науке, множество, они общеприняты.

Если не все в развитии культуры зависит от смены среды, то очень многое, а смена эта происходила не однажды. Однако в рецензируемом томе мы читаем: «Примеры воздействия природы на состав каменных орудий на территории Африки, как и на других материках, отыскать трудно» (с. 61). Не значит ли это, что Г. П. Григорьев скептически относится или вообще отрицает влияние окружающей человека среды на развитие его культуры?

В главе 2 «Природное окружение в плейстоцене» (с. 59—66) автор очень схематично (на семи страницах) описывает среду обитания палеолитического человека на протяжении почти всего четвертичного периода в Африке. Для этого он привлекает данные геологии, палеонтологии, современной географии и палеогеографии, а также данные палеоантропологии.

В главе 3 «Олдувайская эпоха в Африке» (с. 66—118) и главе 4 «Мустье и постмустье в Африке» (с. 119—189) автор подробно на основании большого литературного материала и собственного критического анализа этого материала дает описание каменных палеолитических орудий Африки, сопровождая это описание многочисленными рисунками. Он приходит к выводу, в основном давно уже сделанному другими учеными, о том, что олдувайская эпоха в Африке очень плавно переходит в ашель, которым без каких-либо резких граней заканчивается в Африке каменный век, запаздывая в своем развитии по сравнению с Европой; автор предлагает называть послеашельское время эпохи «мустье-постмустье» и посвящает ему особую главу.

Заканчивается работа небольшой главой (с. 190—193) «Некоторые проблемы палеолита Африки». В этой главе автор кратко формулирует свои основные выводы и разногласия с многочисленными исследователями палеолита Мира. Никаких геологических проблем не ставится, как будто они уже решены им; в своей работе автор очень мало или, вернее, совершенно не уделяет должного внимания причинам, вызы-

вавшим или влиявшим на эволюцию палеолитических культур. Если в отношении археологического материала изложение идет, пользуясь выражением автора, «на профессиональном, научном уровне, причем речь идет, разумеется, не о разногласиях между профессионалами и дилетантами, а о концепциях, которые, будучи спорными, вместе с тем допустимы специалистами, имеют хождение на равных правах и годами обсуждаются советскими специалистами», то, к сожалению, нельзя это сказать в отношении не археологических дисциплин. Автор допускает там при изложении материала значительный произвол не только в отношении терминологии, но и в некоторых важных выводах. По-видимому, он вопреки собственному утверждению не придает большого значения в изучении палеолита геологическому материалу, поэтому-то так описывает стратиграфию отложений даже в Олдувайском ущелье, которое считается опорным разрезом, что его описание не может удовлетворить геолога, хотя автор и говорит, что «описание и интерпретация Хея положены в основу последующего описания» (с. 66). Далее автор приводит довольно своеобразное палеонтологическое обоснование олдувайского разреза. Отмечая «однородность фаун обеих пачек», он пишет, что «состав фауны древнейших слоев Олдувайского ущелья (пачки I и низы пачки II) столь многообразен, что нет смысла в перечислении латинских названий малоизвестных животных» (с. 68). Здесь автор явно переоценил свои познания в палеонтологии. «Отметим только,— говорит он далее,— что с самого раннего периода населения Олдувайского ущелья сохранилось множество костей крупных животных, которые, надо полагать, были предметом охоты древнейшего человека». Читатель (не профессионал археолог), вероятно, задаст вопрос: разве археолога не интересуют виды животных, на которых охотился человек, а только их размеры? Заметим, что столь своеобразное отношение автора к латинским названиям животных привело его к тому, что он включил в число нижнепалеолитической промысловой фауны Африки и неизвестное науке животное — «дикую овцу». Вероятно, сделан неудачный перевод латинского слова «сарга».

Плейстоцен Африки было общепринято делить на плювиалы и межплювиалы подобно ледниковьям и межледниковьям Европы. Автор признает в Африке лишь один последний плювиал доказанным. «Геологи Франции,— говорил он,— А. Алпман и Шовайон, строго говоря, нашли не доказательства существования плювиалов, а только эрозионные циклы (т. е. следы их существования.— *В. Г.*) и циклы седиментации, которые предпочитают связать именно с климатическими колебаниями». Спрашивается, с чем же их еще можно связать? К сожалению, автор не дает на это ответа.

Вряд ли удовлетворят геологов и многие характеристики геологических условий залегания культурных остатков палеолитических стоянок Африки. Вот одно из лучших описаний геологии атерских стоянок. Автор отмечает, что они тянутся вдоль всего побережья Африки. Они известны в Марокко, Алжире, Тунисе. «Именно приморские стоянки позволяют установить отношение атерийской культуры к последнему колебанию моря,— говорит он. — В 45 километрах к западу от Алжира возле Мостагонема давно уже известен разрез Берар, где выступает утес из песчаника, изъеденный ветрами и обработанный морем. Поверх скальной поверхности (уплотненной дюны) (? — *В. Г.*) очередное морское колебание — наступление моря — оставило галечники и морские раковины. Эти морские отложения покрыты песчаником от розового до интенсивно-красного цвета. На контакте морских отложений и в массе песчаника встречаются многочисленные атерийские изделия. Стало быть здесь атерийские изделия, бесспорно, относятся ко времени континентальных образований, следуют за морской трансгрессией. Регрессия, с которой связываются атерийские каменные орудия, определяется как монастирская» (с. 123). Красноватый оттенок отложений, содержащих остатки атерской культуры, по мнению автора, «говорит о том, что климат во время существования атерской культуры был более влажным (и, видимо, более прохладным, чем современный)». Автор не объясняет, почему он так думает.

Ни в одном из геологических описаний палеолита автор не приводит ни одного рисунка и не дает одновременно полного описания разреза, его положения в рельефе, мощности отдельных слоев, их литологического состава, не говоря уже о составе фауны и флоры, остатки которых встречаются в культурном слое. Перечисления же иногда названий животных или растений только по-русски недостаточно для того,

чтобы составить себе ясное представление о животном и растительном мире, окружавшем палеолитического человека. Возможно, что в литературе этот материал отсутствует, но в таком случае это следовало бы специально оговорить. Автор же ограничивается только весьма детальной характеристикой вещей, найденных на стоянках.

Нельзя согласиться с мнением автора, которое он называет «гипотезой» о систематическом положении австралопитеков и их роли в эволюции человека. Нельзя согласиться потому, что его «гипотеза», в основу которой он положил концепцию В. П. Якимова, Я. Я. Рогинского, А. А. Зубова и других ученых, по существу лишила эту концепцию, несмотря на ее дискуссионность, логической связи и в то же время нарушила правила зоологической номенклатуры, принятые XV Международным зоологическим конгрессом [1].

Суммируя свои рассуждения о роли австралопитеков в антропогенезе, Г. П. Григорьев приходит к выводу, «что австралопитеки составляют единую группу, возможно, один вид, к ним близки существа типа H. habilis, а через него и вся группа соединяется с человеком 1470... Это дает повод для признания трудовой деятельности как существования всех перечисленных гоминид, а тем самым отбрасывается предпосылка, предполагающая наличие тупиковой ветви» (с. 93). «Австралопитеков и существ, относительно которых более или менее обоснованно предполагают, что они изготовляли орудия, строили жилища и занимались охотой, мы определяем двойным родовым термином как Homo/Australopithecus africanus» (с. 90—91).

Предлагая этот «термин», автор, по-видимому, не претендует на авторство, хотя и не делает ссылки на первоисточник (с. 90). Если ему где-либо и встретилось такое название, то, возможно, это была типографская ошибка, опечатка: пропущена вторая скобка. В скобках после названия рода с заглавной буквы пишут название подрода, но никогда второе название рода. При таком названии, как Homo (Australopithecus), это существо может принадлежать только к семейству Hominidae, что явно противоречит выдвигаемой автором гипотезе. Двойное же название рода — это нарушение международных правил номенклатуры. Поэтому предложение Г. П. Григорьева о двойном родовом названии некоторых предков человека не может быть принято. В соответствии с предлагаемой «гипотезой» Г. П. Григорьев считает, по-видимому, неандертальца подвидом и «предком человека» современного типа Homo sapiens sapiens, забывая при этом, что в настоящее время доказано абсолютными датами, что неандерталец и человек современного вида в течение 5000 лет, а может быть и более, жили одновременно и, следовательно, не могли быть столь «близкими родственниками». Следует, однако, отметить, что автор, предлагая свою «гипотезу», говорит, что он не дает ответа на «вопросы, безусловно требующие антропологических знаний», но все же он предлагает «возможные варианты» (с. 93). Гипотеза Г. П. Григорьева лишена важнейшей части — анализа палеоантропологического материала.

Весьма неудачно (точнее — непонятно) его изложение филогенетической схемы «формирования трех линий развития слоновых с началом плейстоцена» (с. 63): мамонтовых, собственно слонов (Elephas) и рода (Loxodonta), того, к которому относятся и ныне существующие слоны». Автор еще более затемнил понимание этой схемы своим замечанием о том, чтобы «мамонтов не путать с Mammuthus primigenius», затемнил потому, что американцы всех слонов, независимо от их родовой принадлежности, называют Mammuthus.

Незаслуженно Г. П. Григорьев опорочивает при этом некоторые биостратиграфические заключения В. Маглио, например, о большей древности Кооби-Фора по сравнению с пачкой I Олдувая. «Такое заключение наименее обоснованно,— говорит он,— поскольку построено на большей толщине коронки зуба, на большей складчатости эмали и даже на тенденции к изменению некоторых размерных признаков» (с. 64). Но такая методика принята палеонтологами всего мира при биостратиграфических работах. Автор отрицает ее, не предлагая взамен ничего нового. Количество пластин

---

[1] Правила палеозоологической номенклатуры (под ред. Б. К. Лихарева). Л.—М., 1932; Code International de Nomenclature zoologique, adopté par le XV Congrès international de Zoologie. London, 1964; *Майр Э.* Принципы зоологической систематики. М., 1971.

зуба слона, число их на 10 *см* длины, толщина и складчатость эмали, размеры зуба и пр. всеми считаются признаками диагностическими и широко используются при биостратиграфических работах.

Не украшает работу Г. П. Григорьева также, по-видимому, и неудачный перевод многих специальных терминов и выражений. Так, например, он называет «слоистым» озеро, опресненное в приустьевой части рек, впадающих в него. Непонятно, что значит «находки хорошо привязаны к геологическому контексту» (с. 114), так как никакого геологического контекста он не приводит. На стоянке «DK I», говорит он, «скопление образовано блоками сосудистого базальта» (с. 70) — вероятно, это надо понимать как базальты со столбчатой отдельностью. «Младший триас» вместо «верхний» или «поздний триас» (с. 62). «Блок сброса» (с. 7). «Стоянка расположена на отростке останца» (с. 143). «Промоины... по естественным швам породы наклонены под углом 75°», очевидно, по плоскостям наслоения. «Планиграфический принцип» (с. 143). «Слоны стали наиболее разнообразным биологическим образованием в плейстоцене» (с. 63). «Почвы тонкие... тем не менее животный мир довольно разнообразен» (с. 62). «Мощность слоев варьирует в зависимости от подстилающей лавы» (с. 70) и др.

Работа Г. П. Григорьева написана в декларативном тоне. Если он не согласен с выводами исследователя, материал которого он анализирует, то безоговорочно поправляет его «ошибки» или объявляет его выводы неверными. Если же взгляды совпадают, то Г. П. Григорьев считает их «случайными» или сделанными «бессознательно». Поэтому, естественно, и выводы Г. П. Григорьева не всегда можно принять без критических замечаний. Так, его утверждение, что только «примитивный эволюционизм в прошлом заставлял представлять себе начало трудовой деятельности в виде так называемого употребления орудий, после которого происходит постепенный переход к их изготовлению...» По мнению автора у человека появляется не одно примитивное орудие в глубокой древности, как думали раньше, а целый набор сразу (с. 76) в виде множества групп орудий, впоследствии продолжавших существование в виде морфологических групп (зубчатые, выемчатые орудия, чопперы, орудия высокой формы, скребки) (с. 191). Это не может быть принято безоговорочно, хотя автор утверждает, что «такая особенность не может быть теперь оспорена» (с. 76), что «основной чертой набора орудий олдувайской эпохи является его сложность».

Трудно поверить в то, что у человека на заре его истории сразу появляется целый набор разнообразных орудий. С большой детальностью описывая набор этих «орудий» (обычно это гальки со следами беспорядочных сколов, сделанных человеком или его предком), автор никогда не приводит доказательств того, что это вообще намеренно изготовленные орудия, не говоря уже об их различном, специальном назначении.

Об отщепах автор вообще ничего не говорит. А ведь человека как раз могли интересовать только сколы, потому что они имели острый режущий край — лезвие.

Замечание П. И. Борисковского о том, что первым орудием был отщеп, кажется более правильным.

Прежде чем закончить перечисление недочетов в работе Г. П. Григорьева, заметим, что нельзя также принять его утверждение, что процесс возникновения человека совершился в Африке и что все обитатели остальных материков должны признаваться потомками африканских гоминид олдувайской или ашельской эпохи. Данное положение следует принять, говорит автор, «в качестве аксиомы, даже если археологический материал Северной Европы не подтверждает этого» (с. 194). Нельзя согласиться с этим потому, что вопрос о «прародине человека» не может считаться решенным. Даже в первой части рецензируемого тома говорится, что такими территориями могли быть не только Африка, но и Азия или Юг Европы.

Нам казалось целесообразным остановиться более подробно на недочетах этого тома, чем на его достоинствах, потому что это издание предназначается, судя по аннотации к I тому, не только для профессионалов археологов, но и для геологов, историков и антропологов. Указанные же недостатки хотя и не лишают работу научного значения, но и не украшают ее.

В дальнейшем при написании следующих томов представляется целесообразным привлекать для консультации соответствующих специалистов, чтобы вся ра-

бота, а не только археологическая часть, была написана на высоком научном и профессиональном уровне и могла бы удовлетворить не только тех научных работников, для которых она в основном предназначена, но и всех интересующихся величайшей проблемой естествознания — антропогенезом, историей человеческого общества и его культуры.

Нужда же в таких работах бесспорна.

В. И. Громов

«ПАЛЕОЛИТ АФРИКИ» — ВАЖНЫЙ ВКЛАД В СОВЕТСКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

В 1977 г. произошло важное событие в советской исторической науке и конкретно в ее археологическом ответвлении.

Вышел в свет том объемом в 24 с половиной печатных листов, посвященный палеолитическим памятникам «Черного материка», первый по масштабам в истории нашей отечественной науки, в советской археологии Африки, в нашей африканистике вообще. Появление его замечательно уже по той причине, что он является результатом реализации идеи о создании обобщающего труда по начальному этапу истории человека и общества, возникшей еще в 50-х годах нашего века в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР, в котором работал и автор настоящей рецензии.

П. П. Ефименко заложил основы марксистского палеолитоведения. Опыт исследований организованного им сектора палеолита, большой труд самого П. П. Ефименко по истории первобытного человечества, названный исследователем «Первобытное общество», завершили определенный этап в истории изучения по-новому, по-марксистски, с позиций диалектического материализма, начальных этапов развития человека и общества. Это было, прежде всего, время накопления огромного фактического материала по палеолиту Советского Союза и всего мира и вместе с тем время критической оценки этого материала и тех идей, которые в этой области исторической науки высказывались прежде.

Горячие, можно сказать, бурные дискуссии по методологии исторической науки, в том числе археологии, происходившие в нашей стране в 30-х годах, сделали свое полезное дело. Стало ясным, что без сознательного и прочного усвоения марксистского взгляда на историю человечества невозможно дальнейшее развитие нашей исторической науки.

Привычное для многих исследователей первобытности стремление замкнуться в вещеведческих штудиях, в типологии было сломлено неудержимым стремлением познать внутренние процессы развития общества, увидеть человека как именно общественное существо.

К этому перелому советская археология была в значительной мере подготовлена всем ходом развития русской прогрессивной исторической мысли, а в области археологии как таковой — глубокими мыслями и трудами В. А. Городцова.

В области понимания человека и культуры палеолита решающий вклад принадлежал наследникам В. А. Городцова — П. П. Ефименко, С. Н. Замятнину, Г. А. Бонч-Осмоловскому, их ученикам и сотрудникам.

Значение их вклада в науку по палеолиту, советскую и мировую, трудно переоценить. Естественно, что новые открытия и идеи советских исследователей уже в 40—50-х годах не могли не оказать существенного влияния на развитие науки о первобытном прошлом человечества вообще, и в том числе на изучение эпохи полеолита.

Примером служит хотя бы тот факт, что многолетние целеустремленные раскопки в Костенках явились прямым подтверждением представлений такого гиганта, каким был Г. Л. Морган, о первобытной общине как начальном этапе истории доклассового общества, прямым свидетельством о справедливости взглядов классиков

марксизма на доклассовое общество. Открытие в Костенках, а затем в других местах огромных многоочажных домов, сооруженных нередко из костей мамонта, явилось стимулом к новому взгляду на палеолит Евразии. Оно, можно сказать, «раскрыло глаза» исследователям палеолита и в других странах — в Чехословакии, Польше, наконец, во Франции — на жизнь палеолитического человечества.

Однако чем дальше шло время, чем интенсивнее и шире развертывалось изучение памятников палеолита в нашей стране и во всем мире, тем острее становилась потребность в расширении кругозора советских исследователей палеолита.

Потребовалось немало времени, чтобы смелая мысль о создании единственного в мире обобщающего труда по палеолиту мира могла стать реальностью в виде рецензируемого тома. Труд этот закономерно имеет общий вступительный заголовок «Становление человеческого общества». Столь же закономерно далее следует основное название — «Палеолит Африки».

В обстоятельном введении к этой книге хорошо сказано обо всем новом, что произошло в науке о происхождении и ранних этапах становления человека и его культуры за последние десятилетия, с тех пор, как было издано последнее, третье издание монументального труда П. П. Ефименко о первобытном обществе, о накоплении фактического материала и сдвигах в его осмыслении в 60-х и 70-х годах. Совершенно справедливо также, что первый том «Палеолита Мира», каким в сущности является этот труд (хотя это слово и не нашло отражения в заголовках, в предисловии), посвящен именно Африке. Ведь именно там произошли в недавнее время в области изучения древнейшей истории человека такие важные события, которые буквально перевернули традиционные представления о происхождении человека вообще, потрясли наше воображение.

В самом деле, кто мог бы в 40-х и в начале 50-х годов представить, что питекантроп и тем более синантроп по своей хронологии всего лишь ребенок по сравнению с теми существами, остатки которых обнаружены в Олдувайском каньоне и других местах Африки?

Кто бы мог предвидеть, что перед нашими глазами появится это загадочное и странное существо, которое получило наименование Homo habilis — «Человек умелый»! Появится — и сразу же выдвинет трудноразрешимые, но оттого еще более настоятельные и даже еще пока неразрешимые при современном уровне знания проблемы становления человека, формирования его орудийной деятельности, того, что называется социогенезом.

Можно поэтому считать оправданной структуру книги, где первая ее часть содержит обширный раздел П. И. Борисковского, озаглавленный «Возникновение человеческого общества». Можно, конечно, попутно сделать один упрек по названию этого раздела: а существует ли вообще другое общество, кроме «человеческого»? Если говорить о тех или иных других группировках живых существ, даже наиболее высокоорганизованных, то ни одна из них не может быть возведена в ранг общества! Это всего лишь сообщества. Достаточно было без тавтологии и для точности терминологии сказать: «Возникновение общества».

Первая глава книги, посвященная природной среде эпохи эоплейстоцена и плейстоцена, дает ясное определение природных условий, в которых возникает человечество,— открывается новая и важнейшая глава в истории нашей планеты. Она полностью соответствует современному уровню науки. В ней уделено должное место проблеме геохронологии, результатам применения новых естественнонаучных методов датировок, которых не было при жизни П. П. Ефименко и которые открыли новые, поистине грандиозные для понимания исторических процессов возможности. Это радиоуглеродный метод, а для более раннего времени — калиево-аргоновый метод.

Автор главы справедливо говорит здесь и о периодизации палеолита вообще, о двухчленной и трехчленной периодизации палеолитических памятников и культуры. Нельзя не согласиться с ним и в том, что эти общие схемы нуждаются в определенной конкретизации, когда речь идет о конкретных областях и странах, что они представляют собой лишь абстрагированные построения, охватывающие лишь общие признаки, при этом, конечно, основанные на наших знаниях о том, что происходило в своего рода классической области палеолита — на западе и на востоке Европы.

Глава вторая содержит сводку современных представлений и исследований, посвященных важнейшей проблеме — становлению человека как такового, сложной и далеко не выясненной даже в общих чертах, особенно после открытии в Африке, которые, как сказано выше, «торпедировали» во многом прежние устоявшиеся и, казалось, незыблемые системы взглядов на начальные этапы эволюции предков современного человека. Речь идет, естественным образом, сначала о тех существах, которые получили наименование австралопитеков.

В главе справедливо говорится, что основная масса находок австралопитеков принадлежит тем из них, которые не являются прямыми предками человека, а всего лишь современниками первых гоминидов в настоящем смысле слова. Но ясно теперь и то, что нельзя безоговорочно исключать всех австралопитеков из проблемы становления самых ранних предков человека. Находки австралопитековых обезьян возрастом в 4,5—5 млн. лет в Кении показывают, что австралопитеков в целом нельзя ограничивать в антропогенезе ролью своего рода «модели».

Можно было бы, однако, в этой главе, где речь идет о путях превращения обезьяны в человека, вспомнить не только труды ряда советских, а также зарубежных ученых нового и новейшего времени (Ф. Борда, Г. Кёнигсвальда), не только Ч. Дарвина, но и Ф. Энгельса, вспомнить его слова о «тысячелетних попытках» становления человека. Слова эти, пророчески сказанные много десятилетий тому назад, и поныне сохраняют всю силу, показывая закономерность непрерывных поисков исследователей в этой области, поисков, диапазон которых неизбежно расширяется и углубляется в ходе новых открытий.

Вплотную к таким поискам автор приходит в главе третьей, где речь идет о первых людях, о древнейших орудиях, где ставятся и формулируются общие вопросы происхождения человека, становления общества.

Здесь дана предельно сжатая, а вместе с тем столь же четкая характеристика результатов новейших исследований в этой области, подтвержденная в части хронологии синхронистической таблицей древнейших гоминид виллафранкской эпохи, начиная со знаменитого Homo habilis. В той же таблице читатель найдет на фоне геохронологии сведения и о древнейших галечных изделиях, первоорудиях.

Рассматривая движущие силы процесса очеловечивания обезьяны, П. И. Борисковский далее исходит, естественным образом, из фундаментальных для марксистски мыслящих исследователей положений классической работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Однако если ранее мы начинали историю человека и общества с питекантропа и его времени, то в соответствии с новыми открытиями в Африке стало ясным, что труд, систематическое изготовление орудий труда возникают «только у древнейших людей олдувайской археологической эпохи, начиная с Homo habilis». Шаг за шагом прослеживается накопление технических приемов обработки камня на протяжении 500 тыс. лет в Олдувайском каньоне — «от самых нижних до самых верхних прослоек пачки I Олдувайского ущелья». Подчеркивается крайне медленное изменение техники изготовления и формы каменных изделий в этом хронологическом диапазоне, соответствующее примитивности и самого Homo habilis. Говорится и об отсутствии еще в это время признаков употребления огня.

Отмечая ведущую роль труда, автор главы показывает, что новые данные о строении мозга древнейших архантропов (труды В. В. Бунака, В. И. Кочетковой, Ю. Г. Шевченко), а также свидетельства об употреблении в пищу мяса в хозяйстве архантропов из пачки I Олдувая целиком ложатся в картину движущих сил становления человека, предложенную еще в XIX в. Ф. Энгельсом, и безусловно подтверждают его концепцию. Так проницательно он смотрел в глубь далекого прошлого человечества, с такой силой подтверждаются новейшими открытиями принципиальные положения, основанные на применении диалектико-материалистического метода. Можно сказать, что эти открытия являются подлинным торжеством марксистской диалектики в области первобытной истории человека!

На следующих страницах, заключительных для первого раздела книги, кратко обрисованы начальные этапы развития первобытного общества. В них автор раздела размышляет о правомерности применения термина «первобытное стадо», отмечает, что этот термин соответствует исторической реальности — тому, что в

отличие от последующих периодов здесь изменялся и физический облик древнего человека, а труд еще сохранял, по выражению К. Маркса, инстинктивные формы, общественные отношения имели аморфный характер, запреты брачных отношений еще только возникали.

Формулируя свое отношение к взглядам других исследователей, свой собственный взгляд на этот этап, П. И. Борисковский пишет, что нет оснований выделять его в какую-то особую эпоху — «получеловеческую, полуживотную». Напротив, это был лишь начальный этап первобытнообщинной формации. С этим положением нельзя не согласиться, хотя в целом, с общеметодологических положений, трактовка представлений о «двух скачках», характеристика споров о них остается в книге неясной.

Что касается последующего этапа в истории палеолитической культуры, то он справедливо отстаивает принципиальное положение советской археологической науки о том, что основным содержанием ее является становление первобытной общины с материнским правом и групповым браком.

Хотя об этом и не сказано прямо, но из всего контекста следует, что то явление, которое со времен Бахофена получило наименование матриархата,—явление в первобытной истории не общее, не обязательное, а лишь частный пример.

В книге говорится и о том, что есть факты, свидетельствующие об отсутствии четкой грани между культурой человека позднего (верхнего) палеолита и палеолита среднего — вплоть до ашельского времени. Это, в частности, выражается в появлении качественно новой по сравнению с более ранней техникой обработки камня — леваллуазской техники. К этому можно добавить и наличие в ряде случаев первых, специально устроенных жилищ, предвосходящих развитую архитектуру людей верхнего палеолита.

В целом можно выразить удовлетворение в том, что автору раздела удалось дать стройную картину общих закономерностей и конкретного хода развития древнейшего человека и его культуры. Картину, которая в полной мере соответствует современному уровню накопленных фактических материалов, современному этапу в истории изучения памятников эпохи палеолита. Картина эта,— и в этом, пожалуй, ее главная ценность,— не исключает конкретного своеобразия этого процесса, не затушевывает разногласий и трудностей, стоящих перед исследователями в освещении событий столь далекого прошлого.

Но поскольку речь идет о палеолитической культуре в целом, хотелось, чтобы автор уделил должное место и духовной культуре, в особенности же такому удивительному и важному моменту в развитии этой культуры, как палеолитическое искусство. Специфика этого вида человеческой деятельности, проблема происхождения искусства вообще, его роли в становлении человека как общественного существа не менее важна, чем успехи в области материальной культуры. И нужно пожалеть, что автор этого ценного раздела не использовал имеющихся здесь возможностей.

Не опасаясь преувеличения, можно сказать, что человеком в настоящем и полном смысле этого слова наш предок на кроманьонском уровне стал только тогда, когда он смог выразить себя и свое отношение к миру в образах искусства, когда он поднялся до способности оценить действительность в эстетическом плане, в художественных образах, эмоционально — в высшем значении этого понятия.

Если во вступительном разделе книги, написанном П. И. Борисковским, рассматривается материал палеолита планеты в целом, то большая ее часть отведена именно Африке. И это не просто обзор достигнутого в изучении палеолита Африки, а обширное и самостоятельное исследование. Оно начинается обстоятельным общим введением: главой первой, названной «Основные категории палеолита Африки». Сюда входит краткое введение, где говорится о том, что до сих пор никому не удавалось сформулировать общие признаки всех африканских культур палеолита из-за разобщенности исследований. Речь идет далее о терминологии, о понятиях «индустрия», «индустриальные комплексы», наконец «эпоха» и том содержании, которое в них вкладывается. Несколько неожиданна мысль, что должна быть переоценена мысль о богатстве Африки палеолитическими памятниками, которая, по

мнению Г. П. Григорьева, «искажает перспективу, порождает представление о большем богатстве Африки археологическими памятниками, чем это есть на самом деле».

Вероятно, так есть и на самом деле, по сравнению с Европой, конечно. Однако если исходить из представления не о числе памятников, а об их удельном весе в мировой истории каменного века, то уже сам по себе факт открытия подлинно древнейших остатков человеческой деятельности и костей самих древнейших людей или предлюдей значит много более, чем количественный баланс памятников. То же самое следует сказать о их своеобразии, о качественном отличии от всех других на земном шаре, что и является главным выводом из исследования Г. П. Григорьева.

Об этих особенностях и идет далее речь в специальном параграфе исследования. Особенности эти охарактеризованы достаточно четко и обстоятельно, с учетом европейских материалов, дана и синхронистическая таблица в двух параллельных графах — Африки и Европы, начиная с олдувая и кончая верхним палеолитом, в диапазоне от 2 млн. до 10 тыс. лет.

Глава вторая содержит очерк изменений природной среды, насыщенный материалом, а также критические оценки выводов и построений геологов, в частности весьма ответственных взглядов Бишопа.

Третья глава посвящена обстоятельной характеристике начальной олдувайской эпохи. Эта первая в нашей литературе детальная и тщательная сводка известного материала, сопровождаемая и чертежами, в том числе планами расположения культурных остатков на стоянке DK, в которых по усиленной концентрации материала допустимо видеть, вслед за Мэри Лики, остатки жилого комплекса, древнейшего в мире. Обзор сопровождается серией рисунков (табл. 21—26) каменных изделий. Ранее в нашей литературе серия олдувайских артефактов была дана лишь автором рецензии в кратком обзоре палеолита Африки, помещенном в первом томе «Всемирной истории», изданном в 1954 г. Характеристика памятников, детальный анализ каменного инвентаря дополняются столь же подробным описанием палеоантропологических находок, за которым следует специальный параграф, посвященный общим вопросам антропогенеза.

В нем останавливает внимание окончательный вывод из обзора существующих общих гипотез. Он сводится к тому, что если признать австралопитеков единой группой, к которой близок Homo habilis и к которой примыкает человек 1470, то это «дает повод для признания трудовой деятельности как основы существования всех перечисленных гоминид». Отсюда следует, что предположение о тупиковой австралопитековой ветви теряет силу.

Эта мысль Г. П. Григорьева может быть выражена и таким образом, что имела место общая направленность эволюции при всем их морфологическом разнообразии и хронологическом различии всех обнаруженных до сих пор представителей предлюдей к человеку как делателю орудий. Одним словом, мы вновь возвращаемся к уже цитированному выше высказыванию Ф. Энгельса о тысячелетних попытках становления человека, как наиболее точной обобщающей формулировке основной закономерности становления человека и общества.

Далее последовательно рассматриваются ашельские памятники в Восточной Африке, олдувай и ашель в Магрибе, ашель в Южной Африке, древний каменный век в Экваториальной и Западной Африке.

Четвертая глава озаглавлена «Мустье и премустье в Африке». Начальный параграф ее содержит анализ материалов такой оригинальной культуры, которая давно уже поразила своим своеобразием исследователей, как атерийская культура, ведущим типологическим элементом которой являются характерные широкие клинки с отчетливо выделенным черешком. Подобные клинки, как известно, для столь раннего времени неизвестны более нигде. За атером рассматриваются памятники эпипалеолита Марокко («иберо-мавританская культура»), памятники мустье и постмустье в оазисе Харга, мустье и постмустье в Нубии, мустье и верхний палеолит (постмустье) в Киренаике, постмустье в Эфиопии, местонахождения постмустье в Экваториальной и Восточной Африке. Что касается последних, то критический анализ работ, посвященных анализу памятников Южной Родезии, интересен тем, что речь идет, в частности, о находках в пещере Бамбата, отраженных в первом томе

«Всемирной истории». Памятник этот настолько интересен и богат, что его описание в работе могло бы быть более подробным.

Обзор заканчивается группой палеолитических памятников среднего каменного века Южной Африки: материалами «Пещеры очагов», пещеры Помонгве и др. Абсолютный возраст культуры Бамбата по данным радиоуглеродного анализа седьмого слоя местонахождения Кхами в Южной Родезии — от 15 до 22 тыс. лет. В конце параграфа приводятся радиоуглеродные датировки и других памятников палеолита Южной Родезии в пределах 42, 35, 27 тыс. лет тому назад, свидетельствующие о древности и длительности развития палеолита этой области Африканского материка.

Книга заключается пятой главой под названием «Некоторые проблемы палеолита Африки». Первое положение этой главы таково: древнейшие памятники палеолита найдены не в какой-либо одной части этого континента, и соответственно, говоря словами ее автора, «ни одной из ее частей нельзя отдать предпочтение».

Второй вывод: процесс вызревания человеческих качеств протекал в многообразных формах и начался много ранее, чем допускалось прежде, не около миллиона лет, а по крайней мере в три, если не в четыре раза дольше. Начало этого процесса захватывает даже 5—10 млн. лет. Это были первые гоминиды, существа, характеризующиеся прямохождением, относительно развитым мозгом, отсутствием клыков, выступающих из зубного ряда, совершенной кистью, предполагающей возможность трудовых операций.

Третий вывод: одновременно в пределах первой — одной — олдувайской — эпохи возникают охота, жилища, т. е. некоторая оседлость.

Четвертый вывод: одновременно на том же начальном, олдувайском этапе появляются различные типологические и функционально различные группы каменных орудий. Соответственно имела место эволюция не одного универсального орудия, а ряда групп таких орудий.

Пятый вывод: уже в ашеле появляются различные археологические культуры.

Шестой вывод: отличие культур палеолита Африки от Европы обнаруживается после ашельского и мустьерского времени. Это были культуры «постмустье», хронологически близкие друг другу, но качественно отличные от палеолита Европы.

Седьмой и важнейший вывод: древнейшее человечество появилось только в Африке. Лишь в ашеле люди заняли Старый Свет.

Книга снабжена большим и тщательно составленным справочным аппаратом. Имеются список основной литературы, указатель географических названий, имен, предметный указатель. Есть и дополнение, в котором приведены сведения о новых, «сенсационных даже на фоне находок Р. Лики», открытиях в Африке. Таковы обнаруженные Д. Йохансоном в Афаре кости человеческого существа, датированные калиево-аргоновым методом до 3—4 млн. лет.

Одним словом, новый труд П. И. Борисковского и Г. П. Григорьева заполняет остро ощущавшийся пробел в советской литературе, посвященной такой важной и сложной проблеме, как проблема о происхождении человека и общества, для освещения которой принципиально новый и важнейший материал дают новейшие археологические находки на африканской земле.

Вместе с тем поднятые в книге вопросы являются предметом дальнейших дискуссий, а сделанные в ней те или иные выводы, несомненно, будут подвергнуты, с учетом дальнейших открытий, критике.

Следует, например, более детально обсудить вопрос о правомерности употребления такого термина, как «постмустье», предложенного и широко применяемого Г. П. Григорьевым. Размеры рецензии не дают возможности полнее заняться критикой термина «постмустье», но нельзя не признать, что сама по себе типология каменного инвентаря не может дать оснований для столь широких обобщений, которые могут быть сделаны из наличного материала. Смысл этого термина таков, что на определенных территориях планеты не существовало верхнего или позднего палеолита. И сразу же возникает вопрос: а что такое верхний палеолит, каковы критерии для выделения такого палеолита?

Поскольку так или иначе признается факт наличия палеолита в Европе, то логически следует заключение, что такими критериями служат черты, свойствен-

ные именно памятникам Европы: своеобразная архитектура, наличие прочных зимних жилищ, разнообразный кремневый и костяной инвентарь, наконец, такое яркое явление, как развитое искусство, в том числе пещерные росписи, чего нет в таком виде и комплексе в других странах.

Отсюда неизбежно следует и другой вопрос: является ли отсутствие всего этого свидетельством отсталости населения других, не европейских, частей палеолитического мира, которое по каким-то причинам оказалось на постмустьерском уровне? Может быть, причина в каких-то изначальных свойствах этого населения? Может быть, прав был Г. Ф. Осборн, писавший что в Европе существовали своего рода «палеолитические греки»? Иными словами, наиболее способная и талантливая раса. Осборн в своем увлечении палеолитом Европы был своего рода европоцентристом. Конечно, мы не можем следовать за ним. Нужно искать более глубокие причины, связанные с социально-экономическими закономерностями. И такие причины имеются. Их можно назвать экологическими или этнографическими, обусловленными взаимоотношениями природы и человека.

Конечно, признавая наличие верхнего палеолита только в Европе и отрицая применение этого термина для других территорий, можно сказать, что тем самым признается неравномерность исторического процесса. Но правильнее было бы в оценке степени прогрессивности развития тех или иных групп палеолитических племен не спешить с окончательным выводом о том, что существовала отсталость одних конкретных племен и культур и прогрессивность других, что речь может идти об отсталости тех племен, которые фатальным образом застряли на мустьерском уровне.

Однако нужно смотреть глубже и говорить о другом: о ценностях культуры вообще, о равенстве человеческих возможностей и своеобразии исторического пути, которое выражено в несходстве этих культур, обусловленном конкретной исторической ситуацией, в том числе и прежде всего экологической. Жизнь в тропических областях всегда строилась по-другому, чем в арктических или субарктических. Но творческая сила человека проявлялась всюду, хотя и в разных формах, особенно в области духовной культуры, где человек менее всего зависел от давления материальных факторов. Что касается причин этнографических и экологических, то все, что придает своеобразный облик верхнему или позднему палеолиту Европы, а в значительной степени и Северной Азии (Мальта, Буреть), напоминает конкретную этнографическую параллель — эскимосов.

Речь идет о культуре оседлых охотников на крупного мясного зверя. Постоянные и обильные источники мясной пищи арктических охотников обусловили возникновение длительной и прочной оседлости, архитектуры. Наличие крупных костей животных, и особенно таких, как бивни мамонта или (у эскимосов) клыков моржа, способствовало развитию резьбы и скульптуры.

Те же племена, которые жили в Арктике, не нуждались ни в монументальных жилищах, ни в столь богатом наборе инструментов из камня. Их в полной мере удовлетворяло то, что создано было создателями леваллуазской техники, представляющей собой весьма высокий уровень обработки камня, характерными чертами которого служит простота и предельная практичность изготовления и форм каменного инвентаря.

Одним словом, как невозможно ставить эскимосов выше лесных охотников, так невозможно столь упрощенно противопоставлять арктические племена палеолита Европы, жителей палеолитической Мальты и Бурети их современникам в той же Африке.

Далее, как ни соблазнительна мысль о множественности типов каменных изделий уже на олдувайском этапе, по крайней мере 2 млн. лет тому назад, но требует более полного анализа весь набор каменных изделий олдувайцев. В частности, требует пересмотра категория таких специфических орудий, как резцы. Даже на рисунках в работах М. Лики они лишь отдаленно вызывают ассоциации с теми изделиями, которые принято считать резцами полифункциональными и универсальными. И конечно, нельзя недооценивать реального значения ведущей роли тех крупных инструментов, которые принято называть рубилами или проторубилами.

Нельзя не признать, как и показано в работе Г. П. Григорьева, что существует

много неясностей в геологии и стратиграфии палеолита Африки, в систематике палеолитических орудий. Особую трудность представляет то обстоятельство, что приходится пользоваться лишь литературными данными, не имея в руках подлинных изделий. Ведь любая публикация памятника представляет результат собственной обработки другим исследователем, его личной, нередко субъективной интерпретации полученных фактов.

Неизбежна и другая мысль: что дадут последующие исследования, новые открытия для постановки самой важной с всемирно-исторической точки зрения проблемы: взаимоотношений древнейших остатков человеческой деятельности на территории Африки с палеолитом других частей света, соседних с «Черным материком».

В заключительных выводах коротко говорится, что именно Африка и была местом, где возник человек, и лишь на ашельском этапе он проник в Евразию. Но всегда, когда я читаю книги, где так решительно излагаются подобные утверждения, мне видится картина: по морю плывет путешественник. Он видит лишь океан. Впереди лишь отдельные острова — вершины лежащих глубоко под водой горных цепей... Глубоко под водой лежит страна с горами и долинами, затопленная и неизвестная. В таком положении находимся и мы, исследователи, стремящиеся решать на основе имеющихся сегодня в нашем распоряжении материалов крупные исторические проблемы. Неполнота геологической летописи — факт общеизвестный. То же относится к археологической летописи, особенно эпохи палеолита. Что же касается общей оценки выводов рецензируемой книги, то, как они ни условны, эти выводы, безусловно, интересны и нужны потому, что будят мысль, ставят новые проблемы для дальнейших исследований и тем самым оправданы.

И хотя, повторяю, в заголовке рецензируемого тома не стоят слова «Палеолит Мира», неизбежно следует дальнейший вопрос: а что дадут советскому читателю, а также и зарубежным читателям наши специалисты по палеолиту в дальнейшем?

Кажется естественным, что на Африке они не остановятся и дадут в будущем другие такие же обобщающие труды, посвященные остальным континентам планеты, где имеются следы культуры древнейшего человечества.

В новом свете предстают перед нами теперь памятники палеолита той части Старого Света, где зародилась сама наука о палеолите,— Западной и Восточной Европы, в том числе территории Советского Союза до Урала. Еще в 1871 г. сделаны были первые замечательные открытия на востоке нашей страны — за Уралом, в Сибири. С тех пор, особенно при Советской власти, широко развернулся фронт исследований палеолита на Оби, на Алтае, на Енисее, Ангаре, Лене, Селенге. За последние годы, начиная с 1949 г., накоплена масса нового материала по палеолиту и в совершенно неизведанных ранее в области каменного века Центральной Азии — Монголии, а также в Восточной Азии — Китае, в Юго-Восточной Азии — в Корее, Вьетнаме. Палеолит Китая, Америки, Индии, наконец Австралии — все ждет обобщения в таких по объему и масштабности трудах, как этот том, посвященный палеолиту Африки.

Естественно, что силами одного ленинградского сектора палеолита с такой огромной задачей справиться трудно. Но при помощи и участии всех, кто в других городах нашей страны трудится над этими проблемами, можно сделать многое и, мне думается, не в столь отдаленное время.

Поэтому уместно было бы в предисловии дать хотя бы самый краткий план дальнейшей работы, схему построения столь важного для престижа нашей науки и для удовлетворения запросов широкой научной общественности, как в нашей стране, так и за рубежом, многотомного труда по палеолиту мира, по истории первобытного общества.

Но и то, что уже сделано по палеолиту Африки, впечатляет и вдохновляет и позволяет надеяться, что работа будет продолжена дальше.

А. П. Окладников

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.

Взаимопроникновение различных дисциплин — явление, как уже неоднократно констатировалось, характерное для современной науки, не оставило в стороне и скифологию. С одной стороны, скифским материалом стали довольно широко оперировать не скифологи, с другой стороны, скифологи начинают все больше использовать данные, понятия и методы различных дисциплин: от топонимики до искусствоведения и от этнографии до фольклористики. Очевидно, это вполне закономерно. Однако нельзя упускать из вида, что каждая научная дисциплина имеет свой собственный круг проблем и правила их исследования, свой материал и установленные на его основе закономерности, свои дискуссионные вопросы. Поэтому при обращении к смежным наукам методические аспекты исследования зачастую выступают на первый план. Даже при соблюдении этих минимальных требований успех далеко не гарантирован, однако с ними необходимо считаться в полной мере. В этом отношении монография Д. С. Раевского является достаточно показательной.

Надо сразу же отдать должное смелости автора. Он взялся за тему, которая является одной из труднейших в скифологии. Не случайно даже специальных статей на эту тему написано не так уж много; что касается монографий, то книга Д. С. Раевского является вообще первой и пока единственной. Ее автор в который раз проявил себя как скифолог эрудированным специалистом, хорошо владеющим всей совокупностью письменного и археологического материала, подчас по-новому его интерпретирующим и анализирующим.

В исследованиях подобного рода особенно важно с самого начала обосновать их методические начала. Д. С. Раевский именно так и поступает. Введение в его монографию является изложением основных принципов исследования.

Естественно, что книга, посвященная в основном мифологии, начинается с определения предмета последней, как он понимается автором. Это представляется тем более важным, что в данном отношении среди специалистов существуют очень большие расхождения. Достаточно сравнить определения мифологии, предлагаемые А. Ф. Лосевым, Э. М. Мелетинским, М. И. Стеблин-Каменским и другими советскими исследователями, не говоря уже о зарубежных [1]. Жаль, что автор не счел нужным выразить свое отношение к ним. Сделать это было не так уж трудно. «Общепризнанной теории мифа до сих пор нет» [2], зато сводок различных теорий предостаточно. Сам Д. С. Раевский, на наш взгляд, понимает мифологию слишком расширительно, недооценивает ее специфику, подчас практически отождествляет ее с культурой, идеологией, религией, любыми зачатками науки, любыми видами фольклора и т. д., понятиями, взаимно перекрывающими друг друга, но отнюдь не тождественными [3].

В книге Д. С. Раевского проводится еще одно отождествление, на наш взгляд неправомерное,— мифа и эпоса, особенно героического. Их генетическая связь хорошо известна, но различия их также никем из специалистов не оспариваются. Наличие в эпосе определенного мифологического пласта усложняет, но отнюдь не упраздняет проблему их различения. Имеется много оснований полагать, что у скифов существовал героический эпос [4]. Это мнение разделяется не только скифологами, но и фольклористами [5]. В таком случае мы вправе допускать отражение этого эпоса в произведениях изобразительного искусства [6], что сразу делает проблему их интерпретации значительно более сложной, чем это представляется Д. С. Раевскому. Между тем автор полагает, что «содержанием архаического искусства (к которому он на-

---

[1] См., например, *Токарев С. А.* Что такое мифология? — Вопросы истории религии и атеизма, вып. IV. М., 1962; *Лосев А. Ф.* Античная мифология. М., 1975; *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976; *Стеблин-Каменский М. И.* Мпф. Л., 1976.

[2] *Дьяконов И. М.* Введение.— В кн.: Мифологии древнего мира. М., 1977.

[3] *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963, с. 22.

[4] *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 80, 81; *Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 42, 48.

[5] *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса, с. 248.

[6] *Хазанов А. М.* Золото скифов. М., 1975, с. 127—134.

красно причисляет и скифское.— *А. Х.* и *А. Ш.*) на протяжении длительного времени остается лишь репертуар мифологических событий или ритуальных действий, т. е. тех, которые обладают периодической повторяемостью» (с. 11—12). Однако это положение декларируется как само собой разумеющееся, но не доказывается.

Также трудно согласиться и с другим утверждением Д. С. Раевского — что предметы звериного стиля являются бесспорно произведениями религиозного искусства (с. 4). То, что в зверином стиле присутствуют религиозные моменты, сейчас, кажется, никто не оспаривает, но по вопросу об их удельном весе существуют самые различные точки зрения. Особенности сюжетного репертуара скифского звериного стиля и конкретные категории предметов, на которых он был распространен, включающие в себя преимущественно вещи бытового назначения, не позволяют определять его семантику как чисто религиозную [7].

Таким образом, существенным методическим недостатком рецензируемой работы мы считаем то, что в ней недостаточно привлечена и использована теоретическая литература по поднятым проблемам, некоторые спорные вопросы представлены как решенные, то, что еще требуется доказать,— в качестве твердо установленных постулатов. К чему это приводит, мы постараемся показать дальше.

Во Введении содержится еще одно важное теоретическое положение. Автор выделяет три группы источников для реконструкции «скифских религиозно-мифологических представлений»: данные античных авторов, изобразительные памятники и общеарийские параллели. По его мнению, «исходным материалом в каждом случае должны, безусловно, служить источники двух первых групп, так как лишь при этом условии мы избегнем риска растворить собственно скифскую мифологию в массе мотивов, свойственных различным индоиранским народам, лишить ее индивидуальности. Арийские аналогии лишь помогают «озвучить» скифский материал, но ни в коем случае не подменяют его» (с. 16). Это положение представляется совершенно правильным, с одним лишь дополнением. При современном состоянии источников значение письменных памятников для исследования скифской религии и мифологии значительно превосходит значение памятников изобразительного искусства.

Каким же именно методом собирается автор реконструировать скифскую мифологию, скифскую религиозно-мифологическую систему? Ведь их известно сейчас не менее трех — историко-типологический, генетико-социологический и структурно-семиотический, причем проблема их органического сочетания еще далеко не решена [8]. В книге об этом не сказано ни слова, и, что важнее, в практическом анализе методической последовательности у автора не обнаруживается. Правда, он нередко употребляет термины типа «структура» или «система», но, как мы увидим, они органически не проистекают из его анализа.

Глава I — «Скифская генеалогическая легенда» и по объему, и по содержанию является важнейшей в рецензируемой книге. Очевидно, именно в ней необходимо выяснить, что собой представляла легенда в жанровом отношении. Автор этого не делает. Он просто объявляет ее мифом как само собой разумеющееся и упрекает А. М. Хазанова за то, что тот характеризует ее то мифом, то ранней ступенью развития эпоса (с. 181, прим. 2). Но архаический эпос включает в себя миф. По нашему мнению, рассматриваемая легенда близка к эпическим легендам, «где исконный мифологический материал причудливо компонируется с квазиисторическими воспоминаниями народа» [9].

В источниковедческом плане данная глава является наиболее полной из всех до сих пор предпринимавшихся исследований данной легенды. Заслугой автора является то, что он собрал и проанализировал весь имеющийся материал (за исключением Страбона XI, 2, 10) и попытался дополнить его памятниками изобразительного искусства. К сожалению, сам этот материал в информативном отношении далеко не равноценен и нередко нуждается в дополнительном историко-филологическом анализе.

---

[7] *Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Ук. соч., с. 40, 44, 47; *Шкурко А. И.* Скифское искусство звериного стиля (по материалам лесостепной Скифии).— Музейное дело в СССР. М., 1977, с. 107—113.

[8] *Мелетинский Е. М.* К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике.— В сб.: Семиотика и художественное творчество. М., 1977.

[9] *Дьяконов И. М.* Введение, с. 19, прим. 14.

У нас, например, вызывает определенные сомнения возможность рассматривать данные Флакка как самостоятельную версию скифской легенды. Даже если у поэта и были какие-то сведения, несводимые к Геродоту и не являющиеся плодом его собственной фантазии, они столь скудны, что делать из них стройную версию — значит совершать слишком большое насилие над материалом. Флакк пишет, что Юпитер и змееногая нимфа произвели божественной крови Колакса. Далее в тексте упоминаются Авх и Даракс. Это все. Д. С. Раевский отстаивает мнение, что Флакк пользовался независимым от Геродота источником, и полагает, что его сведения можно привести в систему. В результате Колакс из сына Юпитера превращается в его потомка и при этом приобретает двух братьев в соответствии с данными Геродота. Но если данные Флакка не восходят к Геродоту, то нельзя избирать сведения последнего в качестве эталона, тем более лишь одну из двух версий. Поступая таким образом, автор сразу же подрывает и свою собственную аргументацию, и убедительность своей же реконструкции.

Много места в анализе скифской легенды у Д. С. Раевского занимают широко известные изображения на сосудах из Частых курганов, Куль-Обы и Гайматовой могилы. Он полагает, что все они являются иллюстрацией к генеалогической легенде, как она зафиксирована во второй версии Геродота. Нам такое предположение представляется гипотезой хотя и допустимой, но уязвимой для критики. Если изображения на всех сосудах представляют одну версию, то почему и в сюжетном и в иконографическом отношении они столь различны и не дублируют друг друга? Тем более что для греков, изготовивших рассматриваемые сосуды, как раз характерно достаточно каноническое изображение мифологических и эпических персонажей. Почему лишь на воронежском сосуде изображен юноша, по возрасту соответствующий персонажу легенды (длина бороды на других изображениях, на которую ссылается автор, значения не имеет — юношей греки изображали безбородыми)? Почему все три группы изображений не иллюстрируют прямо рассказа Геродота (ср. с распространенным в Скифии сюжетом со сценами из жизни Ахилла), а нуждаются в домысливании, во включении в него дополнительных моментов? И наконец, ахиллесова пята гипотезы — почему вопреки рассказу Геродота испытание проводит Геракл, а не Ехидна? Для объяснения этого Д. С. Раевский ссылается на Шахнаме, но ведь ранее он сам справедливо отмечал, что иранские аналогии не должны подменять скифский материал.

Ряд возражений вызывает и трактовка отдельных сюжетов. Д. С. Раевский полагает, например, что на куль-обском сосуде изображены не упоминаемые Геродотом последствия неудачи старших братьев в натягивании лука Геракла: для одного из них это кончилось выбитым зубом, для другого — ранением голени. При этом он ссылается на собственную неудачную попытку натянуть сложный лук из собрания ГИМ. Мы все же рискуем предположить, что для скифов, вероятно лучше знакомых с этим видом оружия, не каждая неудачная попытка натянуть лук должна была кончиться ранением.

Д. С. Раевский обращает внимание, что в сценах на куль-обском сосуде никак не подчеркивается молодость одного из персонажей. Он пытается обойти этот момент с помощью утверждения, что внешность скифа, натягивающего лук (по его мнению, Скифа из рассказа Геродота), наиболее соответствует представлению греков «о типично скифском облике» (с. 36). Но разве остальные персонажи на изображении не являются такими же типичными скифами? Наконец, почему на том изображении, которое Д. С. Раевский трактует как беседу Геракла с его младшим сыном, возраст собеседников практически одинаков?

Еще больше сомнений вызывает трактовка сцен на гайматовом сосуде. Автор считает, что центральное изображение посвящено передаче Гераклом лука своему младшему сыну, сопровождающейся жертвоприношением и возлиянием. Однако, автор лишь домысливает изображение лука на испорченной части изображения. Между тем внимательное рассмотрение изображения свидетельствует о том, что для такого лука, какой обычно изображался на изделиях греко-скифского стиля, просто не остается места. И почему мы должны обязательно видеть в двух оставшихся персонажах, изображенных в эпически спокойных позах, старших братьев Скифа, по мнению Д. С. Раевского вероломно замышляющих его убийство?

Таким образом, гипотеза Д. С. Раевского представляется нам недоказанной. По-

этому опираться на нее в дальнейших реконструкциях, пожалуй, было бы рискованно, и показательно, что это редко делает и сам автор.

Приступая к анализу скифской легенды, Д. С. Раевский исходит из правильной посылки о необходимости сопоставления всех ее версий. Об этом говорилось и до него, но в его работе мы имеем теперь наиболее полный анализ и сопоставления. Однако методические основы самого сопоставления представляются нам сомнительными. Обычно при сопоставлении фольклорных текстов исследователи идут по пути анализа каждого из них с последующим выделением сохраняющегося при всех трансформациях инварианта, по отношению к которому конкретные тексты являются преобразованными вариантами [10]. Д. С. Раевский идет по иному пути, по пути «приведения к общему знаменателю», унификации различных версий с точки зрения полноты отраженной в них генеалогической схемы (с. 39). Это означает, что, несмотря на отдельные оговорки по конкретным поводам, сам автор отрицает самую возможность расхождения различных версий, объясняя противоречия между ними неполнотой источника или его спецификой, объявляя одни мифические генеалогии «более верными», чем другие (с. 42).

На практике это ведет к следующему. Д. С. Раевский избирает наиболее информативную первую версию Геродота как эталонную и подгоняет к ней все остальные, расширяя присущие им генеалогии, вводя в них домысленные персонажи и т. д. Например, версия Диодора Сицилийского в результате его реконструкции «по аналогии» выглядит следующим образом: от Зевса и змееногой девы рожден Скиф, соответствующий «первому человеку» Таргитаю-Гераклу, от Скифа — Пал и Нап, соответствующие Липоксаю, Арпоксаю и Колоксаю, от них — палы и напы, соответствующие авхатам, катиарам, траспиям и паралатам.

Так у Д. С. Раевского. У самого же Диодора (II, 43) Скиф отнюдь не был первопредком, потому что до него скифы успели пожить у Аракса и затем завоевать себе страну между Доном, Азовским морем и Главным Кавказским хребтом. Пал и Нап были не сыновьями Скифа, а потомками, притом не единственными. Они не уступили друг другу царство, а разделили его. Подобное обращение с источником представляется слишком произвольным.

А теперь приведем примеры того, к каким произвольным выводам может привести метод «унификации». В результате тонкого и глубокого анализа земного и водного начал в образе скифской змееногой богини Д. С. Раевский пришел к убедительному выводу о том, «что мы имеем дело не просто со сходными персонажами, а с одной и той же богиней, но в некоторых версиях она выступает в роли супруги Зевса, а в некоторых — в роли супруги его сына» (с. 49). Однако из этого Д. С. Раевский заключает, что в «мифологии скифов интересующая нас богиня выступала одновременно в роли матери и жены первого человека» (с. 50). Беда лишь, что в источниках об этом не сказано ни слова. Автор объясняет это тем, что греки молчали умышленно, полагая данную ситуацию безнравственной. Но ведь именно они создали легенду о царе Эдипе и сделали ее достоянием человечества. Правда, Д. С. Раевский допускает, что в некоторых случаях у античных авторов образы двух супругов змееногой богини сливались в один персонаж, но и в этом случае ее предполагаемый брак с собственным сыном не становится более доказанным.

Для поддержки своей точки зрения автор обращается к Филону Александрийскому. Но Филон пишет о якобы реально существовавших в Скифии браках с матерью, а Д. С. Раевский считает, «что Филон изложил мифологический мотив как бытовой» (с. 51), на каком основании — неизвестно. Последний аргумент автора выглядит совсем неубедительно. Он обращается к зафиксированной у ряда античных авторов истории случки царского жеребца с собственной матерью, полагая, что царский жеребец — это зооморфная инкарнация самого скифского царя, а рассказ Аристотеля и Элиана — зооморфный вариант все того же мифа. Но гораздо проще предположить, что в данной истории отражена практика инбридинга, широко распространенная в животноводстве вообще и коневодстве в частности для выведения породистых лошадей, на которых и должны были ездить скифские цари.

[10] *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах.— В сб.: Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

По существу все рассуждения автора покоятся на одном основании — на том, что в одной из поздних версий иранской мифологической традиции действительно присутствует брак сына с собственной матерью. Но ведь в Иране это связано с зороастризмом, на практике поощрявшем близкородственные браки, а скифы зороастрийцами отнюдь не были.

По мнению Д. С. Раевского, Таргитай не только вступает в брак с собственной матерью, он к тому же является богом «среднего» мира, мира людей. Все это лишь на том основании, что на некоторых изображениях, где само наличие Таргитая выглядит весьма сомнительным, встречаются водоплавающие птицы, которые, по мнению автора, непременно должны символизировать смертный мир. Заметим, однако, что в собственно скифском искусстве мотив водоплавающей птицы очень редок и появляется в нем только в результате внешних воздействий [11].

В отдельном экскурсе Д. С. Раевский приводит интересное сопоставление Таргитая с иранским Траетоном-Феридуном и индийским Тритой. Казалось бы, это сопоставление должно было навести его на мысль, можно ли вообще рассматривать Таргитая как бога и, следовательно, имеем ли мы право полностью отождествлять его со скифским Гераклом. Но Д. С. Раевский поступает противоположным образом — объявляет богом Феридуна, да еще в триедином воплощении (с. 86). Зато автор устанавливает «системный характер представлений, отраженных в скифской генеалогической легенде», и наличие божественной триады: Папай — Апи — Таргитай, которой в телесном мире соответствует триада Колаксай — Липоксай — Арпоксай.

В этой связи пользуемся случаем очень коротко высказать свои собственные соображения о системности скифской мифологии. В последнее время о системном характере мифологического мышления первобытного и древнего человека написано уже довольно много. Нам кажется, что в этом отношении наметился известный перекос. Развитые системы, там, где они действительно имелись, складывались не только стихийно, но являлись также результатом жреческого творчества. В других случаях они иногда — плод творчества современных специалистов, любящих писать про специфику мифологического мышления и тем не менее стремящихся упорядочить его плоды с помощью научно-логических мерок и требований внутренней непротиворечивости текста. Подобные исследователи вольно или невольно привносят в попытки установить семантику древних мифов свои собственные концепции, взгляды, вкусы и стремления. Но мифологическое мышление и мифологическая система — это не одно и то же.

К тому же, прежде чем решать вопрос о степени системности скифской мифологии, не мешает вспомнить, как мало нам вообще о ней известно — неизмеримо меньше, чем почти о любой другой мифологии древнего мира. Уже потому попытки объяснить или примирить все противоречия, унифицировать все версии, объединить их в единый канон, едва ли приведут к успеху. Они могут быть связаны с неполнотой наших знаний, или с внутренними противоречиями самой мифологии (рассматриваемой с позиций современного исследователя), или с тем и с другим одновременно.

Поэтому, на наш взгляд, не следует подменять древнее стихийное мифотворчество современным наукообразным. Любой материал диктует свои ограничения, и с этим необходимо считаться.

Переходя к анализу социального содержания легенды, Д. С. Раевский вслед за многими другими исследователями полагает, что авхаты, катиары, траспии и паралаты первой версии Геродота обозначают скифские «сословно-кастовые группы» и связывает их с трехчленным моделированием мира, которое, по его мнению, присуще скифской мифологии. Новых аргументов по сравнению со своими предшественниками он почти не приводит, за исключением изысканий в области иранской филологии, которые мы, не будучи в ней специалистами, оценить не беремся. Поэтому остановимся на более близком нам примере, хорошо показывающем, к чему может привести чрезмерное увлечение этимологиями для социальных интерпретаций [12].

---

[11] *Шкурко А. И.* Скифское искусство..., с. 105, табл. I; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. М., 1967, с. 57; *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники.— Археологія, XV, 1963, с. 56.

[12] Д. С. Раевский упрекает А. М. Хазанова в недооценке возможностей этимологического метода. Но сомнения в отдельных этимологиях конкретных исследова-

Вслед за Э. А. Грантовским автор утверждает, что земледельцы и коневоды, которым в известном рассказе Полиена (Strateg., VII, 44, 1) скифы приказали изображать идущее на подмогу войско (παρήγγειλαν τοῖς γεωργοις καὶ τοῖς ἱπποφορβοῖς), являются точным переводом со скифского геродотовых катиаров и траспиев и поэтому олицетворяют сословие рядовых земледельцев и скотоводов. Но если присмотреться к контексту рассказа Полиена, то станет очевидным, что Полиен имел в виду безоружное зависимое население. Фронтин (Strateg, II, 4, 20), пользовавшийся одним источником с Полиеном, скорее всего Феопомпом, называет его «imbellis turba» — «нестроевой толпой». Следовательно, речь идет не о противопоставлении аристократии основной массе рядовых скифов, так как последние были конными воинами-лучниками (Herod., IV, 46), а о противопоставлении свободных скифов зависимому населению. И никакие этимологии катиаров и траспиев, взятые совсем из иного источника, которые, кстати, Фасмер, Дюмезиль и другие ученые объясняют совсем по-другому (при этом расходясь друг с другом), делу тут не помогут.

Д. С. Раевский, очевидно, осознает это и сам, потому что далее он пытается подкрепить свое мнение утверждением о «маловотчинном характере» погребений рядового населения Скифии (с. 147) и при этом ссылается на мнение Б. Н. Гракова [13]. На самом деле цитированные им слова Б. Н. Гракова относятся только к весьма специфическим Аджигольскому и Петуховскому могильникам, что непоследовательно признает и сам автор тремя страницами далее (с. 150). Между тем известно, что Б. Н. Граков неоднократно обращал внимание на тот факт, что оружие присутствует почти во всех рядовых мужских скифских погребениях IV—III вв. до н. э.

Опять-таки в основном в результате филолого-этимологических изысканий Д. С. Раевский приходит к выводу, что вопреки прямым словам самого Диодора палы и напы в его рассказе являются сословно-кастовыми группами воинов и подчиненных им рядовых общинников. В подтверждение он приводит слова Плиния (NH, VI, 50) об уничтоженных палеями напеях. Но Плиний пишет о племенах (народах), а не о сословиях и об уничтожении, а не о подчинении. Подобное обращение с источниками представляется слишком произвольным.

Вторая глава посвящена богине Табити-Гестии. В ней содержится ряд заслуживающих серьезного внимания соображений относительно причин главенствующего положения этой богини в скифском пантеоне. Кроме того, автор пишет о браке Гестии со скифскими царями, хотя источники об этом молчат. Сцену брака скифских царей с Гестией Д. С. Раевский усматривает в изображениях сидящей с зеркалом богини и стоящего перед ней мужчины, которые М. И. Ростовцев рассматривал как сцены вручения власти скифскому царю (Д. С. Раевский это мнение упоминает, но и только.) В доказательство своего мнения он приводит ряд случайных и разновременных примеров, когда зеркало является атрибутом брачной церемонии или эротических сцен. Однако все эти примеры связаны с обычным, а не царским и к тому же символическим браком. Между тем автор идет еще дальше и предполагает «на мифологическом уровне — венчание Табити и Колаксая» (с. 100), а Гестию отождествляет с фарном.

Особый экскурс книги озаглавлен «Скифский религиозный праздник и судьба Колаксая». Исходя из своего предположения о том, что клятва царскими Гестиями на самом деле означала клятву священным золотом,— предположения, не лишенного определенной привлекательности,— Д. С. Раевский трактует сам праздник как воспроизведение судьбы Колаксая, в частности его брака с Табити. К сожалению, его аргументация в данном случае образует тот порочный замкнутый круг, когда одно не-

---

телей не являются недооценкой всего метода. Относясь к нему с полным уважением, А. М. Хазанов помнит известный афоризм: «Все бесспорные этимологии были установлены уже в XIX в., все оставшиеся — спорные». Несмотря на известное преувеличение, в нем много верного. Не случайно сам автор книги уже отказывается от некоторых этимологий, предлагавшихся им всего несколько лет назад (с. 61, 85). Подобная ситуация возможна в двух случаях: если исследователь не является достаточно компетентным в иранской филологии — разумеется, к Д. С. Раевскому это не относится — или если рассматриваемые этимологии пока не позволяют их однозначную трактовку.

[13] *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, № 115, 1962, с. 98.

доказуемое положение выдается за доказательство другого. Из предполагаемого им брака скифских царей с Табити автор выводит брак Колаксая с Табити, так как «в ритуале» обычно воспроизводится содержание мифа, то, что было «вначале» (с. 100). Но во-первых, содержание мифа нам неизвестно, оно лишь реконструируется автором. А во-вторых, существуют немифологизированные ритуалы и безритуальные мифы [14]. Между тем Д. С. Раевский праздник в честь священного золота также трактует как «имитацию» брака скифского царя, «имитирующего» Колаксая, с Табити-Гестией, «воплощенной в трех золотых предметах». И при этом он полагает, «что существование в Скифии реконструированного здесь обычая священного бракосочетания царя подтверждается самым авторитетным из всех возможных источников — Скифским рассказом Геродота» (с. 109).

Мы внимательно в который раз перечитали Геродота. И не нашли у него ни слова ни о браке Табити с Колаксаем, ни о ее символическом браке с его потомками. Нет, Геродот в данном случае ничего не подтверждает, скорее наоборот.

Но Д. С. Раевский и на этом не останавливается. Полагая, что Колаксай является персонификацией солнца, он без особого труда устанавливает даты его рождения, «венчания», смерти и даже обстоятельства последней. Оказывается, Колаксай был убит старшими братьями наподобие младшего сына Феридуна в Шахнаме (с. 115). А как же со справедливым утверждением автора, что арийские аналогии не должны подменять скифский материал? В который раз оно оказывается забытым. Ведь Геродот специально подчеркивает, что Липоксай и Арпоксай добровольно уступили власть Колаксаю [15]. Д. С. Раевский пытается обойти это обстоятельство путаным рассуждением о том, что добровольность относится к социально-политической сфере, а убийство — к космологической и эсхатологической, поэтому подобное противоречие не нарушает инвариантной схемы мифа. Это неубедительно. Испытание братьев вообще не имеет прямого отношения к космологии (представлению о порядке миросоздания?), ни тем более к эсхатологии (представлению о конце мира), и о каком инварианте вообще может идти речь, если убийство Колаксая не отмечено ни в одном из вариантов легенды.

Правда, автор полагает, что оно нашло широкое распространение в иконографии. Оказывается, что сцены побратимства на ряде изображений на самом деле Липоксай и Арпоксай, клянущиеся убить Колаксая (эпизод, Геродоту, очевидно, неизвестный), а на бляшках со сценой единоборства из Чмыревой могилы Нап убивает Пала (Диодор также молчит об этом «убийстве»), а на солохском гребне Агафирс и Гелон убивают Скифа (опять-таки эпизод, отсутствующий в письменных источниках).

Как все это аргументируется? К сожалению, не лучшим образом. Приведем в качестве примера солохский гребень. Конный воин на нем, пишет Д. С. Раевский, изображен в греческой панoплии. Следовательно, это Гелон, потому что, по Геродоту, гелоны — выходцы из Греции. И далее: «Бросается в глаза совпадение изображения на гребне и описания событий, предшествующих гибели Колакса, у Валерия Флакка: «Раненый сам и лишенный коня, он (Колакс.— *Д. Р.*) пеший пронзает копьем Апра и Тидра Фасианского» (с. 117). Однако здесь трудно усмотреть «бросающееся в глаза» совпадение. Прежде всего, где же братья Колакса? Д. С. Раевский объединяет двух разных героев Флакка — Дарапса и Апра — в одного и объявляет последнего братом Колакса, хотя Флакк об этом ничего не говорит. Но Тидра Фасианского он все же не отождествляет с Авхом и, следовательно, братом Колакса не считает. Итак, вместо двух братьев в убийстве принимает участие один, и тот очень сомнительный. Кроме того, у «Колаксая» на солохском гребне в руке не копье, а акинак, он не ранен и никого не пронзает. Налицо весьма важные несоответствия, заставляющие усомниться в трактовке Д. С. Раевского.

---

[14] *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа.

[15] Поскольку автор часто оперирует не только иранскими, но и индоевропейскими аналогиями, можно указать, что мотив трех братьев-основателей весьма часто встречается в индоевропейском фольклоре, но далеко не всегда сопряжен с их соперничеством и тем более с гибелью одного из них (например, в армянской или древнерусской традициях) — см. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории.— В сб.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 121 сл.

В третьей главе Д. С. Раевский предпринимает попытку реконструировать скифскую модель мира, сводя воедино собственные соображения и соображения других авторов. В столь полном и подробном виде эта попытка предпринимается впервые. Его главный тезис — о троичности скифской модели — также не вызывает принципиальных возражений после работ Кристенсена, Дюмезиля и многих других исследователей. К тому же, как теперь выясняется, представления о трехчленной модели мира имеют почти универсальный характер и восходят чуть ли не к палеолиту [16]. Можно согласиться с автором и в том отношении, что скифская религия отнюдь не имела «примитивного характера». Общее направление поисков автора, ищущего параллели скифской религии и мифологии в иранском, а не в античном мире, также представляется нам наиболее перспективным, хотя полностью возможность греческого воздействия, особенно в послеархаические периоды, по-видимому, все же не следует сбрасывать со счетов.

Хуже обстоит дело, когда Д. С. Раевский пытается систематизировать собственно скифскую модель. Тут к нему могут быть предъявлены многочисленные претензии и методического и фактического характера, лишь часть из которых отмечена в рецензии. Еще раз подчеркнем только, что стержнем всей реконструкции Д. С. Раевского является триада Папай — Таргитай — Апи, представляющаяся совершенно искусственной и не находящая подтверждения в источниках.

Весьма неубедительной представляется и предпринятая автором в четвертой главе попытка осветить социально-политическую и этническую историю скифов в свете своей реконструкции скифской мифологии. Он начинает с того, что пытается выделить две традиции в скифской легенде и связать их с двумя компонентами скифского этноса — «киммерийским» и «собственно скифским». Наличие в скифской легенде киммерийских компонентов вполне возможно [17], но о двух четко различающихся традициях говорить трудно. Не случайно Д. С. Раевский затрудняется ответить на вопрос, какому же компоненту принадлежит каждая из выделяемых им традиций. Тем не менее само их наличие представляется ему «установленным». Выражения типа «бесспорно», «как установлено нами», «несомненно», «единственно возможное решение» и т. п. в изобилии встречаются на страницах книги Д. С. Раевского. Нам, однако, кажется, что их всегда лучше оставлять на долю читателя.

Несмотря на свои колебания относительно двух традиций, несколькими страницами далее автор уже склонен одну из них, основанную на первой версии легенды Геродота, связывать с киммерийцами. С этим трудно согласиться хотя бы потому, что именно в ней обосновывается богоданный легитимный характер власти скифских царей, происходивших из племени царских скифов. В киммерийской традиции все это было бы явно неуместно, для киммерийцев скифы должны были быть захватчиками и узурпаторами.

Далее Д. С. Раевский выступает против мнения Ж. Дюмезиля и А. М. Хазанова о том, что индоевропейская трехсословная модель имела у скифов скорее концептуальное, чем практическое значение. Он полагает, что «если речь идет о сословной (сословно-кастовой) структуре, то, следовательно, мы говорим о категориях правовых, т. е. именно об идеологии, о том (и только о том), как осознавалось строение данного общества им самим» (с. 146).

Странное и путаное утверждение! С одной стороны, если дело обстоит так просто, то сколько-нибудь существенного расхождения между взглядами Ж. Дюмезиля, А. М. Хазанова, Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского нет. И не случайно сам он заключает свое рассуждение по существу буквальным выводом из книги А. М. Хазанова о том, что новые социальные отношения в Скифии осмысливались сквозь призму традиционной модели (с. 147). С другой стороны, вопреки мнению Д. С. Раевского до сих пор было общепризнано, что такие категории, как сословия и касты,— явление социальное. Право их не создает, а лишь отражает и закрепляет.

Очевидно, это противоречие в своих взглядах сознает и сам автор, потому что вопреки своему утверждению он пытается далее доказать реальную трехсословность скифского общества. Для этого привлекаются сведения Полиена и археологический

[16] *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха.— В сб.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 93.

[17] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 41 сл.

материал. В результате у автора получается, что рядовые погребения типа Никопольского могильника вместе с царскими курганами принадлежали высшему слою скифского общества — воинской аристократии (?), которая, следовательно, в численном отношении являлась абсолютно преобладающей в скифском обществе. Погребения типа Аджигола и Петуховки, по Д. С. Раевскому, оставлены низшими слоями, но не зависимым, а рядовым свободным населением, в численном отношении почему-то явно уступавшем аристократии. Что касается жречества, то их погребения, оказывается, просто еще не выделены.

Что же, на наш взгляд, автор вопреки своему желанию показал, что концептуальная модель «не работала» в реальной скифской действительности. Если же он сам не сделал такого вывода, то лишь потому, что находился в плену предвзятой и малоперспективной схемы.

В своей книге Д. С. Раевский пытается распространить все ту же трехсословную модель (да еще в двоичном — собственно скифском и киммерийском вариантах) на этническую карту Скифии. Скифы царские и скифы-кочевники у него оказываются военной аристократией, скифы-пахари и скифы-земледельцы — катиарами и траспиями, т. е. рядовыми свободными скотоводами и земледельцами, каллипиды и алазоны — жрецами. Поскольку по существу единственным аргументом автора служит соответствие этой схемы его собственным взглядам, мы на ней подробнее останавливаться не будем.

Мы смогли выразить свое отношение только к основным положениям книги Д. С. Раевского, и, как явствует из нашего разбора, оно весьма критическое. Однако из этого не следует, что наше отношение к книге в целом чисто отрицательное. Напротив, во-первых, сами мы отнюдь не претендуем на то, что наше мнение является «бесспорной», «установленной», «несомненной» истиной. Во-вторых, ряд наблюдений и гипотез автора заслуживает всяческого внимания. И наконец, главное — Д. С. Раевский является одним из пионеров комплексного изучения скифской мифологии, религии, идеологии. Его книга посвящена проблемам, которые в настоящее время по своей сути и по своей обеспеченности источниками не могут не быть дискуссионными. Поэтому спорность и острая дискуссионность книги вполне естественны. Это, кстати, отмечает и сам автор. В то же время он впервые собрал воедино и проанализировал, попытался упорядочить весь имеющийся материал по избранной теме, синтезировать его в единое структурное целое. С концепцией автора, принципами его подхода к материалу, не говоря уже об отдельных реконструкциях, можно соглашаться или не соглашаться. По-видимому, в этих вопросах, как и во многих других, лучший судья — время.

Тем не менее дальнейшее исследование скифской мифологии и религии едва ли теперь возможно без использования книги Д. С. Раевского. А ведь первый шаг — всегда самый трудный.

А. М. Хазанов, А. И. Шкурко

Хроника

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ТЕХНОЛОГИИ: ЗАПАДНАЯ ИЛИ ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ?

Симпозиум по теме «Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия?» состоялся 21—25 ноября 1978 г. в Моэсгарде близ г. Архус в Дании. Он был организован Скандинавским институтом азиатских исследований (Копенгаген) и Институтом доисторической археологии (Архус) в связи с 50-летием Архусского университета.

Архусский университет — один из трех университетов страны. Основанный в 1928 г., он является ныне крупнейшим высшим учебным заведением Дании. Археологический факультет университета носит название Институт доисторической археологии. Он находится в нескольких километрах от Архуса — в Моэсгарде. Здесь в небольшом населенном пункте в бывшем поместье расположены учебные корпуса, музей и студенческое общежитие этого института. В настоящее время в институте обучается около 150 студентов из Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии и других стран. Здесь готовят специалистов по первобытной археологии не только Дании и Европы, но и Ближнего Востока. Археологические экспедиции Института доисторической археологии Архусского университета проводят широкие и успешные полевые исследования в Иране, княжествах Персидского залива и Саудовской Аравии. Эти экспедиции возглавляют такие известные ученые, как П. Мортенсен и Т. Г. Бибби, являющиеся профессорами Архусского университета.

Участие датских археологов в работах на Ближнем Востоке стало уже традиционным. В частности, широко извсстны раскопки многослойного памятника Хама на территории Сирии (VI—I тысячелетия до н. э.) и изучение древнейших памятников в Иранском и Иракском Курдистане (поселения Шимшара и Тепе Гуран, относящиеся к VII—VI тысячелетиям до н. э.). Закономерно поэтому, что при Копенгагенском университете функционируют научно-исследовательские институты, разрабатывающие ближневосточную проблематику, что в Национальном музее в Копенгагене большие залы заняты представительной экспозицией древневосточных и греко-римских материалов и что, наконец, именно в Дании правительства четырех скандинавских стран создали специальный Институт азиатских исследований. Последний основан в 1967 г. с целью активизации и координации азиатских исследований в северных странах.

Как известно, в последние десятилетия проблема происхождения производящих форм хозяйства (земледелия и скотоводства) привлекает к себе особое внимание специалистов по целому ряду дисциплин — историков, археологов, палеобиологов, палеографов и социологов. С этой же проблемой неразрывно связаны и вопросы происхождения и развития технологии ряда важнейших отраслей древнего производства, прежде всего металлургии и гончарного дела. Территория, на которой протекали эти процессы, в свете новейших открытий оказалась значительно большей, чем это предполагалось ранее. Если первоначально ее ограничивали узкой полосой так называемого «Благодатного полумесяца» (Восточное Средиземноморье, Загрос), то ныне в нее должны быть включены области Анатолии, Ирана, Ирака, Южного Кавказа, Средней Азии, а также Центральной и Юго-Восточной Азии. В связи с этим, естественно,

возникают новые сложные и важные проблемы, прежде всего каковы конкретные области начала процесса развития производящих форм хозяйства, его причины и общеисторические закономерности, обусловившие данный процесс.

Этим проблемам как раз и был посвящен симпозиум в Моэсгарде. По существу эта была первая научная дискуссия по данной важнейшей проблематике во всей ее географической широте и тематическом многообразии.

В симпозиуме участвовали представители 20 стран (Австралии, Канады, Англии, Финляндии, ГДР, Голландии, Венгрии, Индии, Ирана, Израиля, Италии, Новой Зеландии, Норвегии, СССР, США, Швеции, Швейцарии, ФРГ, Японии и Дании). Наболее представительными были делегации Дании, Швеции, США. Руководителями Оргкомитета симпозиума были проф. Петер Мортенсен (Институт доисторической археологии, Моэсгард) и д-р Пер Соренсен (Скандинавский институт азиатских исследований, Копенгаген). Следует отметить исключительно четкую организацию работы симпозиума. Официальное открытие симпозиума состоялось 21 ноября в конференц-зале Института доисторической археологии в Моэсгарде. С приветствием к участникам симпозиума обратились П. Мортенсен и П. Соренсен. Последний, в частности, отметил основные этапы изучения проблематики, которой посвящен симпозиум: 1950—1960 гг.— становление теории неолитической революции на Ближнем Востоке, 1960—1970 гг.— разработка той же проблематики для Юго-Восточной Азии.

Основная тематическая направленность докладов на симпозиуме включала общие проблемы происхождения производящей экономики, развития земледелия, металлургии и керамического производства в Западной и Восточной Азии, а также специальные вопросы палеоботаники, палеозоологии, палеогеографии и палеоклиматологии.

Общие проблемы рассматривались в докладах: Э. Босеран (Дания) «Предпосылки возникновения производства пищи», Ж. Бей-Петерсен (Дания) «Экологические различия в раннем земледелии в условиях тропического и умеренного окружения: экономические аспекты», М. Този (Италия) «Доместикация и пиротехнология: внутренняя динамика в эволюции протогородской экономики» и П. Пирсон (Швеция) «Марксистский взгляд на неолитическую революцию».

Э. Босеран в своем докладе указала ряд основных факторов, обусловивших возникновение земледелия и скотоводства. По ее мнению, это прежде всего рост численности населения, т. е. демографический фактор. С ним связано возникновение необходимости увеличения добычи продуктов питания. Последнее усугубляется климатическими изменениями, носящими как естественный, так и антропогенный характер. Еще одним фактором является совершенствование использования продуктов питания и расширение их набора. Тем самым вмешательство человека в природные условия принимает все более сложный характер. Оно-то и приводит к примитивному земледелию, тесно связанному с примитивным же скотоводством, дальнейшее развитие которых принимает определенные формы в зависимости от конкретных условий различных областей и их ресурсов.

Экологический аспект проблемы был доминирующим и в докладе Ж. Бей-Петерсен. В нем рассмотрены формы и темп доместикации в различных географических и климатических условиях. Подчеркнуты взаимовлияния таких факторов, как качество культивируемых растений, их плодородие, размеры урожая, характер почв и различные системы земледелия, влияние всех этих условий на общий тип хозяйства и его продуктивность, которые в свою очередь определяют темп развития человеческих коллективов в конкретных областях.

Эти доклады вызвали оживленную дискуссию, в ходе которой наряду с позитивными моментами отмечался свойственный данным построениям определенный экологический детерминизм и справедливо задавались вопросы о роли человека в этом процессе, роли его трудовой деятельности, орудий производства. В связи с этими докладами отмечалось значение специальных исследований древнейших орудий и технологии их производства, выполненных советским ученым С. А. Семеновым еще 20 лет тому назад.

В отличие от описанных схем Э. Босеран и Ж. Бей-Петерсен итальянский археолог М. Този рассмотрел возникновение и эволюцию производящего хозяйства как результат сложного взаимодействия природных, экономических, социальных и идеологических факторов при доминирующей роли материальной основы производства. Он

особо подчеркнул роль использования как биологических, так и минеральных ресурсов, постепенное возрастание специализации и усложнение социальной структуры и идеологических представлений.

Автором доклада «Марксистский взгляд на неолитическую революцию» был молодой шведский исследователь (из археологического института Гетеборга) П. Пирсон. Его доклад изобиловал общими теоретическими положениями, не всегда правильно увязанными с фактическим материалом и истолкованными. В частности, уделяя основное внимание социальному развитию, он видит в нем причину, а не следствие крупнейших сдвигов в процессе производства. Иными словами, по его мнению, неолитическая революция, т. е. переход от присваивающего хозяйства к производящему, определялась не экономическими, а внеэкономическими факторами.

Интерес к марксистской концепции древнейшей истории и использование ее основополагающих положений характерен для ряда докладов и выступлений на симпозиуме. Приятно отметить и внимание многих участников симпозиума к исследованиям советских ученых, и не только к добытым ими материалам, но к теоретическим обобщениям.

Следующая группа докладов была специально посвящена биологическому аспекту рассматриваемой проблемы, а также неразрывно связанными с ним климатологическому и палеогеографическому аспектам. Здесь должен быть отмечен доклад проф. В. ван-Цайста (Голландия) «Растительность и климат Ближнего Востока в позднем плейстоцене и раннем голоцене». В докладе была представлена широкая и глубоко фундированная картина природных условий древнейшего Ближнего Востока, реконструированных по палеоботаническим данным. Убедительное установление границ растительных зон и закономерностей их изменений позволило определить смену периодов влажного и сухого климата. В основу создания графика колебаний климата положено широкое использование пыльцевых диаграмм, отражающих изменения состава растительности. Чрезвычайно важен вывод о переходе к более сухому климату в конце периода от XIV до X тысячелетия до наших дней и о последующем новом увлажнении в VI—V тысячелетиях до н. э. Соотношение лесной и степной растительности рассмотрено в их исторической динамике для ряда конкретных территорий (Сирия, Турция, Месопотамия, Греция). В целом серия подобных изменений намечена для весьма длительного периода от XXV до VII тысячелетия.

Основные модели доместикации растений были рассмотрены в докладе профессора Иллинойского (США) университета Д. Р. Харлана. Главными вопросами, затронутыми им, были время, место и условия культивации растений. Он подробно рассмотрел ареалы конкретных растений, доместицированных в определенных областях, условия их произрастания и видовое многообразие, связь этих данных с процессом культивации. Можно отметить известную историческую направленность доклада, стремление автора увязать биологические данные с развитием общества и прогрессивными изменениями в нем. Докладчик подчеркивал постепенное расширение процесса доместикации, практически продолжавшегося вплоть до современности.

Проблемам доместикации животных в Юго-Западной Азии и ее экологической основы был посвящен доклад проф. Шандора Бэкэни (Венгрия). Докладчик прежде всего остановился на потенциальных возможностях доместикации в этой области. Он рассмотрел условия жизни конкретных видов в тесной связи с палеогеографическими исследованиями и выделил наиболее вероятных предков основных домашних животных, обосновав ареал каждого из них. При этом в ряде случаев были отмечены весьма широкие рамки таких ареалов, в частности возможность доместикации быка и собаки в Европе наряду с Азией. Совершенно закономерным представляется заключение автора о полицентризме конкретных явлений доместикации и различных комплексов условий, явившихся ее причиной. К таким причинам отнесены климатические изменения, рост населения, заселение новых территорий и необходимость приспособления к их специфическим условиям. Особое внимание докладчик уделил морфологическим последствиям доместикации, определение которых крайне важно для интерпретации костных материалов раскопок и точности общеэкономических заключений. Как и в предыдущем докладе, отмечены длительность процесса доместикации и различный темп его в конкретных областях. В одних случаях соответствующие процессы зафиксированы вплоть до средневековья, тогда как о начале их в других ме-

стах можно говорить начиная с мезолита и даже верхнего палеолита (собака). Автором справедливо допускается возможность изолированных попыток очень раннего приручения, не перешедших в широкий и непрерывный процесс и далеко не всегда имевших экономические цели и характер. В целом Ш. Бэкэни наметил основные ступени доместикации и распространения домашних животных вплоть до развитого этапа этого процесса в Юго-Западной Азии в VI тысячелетии до н. э.

К этому же циклу должен быть причислен доклад проф. Б. Брентиса (ГДР), в котором послеледниковые климатические колебания специально рассмотрены как природная предпосылка начала развития земледелия. В качестве исходных моментов исследования здесь взяты данные об уровне морской поверхности в конкретных прибрежных районах Старого Света в определенные периоды от 16 до 1 тыс. лет до н. э., а также об уровнях внутренних бассейнов, отражающих периодические трансгрессии, неразрывно связанные с климатическими колебаниями и характером ландшафта. Большой интерес представляет тот факт, что эти специфические данные полностью согласуются с упоминавшимися выше заключениями палеобиологов об определенных климатических изменениях в X—XI тысячелетиях до наших дней. Таким образом, этот важный вывод подтверждается двумя абсолютно независимыми путями исследований.

Наибольшее число докладов было, естественно, посвящено характеристике собственно археологических источников, документирующих начало и основные ступени развития производящей экономики в конкретных областях Юго-Западной, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Юго-Западной Азии было посвящено шесть докладов. Весьма интересные данные последних разведок и раскопок на территории Сирии привел д-р Э. Мур (Великобритания) в докладе о сложении древнейших земледельческих обществ Леванта, т. е. Северо-Восточного Средиземноморья. Разведками последних лет здесь открыты свыше 100 мезолитических и неолитических местонахождений, для хронологической классификации которых большое значение имеют раскопки многослойного поселения Телль Абу Хурейра в Северной Сирии. Его 14-метровый слой содержит ряд мезолитических горизонтов с круглыми полуземлянками, а далее — ряд неолитических горизонтов с многокомнатными прямоугольными сырцовыми домами. Свидетельства о земледелии зафиксированы в IX—VIII тысячелетиях до н. э. при переходе от мезолита к раннему неолиту. И здесь этот период совпадает с климатическими изменениями, а также распространением населения из лесной зоны в степную. Второй период раннего неолита датируется серией радиокарбонных дат VII тысячелетия до н. э. и характеризуется дальнейшим освоением степной зоны, наличием уже полностью доместицированных злаков (пшеница двузернянка — эммер и двурядный ячмень), заметным ростом поселков и народонаселения в целом. В третьем (VI—V тысячелетия до н. э.) и четвертом (5000—3500 лет до н. э.) периодах неолита на смену раннему земледелию приходит более сложная смешанная форма земледельческо-скотоводческой экономики.

Палестинский район той же территории был рассмотрен в докладе проф. О. Бар-Иосифа (Израиль). Особое внимание он уделил древнейшим мезолитическим и ренненеолитическим памятникам, явившимся основой неолитической революции в этом регионе. Многочисленные новые находки позволяют, по мнению докладчика, выделить на сравнительно небольшой территории четыре группы памятников, соответствующих четырем экологическим зонам. Развитие протекало как внутри каждой из этих групп, так и в результате сложного взаимодействия между ними. Известная натуфийская культура явилась выражением одной из линий этого развития.

Сложившись на местной основе, она активно распространялась на соседние территории. Для этой культуры характерны открытые поселки с круглыми домами на каменных основаниях. Пещеры использовались лишь временно. Несмотря на сложность стратиграфии натуфийских памятников, выделяются две фазы культуры, подтвержденные последними открытиями. Наряду с местной линией развития, прослеживаемой вплоть до X тысячелетия до н. э. (Кебара), намечается и иная линия развития, связанная со своеобразными культурными традициями и возможным проникновением населения из Северной Африки. Примечательно достаточно длительное

сохранение каждой из этих традиций на смежных территориях, доказывающее большую сложность исторического процесса в этом регионе в древнейший период.

Первые ступени развития раннеземледельческих обществ в неисследованной ранее области Северо-Западной Месопотамии — Синджарской долине — были освещены в совместном докладе авторов этой заметки, основанном на результатах десятилетних исследований археологической экспедиции АН СССР в Ираке. Полевые работы последних лет доказали, что древнейшие раннеземледельческие поселения появились здесь уже в VIII—VII тысячелетии до н. э. и хронологически не уступают соответствующим поселениям Загроса и Леванта. Особый интерес представляет в этой связи открытое и исследуемое экспедицией с 1977 г. поселение Телль Магзалия. Стационарный характер поселения, обусловленный производящими формами хозяйства, прежде всего земледелием, доказывается восьмиметровым культурным слоем памятника с 15 строительными ярусами. Каждый ярус представлен остатками прямоугольных домов на массивных каменных основаниях. Важнейшей особенностью поселения было наличие оборонительной системы, состоявшей из мощных каменных стен, бастиона или башни и специально оформленных ворот. Полное отсутствие керамики при наличии каменных и гипсовых сосудов, характерного кремневого и обсидианового инвентаря, глиняных и костяных статуэток позволяют отнести поселение к раннему — докерамическому неолиту. Особо отметим тот факт, что на поселении Телль Магзалия собрана коллекция палеоботанических остатков, включающая около 300 образцов как доместицированных, так и дикорастущих злаков, среди которых пшеница двузернянка — эммер и ячмень.

Дальнейшие последовательные периоды культурно-исторического развития этого региона, рассмотренные в докладе, представлены широкими раскопками впервые открытой культуры Телль-Сотто (VII — начало V тысячелетия до н. э.), а также памятников хассунской (VI тысячелетия до н. э.), халафской (V тысячелетие до н. э.) и убейдской (конец V — первая половина IV тысячелетия до н. э.) культур. Раскопки всех этих памятников, проведенные в значительном масштабе, существенно изменили общее представление о ходе древнейшего развития Северной Месопотамии. И здесь отметим обширные коллекции палеоботанического материала, свидетельствующие о дальнейшем распространении, обогащении и совершенствовании земледельческой экономики.

Памятником, весьма близким по своему характеру к отмеченной культуре Телль Сотто, является поселение Умм Дабагия в Северной Месопотамии. Результатам исследования этого поселения был посвящен на симпозиуме доклад д-ра Д. Киркбрайд-Хельбек (Дания). Это поселение вскрыто почти целиком и дало несколько горизонтов оригинальных многокомнатных сооружений, связанных, по мнению докладчика, с существованием здесь своего рода торговой фактории. Особый интерес представляют остатки стенных росписей, представленных как геометрическими композициями, так и сценами охоты. Поселение непосредственно предшествовало началу хассунской культуры. Его палеоботанический и остеологический материал еще раз подтвердил наличие в этот ранний период (конец VII — начало VI тысячелетия до н. э.) ряда видов доместицированных злаков и животных.

Сложение древнейших раннеземледельческих культур на другой территории — в Южной Турции было освещено в докладе проф. Д. Мелларта (Лондонский университет). Начальные звенья этого развития докладчик связывает с мезолитическими культурами, близкими натуфийской культуре Восточного Средиземноморья. Далекие и активные связи этого периода документируются ранним регулярным распространением обсидиана. Отмечено наличие стационарных поселений докерамического неолита, представленных раскопками нижнего слоя Хаджиллара, а также подъемным материалом с ряда нераскопанных пока поселений. Начало доместикации документируется материалами Хаджилара, Джан Хасана III, Суберде, где в VIII тысячелетии до н. э. возможно одомашнивание козы, овцы и коровы, безусловно приручение собаки, а ряд данных, включая находки остатков зерен доместицированных злаков, свидетельствует о процессе сложения раннего земледелия.

Дальнейшее развитие земледелия представлено знаменитым поселением Чатал Туюк, где возможна уже ирригация, а культурные злаки представлены несколькими видами, так же как и домашние животные. Сложные строительные комплексы по-

селка, занимавшего 16 *га*, представлены как одно-, так и двухэтажными домами различного назначения. Наряду с жилыми и хозяйственными постройками в определенных районах группировались многочисленные культовые сооружения, украшенные поразительными по совершенству и сюжетному многообразию фресками и рельефами. Эволюция последних прослежена в ряде взаимосвязанных горизонтов, большая часть которых относится к докерамическому периоду. Столь же развита была каменная скульптура, представленная в ряде случаев сложными и весьма смелыми по исполнению двойными изображениями. Сравнительно высокая сохранность находок позволяет судить о совершенстве не только каменных, но также текстильных и деревянных изделий, в том числе разнообразных деревянных сосудов. Ряд медных и свинцовых бус знаменует начало здесь металлообработки. Находка медного долота свидетельствует и о первых опытах производства металлических орудий.

Ряд докладов был посвящен путям становления производящей экономики в Центральной и Восточной Азии. Всесторонне рассмотрены предпосылки и пути доместикации риса на территории Индии, где сложились местные очаги этого процесса, с которыми связаны значительные сдвиги в общем культурном развитии этого региона. Различным аспектам экономического и культурного прогресса данной территории были посвящены доклады индийских ученых — П. Г. Чатерджи «Факторы и процессы, определившие начало доместикации риса в Индии» и А. К. Гхоша «Происхождение рисового земледелия в Индии и развитие технологии».

Юго-Восточной Азии, конкретно территориям Таиланда и Индонезии, были посвящены доклады проф. Ч. Гормана (США) «От доместикации до урбанизации: юго-восточноазиатские аспекты хронологии, конфигурации и культурных изменений», проф. В. Маршалла (Швейцария) «Древнейшие земледелие и металлургия в островной части Юго-Восточной Азии» и д-ра Ч. Хаям «Экономические и технологические нововведения в Северо-Восточном Таиланде». В первом докладе было подчеркнуто использование местных ресурсов и особенности путей доместикации риса в конкретных центрах. В целом и здесь утверждался полицентрический характер становления производящей экономики. Такой подход можно считать, как уже отмечалось выше, характерным для большинства докладов симпозиума и весьма позитивным. Отметим также чрезвычайно интересные данные, приведенные Ч. Горманом по ранней металлургии Индокитая: обосновывалось существование здесь собственного очага металлообработки с весьма ранним использованием как бронзы, так и железа, а также сочетанием их в одних и тех же изделиях.

В. Маршалл представил общую схему развития для каждого из основных островов Индонезии начиная с XIII тысячелетия до н. э. В докладе подчеркнуто независимое возникновение рисового земледелия на ряде островов и весьма раннее появление металла. В целом доместицированный рис фиксируется здесь с рубежа VII—VI тысячелетий до н. э. Прослеживаются миграции с переносом индонезийского комплекса (рис + металл) как на запад (Мадагаскар), так и на восток (Микронезия).

Доклад Ч. Хаяма (Новая Зеландия) весьма интересен, в частности своей методикой. Подробное рассмотрение всех аспектов природного окружения (характера растительности, сезонных изменений, ландшафтных особенностей конкретных участков) позволило убедительно увязать с ними различия в концентрации древнейших поселений. Это дополнялось наглядной схемой распространения и степени концентрации различных видов животных. Широкое применение данных аэрофотосъемки позволило автору выяснить распределение остатков древнейших поселений на значительной территории и представить каждое из них вместе с соответствующей экологической характеристикой. Весьма интересны также составленные автором аспекты, отражающие процесс доместикации в связи с изменениями природных условий. Здесь особо подчеркнуты изменения состава растительных остатков по конкретным периодам.

Вопросы становления земледелия на территории Японии были рассмотрены в докладе проф. Сузо Каяма (г. Осака). Последние раскопки, особенно в районе Токио, дали интересные и чрезвычайно обильные материалы. Рисовое земледелие, складывающееся начиная с VIII тысячелетия до н. э., привело к резкому увеличению и усложнению поселков. Некоторые из них достигли весьма значительных размеров

(до 12 *га*) при предельно плотной застройке. На одном из поселений открыты остатки до 60 круглых домов диаметром до 8 *м*. Автор привел статистические таблицы, отражающие рост поселков и размеров отдельных домов при переходе к производящей экономике. И здесь фиксируется весьма раннее появление железа (автор связывает его с западными влияниями через Корею), предшествовавшего бронзе.

Тематически с этим докладом связан и доклад проф. Э. Киддера (Токио) «Датировка и технология древнейшей керамики в Японии». Огромный керамический материал систематизирован в докладе согласно стратиграфическим данным многих поселений и десяткам радиокарбонных дат. Довольно рельефно показан прогресс керамического производства, начиная с простейших остродонных сосудов VIII тысячелетия до н. э. и далее до весьма сложных форм с богатой рельефной и расписной орнаментацией.

Доклад проф. Пирсона (Канада) был посвящен анализу новых неолитических культур на юге Китая, прежде всего в районе Шанхая. Применительно и к этой части Юго-Восточной Азии ныне можно говорить о полицентризме происхождения производящей экономики и о наличии ряда специфических ее очагов. Автором подробно рассмотрены основные аспекты развития вновь открытых культур, отмечены главные этапы этого развития, обоснованные как стратиграфическими данными, так и радиокарбонными датами. Новые материалы, включая отмеченные выше данные по другим районам Юго-Восточной Азии, не позволяют в настоящее время считать известную раннеземледельческую культуру Китая Янь-Шао явлением уникальным.

Наконец, последний цикл докладов симпозиума был связан с проблемой древнейшей металлургии и металлообработки, представления о которых столь заметно обогащены открытиями последних лет, в том числе в результате работ советской экспедиции в Ираке.

Синтезу соответствующих материалов Иракской экспедиции АН СССР был специально посвящен наш доклад. Как известно, до работ советской экспедиции в Ираке регулярные находки металла на этой территории были известны не ранее конца халафского и начала убеидского периодов (конец V — начало IV тысячелетия до н. э.). Многолетние систематические работы нашей экспедиции в Ираке привели к открытию многочисленных свидетельств металлообработки в Месопотамии начиная с VII тысячелетия до н. э. Как куски медной руды, так и изделия из меди и свинца выявлены в последовательных слоях от докерамического неолита до конца халафской культуры. Химический анализ этих находок позволил говорить об использовании древнейшими земледельцами Месопотамии нескольких различных источников медных руд. Тем самым заполнена значительная лакуна в общих представлениях о развитии металлургии на Ближнем Востоке, ликвидирован существовавший до сих пор разрыв между началом металлургии в Южной Турции и Юго-Западном Иране, с одной стороны, и Месопотамии — с другой.

Проф. Д. Мюли (США) затронул в своем докладе вопросы, касающиеся источников металла и развития ранних центров металлургии как на Ближнем Востоке, так и в Европе. Он показал полицентризм в развитии металлургии. В частности, докладчиком был подчеркнут особый и самостоятельный характер развития и прогресса европейской металлургии в V тысячелетии до н. э., базировавшейся на местных рудных источниках. При этом Д. Мюли высоко оценил результаты работ советских ученых в Болгарии, в частности открытие и исследование Ай-Бунара, представляющего древнейший в Восточной Европе медный рудник. Он также подробно остановился на открытиях советской экспедиции в Ираке, указав на их большое значение. Им детально были рассмотрены вопросы, связанные с разработкой рудоносных слоев и технологии древнейшей металлообработки. Здесь особенно важным моментом Д. Мюли считает раннее появление плавки (VI тысячелетие до н. э.).

Д. Хескель (США) проследил развитие ранней металлургии на территории Ирака с момента ее зарождения (VII тысячелетие до н. э.) до III тысячелетия до н. э. Им устанавливается специфика определенных периодов, причем прогресс металлургии правильно рассматривается в постоянной связи с общим экономическим и социальным развитием. В докладе широко использованы результаты специальных хи-

мических и технологических анализов с приведением соответствующих макрофотографий.

Аналогичный доклад применительно к территории Индии был представлен проф. Д. П. Акравал (Ахмадабад). В докладе систематизированы значительные новые материалы по энеолиту и бронзовому веку Индии с середины III по рубеж I тысячелетия до н. э.

Материалы по металлургии Китая рассмотрены и в специальном докладе Н. Бернара (Австралия).

Несколько выделяется из этого цикла доклад проф. К. Ламберт-Карловского (США), посвященный изучению взаимодействия гончарного и металлургического производства и основанный на материалах поселения Тепе Яхья (V—III тысячелетия до н. э.) в Северо-Восточном Иране. Автор попытался проследить процесс того и другого производства в развитии, во всех последовательных акциях, со всеми последствиями и обусловленными изменениями в различных областях жизни. В частности, классификация керамики по ряду параметров позволила определить не только технологические изменения ее во времени и пространстве, но и направление и характер контактов. Рассмотрев поставленные вопросы на широком культурно-историческом фоне, прибегая даже к сопоставлениям со странами Нового Света (Перу), автор особо акцентировал внимание на значении контакта в экономическом, культурном и социальном аспектах.

Таковы краткое содержание и основные выводы докладов, зачитанных на симпозиуме. Многие из них вызвали оживленное обсуждение, прошедшее в весьма деловой обстановке.

Как видим, на симпозиуме были поставлены и обсуждены серьезные научные вопросы, связанные с изучением ряда кардинальных проблем древнейшей истории человечества. Обращает внимание широкий — территориальный и хронологический — диапазон рассмотренных тем. Причем в основу большинства докладов были положены результаты новейших исследований в Западной и Восточной Азии. Почти единогласным было мнение, что изложенные на симпозиуме доклады доказывают достаточно убедительно неправомочность в настоящее время ставить вопрос так: Западная или Восточная Азия являются родиной происхождения земледелия и гончарного производства и металлургии? Ведь так была сформулирована общая тема симпозиума. Все новейшие данные свидетельствуют о независимом происхождении земледелия и технологии этих производств и их самостоятельном развитии в Западной и Восточной Азии. Следовательно, тему симпозиума правильнее было бы сформулировать так: «Происхождение земледелия и технологии в Западной и Восточной Азии». Как известно, выдающийся советский ученый Н. И. Вавилов около 50 лет тому назад доказал на основании ботанических данных полицентрический характер происхождения земледелия. Развитие археологии в послевоенные годы, в частности открытие хорошо документированных археологическими и палеоботаническими материалами центров древнейшего земледелия в различных регионах Старого и Нового Света, убедительно подтвердило блестящие научные идеи академика Н. И. Вавилова. Об этом красноречиво свидетельствует и состоявшийся в Дании симпозиум.

Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт

ПАМЯТИ СТАНЧО ВАКЛИНОВА (СТАНЧЕВА)

15 сентября 1978 г. скоропостижно скончался выдающийся болгарский археолог Станчо Ваклинов (Станчев). Болгарская историческая наука лишилась блестящего полевого исследователя, талантливого ученого и педагога, оставившего большую группу учеников, которые справедливо гордятся своей принадлежностью к «школе профессора Ваклинова».

Ст. Ваклинов родился 26 марта 1921 г. В 1940 г., по окончании классической гимназии он поступает в Софийский университет, который заканчивает в 1944 г. В студенческие годы он принимает активное участие в движении Сопротивления. В 1944 г. Ваклинов участвует в установлении народной власти в одном из крупных сел Софийского округа. В 1948 г. он становится членом Болгарской Коммунистической партии.

С 1946 г., после службы в рядах Народной армии, Ст. Ваклинов работает младшим научным сотрудником Археологического музея и Института Болгарской Академии наук. Спустя десять лет он избирается старшим научным сотрудником. В 1965 г. Ваклинов избирается профессором Тырновского университета, затем — профессором средневековой секции Института.

С самого начала своей научной деятельности Ст. Ваклинов, любимый ученик крупнейшего болгарского археолога и историка искусств члена-корреспондента Болгарской Академии наук Н. Мавродинова, занимает одно из ведущих мест в становлении археологической науки послевоенной народной Болгарии. Как и его учитель, Ст. Ваклинов, получивший в школе и в Университете классическое образование, в дальнейшем сосредотачивает свои научные интересы не на античной археологии, а на исследовании средневековых древностей и средневековой истории Болгарии. Уже первые его статьи, вышедшие в конце 40-х— начале 50-х годов отличает глубокое проникновение в разрабатываемую тему, широкий охват исследуемого материала и редкая непредвзятость и объективность выводов.

С первых самостоятельных шагов своей научной деятельности Ст. Ваклинов обратил особое внимание на керамику — наиболее массовый материал, с которым приходится работать археологам. В болгарской археологии эта тема до него почти не разрабатывалась. Ст. Ваклинов первым разобрался в типологическом разнообразии средневековой болгарской керамики, дал в целом верную этническую и культурную интерпретацию этого сложного и необычайно трудоемкого источника. Предложенные им методика и типологические схемы поныне используются болгарскими археологами-медиевистами.

Наряду с археологической тематикой Ст. Ваклинов сразу же, став сотрудником Музея, включился в исследования архитектурных памятников Плиски и Преслава. В дальнейшем вся его жизнь оказалась связанной с изучением этих древних столиц Болгарского царства. С 1964 г. он фактически возглавлял полевые исследования обоих городов, а с 1966 г. в течение нескольких лет руководил раскопками третьей столицы Болгарии — Тырнова (холма Царевец).

Его многочисленные статьи, посвященные как публикации вновь открытых материалов, так и общим вопросам раннесредневековой истории Болгарии, широко известны европейским археологам и высоко ценятся ими. Для всех его работ типичны прежде всего громадная эрудиция и яркий творческий подход к публикуемому материалу, стремление получить из него максимальную историческую информацию.

Первая книга Ст. Ваклинова «Некрополът до Нови Пазар» (1958 г.) является по существу первой обобщающей работой о погребальном обряде древнейших болгар (праболгар). Вот уже двадцать лет ученые разных стран, работающие по близкой тематике, ссылаются и опираются на это фундаментальное исследование.

Огромное значение для развития болгарской археологической науки имеет написанная Ст. Ваклиновым двухтомная монография «Археология». Первый том ее (от палеолита до начала средневековья) уже вышел из печати, подготовка второго (по средневековой археологии) была закончена за несколько месяцев до смерти. Будем надеяться, что в ближайшие годы мы увидим опубликованным и этот том, подводящий итоги почти столетним исследованиям средневековых памятников Болгарии.

Последняя монография Ст. Ваклинова «Формиране на старобългарската култура VI—XI век» (1977 г.), защищенная им в качестве докторской диссертации, посвящена одной из самых важных проблем средневековой истории Болгарии: сложению болгарской культуры и болгарского этноса. Это обширное многоплановое исследование с полным правом можно назвать одним из краеугольных трудов современной болгарской исторической науки. В книге рассмотрены серьезнейшие проблемы болгарской историографии: происхождение праболгар и их культуры, проникновение славян в Подунавье и на Балканы, слияние двух культур и народов, ряд важных социально-экономических вопросов и пр. С присущим автору стремлением к смелым решениям в книге дано позитивное истолкование важнейших вопросов, связанных с образованием болгарского народа и государства.

Ст. Ваклинов постоянно находился в состоянии творческого подъема, творческих исканий. Специфика его научных интересов требовала очень широкого охвата разнообразных источников. Он был знаком и вел деловую переписку с учеными большинства европейских стран, был участником огромного количества международных совещаний, встреч, съездов, был членом — основателем Международной Унии Славистов Археологов, делал доклады и приглашался для прочтения курса лекций в европейские университеты. Ст. Ваклинов работал в музеях Италии и Франции, Венгрии, Чехословакии и Румынии, Греции и Монголии и, конечно, Советского Союза. Неоднократно он бывал в СССР в длительных командировках (в Ленинграде, городах Средней Азии, Москве) и участвовал в наших экспедициях. За два месяца до смерти, в июле 1978 г., он приехал на Маяцкое городище, где активно, наряду с другими сотрудниками нашей комплексной Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, работал над исследованием этого замечательного памятника праболгаро-аланской культуры. Ежедневно, вместе со всеми, несмотря на тяжелую болезнь, он совершал обходы раскапываемых объектов, давал дельные и весьма ценные советы, радовался открытиям, волновался из-за неудач — жил жизнью и интересами экспедиции. Все ее члены — его молодые коллеги — относились к нему с большим уважением и любовью, ценили его внимание, гордились его одобрением, восхищались мужеством, с которым он, не обременяя окружающих, переносил свою болезнь.

Ст. Ваклинова знали в СССР все археологи и все помнят его как прекрасного, общительного и доброго человека, крупного ученого, остроумного собеседника. Для нас, как и для всех болгарских историков и археологов, его смерть явилась неожиданным и трагическим ударом. Он был полон желания жить и творить, полон новых интересных идей и замыслов. Смерть оборвала их.

Многочисленные ученики, друзья и коллеги Ст. Ваклинова продолжат и завершат начатые им дела и не позволят погаснуть пламени, которое долгие годы освещало им путь. Светлая память о Станчо Ваклинове, крупнейшем ученом и настоящем коммунисте, навсегда останется в сердцах его советских друзей.

С. А. Плетнева

ВАЛЕРИАН ИННОКЕНТЬЕВИЧ ГРОМОВ

От нас ушел очень большой ученый, внесший весомый вклад в развитие нескольких наук, среди которых и археология. Такие ученые появляются нечасто.

От нас ушел большой испытанный друг науки о палеолите.

Советские геологи высоко чтят В. И. Громова как одного из крупнейших специалистов по геологии четвертичного периода. Изучение этого периода в Советском Союзе невозможно отделить от имени В. И. Громова.

Равным образом имя В. И. Громова неотделимо от советского палеолитоведения.

Жизнь В. И. Громова (1895—1978) — пример редкой целеустремленности в науке. Еще тринадцатилетним гимназистом он стал собирать палеонтологические остатки в долине Енисея и в 1912 г. передал Красноярскому музею две коллекции костей четвертичных млекопитающих. В те же годы им была открыта ставшая впоследствии знаменитой палеолитическая стоянка Афонтова Гора II. Определившаяся уже тогда тяга к четвертичной палеонтологии и геологии, к изучению палеолита прошла красной нитью через всю большую жизнь Валериана Иннокентьевича. Развитие животного мира, растительности и климата изучалось им всегда в тесной связи с историей палеолитического человека, его хозяйства и материальной культуры.

Накопление и обработка огромного палеонтологического материала позволили В. И. Громову сделать вывод о неоднородности палеолитической фауны, подразделить ее развитие на вполне определенные этапы и положить фаунистические комплексы и палеолитические памятники в основу стратиграфического деления четвертичного периода. Эти положения блестяще сформулированы в вышедшей в 1948 г. монографии В. И. Громова «Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит)», ставшей настольной книгой для геологов, палеонтологов и археологов-палеолитоведов. За эту работу В. И. Громову была присуждена Государственная премия и премия АН СССР имени Карпинского.

В 20-х годах В. И. Громов — внештатный сотрудник Государственного музея Приенисейского края — принимает участие в археологических раскопках палеолитических стоянок в долине Енисея выше Красноярска. Наиболее важными явились раскопки В. И. Громова совместно с Н. К. Ауэрбахом и Г. П. Сосновским верхнепалеолитической стоянки Афонтова Гора II. Она впервые была раскопана не принятыми в то время траншеями, а широкой площадью, что с тех пор стало практиковаться советскими исследователями палеолита.

В 1926 г. В. И. Громов переезжает в Ленинград и до 1936 г. работает в Государственной Академии истории материальной культуры в качестве научного сотрудника, затем действительного члена Академии. Одновременно в 1927—1929 гг. он проходит аспирантуру в Московском университете и в 1929—1933 гг. работает геологом в ЦНИГРИ. С 1934 г. он — старший ученый специалист, член Института геологических наук АН СССР и ученый секретарь, затем заместитель председателя Четвертичной комиссии Академии наук.

В 1935 г. В. И. Громову была присвоена ученая степень кандидата геолого-минералогических наук, а в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию. В 1936 г. В. И. Громов был переведен в Москву.

В течение многих лет В. И. Громов читал курсы лекций по четвертичным млекопитающим и первобытному человеку в Государственной Академии истории материальной культуры, Московском университете и других высших учебных заведениях.

В те же годы он не прекращал геологических исследований — в бассейнах Ангары, Енисея, Оби, Иртыша, на Каме, Дону, Оке, Десне, в Закавказье, в Южной и Средней Гоби (Монголия).

Начиная с конца 20-х годов В. И. Громов принимает участие в исследованиях палеолита на Русской равнине, на Кавказе, в Приазовье и на Урале совместно с П. П. Ефименко, С. Н. Замятниным, Б. С. Жуковым, М. В. Воеводским, О. Н. Бадером (11 лет на стоянке им. Талицкого на Урале и 20 лет на стоянке Сунгирь под Владимиром). При этом В. И. Громов никогда не ограничивался изучением лишь геологии и биостратиграфии памятников, а пытливо стремился воссоздать черты быта, техники

и идеологии палеолитического человека. Ярким примером такого широкого подхода является написанная В. И. Громовым глава «Палеонтология стоянки Сунгирь и некоторые бытовые особенности жившего на ней человека» в вышедшей в 1966 г. коллективной работе об этой стоянке.

Параллельно с этими исследованиями Валериан Иннокентьевич опубликовал одну из важнейших своих работ «О геологии и фауне палеолита СССР» (М., 1932). Им создана целая школа советских биостратиграфов-четвертичников. Его идеи и его собственная работа принесли огромную пользу многим производственным геологическим организациям, строительствам гидроузлов и даже алмазной промышленности. В течение 30 лет В. И. Громов руководил отделом четвертичной геологии Геологического института АН СССР, почти 40 лет он был заместителем председателя Четвертичной комиссии АН СССР. Он руководил советской четвертичной геологией почти всю свою жизнь. Он автор более 200 печатных работ. За научные заслуги В. И. Громову присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

В последние годы В. И. Громов уделял много внимания вопросу о нижней границе антропогенового периода и проблеме антропогенеза, посвятив этим вопросам несколько работ. Живой и острый ум Валериана Иннокентьевича, его огромная эрудиция делали и эти его работы глубоко интересными и значительными.

Советская археология потеряла в лице Валериана Иннокентьевича не только большого друга, но и человека, деятельно поддерживавшего связь этой науки с четвертичной геологией и палеонтологией. В. И. Громов был глубоким геологом-аналитиком и диагностом и лучшим знатоком стратиграфии палеолита.

О заслугах Валериана Иннокентьевича в науке, ученого с мировым именем, уже много сказано и будет сказано еще больше. Мы часто способны осознать истинную цену человека, только когда его теряем.

Память о В. И. Громове, замечательном человеке и друге, всегда будет жить в сердцах людей, знавших его и работавших с ним.

О. Н. Бадер

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АЛЮР — Археологическая летопись
АМ — Абаканский музей
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БД — Бактрийские древности. Л., 1976
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИЗ — Исторические записки
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР
ИМКУ — Сб.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИНИИК — Известия научно-исследовательского института Кавказоведения. Тифлис
ИООН — Известия Отделения общественных наук
ИРГО — Известия Русского Географического общества
КБН — Корпус боспорских надписей
КД — Каракумские древности. Ашхабад
КМ — Красноярский музей
КС — Книга Степенная Царского родословия. ПСРЛ, т. 21, изд. 1. СПб., 1908
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛЛ — Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. 1, изд. 2. М.— Л., 1926
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по истории Дагестана
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского северо-востока
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАУ — Матеріали з антропології України. Київ
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття и Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ММ — Минусинский музей
МС — Московский свод. ПСРЛ, т. 26, изд. 2. М.— Л., 1949
НиС — Нумизматика и сфрагистика
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОИРК ГЭ — Отдел истории русской культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ООН — Отделение общественных наук
ПВЛ — Повесть временных лет, ч. I, II. М.— Л., 1950
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПЛ — Псковские летописи, т. I, II (Под ред. А. Н. Насонова). М.— Л., 1941, 1955
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РОГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
СА — Советская археология
САн — Советская антропология
САИ — Свод археологических источников
СИХМ — Серпуховский историко-художественный музей
ССб — Скандинавский сборник
ТАИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми

ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ТКМ — Томский краеведческий музей
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии. М.— Л.
ТХАЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
Уз. ФАН — Узбекский филиал Академии наук
Уч. зап. ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХРАМ — Хроника археологii та мистецтва. Київ
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад
AcA — Acta archaeologica. København
BSA — The Annual of the British School at Athens. London
CAJ — Central Asiatic Journal
PA — Przegląd archeologiczný
PZ — Prähistorische Zeitschrift. Berlin
SHI — Scriptores historiae Augustae
SprA — Sprawozdania Archeologiczne. Wroc'aw — Warszawa — Kraków — Gdansk
WAr — Wiadomości Archeologiczne. Warszawa

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная. Сноски также печатаются через два интервала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

I. Книги

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 150.
2. Там же, с. 160.
3. Lacy A. D. Greek pottery in the bronze age. London, 1967; Montelius O. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1906. idem. Die tipologische Methode. Stockholm, 1903.
4. Lacy A. D. Op. cit., p. 12.

II. Журналы и продолжающиеся издания (Труды, Ученые записки, Известия, Сообщения и т. п.)

1. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2, с. 193.
2. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.—Уч. зап. ЛГУ, № 252. Серия истории искусств, вып. 29, 1958; Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
3. Kutscher G. Nordperuanische Keramik,— MA, Bd. 1 1954. Abb. 80; Boul M. l'Art prehistorique dans les Pyrenees. Nouvell decouvert.— L'Anthropologue, 1923, t. 33, № 4, p. 441.

III. Сборники

1. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3; Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— Там же, с. 152.
2. Perkins A. The Relative Chronology of Mesopotamia.— In: Relative Chronologies in Old world Archaeology. Chicago, 1965, p. 145.

IV. Рецензии

Черных Е. Н. Рец.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.— СА, 1976, № 3; Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.— In: East and West. Roma, 1973, vol. 23, № 1—2, p. 204, 205.

V. Авторефераты диссертаций

Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1968; Аскаров А. Низовья Зеровшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962.

VI. Архивные материалы

а) диссертации
Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис. М., 1966. Архив ИА АН СССР, р — 2, № 1959, с. 40.

б) отчеты
Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4876.

в) отчеты за разные годы одного автора
Крушкол Ю. С. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4264, погр. 2, 4; 1970 г. р — 1, № 4310, погр. 23; 1972 г. р — 1, № 4859.

г) повторная ссылка на отчет
Крушкол Ю. С. Ук. отчет за 1970 г., с. 20.

VII. Повторное упоминание работ одного автора

1. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964; его же. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, № 64, 1958, с. 290.
2. Смирнов К. Ф. Меотский могильник..., с. 20.
3. Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10.

VIII. Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

АО — 1969, М., 1970
АИУ — 1970, Киев, 1972
АИМ — 1968, Кишинев, 1970
ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 42.

IX. Оформление сборников типа МИА, КСИА, КСИИМК

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, с. 75 сл.; *Никитин А. Б.* Раскопки в Великом Устюге.— КСИА АН СССР, № 96, 1963; *Белов Г. Д.* Раскопки Херсонеса в 1955 г.— КСИА АН УССР, № 7, 1959; *Киселев С. В.* Лугавская стоянка.— КСИИМК, XXV, 1949.

Сноски печатаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается **постатейная** (сквозная). Сноски печатаются через два интервала (как и текст статьи).

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следет давать на языке оригинала.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страницу машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.04.79 Подписано к печати 28.06.79 Т-11459. Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 29,4 Уч.-изд. л. 31,0 Бум. л. 7,5 Тираж 3460 экз. Зак. 1759

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10